

НАСТОЛЬНАЯ КНИГА ПО МЕДИЙНОМУ САМОРЕГУЛИРОВАНИЮ
выпуск 10

Общественная коллегия
по жалобам на прессу

НАСТОЛЬНАЯ КНИГА ПО МЕДИЙНОМУ САМОРЕГУЛИРОВАНИЮ

Выпуск 10

ОТ «ТРЕТЬЕЙ» КОЛЛЕГИИ К «ЧЕТВЕРТОЙ».
ОБНОВЛЕНИЕ ЗАДАЧ.
НЕИЗМЕННОСТЬ ЦЕЛЕЙ И ЦЕННОСТЕЙ

Под общей редакцией

*кандидата социологических наук Ю.В. Казакова
и доктора юридических наук, профессора М.А. Федотова*

ISBN 978-5-6044704-4-2

9 785604 470442

Москва - 2020

**Общественная коллегия
по жалобам на прессу**

**НАСТОЛЬНАЯ КНИГА
ПО МЕДИЙНОМУ
САМОРЕГУЛИРОВАНИЮ**

Выпуск 10

**ОТ «ТРЕТЬЕЙ» КОЛЛЕГИИ К «ЧЕТВЕРТОЙ».
ОБНОВЛЕНИЕ ЗАДАЧ. НЕИЗМЕННОСТЬ ЦЕЛЕЙ
И ЦЕННОСТЕЙ**

Под общей редакцией
кандидата социологических наук Ю.В. Казакова
и доктора юридических наук, профессора М.А. Федотова

Москва – 2020

Издание осуществлено с использованием гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов, при организационном содействии АНО «Творческий центр ЮНЕСКО», научном обеспечении Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам и при информационно-правовой поддержке компании «КонсультантПлюс».

Настольная книга по медийному саморегулированию. Вып. 10. От «третьей» Коллегии к «четвертой». Обновление задач, неизменность целей и ценностей. Под ред. к. социол. н. Ю.В. Казакова и д.ю.н. проф. М.А. Федотова. – М.: Мозартика, 2020. – 412 с.

В десятом выпуске *Настольной книги по медийному саморегулированию* собраны решения, принятые Общественной коллегией в 2019 – 2020 годах, решения территориальных коллегий по жалобам на прессу и материалы ежегодной конференции коллегии (май 2020 г.), в рамках которой было проведено последнее заседание «третьей» Коллегии (2015 – 2020 гг.) и оглашены результаты выборов в «четвертую» Коллегию (2020 – 2025 гг.). Выпуск содержит раздел, посвящённый двум инновационным разработкам Коллегии: «новомедийному стандарту», трансформировавшемуся по ходу работы над ним в проект рекомендаций для блогера, и модели «медиаэтической медиации». Раздел «Справочные материалы и документы» включает в себя списки членов нового состава Палат Коллегии и списки организаций, принимавших участие в выборах 2020 года, а также нормативные и ориентирующие документы самой Коллегии, российских и международных журналистских союзов, а также два документа международной Сети организаций медийного саморегулирования (СОМС), в которой России представляет Общественная коллегия по жалобам на прессу.

Книга предназначена для журналистов, редакторов, деятелей медиаиндустрии, представителей сетевых изданий, блогеров, а также преподавателей и студентов факультетов журналистики и права. Особую категорию потенциальных адресатов издания составляют те граждане и представители тех организаций, которые, обнаружив себя задетыми публикацией, выберут для разрешения информационного спора способ эффективный, но не разрушающий основ свободы слова в России и укрепляющий гражданский контроль над СМИ: обращение к институту медийного саморегулирования в лице конкретного российского органа само- и сорегулирования – Общественной Коллегии по жалобам на прессу.

Handbook on Media Self-Regulation. 10th issue. From the «Third» Collegium to the «fourth». Renewal of objectives, permanence of goals and values.

Edited by Ph.D. in social sciences Y.V. Kazakov and Doctor of Law prof. M.A. Fedotov.

Moscow: Mozartika, 2020. - 412 p.

The tenth edition of the *Handbook on Media Self-Regulation* contains decisions made by the Public Collegium in 2019 – 2020, decisions of territorial collegiums on complaints against the press and materials of the annual conference of the Collegium (May 2020), within which the last meeting of the «Third» Collegium (2015 – 2020) was held and the results of the elections to the «Fourth» Collegium (2020 – 2025) were announced. The book contains a section dedicated to two innovative developments of the Collegium: the «new media standard», which was transformed into draft recommendations for a blogger, and the «media ethical mediation» model. The section «Reference materials and documents» includes lists of members of the new composition of the two Chambers of the Collegium and lists of organizations that took part in the elections of 2020, as well as regulatory and guiding documents of the Collegium itself, Russian and international journalistic unions, as well as two documents of the international network of media organizations Self-Regulation (SOMS), in which Russia is represented by the Public Press Complaints Collegium.

The book will be helpful for journalists, editors, media industry figures, representatives of online media, bloggers, as well as tutors and students of journalism and law faculties. A special category of potential addressees of the publication is made up of those citizens and representatives of those organizations who, finding themselves offended by the publication, will choose an effective method for resolving an information dispute, but not destroying the foundations of freedom of speech in Russia and strengthening civil control over the media: an appeal to the institution of media self-regulation represented by a specific Russian self- and co-regulation body – Public Press Complaints Collegium

Михаил Федотов¹

Место саморегулирования в расширяющейся вселенной медиа

В начале была печать. С этого началась вселенная медиа и дальше она только расширялась, рождая всё новые и новые средства массовой коммуникации или, если короче, массовые коммуникации.

Впрочем, до печати были еще и другие средства массовой коммуникации: во-первых, письменные (рукописи, исполненные на папирусе или бересте, глиняные, медные или деревянные таблички и т. д.), а во-вторых, устные. Коринна Куле пишет, что в Древней Греции граждане, а иногда и другие проживающие в государстве-полисе группы посещали некоторое количество пространств коммуникации: «В их число входят агора, или общественная площадь, святилища, театр, гимнасий. Есть в полисах и места политической коммуникации: собрания, советы, суды, органы, носящие иногда разные названия в зависимости от государства»². Конечно, по своим масштабам эти виды коммуникации можно считать массовыми только в соотношении с масштабами самих древнегреческих городов-полисов.

В Древнем Риме также существовали средства коммуникации. Как отмечает специалист в области протожурналистики Л.В. Лыткина, «в период консульства Юлия Цезаря (100–44 гг. до н. э.) появились первые рукописные газеты. Их предшественницами были так называемые афиши, или надписи. ...Афиши не исчезли до конца империи и служили орудием гласности»³.

С именем Юлия Цезаря связано появление двух рукописных газет: ежедневной «Дела Сената» (*Acta Senatus*), где публиковались сообщения об основных политических событиях, государственных церемониях, сенатских совещаниях, и еженедельной «Заметки о новых событиях», суммарный тираж которой мог доходить до 10,5 тыс. экземпляров (в Риме было много недорогих переписчиков, грамотных рабов). В свою очередь, сборщики новостей, именуемые диурнариями (*diurna* – ежедневный), составляли сводки сообщений, компиляции (*compilatio* – хищение, грабеж, собрание документов), где важная информация могла соседствовать с повседневной. Так постепенно формировалась практика официальной газеты Древнего Рима «Дела общественные» (*Acta publica*), позднее переименованной в «Ежедневные дела римского народа» (*Acta diurna populi romani*), просуществовавшей до V века⁴.

Естественно, по мере возникновения массовой коммуникации постепенно формировались и социальные регуляторы, призванные, прежде всего, оградить общественные интересы, как бы по-разному они ни определялись, от посягательств со стороны нарождающихся СМИ. Одним из этих регуляторов стал закон, другим – этика или, точнее, доминирующие в общественном сознании представления о добре и зле, грехе и добродетели.

Поистине массовый характер коммуникация смогла приобрести благодаря изобретению Иоганном Гутенбергом в 1450-х годах печатному прессу. Но периодическая печать появилась лишь спустя почти два века: 30 мая 1631 года во Франции начала издаваться *La Gazette*. И по мере того, как расширялись возможности изготавливать на бумаге тексты

¹ Федотов Михаил Александрович – сопредседатель Общественной коллегии по жалобам на прессу, руководитель Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам НИУ ВШЭ, доктор юридических наук, профессор.

² Куле К. СМИ в Древней Греции: сочинения, речи, разыскания, путешествия... / Пер. с франц. С. В. Куланды. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 49.

³ Лыткина Л.В. История протожурналистики древних цивилизаций. Часть 2. Типы коммуникаций эллинистических государств и Древнего Рима / Управленческое консультирование, № 7, 2016. С. 180.

⁴ См.: Буасье Г. Газета Древнего Рима // История печати: Антология. М.: Аспект Пресс, 2008. С. 5–32; Почекаев Р.В. История связей с общественностью. СПб: Питер, 2007; Саламон Л. Всеобщая история прессы // История печати: Антология. Т. I. – М.: Аспект Пресс, 2002. С. 63–194.

и изображения всё чаще и во всё большем количестве копий, периодическая печать как средство массовой коммуникации постепенно, от века к веку, приобретала всё более массовый характер.

Естественно, чем более авторитетными и влиятельными становились средства массовой коммуникации, тем выше оказывалась потребность в социальных регуляторах их функционирования. Едва ли не первым это понял император Тиберий (42 г. до н. э. – 37 г. н. э.), посчитавший, что *Acta Senatus* подрывают его политический имидж, и потому повелевший закрыть издание. Разумеется, такой во всех смыслах ненормативный акт трудно признать социальным регулятором в современном понимании этого явления, однако не будем забывать, что каждая эпоха и каждый народ устанавливают собственные стандарты свободы, гуманизма, справедливости и медиаэтики. В этой связи сошлемся на постановление Европейского Суда по правам человека от 18 октября 2005 г. о приемлемости жалобы № 5446/03 по делу «Стефан Лоран Перрен против Соединенного Королевства», где говорится: «Сегодня, как и во время вынесения Постановления по делу “Хэндисайд против Соединенного Королевства”⁵, невозможно определить среди многообразия правовых и социальных порядков Договаривающихся Сторон единую европейскую концепцию нравственности. Мнения относительно требований морали изменяются во времени и в пространстве, особенно в нашу эпоху, которую характеризует масштабная эволюция взглядов по данному вопросу. Вследствие прямого и непрерывного контакта с жизнеутверждающими силами своих государств внутригосударственные органы находятся в принципиально лучшем по сравнению с судьей международного органа положении, позволяющем выражать мнение о точном содержании данных требований, а также о необходимости “ограничения” или “наказания”, которые должны отвечать этим требованиям»⁶.

Разумеется, правовое регулирование в сфере печати изначально развивалось в логике запретов, лицензий и цензуры, что вполне соответствовало мрачному духу Средневековья. Что же касается отраслевого саморегулирования, то его зачатки, видимо, следует искать во внутренних правилах ремесленных цехов, объединявших печатников Нового времени. Постепенно дух Возрождения и Просвещения проник и в сферу массовых коммуникаций. Проник, как с тех пор и повелось, с невероятным трудом, поскольку, чтобы убедить общество и государство в целебных свойствах свободы печати, нужно сначала усыпить бдительность цензуры.

Этот приём вполне удался шведскому публицисту и философу Петеру Форсколю, опубликовавшему в 1759 году под контролем государственного цензора-либрорума⁷ Нильса Эльрейха трактат «Мысли о гражданской свободе». Рассуждая в духе современной ему теории естественного права, Форсколь писал: «Жизнь и сила гражданской свободы продолжает существовать ради её же блага в *ограниченном Правительстве и неограниченной свободе публикаций*; но только устанавливается строгая ответственность за всё написанное, что, без сомнений, будет признано неприличным и содержит кощунство против Бога, злые слова в адрес тех или иных людей и призывает следовать очевидным порокам. <...> Свобода должна поэтому охраняться свободой. Принуждение и подавление недовольных вводит ее в крайнюю степень опасности, вне зависимости от того, имеют ли они повод для недовольства или нет. Поэтому мудрое Правительство даёт народу возможность высказать своё недовольство с помощью ручек и бумаги, а не с помощью оружия, что, с одной стороны, проясняет ситуацию, а с другой – успокаивает и предотвращает шум и беспорядки»⁸.

⁵ Постановление Европейского Суда по правам человека от 7 декабря 1976 г. по делу «Хэндисайд (Handyside) против Соединенного Королевства» (жалоба № 5493/72).

⁶ Решение Европейского Суда по правам человека от 18 октября 2005 г. о приемлемости жалобы № 5446/03 по делу «Стефан Лоран Перрен против Соединенного Королевства». // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Электронное периодическое издание. 2016. № 6 (30). С. 16–23.

⁷ *Censor Librorum* (лат.) – книжный цензор.

⁸ Форсколь П. Мысли о гражданской свободе. Перевод оригинала рукописи с комментариями. – М.: Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2010. С. 14–15.

Естественно, когда брошюра с трактатом разошлась в читающем обществе, она вызвала переполох в коридорах власти. В результате цензора отстранили от работы, а книгу – правда, только через год – запретили и найденные при обыске 79 экземпляров (из тиража в 500 экземпляров) уничтожили.

Но на этом злключения шведской цензуры не закончились. Благодаря конкуренции между ветвями власти уволенный Эльрейх вскоре вернулся в кресло цензора и еще какое-то время продолжал цензурировать рукописи параллельно со своим бывшим ассистентом. А тем временем был назначен новый цензор, который, однако, так и не смог приступить к исполнению своих обязанностей. В конечном итоге Риксдагу надоела эта неразбериха и он принял единственно правильное решение: отменил цензуру и издал Акт о свободе печати. Как отмечает Томас Фон Вегесак, «уникальность закона 1766 года о свободе печати заключалась, в первую очередь, не в упразднении должности цензора. Такая же история уже случилась в Англии в 1695 году. В отличие от всех прежних законов, этот представлял собой не подсчет препятствий, которые писатель должен был принимать во внимание на пути к публикации своей рукописи, нет, он возводил защитную стену, ограждавшую его от удовольствия властей возводить на его пути всё новые преграды и препятствия»⁹.

Этот закон от 2 декабря 1766 года именовался «Его Королевского Величества Милостивый Указ Относительно Свободы Писательства и Свободы Слова». Он отменял предварительную цензуру¹⁰ в отношении всей печатной продукции, кроме академических и теологических трудов, а также запрещал – под страхом крупных штрафов – богохульство, клевету и выражение сомнений в законности властей, и, что было принципиально ново, гарантировал доступ к официальным государственным документам.

Дальнейшая судьба шведского Закона о свободе печати не была безоблачной. Уже в 1767 году в Закон внесли поправку, запретившую критику парламентских дебатов, а в 1790 году объявили незаконной публикацию в газетах любой информации о революционных событиях во Франции. Всего же к 1844 году накопилось около двух десятков поправок, едва ли не каждая из которых сокращала пространство свободы печати. Видимо, еще в XVIII веке в законодательство о массовой коммуникации был занесен некий ген (или вирус?), сохраняющий свою устойчивость и в XXI веке: сначала, на волне демократических преобразований (в шведскую историю период между 1719 и 1772 годом вошел под названием «эра свободы»), принимается Закон о свободе массовой коммуникации, чтобы всё последующее время подвергаться постепенному, но неуклонному ужесточению.

Например, Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. «О средствах массовой информации», охарактеризованный Президентом РФ В. В. Путиным в 2006 году как «один из самых либеральных в мире»¹¹, подвергся первым изменениям еще в 1995 году¹², и с тех пор около 50 федеральных законов вносили в него поправки. В результате в первоначальном виде

⁹ Фон Вегесак Т. Зарисовка прошлого. // Форссколь П. Указ. соч. С. 40–41.

¹⁰ Шведский Акт о свободе печати 1766 года, ставший одной из составных частей Конституции, по праву считается старейшим в мире законом о СМИ, хотя в Англии цензура прекратила своё существование значительно раньше – в 1695 году, после победы «Славной революции» и вступления на престол Вильгельма Оранского.

¹¹ Путин В.В. Выступление на церемонии открытия 59-го Всемирного газетного конгресса, 5 июня 2006 года. – <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23614>.

¹² Первая попытка изменения Закона «О СМИ» в сторону ужесточения, ограничения свободы выражения мнений и права на информацию была предпринята Девятым (внеочередным) Съездом народных депутатов РФ и Верховным Советом РФ в 1993 г. Поправки предусматривали создание Федерального наблюдательного совета с функциями цензуры в государственных телерадиокомпаниях и информационных агентствах. Эти нормативные правовые акты были приостановлены Указом Президента РФ Б. Н. Ельцина от 5 декабря 1993 г. № 2093 «О мерах по защите свободы массовой информации в Российской Федерации», как сказано в документе, «в целях защиты свободы массовой информации, недопущения создания и финансирования организаций, учреждений, органов или должностей, в задачи либо функции которых входит осуществление цензуры». Именно такая ответственность предусмотрена статьей 58 Закона «О СМИ»: «Обнаружение органов, организаций, учреждений или должностей, в задачи либо функции которых входит осуществление цензуры массовой информации, влечет немедленное прекращение их финансирования и ликвидацию в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации». – Собрание актов Президента и Правительства РФ, 06.12.1993, № 49. Ст. 4765.

сохранились всего 22 статьи, или значительно меньше трети от входящих ныне в состав Закона 76 статей (62 статьи первоначального текста плюс 18 новых статей минус 4 статьи, утративших силу).

Характерно, что больше всего поправок было внесено в статью 4 «Недопустимость злоупотребления свободой массовой информации»: она подвергалась изменению 13 раз. И каждый раз понятие злоупотребления свободой массовой информации становилось всё шире и шире, а пространство свободы, соответственно, всё уже и уже. При этом не было пока ни одного случая, чтобы законодатель расширял понятие ущемления свободы массовой информации, содержащееся в статье 58 Закона «О СМИ», или вводил предусмотренную здесь «уголовную, административную, дисциплинарную или иную ответственность» в соответствующие кодексы.

Пример Швеции примечателен не только старейшим в мире законом о свободе печати, но и старейшим в мире органом медийного саморегулирования – Советом по делам прессы, основанным в 1916 году. Сегодня в мире насчитывается несколько десятков подобных органов, занимающихся рассмотрением жалоб на СМИ и журналистов. Большинство из них объединены в Европейский Альянс независимых советов по делам прессы (Alliance of Independent Press Councils of Europe, AIPCE), включая – на правах наблюдателей – органы медийного саморегулирования из Австралии, Азии, Африки, Америки.

Обращает на себя внимание, что правовое регулирование и профессионально-этическое саморегулирование в медийной сфере нередко переплетаются, поскольку оба социальных регулятора исходят из одних и тех же универсальных представлений о праве на информацию и свободу выражения мнений. Показательно в этом плане, что некоторые древнеримские постулаты – например, «*Audiat et altera pars*», «*Nemo iudex in causasua*» или «*Cogitationis poenam nemo patitur*»¹³ – в равной степени применимы в сфере права и в сфере профессиональной журналистской этики. В одном из концептуальных материалов ЮНЕСКО прямо говорится об органической связи права и профессиональных стандартов в журналистике: «Свобода печати, право на информацию и устойчивое развитие представляют собой три элемента, взаимосвязанных между собой посредством журналистики, рассматриваемой как право на свободное выражение мнений, реализуемое в рамках журналистской деятельности на основе профессиональных стандартов и с учетом интересов общества в качестве важнейшего ориентира такой деятельности»¹⁴.

Профессионально-этические подходы порой попадают и в законодательство о массовой коммуникации. Мы уже неоднократно обращали внимание на профессионально-этический генезис многих норм, закрепленных в российском Законе «О СМИ» и касающихся прав и обязанностей журналиста¹⁵. Сошлемся также на пример Швеции. В ныне действующей редакции Акта о свободе печати закреплено следующее правило: «Лицо, в обязанности которого входит вынесение решения по поводу злоупотребления свободой печати или обеспечение иным путем выполнения данного Акта, должно всегда иметь в виду, что свобода печати является основой свободного общества, и всегда должно обращать больше внимания на противозаконность темы и смысла, чем на формы их выражения, больше на цель, чем на манеру изложения, а в случае сомнения – скорее оправдывать, чем осуждать» (§ 4). Представляется, что данное правило в полной мере применимо и по отношению к нарушениям профессиональных медийных стандартов. Это еще раз подтверждает обоснованность гипотезы о конвергенции социальных регуляторов в медийной сфере.

¹³ «Должна быть выслушана и другая сторона», «Никто не судья в собственном деле», «Никто не может быть наказан за мысли» – лат.

¹⁴ ЮНЕСКО. Концептуальная записка «Доступ к информации и основные свободы. Это ваше право! Всемирный день свободы печати 3 мая 2016 года» –

http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/CI/CI/pdf/WPFD/WPFD2016_Concept-Note_RU.pdf.

¹⁵ См.: Федотов М.А. Право массовой информации в Российской Федерации. – М.: Международные отношения, 2002. С. 12–16.

Впрочем, некоторые профессионально-этические требования вряд ли возможно и целесообразно воплотить в правовые предписания ввиду того, что, будучи выражены языком закона, они приобретут значительную дозу правовой неопределенности, которая, в свою очередь, прокладывает путь к выборочному правоприменению, то есть к произволу. Конституционный Суд РФ неоднократно отмечал, что «неопределенность содержания правовой нормы не может обеспечить ее единообразное понимание, ослабляет гарантии защиты конституционных прав и свобод, может привести к нарушению принципов равенства и верховенства закона; поэтому самого по себе нарушения требования определенности правовой нормы, влекущего ее произвольное толкование правоприменителем, достаточно для признания такой нормы не соответствующей Конституции Российской Федерации».¹⁶

Согласно правовой позиции высшего органа конституционного правосудия, «правовая норма должна отвечать общеправовому критерию формальной определенности, вытекающему из принципа равенства всех перед законом и судом (статья 19, части 1 и 2, Конституции Российской Федерации), поскольку такое равенство может быть обеспечено лишь при условии ясности, недвусмысленности нормы, ее единообразного понимания и применения всеми правоприменителями; напротив, неопределенность правовой нормы ведет к ее неоднозначному пониманию и, следовательно, к возможности ее произвольного применения, а значит – к нарушению принципа равенства всех перед законом и судом».¹⁷

В качестве примера приведем профессионально-этическое требование беспристрастности, которое М. В. Ломоносов сформулировал следующим образом: «Чтобы быть в состоянии произносить искренние и справедливые суждения, нужно изгнать из своего ума всякое предубеждение, всякую предвзятость и не требовать, чтобы авторы, о которых мы беремся судить, рабски подчинялись мыслям, которые властвуют над нами, а в противном случае не смотреть на них как на настоящих врагов, с которыми мы призваны вести открытую войну»¹⁸. Но можно ли такое требование закрепить законодательно? Думается, нет – по тем самым причинам, которые были изложены выше.

Попытки имплантировать профессионально-этические требования в законодательство о СМИ неоднократно предпринимались депутатами Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Например, весной 2015 года был внесен законопроект № 797226-6 «Об общественных советах по содействию защите нравственности в средствах массовой информации в Российской Федерации», который предусматривал, что такие структуры, образуемые представительными органами государственной власти, «рассматривают конфликты, возникающие в случаях выпуска в эфир или публикации информации, унижающей достоинство человека, искажающие исторические традиции и обычаи народов России, разрушающие нравственные устои общества»¹⁹. К счастью, пока все подобные инициативы российскому гражданскому обществу удавалось блокировать, однако их повторяемость не может не беспокоить.

Предпринимались и попытки законодательно ввести саморегулирование в медийной сфере через систему СРО – саморегулируемых организаций, функционирующих в различных сферах предпринимательской деятельности²⁰. Как впоследствии отмечал профессор И.Е. Дискин, «вполне очевидно, что решение этой проблемы вряд ли возможно путем установления нормативно-правовых ограничений. Скорее, здесь речь может идти о создании специализированного круга “качественных” СМИ, обращающихся к вполне рационализированной аудитории и избегающих манипулятивных средств. Регулирование их функционирования возможно на основе создания определенного кодекса “качественных

¹⁶ См. постановления Конституционного Суда РФ от 25.04.1995 № 3-П, от 05.07.2001 № 11-П, от 06.04.2004, № 7-П, от 20.12.2011, № 29-П и др.

¹⁷ См. постановления Конституционного Суда РФ от 11.11.2003 № 16-П и от 21.01.2010 года № 1-П.

¹⁸ Ломоносов М. В. Рассуждения об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенных для поддержания свободы философии. // http://www.journ.msu.ru/about/lomonosov/journ_about.php

¹⁹ <https://sozd.duma.gov.ru/bill/797226-6>.

²⁰ Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях». // Собрание законодательства РФ. 03.12.2007. № 49. Ст. 6076.

СМИ», поддержание норм которого может осуществляться средствами саморегулирования. При всей логичности такого подхода, барьером здесь выступает неутешительная практика функционирования действующих СРО. Как представляется, выходом здесь могло бы стать привлечение к руководству соответствующих СРО представителей сред, не связанных с текущими коммерческими интересами СМИ, более того, возможно даже и не с функционированием СМИ, но представляющих более широкий круг общественных интересов»²¹. Представляется, что эта идея вполне созвучна существующему механизму формирования Палаты медиа-аудитории Общественной коллегии по жалобам на прессу.

Впрочем, идея государственного участия в формировании негосударственных органов, призванных разрешать споры, связанные с соблюдением медиаэтических стандартов, имеет и своих сторонников. Так, по мнению профессора Е. Л. Вартановой и ее коллег, «в некоторых странах в законах прописаны основные принципы саморегулирования, в то время как их проработка, детализация и реализация на практике ложится на плечи представителей медиа. <...> Иногда журналисты и государство совместно создают регулирующий орган в сфере СМИ – например, аудиовизуальный совет Офком (Ofcom, Office of Telecommunications) в Великобритании. Практика показывает, что участие государства в формировании института саморегулирования масс-медиа нередко бывает оправданным»²².

В нашей стране также имелся подобный опыт: Третьейский информационный суд при Президенте РФ, просуществовавший всего несколько месяцев и трансформировавшийся в Судебную палату по информационным спорам при Президенте РФ (1993–2000), был государственным органом, образованным главой государства с привлечением в его состав неформализованных представителей медийного сообщества²³. В пользу признания Судебной палаты государственным органом говорит не только соответствующая формулировка президентского указа, но и тот факт, что ее решения по рассматриваемым информационным спорам были окончательными, а государственные органы и их должностные лица должны были в двухнедельный срок докладывать об исполнении этих решений. Палата даже имела право «вносить в суд представления о прекращении» выпуска СМИ, что, однако, противоречило Закону «О СМИ», согласно которому с подобным иском имел право обращаться только регистрирующий орган.

В то же время в пользу признания Палаты органом медийного саморегулирования говорит тот факт, что она могла «объявлять замечание журналисту, нарушающему общепринятые этические нормы», а при разрешении информационных споров должна была руководствоваться, помимо прочего, требованиями «норм журналистской этики, в части, касающейся средств массовой информации». На практике Палата показала себя достаточно эффективным, независимым и беспристрастным арбитром в информационных спорах – может быть, именно поэтому жизнь ее оказалась недолгой.

По мере того, как вселенная медиа расширялась – сначала за счет информационных агентств и радио, потом – телевидения, ныне – онлайн-медиа, раздвигались границы правового и профессионально-этического регулирования сферы массовых коммуникаций. При этом оно всё более выходило за пределы национальных границ, поскольку сами коммуникации становились всё более трансграничными. С одной стороны, именно трансграничность массовых коммуникаций, а с другой – признание прав человека в качестве универсальной международной ценности предопределили появление в прошлом веке международно-

²¹ Дискин И.Е. Дискуссия по Закону «О СМИ»: заметки институционалиста. – Труды по интеллектуальной собственности. № 3–4. 2019. С. 74.

²² Раздел 19. Анализ международного и отечественного опыта создания и функционирования института саморегулирования в информационном сообществе (под ред. Е. Л. Вартановой) // https://rkn.gov.ru/docs/Razdel_19.pdf

²³ В состав Судебной палаты по информационным спорам при Президенте РФ входили журналисты И.Ю. Еремин, А.К. Копейка, Ю.В. Феофанов, а также медиаюристы А.Б. Венгеров (председатель в 1993–1998 гг.), В.Н. Монахов (председатель в 1998–2000 гг.) и М.В. Панярская. // Указ Президента РФ от 31 декабря 1993 г. № 2335 «О Судебной палате по информационным спорам при Президенте Российской Федерации». – Собрание актов Президента и Правительства РФ. 10.01.1994. № 2. Ст. 75.

правовых норм и документов «мягкого права» в качестве социальных регуляторов в медийной экосистеме.

Неудивительно, с учетом уже упомянутой выше гипотезы о конвергенции социальных регуляторов, что международные документы «мягкого права» коснулись и вопросов профессиональной журналистской этики. В качестве примера можно привести Резолюцию ПАСЕ 1003 (1993) о журналистской этике, которая, помимо изложения важнейших профессионально-этических принципов (разграничение новостей и комментариев, недопустимость сокрытия действительных фактов, конфиденциальность источников, уважение частной жизни и т. д.), предложила некий абрис механизма медийного саморегулирования: «С целью контроля за соблюдением этих принципов должны быть созданы саморегулирующие органы или механизмы, объединяющие ассоциации издателей, журналистов, пользователей СМИ, научных экспертов и судей; на них будет возложена обязанность по изданию резолюций, призывающих к уважению этических заповедей в журналистике, а СМИ должны публиковать данные резолюции. Это поможет гражданам, имеющим право на получение информации, выработать позитивное или негативное мнение о работе журналистов и о кредите доверия им»²⁴.

Уже в этом документе почти 30-летней давности Парламентская ассамблея Совета Европы обратила внимание на расширяющиеся масштабы массовых коммуникаций. Здесь упоминаются СМИ, «усиленные новейшими технологиями», где процесс предоставления информации «всё в большей мере основывается на использовании новых технологий, скорости и краткости». Однако представить себе, что субъектами массовой коммуникации смогут стать миллионы людей, соединенные глобальными информационно-коммуникационными сетями – на это фантазии у депутатов-членов ПАСЕ не хватило.

Осознание расширяющейся вселенной медиа привело к формированию концепции «нового понятия СМИ». В соответствующей Рекомендации Совета Европы Rec(2011)7 отмечается, что «развитие информационно-коммуникационных технологий и их применение в массовых коммуникациях привело к значительным изменениям в медийной экосистеме, в широком смысле охватывающей всех участников и факторы, взаимодействие которых позволяет СМИ функционировать и выполнять свою роль в обществе. <...> Новые формы включают в себя беспрецедентные уровни взаимодействия и участие пользователей, предоставляя новые возможности для демократической гражданственности. Новые системы способствуют также участию пользователей в творческом процессе и в распространении информации и контента, затушевывая тем самым границы между государственными и частными формами коммуникаций. Присущие СМИ формы редакционной практики стали более многообразными, приобретая новые формы и процедуры и приводя к новым результатам»²⁵.

Действительно, взрывное развитие информационно-коммуникационных технологий привело к появлению в медийной экосистеме новых субъектов массовой коммуникации, которые теперь на равных конкурируют с традиционными СМИ, в том числе перенимая их экономические модели и профессиональные стандарты, модернизируя их и приспособливая к собственным нуждам в реалиях киберпространства. Речь идет, прежде всего, о появлении информационно-посреднических структур (агрегаторы контента, социальные сети, операторы платформ и сервисов и т. д.), а также о многократном приумножении числа конечных пользователей, становящихся не только потребителями, но и производителями информационных услуг. Однако, как подчеркивает профессор А. Г. Рихтер, «если мы приравняем всех авторов в Интернете к журналистам, то получим тот же эффект, который

²⁴ <https://presscouncil.ru/teoriya-i-praktika/dokumenty/750-rezolyutsiya-parlamentskoj-assamblei-soveta-evropy-1003-1993-o-zhurnalistskoj-etike>.

²⁵ Рекомендация CM / Rec (2011) 7 Комитета министров Совета Европы государствам-членам о новом понятии СМИ. Принята Комитетом министров 21 сентября 2011 года на 1121-м заседании постоянных представителей министров. // <https://www.refworld.org.ru/publisher>.

возникает, если разбавить каплю чернил в стакане воды: не стакан чернил, а подкрашенная вода, использовать которую для письма невозможно. <...> Когда каждый становится журналистом, журналистом не является никто»²⁶.

При этом нередко информационно-посреднические структуры²⁷ становятся не только «маршрутизаторами» информационных услуг, но и присваивают себе право устанавливать правила пользования созданными ими коммуникационными пространствами, невзирая на то, что сами эти пространства уже приобрели характер среды обитания многих миллионов людей. Как отмечается в Декларации Комитета министров Совета Европы «О защите свободы выражения мнения и свободы объединения в связи с деятельностью частных интернет-платформ и провайдеров интернет-услуг» от 7 декабря 2011 года, «несмотря на то, что данные платформы управляются в частном порядке, они являются значительной частью публичной сферы благодаря содействию в обсуждении вопросов, представляющих общественный интерес. В некоторых случаях они могут выполнять, подобно традиционным средствам массовой информации, роль социального «сторожевого пса» и демонстрируют свою полезность в обеспечении позитивных реальных изменений». В то же время в Декларации выражается озабоченность тем, что частные интернет-компании «не защищены от неправомерного вмешательства, и их решения иногда обусловлены прямым политическим давлением или политически мотивированным экономическим давлением, когда они ссылаются на обоснование в виде соблюдения условий предоставления услуг. <...> Эти события демонстрируют, что свобода слова в Интернете подвергается испытанию по-новому и может стать жертвой действий, предпринимаемых частными интернет-платформами и поставщиками интернет-услуг»²⁸.

Таким образом, мы наблюдаем появление нового социального регулятора, не имеющего в своем генезисе ни государственную власть, ни гражданское общество, но способного серьезно влиять на деятельность индивидуальных и коллективных акторов в пространстве массовой коммуникации.

Другой отличительной особенностью этого социального регулятора является то, что установленные информационно-посреднической структурой правила пользования ее услугами действуют, как правило, без участия человека, автоматически, благодаря программным алгоритмам и основанным на их использовании технологиям искусственного интеллекта. Иными словами, программный код в реалиях киберпространства становится своего рода «источником права», а также «правоприменителем» с функциями надзора, контроля, рассмотрения претензий, принятия, вынесения и исполнения решений. Естественно, сюда попадают и функции цензуры, несмотря на ее запрет конституциями многих стран мира. Отсюда следует высокая ответственность программистов как создателей алгоритмов и их заказчиков, ошибки, халатность или злой умысел которых могут иметь катастрофические последствия, особенно в ситуациях, когда информационно-посредническая структура обеспечила себе доминирующую позицию на национальном уровне или даже в глобальном масштабе.

Наряду с появлением в пространстве массовой коммуникации и резким ростом значимости нового социального регулятора – программного кода, наблюдается стагнация правового регулирования в данной сфере. В большой степени это явилось результатом трансграничности информационно-коммуникационного пространства, допускающего эффективное правовое регулирование только при условии, что оно будет столь же

---

²⁶ Рихтер А.Г. Правовые основы интернет-журналистики: Учебник. – М.: Издательство ИКАР, 2014. С. 54.

²⁷ В данном контексте речь не идет об информационном посреднике в том смысле, который ему придает статья 1253.1 части 4-й Гражданского кодекса РФ, где под информационным посредником понимается «лицо, осуществляющее передачу материала в информационно-телекоммуникационной сети, в том числе в сети Интернет, лицо, предоставляющее возможность размещения материала или информации, необходимой для его получения с использованием информационно-телекоммуникационной сети, лицо, предоставляющее возможность доступа к материалу в этой сети».

²⁸ Прецеденты Европейского Суда по правам человека: Электронное периодическое издание. 2018. № 1 (49).

трансграничным. Необходима международная конвенция, которая, во-первых, установила бы зоны национальной юрисдикции в Интернете по аналогии, например, с Арктикой; во-вторых, установила бы общие правила локализации норм национального законодательства в киберпространстве, в том числе во времени и по кругу лиц; в-третьих, признала бы право каждого на доступ к киберпространству в качестве одного из прав человека; в-четвертых, установила бы правила соблюдения в Интернете международных конвенций о правах человека, а также других международных конвенций. Однако, как показывает практика международных отношений, перспективы заключения всеобщей конвенции, регулирующей деятельность в Интернете, к которой присоединились бы все страны мира, остается весьма туманной.

Даже к такому, казалось бы, остро необходимому каждому государству документу, как Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации 2001 года (Конвенция о киберпреступности), присоединились пока только 65 стран, включая три государства-члена Совета безопасности ООН – Великобританию, США и Францию. А Дополнительный протокол к этой Конвенции, касающийся уголовной ответственности за проявления расизма и ксенофобии в компьютерных сетях, ратифицировали и того меньше – всего 32 государства, а из членов СБ ООН – только Франция.

Кстати, в 2005 году по предложению МИД России, согласованному с Минюстом, МВД, Мининформсвязи, ФСБ, СВР и Генпрокуратурой России, наша страна присоединилась к этой Конвенции путем ее подписания.²⁹ При этом Российская Федерация сделала, в частности, следующее заявление: «Российская Федерация исходит из того, что положения пункта b статьи 32 Конвенции сформулированы таким образом, что не исключается возможность такого их толкования и применения, которые не соответствуют, в частности, целям и принципам, изложенным в абзацах девятом и десятом преамбулы Конвенции, и могут нанести ущерб суверенитету и национальной безопасности государств-участников, правам и законным интересам их граждан и юридических лиц.

В связи с изложенным Российская Федерация определится в вопросе о своем участии в Конвенции при условии возможного пересмотра положений пункта b статьи 32 в порядке, предусмотренном пунктом 3 статьи 46 Конвенции, либо в ином порядке, избранном Сторонами.

Российская Федерация выражает готовность к сотрудничеству с государствами-членами Совета Европы и иными подписавшими Конвенцию государствами в решении данной проблемы на основе уважения и соблюдения целей и принципов Конвенции».

Российская инициатива не встретила понимания со стороны других участников Конвенции, и проблемный пункт b статьи 32 Конвенции³⁰ сохранился в неизменном виде, в связи с чем Российская Федерация в 2008 г. вышла из Конвенции.³¹

В отсутствие международно-признанных основ правового регулирования деятельности в киберпространстве национальные законодатели чаще всего прибегают к самому простому и прямолинейному ответу на распространение в киберпространстве нежелательной информации – блокировке доступа к информационным ресурсам. Однако сетевая природа Интернета и быстро развивающиеся технологии беспроводного доступа позволяют при желании легко обходить эти блокировки. Чтобы стать действительно эффективными, такие блокировки должны выйти за пределы национальных юрисдикций и обрести глобальный

---

²⁹ Распоряжение Президента РФ от 15.11.2005 № 557-рп «О подписании Конвенции о киберпреступности». – Собрание законодательства РФ. 21.11.2005, № 47, ст. 4929.

³⁰ Пресловутый пункт b статьи 32 Конвенции предоставлял государству-участнику право без согласия другого государства-участника «получать через компьютерную систему на своей территории доступ к хранящимся на территории другой Стороны компьютерным данным или получать их, если эта Сторона имеет законное и добровольное согласие лица, которое имеет законные полномочия раскрывать эти данные этой Стороне через такую компьютерную систему».

³¹ Распоряжение Президента РФ от 22.03.2008 № 144-рп «О признании утратившим силу Распоряжения Президента Российской Федерации от 15 ноября 2005 г. № 557-рп “О подписании Конвенции о киберпреступности”».

характер. Но такое невозможно или, во всяком случае, крайне маловероятно, пока нет универсальной международно-правовой платформы и одна и та же информация может квалифицироваться национальными законодательствами диаметрально противоположными характеристиками.

В сложившейся ситуации интересные перспективы открываются перед саморегулированием интернет-сообщества. Еще в мае 1999 года Совет Европы принял Декларацию о европейской политике в области новых информационных технологий, в которой поставил задачу с помощью регулирования и саморегулирования обеспечивать уважение прав человека и человеческого достоинства в условиях «перехода информационных сетей на цифровой формат, их конвергенции и продолжающейся глобализации»³².

В 2001 году тема саморегулирования в киберпространстве получила развитие в Рекомендации Совета Европы NR(2001)8 «О вопросах саморегулирования виртуального содержания (саморегулирование и охрана пользователей от противоправного или причиняющего вред содержания новых информационных и коммуникационных услуг)». Среди изложенных в этом документе принципов и механизмов саморегулирования указывается, в частности, на необходимость государственной поддержки саморегулируемых организаций, объединяющих провайдеров услуг, провайдеров содержания и пользователей, подвигая их к созданию кодексов поведения и мониторингу их соблюдения.

Рекомендация предлагала набор «признаков вредного содержания» (содержание, включающее в себя насилие и порнографию, поощряющее использование табака или алкоголя, азартных игр и т. д.), заслуживающего специальной маркировки, с тем чтобы позволить пользователям «принимать собственные суждения относительно такого содержания». Рекомендация предлагала провайдерам создавать: а) механизмы фильтрации содержания, которые могли бы применяться пользователями добровольно; б) механизмы условного доступа, предохраняющие несовершеннолетних от вредного для них содержания; в) системы жалоб на содержание (т. н. горячие линии).

Особо отмечалась важность создания на национальном уровне «добровольных, справедливых, независимых, доступных и эффективных органов или процедур для несудебного посредничества, равно как и механизмов арбитража для разрешения споров по вопросам о содержании»³³.

Следующий шаг на пути поддержки институтов саморегулирования в расширяющейся вселенной медиа Совет Европы сделал в Рекомендации NCM/Rec(2012)3 «О защите прав человека применительно к поисковым системам» от 4 апреля 2012 года. Наибольший интерес представляет здесь тезис, согласно которому саморегулирование провайдеров поисковых систем достойно поддержки, но оно «может граничить с вмешательством в права других людей». Логично предположить, что в данном случае Совет Европы рассматривает устанавливаемые провайдерами правила пользования их услугами как средство саморегулирования. С таким допущением трудно согласиться. Однако можно полностью солидаризироваться с авторами Рекомендации в том, что данный механизм должен быть «прозрачным, независимым, отчетливым и эффективным», а ИТ-отрасли следует развивать «кодексы саморегулирования для выполнения гарантий защиты основных прав физических лиц»³⁴.

В духе рекомендаций Совета Европы, касающихся ответственности интернет-посредников, выдержана и деятельность различных некоммерческих организаций и инициатив, выступающих за обеспечение безопасности детей в Интернете, укрепление защиты меньшинств в онлайн и т. д.³⁵). В этих альянсах и коалициях участвуют такие

³² Дипломатический вестник. 1999. № 6. С. 37–39.

³³ См.: Совет Европы и Россия. Сборник документов. – М.: Юридическая литература. 2004. С. 877–881.

³⁴ Рекомендация Комитета министров Совета Европы NCM/Rec(2012)3 «О защите прав человека применительно к поисковым системам» от 4 апреля 2012 года. // СПС КонсультантПлюс.

³⁵ See: Self-Regulation for a Better Internet for Kids // <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/self-regulation-and-stakeholders-better-internet-kids>.

крупные интернет-компании, как Apple, BskyB, BT, Dailymotion, DeutscheTelekom, Facebook, FranceTelecom – Orange, Google, Hyves, KPN, LibertyGlobal, LG Electronics, Mediaset, Microsoft, Netlog, Nintendo, Nokia, OperaSoftware, ResearchInMotion, RTL Group, Samsung, Skyrock, Stardoll, Sulake, Telefonica, TeliaSonera, TelecomItalia, TelenorGroup, Tuenti, Vivendi, Vodafone и др. В частности, эти компании предоставляют своим пользователям возможность настроить по желанию специальную систему фильтрации при использовании соответствующих сайтов, организуют горячие линии с пользователями для приема их жалоб, в том числе на вредный контент в Интернете.

В представлении Совета Европы современная медийная экосистема «включает в себя всех участников, связанных с производством и распространением среди потенциально большого количества людей контента (например, информации, анализа, комментариев, мнений, образования, культуры, искусства и досуга в печатной, аудио, визуальной, аудиовизуальной или иной форме) и способы применения, которые направлены на то, чтобы содействовать интерактивным массовым коммуникациям (например, в социальных сетях) или другой основанной на контенте широкомасштабной интерактивной деятельности (например, игры в режиме онлайн), при этом сохраняя (во всех этих случаях) редакционный контроль или надзор над контентом»³⁶. Именно так Совет Европы предлагает отныне определять понятие «средства массовой информации». При этом формулируются критерии, призванные обеспечить «градуированный и дифференцированный подход к участникам, подпадающим под новое определение СМИ».

Если настолько кардинально изменилась медийная экосистема, то, видимо, должно хоть как-то меняться и медийное саморегулирование. Можно предположить, что в сфере традиционных СМИ институт саморегулирования сложился как система самоограничения акторов в целях защиты собственной относительной независимости от экспансии государственного регулирования. Бенефициаром такого саморегулирования является, с одной стороны, гражданское общество, которое получает, во-первых, более ответственные источники массовой информации, а во-вторых, альтернативный, внесудебный способ разрешения информационных споров с медийными структурами на созданных ими же площадках. В числе благоприобретателей оказываются и медийные организации, поскольку часть претензий аудитории, связанных с распространяемым СМИ контентом, удается урегулировать без вмешательства государственных органов – при том что такое вмешательство, как правило, оказывается достаточно грубым, прямолинейным и не учитывающим все тонкости и деликатные моменты производства и выпуска средств массовой информации. Как указывают профессор Е. Л. Вартанова и ее коллеги, «говоря современным языком, саморегулирование – это признание медиабизнесом своей “социальной ответственности” в условиях законодательно гарантированной свободы слова. В обмен на свою независимость от государства СМИ дают обязательства обществу поддерживать с ним диалог, своевременно реагировать на его запросы и не упускать из виду проблемы, вызывающие обеспокоенность общества»³⁷.

Данный подход вполне применим не только к традиционным СМИ, но и к такому относительно новому актору медийной экосистемы, который в российском законодательстве именуется «сетевыми изданиями» и определяется как «сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет», зарегистрированный в качестве средства массовой информации» (статья 2 Закона «О СМИ»). Здесь налицо все признаки СМИ в «новом понимании», поскольку сам закон требует, чтобы у сетевого издания обязательно была редакция, а следовательно, обеспечивался редакционный контроль контента.

³⁶ Рекомендация CM/Rec(2011)7 Комитета министров Совета Европы государствам-членам о новом понятии СМИ. Принята Комитетом министров 21 сентября 2011 года на 1121-м заседании постоянных представителей министров. // <https://www.refworld.org/publisher>.

³⁷ Раздел 19. Анализ международного и отечественного опыта создания и функционирования института саморегулирования в информационном сообществе (под ред. Е. Л. Вартановой) // https://rkn.gov.ru/docs/Razdel_19.pdf

Предложенная Советом Европы концепция «нового понимания СМИ» предполагает дифференцированный и градуированный подход, с тем «чтобы каждый участник, услуги которого определены как СМИ или как посредническая или вспомогательная деятельность, получал преимущества как от соответствующей формы (дифференцированной), так и соответствующего уровня (градуированного) защиты, и чтобы ответственность также разграничивалась в соответствии со статьей 10 Европейской конвенции о защите прав человека и иными соответствующими стандартами, разработанными Советом Европы».

Для решения поставленной задачи Рекомендация CM/Rec(2011)7 предлагает шесть критериев, каждый из которых опирается на набор индикаторов, призванных, как сказано здесь, помочь «политическим руководителям определять СМИ и деятельность в сфере СМИ в новой экосистеме». При этом «все критерии (и индикаторы) должны применяться гибко, то есть толковаться в контексте конкретных ситуаций или реальностей». Однако подобное возможно только в правоприменении, но не в нормотворчестве, которое в противном случае возвращается к утраченной много веков назад казуальности и субъективности.

Рассмотрение каждого из предлагаемых в Рекомендации CM/Rec(2011)7 критериев в контексте существующего и гипотетически возможного регулирования и саморегулирования медийной сферы показывает, насколько большое значение в обретении статуса СМИ должно иметь саморегулирование. Как указывается в Приложении к Рекомендации, «некоторые индикаторы, такие, как те, которые связаны с профессиональными стандартами и этикой СМИ, относятся более чем к одному критерию».

Критерий 1 «Намерение действовать в качестве СМИ» предполагает такие индикаторы, как «Самоопределение в качестве СМИ», «Рабочие методы, типичные для СМИ», «Приверженность стандартам профессиональных СМИ». Данный критерий носит, прежде всего, субъективный характер, поскольку опирается исключительно на собственное позиционирование того или иного актора медийной сферы. В этом плане он вполне соответствует закрепленному в статье 8 Закона «О СМИ» принципу добровольной регистрации интернет-сайтов в качестве СМИ: «Сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет может быть зарегистрирован как сетевое издание в соответствии с настоящим Законом. Сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, не зарегистрированный в качестве средства массовой информации, средством массовой информации не является».

С точки зрения рассматриваемой Рекомендации, намерение действовать в качестве СМИ «может выражаться в форме утверждения определенной редакционной политики или принятия обязательства соблюдать профессиональные и этические стандарты, которые являются типичными для СМИ». Напротив, для российского Закона «О СМИ» достаточно заявления о регистрации интернет-сайта в качестве средства массовой информации. Такой подход, безусловно, является более формальным, но одновременно и более четким, повышающим юридическую определенность возникающих информационных правоотношений.

Критерий 2 «Цель и основные задачи СМИ» содержит индикаторы, которые созвучны признакам средства массовой информации, упоминаемым в российском Законе «О СМИ»: «Производить, агрегировать или распространять медиаконтент» и «Периодическая замена и обновление контента». Напомним, что согласно статье 2 Закона «О СМИ» «под средством массовой информации понимается... форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием)». Таким образом, единственный формальный критерий, который упущен в анализируемой Рекомендации Совета Европы, – это постоянство названия СМИ.

Критерий 3 «Редакционный контроль» опирается на такие индикаторы, как «Редакционная политика», «Редакционный процесс», «Регулирование» и «Редакционные работники». Очевидно, что сохранение и развитие редакционной свободы или независимости (в терминологии российского Закона «О СМИ» – «профессиональная самостоятельность редакции») абсолютно необходимы для обеспечения гарантированных конституцией свободы

мысли и слова, свободы мнения, свободы массовой информации. Соответственно, редакционная независимость имеет своей обратной стороной собственный редакционный контроль за производством и выпуском СМИ и надзор за содержанием и ответственностью материалов, размещаемых пользователями.

Критерий 4 «Профессиональные стандарты» наиболее тесно связан с институтом медийного саморегулирования. Он предполагает следующие индикаторы: «Обязательство», «Процедуры соблюдения» и «Процедуры жалоб». При этом в анализируемой Рекомендации подчеркивается позитивная роль многочисленных заявлений, хартий и кодексов журналистской этики, а также внутрикorporативных редакционных кодексов, регулирующих поведение сотрудников и ориентирующих их в отношении процедур сбора и обработки информации. В качестве профессиональных стандартов новой медийной экосистемы Рекомендация называет следующие: «правдивость, ответственность, свобода выражения мнения и СМИ, равенство, справедливость и журналистская независимость». Рекомендация предлагает выявлять наличие этого признака в «заявлениях о задачах, в нормах, регулирующих поведение сотрудников, а также в постановлениях и условиях пользования. Определенное значение могут иметь подбор сотрудников, доверяемые им задачи, рекомендации в отношении их работы или их профессиональная карьера или навыки».

В Рекомендации подчеркивается, что этические принципы, деонтология и стандарты СМИ и журналистов являются основой для всех систем подотчетности СМИ перед обществом. Сами же эти системы могут быть разнообразны: «советы СМИ или советы по делам прессы, уполномоченные (включая служебных адвокатов по делам пользователей), неформальные межколлегияльные (СМИ) обзоры и ряд официальных или неофициальных процессов, которые позволяют обеспечивать подотчетность СМИ в отношении их работы или путем проведения этических аудитов». Эти системы распространяются на процедуры жалоб в отношении распространяемого контента и включают в себя наличие органов, в задачу которых входит «рассмотрение жалоб и принятие решения о соблюдении профессиональных стандартов».

Еще один индикатор, указываемый в Рекомендации применительно к Критерию 4, – «Утверждение прерогатив, прав или привилегий». Однако представляется, что данный индикатор является не столько признаком, сколько следствием официальной легитимации данного актора медийной экосистемы в качестве средства массовой информации. Так, согласно статье 2 российского Закона «О СМИ», журналист наделяется профессиональными правами и обязанностями только в том случае, если он занимается «редактированием, созданием, сбором или подготовкой сообщений и материалов для редакции *зарегистрированного* средства массовой информации», будучи связан с ней трудовыми или иными договорными отношениями либо занимаясь «такой деятельностью по ее уполномочию».

Критерий 5 «Сфера охвата и распространение» носит ярко выраженный информационно-технологический характер. Он опирается на такие индикаторы, как «Реальное распространение», «Массовые коммуникации в агрегированном виде» и «Ресурсы для сферы охвата».

Наконец, **Критерий 6 «Ожидания общества»** предполагает следующие индикаторы: «Доступность», «Плюрализм и многообразие», «Надежность», «Соблюдение профессиональных и этических стандартов», «Подотчетность и транспарентность». Очевидно, что для того, чтобы средства массовой информации могли выполнять свою роль одного из столпов демократии, они должны завоевать доверие общества. В свою очередь, доверие общества зависит от редакционной политики, прозрачности отношений собственности и контроля, наличия профессиональных и этических стандартов, процедуры рассмотрения жалоб в отношении контента и т. д.

«Однако, – указывается в Рекомендации, – саморегулирование может не всегда рассматриваться как достаточное условие, и люди ожидают, что минимальные стандарты будут гарантироваться государственными органами». С подобной позицией трудно

согласиться, поскольку она противоречит неоднократно подтвержденному на площадках ООН, ЮНЕСКО, ОБСЕ и Совета Европы принципу: «Профессионально правильные методы журналистской работы являются наиболее эффективной гарантией от правительственных ограничений и давления со стороны особо заинтересованных групп. Любые попытки установления норм и руководящих принципов должны исходить от самих журналистов»³⁸. Эта же мысль прослеживается и в Глобальной Хартии этики журналистов, принятой на XXX Всемирном Конгрессе МФЖ в Тунисе 12 июня 2019 года и представляющей собой обновленную версию Декларации принципов поведения журналистов (1954 г.), известной как «Декларация Бордо». Здесь заявляется: «В рамках законодательства каждой страны журналист признает в вопросах профессиональной чести юрисдикцию независимых и открытых для общества органов саморегулирования, чтобы исключить любое вмешательство со стороны правительств или иных правящих структур».

Подводя итог краткому анализу концептуальной позиции Совета Европы по вопросу о новом понятии СМИ, подчеркнем, что предлагаемые критерии и индикаторы могут успешно использоваться, прежде всего, структурами медийного саморегулирования при решении вопроса о том, вправе ли они рассматривать жалобы на те или иные информационные онлайн-ресурсы. Они позволяют выйти за пределы традиционно использовавшегося в практике Общественной коллегии по жалобам на прессу формального подхода, согласно которому жалобы на интернет-сайты принимаются к рассмотрению только в том случае, если эти сайты зарегистрированы в качестве сетевых изданий в соответствии с Законом «О СМИ».

Однако остается вопрос: возможно ли распространение нового, комплексного подхода на случаи поступления в Коллегию жалоб на блогеров? Рекомендация CM/Rec(2011)7 предлагает исходить из того факта, что «кодексы поведения или этические стандарты для блогеров уже были приняты, по крайней мере в части журналистского сообщества в Интернете. Тем не менее блогеры должны рассматриваться в качестве СМИ только в том случае, если они в достаточной степени отвечают установленным критериям».

При этом представляется очевидным, что как журналист может быть блогером (например, газетный репортер может совершенно самостоятельно, вне всякой связи со своей редакцией, вести блог в той или иной социальной сети), так и блогер может не быть журналистом. Согласимся с А. Г. Алтуняном в том, что «блогер работает на себя, продвигает себя, “продает” себя. Журналистика же выработала стандарт объективного освещения событий. Журналист представляет и “продает” прежде всего информацию»³⁹. Есть и другое принципиальное отличие: журналист в своей деятельности по поиску, сбору, обработке и распространению информации, будучи связан требованиями Закона «О СМИ» и профессиональной этики, реализует *право граждан на информацию*, а блогер, не будучи связан указанными регуляторами, реализует *свое право на свободу выражения*. В то же время они оба обеспечивают реализацию *свободы массовой информации*.

С учетом сказанного выше представляется целесообразным внести соответствующие дополнения в Устав Общественной коллегии по жалобам на прессу. Необходимо предусмотреть, в частности, право Коллегии принять к рассмотрению жалобу, касающуюся содержания информационного ресурса, не зарегистрированного в качестве средства массовой информации, если сам этот ресурс соответствует основным признакам средства массовой информации, определяемым с учетом Рекомендации CM/Rec(2011)7.

Такая новелла тем более актуальна сейчас, когда IV созыв (2020–2025) Общественной коллегии по жалобам на прессу только приступил к работе. В выборах, проходивших весной 2020 года и завершившихся оглашением итогов 26 мая 2020 года, приняли участие 110 кандидатов, претендовавших на 25 мест в каждой из палат. В качестве избирательной

³⁸ Софийская Декларация ЮНЕСКО. Европейский семинар по укреплению независимых и плюралистических средств информации (особенно в странах Центральной и Восточной Европы), 13 сентября 1997 г. // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/sofiadec.html.

³⁹ Алтунян А. Г. От «глобальной деревни» к «информационным хуторам». Журналистика в эпоху перемен. – М.: Университетская книга, 2019. С. 190.

комиссии, обеспечившей тайну голосования и точный подсчет голосов, выступила Высшая школа государственного аудита (факультет) Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

В Палату медиасообщества 35 медийных организаций выдвинули 61 кандидата. Помимо традиционных участников выборных процедур – Союзов журналистов России и Москвы, Национальной ассоциации телерадиовещателей (НАТ), Гильдии издателей периодической печати (СППИ-ГИПП), издательских домов «Московский комсомолец» и «Новая газета», Ассоциации независимых региональных изданий (АНРИ) и др., – в выборах приняли участие Издательский дом «Аргументы и факты», МИА «Россия сегодня», АРС-Пресс, Профсоюз журналистов и работников СМИ, сетевое издание «Лениздат.ру», фонд «Академия российского телевидения» и т. д. В результате состав Палаты медиасообщества обновился на 44 %.

В новый состав Палаты медиааудитории 43 организации выдвинули 49 кандидатов. Как и в 2015 году, в выборах участвовали Общественная палата РФ, Совет судей РФ, Федеральная палата адвокатов, Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, Московская Хельсинкская группа, ФНПР и др. Среди новых участников процесса формирования Коллегии оказались АНО «Институт прав человека», Ассамблея народов России, Фонд поддержки слепоглухих «Со-единение», Авторский центр «Мир семьи», Конфедерация труда России и т. д. Выборы позволили обновить состав Палаты медиааудитории на 40 %.

Уже первые информационные споры, рассмотренные новым составом Коллегии, показали, что ее новые члены ответственно и профессионально относятся к принятым на себя непростым обязанностям в области медийного саморегулирования. Несмотря на то, что заседания ad hoc коллегии проходили – по причине пандемии коронавируса – в формате онлайн-конференций, в обоих случаях был обеспечен максимально допустимый кворум (15 членов Коллегии), все стороны рассматриваемых информационных споров получили возможность представить свои аргументы, а итоговые решения были приняты консенсусом и в установленные сроки.

В 10-м выпуске «Настольной книги по медийному саморегулированию» заинтересованный читатель найдет все решения, принятые Общественной коллегией по жалобам на прессу за время, прошедшее после выхода в свет 9-го выпуска, а также многие другие материалы, касающиеся развития саморегулирования в медийной экосистеме нашей страны.

РАЗДЕЛ 1. ОБЩЕСТВЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ В РЕШЕНИЯХ

От составителя

Основная задача вводящего в раздел – выделить в нём главное, обратить внимание на самое важное и наиболее интересное в том массиве решений Коллегии и мнений её экспертов, в который читателю этого, уже десятого выпуска ещё только предстоит погружаться.

На майской конференции Коллегии 2020 года, упомянув о том, что 12 решений из 86 принятых «третьей» Коллегией с мая 2015 года, относятся, на мой взгляд, к *прецедентным*, я посчитал полезным сказать о трёх из этих двенадцати. О двух из трёх, опубликованных до сих пор только на сайте Коллегии, обязательно скажу ниже. (Решение по третьей из упомянутых жалоб вошло в девятый выпуск «Настольной книги по медийному саморегулированию».) А знакомить читателя с годом, который прожила Общественная коллегия, начну не с частного, пусть даже и прецедентного, а с самого общего.

Для начала предложу присмотреться к тематическому многообразию обращений в Коллегию, фокусируя внимание на том, что именно побуждало заявителей – очень разных, заметим, – высказывать, в сущности, общее для всех предположение. Его суть: свобода слова, свобода массовой информации использована журналистами и редакциями СМИ не так, как должно. Не по правилам, не честно, не справедливо, а то и вовсе во зло конкретному человеку, живым существам, обществу в целом.

Вот в Коллегию обращается мать, потерявшая сына: да можно ли так писать о гибели человека?

Вот управляющий бюджетной гостиницы утверждает, что опубликовавшие о ней как бы критический материал вставили в сюжет фрагмент, отснятый в другом хостеле, а общие слова чиновника о нарушении в Москве санитарных норм произвольно включили в конкретный контекст, «привязали» к объекту своего внимания.

Вот Коллегию просит помочь разобраться в характере регулярно появляющихся текстов конкретного СМИ депутат, против которого в представляемом им регионе этим СМИ развязана информационная (дезинформационная) кампания.

Вот в Коллегию обращается Совет судей одной из республик: публикация журналиста известной газеты расценена как попытка вмешательства в деятельность правосудия и оказания давления на руководство Арбитражного суда этой республики.

Вот Коллегия получает вторую жалобу на конкретного блогера, регулярно публикующего на своём YouTube-канале как бы расследовательские сюжеты, в которых едва ли не во всех мыслимых грехах обвиняются представители выделенного им из всех других народа.

Вот граждане, равнодушные к животным и к тому, что с ними происходит, подают в Коллегию две жалобы, полагая недопустимыми позиции авторов публикаций в популярном журнале и специального репортажа на федеральном телеканале.

Вот в Коллегию за защитой от публичного навета обращаются обманутые дольщики из двух регионов, отстоящих один другого на тысячи километров.

Вот на очередную публикацию о своём учении в Коллегию в очередной же раз жалуются представители религиозной группы «Московская саентологическая церковь». А вот житель Сургута выражает несогласие с публикациями о деятельности религиозной организации «Свидетели Иеговы» – «запрещённой в России», как напоминает на заседании представитель адресата одной из двух его жалоб.

Отходя ровно на этом месте от представления тематического ряда (а здесь он далеко не полон, поскольку в этом разделе опубликованы 17 решений), обращаю внимание на самую главную проблему, с которой Коллегия продолжает сталкиваться как с *непреодолимым препятствием*: на продолжающийся «заговор молчания» тех, кого Коллегия в своих решениях именуется «адресатами жалоб». Руководство редакций тех СМИ, чьи публикации, как полагают заявители, содержат достаточно грубые нарушения норм и правил профессиональной этики журналиста, упорно отказывается обсуждать такие публикации на заседаниях Общественной

коллегии, либо совсем не отвечая на её информационные письма с приглашениями на них, либо отвечая отказом, далеко не всегда объясняющим причины такого решения.

Сургутская жалоба, на заседании по которой позицию своего СМИ представлял первый заместитель главного редактора информагентства «Интерфакс» – совсем уже редкое исключение из дурных правил, устанавливающихся и распространяющихся (давайте называть вещи своими именами) в медиасреде *проседающей*, утрачивающей признаки как *профессионализма как такового*, так и *верности журналистской профессии, журналистскому долгу*. Один из показателей такой просадки и такой утраты – безразличие (не суть важно, настоящее или показное, демонстративное) к тому, как именно твоя публикация воспринимается теми, кого она задевает или может задеть, и как она оценивается органом медийного саморегулирования.

Чтобы стало понятно, о чём именно речь, – вот фрагменты из решений Коллегии по конкретным жалобам.

Вот Коллегия напоминает тем, кто опубликовал на сайте популярного издания информацию о гибели роллера под колёсами автомобиля, смешав жанры, потоптавшись по личной жизни человека, который замолчал навсегда, и чуть ли не объявляя его виновным в собственной смерти, азбучное, прописное, но не принятое в расчёт публикаторами: «...Погибший уже не может ответить на *сплетню* о его частной жизни, на определённую, негативную окраску ситуации, связанной с его разводом, в частности, Коллегия обращает внимание на то, что фон сказанного в заметке о “роллере” заметно контрастирует с фоном представления автором водителя автомобиля: скорости не превышал, не скрылся с места происшествия, вызвал экстренные службы, впал в шоковое состояние. Контраст образов, вольно или невольно созданный в итоге журналистом, ставит под сомнение ожидаемую от представителя новостной журналистики *беспристрастность* как основу *добросовестного* подхода к описанию и пониманию самой ситуации происшествия». (*Решение № 199*)

Вот Коллегия, рассмотрев жалобу управляющего гостиницей, выносит вердикт: «Обращая внимание на сугубо диффамационный характер вставного фрагмента, Коллегия делает вывод о том, что создатели оспоренного сюжета под видом *критического материала*, защищающего одновременно и интересы жителей конкретного дома, и общественные интересы, предложили аудитории программы “Вести”, прежде всего, фальшивую, фейковую информацию о хосписе на ул. Правды». И далее: «Сам факт использования в видеоматериале ложной вставки, призванной создать заведомо негативное отношение к объекту внимания авторов материала, по мнению Коллегии, если и не снимает все остальные вопросы к адресату жалобы как несущественные, то, по точному выражению одного из членов Коллегии, “закрывает сюжет; больше по нему спорить не о чем, потому что это совершенно недопустимо”. Сказанное позволяет расценить сюжет как заведомо расходящийся с представлениями о добросовестности журналиста». (*Решение № 200*)

Вот Коллегия, рассматривая обращение Совета судей Республики Дагестан по поводу публикации в газете «Черновик», выражает сожаление о том, что представители редакции не приняли участия в заседании и не позволили тем самым реализовать принципиальный для Коллегии подход *Audiat et altera pars* («Да будет выслушана и другая сторона»). Коллегия даёт оспоренной публикации оценку, которая, конечно же, не порадует уважаемое независимое издание, поскольку «признаёт безусловной профессиональной ошибкой журналиста и редакции обобщающее предваряющее статью утверждение о “потворствовании судебной системы Дагестана недобросовестным государственным заказчиком” и соглашается с заявителем в том, что не подкреплённое аргументами и фактами обобщение такого рода является диффамационным в основе и потому этически недопустимым». Но Коллегия не была бы Коллегией, если бы за пунктом, содержащим признание ошибки журналиста, не последовал пункт, уточняющий вопрос о правилах взаимоотношений журналистов и судей: «Коллегия в очередной раз подчеркивает, что уважение к праву на справедливое судебное разбирательство, гарантированное статьей 6 Европейской конвенции о правах человека, предполагает уважение журналиста к институту суда, но отнюдь не означает запрета или

ограничений на критику конкретного судебного органа, конкретного судьи или конкретного судебного решения, пусть и благополучно прошедшего все этапы апелляционной и кассационной судебной проверки». (*Решение № 201*)

Вот в решении по обращению 16 журналистов г. Санкт-Петербурга, связанному с появлением в программе «Вести с Алексеем Казаковым» на телеканале «Россия 24» пасквиля, призванного опорочить депутата питерского Заксобрания Бориса Вишневецкого, Коллегия, цитируя своего эксперта, говорит о ведущем и его партнере не как о телевизионных журналистах, но как о «*медиатехнологах*, соавторах медиатекста, создаваемого для очернения репутации политика». А основные особенности оспоренного сюжета описывает следующим образом: «Первая: телеканал, входящий в государственное унитарное предприятие ВГТРК, оказался вовлечён в *региональную* информационную кампанию, характер которой в упомянутом заявлении Секретариата Союза журналистов СПб и ЛО определён как несовместимое со статусом журналиста тиражирование дезинформации. Вторая: влиятельный федеральный телеканал, с его охватом российской территории и многомиллионной аудиторией, занял в этой кампании место очевидно не рядового актора, не просто ретранслятора, но и усилителя того *преследовательского* импульса, который по элементам закладывался и формировался инициаторами конкретной информкампании, начиная с самой первой публикации nation-news.ru от 7 ноября 2019 г.». (*Решение № 205*)

Вот в решении по жалобе на ряд выпусков на YouTube-канале «Журналистских расследований Евгений Михайлова» Коллегия напоминает о документе (мы его всегда именовали «Рекомендациями проф. Ратинова»⁴⁰), относящем к *направленным на возбуждение ненависти и вражды* высказывания, содержащие:

- перенос различного рода негативных характеристик и пороков отдельных представителей на всю группу;
- приписывание всем представителям группы стремления следовать тем древним обычаям, верованиям, традициям, которые негативно оцениваются современной культурой;
- утверждения о природном превосходстве одной группы и неполноценности или порочности других;
- приписывание враждебных действий и опасных намерений одной группы по отношению к другой;
- возложение вины и ответственности за деяния определенных представителей на всю группу;
- утверждение об изначальной враждебности определенной группы по отношению к другим;
- утверждения о полярной противоположности и несовместимости интересов одной группы с интересами других;
- утверждение о наличии тайных планов, заговоров одной группы против другой;
- объяснение бедствий и неблагополучия в прошлом, настоящем, будущем существованием и целенаправленной деятельностью определенных групп. (*Решение № 207*)

Останавливаю себя, говорю: вводящий читателя в раздел не может и не должен ни пересказывать всех решений, опубликованных в нём, ни извлекать из этих решений фрагменты, пытаюсь уверить читателя в том, что именно они в решении самые главные. Читатель, если ему интересна тема, во всём разберётся сам – положившись на собственные знания, нравственное чутьё, здравый смысл, на оценку того же эксперта Коллегии.

Очень на это надеюсь, сказать по правде.

Перед тем как перейти к обещанным прецедентным жалобам, три общих реплики.

Первая: просмотрев все семнадцать решений, т. е. пройдя по следам семнадцати обращений в Коллегию, вы не найдёте ни одного информационного спора, в основании которого не лежал бы предмет *общественного интереса*.

---

⁴⁰ Александр Рувимович Ратинов – д. ю. н., известный психолог, в 90-х годах прошлого века руководил в НИИ Генпрокуратуры России экспертной группой, разработавшей этот документ в его базовом виде.

Среди рассмотренных Коллегией были жалобы попроще, были потруднее, но не было проходных.

Вторая реплика: три последних жалобы, рассмотренные членами уже не «третьей», достаточно опытной Коллегии, принимавшей решения с мая 2015 по май 2020 года, а новой, «четвертой», ещё только начинающей складываться в устойчивое образование, показывают, что организации, которые участвовали в выборах двух Палат Коллегии в 2020 году, предложили кандидатуры новичков вполне достойных, достаточно подготовленных к новой для них миссии. Не могу пока судить обо всех, говорю только о тех, что принимали консенсусом со «старичками» решения №№ 213–215.

Третья реплика, в продолжение второй: замечательно, что у «четвёртой» Коллегии сохраняется костяк, определяющий преемственность представлений о ценностях, о журналистских нормах, о традициях и правилах Коллегии, в том числе неписаных.

Говорю это сам себе как человек, которому в сентябре проводить два заседания теперь уже «четвёртой» Коллегии, одним из которых будет третья по счёту и ровна такая же по направленности, что и две предыдущих, жалоба А. Ю. Кривошеева, жителя Сургута. Очень надеюсь, что решение по заведомо сложной тематически жалобе будут принимать коллеги, имеющие опыт и навык рассмотрения обращений представителей религиозных организаций, существующих, в том числе, определённно не в тепличных условиях.

Не забегая вперёд, замечу, что первая жалоба г-на Кривошеева была Коллегией рассмотрена в варианте, полностью соответствующем уставным представлениям и положениям: с участием в заседании высокого представителя Информационного агентства «Интерфакс» (*Решение № 214*). А вот вторая жалоба – на публикацию телеканала «Сургут 24» – была оставлена Коллегией без рассмотрения, поскольку, как было сказано в *Решении № 215*, «заявитель прибег для разрешения данного информационного спора к иным правовым процедурам». Прочитав это решение (так случилось, что заседания 212–215 были мной пропущены по уважительным причинам), понимаю, что заявитель, подписавший с Коллегией Соглашение⁴¹, содержащее формулу «Заявитель гарантирует, что на момент подачи жалобы в Общественную коллегию он не пытается разрешить информационный спор, вызвавший его обращение в Общественную коллегию, в судебном, ином правовом или административном порядке», в итоге обратился по поводу той же публикации в прокуратуру г. Сургута. Говорю «в итоге», поскольку Коллегия в данном случае явно «передержала» обращение, не дала ответа заявителю в тот разумный срок, которого требует её Устав. Но итоговой ситуации по жалобе это признание изменить не может, поскольку заявитель, обратившись в прокуратуру, обращения своего из Коллегии не отозвал.

Ровно на этой неприятной, но вполне себе уставной ситуации – на оставлении жалобы без рассмотрения – перехожу к тем двум жалобам, которые отношу к *прецедентным*.

Первая – жалоба Ирины Жучковой (Петербург) на, в общем-то, сугубо позитивную, преисполненную эмпатии публикацию о себе и о своей проблеме (публикация была связана с онкологическим заболеванием заявителя⁴²) журналиста сетевого издания РИА «Новости». Не буду пересказывать ни текста, на который пожаловалась заявитель, ни всей истории её взаимоотношений по случаю, что называется, с этим самым сетевым изданием, – это всё легко находится на сайте Коллегии. Скажу только, что тут очевидно нерядовой случай: молодая женщина с тяжелейшим дефектом речи обвиняет журналиста в том, что многое в публикации додумано или даже придумано. И что публикация увидела свет вопреки её воле, несмотря на предпринятую ею попытку не допустить появления материала в том виде, в каком он вышел. И уточню, что масштаб настоящего затруднения для Коллегии этот нерядовой случай

---

⁴¹ Соглашение о признании профессионально-этической юрисдикции Коллегии. Его подписание обязательно для того, чтобы Коллегия начала работать с поступившим обращением.

⁴² Уточняю это обстоятельство как не просто не скрываемое заявителем, но рассматриваемое им как фактор объединения многих и многих.

приобрёл не тогда даже, когда сетевое издание РИА «Новости» письмом своего главного редактора А. В. Гавриловой уведомило орган само- и саморегулирования о том, что «не признаёт профессионально-этическую юрисдикцию Общественной коллегии по жалобам на прессу», – эта-то ситуация Уставом Коллегии предусмотрена как досадная, но не крайняя⁴³. Крайней ситуация обнаружилась в тот конкретный момент заседания, когда заявитель, с которой мы переписывались под запись, допустила возможность своего обращения в суд, по контексту – в случае, если решение Коллегии её не устроит.

Всё, что оставалось мне как председательствующему, – это переспросить: правильно ли услышано сказанное? И, прочитав подтверждение, прервать заседание на том основании, что мы столкнулись с ситуацией, предусмотренной п. 6.5 Устава Коллегии. («Коллегия воздерживается от рассмотрения информационного спора, если он уже урегулирован, разрешен или разрешается в судебном или ином правовом порядке, либо любой из его участников намерен решить данный спор в судебном или ином правовом порядке. Моральное обязательство не обращаться в суд или иные государственные органы для разрешения данного информационного спора является неотъемлемой частью Соглашения о признании профессионально-этической юрисдикции Коллегии».)

Когда бы не прошлый опыт, не память о ситуации, в которой мы однажды *потеряли*, не введя в публичное пространство, очень серьёзное обращение заявителя, сформировав вместо решения «Информацию об оставлении без рассмотрения жалобы Акционерного общества “Управляющая компания ЭФКО” на телеканал “Россия 24” в связи с выходом в эфир 02.12.2017 г. документального фильма Аркадия Мамонтова “Пальмовые берега – 3”»⁴⁴, мы бы не перекрыли тот прежний *негативный* прецедент новым другим, *спасающим ситуацию*. По жалобе Ирины Жучковой было принято *Решение № 204*, в котором говорилось о том, что Коллегия по сложившимся обстоятельствам оставляет данный информационный спор *без рассмотрения по существу*.

Но это решение *об оставлении* было именно решением. И решением, которое содержало пункт о выкладке в публичный доступ всех материалов по данной жалобе. Что означало: и очень сильного тематического мнения эксперта К.А. Назаретян в том числе.

Уточняю это обстоятельство потому, что прекрасное мнение эксперта О.Н. Матвеевой, её основательное исследование по жалобе ЭФКО фильма Аркадия Мамонтова, мы, к сожалению, утратили безвозвратно. Информационное письмо как сообщение исключило, увы, выкладку на сайт Коллегии как оспоренного видеосюжета и его расшифровки (а там было что почитать), так и выкладку мнения эксперта. Так что оспоренный сюжет г-на Мамонтова в итоге не получил той публичной профессионально-этической оценки, которой, безусловно, заслуживал.

Решение № 215, принятое Коллегией по жалобе А.Ю. Кривошеева, я рассматриваю как идущее вслед *прецеденту*, созданному *Решением № 204*, по жалобе Ирины Жучковой.

Возвращаясь к жалобе Ирины Жучковой, упомяну об одной частной, но важной детали, о полезном уроке, преподанном Коллегии сетевым изданием РИА «Новости».

Упомянутое выше письмо главреда сетевого издания А.В. Гаврилова сообщало Коллегии не только об отказе признать профессионально-этическую юрисдикцию Коллегии, но и «о невозможности предоставления персональных данных физического лица Татьяны Кирсановой». И эта ситуация тоже, пусть и по своему, *прецедентна*.

⁴³ Из п. 6.7 Устава Общественной коллегии по жалобам на прессу: «Если лицо, в отношении которого подана жалоба, отказывается от сотрудничества с Коллегией, в том числе не подписал Соглашение о признании профессионально-этической юрисдикции Коллегии, отказался представить ей в установленный срок свои пояснения или направить своего представителя на заседание ad hoc коллегии, то эти обстоятельства не препятствуют рассмотрению информационного спора по существу, однако могут повлечь освобождение заявителя от его морального обязательства, предусмотренного пунктом 6.5. настоящего Устава».

⁴⁴ Буквально в ночь перед заседанием Коллегии Т. К. Андреева, которой предстояло председательствовать в нём, обнаружила, что компания ЭФКО обратилась по поводу того же материала в Арбитражный суд. Это и стало причиной закрытия заседания Коллегии, что называется, в момент открытия.

Поясню сказанное: Коллегия традиционно приглашает на свои заседания не только руководителей тех медийных организаций, на публикации которых ею получены жалобы, но и авторов оспоренных публикаций. Понимая, что приглашения авторам, когда они сделаны через руководителей СМИ, до журналистов доходят редко, Коллегия обычно запрашивала у редакций контактные данные, чтобы связаться с автором напрямую. Попытка такого рода в случае с сетевым изданием РИА «Новости» закончилась юридически безукоризненной отпиской. Повод для огорчения, но и наука избегать ошибок в переписке, контролируемой юридическими службами адресатов жалоб, не подставляться.

Второй *прецедентной* я считаю жалобу ЦИК РФ на публикацию Информационного агентства Associated Press. Настоятельно рекомендую всем внимательно прочитать в этом разделе и *Решение № 202*, и мнения двух экспертов Коллегии. Они заметно различаются воценках и выводах – и в этом их достоинство, а не недостаток.

Не считаю полезным пересказывать объёмное, многотемное решение Коллегии. Скажу только, что в выводах по оспоренной публикации и по оспоренному подходу к интервью впервые на моём веку прозвучала тема *межкультурных различий*, в том числе, и был дан анализ ошибок *каждой из сторон*, но это к слову. Главное – это был первый в истории Коллегии случай, когда рассматривалась жалоба на публикацию иностранного СМИ, пусть даже аккредитованного в России. Жалоба на СМИ такого масштаба и такой известности, да к тому же и жалоба ЦИК.

Поскольку обращение за подписью руководителя ЦИК РФ Э. А. Памфиловой была подана именно в Коллегию, а не в судебную инстанцию, я рассматриваю сам прецедент как урок профессиональной культуры высокого государственного чиновника, как демонстрацию доверия к органу саморегулирования,

Добавляю к сказанному: мы получили замечательный урок профессионального подхода к ситуации и со стороны адресата жалобы. Представители АР самым серьёзным, ответственным образом откликнулись на информационное письмо Коллегии: подписали Соглашение, предоставили органу саморегулирования (как и заявителю) все необходимые материалы. Представители АР, далее, пришли на заседание и продемонстрировали культуру открытой полемики с представителями заявителя.

Итог рассмотрения информационного спора – перед читателем выпуска.

Чтения с интересом и, надеюсь, с пользой.

И специальная рекомендация: если есть возможность – обязательно заходите на сайт Коллегии, чтобы посмотреть сами заседания. Уверяю – они того стоят.

Юрий Казаков,
сопредседатель Коллегии

РЕШЕНИЕ

«О жалобе Обозновой Людмилы Александровны и Шептухиной Марии Олеговны на публикацию электронным периодическим изданием “МК.ru” материала “Страшное ДТП в парке “Кусково”: автомобиль переехал роллера” (Автор – Станислав Юрьев, дата 05.07.2019 г., адрес в Интернете: <http://web.archive.org/web/20190705163442/https://www.mk.ru/incident/2019/07/05/strashnoe-dtp-v-parke-kuskovo-avtomobil-pereekhal-rollera.html>)»

г. Москва, 18 сентября 2019 г.

№ 199

На 199-м заседании Общественной коллегии по жалобам на прессу ad hoc коллегия в составе сопредседателя Коллегии Юрия Казакова (председательствующий), членов **Палаты медиасообщества** Евгения Абова, Ольги Кравцовой, Владимира Познера, Юрия Пургина, членов **Палаты медиааудитории** Алексея Автономова, Дмитрия Орешкина, Генри Резника рассмотрела обращение **Обозновой Людмилы Александровны и Шептухиной Марии Олеговны** в связи с публикацией электронным периодическим изданием «МК.ru» материала «Страшное ДТП в парке “Кусково”: автомобиль переехал роллера». (Автор Станислав Юрьев, дата 05.07.2019 г., адрес в Интернете: <http://web.archive.org/web/20190705163442/https://www.mk.ru/incident/2019/07/05/strashnoe-dtp-v-parke-kuskovo-avtomobil-pereekhal-rollera.html>).

Вопросы процедуры. Заявители, Обознова Людмила Александровна и Шептухина Мария Олеговна, подписали Соглашение о признании профессионально-этической юрисдикции Общественной коллегии по жалобам на прессу, приняв тем самым на себя обязательство не использовать решение Общественной коллегии по данному информационному спору для его продолжения в судебном, ином правовом или административном порядке.

Адресат жалобы, редакция газеты «Московский комсомолец», Соглашения с коллегией не подписал и участия в заседании не принял.

Позиция заявителей Обозновой Людмилы Александровны и Шептухиной Марии Олеговны при обращении в Коллегию была сформулирована следующим образом: «Мы обращаемся в Коллегию с просьбой рассмотреть на предмет соответствия нормам журналистской этики <...> опубликованную 5 июля 2019 года в 17 часов 06 минут электронным периодическим изданием “МК.ru” статью “Страшное ДТП в парке “Кусково”: автомобиль переехал роллера”. Материал посвящен трагической гибели, постигшей за несколько часов до этого Виталия, нашего сына и бывшего мужа (соответственно). Катаясь в упомянутом лесопарковом массиве г. Москвы на роликовых коньках, он был насмерть сбит средь бела дня проезжавшим по одной из асфальтированных дорог парка автомобилем Toyota Camry при до конца не проясненных обстоятельствах. <...> Мы считаем безответственными, неэтичными, аморальными и кощунственными те методы получения информации у близких погибшего, к которым позволили себе прибегнуть журналисты “Московского комсомольца” с целью подготовки оперативной, броской, “хорошо продаваемой” публикации. Вышло так, что первыми до нас, матери и бывшей супруги, “по горячим следам” дозвонились со страшной новостью не представители органов власти, компетентных структур или медицинского учреждения, а, как мы теперь понимаем, репортеры “МК”, представившиеся при этом сотрудниками управы московского района Вешняки, на территории которого случилась трагедия. Коротко “проинформировав” о гибели родного нам человека, собеседники тут же начали напористо выяснять различные детали, касавшиеся его личности, образа жизни,

отношений в семье, планов на ближайшее будущее и тому подобных моментов. Также, якобы для некоего “архива” управы “Вешняки”, с целью соблюдения непонятных формальностей у нас были запрошены в электронном формате какие-либо из имеющихся фотографий покойного... Будучи в состоянии эмоционально-психологического шока, мы на часть вопросов ответили лжечиновникам. Через пару часов всё это <...> появилось на сайте МК.ru.

Просили бы уважаемую Коллегию пояснить, что общего подобные манеры имеют с журналистской этикой и моралью вообще. Кто дал право вышеупомянутому изданию публиковать личные данные погибшего человека и членов его семьи, да еще и прибегая к подлогу и лицедейству?

Вызывает возмущение откровенное поспориение авторами публикации в “МК” таких принципов, как объективность и всесторонний подход к делу с целью установления истины, которые должны хоть в какой-то мере быть свойственны любому, называющему себя журналистом. Ведь практически мгновенно появившаяся статья выдала “на-гора” всю возможную личную информацию о погибшем – район проживания, количество и возраст детей, развод “со скандалом”, ближайшие планы, прерванные трагедией, профессию пожилой мамы, “не сразу поверившей” в смерть сына и заподозрившей в звонке репортера “происки бывшей жены” (комментарии излишни)... А вот про водителя, совершившего этот ужасный наезд, в данном контексте – ни слова. Более того, следственные действия едва успели начаться, а журналисты “МК” уже во всеуслышание озвучивают “предварительную” информацию: “водитель не виноват”, “скорость не превышал”, “сам впал в шоковое состояние”, “виновным могут признать роллера”. При этом игнорируется факт наличия на дороге, где случилась трагедия, знака, запрещающего движение транспортных средств, как и тонировки стекол данного автомобиля. Таким образом, вольно или невольно заранее оправдывается одна из сторон, непосредственно причастных к произошедшему, а другая – наш сын и близкий человек – априори, в первые же часы, объявляется предполагаемым виновником собственной гибели. Из каких соображений журналистами “МК” допущена столь явная несбалансированность? <...> Следует пояснить, что в дальнейшем, после неоднократных настойчивых просьб в адрес “Московского комсомольца” со стороны друзей Виталия, наиболее неприемлемые, шокирующие пассажи из текста электронной публикации были сняты. В то же время утверждение о предполагаемой виновности дорожного нам человека в собственной гибели осталось без изменений в данном материале, и по сей день доступно на сайте издания: <https://www.mk.ru/incident/2019/07/05/strashnoe-dtp-v-parke-kuskovo-avtomobil-pereekhal-rollera.html>.

На электронное обращение в редакцию “МК.ru” с изложением нашей принципиальной позиции относительно сложившейся ситуации, отправленное в 11.00 15 июля 2019 года на адрес info@mk.ru за подписью М. О. Шептухиной, никакого ответа не последовало до сих пор».

Позиция адресатов жалобы, редакции газеты «Московский комсомолец» и автора публикации Станислава Юрьева, осталась Коллегии неизвестной.

Обстоятельства, установленные в ходе заседания Коллегии. Выступая на заседании, Людмила Александровна Обознова уточнила, что телефонное сообщение о смерти сына она получила 5 июля в 14.50. «Женский голос спросил, знаком ли мне Обознов Виталий Михайлович. Я ответила: да, конечно. – Кем вы ему приходитеесь? Я говорю: мамой. – Он у вас катается на роликах? Я говорю: да, катается. – Ну вот, его сбила машина. И вы мне должны сказать, что там на самом деле произошло – и что вы по этому поводу думаете».

По словам заявителя, звонившая сообщила, что говорит из управы «Вешняки», которая «должна принять какие-то меры, какие-то знаки расставить». И предложила, чтобы проверить информацию о смерти сына, позвонить на его телефон. «Я позвонила, телефон взял сотрудник ДПС. Он подтвердил, что ситуация имела место около 13.00. Мне за эти два часа не позвонили ни полиция, ни “скорая помощь”. <...> В 15.01 с этого же номера (номер мобильного телефона

был озвучен на заседании. – Коллегия) мне позвонили во второй раз. Тот же голос спросил: Вы убедились? И что можете сказать по поводу случившегося? Я сказала: оставьте меня в покое, я ничего не знаю. <...> Мне дали адрес, куда надо ехать. Я стала звонить родственникам, друзьям Виталика. С его школьным другом поехали на место происшествия. Там в это время работал эвакуатор, следователя на месте не оказалось. <...> Спустя какое-то время мне перезвонила невестка: Вы уже знаете? Оказалось, что звонившие мне позвонили сначала невесткиному папе, потом ей самой. Звонок на её телефон (женский голос, с того же номера) поступил в 15.30. Её стали прессовать, задавая вопросы. Что они спрашивали, что она говорила, я не знаю. Но вот скрин переписки Марины. (*Воспроизводится с разрешения заявителя, переписка между 17.20 и 17.49.* – Коллегия) “Для справки, которую мы сдаём в архив ЧП на нашей территории, вышлите, пожалуйста, фотографии погибшего. Это формальная процедура. – Какие нужны фотографии? У меня есть только сделанные во время брака на отдыхе. – Можно и такую, это для архива. – Они на компьютере. Вышлите адрес, на который можно выслать. – uprava.veshnyaki@mail.ru. Сообщите, как пришлёт, пожалуйста”.

Не знаю, чем руководствовался человек, который такими методами собирал информацию, но в 17.00 публикация уже была на сайте “МК”.

Я тогда об этом не знала, меня друзья Виталия оберегали. Но кто-то из них увидел этот текст. Они возмутились, попытались связаться с “МК”. После этого текст подправили. Но за сутки материал на сайте прочли около тысячи человек. И он и сегодня висит без правок на каких-то сайтах.

<...> И по поводу того, что водитель не виноват: вот фотография знака, который стоит при въезде на дорогу, где всё произошло. Знак говорит, что это природный комплекс, который охраняется, и въезд в который ограничен.

Вот постановление о назначении технической экспертизы. Здесь написано со слов свидетеля (какая-то девушка, которая всё видела), что водитель покинул место ДТП. Он проехал около 100 метров вперёд. А потом уже остановился и переставил машину.

Далее. Мой сын ехал со скоростью 3–5 км в час. При этом сам водитель пишет, что он двигался со скоростью 70–75 км/час. Будет ещё экспертиза, но это записано с его слов.

Свидетель говорит, далее, что это она вызывала “скорую помощь”. В тексте “МК” – что это водитель вызвал экстренные службы; там же – что он впал в шоковое состояние. Но он не был ни в каком шоковом состоянии, как мне сказали.

До сих пор нет ни одной экспертизы, всё ещё идёт следствие. Т. е. ни виновность, ни невиновность водителя или моего сына не доказаны. Так как же можно было писать сразу же, что водитель не виноват?

Я сожалею, что здесь не присутствует человек, который написал эту заметку. Мне бы очень хотелось просто посмотреть ему в глаза. И понять: как можно писать такие материалы? Что-то человеческое ведь должно остаться. Ну как это читать близким, родственникам? Детям, когда подрастут?»

Сергей Обознов, двоюродный брат погибшего, журналист по образованию, охарактеризовал публикацию словом «жестокая», напомнив об «убойной силе» новости о гибели сына. «Новость такого рода мать должна узнавать не от случайных, равнодушных людей и не от прагматичных профессионалов, которые отодвинули в сторону и журналистскую этику, и мораль, и просто человечность. Да, “МК” внёс существенные поправки в текст после обращения друзей Виталика, копание в грязном белье оттуда убрано, это правда. Но ведь первый вариант был сразу перепечатан другими новостными ресурсами. Всё это и поныне висит на их сайтах, датированное 5-м июля, в первоначальной версии. И в том же YouTube это всё легко находится и сегодня. Нам бы хотелось, чтобы этот материал был снят с сайта “МК”. Хотя мы понимаем, что останутся “зеркала”, перепечатки».

Отвечая на вопрос одного из членов Коллегии, что её больше задело – текст или манера сбора информации, – **Л. А. Обознова** ответила: и то, и другое. «Но о существовании текста я узнала только спустя неделю. А с аморальной манерой сбора информации столкнулась сразу же».

На вопрос, уверена ли она, что ей и её невестке звонила именно сотрудница «МК», **Л.А. Обознова** ответила: «Я не могу утверждать это со стопроцентной гарантией. Но, судя по манере общения и по тому, что я потом прочла, думаю, это была сотрудница “МК”».

Дополняя заявительницу, **С. Обознов** напомнил, что журналист «МК» «как минимум воспользовался собранной для него информацией». По словам брата погибшего, обращения в Коллегию не было бы, «если бы от редакции последовал хоть какой-то отклик на письмо бывшей жены Виталия. Она позвонила на сайт, ей сказали: пишите на имя главного редактора. Написала. Если бы был хоть какой-то ответ, хоть какая-то обратная связь, нас бы здесь сегодня не было. Но никто не счёл нужным ни связаться с Марией Олеговной, ни ответить на её письмо».

С учётом всего изложенного Общественная коллегия приняла следующее решение.

РЕШЕНИЕ

1. Коллегия отмечает, что отсутствие на заседании представителей «МК», и прежде всего – автора оспоренной публикации, не позволило получить ответы адресата жалобы на ряд серьёзных вопросов заявителей и членов *ad hoc* коллегии, начиная с вопроса о том, кем и как именно собиралась информация для заметки, опубликованной 5 июля на сайте «МК».

2. Коллегия обращает внимание на то, что заявители, не настаивая на своём предположении «стопроцентно», продолжают считать, что звонки Л.А. Обозновой и М.О. Шептухиной как бы от имени управы «Вешняки» были сделаны сотрудниками редакции газеты «Московский комсомолец».

Учитывая, что заявители рассматривают эти звонки как нарушающие нормы и правила профессиональной этики журналиста в том, что касается правил обращения с людьми, находящимися в состоянии горя и шока, Коллегия находит установление истины в данном вопросе обстоятельством, существенным для репутации газеты. Коллегия предлагает редакции «МК» доступными ей средствами прояснить вопрос о том, принадлежит ли номер телефона, зафиксированный заявителем, сотруднику редакции – или некоему третьему лицу, «поделившемуся» с автором публикации собранной информацией.

3. Коллегия напоминает, что неотъемлемой частью профессиональных стандартов в журналистике признаётся «уважение права граждан на частную жизнь и человеческое достоинство в соответствии с нормами международного и национального права» и что уважение достоинства личности «предполагает нравственное самоограничение, профессиональную сдержанность, признание недопустимости сенсационного подхода», в частности, «при освещении ситуаций болезни и смерти, при обращении к людям, находящимся в ситуации горя и шока» (*«Медиаэтический стандарт Коллегии, принцип 5. Уважение частной жизни и человеческого достоинства»*).

4. Коллегия полагает, что обстоятельства смерти конкретного человека могут обнаруживаться предметом *общественного интереса*, а следовательно, могут или даже должны становиться информационным поводом для появления соответствующих публикаций – от криминальной хроники до журналистского расследования.

Коллегия напоминает вместе с тем, что вмешательство журналиста в частную жизнь человека, включая обстоятельства семейной жизни, недопустимо. Единственным

исключением из данного общего профессионального правила могут являться ситуации т. н. преобладающего общественного интереса.

Поскольку гибель В.М. Обознова определённо не могла быть отнесена к ситуациям подобного рода, профессионально правильный подход к обстоятельствам его смерти категорически исключал вторжение журналиста и редакции в частную жизнь погибшего и членов его семьи.

Учитывая сказанное, Коллегия полагает полезным процитировать выдержку-ориентир из своего «Медиаэтического стандарта»: «Люди, испытывающие состояние личного горя или шока, заслуживают сочувственного и бережного отношения. Публикация информации, полученной от людей, находящихся в таком состоянии, может причинить им дополнительные страдания».

5. Не имея оснований (до установления принадлежности телефона с конкретным номером мобильной связи тому или иному лицу – определённо) предъявлять упреки во вторжении в частную жизнь погибшего и членов его семьи именно журналистам «МК», но памятуя о том, что такого мнения придерживаются заявители, Коллегия полагает необходимым отметить следующие обстоятельства:

– предполагая, что добросовестный журналист ведёт сбор информации *только честными средствами и методами* (базовое положение «Медиаэтического стандарта»), Коллегия, безусловно, отделяет нормальные, штатные для профессии и профессионала ситуации получения информации от ситуаций экстраординарных – требующих, к примеру, проведения журналистского расследования, защищающего интересы общества. Напоминая, что в журналистском расследовании в принципе *допускается* использование журналистом таких специальных методов сбора информации, как, например, использование чужого имени или работы под прикрытием, Коллегия отмечает, что конкретная ситуация, вокруг которой была выстроена оспоренная публикация, не предполагала журналистского расследования – и не содержала намёков на него в тексте материала.

– Позвонившие родственникам В. М. Обознова через два – два с половиной часа после трагического происшествия, по сути, сначала сформировали своими звонками ситуацию шока и горя, проинформировав родных о гибели близкого человека, а затем попытались использовать саму эту ситуацию для получения эксклюзивной информации о частной жизни погибшего и членов его семьи.

– Появление на сайте «МК» публикации «Страшное ДТП в парке “Кусково”...» означало, что вторжение в частную жизнь погибшего и членов его семьи приобрело публичный характер и нанесло тем самым дополнительную травму лицам, находившимся в ситуации горя и шока.

6. Допуская, что автор заметки не имел прямого отношения к анонимным звонкам Л.А. Обозновой и М.О. Шептухиной, что он только воспользовался предоставленной ему информацией, Коллегия соглашается с заявителями в том, что этот автор несёт всю полноту профессионально-моральной ответственности за распоряжение полученным таким способом материалом, за недопустимое вторжение в частную жизнь погибшего и членов его семьи.

7. Коллегия отмечает, что опубликованный на сайте «МК» 5 июля 2019 г. в 17.06 (т. е. через четыре часа после события) текст «Страшное ДТП в парке “Кусково”...» характеризуется смешением жанров «криминальные новости» и «скандальная хроника».

Признавая важность такого мотива, как *успевание к событию*, но сразу же и напоминая о том, что «*в журналистике цель не оправдывает средства*» («Резолюция 1003 (1993) по журналистской этике»), Коллегия обращает внимание на то, что автор публикации изначально апеллирует, по сути дела, не к *общественному интересу*, а к *общественному*

любопытству. И что, сосредоточившись на личности погибшего, автор фактически выводит из зоны критического внимания читателей текста водителя автомобиля – человека, управлявшего источником повышенной опасности.

8. Напоминая, что погибший уже не может ответить на *сплетню* о его частной жизни, на определённую, негативную окраску ситуации, связанной с его разводом в частности, Коллегия обращает внимание на то, что фон сказанного в заметке о «роллере» заметно контрастирует с фоном представления автором водителя автомобиля: скорости не превышал, не скрылся с места происшествия, вызвал экстренные службы, впал в шоковое состояние. Контраст образов, вольно или невольно созданный в итоге журналистом, ставит под сомнение ожидаемую от представителя новостной журналистики *беспристрастность* как основу *добросовестного* подхода к описанию и пониманию самой ситуации происшествия.

Сюда же приходится отнести и очевидно *не нейтральное* по смыслу предположение автора о том, что «водитель не виноват» (с отсылкой к неким «предварительным данным»), открывающее публикацию.

9. Оставаясь в рамках своей компетенции и не обсуждая темы виновности или невиновности конкретных участников конкретного ДТП, Коллегия обращает внимание на следующие обстоятельства, заслуживающие, как представляется, внимания обеих сторон информационного спора.

Первое. Оспоренный материал существовал и существует только в виде публикации на сайте.

Второе. Уже на 06.07.2019 г. на сайт «МК» была выложена радикально сокращённая версия материала, формально снявшая упрёк во вторжении в частную жизнь потерпевшего и членов его семьи.

Третье. Сам подход к криминальной новости, продемонстрированный первоначальной версией оспоренного материала, не является выпадающим из ряда, не характерным для газеты и её сайта: таков или близок к таковому «фирменный» стиль подачи материалов о происшествиях, годами поддерживаемый в «МК». Т. е. речь идёт об определенной редакционной установке, которой следуют и те, кто материалы такого рода готовит, и те, кто пропускает их к массовому читателю в печатном или электронном виде.

9.1. Что касается факта публикации оспоренного текста исключительно на сайте: Коллегия, безусловно, соглашается с тем, что *не перевод* «на бумагу» в известной мере локализовал урон, нанесённый его появлением на свет не только заявителям. При этом признание урона локализованным, отнесение самого факта публикации текста только на сайте к категории выбора «меньшего из двух зол» не должно означать недооценки самого урона, непризнания зла – именно злом: пусть даже и «меньшим».

9.2. Распространяя сказанное на ситуацию с появлением на сайте второй редакции оспоренного текста, Коллегия находит безусловно оправданной и максимально быстрой замену редакцией сайта текста недопустимого на текст, лишённый признаков вторжения в частную жизнь. Признавая этот факт существенным, Коллегия напоминает вместе с тем и об одной тысяче посетителей сайта, успевших ознакомиться с текстом в его первоначальном виде, и о том, что из Интернета никуда не делись перепечатки текста, именно недопустимого по профессиональным меркам. Сказанное означает, что говорить о минимизации вреда, нанесённого первоначальной публикацией, приходится весьма условно.

9.3. И, наконец, о том, что относится исключительно к компетенции самой редакции, о редакционной политике в той части, какой она обнаруживается в т. н. «криминальной» хронике издания. Коллегия, признавая сущее сущим, рассматривает устойчивое сочетание собственно новостной и «скандальной» составляющей в линейке информации «МК» о происшествиях и «криминальных» событиях скорее дурной «традицией», чем успешным,

достойным внимания инструментом обеспечения читательского интереса и читательского доверия к газете.

10. Коллегия признаёт факт распространённости подхода «так принято», «это общий порядок», «таковы традиции» (причём не только в «МК» и не только в России), оправдывающего как практику публикации материалов, родственных оспоренному, так и практику использования «грязных» (но при этом вполне законных) методов сбора информации при их подготовке.

Признавая такой подход действительно широко распространённым, приносящим надёжную прибыль владельцам СМИ и обеспечивающим самим СМИ устойчивую поддержку потребителей, формирующих массовый «читательский запрос» определённого толка, Коллегия, оглядываясь на пример оспоренной публикации, настаивает на необходимости отделять дурные «традиции» в журналистике, в том числе российской, от традиций, связанных с поддержанием и развитием культуры профессии. В данном случае речь идёт о важности профессионального самоограничения журналиста и редакции в ситуациях, связанных как минимум с гибелью конкретного человека.

Коллегия напоминает, что общечеловеческое «Поступай по отношению к другим так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой» в журналистской профессии имеет чёткие профессионально-этические ориентиры: не допускай вторжения в частную жизнь. Не занимай позицию одной стороны, если не имеешь возможности получить взгляд на ситуацию другой. Избегай тенденциозности при освещении конфликтных ситуаций. Не нарушай профессиональных запретов в ситуациях, не относящихся к тем крайним случаям, которые могут быть превращены (именем «общественного интереса») в прозрачные только методом журналистского расследования.

11. Признавая ситуацию, связанную с публикацией «Страшное ДТП в парке “Кусково”...», изначально дефектной, ставящей под сомнение уровень профессионализма как автора текста, так и тех, кто давал «добро» на его публикацию на сайте, Коллегия обращает внимание на проблемы редакционного контроля за текстами, подготовленными к публикации, в том числе на сайте, с одной стороны, – и отсутствия своевременной профессиональной реакции редакции на конкретные конфликтные ситуации, вызванные публикациями материалов с очевидными отклонениями от профессионально-этических норм, с другой.

12. Коллегия считает ошибкой редакции «МК» оставление без ответа письма М.О. Шептухиной на имя главного редактора газеты.

Памятуя о том, что *«профессиональная честность проявляется в готовности признать и исправить допущенную ошибку» («Медиаэтический стандарт. Принцип 4. Профессиональная честность журналистов»)*, Коллегия надеется, что редакция найдёт возможность связаться с заявителями и как минимум ответить на вопросы, оставшиеся без ответа при рассмотрении информационного спора: начиная с уже упомянутого вопроса о владельце конкретного номера мобильного телефона.

13. Учитывая, что адресатом жалобы не подписано Соглашение о признании профессионально-этической юрисдикции Общественной коллегии по жалобам на прессу, Коллегия освобождает заявителей от принятого на себя обязательства не использовать вынесенное по их обращению решение Общественной коллегии по жалобам на прессу для продолжения данного информационного спора в судебном, ином правовом или административном порядке.

14. Общественная коллегия просит:

– редакции журналов «Журналист» и «Информационное право» – опубликовать состоявшееся решение Общественной коллегии;

– факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, а также факультеты журналистики других вузов – обсудить состоявшееся решение Общественной коллегии со студентами, изучающими профессиональную этику;

– Комиссию Общественной палаты Российской Федерации по развитию информационного сообщества, СМИ и массовых коммуникаций – принять к сведению состоявшееся решение Общественной коллегии.

Настоящее решение принято консенсусом.

**Председательствующий,
Ю.В. Казаков**

РЕШЕНИЕ

«О жалобе Борисова Александра Николаевича, директора ООО «Три звезды», в связи с публикацией на сайте «Вести.Ру» материала «Антисанитария, вонь и шум: скандальный хостел проверит Роспотребнадзор». (Автор – Елена Федотова, дата публикации – 11 июля 2019 г. Адрес материала в интернете – <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3167198>)». (Автор – Елена Федотова, дата публикации – 11 июля 2019 г. Адрес материала в Интернете – <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3167198>)».

г. Москва, 18 сентября 2019 г.

№ 200

На 200-м заседании Общественной коллегии по жалобам на прессу ad hoc коллегия в составе сопредседателя Коллегии Юрия Казакова (председательствующий), членов Палаты медиасообщества Евгения Абова, Ольги Кравцовой, Владимира Познера, Юрия Пургина, членов Палаты медиааудитории Дмитрия Орешкина, Генри Резника рассмотрела обращение Борисова Александра Николаевича, директора ООО «Три звезды», в связи с публикацией на сайте «Вести.Ру» материала «Антисанитария, вонь и шум: скандальный хостел проверит Роспотребнадзор». (Автор – Елена Федотова, дата публикации – 11 июля 2019 г. Адрес материала в Интернете – <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3167198>).

Вопросы процедуры. Заявитель, Борисов Александр Николаевич, подписал Соглашение о признании профессионально-этической юрисдикции Общественной коллегии по жалобам на прессу, приняв тем самым на себя обязательство не использовать решение Общественной коллегии по данному информационному спору для его продолжения в судебном, ином правовом или административном порядке.

Адресат жалобы, редакция сетевого издания «Вести.Ру», на информационное письмо Коллегии не ответил, Соглашения с Коллегией не подписал и участия в заседании не принял.

Позиция заявителя Борисова Александра Николаевича, директора ООО «Три звезды», при обращении в Коллегию заключалась в том, что видеосюжет порочит «честь, достоинство и деловую репутацию гостиницы». Заявитель направил в Коллегию более десяти возражений и разъяснений по конкретным фрагментам видеосюжета и текстовой публикации на сайте «Вести.Ру». Например, по поводу закадрового комментария в видео – «Музыка на весь двор – так, видимо, сюда привлекают постояльцев» – заявитель разъясняет: «Музыка в хостеле не играет. Это неправда. В сюжете музыка наложена монтажом». Другой из более десятка примеров, приведённых заявителем, относится к включённому в текстовую публикацию высказыванию Алексея Худобородова, начальника отдела надзора за объектами коммунально-бытового назначения и средой обитания человека Управления Роспотребнадзора по Москве. В текстовой версии сюжета чиновник сообщает, что к основным нарушениям, «которые обычно фиксируют специалисты Управления Роспотребнадзора по Москве при проверке хостелов», относятся «нарушение дезинфекционных мероприятий, наличие насекомых, грызунов в квартирах, скученность, неудовлетворительное санитарное состояние помещения, наличие скоплений мусора». Однако в видеоматериале эта фраза обрезана таким образом, что вызывает впечатление, будто бы перечисляемые нарушения выявлены именно в данной конкретной гостинице.

Кроме того, по утверждению заявителя, в видеоматериале с 1.50 по 2.00 использованы видеофрагменты из другой гостиницы, не имеющей никакого отношения к хостелу заявителя.

Позиция адресата жалобы, редакции сетевого издания «Вести.Ру», и автора публикации Елены Федотовой осталась Коллегии неизвестной.

Обстоятельства, установленные в ходе заседания Коллегии. Выступая на заседании, заявитель Александр Николаевич Борисов рассказал, что в жилом доме по улице Правды, построенном в 1953 году, в своё время был детский сад. Спустя год после его перевода в другое место данное помещение, принадлежащее городу, было выставлено на

торги Департаментом имущества. «На наш запрос, можно ли его использовать под мини-гостиницу, был получен положительный ответ. Мы вышли на тендер, выиграли его – и через полгода открылись. Получив все требуемые законодательством экспертные заключения, зарегистрировались как гостиница (“одна звезда”, малобюджетная) и прошли экспертизу СЭС с оценкой “Соответствует всем нормам и требованиям”».

По словам заявителя, желанием жителей дома, привыкших к детскому саду, было с самого начала прикрыть хостел. «Уже два года они пишут во все инстанции, вплоть до Госдумы: в прокуратуру (проверяла нас трижды), в Роспотребнадзор, СЭС, МЧС. Разумеется, поначалу были какие-то недостатки, но мы их быстро устранили. По последнему письму, по которому, видимо, и был сделан сюжет, к нам пришли прокуратура, Роспотребнадзор и МЧС. По результатам их проверки у нас не нашли ни одного нарушения. Мы полгода согласовывали Паспорт безопасности, и он у нас есть. Сделана независимая оценка пожарных рисков, хостел выведен на пульт МЧС. Порядок соблюдается. Но жители всё равно не хотят, чтобы в их доме была гостиница. В данном случае они атаковали нас через ТВ.

Программа “Вести” располагается этом же дворе, в соседнем доме. Оттуда пришла съемочная группа. Меня как руководителя не уведомили, группа попыталась зайти, что называется, “с улицы”. Но администратор не уполномочен принимать решения о допуске людей с камерой в гостиницу. Естественно, он впустил их только на порог, порекомендовав связаться с директором. Но со мной так никто и не связался.

Что касается жильцов, говорящих на камеру: люди высказывают своё мнение, это их право. Но журналист, вступая с ними в диалог, говорит: да, это беспорядок. Мне кажется, высказывать своё мнение журналист не должен, его задача – брать интервью.

На второй минуте диктор, озвучивающий текст, называет наш хостел “ночлежкой”. Наши клиенты, увидев сюжет, стали говорить: раз ночлежка – опускайте цены. Заехать в гостиницу категории “одна звезда” или заселиться в ночлежку – разные вещи.

Что касается вставки видеоматериала из абсолютно другого хостела. Там грязь, беспорядок, какие-то непонятные люди сидят. Это точно не наш хостел, кадры к нам не имеют отношения. На мой взгляд, так поступать просто непорядочно. Если показываете наш хостел, то не надо вставлять в сюжет другие кадры».

Отвечая на вопросы членов Коллегии, заявитель пояснил, что ни в программу «Вести», ни в сетевое издание «Вести.Ру» после выхода сюжета и материала на сайте он не обращался. «Общаясь с ними, я буду стараться защитить себя, т. е. буду субъективен. Я решил сначала обратиться к вам. Пусть Коллегия скажет, что или я не прав, или сюжет не совсем достоверен».

Заявитель уточнил, что никаких обращений к нему журналистов, в том числе за комментариями, при подготовке сюжета не было.

На вопрос, каким образом в его жалобу попали слова представителя Роспотребнадзора «Основные нарушения, которые фиксируют специалисты Роспотребнадзора...», отсутствующие в видеосюжете, но позволяющие понять, что речь идёт об общей практике нарушений, а не применительно к конкретному хостелу, заявитель ответил: «Из публикации на сайте».

Отвечая на вопрос, чем именно руководствовался охранник, не пустивший людей с камерой в хостел как публичное место, почему он не дал им посмотреть, например, пустые комнаты, заявитель сказал: «Менеджер хостела не уполномочен впускать посторонних, он побоялся ответственности за то, что впустит людей с камерами без моего разрешения. Он сказал пришедшим: без директора я вас впустить не могу, надо поставить в известность директора. Со мной, однако, никто после этого не попытался связаться, хотя номер моего телефона чуть ли не на входе висит вместе с информацией о том, что по всем вопросам просьба звонить по такому-то номеру».

На вопрос, представлялись ли пришедшие журналистами, заявитель не смог дать определённого ответа. Сказанное им (дословно): «Менеджер сказал, что какие-то люди пришли с камерами».

На вопрос, были ли у персонала установки, распоряжения директора не пропускать в хостел журналистов, получен ответ заявителя: «Нет, не было».

На вопрос, когда в хостеле была последняя проверка, заявитель ответил: «Через неделю после выхода сюжета. А перед этим – весной, в мае».

Заявитель выразил уверенность, что июльская прокурорская проверка хостела была напрямую связана с выходом оспоренного телесюжета: «Оказалось, что в городскую прокуратуру поступило указание провести проверку на основании этого сюжета. Т. е. сюжет стал основанием для проверки».

Отвечая на вопрос, как эта проверка прошла для хостела, был получен ответ: «Абсолютно спокойно. Не выявлено ни одного нарушения».

С учетом всего изложенного Общественная коллегия приняла следующее решение.

РЕШЕНИЕ

1. Коллегия отмечает, что отсутствие на заседании представителей сетевого издания «Вести.Ру» не позволило членам *ad hoc* коллегии получить ответы на ряд вопросов, существенно важных для понимания истории появления и содержания оспоренной публикации как на сайте сетевого издания «Вести.Ру», так и в новостном эфире программы «Вести».

2. Не имея возможности получить комментарий адресата жалобы к утверждению о том, что в телесюжете о хосписе на ул. Правды вмонтирован фрагмент, снятый в каком-то другом пространстве, Коллегия принимает эту информацию к сведению и учёту как свидетельство заявителя. Косвенным образом оно подтверждается сказанным в самом телесюжете о том, что администратор хосписа «не пустил съёмочную группу дальше порога».

3. Обращая внимание на сугубо диффамационный характер вставного фрагмента, Коллегия делает вывод о том, что создатели оспоренного сюжета под видом *критического материала*, защищающего одновременно и интересы жителей конкретного дома, и общественные интересы, предложили аудитории программы «Вести», прежде всего, фальшивую, фейковую информацию о хосписе на ул. Правды. Читатель одноимённого текста, размещённого на сайте электронного издания «Вести.Ру», отсылается к телесюжету словами «На этих кадрах видно, что чистотой здесь не пахнет». И в результате также сталкивается с недопустимым в критическом материале манипулятивным подходом.

4. Сам факт использования в видеоматериале ложной вставки, призванной создать заведомо негативное отношение к объекту внимания авторов материала, по мнению Коллегии, если и не снимает все остальные вопросы к адресату жалобы как несущественные, то, по точному выражению одного из членов Коллегии, «закрывает сюжет, больше по нему спорить не о чем, потому что это совершенно недопустимо». Сказанное позволяет расценить сюжет как заведомо расходящийся с представлениями о добросовестности журналиста.

5. Коллегия обращает внимание на то, что прямая речь чиновника, говорящего о нарушении санитарных норм в хостелах и как бы вводящая зрителя в конкретный контекст, связанный именно с хостелом на ул. Правды, прочитывается таким образом только в силу сокращения вводной части приводимого высказывания. Использование такого приёма подтверждает заданность, пристрастность сюжета в целом.

6. Рассматривая оспоренную публикацию как попытку нанесения *репутационного вреда* конкретному субъекту гостиничного бизнеса, Коллегия напоминает сказанное заявителем об итогах проверки, инспирированной (по его мнению) оспоренной публикацией: у проверяющих организаций претензий к хостелу не обнаружилось.

7. Оценивая оспоренную публикацию на предмет соответствия профессиональным журналистским стандартам, Коллегия находит, что её авторами в обоих вариантах текста – и предназначенного для телезрителя, и выложенного на сайт – нарушен *принцип добросовестного освещения событий*, базовый для определения качества исполнения журналистом профессионального долга. Коллегия напоминает, что «журналист отвечает собственным именем за точность и полноту информации о фактах, а также за честное, добросовестное, непредвзятое освещение событий в том контексте, в котором информация о фактах и событиях приобретает смысл для конкретного гражданина, отдельной социальной группы, общества в целом». «Предвзятость и тенденциозность не являются признаком добросовестной журналистики»: эти положения *«Медиаэтического стандарта»* представляются Коллегии определяющими для ситуации, с которой имела дело читательская аудитория, получившая представление о якобы «скандальном» хостеле на улице Правды.

8. По причине отсутствия на заседании представителей адресата жалобы Коллегия не получила возможности установить, в том числе, в каком именно качестве съемочная группа предприняла попытку зайти на территорию хостела: обозначала ли она себя как телегруппа программы «Вести», предъявляли ли её члены редакционные удостоверения.

Напоминая об обязанности журналиста «по первому требованию предъявлять редакционное удостоверение или иной документ, удостоверяющий личность и полномочия журналиста» (ст. 29 «Обязанности журналиста» Закона РФ «О средствах массовой информации»), Коллегия в данном случае выделяет из многих немаловажных то обстоятельство, что «люди с камерами» появились без предупреждения (законное право журналиста) на территории уже достаточно острого, как можно судить по частоте обращения жителей в официальные инстанции, социального в основе конфликта, вызванного появлением хостела в пространстве старого многоквартирного дома.

Обращая внимание на опасность использования манипулятивных приёмов прежде всего федеральных СМИ, на возможность превращения, в том числе, критических телесюжетов в факторы прямого и косвенного воздействия на аудиторию в чьих-то целях и интересах, далеко не всегда совпадающих с предназначением и миссией СМИ, Коллегия делает вывод о том, что, приняв на себя роль активного и при этом не озабоченного установкой на безусловно честный подход информационного актора, создатели сюжета и подогрели конфликт, и как минимум поставили под вопрос репутацию собственного СМИ, сыграв попутно также на понижение доверия к журналистской профессии.

9. Коллегия напоминает следующее положение (правило поведения) раздела «Достоверность информации» *Хартии телерадиовещателей*, под которой стоит, в том числе, подпись ВГТРК: «Незамедлительное исправление допущенных в сообщениях ошибок и неточностей в такой форме, чтобы телезрители и радиослушатели имели полную возможность его заметить».

10. Учитывая, что адресатом жалобы не подписано Соглашение о признании профессионально-этической юрисдикции Общественной коллегии по жалобам на прессу, Коллегия освобождает заявителей от принятого на себя обязательства не использовать вынесенное по их обращению решение Общественной коллегии по жалобам на прессу для продолжения данного информационного спора в судебном, ином правовом или административном порядке.

11. Общественная коллегия просит:

- редакции журналов «Журналист» и «Информационное право» – опубликовать состоявшееся решение Общественной коллегии;
- факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, а также факультеты журналистики других вузов – обсудить состоявшееся решение Общественной коллегии со студентами, изучающими профессиональную этику;
- Комиссию Общественной палаты Российской Федерации по развитию информационного сообщества, СМИ и массовых коммуникаций – принять к сведению состоявшееся решение Общественной коллегии.

Настоящее решение принято консенсусом.

**Председательствующий,
Ю.В. Казаков**

РЕШЕНИЕ

«Об обращении Совета судей Республики Дагестан по поводу публикации газетой «Черновик» (Махачкала, Республика Дагестан) материала «Суд замедленного действия». (Автор – Вазипат Сатийаджиева, дата публикации – 16.03.2018 г., адрес в Интернете – <https://chernovik.net/content/ekonomika/sud-zamedlennogo-deystviya>)».

г. Сочи, 24 сентября 2019 г.

№ 201

На 201-м (выездном) заседании Общественной коллегии по жалобам на прессу, прошедшем в Сочи в рамках Форума современной журналистики «Вся Россия – 2019», проводимом Союзом журналистов России, ad hoc коллегия в составе члена Палаты медиааудитории Виктора Монахова (председательствующий), членов Палаты медиасообщества Евгения Абова, Елены Вартановой, Леонида Никитинского, членов Палаты медиааудитории Евгения Гонтмахера, Вадима Зиятдинова, Юрия Казакова, Анатолия Сушинских рассмотрела обращение Совета судей Республики Дагестан по поводу опубликованного 16 марта 2018 г. газетой «Черновик» (Махачкала, Республика Дагестан) материала «Суд замедленного действия» (Автор – Вазипат Сатийаджиева, адрес статьи в Интернете – <https://chernovik.net/content/ekonomika/sud-zamedlennogo-deystviya>).

Вопросы процедуры. Заявитель, Совет судей Республики Дагестан, в лице заместителя председателя М.С. Исаева (он же – заместитель председателя Арбитражного суда Республики Дагестан), подписал Соглашение о признании профессионально-этической юрисдикции Общественной коллегии, приняв на себя тем самым обязательство не использовать решение Общественной коллегии по данному информационному спору для его продолжения в судебном, ином правовом или административном порядке.

Адресат жалобы, редакция газеты «Черновик», был своевременно извещён Общественной коллегией о содержании обращения Совета Судей Республики Дагестан по поводу оспоренной публикации и приглашён к участию в его рассмотрении в г. Сочи.

В ходе подготовки к заседанию редакция газеты «Черновик» проинформировала ответственного секретаря Коллегии о намерении участвовать в заседании. Однако за пять дней до заседания Коллегией было получено следующее письмо за подписью главного редактора «Черновика» М. Агаева: «В ответ на Ваше письмо сообщаю: в силу рабочего графика и предстоящей плановой командировки не имеем возможности присутствовать на заседании Общественной коллегии по жалобам на прессу по жалобе Совета судей Республики Дагестан на газету «Черновик». В то же время мы не против рассмотрения информационного спора без нашего участия. Вместе с тем хочу отметить, что редакция «Черновика» готова к рассмотрению данного спора (жалобы) в рамках гражданского судопроизводства». Соглашение о признании профессионально-этической юрисдикции Коллегии редакцией газеты «Черновик» подписано не было.

Позиция организации-заявителя. В своём обращении в Общественную коллегию от 15 мая 2019 г. Совет судей Республики Дагестан (далее – заявитель) отмечает «наличие в публикации журналиста Вазипат Сатийаджиевой в газете «Черновик» от 16 марта 2018 года № 10 статьи «Суд замедленного действия» порочащих и несоответствующих действительности сведений о судебной системе Республики Дагестан в целом и о деятельности председателя Арбитражного суда Республики Дагестан А.А. Алиева, направленных на понижение авторитета судебной власти, а также на подрыв доверия населения к органам правосудия».

По мнению заявителя, статья «содержит порочащие сведения о деятельности председателя Арбитражного суда Республики Дагестан как члена судейского сообщества Республики Дагестан, а также ставит под сомнение законность принятых судом решений и мотивов их принятия. Автор формирует мнение, что А.А. Алиев, замещая должность председателя суда, рассматривал дела в интересах нечистых на руку государственных заказчиков. При этом доказательств указанного статья не содержит, основывается на голословных утверждениях автора и подвергает оценке никем не обжалованные и законные процессуальные действия суда».

Заявитель считает, что «автором в данной статье преподносится искаженное отражение обстоятельств рассмотрения дела трехлетней давности, что позволяет квалифицировать такие действия как попытку вмешательства в деятельность по отправлению правосудия и оказания давления на руководство Арбитражного суда Республики Дагестан. Ни одного факта, который бы свидетельствовал о “потворствовании судебной системы Дагестана недобросовестным государственным заказчиком”, автором не приведено. Статья основывается на голословных утверждениях автора и подвергает оценке никем не обжалованные и законные процессуальные действия суда».

В этой связи заявитель просит Общественную коллегию дать оценку публикации журналиста В. Сатийаджиевой и позиции редакции газеты «Черновик» с точки зрения журналистской этики.

Позиция адресата жалобы, редакции газеты «Черновик», осталась непрояснённой.

Обстоятельства, установленные в ходе заседания Коллегии. В ходе заседания участвующий в нем по скайпу представитель заявителя **М.С. Исаев** подтвердил уже содержащиеся в Обращении претензии к публикации, её автору и редакции газеты «Черновик», не добавив к перечисленному никаких новых фактов или оценок.

На повторявшийся в разных видах вопрос членов Коллегии к М.С. Исаеву как представителю заявителя о том, в силу каких причин представители судейского сообщества Республики Дагестан никоим образом не попытались решить возникший с данной публикацией, более чем годичной давности, вопрос «на месте» – например, с использованием, предусмотренных Законом РФ «О СМИ» права на ответ, права на опровержение (ст.ст. 43–46 Закона РФ «О СМИ») или иных форм информационной реакции судейского сообщества (пресс-релизы суда, Совета Судей и т. п.), внятного ответа получено не было.

Представитель заявителя в своих ответах на вопросы участников заседания так же не смог представить убедительных аргументов в фактологической и логической обоснованности серьезных обвинений в адрес редакции «Черновика» и автора статьи. В частности, того, что статья В. Сатийаджиевой «направлена на понижение авторитета судебной власти, а также на подрыв доверия населения к органам правосудия». А ее появление на страницах «Черновика» представляет собой «попытку вмешательства в деятельность по отправлению правосудия и оказания давления на руководство Арбитражного суда Республики Дагестан».

С учётом всего изложенного Общественная коллегия приняла следующее решение.

РЕШЕНИЕ

1. Коллегия приветствует обращение к ней Совета Судей Республики Дагестан, видя в этом, в частности, использование рекомендованного п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2010 № 16 «О практике применения судами Закона РФ “О СМИ” варианта рассмотрения споров, связанных с освещением деятельности судов в СМИ, во внесудебном порядке органами или организациями, к компетенции которых относится рассмотрение информационных споров». Именно таким органом является Общественная коллегия по жалобам на прессу.

2. Коллегия сожалеет о том, что представители редакции газеты «Черновик» не приняли участия в заседании, на котором рассматривался данный информационный спор. Отсутствие представителей адресата обращения при его рассмотрении не позволило в данном случае, в той мере как этого хотелось бы Коллегии, реализовать принципиальный для нее подход *Audiatur et altera pars* («Да будет выслушана и другая сторона»).

В частности, отсутствие представителей адресата обращения при его рассмотрении лишило участников заседания возможности получить ответы на ряд существенно важных для понимания настоящего информационного спора вопросов. Среди прочего, о том, по какой причине редакция «Черновика», выпуская материал В. Сатийаджиевой, не увидела содержащихся в нем достаточно зримых для профессионалов журналистских недоработок. Например, такой, о которой сказал в ходе заседания член Палаты медиасообщества Коллегии Евгений Абов, с оценкой которого согласились и многие другие члены *ad hoc* коллегии: «У меня возникло ощущение, что основной текст написан не журналистом, что он предоставлен кем-то третьим, условно говоря – адвокатом заинтересованной стороны. А дальше журналист пытается его обработать, добавить эмоции, перевести на более человеческий язык. Последняя попытка, если она и была, не получилась».

3. Коллегия находит, что автор материала и редакция, которая его опубликовала, не выполнили простейшего, но этически значимого профессионального требования: при подготовке критических и тем более разоблачающих материалов узнавать и делать достоянием широкой публики, адресатов СМИ, мнения, позиции, аргументы как самого объекта публичной критики, так и других участников конфликта.

Коллегия признаёт безусловной профессиональной ошибкой журналиста и редакции обобщающее предваряющее статью утверждение о «потворствовании судебной системы Дагестана недобросовестным государственным заказчиком». Коллегия соглашается с заявителем в том, что не подкреплённое аргументами и фактами обобщение такого рода является диффамационным в основе и потому этически недопустимым.

4. Коллегия в очередной раз подчеркивает, что уважение к праву на справедливое судебное разбирательство, гарантированное статьей 6 Европейской конвенции о правах человека, предполагает уважение журналиста к институту суда, но отнюдь не означает запрета или ограничений на критику конкретного судебного органа, конкретного судьи или конкретного судебного решения, пусть и благополучно прошедшего все этапы апелляционной и кассационной судебной проверки.

5. Коллегия рекомендует как журналистам, так и блогерам в ходе подготовки своих публикаций «о судебном и судьейском» руководствоваться положениями *Декларации о честной работе в жанрах судебного очерка и репортажа, а также журналистского расследования* Гильдии судебных репортёров, а также *Профессионально-этическими рекомендациями для журналиста, пишущего о суде, судебном, судьях*, разработанными экспертом Общественной Коллегии О.Н. Матвеевой.

6. Коллегия обращает внимание на положения статьи 13 Кодекса судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012, в настоящее время действует в ред. от 08.12.2016), которые содержат достаточно внятный и разумный набор этических предписаний по надлежащей реакции судей и судебного сообщества на публичную критику в свой адрес. В частности, такой: «Судья, отвечая на публичную критику, должен проявлять сдержанность и осмотрительность. В тех случаях, когда в результате необоснованной критики действий судьи в средствах массовой информации могут пострадать авторитет и беспристрастность правосудия, предпочтительным является ответ на критику в виде публикации в средствах массовой информации комментария пресс-службы суда и/или органа Судебного департамента, а также органа судейского сообщества».

7. Важные закономерности, которые следует учитывать заинтересованным лицам при рассмотрении информационных споров как в судебном, так и в несудебном порядке, касающихся материалов, содержащих критику судебной власти и, соответственно, подчас интерпретируемых как проявления неуважения к суду, могут быть выявлены при профессионально сделанном анализе практики Европейского Суда по правам человека.

Коллегия рекомендует для использования как журналистам, так и блогерам конкретный пример такого анализа, осуществленный и публично представленный членом Палаты медиааудитории Общественной коллегии, доцентом кафедры теории и истории права НИУ ВШЭ А.К. Соболевой (А. Соболева. Авторитет и беспристрастность судебной власти в толковании Европейского Суда: СМИ и интересы правосудия. Электронное периодическое издание «Прецеденты Европейского Суда по правам человека» № 4 (28) апрель 2016, с. 3–17).

8. Общественная коллегия предлагает обеим сторонам информационного спора разместить полный текст данного решения на информационных ресурсах, находящихся в их распоряжении.

9. Общественная коллегия просит:

- редакции журналов «Журналист», «Информационное право», «Судья» – опубликовать состоявшееся решение Общественной коллегии;
- факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, а также факультеты журналистики других вузов – обсудить состоявшееся решение Общественной коллегии со студентами, изучающими профессиональную этику;
- Комиссию Общественной палаты Российской Федерации по коммуникациям, информационной политике и свободе слова в средствах массовой информации – принять к сведению состоявшееся решение Общественной коллегии.

Настоящее решение принято консенсусом.

**Председательствующий,
В.Н. Монахов**

РЕШЕНИЕ

«Об обращении Центральной избирательной комиссии Российской Федерации по поводу информационного спора этического характера, возникшего между ЦИК России и информационным агентством Associated Press».

г. Москва, 26 сентября 2019 г.

№ 202

На 202-м заседании Общественной коллегии по жалобам на прессу ad hoc коллегия в составе сопредседателя Коллегии Юрия Казакова (председательствующий), членов **Палаты медиасообщества** Евгения Абова, Виктора Лошака, Юрия Пургина, Алексея Симонова, членов **Палаты медиааудитории** Алексея Автономова, Дмитрия Орешкина, Владимира Ряховского рассмотрела обращение Центральной избирательной комиссии Российской Федерации по поводу информационного спора этического характера, возникшего между ЦИК России и информационным агентством Associated Press.

Вопросы процедуры. Заявитель, председатель Центральной избирательной комиссии Российской Федерации Памфилова Элла Александровна, подписала Соглашение о признании профессионально-этической юрисдикции Общественной коллегии по жалобам на прессу, приняв тем самым на себя обязательство не использовать решение Общественной коллегии по данному информационному спору для его продолжения в судебном, ином правовом или административном порядке. Адресат жалобы, и. о. директора службы новостей Московского бюро Associated Press г-жа Харриет Моррис, также подписала Соглашение о признании профессионально-этической юрисдикции Общественной коллегии по жалобам на прессу, приняв тем самым на себя соответствующее обязательство.

Позиция заявителя Эллы Александровны Памфиловой при обращении в Коллегию была выражена следующим образом: «В соответствии с принципами проведения выборов в Российской Федерации избирательные комиссии осуществляют свою деятельность открыто и гласно, информируя избирателей, в том числе через средства массовой информации, о ходе подготовки и проведении выборов, о сроках и порядке совершения избирательных действий, о кандидатах, избирательных объединениях, законодательстве Российской Федерации о выборах.

При этом избирательные комиссии особое внимание уделяют качеству информационных материалов, публикуемых в средствах массовой информации, а именно их объективности и достоверности.

21 августа 2019 года в ЦИК России поступило официальное обращение средства массовой информации Associated Press о проведении видеосъемки с Председателем ЦИК России Э. А. Памфиловой “об избирательной кампании 2019 года и специфике предстоящих выборов”.

27 августа 2019 года съемочной группой средства массовой информации Associated Press было записано часовое видеосъемка с председателем ЦИК России Э. А. Памфиловой (стенограмма прилагается).

29 августа 2019 года на сайте arnews.com в информационно-телекоммуникационной сети Интернет по адресу <https://arnews.com/a047cea7f78a46a3a3075b6d29741edf> (публикация прилагается) был размещен авторский материал корреспондента Associated Press Натальи Васильевой, содержащий оценочную, искаженную трактовку видеосъемки с использованием в нем вырванных из контекста высказываний председателя ЦИК России Э.А. Памфиловой.

Видеосъемка, записанная 27 августа 2019 года, не была опубликована на сайте средства массовой информации Associated Press, а размещенные краткие цитаты представляют

собой разрозненные фразы, вырванные из контекста и потерявшие свой изначальный смысл. Вместе с тем автором статьи допущены искажения отдельных фактов, примеры которых приведены на официальном сайте ЦИК России по адресу <http://cikrf.ru/news/cec/44091>.

В связи с вышеизложенным ЦИК России обратилась в средство массовой информации Associated Press с просьбой о разъяснении сложившейся ситуации, а также об исправлении допущенных ошибок при опубликовании указанного материала.

В результате разговора, состоявшегося 30 августа 2019 года между председателем ЦИК России Э.А. Памфиловой и и. о. директора службы новостей Харриет Моррис, была достигнута договоренность об исправлении допущенных ошибок и корректировке текста статьи.

30 августа 2019 года поступил официальный ответ средства массовой информации Associated Press (прилагается), из которого следует, что статья признана корректной, опровержение не размещено, а в опубликованный материал 30 августа 2019 года внесены незначительные дополнения по тексту, которые, впрочем, не устранили искажения фактов.

В связи с изложенным считаем, что средство массовой информации Associated Press, а также корреспондент Наталья Васильева нарушили принципы и нормы профессиональной журналистской этики в части распространения необъективной и недостоверной информации, при условии, что журналистам была предоставлена исчерпывающая информация в виде интервью, запись которого была осуществлена 27 августа 2019 года.

Официальный ответ редакции средства массовой информации Associated Press, полученный ЦИК России, расценивается нами как определенная позиция редакции, нарушающая положения статьи 49 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 «О средствах массовой информации» (далее – Закон), нормы и принципы профессиональной журналистской этики. Положения статьи 51 Закона не допускают злоупотребления правами журналиста в целях фальсификации общественно значимых сведений, распространение слухов под видом достоверных сообщений.

Просим вас рассмотреть информационный спор этического характера, возникший между ЦИК России и средством массовой информации Associated Press».

Позиция адресата жалобы, и. о. директора службы новостей Московского бюро информационного агентства Associated Press Харриет Моррис, была выражена в письме в Коллегию от 13 сентября 2019 следующим образом: «По нашему мнению, текстовый и видеоматериалы являются корректными. После публикации мы выслушали претензии со стороны представителей ЦИК и приняли решение выпустить уточнение, чтобы добавить подробности того, почему независимым кандидатам было отказано в регистрации на выборах в московскую Городскую Думу 8 сентября 2019 года. Более подробная позиция по жалобе будет представлена дополнительно».

В письменных пояснениях г-жи Харриет Моррис, полученных Коллегией 17 сентября 2019 г., говорилось (*редакция оригинала сохранена*. – Коллегия): «После того, как стало очевидно, что Элла Памфилова не была довольна нашей статьей, опубликованной вечером 29 августа, я написала SMS-сообщение Ольге Кузнецовой из пресс-службы Центральной избирательной комиссии, в котором говорилось, что Наталия Васильева и я встретимся с Эллой Александровной на следующий день для обсуждения статьи. Ольга ответила, что Э.А. Памфилова хочет встретиться только со мной.

Я поехала на встречу 30 августа в 11.30 в Центральную избирательную комиссию. Я была там с Э.А. Памфиловой, ее заместителем Владимиром Владимировичем Грачёвым и еще двумя членами пресс-службы ЦИК. Мне не разрешили пронести мой телефон, и следовательно, я не могла записать встречу. Я с самого начала чётко дала понять, что я хочу и могу выслушать все их жалобы, но я не могу в одностороннем порядке вносить изменения в статью без предварительного обсуждения с моими коллегами.

Во время нашей встречи Владимир Грачёв поставил меня в очень неудобное положение, когда он выступил с завуалированными угрозами в отношении моей коллеги

Наталии, автора спорной статьи, сказав, что, публикуя такие статьи, она не сделает карьеру в России и не будет приветствоваться в Кремле и МИДе.

В конце этой встречи я пообещала, что в тот же день напишу им о том, что мы можем сделать для решения возникших претензий. После обсуждения с моими коллегами мы отправили письмо с изложением двух разъяснений, которые мы можем сделать.

В жалобе ЦИК на нас говорится:

В результате предметного разговора, состоявшегося между Эллой Памфиловой и и. о. директора службы новостей Харриет Моррис, была достигнута договорённость о корректировке AP текста статьи и обсуждении формата опровержения допущенных в публикации ошибок.

Это заявление ЦИК не соответствует действительности, как указано мной выше.

Что касается жалобы на то, что видео не было размещено на сайте. Мы очень редко публикуем полные интервью на нашем сайте. Большая часть нашего контента из Европы отправляется напрямую нашим видеоклиентам через наши внутренние веб-платформы. Никто в ЦИК не просил нас опубликовать видео полностью перед интервью, и никто из AP не предлагал, чтобы видео было опубликовано полностью.

В целом я считаю, что спорная статья Наталии Васильевой, соответствует стандартам AP и не содержит никаких искажений либо недостоверной информации в отношении Э.А. Памфиловой.

Приведенный в спорной статье текст прямой речи Э. А. Памфиловой полностью соответствует тому, что она говорила во время интервью, что подтверждается соответствующей видеозаписью».

Обстоятельства, установленные в ходе заседания Коллегии. Выступая на заседании, представитель заявителя **Ольга Олеговна Кузнецова**, начальник Управления пресс-службы и информации ЦИК РФ, заявила, что ЦИК, заботясь о качестве собственной деятельности в информационном пространстве, просит и журналистов придерживаться принципов объективности, достоверности, актуальности материалов, посвящённых избирательной системе. Подчеркнув, что «ЦИК всегда готов к разъяснению тех или иных вопросов, каких-то специфических тем», г-жа Кузнецова уточнила: «Руководство ЦИК всегда идёт навстречу всем запросам на интервью, поступающим от СМИ. <...> За весь период работы нового состава ЦИК, с 2016 года, ни разу не возникало ситуации, когда какие бы то ни было недоразумения и несогласованности мы выносили в публичное пространство. Для нас эта ситуация так же нова, и я думаю, так же неприятна, как и для коллег из AP».

Уточняя обстоятельства возникновения информационного спора, О.О. Кузнецова отметила, что в конце августа с. г. председатель ЦИК Э.А. Памфилова в ответ на запрос от AP «дала развёрнутое интервью, касающееся одного из наиболее острых на тот период вопросов об отказах от регистрации кандидатов в Мосгордуму». При этом вместо заранее оговоренных 30 минут интервью длилось около часа. «Элла Александровна сочла моральным долгом разъяснить все моменты, все детали, ответив на все вопросы корреспондента Наталии Васильевой», приведя, в том числе, примеры нарушений и продемонстрировав часть подписных листов.

«Вместо заявленного видеointервью в архиве AP был размещён менее чем 4-минутный видеоряд, состоящий из нескольких атмосферных кадров. Плюс пять выдержек – по 20-25 секунд каждая – из слов Эллы Александровны. К сожалению, смысл фраз в этой “промоверсии” видеосюжета сводится к ущербности избирательного законодательства, сложности жизни оппозиции, митингам, протестам и бессилию ЦИК и его руководителя. Звучит это, по крайней мере, так».

Формально отрывки были корректны, «поскольку слова действительно были сказаны Эллой Александровной. Когда они говорились, однако, у Памфиловой, через запятую, звучало “но”: с объяснениями, аргументами, фактами. Отсутствие этого “но” в выложенных отрывках, на наш взгляд, полностью меняет смысл того, что было сказано».

Представитель заявителя прокомментировала воспроизведённые на заседании фрагменты интервью, размещённые AP, восстанавливая контекст сказанного по стенограмме интервью главы Центризбиркома. По словам О.О. Кузнецовой, опущенным AP оказался основной лейтмотив интервьюируемого: «незыблемость закона и необходимость его соблюдения всеми сторонами и участниками избирательного процесса».

Оксана Владимировна Александрова, советник председателя ЦИК и официальный представитель заявителя, охарактеризовала ситуацию, по поводу которой сформировался информационный спор, как непонятную ей, поскольку ЦИК «не только всегда идёт навстречу журналистам, но и особенно старается объяснить свою точку зрения тем, кто придерживается других взглядов».

Представитель заявителя высказала понимание того, что любое информационное агентство «настаивает на достоверности своей информации», и назвала «совершенно прекрасными вещами» следующие позиции документа, фиксирующего новостные принципы и ценности Associated Press: «Мы считаем неприемлемыми неточность, небрежность, предвзятость и искажения. Это означает, что мы никогда не помещаем заведомо ложную информацию в материал, предназначенный для публикации или трансляции»; «Цитаты должны быть чёткими и ясными»; «Мы никоим образом <...> не манипулируем фактами, полученными от источника»; «Ничто в нашем новостном сообщении – ни слова, ни фотографии, ни графика, ни звук или видео – не может быть выдуманно или додуманно». О.В. Александрова заметила: «Но, вероятно, у нас разные представления об объективности».

Выразив удивление характером вопросов, которые задавала Э.А. Памфиловой корреспондент AP («Её вопросы изначально выдавали позицию. Например: “Вот такого рода нарушения Вам кажутся достаточными для отказа в регистрации?” Или: “А кто выталкивает людей в радикальное поле? Ваши решения не выталкивают людей?”»), представитель заявителя остановилась на примерах «неточностей и додумываний, которые позволила себе Наталия Васильева». Один пример из приведённых ею на заседании – заголовок и текст от 29.08: «Russian election chief defends ban on Moscow candidates» – «Глава Центризбиркома России поддерживает запрет на регистрацию кандидатов в Москве» (*перевод Отдела международного сотрудничества УВВПП и МС Аппарата ЦИК России*. – Коллегия). «Элла Памфилова настаивала в интервью AP на этой неделе на том, что она ничего не может сделать, чтобы предотвратить то, что переросло в крупный политический кризис». В дополненном тексте от 30.08 за приведённой фразой следует такая: «Памфилова заявила, что вопросы внутренней политики России находятся за пределами её компетенции» (*перевод Отдела международного сотрудничества УВВПП и МС Аппарата ЦИК России*. – Коллегия). Комментарий О.В. Александровой: «Я с собаками, что называется, искала в стенограмме словосочетание “политический кризис”. Не нашла. Единственное, что нашла на первой странице и что, наверное, должно было как-то помочь сориентироваться корреспонденту: “Я бы хотела подчеркнуть, что ЦИК России напрямую не отвечает ни за одну из многочисленных кампаний, которые идут в России”. Далее Элла Александровна объясняет компетенции ЦИК».

(Не имея возможности воспроизвести в преамбуле настоящего решения все примеры, приведённые стороной заявителя, Коллегия включает в материалы, дополняющие жалобу на сайте, документ «Сравнение фактов, приведённых в статье AP, с цитатами из стенограммы интервью Памфиловой», предоставленный О.В. Александровой. – Коллегия)

«И последняя история – это сам заголовок. Как видите, статья называется “Памфилова поддержала запрет на регистрацию кандидатов в Москве”. Меня смущает “запрет на регистрацию”. Я на эту тему специально консультировалась с переводчиками, можно ли как-то по-другому перевести “запрет на регистрацию”. Мне ответили, что сказанное совершенно чётко переведено на русский. Но наша Конституция в 32-й статье опровергает, что существует вообще некий запрет на участие человека в активном или пассивном избирательном процессе. Данный заголовок, с моей точки зрения, делает Эллу Александровну соучастником нарушения

Конституции. Если Наталия Васильева не считает, что это является предвзятостью или оскорблением, и требует, как минимум, доказательств, - то это на ваше решение, коллеги».

Наталия Васильева, автор публикации, пояснила, что оспоренный материал «был одним из нескольких. Это была серия материалов, которые мы готовили этим летом на тему московских выборов и реакций на московские выборы. Бюро направило письмо в ЦИК с просьбой об интервью с Эллой Памфиловой, интервью состоялось 29 августа. Ольга Кузнецова заранее спросила меня о теме. Я сразу сказала, что меня интересуют московские выборы и что большинство моих вопросов касается московских выборов». Подчеркнув, что председатель ЦИК «сама подняла тему о недостатках избирательного законодательства», автор материала пояснила, что её эта тема заинтересовала, «поскольку, по мнению некоторых людей, законодательство явилось одной из проблем, приведших к тому, по сути дела, политическому кризису, который мы видели в Москве этим летом. Элла Александровна высказала свою позицию. Её комментарии по этому поводу стали одним из основных лейтмотивов статьи, поскольку мне и нашей редакции показалось, что эта тема вызывает общественный интерес».

По словам г-жи Васильевой, через несколько часов после выхода статьи ей позвонила О.О. Кузнецова: «Я выслушала все её претензии пункт за пунктом, включая те, которые, как мне казалось, касались некорректного перевода. Поясню, что лента AP выходит на английском языке, изначально все материалы, в том числе мной, пишутся на английском. Т. е. у меня не было и нет русского текста. Текст на русском, который мы здесь обсуждаем, – это перевод, составленный ЦИК. И претензии, которые по нему были высказаны, мне кажется, были высказаны как претензии, связанные с некорректным переводом. Я выслушала Ольгу и объяснила нашу позицию».

Через час после этого мне позвонила сама Элла Александровна. Я попросила назвать конкретные пункты, которые её не устраивают, по этим пунктам мы прошли. Ей хотелось, чтобы был более развёрнутый комментарий. Где-то её не устраивал бэкграунд: факты, которые мы используем, когда описываем ситуацию, контекст, в котором что-то происходит. Пару пунктов, которые она высказала, я приняла, это были дополнительные факты, которые не попали в статью, потому что я ограничена количеством знаков, или же потому, что эти детали, на мой взгляд, были несущественны или достаточно сложны для понимания зарубежной аудиторией. Тем не менее после звонка эти два пункта были добавлены.

Наш разговор я передала исполнительному директору Харриет Моррис, которая сейчас отсутствует в Москве по семейным обстоятельствам. Она написала sms Ольге Кузнецовой с просьбой о встрече и с выражением того, что для нас отношения с ЦИК важны и мы хотели бы ситуацию прояснить. Г-же Моррис было предложено встретиться, но меня, автора материала, из этой встречи исключили. Замечу, что г-жа Моррис говорит и понимает по-русски, но её владение русским языком ограничено. Она не брала интервью и не участвовала в подготовке материала.

На следующее утро после публикации была назначена встреча, как это описывалось – «чай с Эллой Александровной». Вместо этого с г-жой Моррис встречались четыре человека, которые в довольно эмоциональной атмосфере высказывали свои претензии. В том числе произошёл один инцидент, когда один из сотрудников аппарата высказал комментарий в мой адрес, который мы расцениваем как угрозу. Было сказано: «У Наталии никогда не будет карьеры, её не будут пускать в ЦИК, МИД и Кремль». Мы считаем этот комментарий недопустимым.

По возвращении г-жи Моррис у нас была встреча с ней и с редакторами в Лондоне и Нью-Йорке, чтобы понять, есть ли предмет для исправления, нужно ли что-то исправлять или добавлять.

Конкретики в претензиях было мало, тем не менее мы вычленили несколько моментов. Например, расширяя одну из цитат, на чём настаивал ЦИК, мы привели вместо одного предложения три. Для нас это довольно необычно, но мы это сделали, пошли на этот шаг.

И мы добавили подробности про регистрацию Соболев, – это тот вопрос, о котором говорила Элла Александровна.

Мы сделали эти добавления, выпустили сообщения на ленту о том, что статья дополняется. Описали, какие именно дополнения были сделаны. И после этого написали официальное письмо в ЦИК о том, что мы ещё раз посмотрели статью, изучили предмет претензий и внесли эти правки.

На следующее утро мы услышали заявление ЦИК о намерении обратиться в Коллегию».

Ильнур Ильгизович Шарапов, адвокат, представитель Московского бюро АР, предположил, что одной из причин возникновения ситуации информационного спора могло стать то, что выражение претензий по публикации свелось к разговорам. «Была бы претензия письменная, к примеру, с изложением конкретных сведений, которые Элла Александровна считает недостоверными, ошибочными или недостаточными, вопрос, я думаю, решился бы проще, не было бы этого заседания. Кроме того, разговор был с Харриет Моррис, которая, может быть, не совсем правильно восприняла просьбы и требования».

По словам представителя адресата жалобы, «Харриет была ошарашена тем, что происходило, что были высказаны угрозы. Для неё была непонятна ситуация, когда трое мужчин сердито высказали претензии к ней. Она написала письменные пояснения, я их передам Коллегии».

По существу претензий: редакция полагает, что статья, в том числе и доработанная, соответствует требованиям этического кодекса АР. В статье нет лживой информации. Всё, что было сказано Эллой Александровной, включено в текст в том виде, в каком было сказано. Да, по мнению автора, что-то являлось интересным читателям, а что-то было опущено по той причине, что интервью шло целый час. Уместить в статью всё сказанное невозможно, к тому же, как сказала автор, это была серия статей. Обвинять Наталию в том, что это статья пропагандистская, что в ней содержится недостоверная информация, на мой взгляд, неправильно. В чём конкретно недостоверность информации, покажите? Вам не нравится то, что не полностью выражена мысль? Но из-за того, что не было сказано, статья не меняется в худшую сторону, смысл сказанного был сохранён.

Что касается перевода: он не совсем верный. Я подготовил перевод того текста, который делала Наталия; с переводом ЦТК он разнится. Посмотрите, это важно».

Отвечая на предложение привести пример «неточного перевода» ЦИК, представитель адресата жалобы обратил внимание на заголовок материала от 29.08: «Перевод ЦИК звучит следующим образом: “Глава Центризбиркома поддерживает запрет”. Перевод с тем смыслом, который в него вкладывался автором, звучит следующим образом: “Глава Центризбиркома защищает запрет”. Т. е. не то чтобы поддерживает, но защищает как глава ЦИК».

Комментируя сказанное стороной адресата жалобы, **О.О. Кузнецова** выразила сожаление, что подробности встречи в Центризбиркоме с Харриет Моррис невозможно выяснить без самой г-жи Моррис, «поскольку со стороны АР только она могла бы подтвердить, что именно было и о чём были договорённости. Но тут была сказана пара громких фраз – например, что трое мужчин напугали Харриет. Это совершенно не так. На встрече присутствовали Элла Александровна Памфилова, Ольга Владимировна Александрова, я и заместитель руководителя аппарата ЦИК РФ Владимир Владимирович Грачёв – единственный мужчина в той компании. И насчёт того, что Харриет Моррис плохо владеет русским языком: она предупредила меня об этом. Поэтому Грачёв, который блестяще владеет английским, по просьбе Харриет сидел с ней рядом и буквально после каждого абзаца спрашивал её: стоит ли это перевести? На что-то она говорила: да, пожалуйста, на что-то – нет, я всё поняла. И маленькое пояснение: на мой вопрос о темах, вопросах, тезисах, которые планируется обсудить, Наталия мне чётко ответила, что она не может заранее предоставить

мне вопросы, что она может только озвучить тему: Мосгордума и отказы от регистрации. Всё остальное остаётся за кадром, это её право».

О.В. Александрова напомнила, что в полученном запросе АР на видеointервью с Э.А. Памфиловой была строчка: «Мы хотели бы как можно более объективно и полно осветить ситуацию, которая вызывает столько разногласий в обществе». «Как человек, поработавший и в журналистике, и в различных пресс-службах, я понимаю, что любой журналист, если он надеется получить информацию, должен знать, о чём именно он просит – о видеointервью, о комментарии к чему-то. Либо он говорит: мы готовим ряд статей и хотели бы получить ответы на такие-то вопросы. Сотрудник пресс-службы, исходя из запрошенного, понимает, что сказать спикеру. Надо ли ему говорить короткими фразами, если требуются комментарии (синхроны больше 25 секунд редко приветствуются), или он может, поскольку это интервью, позволить себе какие-то рассуждения. Мне в данном случае интересно: почему Наталия не предупредила нас о том, что запрошенное видеointервью – это просто запись, которая будет использоваться как комментарий к её статье?»

Наталия Васильева, отвечая на вопрос, заявила, что не считает текст, который обсуждается, «комментарием»: «Это не одна-две фразы, это большой материал (больше 1000 слов) – и это телевизионный сюжет на 4 минуты. И это обычный, привычный формат: таковы интервью АР, Reuters, АФП и других информационных агентств. Так мы работаем. Единственным исключением на моей памяти (за 11 лет работы в АР) был случай, когда мы брали интервью у президента Путина. Тогда были даны стенограмма и одновременно интервью. В данном случае, и видеоматериал, и текстовый материал представляют собой интервью, потому что там есть только Элла Александровна Памфилова».

На уточняющий вопрос О.В. Александровой «Но тогда почему Вы написали “videointервью”, а не “интервью для цитирования его в статье”? В этом случае мы обязательно запросили бы согласование цитат» Наталия Васильева ответила: «Как вы видели, сюжет вышел, и видеointервью было. Оно включало в себя пять больших развёрнутых цитат».

Владимир Исаченков, корреспондент АР, представляющий сторону адресата жалобы, пояснил: «В АР и, насколько я знаю, в других международных СМИ нет практики визирования интервью. Интервью выходят в том виде, в каком редакция считает необходимым его выпустить. О согласовании вопросов, о согласовании текста, который выходит после интервью, речи идти не может: это обычная практика».

Ответ **Наталии Васильевой** на вопрос **О.В. Александровой** о том, как сочетается информация об ограничении автора публикации количеством знаков с тем, что в текст не был включен вообще никакой «фактаж» по выборам, за которым приходила корреспондент, но хватило места для экскурса в историю, справки о возрасте и элементах биографии Э.А. Памфиловой: «Я не хотела бы тратить время Коллегии на рассказ о том, почему важно в статье рассказать о персонаже, о котором мы пишем, дать небольшой бэкграунд и контекст, чтобы было понятно, кто это и что это за человек. И второе: я пришла с определённым набором вопросов – и я их придерживалась. Но в интервью Элла Александровна начала говорить о законодательстве, о том, что оно несовершенно. Мне показалось, что эта тема перевешивает какие-то технические подробности и детали, которые, может быть, были бы интересны для специализированных российских изданий, но не для зарубежного читателя».

Ответ **Владимира Исаченкова** на уточняющий вопрос **О.В. Александровой** («Почему же, если корреспонденту АР показалась интересной тема именно изменений в законодательстве, она оказалась не раскрыта в материале?»): «Вы должны иметь в виду, что материал этот рассчитан на очень широкую аудиторию – мировую, а не внутрисоссийскую».

Поэтому говорить, что какая-то тема раскрыта или не раскрыта, на самом деле, очень трудно. Мы вступаем на территорию очень субъективной интерпретации текста».

Отвечая на вопросы членов Коллегии, **Владимир Исаченков** пояснил, что в рамках АР и, насколько он знает, других мировых информационных агентств интервью выпускается «в виде связного текста, который включает в себя контекст», только в случаях интервью с главами государств интервью представляет собой отдельный материал с дословным воспроизведением сказанного. При этом в практике АР «вообще нет примеров посылки текста интервьюируемому на согласование, в том числе для предоставления какой-то дополнительной информации. Это исключено правилами».

По его мнению, конфликтная ситуация сложилась в силу недопонимания между сторонами информационного взаимодействия, которое могло быть прояснено в ходе предварительных переговоров.

На вопрос к представителям заявителя «А вы-то почему ничего не выяснили по поводу формата, времени, того, как отснятое будет подаваться в АР?» получены ответы: «В заявлении было чётко написано: запрос на видеointервью. Когда к нам обращаются с запросом на интервью, мы понимаем, о чём говорим» (**О.В. Александрова**) и «Интервью – это всё-таки интервью» (**О.О. Кузнецова**).

На вопрос, распространяются ли на сотрудников АР, например, Кодекс общества профессиональных журналистов, другие американские стандарты более широкого плана, чем собственно стандарт АР, **Владимир Исаченков** ответил так: «Конечно, мы поддерживаем широкие стандарты, которые приняты всем медиасообществом. Но мы не считаем, что они хоть как-то, хоть в какой-то степени были нарушены при подготовке и публикации этого материала».

На вопросы, говорилось ли о том, как полученное видеointервью может быть использовано, были ли договорённости о размещении интервью именно и только на сайте АР, обсуждались ли различные версии использования интервью, данного на камеру, шла ли речь о предварительном ознакомлении Эллы Александровны Памфиловой с тем, что именно и в каком виде будет размещено на сайте АР, **Наталья Васильева** дала следующие ответы: «Когда мы сели перед камерой и начали записывать интервью, Элла Александровна задала вопрос: “Как вы будете его использовать?” На что я ответила: “Будет текстовый материал – и телевизионный сюжет”». О размещении материала: «Сайт АР – не главный источник распространения. У АР есть подписчики. Для распространения есть определённая техническая база, про которую я не хочу рассказывать, поскольку я не эксперт в этом. Смысл в том, что подписчики получают материалы через эти внутренние каналы. Они имеют доступ ко всему этому – и доступ к FTP-серверу, где лежат все эти материалы».

«В разговоре с Наталией, когда она уже уезжала, был мой вопрос: вы нам пришлёте посмотреть, что получится? Она сказала “да”. Вопрос и ответ были, но тут, видимо, нужно говорить о недостатке конкретных договорённостей» (**О.О. Кузнецова**).

«Мы никогда не запрашиваем материал на согласование, когда речь идёт об интервью. Если бы я услышала слово “статья” (а его не было, Наталия, или вы его очень тихо сказали, на ухо Элле Александровне), то я бы обязательно проговорила вопрос о согласовании. Но дело даже не в этом. Когда Элла Александровна уходила, она сказала Наталии: я понимаю, что наговорила вам очень много, что час вы не возьмёте. У меня к вам единственная просьба: пожалуйста, не обрезайте фразы, не подвергайте их цензуре. Дайте лучше мало, но всю мысль целиком. Либо не ставьте вообще» (**О.В. Александрова**).

На просьбу уточнить, что именно в тексте заявитель выделяет, относя к «искажению фактов» и «недостовой информации», **О.В. Александрова** ответила, что готова была представить на заседании десять конкретных фактов. И что она готова передать Коллегии свой анализ текста, где всё это есть.

Ответ **О.В. Александровой** на вопрос, что именно заявитель понимает под пропагандой (поскольку в заявлении ЦИК было сказано, что публикация АР «производит

впечатление пропагандистского материала»): «В моём понимании пропаганда – это отстаивание определённой точки зрения. И подтасовки фактов под эту точку зрения».

На вопрос к представителям адресата жалобы «Раз ваше представление об интервью настолько отличается от понимания этого формата в России, то почему же, обращаясь в ЦИК или другие организации, Вы не объясняете это различие? Вы же знаете, как люди понимают здесь интервью: явно не как колонку в газете, где приведены две цитаты человека, с которым ты час беседовал. Почему вы не объясняете, что именно имеете в виду?» были даны следующие ответы: «Речь шла об интервью на камеру. Имелось в виду, что интервью будет записано, что человек не против того, что его будут записывать. Формат, в котором мы работаем, привычен для большинства американских и английских СМИ. Все интервью, которые я проводила за годы работы в АР, были сделаны в таком формате. Ни у одного из спикеров никогда не было претензий по этому поводу. И наше бюро никогда не сталкивалось с претензиями на такой почве. Поэтому мы не видели необходимости объяснять, как именно выглядит обычный американский формат интервью (**Наталья Васильева**).

«АР не является телевещателем, хотя у него есть отдельная служба теленовостей. Эта служба теленовостей делает отдельные сюжеты для вещателей, сюжеты эти длятся 3–4 минуты. Т. е. то, что мы даём 3 минуты, а не час, – это не вопрос нашего субъективного выбора, это требование рынка, требование вещателей» (**Владимир Исаченков**).

На просьбу уточнить, использовалось ли Эллой Александровной Памфиловой определение «крупный политический кризис», называла ли она события, происходившие в Москве перед выборами, «политическим кризисом», поступил единственный определённый ответ: «Но в английском тексте нет слов “политический кризис”. Там есть “она не сумела предотвратить события”, а дальше идёт контекстная часть» (**Владимир Исаченков**).

Отвечая на вопрос «Считаете ли вы, что в вашем материале нет неточностей, небрежностей, предвзятости и искажений?», **Наталья Васильева** дала ответ: «Да, я так считаю. Более того, АР выпустило заявление перед нашим заседанием, в котором заявило, что мы считаем материал корректным».

На этапе подготовки к заседанию все члены ad hoc коллегии были ознакомлены с результатами исследований (мнениями эксперта) д. филос. н., проф. **Светланы Каимовны Шайхитдиновой** и к. филос. н. **Каринэ Акоповны Назаретян**.

Участники заседания получили возможность ознакомиться с основными выводами, содержащимися в исследованиях экспертов.

На заседании достигнута договорённость о том, что обе стороны предоставят Коллегии дополнительные материалы, которые посчитают нужными, – с условием, что материалы эти могут быть приняты к сведению членами ad hoc коллегии на этапе доработки принятого решения.

С учётом изложенного Общественная коллегия приняла следующее решение.

РЕШЕНИЕ

1. Коллегия находит заслуживающим внимания и уважения факт обращения ЦИК Российской Федерации в ситуации заведомо непростого информационного спора к российскому органу само- и регулирования в сфере массовой информации – усматривая в этом понимание роли и значения профессионально-этического начала в журналистской профессии.

Коллегия по достоинству оценивает готовность Московского бюро Associated Press (АР) подписать Соглашение о признании профессионально-этической юрисдикции Общественной коллегии по жалобам на прессу и принять участие в рассмотрении информационного спора.

Коллегия находит оправданным и полезным участие в рассмотрении информационного спора автора оспоренной публикации Наталии Васильевой.

2. Коллегия определяет спор по поводу представленных публикаций AP как межкультурный и в значительной мере языковой, лингвистический в основе.

3. Изучив языковые и смысловые особенности оспоренного текста и сопоставив переводы с английского языка, полученные от заявителя и от представителей адресатов жалобы, Коллегия не находит оснований для обсуждения вопроса о корректности переводов сказанного на русский язык.

Коллегия напоминает, что оспоренная публикация изначально готовилась для англоязычной аудитории, воспринимающей тексты AP в устоявшейся языковой, культурной, профессиональной журналистской традиции, заметно отличной от очевидной и привычной в России.

4. Коллегия соглашается с тем, что сам по себе факт возникновения данного информационного спора в значительной мере связан с недостаточным учётом сторонами межкультурных различий, а именно с тем, что каждой из сторон представлялось понятным, не нуждающимся в прояснении, согласовании, в выработке и оформлении одинаково понимаемых договорённостей.

5. Коллегия признаёт, что рассматриваемый информационный спор имеет выраженную профессионально-этическую составляющую, что позволяет Коллегии отнести этот спор к своей компетенции.

6. Коллегия принимает к сведению тот факт, что агентство AP согласилось с выводами своего Московского бюро и признало материал корректным, о чём сообщила на заседании Коллегии Наталия Васильева.

С уважением относясь к точке зрения AP, Коллегия предлагает свой анализ ситуации и качества оспоренного текста применительно к конкретным претензиям к нему заявителя. При этом Коллегия апеллирует к соответствующим положениям *Декларации ценностей и принципов Associated Press* («Мы считаем неприемлемыми неточность, небрежность, предвзятость и искажения») и «Нам необходимо быть честными»), а также к собственному *Медиаэтическому стандарту*.

7. Рассматривая ключевой вопрос заявителя об этической допустимости «замены» видеointервью председателя ЦИК РФ Э. А. Памфиловой текстом, подготовленным Наталией Васильевой, и пятью короткими выдержками из видеointервью на сайте AP, Коллегия принимает к сведению сказанное представителями адресата жалобы о принятом в AP понимании формата интервью, привычного для аудитории AP.

Коллегия учитывает вместе с тем, что оспоренное интервью взято в России, где для большинства журналистов и ньюсмейкеров характерна иная традиция, другое прочтение журналистских жанров, во многом отличное от того, к чему привыкла аудитория AP.

8. Коллегия полагает, что журналист Наталия Васильева, не предупредив Э.А. Памфилову об итоговом формате публикации часового интервью, формально не нарушила каких бы то ни было обязательств и обещаний.

Предполагая, что в данном случае имело место недоразумение, «вызванное тем, что журналисты не смогли чётко и ясно изложить заявителю свои планы относительно формата будущего материала», эксперт Коллегии Каринэ Назаретян определяет сложившуюся ситуацию как «просчёт журналистов».

Соглашаясь говорить о просчёте, а не о введении ньюсмейкера в заблуждение, Коллегия усматривает за ним проявление «облегчённого» подхода журналиста к максиме «Нам необходимо быть честными», содержащейся в упомянутой *Декларации АР*. И невыполнение правила, сформулированного в той же *Декларации* следующим образом: «Если у источника есть свои условия, их необходимо обсудить заранее, до интервью».

Как представляется Коллегии, конкретные условия публикации интервью не оговаривались заявителем именно в силу того, что адресатом жалобы предварительно не были разъяснены ни цели интервью, ни особенности устоявшегося в АР подхода к этому формату.

9. Коллегия находит, что обращённый к Н.Васильевой вопрос одного из членов ad hoc коллегии «Понимаете ли Вы, что эти люди чувствуют себя обманутыми?» проявил ситуацию утраты доверия к журналисту со стороны заявителя.

Коллегия признаёт, что вопрос о ценности сохранения доверия со стороны источника информации может быть поставлен для себя и решён только самим журналистом.

10. Воздерживаясь от выводов, расходящихся с её компетенцией, Коллегия отмечает столь же «облегчённый» подход сотрудников ЦИК РФ к работе со всемирно известным информационным партнёром. По роду своей деятельности эти сотрудники должны иметь чёткое представление о принципах, форматах и технологиях информационной работы АР, о принятом в АР понимании жанра интервью, о правилах поведения в ситуациях, касающихся требований исправления выпущенных текстов.

Приветствуя настроенность руководства ЦИК на деbüroкратизацию в работе со СМИ и с журналистами, проявившуюся при подготовке интервью Э.А. Памфиловой корреспонденту АР, Коллегия рассматривает возникший информационный спор как досадный, но полезный урок для заявителя.

11. Коллегия не разделяет подхода Наталии Васильевой к собственному материалу как к полностью соответствующему профессионально-этическим стандартам.

Не усматривая в оспоренном тексте *признаков пропаганды*, Коллегия соглашается со следующим выводом своего эксперта С. К. Шайхитдиновой: «Сопоставление со стенограммой данного в спорных текстах пересказа ответов главы Центризбиркома на вопросы интервью, а также цитат из её речи подтверждает их документальность. Однако несмотря на то, что в публикациях действительно использованы высказывания Эллы Памфиловой из её интервью, их общий смысл расходится с тем, что она в них вкладывала».

Способы, которыми произведён данный эффект:

1) в качестве события в первой заметке представлена некая политическая позиция главы Центризбиркома России, которую она не заявляла;

2) вся информация из интервью подвёрстана под тему противостояния в России оппозиции и официальной власти (тема разворачивается на основе других фактов, вставленных в публикации), тогда как Памфилова стремилась избежать темы противостояния;

3) действия ЦИК изначально включены в отрицательно оцениваемый контекст. Высказывания главы Центризбиркома в интервью переведены в заданной логике из формата разъяснений, рассуждений в формат политических заявлений функционера, представляющего интересы Кремля.

Таким образом, спорные публикации на сайте информационного агентства Associated Press выглядят тенденциозными, что нарушает основополагающий принцип профессиональной этики журналиста – принцип объективности».

12. Признавая за журналистом право выбора личной, в том числе *не беспристрастной* позиции при обращении к конфликтной ситуации, имеющей признаки выраженного общественного интереса, Коллегия усматривает проблему оспоренного текста в том, что публикация, которая должна рассматриваться – по словам самой Наталии Васильевой – не как

авторская статья журналиста, а как интервью Эллы Памфиловой, председателя ЦИК Российской Федерации, имеет явные признаки текста *небеспристрастного, политизированного* и, главное, заметно *расходящегося со смыслом и тональностью* сказанного Э.А. Памфиловой на камеру.

Как представляется Коллегии, вкрапление в текст не искажённых и не оборванных цитат из интервью Э.А. Памфиловой мало что меняет в его характере, поскольку сами эти цитаты введены автором в им же выстроенный контекст.

13. Коллегия обращает внимание на два прямых высказывания, определённо не делавшихся Э.А. Памфиловой, но воспринимаемых читателем как раскавыченная цитата. («Глава комиссии Элла Памфилова настаивала в интервью Associated Press на этой неделе на том, что она ничего не может сделать, чтобы остановить то, что переросло в крупный политический кризис» и «Памфилова заявила, что вопросы внутренней политики России находятся за пределами её компетенции») (*перевод АР. – Коллегия*).

Напоминая об ответственности журналиста за достоверность передаваемых мнений, Коллегия соглашается с экспертом Каринэ Назаретян в том, что журналист позволила себе весьма вольную трактовку слов спикера, «что не соответствует заявленным в Декларации АР идеалам точности и корректности передачи информации».

14. Коллегия находит не отражающим позицию Э.А. Памфиловой (в обоих вариантах перевода) заголовок текста, подготовленного Наталией Васильевой. Соглашаясь с тем, что в этом заголовке на момент выхода публикации мог быть усмотрен, в том числе, диффамационный оттенок, Коллегия, однако, не может согласиться с высказанным на заседании мнением о том, что такой заголовок якобы превращает Э.А. Памфилову «в соучастника нарушения Конституции Российской Федерации».

Напоминая о праве журналиста на ошибку, в том числе не признаваемую им таковой, Коллегия предостерегает от преувеличения предполагаемых провинностей представителей СМИ, накопление которых способно открыть, пусть и невольно, дорогу к формированию «образа врага» в сфере массовой информации.

15. Коллегия не готова обсуждать вопрос о том, выполнили или не выполнили адресаты жалобы некие договорённости, достигнутые по предъявлению претензий заявителя после публикации первоначального текста материала, подготовленного Наталией Васильевой, поскольку не может достоверно судить ни о самих договорённостях, ни об условиях, в которых они выработывались.

Коллегия констатирует в этой связи, что внесённые в текст дополнения не были сочтены заявителем достаточными, соответствующими его представлениям о том, что может или должно быть изменено, и его ожиданиям. И что по ходу переговоров сразу после выхода публикации от 29 августа не велись протоколы и не были выработаны доступные обеим сторонам договорённости, выполнение или невыполнение которых могло бы рассматриваться в логике их соответствия позициям *Декларации АР и Медиаэтического стандарта Коллегии*.

16. Коллегия предоставляет всем, кому это интересно, доступ к полному пакету документов по данному информационному спору, предоставленных сторонами на этапе подготовки к рассмотрению информационного спора и сразу после заседания Коллегии.

17. Учитывая специфику рассмотренного информационного спора, Коллегия считает полезным ознакомить обе его стороны со следующими положениями *Принципа 8 «Защита права на свободу слова» Медиаэтического стандарта Коллегии*: «В отношении с органами государственной власти или экономическими структурами журналист избегает каких-либо действий, способных подорвать его независимость или поставить под сомнение уверенность адресата журналистского текста в его критическом подходе и неангажированности».

Журналист дорожит доверием граждан к себе и своему слову, поддерживает редакционную самостоятельность, но при этом делает всё возможное для того, чтобы медиа не превращались во власть или антивласть, не выходили из-под демократического гражданского контроля».

18. Коллегия напоминает сторонам о взятом на себя обязательстве не использовать вынесенное решение Общественной коллегии по жалобам на прессу для продолжения данного информационного спора в судебном, ином правовом или административном порядке.

19. Общественная коллегия просит:

- редакции журналов «Журналист» и «Информационное право» – опубликовать состоявшееся решение Общественной коллегии;
- факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, а также факультеты журналистики других вузов – обсудить состоявшееся решение Общественной коллегии со студентами, изучающими профессиональную этику;
- Комиссию Общественной палаты Российской Федерации по развитию информационного сообщества, СМИ и массовых коммуникаций – принять к сведению состоявшееся решение Общественной коллегии.

Настоящее решение принято консенсусом.

**Председательствующий,
Ю.В. Казаков**

Док. 4а

**Мнение эксперта,
кандидата философских наук Каринэ Назаретян, о ситуации с интервью
Эллы Памфиловой информационному агентству Associated Press,
состоявшемуся 27 августа 2019 года**

Глава ЦИК России Э. А. Памфилова подала жалобу в ОКЖП на информационное агентство Associated Press (AP) из-за допущенных, на её взгляд, нарушений принципов профессиональной журналистской этики и российского Закона «О средствах массовой информации». В тексте жалобы, а также в тексте заявления ЦИК России, на которое ссылается Э.А. Памфилова, содержатся следующие конкретные претензии:

- 1) вместо запланированного формата видеointервью вышел печатный авторский материал корреспондента AP Наталии Васильевой;
- 2) вышедший материал содержит «оценочную, искажённую трактовку видеointервью с использованием в нём вырванных из контекста высказываний Председателя ЦИК России Э.А. Памфиловой»; размещённые на сайте краткие отрывки видеointервью также «представляют собой разрозненные фразы, вырванные из контекста и потерявшие свой изначальный смысл»;
- 3) автором статьи «допущены искажения отдельных фактов»; один из примеров такого искажения приведён в тексте заявления ЦИК России;
- 4) несмотря на переговоры между Э. А. Памфиловой и и. о. директора службы новостей AP Харриет Моррис, руководством AP статья была «признана корректной, опровержение не размещено, а в опубликованный материал 30 августа 2019 года внесены незначительные дополнения по тексту, которые, впрочем, не устранили искажения фактов»;

5) в целом AP «нарушили принципы и нормы профессиональной журналистской этики в части распространения необъективной и недостоверной информации».

Прежде чем подробно рассмотреть каждую из этих претензий, хотелось бы оговорить два важных момента.

Этика и закон

Во-первых, заявитель жалобы говорит о нарушении как принципов журналистской этики, так и Закона «О СМИ». Однако ОКЖП — не судебный орган и имеет дело исключительно с вопросами журналистской этики. Моя компетенция как эксперта Коллегии также не выходит за рамки журналистской этики, поэтому вопрос об отношениях американского информационного агентства с российским законом я оставляю за скобками этого обсуждения – на рассмотрение специалистов.

Во-вторых, следует обратить внимание на специфичность обсуждаемой ситуации: российский заявитель подаёт жалобу на американское СМИ, работающее в России. Здесь может возникнуть вопрос, каким именно принципам профессиональной журналистской этики должна подчиняться работа этих журналистов. Журналистские этические нормы сильно различаются в разных местах земного шара и пока далеки от унификации (см., например, [1]). Моральное обязательство соблюдать те или иные профессиональные этические принципы журналисты, в общем и целом, берут на себя добровольно. Однако многие организации (медиаорганизации и профессиональные объединения) имеют собственные этические кодексы / кодексы практики, и в таких случаях сотрудники или члены этих организаций по писаному или неписаному договору должны придерживаться, прежде всего, правил, принятых именно там.

В данном случае важно отметить, что у агентства Associated Press есть свой довольно подробный кодекс практики (*Декларация ценностей и принципов Associated Press*) [2]. Его правила обязательны для соблюдения всеми сотрудниками AP. «Перечисленные на этих страницах правила являются центральными для миссии AP; каждый случай их неисполнения должен быть рассмотрен и может повлечь за собой дисциплинарные меры – начиная от предупреждения и заканчивая увольнением, в зависимости от тяжести нарушения», – говорится в документе. В этом анализе я буду отталкиваться от того, что журналист AP должен, в первую очередь, придерживаться тех этических принципов, которые приняты в его организации; более общий план ценностей – закреплённый в американских, российских или других крупных профессионально-этических документах – будет учитываться при условии, что эти ценности не противоречат документу AP.

Претензия 1: вместо видеоподкаста вышел авторский материал

В запросе на интервью с Э.А. Памфиловой, предоставленном заявителем, написано: «Агентство новостей Associated Press пользуется возможностью выразить Вам своё почтение и просит об интервью на камеру об избирательной кампании 2019 года и специфике предстоящих выборов». Строго говоря, интервью на камеру – это не совсем то же самое, что видеоподкаст. Но формулировку, несомненно, можно понять двояко: и как сообщение, что планируется видеоподкаст, и как предупреждение, что интервью будет просто параллельно записываться на камеру для получения дополнительного видеоматериала.

Никаких правил относительно того, как согласовывать со спикером формат интервью, в кодексе практики AP нет. Из известных мне этических кодексов журналиста подобные правила подробно прописаны только в кодексе «Би-би-си» – этому посвящён целый раздел под названием «Честность по отношению к героям материалов и получение согласия», и его лейтмотив выражен в следующем положении: «В стандартных ситуациях мы должны получать у героев наших материалов информированное согласие на участие в нашем контенте.

Люди и организации должны быть заранее надлежащим образом информированы о том, какого рода участие планируется и в каком оно будет контексте, если только не существует редакционных оснований для того, чтобы действовать без их согласия» [3]. Правила «Би-би-си» представляются разумными; в отсутствие подобных в правил в медиаорганизации журналистам следует руководствоваться здравым смыслом, устно договариваясь со спикером о том, в какого рода материале/материалах будет использоваться его/её высказывания.

По всей видимости, в данном случае произошло недоразумение – вызванное тем, что журналисты не смогли чётко и ясно изложить заявителю жалобы свои планы относительно формата будущего материала. Это, несомненно, просчёт журналистов, которые в стандартных условиях должны быть максимально откровенны с источником информации. В то же время сам факт написания заметки по результатам разговора нельзя назвать моральной ошибкой: соглашаясь общаться с журналистом, следует ожидать, что всё сказанное так или иначе может стать доступным широкой аудитории. Разумеется, также следует ожидать, что слова будут переданы максимально корректно, – однако именно с этим связана следующая претензия заявителя.

Претензия 2: вышедший материал содержит искажённую трактовку видеоподкаста, использованные в нём цитаты вырваны из контекста

То, что цитаты должны быть точными и корректными, написано на первой же странице кодекса практики AP; далее это подчёркивается ещё раз: «Необходимо с одинаковой тщательностью следить за тем, чтобы цитаты были корректными и чтобы они не были вырваны из контекста». Документ создаёт впечатление, что для компании это один из ключевых этических принципов: «Мы не приемлем неточностей, небрежности, тенденциозности и передёргиваний», – гласит одно из его первых положений [2].

Э.А. Памфилова жалуется на то, что её цитаты вырваны из контекста, но, к сожалению, не приводит конкретных примеров. «29 августа 2019 года на сайте arnews.com <...> был размещён авторский материал корреспондента Associated Press Натальи Васильевой, содержащий оценочную, искажённую трактовку видеоподкаста с использованием в нём вырванных из контекста высказываний», – из этой фразы непонятно, все ли высказывания вырваны из контекста или только некоторые. Что касается фрагментов видеоподкаста, опубликованных на сайте AP, то, по всей видимости, заявитель считает вырванными из контекста их все: «Видеоподкаст <...> не было опубликовано на сайте <...>, а размещённые краткие цитаты представляют собой разрозненные фразы, вырванные из контекста и потерявшие свой изначальный смысл».

Следует сразу отметить, что определение того, насколько та или иная фраза вырвана из контекста, неизбежно субъективно – мне неизвестно о существовании объективных критериев для подобной оценки. Субъективный же критерий можно сформулировать так: фраза вырвана из контекста, если при её возвращении в контекст её смысл кардинально меняется.

В отсутствие конкретных примеров я внимательно изучила аудиозапись и стенограмму интервью и нашла там все процитированные, а также большинство переданных в статье AP косвенной речью фраз Э.А. Памфиловой. Ни одна из них в контексте не показалась мне имеющей другой смысл, чем вне контекста. То же касается фрагментов видеоподкаста, опубликованных на сайте AP: это высказывания, которые, по всей видимости, показались журналисту и/или редакторам агентства наиболее интересными – поэтому именно они были выбраны для нарезки. То, что они обрезаны именно таким образом, на мой взгляд, не искажает их смысл.

Однако в двух случаях в тексте статьи в форме косвенной речи передаются высказывания, соответствия которым мне не удалось найти в аудиозаписи или стенограмме интервью.

Первый из этих отрывков (в моём переводе с английского): «На этой неделе в интервью могла предотвратить перерастание ситуации в серьёзный политический кризис. Памфилова заявила, что российская внутренняя политика находится вне сферы её компетенции». Самое близкое по смыслу высказывание, которое мне удалось найти в стенограмме, звучит следующим образом: «Я бы хотела подчеркнуть, что ЦИК России напрямую не отвечает ни за одну из многочисленных кампаний, которые сейчас идут в России <...>. Полномочия ЦИК здесь довольно ограничены...» Но здесь нет слов о политическом кризисе или о том, что российская внутренняя политика находится вне сферы компетенции Эллы Александровны. Таким образом, либо предоставленные Коллегии аудиозапись и стенограмма не охватывают всего интервью, либо журналист позволила себе весьма вольную трактовку слов спикера, что не соответствует заявленным в кодексе АР идеалам точности и корректности передачи информации.

Второй отрывок звучит так (перевод мой): «Памфилова обвинила нескольких кандидатов, включая Соболь, в манипулировании своими сторонниками, однако признала, что в последние шесть недель люди в Москве выражают искреннюю ярость и разочарование». Мне не удалось найти в стенограмме место, где Э. А. Памфилова обвиняла бы Соболь и других кандидатов в манипулировании своими сторонниками. Самое близкое по смыслу высказывание, которое я смогла обнаружить: «Врать не надо никому, в том числе и тем кандидатам (*речь о кандидатах, которых не допустили до выборов.* – К.Н.)». Однако «врать» и «манипулировать сторонниками» – это не совсем одно и то же. Что касается искренности выражаемых москвичами чувств, то из нескольких высказываний можно сделать вывод, что спикер считает их искренними, однако напрямую она об этом тоже нигде не говорит.

В целом я склонна не согласиться с утверждением заявителя, что цитаты – как письменные, так и видеофрагменты – вырваны из контекста. При этом два указанных отрывка, вероятно, действительно содержат искажённую трактовку интервью (при условии, что всё интервью содержится в предоставленных Коллегии стенограмме и аудиозаписи).

Претензия 3: автором статьи допущены искажения отдельных фактов

Заявитель утверждает, что автор статьи искажила факты, примеры которых приведены в соответствующем официальном заявлении ЦИК России [4]. Однако в заявлении ЦИК приведён только один пример: предложение «Среди нарушений были незначительные технические ошибки и ошибки в личных данных, которые вносились работниками избиркома» (перевод с английского мой). ЦИК отвечает на это тем, что «в документах ряда кандидатов в депутаты Мосгордумы выявлен целый ряд существенных нарушений требований законодательства, которые стали причиной отказа им в регистрации», а «все незначительные технические ошибки, допущенные разными сторонами, были истолкованы в пользу кандидатов».

В компетенцию Коллегии и её экспертов, как правило, не входит установление правдивости тех или иных утверждений. Но в данном случае речь идёт не о том, что АР опубликовало неправдивую информацию (предложение «Среди нарушений были незначительные технические ошибки и ошибки в личных данных, которые вносились работниками избиркома» не противоречит заявлению ЦИК), а о том, что опубликованная информация, возможно, не отражает полной картины. Давать аудитории максимально полную картину происходящего – один из важнейших этических принципов журналиста. Как таковой он не зафиксирован в кодексе практики АР, но отражён, например, в Медиаэтическом стандарте ОКЖП: «Журналист отвечает собственным именем за точность и полноту

информации о фактах, а также за честное, добросовестное, непредвзятое освещение текущих событий в том контексте, в котором информация об этих фактах и событиях приобретает смысл для конкретного гражданина, отдельной социальной группы, общества в целом» [5].

Эта претензия, насколько можно понять, стала основной темой переговоров между Э.А. Памфиловой и и. о. директора службы новостей Харриет Моррис, состоявшихся 30 августа 2019 года. Но их результат послужил предметом уже следующей претензии.

Претензия 4: несмотря на переговоры с руководством AP, опровержения размещено не было, а внесённые дополнения не устранили искажения фактов

В кодексе практики AP ошибкам и их исправлению уделяется большое внимание. О них говорится во вступительной части: «Когда допускаются ошибки, их нужно исправлять – полностью, быстро и решительно»; «К любому вопросу, возникшему по поводу какого-либо аспекта нашей работы, необходимо отнестись со всей серьёзностью», и им посвящён отдельный раздел. Поэтому логично, что руководство AP встретилось с Э.А. Памфиловой по поводу возникших разногласий.

Результат этих переговоров, однако, не устроил заявителя: «30 августа 2019 года поступил официальный ответ средства массовой информации Associated Press (прилагается), из которого следует, что статья признана корректной, опровержение не размещено, а в опубликованный материал 30 августа 2019 года внесены незначительные дополнения по тексту, которые, впрочем, не устранили искажения фактов». Из ответа AP действительно следует, что статья признана руководством агентства полностью корректной, но «как жест доброй воли» редакция выпустила новую версию материала с двумя дополнениями.

Первое дополнение заключается в расширении одной из цитат. В изначальной версии она звучала следующим образом (перевод всех отрывков мой): «Мне как человеку, как гражданину очень хотелось, чтобы все были зарегистрированы и конкуренция была максимальной, – сказала Памфилова, которая сама принимала пост в 2016 году, будучи оппозиционным политиком в прошлом. – Тот закон, который действует, – мы обязаны его придерживаться, к сожалению».

Исправленная версия выглядит так: «Мне как человеку, как гражданину очень хотелось, чтобы все были зарегистрированы и конкуренция была максимальной, – сказала Памфилова, которая сама принимала пост в 2016 году, будучи оппозиционным политиком в прошлом. – Но когда мы стали смотреть (на подписи) – то, к сожалению, одно дело моё желание, моя позиция как человека, но другое дело – тот закон, который действует, и мы обязаны его придерживаться. К сожалению, у нас было много претензий, о которых мы раньше не говорили».

Второе дополнение касается того абзаца, который упоминается в заявлении ЦИК России. Вот его первоначальный вариант: «Среди нарушений были незначительные технические ошибки и ошибки в личных данных, которые вносились работниками избиркома».

Вот исправленный вариант: «Среди нарушений были незначительные технические ошибки и ошибки в личных данных, которые вносились работниками избиркома в процессе проверки, – хотя некоторые решения, принятые во время проверки, были позже отменены вышестоящей комиссией. Памфилова настаивает, что эти ошибки были достаточно серьёзными для отказа в регистрации».

Редакция AP также поменяла заголовок материала с «Глава ЦИК России поддерживает запрет на регистрацию кандидатов в Москве» на «Уточнение: материал о выборах в России» и добавила предваряющий абзац: «В статье Associated Press от 29 августа о решении

отстранить около десятка независимых кандидатов от участия в выборах в Московскую городскую думу не хватало некоторых подробностей от главы российской избирательной комиссии Эллы Памфиловой о том, почему кандидаты не были допущены до выборов. Она рассказала, что хотя некоторые ошибочные данные были введены сотрудниками нижестоящих избирательных комиссий во время проверки подписей, позже эти ошибки были исправлены вышестоящими должностными лицами и оставшихся нарушений всё равно было достаточно для того, чтобы отстранить от выборов некоторых кандидатов. Из материала также было не ясно, что цитата Памфиловой – «Тот закон, который действует, – мы обязаны его придерживаться, к сожалению», – относится конкретно к проверке подписей. Ниже приведена исправленная версия статьи».

Если говорить о неточности (неполноте) информации, которая приводится в пример в заявлении ЦИК, то, как представляется, в обновлённой версии статьи она была почти полностью устранена, однако одна неточность всё же осталась. Журналисты добавили информацию о том, что некоторые ошибки были истолкованы в пользу кандидатов («Некоторые решения, принятые во время проверки, были позже отменены вышестоящей комиссией») и что нарушений всё равно оставалось много («Памфилова настаивает, что эти ошибки были достаточно серьёзными для отказа в регистрации»). Но в последнем примере смущает слово «эти» (“these”). Складывается впечатление, что речь идёт о тех самых «незначительных технических ошибках и ошибках в личных данных, которые вносились работниками избиркома», хотя Э.А. Памфилова и ЦИК настаивают не на этом, а на том, что, помимо этих ошибок, были ещё и более серьёзные ошибки. Этой неточности нет в предваряющем обновлённую версию статьи пассаже: «Она рассказала, что хотя некоторые ошибочные данные были введены сотрудниками нижестоящих избирательных комиссий <...>, позже эти ошибки были исправлены вышестоящими должностными лицами и оставшихся нарушений всё равно было достаточно для того, чтобы отстранить некоторых кандидатов от выборов». Таким образом, остаётся непонятным, намеренно ли АР использовало слово «эти», имея в виду только технические ошибки (и подразумевая, что более серьёзных ошибок у кандидатов не было), или это просто небрежность.

Помимо этого примера, неизвестно, о чём именно шёл разговор между Э.А. Памфиловой и Х. Моррис (возможно, членам Коллегии удастся выяснить это на заседании). По всей видимости, заявитель ожидала, что статья будет признана некорректной и в материал будут внесены не уточнения, а именно исправления, и это будет ясно маркировано в заголовке словом «опровержение». Но отсутствие большего числа примеров в тексте жалобы не позволяет судить о том, какие конкретно исправления ожидались от АР. Та единственная фраза, о которой идёт речь («Среди нарушений были незначительные технические ошибки и ошибки в личных данных, которые вносились работниками избиркома»), сама по себе не ошибочна и опровержения не требует.

Претензия 5: АР нарушило нормы журналистской этики, распространив в целом необъективную и недостоверную информацию

Эта претензия, по всей видимости, связана как с предполагаемым выдёргиванием фраз из контекста и неточностью формулировок, которые мы уже рассмотрели выше, так и в целом с тем, что из почти часового интервью взяли только очень ограниченный набор высказываний. Вот как эта претензия звучит в тексте жалобы: «В связи с изложенным считаем, что средство массовой информации Associated Press, а также корреспондент Наталья Васильева нарушили принципы и нормы профессиональной журналистской этики в части распространения необъективной и недостоверной информации, при условии, что журналистам была предоставлена исчерпывающая информация в виде интервью, запись которого была осуществлена 27 августа 2019 года».

Если необъективность заключается в том, что далеко не вся предоставленная спикером интересная информация была использована в конечном материале, то здесь приходится вспомнить, что журналист практически никогда не может использовать весь собранный материал из-за естественных ограничений по объёму и формату. Выбор того или иного отрезка интервью неизбежно субъективен. При этом общей тенденциозности в выборе видеочитат, а также цитат и высказываний, переданных косвенной речью, в письменном тексте я не увидела, хотя довольно большой объём интересной и общественно значимой информации, предоставленной спикером, действительно, не был использован ни в одном из материалов.

Резюме

В тексте жалобы Э.А. Памфиловой можно выделить пять основных претензий заявителя к информационному агентству АР: 1) вместо видеointервью вышел печатный авторский материал, 2) материал содержит искажённую трактовку видеointервью с вырванными из контекста высказываниями, 3) автор исказила отдельные факты, 4) агентство не опубликовало опровержения, 5) материал в целом необъективен и недостоверен.

По первому пункту, как мне представляется, произошло недоразумение. Журналисты не смогли чётко дать понять, какой формат материала планируется, однако серьёзной этической ошибкой это назвать нельзя: они всё равно имели право использовать записанный материал, так как не скрывали своей профессиональной принадлежности и общих целей. В будущем во избежание недоразумений, конечно, лучше чётко оговаривать со спикером формат материала заранее.

По второму пункту: ни одна из цитат ни в видеонарезке, ни в письменном материале не показалась мне вырванной из контекста. Однако в тексте я обнаружила два переданных косвенной речью высказывания, соответствия которым в стенограмме и аудиозаписи интервью я найти не смогла. Если аудиозапись и стенограмма охватывают всё интервью, то журналист действительно допустила очень вольную трактовку слов Э.А. Памфиловой, которые искажают смысл того, что говорилось в реальности. Это не соответствует заявленным в кодексе АР (а также практически повсеместно принятым журналистским сообществом) идеалам точности и корректности передачи информации и, несомненно, представляет собой нарушение журналистской этики.

По третьему и четвёртому пунктам: в первоначальной версии статьи содержалась фраза, которая недостаточно полно передавала картину событий. В исправленной версии материала она была дополнена, однако если в подводке к новой версии она приведена в соответствие с тем, что говорила в интервью Э. А. Памфилова, то в самом тексте – не вполне. Было ли это сделано намеренно или это просто небрежность, остаётся непонятным. При этом опровержения как такового, на мой взгляд, не требовалось, так как сама по себе фраза, которую просил исправить ЦИК, не ошибочна, а лишь неполна. Про другие искажения и их корректировку сказать ничего нельзя, так как в пример в тексте жалобы приводится только одна фраза, а о чём ещё говорилось на встрече Э. А. Памфиловой и Х. Моррис, неизвестно.

По пятому пункту: хотя большой объём предоставленной спикером информации не был использован ни в одном из материалов, подача темы в целом не показалась мне тенденциозной или необъективной. Журналисты, как это бывает в нормальной практике, использовали в работе те высказывания, которые сочли наиболее интересными в данном контексте.

Источники

1. Hafez K. Journalism Ethics Revised: A Comparison of Ethics Codes in Europe, North Africa, the Middle East, and Muslim Asia // Media Ethics in the Dialogue of Cultures / Ed. by K. Hafez. Hamburg: Deutsches Orient-Institut, 2003.

2. Associated Press Statement of News Values and Principles. URL: <https://www.ap.org/about/news-values-and-principles/downloads/ap-news-values-and-principles.pdf> (дата обращения: 17.09.2019).
3. BBC Editorial Guidelines. Section 6: Fairness to Contributors and Consent. URL: <https://www.bbc.com/editorialguidelines/guidelines/fairness> (дата обращения: 20.09.2019).
4. ЦИК РФ. Заявление в связи с публикацией информационного агентства Associated Press. URL: <http://cikrf.ru/news/ссс/44091> (дата обращения: 18.09.2019).
5. Медиаэтический стандарт Общественной коллегии по жалобам на прессу. URL: <https://www.presscouncil.ru/teoriya-i-praktika/dokumenty/4756-mediaeticheskij-standart-2015> (дата обращения: 19.09.2019).

Док. 4б

**Мнение эксперта С.К. Шайхитдиновой
об интервью главы Центризбиркома России Эллы Памфиловой
информационному агентству Associated Press**

Мнение резюмирует итоги проведённого исследования.

Эксперт-исследователь: Шайхитдинова Светлана Каимовна, профессор кафедры национальных и глобальных медиа Высшей школы журналистики и медиакоммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета, профессор, д. филос. н., к. филол. н. по специальности «журналистика»; стаж работы в практич. жур-ке – 6 лет; опыт производства экспертных заключений по конфликтным текстам массовой информации – с 1997 года.

Время и место проведения исследования: 10–20 сентября 2019, г. Казань.

Лицо, назначившее проведение исследования: Юрий Венедиктович Казаков, сопредседатель Общественной коллегии по жалобам на прессу (г. Москва).

Материалы, предоставленные эксперту:

- Обращение в Общественную коллегию по жалобам на прессу Эллы Александровны Памфиловой, 4.09.2019;
- Официальное обращение в ЦИК России Московского бюро информационного агентства Associated Press (AP), подписанное и. о. директора службы новостей Харриет Моррис, с просьбой к главе Центризбиркома об интервью, 14.08.2019;
- Стенограмма интервью, данного Эллой Памфиловой 27.08. 2019 корреспонденту AP Наталии Васильевой перед съёмочной группой AP;
- Ссылка на выдержки видеоинтервью Э. А. Памфиловой и фото на сайте AP: http://www.aparchive.com/metadata/Russian-Election/8d9b7fc094d70fb03f9c39d8baf2f1b6?query=pamfilova&current=1&orderBy=NewestFirst&hits=35&referrer=search&search=%2Fsearch%3Fquery%3Dpamfilova%26startd%3D%26endd%3D%26orderBy%3DNewestfirst%26from%3D1%26allFilters%3D%26g2ItemId%3D&allFilters=&productType=IncludedProducts&page=1&b=f2f1b6&fbclid=IwAR3_uBHDk9bNIaeBro9r-TbQSOo39M8itclYKXTkQ2RDW-MfZgXtz_WNlxE

– Текст («Russian election chief defends ban on Moscow candidates» – англоязычная версия) по итогам интервью корреспондента AP Наталии Васильевой, опубликованного на сайте arnews.com 29.08.2019;

– Текст («Глава Центризбиркома России поддерживает запрет на регистрацию кандидатов в Москве» – русскоязычная версия) по итогам интервью корреспондента AP Наталии Васильевой, опубликованного на сайте arnews.com 29.08.2019;

– Ответ Харриет Моррис представителям пресс-службы ЦИК России с утверждением корректности публикации и процитированными фрагментами внесённых в неё изменений, а также указанием на новую подводку к материалу и сопровождающий текст редакторам СМИ, как «жест доброй воли», 30.08.2019;

– Текст («Clarification: Russia-Election story» – англоязычная версия) с внесёнными изменениями, опубликованный на сайте arnews.com 30.08.2019;

– Текст («Пояснение: Россия – предвыборная история» – русскоязычная версия) с внесёнными изменениями, 30.08.2019:

<https://arnews.com/a047cea7f78a46a3a3075b6d29741edf>;

– Заявление ЦИК России, 31.08.2019: <http://cikrf.ru/news/cec/44091>

Вопросы, поставленные перед экспертом:

1) Содержатся ли в публикациях информационного агентства Associated Press по итогам видеосюжетов с главой ЦИК России Эллой Памфиловой нарушения профессиональной этики журналиста?

2) Содержатся ли в действиях корреспондента Наталии Васильевой, а также московского бюро AP, по отношению к Элле Памфиловой нарушения профессиональной этики журналиста?

Методология исследования базируется на теории социальной ответственности СМИ. Использован метод дискурсивного анализа текстов массовой информации.

Характеристика объекта исследования

Публикация «Russian election chief defends ban on Moscow candidates» («Глава Центризбиркома России поддерживает запрет на регистрацию кандидатов в Москве») объёмом около 970 слов написана в жанре расширенной заметки.

Во второй публикации «Clarification: Russia-Election story» («Пояснение: Россия – предвыборная история»), которая значится как «статья с изменениями», информационным поводом выступает обстоятельство, что в предыдущем материале «не хватало некоторых подробностей от главы российской избирательной комиссии Эллы Памфиловой о том, почему кандидаты были исключены». Объём – около 1250 слов.

Стенограмма интервью. Корреспондентом задано около двадцати вопросов. Общий объём материала – 5620 слов. Продолжительность записи – 53 минуты.

Выводы исследования

Вывод 1

Сопоставление со стенограммой данного в спорных текстах пересказа ответов главы Центризбиркома на вопросы интервью, а также цитат из её речи, подтверждает их документальность.

Однако несмотря на то, что в публикациях действительно использованы высказывания Эллы Памфиловой из её интервью, их общий смысл расходится с тем, который она в них вкладывала. Способы, которыми произведён данный эффект:

- 1) в качестве события в первой заметке представлена некая политическая позиция главы Центризбиркома России, которую она не заявляла;
- 2) вся информация из интервью подвёрстана под тему противостояния в России оппозиции и официальной власти (тема разворачивается на основе других фактов, вставленных в публикации), тогда как Памфилова стремилась избежать темы противостояния;
- 3) действия ЦИК изначально включены в отрицательно оцениваемый контекст. Высказывания главы Центризбиркома в интервью переведены в заданной логике из формата разъяснений, рассуждений в формат политических заявлений функционера, представляющего интересы «Кремля».

Таким образом, спорные публикации на сайте информационного агентства Associated Press выглядят тенденциозными, что нарушает основополагающий принцип профессиональной этики журналиста – принцип объективности.

Пояснение

Интервью как метод сбора информации может быть трансформирован в текст любого журналистского формата: помимо документальной фиксации вопросно-ответной формы, ответы собеседника могут быть даны в монологе героя, в пересказе автора, в контексте жизненной истории. Журналист и СМИ вправе, если необходимо, сокращать печатную версию интервью, разбивать его на фрагменты, менять эти фрагменты местами. СМИ вправе акцентировать внимание аудитории на определённых моментах беседы.

Все эти возможные трансформации документальных материалов записи или съёмки в текстовую версию должны быть обусловлены необходимостью сохранить общий смысл разговора, а также смысл, который вкладывал собеседник в ответы журналисту на отдельные вопросы. В интервью, данном Эллой Памфиловой, общий смысл по итогам дискурс-анализа обусловлен её позицией: *«Одно дело – моё желание, моя позиция как человека, но другое дело – закон, который действует, и мы обязаны его придерживаться»*. В этом же смысле следует, как показывает дискурс-анализ, трактовать её мнение по неоднократно поднимавшемуся корреспондентом в ходе беседы вопросу противостояния оппозиции и власти.

1) Однако в первой заметке в качестве события (новости) представлена другая смысловая версия позиции Памфиловой: *«Глава Центральной избирательной комиссии Российской Федерации поддерживает решение отказать десятку независимых кандидатов в участии в выборах в городской законодательный орган Москвы, но после того, как недели протестов привлекли необычно большие толпы, вызвали тысячи арестов и привлекли неблагоприятное внимание, признаёт, что требования к кандидатам устарели»* (см. 1-й абзац заметки от 29.08.2019).

Данная версия, будучи объединена в одном предложении со сведениями о *«неделях протестов больших толп»* и о *«тысячах арестов»*, предстаёт как остро политический выбор

главы Центризбиркома – выбор, о котором она не заявляла и который противоречит сказанному ею в интервью. Уже в ответе на первый вопрос Э. А. Памфиловой на конкретных примерах, фактах, статистике было показано, что работал ЦИК «в пользу кандидатов» и что у оппозиции реально были недостатки в оформлении документов. Если бы интервьюер сомневался в этих данных, он имел возможность поспорить, задать уточняющие вопросы, однако Наталия Васильева, которая вела беседу, ни на что не возразила.

2) Обе публикации информационного агентства построены на жёстком противопоставлении «москвичей», «толп» – и «Кремля». Действия комиссии под руководством Памфиловой по проверке подписей и т. п., выполнявшиеся в ходе кампании по долгу службы, оценка главы ЦИК избирательного законодательства, её размышления, биографические данные, о которых она поведала журналисту, – всё было подверстано под идею «крупного политического кризиса» и решительного настроя Кремля «не допустить оппонентов президента Владимира Путина к даже низшим постам во власти».

3) В заметке от 29.08.2019 уже во 2-м абзаце действия ЦИК по проверке документов независимых кандидатов преподнесены как меры по дисквалификации независимых кандидатов: «Ранее в этом месяце Центральная избирательная комиссия заявила, что 13 кандидатов от оппозиции не смогли собрать достаточно действительных подписей, чтобы появиться в избирательном бюллетене в следующем месяце. Многие возмущённые москвичи расценили дисквалификацию кандидатов как признак того, насколько решительно Кремль был настроен не допустить оппонентов президента Владимира Путина к даже низшим постам во власти».

В заметке от 30.08.2019 отрицательно оцениваемый по отношению к ЦИК и его главе контекст также обеспечивается от имени «протестующих москвичей» и независимых кандидатов, отстранённых от участия в выборах: «Кандидаты, не допущенные к выборам 8 сентября, заявили, что представили необходимое количество подписей, но сначала московские избирательные власти, а затем и комиссия Памфиловой из-за различных недочётов признали недействительными достаточное количество подписей, чтобы воспрепятствовать занятию постов этими кандидатами. Нарушения включали незначительные канцелярские ошибки или неправильные личные данные, которые были внесены работниками нижестоящего избиркома во время процедуры перекрёстной проверки. <...> «Соболь отвергла заявление Памфиловой, сделанное во вторник в интервью AP, о том, что она возглавила июльские протесты из-за того, что не смогла собрать достаточное количество подписей, и назвала главу Центризбиркома “говорящей головой”, которая пересказывает линию Кремля».

Логика изложения политических событий под углом жёсткого противостояния общественности (любого рода оппозиция выводится как представители общественности) и действующей власти в России, заданная в заметке от 29.08.2019, продолжена во второй статье «Пояснение: Россия – предвыборная история» от 30.08.2019. В данном контексте Памфиловой не дали шанса изложить свою точку зрения аудитории. Она выставлена как функционер, который «defends ban on Moscow candidates» (именно эта новость разлетелась по мировым СМИ).

Московское бюро Associated Press ввело в заблуждение главу Центризбиркома, пригласив её дать «интервью на камеру» и при этом не предупредив, что материал будет подготовлен в другом жанре. Корреспондент AP Наталия Васильева распорядилась полученными сведениями в соответствии с идеологической линией, проводимой агентством новостей, что нарушило права интервьюируемого и аудитории, которая получила «частичную правду».

Вывод 2

С нашей точки зрения, в спорных публикациях информационного агентства Associated Press по итогам видеосюжетов с главой ЦИК России Эллой Памфиловой нарушены следующие этические нормы американской журналистики:

- В связи с односторонностью освещения темы:

«Сводки новостей не должны содержать мнение или предубеждение журналиста, но должны излагать тему со всех сторон» (Кодекс этики Общества профессиональных журналистов США – 3, с. 34).

«Следует делать всё возможное для того, чтобы обеспечить точность содержания новостей, их непредвзятость, справедливое изложение всех сторон в проблеме» (Декларация принципов Американского общества редакторов газет – 3, с. 37).

- В связи с тенденциозностью освещения политической темы:

«Журналист признаёт свою ответственность при подаче основанного на информации анализа, комментария и редакционного мнения об общественно значимых событиях и проблемах» (Кодекс этики Общества профессиональных журналистов США – 3, с. 34).

- В связи с публикацией провокационного заголовка в публикации от 29.08.2019, не отражающего суть высказываний ньюсмейкера (интервьюируемой):

«Заголовки газетных материалов должны полностью соответствовать содержанию статей, фотографии и телепередачи должны точно изображать события, а не вырывать их из контекста» (Там же).

- В связи с тем, что не была обеспечена возможность реального обмена мнениями:

«Она [газета] должна найти возможность для обмена мнениями и критики, особенно когда комментарий идет вразрез с её редакционной позицией» (Декларация этических норм Ассоциации издателей и пресс-менеджмента – 3, с. 40).

- В связи с выражением позиции медиаорганизации или автора, не допустивших выражение позиции интервьюируемой:

«Редакционные материалы, а также статьи, выражающие отдельную точку зрения репортёра или издателя, должны быть снабжены недвусмысленными подписями <...>. Газета должна честно сотрудничать с читателями и ньюсмейкерами. Она должна выполнять обещания» (Декларация этических норм Ассоциации издателей и пресс-менеджмента – 3, с. 40).

«Специальные статьи или материалы, основанные на точке зрения, собственных выводах и интерпретации событий автором, должны чётко выделяться как таковые» (Кодекс этики Общества профессиональных журналистов США – 3, с. 34).

«Журналисты должны уважать права фигурирующих в новостях людей» (Декларация принципов Американского общества редакторов газет – 3, с. 37).

Список использованной литературы и источников:

1. Баранов В.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. – М., 2009.
2. Ламбет Эдмунд Б. Приверженность журналистскому долгу [Текст]: об этическом подходе в журналистской профессии / Э.Б. Ламбет; пер. с англ. М Ю. Полевая. – М.: ВИОЛАНТА, 1998.
3. Профессиональная этика журналиста: Документы и справочные материалы / Под ред. Ю. В. Казакова. – М., 2004.
4. Associated Press Managing Editors. Association Code of Ethics. Adopted by the APME board of directors, April 15, 1975: <https://ethics.iit.edu/codes/APME%201975.pdf>

РЕШЕНИЕ

«О жалобе Персиковой Анны Александровны в связи с публикацией в выпуске новостей сетевого издания “Катунь 24” “Репортажа о затруднениях застройщика дома по адресу: г. Барнаул, ул. Ленина, д. 195А”. (Дата публикации – 09.10.2019, выпуск новостей в 17.00, автор – Константин Ганов, адрес материала в Интернете – <https://youtu.be/q4xYD0ad5nc>)».

г. Москва, 27 ноября 2019 г.

№ 203

На 203-м заседании Общественной коллегии по жалобам на прессу ad hoc коллегия в составе Юрия Казакова (председательствующий, сопредседатель Общественной коллегии по жалобам на прессу), членов **Палаты медиасообщества** Галины Араповой, Юрия Пургина, Виктора Юкечева, членов **Палаты медиааудитории** Евгения Гонтмахера, Вадима Зиятдинова, Александра Макарова, Владимира Ряховского рассмотрела обращение Персиковой Анны Александровны в связи с публикацией в выпуске новостей сетевого издания «Катунь 24» «Репортажа о затруднениях застройщика дома по адресу: г. Барнаул, ул. Ленина, д. 195А». (Дата публикации – 09.10.2019, выпуск новостей в 17.00, автор – Константин Ганов, адрес материала в Интернете – <https://youtu.be/q4xYD0ad5nc>).

Вопросы процедуры. Заявитель, Персикова Анна Александровна, подписала Соглашение о признании профессионально-этической юрисдикции Общественной коллегии по жалобам на прессу, приняв на себя тем самым обязательство не использовать решение Общественной коллегии по данному информационному спору для его продолжения в судебном, ином правовом или административном порядке.

Адресат жалобы, сетевое издание «Катунь 24.ру» (телеканал «Катунь-24». – Коллегия) на информационное письмо Коллегии ответило следующим уведомлением за подписью Maxim Miloserdov (М.В. Милосердов – главный редактор телеканала «Катунь-24». – Коллегия): «...в услугах Коллегии не заинтересованы. Личные данные журналистов без их согласия не распространяем. Все вопросы рекомендуем решать в судебном порядке по месту нахождения ТК, предварительно обратившись в ТК».

Позиция заявителя при обращении в Коллегию была сформулирована следующим образом (*стилистика и орфография оригинала сохранены.* – Коллегия). «Меня зовут Анна, пишу от лица всех обманутых дольщиков. Наш застройщик МК ПР-Холдинг (г. Барнаул, ул. Никитина, 133) не торопится достраивать наш дом по адресу г. Барнаул, проспект Ленина, 195А, срок сдачи сдвинулся уже более чем на два года. Чтобы осветить нашу проблему и придать ей огласку, мы начали обращаться в различные СМИ, создали петицию (<http://chng.it/W4Z4zqFV>). Узнав об этом, нам позвонили из телеканала “Катунь 24” и предложили дать интервью. Нам бояться нечего, и мы согласились. Из дольщиков было взято интервью у троих. Брал интервью корреспондент телеканала “Катунь 24” Константин Ганов. В выпуск попали два дольщика с исковерканными, вырванными из текста фразами. В итоге материал получился необъективный и как будто заказной. Хотелось бы отметить, что сам руководитель застройщика ПР-Холдинг, Евгений Клейнатовский, выступает периодически на этом канале экспертом по строительству. Материал о нас получился лживый. Обвинили нас в затягивании стройки, в том, что мы своими судебными тяжбами затягиваем сроки сдачи и не даём спокойно работать застройщику. А по факту наши деньги пошли на строительство элитного дома (г. Барнаул, ул. Партизанская, д. 76). На данный момент службой судебных приставов наложен арест на два объекта: наш (пр. Ленина, 195А) и второй объект (г. Барнаул, ул. Партизанская, д. 76). Застройщик нам откровенно сказал, что не хочет снятия ареста с

нашего дома, пусть ему снимут арест с Партизанской. К чему это приведет? В нашем доме проданы все квартиры, а на Партизанской, 76 – всего лишь 30 %. Если ему снимут арест с ул. Партизанская, то он продаст там квартиры и просто бросит нас, т. к. больше объектов у данного застройщика нет! Поэтому мы очень надеемся на вашу помощь, в разбирательстве с телеканалом “Катунь 24”, чтобы подобные материалы не нарушали наши права и интересы».

Позиция адресатов жалобы, телеканала «Катунь 24» и автора материала Константина Ганова, которого Коллегия также пыталась пригласить к участию в рассмотрении информационного спора, остались Коллегии неизвестными.

Обстоятельства, установленные в ходе заседания Коллегии. Коллегия, соглашаясь рассмотреть жалобу с выраженными признаками общественного интереса (освещение в СМИ проблемы «обманутых дольщиков») в отсутствие стороны адресата жалобы, в начале заседания предложила представителю заявителя Максиму Александровичу Судосу сосредоточить внимание не на конфликте инициативной группы с подрядчиком по поводу достройки дома, а на ситуации собственно информационного спора, на предполагаемых заявителем профессионально-этических ошибках автора репортажа и медиаэтических просчётах телеканала, выпустившего оспоренный сюжет в новостной эфир.

К сожалению, ни одна из попыток представителя заявителя изложить свою позицию не оказалась успешной в силу качества связи с М.А. Судосом. Коллегия была вынуждена прервать заседание по названной, сугубо технической причине.

С учётом изложенного Коллегия приняла следующее решение.

РЕШЕНИЕ

1. Коллегия сожалеет о том, что главный редактор телеканала «Катунь 24» М.В. Милосердов предпочёл содержательному ответу отписку, свидетельствующую либо о недостаточном профессионализме руководства телеканала, либо о нарушении им правил честной игры во взаимоотношениях медиа и гражданина, медиа и органа медийного саморегулирования. Оставляя в стороне вопрос о неверном представлении адресатом жалобы роли Коллегии (профессионально-гражданский арбитр в информационном споре, связанном с предполагаемыми нарушениями журналистом норм и правил профессиональной этики, но никак не «оказыватель услуг» любого рода сторонам такого рода споров), Коллегия отмечает следующее обстоятельство. Как предложение заявителю обратиться в суд, по определению не занимающийся вопросами нарушений профессиональной этики журналиста и медиаэтики, так и попытка перевести вопрос о приглашении автора публикации к участию в рассмотрении информационного спора в вопрос об убережении «личных данных журналистов» обнаруживают либо профанность тех, кто использует такие способы уклонения от участия в рассмотрении жалоб граждан на предполагаемые нарушения этических стандартов журналистской профессии, либо их готовность прибегать к уловкам заведомо недобросовестным, закрывающим темы честности журналиста, достоинства представляемого им средства массовой информации, доверия к одному и другому со стороны гражданина и общества.

2. Преодолевая обнаруженное затруднение, недостаточную устойчивость коммуникации с иногородним заявителем, Коллегия реализует следующее положение (п. 6.6) своего Устава: «В случае получения Коллегией жалобы гражданина или организации из региона, в котором действует территориальная коллегия по жалобам на прессу, Коллегия, при отсутствии возражений заявителя, передаёт его жалобу на рассмотрение соответствующей территориальной коллегии, обеспечивая при необходимости экспертно-консультационное

участие в таком заседании (по предварительному согласованию с территориальной коллегией) своего полномочного представителя – члена Коллегии или эксперта».

Коллегия, с согласия заявителя, полученного в ходе заседания, передаёт данную жалобу на рассмотрение Западно-Сибирской коллегии по жалобам на прессу.

Поскольку в заседании по жалобе А.А. Персиковой в качестве члена Палаты медиасообщества Общественной коллегии по жалобам на прессу принимал участие Ю.П. Пургин, сопредседатель Западно-Сибирской коллегии по жалобам на прессу, базирующейся в г. Барнауле, Коллегия также в ходе заседания получила согласие на передачу жалобы в Западно-Сибирскую коллегию от председателя Палаты медиасообщества данной коллегии.

3. Общественная коллегия по жалобам на прессу поручает экспертно-консультационное участие в заседании Западно-Сибирской коллегии по жалобам на прессу своему сопредседателю Юрию Казакову.

4. Общественная коллегия просит:

– редакции журналов «Журналист» и «Информационное право» – опубликовать состоявшееся решение Общественной коллегии;

– факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, а также факультеты журналистики других вузов – обсудить состоявшееся решение Общественной коллегии со студентами, изучающими профессиональную этику;

– Комиссию Общественной палаты Российской Федерации по развитию информационного сообщества, СМИ и массовых коммуникаций – принять к сведению состоявшееся решение Общественной коллегии.

Настоящее решение принято консенсусом.

**Председательствующий,
Ю.В. Казаков**

РЕШЕНИЕ

«О жалобе Жучковой Ирины Евгеньевны на публикацию сетевым изданием РИА “Новости” материала “Никогда не смогу целоваться. Исповедь девушки, которая второй год живёт без языка”. (Дата публикации – 17.10. 2019 г., автор – Татьяна Кирсанова. Адрес материала в Интернете - <https://ria.ru/20191017/1559809963.html>)».

г. Москва, 27 ноября 2019 г.

№ 204

На 204-м заседании Общественной коллегии по жалобам на прессу ad hoc коллегия в составе Юрия Казакова (председательствующий, сопредседатель Общественной коллегии по жалобам на прессу), членов **Палаты медиасообщества** Галины Араповой, Юрия Пургина, Виктора Юкечева, членов **Палаты медиааудитории** Евгения Гонтмахера, Вадима Зиятдинова, Александра Макарова, Владимира Ряховского рассмотрела обращение Жучковой Ирины Евгеньевны на публикацию сетевым изданием РИА «Новости» материала «Никогда не смогу целоваться. Исповедь девушки, которая второй год живёт без языка». (Дата публикации – 17.10. 2019 г., автор – Татьяна Кирсанова. Адрес материала в Интернете – <https://ria.ru/20191017/1559809963.html>).

Вопросы процедуры. Заявитель, Жучкова Ирина Евгеньевна, подписала Соглашение о признании профессионально-этической юрисдикции Общественной коллегии по жалобам на прессу, приняв на себя тем самым обязательство не использовать решение Общественной коллегии по данному информационному спору для его продолжения в судебном, ином правовом или административном порядке.

Адресат жалобы, сетевое издание РИА «Новости», на информационное письмо Коллегии ответил следующим сообщением за подписью главного редактора А.В. Гавриловой: «Сетевое издание РИА “Новости” не признаёт профессионально-этическую юрисдикцию Общественной коллегии по жалобам на прессу и сообщает о невозможности предоставления персональных данных физического лица Татьяны Киреевой. Одновременно сообщаем, что по доводам И.Е. Жучковой проводится внутренняя проверка»,

Позиция заявителя при обращении в Коллегию была сформулирована следующим образом. «У нас с корреспонденткой РИА “Новости” Татьяной Кирсановой была договорённость: материал не публикуется без предварительного согласования со мной и внесения мной необходимых правок. Я делала акцент на том, что для меня это очень важный момент. Поскольку у меня удалён язык, запись на диктофон не производилась, и Кирсанова реконструировала всю сообщённую мной устно информацию самостоятельно, с большим количеством фактических ошибок и добавлений от себя. Я ознакомилась с текстом, присланным Татьяной, и сообщила ей, что у меня много замечаний по фактам и стилистике моих “цитат”, сказала, что пришлю правки. Тем не менее текст был опубликован в первоначальном виде ещё до получения моих правок, причём о публикации меня даже не уведомили. Я случайно узнала о ней сегодня от знакомых, уже прочитавших его. 150 с лишним тысяч просмотров за два дня. Этот текст абсолютно не про меня и в определённом смысле меня компрометирует, приписывая мне фразы и коннотации (пафос, драматизм, религиозность, избитые клише), которых не было. Кирсанова отрицает свою вину и удалить материал отказывается, мотивируя тем, что это технически невозможно до понедельника (21.10). В понедельник она обещает внести правки, но я не вижу в этом большого смысла: новость уже опубликована и прочитана большим количеством людей, правки вряд ли кто-то заметит. Кроме того, материал был призван сообщить мои контактные данные, чтобы со мной могли связаться онкобольные и их родственники, но в опубликованном материале

отсутствуют какие-либо ссылки, и простое внесение правок не даст никакого эффекта. Я настаиваю на том, что отредактированная с учётом моих правок статья должна быть опубликована заново (возможно, с опровержением предыдущей версии). К тому же, мне был причинён изрядный моральный вред в виде сильнейшего стресса, который мне противопоказан (рак языка, инвалид II группы). Я очень надеюсь, что со всем этим можно что-то сделать. Прошу обратить внимание на то, что связь со мной лучше держать через письменные каналы: по телефону разобрать мою речь весьма затруднительно». Основной текст обращения был дополнен спустя две недели следующим разъясняющим добавлением: «Вот на что конкретно я бы хотела обратить внимание Коллегии:

- публикация интервью без согласования текста с интервьюируемым;
- публикация фактической информации об интервьюируемом, не соответствующей действительности;
- искажения слов и мыслей интервьюируемого, приписывание интервьюируемому собственных формулировок и коннотаций;
- неуведомление интервьюируемого о факте публикации;
- фамильярное обращение к интервьюируемому (упоминание в тексте) по фамилии;
- оскорбление чувств неверующих путем приписывания интервьюируемому фраз “на случай, как известно, обижаться грех” и “слава Богу”;
- отказ от удаления компрометирующей публикации до внесения правок;
- отказ от внесения всех правок, касающихся фактов и цитат;
- отказ от добавления в статью контактных данных интервьюируемого несмотря на то, что статья эксплицитно призывает онкобольных обращаться к интервьюируемому за помощью;
- отрицание ответственности за причинение тяжёлого морального вреда;
- отсутствие какой-либо реакции руководства РИА “Новости” на письмо-жалобу».

Позиция адресатов жалобы, сетевого издания РИА «Новости» и автора материала Татьяны Кирсановой, которую Коллегия также пыталась пригласить к участию в рассмотрении информационного спора, остались Коллегии неизвестными.

Обстоятельства, установленные в ходе заседания Коллегии. По ходу заседания заявитель подтвердил готовность к рассмотрению своего обращения Коллегией даже и с учётом того, что пресс-служба информагентства «внезапно начала отвечать» на её требования и выразила согласие на повторную публикацию, прислала текст с правками и предложениями «внести изменения, если они ещё есть». Поскольку в позиции заявителя, излагавшейся по ходу заседания письменно, в качестве требований к сетевому изданию РИА «Новости» прозвучали понятия «опровержение» и «моральная компенсация», Коллегия посчитала полезным разъяснить, что речь в данном случае идёт о требованиях правовых, разрешаемых обычно в суде, а не участием в рассмотрении информационного спора, связанного с предполагаемыми нарушениями журналистом профессиональной этики. Тем не менее на прямой вопрос, не предполагает ли заявитель в дальнейшем обратиться в суд, от заявителя последовал ответ, в котором такое обращение не исключалось. Несмотря на сделанные в дальнейшем И.Е. Жучковой оговорки («Я думала обратиться в суд в случае, если заседания будет недостаточно»; «Вопрос о компенсации я обсуждаю пока только в рамках общения с пресс-службой, на обсуждение Коллегии я не собиралась его выносить»; «Да, я не до конца понимала сферу полномочий Коллегии, но мне было разъяснено насчёт необращения в суд в процессе изучения вопроса, и я об этом помнила»), Коллегия, в силу нечёткости представлений заявителя о принятых на себя при подписании Соглашения обязательствах, была вынуждена прервать заседание и принять следующее решение.

РЕШЕНИЕ

1. Расценивая признание И.Е. Жучковой в том, что она не исключала обращение в суд после заседания Коллегии, как фактический отход заявителя от морального обязательства, зафиксированного в Соглашении о признании профессионально-этической юрисдикции органа само- и саморегулирования, Коллегия с сожалением принимает решение об оставлении обращения заявителя без рассмотрения по существу.

2. Коллегия находит досадным вынужденное оставление заявителя без возможной защиты, гарантированной Соглашением, а ситуацию, выявленную настоящим информационным спором, без полноценной профессионально-этической и медиаэтической оценки. Находя сам этот информационный спор определённо не рядовым, профессионально и общественно значимым, Коллегия заявляет о готовности вернуться к рассмотрению обращения И.Е. Жучковой в случае, когда и если заявитель, уточнив свою позицию, в том числе, во вновь открывающихся взаимоотношениях с редакцией сетевого издания РИА «Новости», обнаружит её достаточно определённой.

3. Коллегия полагает полезным разместить на своём сайте все материалы по данной жалобе, включая и мнение эксперта К.А. Назаретян. Коллегия исходит из того, что предоставление доступа к этим материалам всем, кто заинтересован в становлении качественной журналистики в России, послужит поводом для профессиональной и общественной дискуссии и в итоге поможет укреплению профессионального начала в среде практикующих журналистов, включая и журналистов сетевого издания РИА «Новости».

4. Общественная коллегия просит:

- редакции журналов «Журналист» и «Информационное право» – опубликовать состоявшееся решение Общественной коллегии;
- факультет журналистики МГУ им. М.В.Ломоносова, а также факультеты журналистики других вузов – обсудить состоявшееся решение Общественной коллегии со студентами, изучающими профессиональную этику;
- Комиссию Общественной палаты Российской Федерации по развитию информационного сообщества, СМИ и массовых коммуникаций – принять к сведению состоявшееся решение Общественной коллегии.

Настоящее решение принято консенсусом.

**Председательствующий,
Ю.В. Казаков**

Док. ба

**Мнение эксперта, кандидата философских наук Каринэ Назаретян,
о материале «Никогда не смогу целоваться», размещённом на сайте
РИА «Новости» 17.10.2019 [1]**

Первая и основная претензия в тексте жалобы И. Е. Жучковой на РИА «Новости» – несогласование с ней текста материала перед публикацией. Это далеко не первая жалоба в практике ОКЖП, основной претензией в которой оказывается отсутствие согласования текста материала перед публикацией с героем материала. Допустимость такого согласования

в принципе – довольно спорный и интересный профессионально-этический вопрос, который имеет смысл чуть подробнее рассмотреть перед тем, как перейти к анализу конкретной жалобы.

О «визировании» текстов в России и на Западе

Хотя юридическая сторона дела находится за пределами моей компетенции, в данном случае про неё нельзя не упомянуть, так как тема поднимается в Законе «О СМИ». Его статья 49 содержит следующее положение: «Журналист обязан <...> удовлетворять просьбы лиц, предоставивших информацию, об указании на её источник, а также об авторизации цитируемого высказывания, если оно оглашается впервые» [2]. Однако, по информации Центра защиты прав СМИ, «никакой юридической ответственности за отказ согласовать текст нет. Поэтому этот вопрос в большей степени относится к профессионально-этическим» [3]. Именно таким я и буду считать его в своём анализе.

В профессионально-этической плоскости тоже необходимо провести одно важное разграничение: между российской и западной практиками – и, соответственно, представлениями о должном. Два года назад британское профессиональное издание для журналистов *Press Gazette* провело небольшой онлайн-опрос среди своих читателей на тему того, показывают ли они материалы перед публикацией PR-менеджерам или героям интервью. 57 % респондентов сказали, что никогда так не делают, 22 % – что делают так только в исключительных случаях [4]. Тогда же британская версия издания для PR-специалистов *PR Week* провела онлайн-опрос среди своих читателей о том, считают ли они допустимым запрашивать у журналистов текст на согласование. 38 % респондентов ответили, что считают это недопустимым, 36 % – что считают это допустимым только в исключительных случаях [5]. Несомненно, онлайн-опросы с двумя-тремя сотнями респондентов рисуют не самую точную картину, но они наверняка обрисовывают её в общих чертах: подавляющее большинство британских журналистов и большинство британских PR-менеджеров считают практику согласования материалов СМИ с кем-то вне редакции до их обнародования как минимум не самой удачной, как максимум – недопустимой.

Оба эти опроса были сделаны на фоне скандала, который произошёл осенью 2017 года с британским глянцевым журналом *Saga*. Опытная журналистка Джинни Дугари подготовила для издания интервью с известной ведущей телеканала «Би-би-си» Клэр Болдинг. Редакция без ведома автора отправила материал Болдинг на согласование, и телеведущая что-то в нём поправила и дописала несколько новых цитат. В результате Дугари потребовала снять своё авторство и стала крайне негативно высказываться об этом инциденте в публичном поле – в частности, написала критическую колонку для газеты *The Observer*. Вот несколько цитат из этой колонки: «Как может одна из самых признанных женщин-ведущих “Би-би-си” считать допустимым не только требовать показать ей статью о себе до публикации, но и *менять слова* – делая вид, как будто они были сказаны на интервью и записаны журналистом?»; «Между журналистом издания и читателем – речь, разумеется, идёт об уважаемых изданиях, каким является обсуждаемый здесь журнал *Saga*, – существует неписаное соглашение: то, что написано, происходило на самом деле. Знаменитость получает возможность рассказать о своих новых книге или фильме широкой аудитории <...>. Что он или она не получают – или никогда не должны получать – это разрешение *менять что-то* в журналистской версии интервью до его публикации. И ещё они не должны иметь возможности *менять свои собственные слова* так, как будто именно их они и говорили на интервью!»; «Неужели мы пробрили дно и теперь герои интервью могут вписывать свой собственный текст, маскируя его под текст независимого журналиста?» [6]. Можно предположить, что все эти цитаты в общих чертах отражают точку зрения тех 57 % журналистов-респондентов из опроса *Press Gazette*, которые никогда не отправляют свои тексты на согласование.

На этом фоне очень контрастно смотрится опрос российских журналистов и PR-менеджеров, проведённый в тот же период сервисом *Pressfeed* [7]. Он был организован в

группе в Facebook, и вопросы были сформулированы в открытой форме, поэтому статистики по нему нет. Однако ответы в комментариях рисуют довольно ясную картину: большинство журналистов согласовывают со спикерами тексты или хотя бы цитаты перед публикацией и считают это в целом нормальным, а большинство PR-менеджеров требуют этого и даже ставят это обязательным условием для интервью с их клиентом. Вот несколько показательных цитат из того обсуждения: «Хороший пиарщик просит прислать текст не цензуры ради, а точности для. А хороший журналист присылает, не делает пальцы веером и сопли пузырьём, ибо качество текста для хорошего (подчёркнуто) журналиста очень важно»; «Согласуем, конечно. В наших реалиях это нужно для взаимоуважения, дальнейшего сотрудничества»; «Да, всегда отправляла на согласование, потому что такие правила в редакциях – всегда согласовать материалы перед отправкой» [8].

Многие российские журналисты и PR-менеджеры объясняют свою благосклонность к согласованиям тем, что иначе материал может выйти с ошибками и неточностями. Точность – несомненно, один из главных этических принципов в журналистской профессии, признаваемый и на Западе, и в России. Например, в одном из старейших и наиболее авторитетных в мире профессионально-этических кодексов – кодексе американского Общества профессиональных журналистов (SPJ) – о точности говорится в первом положении: «Журналист должен отвечать за точность своей работы. Проверять информацию перед тем, как её обнародовать. <...> Помнить о том, что ни скорость, ни формат не могут служить оправданием для неточности» [9]. Положения о точности есть в подавляющем большинстве журналистских этических кодексов во всех странах мира.

В то же время в англо-американской журналистской традиции эта приверженность точности дополняется огромным вниманием к журналистской независимости. Ценность свободы слова с точки зрения теории журналистской этики не уступает по значимости ценностям правды и точности и не противоречит им. Более того, именно благодаря соблюдению принципов точности и правдивости – и именно с их помощью – журналисты и могут отстаивать свои свободу и независимость. Поэтому в интересах самого журналиста предельно внимательно относиться к информации в целом и к цитатам в частности, максимально точно передавать слова собеседника как в виде прямой, так и в виде косвенной речи.

По всей видимости, в силу того, что журналистская профессия в современном западном понимании стала формироваться в России сравнительно недавно (можно считать, что этот процесс начался с распадом Советского Союза), в нашей стране пока не сложилось доверия между журналистами и обществом. Ответственность за это частично лежит на обществе, которое по-прежнему имеет довольно низкий уровень медиаграмотности, но в большей степени, вероятно, на журналистах, слишком многие из которых действительно пренебрегают в своей работе идеалами точности и правдивости. «Да с удовольствием бы не согласовывали, если бы все были грамотными и не допускали грубейшие ошибки, как фактические, так и грамматические», – так звучит одна из реплик в обсуждении, запущенном *Pressfeed* [7]. Получается замкнутый круг: журналисты делают ошибки, общество из-за этого не доверяет им и требует согласования текстов, журналисты «расслабляются» и не работают над тем, чтобы более внимательно относиться к цитатам и фактам, зная, что в случае чего их поправят. В результате страдает и конечный продукт (читатель получает «вымаранный» пиарщиком текст – как правило, более скучный и менее информативный, чем исходный), и журналистика – а следовательно, и общество – в целом (журналисты не повышают свою квалификацию, небрежнее относятся к информации, допускают больше ошибок в тех случаях, когда их никто не контролирует).

К сожалению, даже в профессиональной среде в России это понимают далеко не все. В упомянутой дискуссии на Facebook об этом, по сути, написала только одна участница: «Это порочная практика, на самом деле. Расхолаживает всех: и спикер болтает что попало, думая, что всё поправят, и журналисты ощущают меньше ответственности <...>. Если бы интервью

не согласовывали – и спикеры бы научились отвечать за базар, и журналисты бы тщательнее информацию проверяли перед публикацией». У этого комментария ноль лайков. Гораздо более популярная позиция выражена в следующем комментарии о журналистах, не желающих согласовывать материалы (здесь лайков целых семь): «Вообще не понимаю, в чём причина у некоторых коллег – вставать в позу обиженной институтки. Вы не срочную новость с недоступным чудом пишете. Вы готовите большой интересный материал, эксклюзивный для вас и имиджевый для спикера. Какие тут могут быть бычки?» [8].

Разница в мировоззрении между российскими и западными коллегами выражается ещё и в различном понимании правды как категории журналистской этики. Как можно увидеть в колонке Джинни Дугари, она считает, что переписывание и дописывание цитат после интервью – это отступление от принципа правдивости. «Между журналистом издания и читателем <...> существует неписаное соглашение: то, что написано, происходило на самом деле», – утверждает она. Подразумевается, что если спикер переписывает/дополняет/добавляет в текст новые цитаты уже после того, как интервью закончилось, это обман читателя, который не предупреждён о таком развитии событий и думает, что всё написанное было произнесено во время разговора с журналистом. В качестве объяснения того, почему это имеет значение, Дугари цитирует своего друга-редактора: «Это важно, потому что портит моральный облик нашей прессы, и аудитория перестает верить тому, что читает» [6].

По всей видимости, для общества в долгосрочной перспективе выгодно, чтобы практика согласования текстов до публикации сошла на нет. Но в ситуации, когда многие журналисты плохо выполняют свою работу, запустить этот процесс очень сложно, так как он моментально повлечёт за собой появление огромного количества пострадавших от неточного цитирования.

Мне неизвестно о существовании писанных журналистских кодексов этики, где проговаривалась бы тема согласования материалов или частей материалов с их героями или PR-менеджерами перед публикацией. Вопрос о том, насколько такая практика этична, неоднозначен. Однако, учитывая всё сказанное выше, я склонна считать, что она в целом скорее противоречит ценностям журналистской этики, чем согласуется с ними.

Жалоба И.Е. Жучковой

Заявитель И. Е. Жучкова перечисляет свои претензии к автору текста в РИА «Новости» и к самому РИА «Новости» по пунктам, первый из которых – как раз «публикация интервью без согласования текста с интервьюируемым». И хотя я считаю практику согласования текстов до публикации не вполне этичной, нельзя не отметить, что здесь мы имеем дело с очень нестандартным случаем, который вряд ли можно судить на общих основаниях.

У героини обсуждаемого материала И.Е. Жучковой ампутирован язык, и аудиозапись интервью не проводилась: по всей видимости, по причине того, что разобрать речь на записи было бы сложно. Здесь и далее, говоря о мотивах автора текста Т. Кирсановой, придётся оперировать только предположениями: её комментарии к жалобе в распоряжении Коллегии нет, а в РИА «Новости» заявили, что не признают профессионально-этическую юрисдикцию ОКЖП. Это очень прискорбно, потому что пояснения журналистки могли бы пролить свет на многие моменты.

Итак, можно предположить, что Т. Кирсанова решила положиться на свою интуицию и ситуативное понимание речи и делала по ходу беседы заметки (блокнот и ручку в её руке можно увидеть на фотографиях, которыми проиллюстрирован материал [1]). Планировала ли она зафиксировать точные речевые обороты или изначально допускала, что перескажет мысли Жучковой своими словами, но закавычит их, – неясно, и в отсутствие ответа от Т. Кирсановой мы не можем этого узнать.

Не можем мы и проверить информацию о договорённости между Кирсановой и Жучковой о том, что материал не будет публиковаться без предварительного согласования с Жучковой. Действительно ли договорённость была именно об этом, одинаково ли она была понята обеими сторонами? Если да, то почему она была нарушена?

Надо отметить, что частично она всё же была исполнена: материал был выслан на согласование. Но, как утверждает заявитель, «текст был опубликован в первоначальном виде ещё до получения правок». При этом, если сравнить текст, присланный Жучковой, и текст, сохранившийся в кэше поисковой системы Google [1] (с сайта РИА «Новости» он был снят), то мы увидим, что они не идентичны: из второго удалены некоторые абзацы, и незначительная часть правок героини в него всё же внесена. Значит ли это, что текст всё-таки был опубликован после получения правок, или в него позже были внесены те правки, которые автор либо редакция сочли релевантными?

На эти вопросы у нас нет ответа. Поэтому имеет смысл сосредоточиться на другом: насколько в принципе этична могла быть в данном случае договорённость о предварительном согласовании материала, если она имела место?

Учитывая, что журналистка могла не всё в разговоре услышать правильно, я склонна думать, что такая договорённость была этически оправдана. В подобных случаях, однако, надо сразу оговаривать, что правки могут касаться только фактов и цитат. Если журналист не проводит независимый факт-чек (что необходимо делать даже в формате интервью, но в обсуждаемом материале, вероятнее всего, сделано не было), то ему остаётся полагаться на факт-чек со стороны героя. И если герой указывает на фактически ошибки относительно своей жизни, их логично исправлять.

Заявитель в нескольких пунктах перечисляет претензии, связанные с неточностями в тексте: «Публикация фактической информации об интервьюируемом, не соответствующей действительности»; «Искажение слов и мыслей интервьюируемого, приписывание интервьюируемому собственных формулировок и коннотаций»; «Оскорбление чувств неверующих путем приписывания интервьюируемому фраз “На случай, как известно, обижаться грех” и “Слава Богу”». В отсутствие записи мы не можем быть уверены в том, что журналистка переиначила и исказила высказывания героини. Но в данном случае – так как и она сама, по всей видимости, не может быть уверена, что поняла все высказывания правильно, – данью уважения к правде с её стороны было бы принять правки Жучковой. Поэтому, несмотря на моё негативное отношение к согласованиям, я поддерживаю претензию Жучковой об «отказе от внесения всех правок, касающихся фактов и цитат».

Если же мы принимаем претензию об отказе от внесения правок, то должны принять и претензию об «отказе от удаления компрометирующей публикации до внесения правок», так как одна из них «тянет» за собой другую. Если публикация настолько неточна, что требует правок почти в каждой цитате, то вреда от её нахождения в общем доступе может быть больше, чем пользы.

Ряд претензий заявителя не имеет отношения к журналистской этике. Например, Жучкова жалуется на «фамильярное обращение к интервьюируемому (упоминание в тексте) по фамилии». Мне представляется, что в упоминании в журналистском тексте героя по фамилии нет ничего фамильярного, это нормальная практика и вопрос исключительно вкусовой. Другая подобная претензия – «неуведомление интервьюируемого о факте публикации». Само по себе такое уведомление никак не нарушает журналистско-этические нормы (о существовании соответствующих норм мне неизвестно). Другое дело – если была договорённость о том, что журналистка непременно уведомит героя о выходе материала. Здесь речь идёт об общечеловеческой этике выполнения договорённостей, которая, несомненно, распространяется и на профессиональную этику.

Ещё одну из претензий Жучковой я поддержать не могу – это жалоба на «отказ от добавления в статью контактных данных интервьюируемого, несмотря на то, что статья эксплицитно призывает онкобольных обращаться к интервьюируемому за помощью». Журналистский материал преследует цель информировать общество по тем или иным вопросам. При этом выбирать, по каким именно вопросам аудитории конкретного СМИ необходима информация, – это прерогатива журналиста и редакции. Попытки героя навязать журналисту своё видение того, какую информацию о нём нужно распространять, перемещают ситуацию из сферы журналистики в сферу пиара.

В жалобе И.Е. Жучковой остаются ещё два пункта: «Отсутствие какой-либо реакции руководства РИА “Новости” на письмо-жалобу» и «Отрицание ответственности за причинение тяжёлого морального вреда». По первому из них следует сказать, что заявитель права: этичная медиакомпания не может оставлять такие письма без внимания. Выстраивание обратной связи – это часть их ответственности перед собственной аудиторией и перед всем обществом. Вторая же претензия представляется мне, по меньшей мере, непроработанной: во-первых, тяжесть морального вреда очень сложно оценить, а во-вторых, не вполне понятно, какая именно ответственность подразумевается.

Резюме

Вопрос о том, насколько этично журналисту согласовывать материалы до публикации с их героем, довольно неоднозначный и по-разному воспринимается в разных культурных традициях. Лично я склоняюсь к тому, что такая практика скорее неэтична, и в интересах общества от неё избавляться. Однако рассматриваемый случай крайне нестандартный и требует особого подхода.

Так как у героини обсуждаемого материала И.Е. Жучковой удалён язык и её речь сложно разобрать, журналистка Т. Кирсанова, по всей видимости, не могла быть уверена в том, что поняла всё правильно. В этой ситуации единственный способ проверить правильность цитат – это согласовать их с героем: единственным критерием правдивости становится сама Жучкова. Поэтому, несмотря на сомнительную этичность практики согласования цитат и тем более полных текстов материалов, я склонна поддержать претензии Жучковой по поводу публикации интервью без согласования и всего, что с этим связано: искажения слов и мыслей интервьюируемого, искажения фактов, отказа от внесения всех правок, касающихся фактов и цитат, отказа от удаления компрометирующей публикации до внесения правок. Я также поддерживаю претензию об «отсутствии какой-либо реакции руководства РИА “Новости” на письмо-жалобу», так как налаживание обратной связи – это часть социальной ответственности любой крупной медиакомпания.

Оставшиеся три претензии Жучковой – «фамильярное обращение к интервьюируемому (упоминание в тексте) по фамилии», «неуведомление интервьюируемого о факте публикации» и «отказ от добавления в статью контактных данных интервьюируемого» – я поддержать не могу, так как первые две не имеют отношения к журналистской этике, а третья ставит под угрозу журналистскую независимость.

Источники

1. Кирсанова Т. Никогда не смогу целоваться. Исповедь девушки, которая второй год живет без языка // РИА «Новости». 17.10.2019. URL: <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:hflH9W1jhgqJ:https://ria.ru/20191017/1559809963.html+&cd=1&hl=en&ct=clnk&gl=ru&client=opera> (кэшированная версия, дата обращения: 22.11.2019).
2. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 06.06.2019) «О средствах массовой информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2019). Статья 49. Обязанности журналиста. URL:

- http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/cb538501fcf1adfcebe98ad1431bca6e50d08cc6 (дата обращения: 21.11.2019).
3. Центр защиты прав СМИ. «Я запрещаю это публиковать! Должны ли журналисты согласовывать текст с героем?» URL: <https://mmdc.ru/consulting/common/ya-zapreshchayu-eto-publikovat-dolzny-li-zhurnalisty-soglasovyvat-tekst-s-geroem> (дата обращения: 21.11.2019).
  4. Ponsford D. Press Gazette survey: Most journalists say it is never OK to give PRs and interviewees copy approval // Press Gazette. 05.10.2017. URL: <https://www.pressgazette.co.uk/press-gazette-survey-most-journalists-say-it-is-never-ok-to-give-prs-and-interviewees-copy-approval> (дата обращения: 21.11.2019).
  5. Harrington J. Most PRs willing to ask for copy approval... but most journalists refuse // PR Week. 04.10.2017. URL: <https://www.prweek.com/article/1446418/prs-willing-ask-copy-approval-journalists-refuse> (дата обращения: 21.11.2019).
  6. Dougary G. How BBC star Clare Balding nicked my byline // The Observer. 01.10.2017. URL: <https://www.theguardian.com/media/2017/sep/30/celebrity-interview-bullying-behaviour-balding-saga> (дата обращения: 21.11.2019).
  7. Локтионова Е. Слово не воробей. Должен ли журналист согласовывать интервью? // Pressfeed.журнал. 17.10.2017. URL: <https://news.pressfeed.ru/smi> (дата обращения: 21.11.2019).
  8. Опрос в группе «Пиарщики и маркетологи России» в Facebook. Опубликовано Е. Локтионовой 10.10.2017. URL: <https://www.facebook.com/groups/pressuha/permalink/1690230091050977> (дата обращения: 22.11.2019).
  9. SPJ Code of Ethics. URL: <https://www.spj.org/ethicscode.asp> (дата обращения: 22.11.2019).

РЕШЕНИЕ

«О жалобе Фокиной Дарьи Михайловны и ряда других представителей СМИ г. Петербурга на материал “Скандал в Петербурге: вузовский преподаватель домогался студенток”, вышедший в программе “Вести с Алексеем Казаковым” на телеканале “Россия 24” (Дата публикации – 12.11. 2019 г., автор – Георгий Подгорный. Адрес материала в Интернете – <https://www.vesti.ru/videos/show/vid/817186/#>)».

г. Москва, 18 декабря 2019 г.

№ 205

На 205-м заседании Общественной коллегии по жалобам на прессу ad hoc коллегия в составе Юрия Казакова (председательствующий, сопредседатель Общественной коллегии по жалобам на прессу), членов **Палаты медиасообщества** Евгения Абова, Ольги Кравцовой, Виктора Лошака, Виктора Юкечева, членов **Палаты медиааудитории** Евгения Гонтмахера, Виктора Монахова рассмотрела обращение Фокиной Дарьи Михайловны и ряда её коллег, журналистов и редакторов СМИ г. Петербурга, на публикацию телеканалом «Россия 24» в телепрограмме «Вести с Алексеем Казаковым» материала «Скандал в Петербурге: вузовский преподаватель домогался студенток». (Дата публикации – 12.11. 2019 г., автор – Георгий Подгорный. Адрес материала в Интернете – <https://www.vesti.ru/videos/show/vid/817186/#>).

Вопросы процедуры. Заявитель, Фокина Дарья Михайловна, журналист сетевого издания «Карповка», подписала Соглашение о признании профессионально-этической юрисдикции Общественной коллегии по жалобам на прессу, приняв на себя тем самым обязательство не использовать решение Общественной коллегии по данному информационному спору для его продолжения в судебном, ином правовом или административном порядке.

Адресат жалобы, телеканал «Россия 24», на информационное письмо Коллегии о поступлении жалобы не ответил, Соглашения о признании профессионально-этической юрисдикции Коллегии не подписал, своих представителей на заседание Коллегии, в ходе которого была рассмотрена жалоба, не направил.

Позиция заявителя при обращении в Коллегию была сформулирована следующим образом. «12 ноября 2019 года в эфире канала “Россия 24” (ЭЛ № ФС 77 – 48108 от 30 декабря 2011 года) вышла телепрограмма “Вести с Алексеем Казаковым”. Один из сюжетов авторства журналиста Георгия Подгорного был посвящен “скандалу” с депутатом ЗакСа Борисом Вишневским (сюжет опубликован по ссылке: <https://www.vesti.ru/videos/show/vid/817186>). Подгорный рассказал телезрителям об обвинениях в домогательствах некой студентки РГПУ им. Герцена в адрес политика.

Сюжет начинается с утверждения, что на Вишневского поступили “массовые жалобы” от студенток. При этом доказательств “массовости” в материале не приводится. Телеведущий пояснил, что скандал начался с публикации письма некой студентки Кристины, которая якобы училась в РГПУ на первом курсе в 2014 году. Девушка рассказала, что “для Вишневского было нормой трогать девушек, отпускать шуточки с намёками, прижимать к стене и шантажировать тех, кто шёл в отказ, депутатским удостоверением”. Письмо впервые было опубликовано на сайте nation-news.ru 7 ноября. Это издание входит в медиагруппу “Патриот”, главой попечительского совета которой является бизнесмен Евгений Пригожин. В дальнейшем сообщения о письме Кристины были перепечатаны ещё несколькими СМИ из той же группы.

Автор сюжета на телеканале “Россия 24” Георгий Подгорный также рассказал о некой общественной кампании против Вишневского: якобы петербуржцы выходят на пикеты

и составляют петиции, а Вишневский “не спешит” аргументированно опровергать обвинения (сам политик отказался общаться с журналистом федерального телеканала, но активно освещает всю историю на своей странице в Facebook). Также в сюжете появился руководитель медиагруппы “Патриот” Николай Столярчук: он рассказал об угрозах в адрес редакции, но оговорился, что угрожавший “не представился”.

Несмотря на то, что в сюжете нет прямых обвинений Вишневского, на сайте телеканала видеоролик размещён под заголовком “Скандал в Петербурге: вузовский преподаватель домогался студенток”. Сюжет, на наш взгляд, односторонний и необъективен: в нём не представлена иная точка зрения, хотя в защиту Вишневского высказывались петербургские политики и журналисты. 10 ноября вышли заявления Союза журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области и Санкт-Петербургского отделения Союза журналистов России, в которых члены обоих объединений усомнились в достаточности доказательной базы обвинений Вишневского в домогательствах и назвали происходящее “срезжиссированной информационной кампанией”. 9 ноября в поддержку Вишневского выступил депутат ЗакСа Максим Резник, 12 – его коллега Алексей Ковалёв. Журналисты Мария Карпенко и Ксения Ключкова в Telegram-канале “Ротонда” также назвали всю историю вымышленной: они заметили, что 11 ноября в соцсетях появились 46 однотипных публикаций, посвящённых пикетам против депутата.

Более того, есть пример развернутой издательствами медиагруппы “Патриот” травли депутата ЗакСа Максима Резника. Кампания против оппозиционного политика началась 1 мая: его обвинили в употреблении лёгких наркотиков. Практически все те же издания, которые сейчас распространяют, на наш взгляд, недостоверные сведения о Вишневском, ранее, ссылаясь на анонимные источники, рассказывали о мнимой наркозависимости Резника. Семья депутата жаловалась на слежку. К главному редактору петербургского издания “Пореврик” обращались с предложением за определённую плату опубликовать текст о петиции против “депутата-наркомана”. Вся медиакампания, развернутая этими СМИ, в итоге не привела к каким-либо последствиям.

Резолюция Парламентской Ассамблеи Совета Европы 1003 (принята 1 июля 1993 года) “О журналистской этике” гласит, что основным принципом любых этических рассуждений, касающихся журналистики, является чёткое разграничение между новостями и мнениями, что делает невозможным их смешение. Новости – это информация о фактах и событиях, в то время как мнения – это мысли, идеи, представления или ценностные суждения части информационных компаний, издателей или журналистов; информационное вещание должно быть основано на достоверности, подтверждённой соответствующими средствами проверки и доказательствами, его представление, описание и изложение должно быть беспристрастно. Слухи не должны смешиваться с новостями.

Мы никоим образом не отрицаем права журналистов федерального телеканала “Россия 24” высказывать своё мнение, участвовать в обсуждении спорной темы (и не сомневаемся, что обвинения депутата ЗакСа Санкт-Петербурга могут быть достаточным инфоповодом и для федеральной повестки), в то же время считаем недопустимым трансляцию на всю страну необъективной информации. Просим экспертов Коллегии по жалобам на прессу дать свою этическую оценку описанному сюжету и работе журналиста Георгия Подгорного».

(Под обращением в Коллегию стоят подписи Ивана Петрова (ИД «Курьер Медиа»), Серафима Романова («Новая газета» в Петербурге) Давида Френкеля («Медиазона»), Елены Михиной («Лениздат.ру»), Сергея Сатановского («Новая газета» в Петербурге), Василия Романова («Пореврик.Медиа»), Алексея Ниманова («Фонтанка.ру»), Екатерины Хабидулиной (ЗАКС.Ру), Алексея Управителева («Бинокль»), Олега Дилимбетова («Коммерсантъ» в Санкт-Петербурге), Петра Иванова (Sota.Vision), Ксении Ключковой (Znak.com), Ирины Корбат («Фонтанка.ру»), Николая Овчинникова («Афиша Daily»/Команда 29), Романа Перла (Belsat). Всего 16 подписей, – Коллегия.)

Позиция адресата жалобы, телеканала «Россия 24», осталась Коллегии неизвестной.

Обстоятельства, установленные в ходе заседания Коллегии. Выступая на заседании от имени всех, кто подписал обращение, **Елена Юрьевна Михина**, шеф-редактор информационного портала «Лениздат.ру», объяснила появление групповой жалобы тем, что сюжет появился на федеральном телеканале: «К тому, что такую информацию распространяет медиагруппа “Патриот”, мы уже привыкли. Но то, что их информацию подхватывает федеральный канал, фактически подавая их позицию, у нас вызывает удивление и желание, чтобы кто-то разобрался в том, что происходит».

Заявитель пояснила, что в медиагруппу «Патриот» входит Федеральное агентство новостей, ФАН («Их скриншот был в этом сюжете»), «Нейшн Ньюс» (nation-news.ru), «с которого началась эта история про Вишневого», и «ещё с десятков разных сайтов такого же толка». По словам заявителя, прежде СМИ этой медиагруппы «сами всё муссировали, создавая информационный шум», работая при этом по определённой технологии. Е.Ю. Михина уточнила, что в основу информационной кампании «кладётся один текст», на основе которого «у них создаются новости, а их может быть сотня в день в общей сложности, и все на одну и ту же тему». Так было в случае с депутатом ЗакСа Максимом Резником, случай которого упоминается в жалобе; так обстоят дела в настоящее время, когда СМИ той же медиагруппы «пишут про девушек-журналисток, которые ведут Telegram-канал “Ротонда”. Это политические журналистки, они скорее оппозиционные. И там начинается ещё одна волна, теперь уже про них».

Отвечая на вопрос, заявитель пояснила, что сама письма Кристины не видела, но в декабре появился сюжет, в котором эта девушка рассказывает о том, что она якобы обратилась в прокуратуру. На вопрос, реальное ли лицо Кристина, заявитель ответила: «Трудно сказать, поскольку лицо девушки в сюжете было размыто».

На вопрос о людях, стоящих в оспоренном сюжете «России 24» в пикетах, заявитель ответила: «Мне лично их лица ни о чём не говорят. Но я видела публикации о том, что эти люди выходили в подобные пикеты летом. Тогда они были против Резника». Ответ на вопрос «А вы не пытались узнать, кто они, почему пришли?» – «У меня такое ощущение, что этих людей видели «Россия 24» и группа “Патриот”».

Заявитель обратила внимание на прозвучавшее в оспоренном сюжете утверждение о «массовых жалобах» на Бориса Вишневого, – при том, что, начиная с первой публикации nation-news.ru от 7 ноября, единственным лицом, фигурирующим в качестве носителя обвинения, адресованного политику и преподавателю, является Кристина.

На вопрос о причинах, по которым Борис Вишневский отказался комментировать ситуацию телеканалу «Россия 24», Елена Михина ответила так: «Мне он сказал, что к нему действительно обращались журналисты с канала «Россия», но он отказался с ними общаться, предвидя, каким может оказаться сюжет».

Ирина Владимировна Киркора, директор АНО «Авторский центр “Мир семьи”», выступая на заседании Коллегии в роли свидетеля (фрагмент интервью с ней стал частью оспоренного сюжета; в его контексте сказанное ею о насилии могло быть воспринято как поддержка стороны обвинения), отметила, что сразу сказала тем, кто обратился к ней за комментарием: «Я не знаю этой ситуации». Пояснив, что данный ею в итоге 7–8-минутный «общий комментарий» был посвящён проявлениям насилия в обществе и во взаимоотношениях двух людей («Всё моё интервью было сосредоточено на этом моменте: проявлять своё внимание к представителю другого пола совершенно уместно, но только до момента, когда будет сказано “нет”»), И.В. Киркора нашла противоречащим этике журналиста приём «склейки» различных по смыслу текстов, использованный предупреждёнными о том, о чём она заведомо не могла говорить. По словам свидетеля, на заседание Коллегии её привёл, прежде всего, тот факт, что её фраза «Я думаю, что это объяснение нельзя считать исчерпывающим», вырванная из её комментария, не имевшего отношения к оспоренному сюжету, была напрямую подвёрстана к тому, что было сказано Георгием Подгорным: «Однако свой комментарий СМИ Вишневский всё же оставил. Назвал обвинения клеветой и ложью и

недоумевают: как он мог домогаться первокурсниц, если никогда не вёл у них занятий. Одно другому, должно быть, мешает».

Члены *ad hoc* коллегии были ознакомлены с результатом исследования оспоренного сюжета (мнением эксперта) проф. **С.К. Шайхитдиновой**.

С учётом всего изложенного Общественная коллегия приняла следующее решение.

РЕШЕНИЕ

1. Коллегия, оставаясь в рамках своей компетенции, не рассматривает и не обсуждает вопроса об основательности (безосновательности) обвинений, предъявленных политику и преподавателю Б.Л. Вишневному безымянной, укрывшейся за псевдонимом «Кристина».

2. Коллегия принимает к сведению сказанное заявителями о двух информационных кампаниях СМИ, входящих в медиагруппу «Патриот» (кампания против депутата ЗакСа Максима Резника; кампания против журналисток Telegram-канала «Ротонда»), но не даёт им оценок, поскольку не получала соответствующих жалоб и не рассматривала конкретные информационные споры, в основе которых лежали бы конкретные публикации.

3. Не будучи погружённой в петербургскую среду и проблематику, включая межмедийные отношения, Коллегия не даёт оценок ни информационной кампании, объектом которой оказался Б.Л. Вишневский, ни даже тем публикациям СМИ медиагруппы «Патриот», на которые ссылаются заявители. Коллегия, однако, полагает уместным сослаться на оценку, данную этой кампании в Заявлении Секретариата Союза журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 10 ноября 2019 г., упомянутом заявителями. Цитата: «К сожалению, это далеко не первый пример недобросовестной, очевидно срежиссированной информационной кампании, осуществляемой одной и той же группой СМИ. Секретариат Союза журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области считает, что подобными публикациями сотрудники данных СМИ не только дискредитируют себя, но и ставят свои медиа вне профессии».

4. Что касается сюжета, выпущенного в программе «Вести с Алексеем Казаковым» телеканалом «Россия 24», то Коллегия находит его по содержанию, направленности и качеству создающим прецедент, заслуживающим повышенного внимания как минимум по трём причинам.

Первая: телеканал, входящий в государственное унитарное предприятие ВГТРК, оказался вовлечён в *региональную* информационную кампанию, характер которой в упомянутом заявлении Секретариата Союза журналистов СПб и ЛО определён как несовместимое со статусом журналиста тиражирование дезинформации.

Вторая: влиятельный федеральный телеканал, с его охватом российской территории и многомиллионной аудиторией, занял в этой кампании место очевидно не рядового актора, не просто ретранслятора, но и усилителя того *преследовательского* импульса, который по элементам закладывался и формировался инициаторами конкретной информкампании, начиная с самой первой публикации *nation-news.ru* от 7 ноября 2019 г. (Фрагмент этой публикации выводится на экран авторами оспоренного телесюжета.)

И, наконец, третья причина. *Хартия телерадиовещателей* (1999 г.), и по сей день единственный медиаэтический документ, говорящий о правилах и нормах поведения как телевизионного журналиста, так и телекомпаний на территории России, относит «организацию информационных кампаний по целенаправленной дискредитации граждан и организаций» к «действиям, несовместимым с нормами цивилизованной журналистики». Коллегия считает, что эта оценка сохраняет значение также и для случаев, когда

общенациональная телекомпания выступает по факту не организатором, а «всего лишь» одним из участников информационных кампаний названного рода и толка.

5. Оценивая специфику оспоренного сюжета, Коллегия вслед за заявителями и за своим экспертом, проф. С.К. Шайхитдиновой, обращает внимание на недопустимую определённую, однозначность интенции, заложенную в заголовок сюжета «Скандал в Санкт-Петербурге: вузовский преподаватель домогался студенток». Коллегия обращает внимание на то, что обвинение, которое держится на слове безымянной, по сути, девушки, не будучи подкреплено никакими фактами, а значит, изначально требующее повышенной осторожности в работе с ним (возможно – клеветническим, облыжным, наветным), заголовком сюжета передаётся как установленный факт.

Коллегия, соглашаясь и с заявителями, и с экспертом, обращает внимание на то, далее, что авторы сюжета – сначала в заголовке, в котором речь идёт уже не о некой «бывшей студентке» Кристине, а о неких «студентках», а затем и в тексте, где упоминается о неких «массовых жалобах на видного общественного деятеля», – бездоказательно продолжают, закрепляя и распространяя на новую, федеральную аудиторию, тему неких «бывших учениц», заложенную в той же публикации nation-news.ru от 7 ноября 2019 г. Таким путём в сознание массового зрителя закладывается представление о том, что речь идёт не о сомнительном обвинении, предъявляемом конкретным лицом конкретному лицу, но о подобном же рода обвинениях неопределённого ряда лиц, предъявляющих известному общественному и политическому деятелю и преподавателю обвинения подобного же рода.

6. Коллегия отмечает усилия по «объективизации» подхода, закладываемого конструкцию сюжета: его авторы, например, упоминают о внутренней проверке, проведённой в РГПУ им. А.И. Герцена, и даже выводят на экран высказывание руководителя пресс-службы вуза Ларисы Кузьминой, согласно которому «ни один из учащихся», у которых преподаёт Б.Л. Вишневский, «не подтвердил обвинений», изложенных в опубликованном письме т. н. Кристины. А на выходе сюжета, после информации о том, что обвиняющие намереваются обратиться к правоохранителям, задаются вопросом, оборачивающимся, на самом деле, признанием: «Может, тогда появятся железные доказательства, что депутат преступил черту, которых пока нет». (*Авторский текст Г.Подгорного, – Коллегия*)

Коллегия находит, однако, что упомянутая «объективизация» является приёмом, медиатехнологической уловкой, призванной одновременно и повысить доверие к позиции, очевидно занимаемой и продвигаемой фактическими соавторами сюжета, Г.Подгорным и А.Казаковым, и минимизировать риски выпустивших сюжет в федеральный телеэфир.

7. Говоря о рисках и напоминая, в частности, о том, как распорядились авторы программы не только словами, сказанными И.В. Киркорой, но и её именем и репутацией, Коллегия уточняет, что в данном случае телезритель имел дело с достаточно простым в технологическом отношении приёмом нарезки кадров и подгонки «сторонней» информации под результат, искомый для подгоняющего. Нарушение правил игры во взаимоотношениях телеканала и общественного деятеля, равно как и введение в заблуждение телезрителя «нужной» репликой эксперта, дававшего, на самом деле, интервью на тему определённо не по теме сюжета, очевидно не заботили его авторов, не являлись для них предметом профессионально-этической рефлексии. И общественный деятель, и телезритель оказались, по сути, просто утилитарно использованы в каких-то других, не журналистских интересах людьми, представляющими государственную телекомпанию.

8. Коллегия обращает внимание на то, что её эксперт, проф. С.К. Шайхитдинова, исследовав оспоренный сюжет, предпочла в своих выводах (документ «Мнение эксперта») говорить о Георгии Подгорном и Алексее Казакове не как о телевизионных журналистах, но

как о *медиатехнологах*, соавторах медиатекста, создаваемого для очернения репутации политика. Эксперт Коллегии сделала при этом однозначно прочитываемый вывод: сюжет Г.Подгорного и его представление на телеканале «Россия 24» «являют собой кампанию травли политического деятеля Бориса Вишневого и в этой связи грубо нарушают все нормы профессиональной этики журналиста».

9. Соглашаясь с экспертом как в этом главном выводе, так и в том, что определённый набор методологических и технологических приёмов, применённых соавторами сюжета (языковое воздействие; введение героя в отрицательно оцениваемый контекст; использование воздействия, связанного с эффектом прайминга; встраивание в заданную смысловую схему видеоматериалов и свидетельств; использование и распространение слухов об обсуждаемой персоне, и т. д.), позволяет говорить «о скрытых манипуляционных технологиях воздействия на общественное мнение», Коллегия вместе с тем считает необходимым обратить внимание на одно особое обстоятельство, не попавшее в поле зрения эксперта, который оценивал оспоренный сюжет только и исключительно на предмет его соответствия *основам профессиональной этики журналиста*. А именно – на *признаки пропаганды* (или даже *спецпропаганды*), которые в нём обнаруживаются.

10. Напоминая о том, что в *Рекомендациях Сети организаций медийного саморегулирования (СОМС) относительно распространения пропаганды в СМИ* содержится определённый набор признаков пропаганды, Коллегия полагает в полной мере относящимися к оспоренному сюжету такие признаки «*политической пропаганды с признаками “языка вражды”*», как:

- «объектное» отношение субъекта пропаганды к конкретному человеку, социальной группе, обществу в целом;
- наличие чёткой, подлежащей реализации цели как ожидаемого итога воздействия медиа на «объект» – с определённым изменением (или поддержанием) «картины мира» в его сознании; в идеале – с переводением навязанных представлений в поступок и образ действий;
- целевой, работающий на жёсткий «сценарий» отбор фактов, активное обращение к дезинформации, манипулирование фактами, статистическими данными, мнениями, включая экспертные, или сдвиг акцентов там, где прямая дезинформация представляется невозможной;
- действие в логике «Цель оправдывает средства»; использование средств и методов, сплошь и рядом несовместимых с такими ценностями, как честность, правдивость и т. д.;
- обнаружение, создание или дорисовка «образа врага»; внесение в массовое сознание и поддержание в нём разделения на «мы» и «они»;
- апелляция преимущественно к эмоциям, к чувствам, а не к разуму, игра на страхах и предубеждениях, активное использование историй о злодеяниях и зверствах;
- фабрикация признаков надёжности, в том числе источников информации.

11. Не углубляясь в безусловно далёкую от её компетенции область *спецпропаганды*, но хорошо представляя, какую силу могут обрести и как работают в обществе *мирного времени* антирепутационные механизмы, запускаемые на площадках СМИ, формирующих «образ врага», Коллегия полагает полезным упомянуть об используемом в спецпропаганде «методом гнилой селёдки». Вот что об этом методе и том, как он работает, написал несколько лет назад Владимир Яковлев: «Подбирается ложное обвинение. Важно, чтобы оно было максимально грязным и скандальным. Хорошо работает, например, мелкое воровство, или, скажем, растление детей, или убийство, желательно из жадности. Цель “гнилой селёдки” вовсе не в том, чтобы обвинение доказать. А в том, чтобы вызвать широкое, публичное обсуждение его... несправедливости и неоправданности. Человеческая психика устроена так, что, как только обвинение становится предметом публичного обсуждения, неизбежно возникают его “сторонники” и “противники”, “знатоки” и “эксперты”, оголтелые “обвинители” и ярые “защитники” обвиняемого. Но вне зависимости от своих взглядов все участники дискуссии

снова и снова произносят имя обвиняемого в связке с грязным и скандальным обвинением, втирая таким образом всё больше “гнилой селёдки” в его “одежду”, пока наконец этот “запах” не начинает следовать за ним везде. А вопрос “Убил-украл-совратил или всё-таки нет?” становится главным при упоминании его имени».

12. Коллегия обращает особое внимание и журналистов, и граждан, никак не связанных с журналистской деятельностью, на то обстоятельство, что в основе оспоренного сюжета лежит фактически поддержанное соавторами сюжета обвинение политика и педагога Б.Л. Вишневого в том деянии, которое теперь и в массово-информационном пространстве России тоже именуется *харассментом*. Не обсуждая, как было сказано, основательности (безосновательности) обвинений такого рода, предъявляемых конкретному лицу, Коллегия полагает полезным уточнить следующее обстоятельство, представляющееся ей существенным и для общества, и для СМИ.

Общественные проблемы такого рода, как *сексуальное насилие* и *харассмент*, окружены большим количеством социальных мифов, многие из которых перекладывают ответственность за случившееся и стыд за обнародование инцидента на пострадавших: упирая на то, что преступления такого рода сложно доказать, что возможен голословный оговор предполагаемого преступника и т. п.

Занимаясь, по сути, *оговором* конкретных людей и пользуясь потенциальной «хайпогенностью» самой темы, СМИ, проявляющие недобросовестность или недопустимую лёгкость в работе с ней, по факту подрывают усилия всех тех правозащитников и гражданских активистов, которые пытаются привлечь к этой серьёзной проблеме общественное внимание.

Коллегия полагает, что урон от материалов, подобных оспоренному сюжету, наносится не только репутации конкретного политика или общественного деятеля, не только репутации конкретных журналистов или СМИ, поступающих принципами профессиональной и социальной ответственности, но и усилиям, которые предпринимаются в борьбе с тяжёлой и важной общественной проблемой, и обществу в целом.

13. Общественная коллегия просит:

- редакции журналов «Журналист» и «Информационное право» – опубликовать состоявшееся решение Общественной коллегии;
- факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, а также факультеты журналистики других вузов – обсудить состоявшееся решение Общественной коллегии со студентами, изучающими профессиональную этику;
- Комиссию Общественной палаты Российской Федерации по развитию информационного сообщества, СМИ и массовых коммуникаций – принять к сведению состоявшееся решение Общественной коллегии.

Настоящее решение принято консенсусом.

**Председательствующий,
Ю.В. Казаков**

**Мнение эксперта С.К. Шайхитдиновой
о телевизионном сюжете «Скандал в Петербурге: вузовский
преподаватель домогался студенток» и его представлении 12.11.2019
на канале «Россия-24»**

Мнение резюмирует итоги проведенного исследования.

Эксперт-исследователь: Шайхитдинова Светлана Каимовна, профессор кафедры национальных и глобальных медиа Высшей школы журналистики и медиакоммуникаций ИСФН Казанского (Приволжского) федерального университета, профессор, д. филос. н., к. филол. н. по специальности «журналистика»; стаж работы в практич. жур-ке – 6 лет; опыт производства экспертных заключений по конфликтным текстам массовой информации – с 1997 года.

Время и место проведения исследования: 4–9 декабря 2019, г. Казань.

Лицо, назначившее проведение исследования: Юрий Венедиктович Казаков, сопредседатель Общественной коллегии по жалобам на прессу (г. Москва).

Материалы, предоставленные эксперту:

– Обращение в Общественную коллегию по жалобам на прессу Дарьи Михайловны Фокиной («Карповка»). Письмо подписано также следующими представителями СМИ: Иваном Петровым (ИД «Курьер Медиа»), Серафимой Романовой («Новая газета» в Петербурге), Давидом Френкелем («Медиазона»), Еленой Михиной («Лениздат.ру»), Сергеем Сатановским («Новая газета» в Петербурге), Василием Романовым («Пореврик. Медиа»), Алексеем Нимандовым («Фонтанка.ру»), Екатериной Хабидулиной (ЗАКС.Ру), Алексеем Управителейым («Бинокль»), Олегом Дилимбетовым («Коммерсантъ» в Санкт-Петербурге), Петром Ивановым (Sota.Vision), Ксенией Клочковой (Znak.com), Ириной Корбат («Фонтанка.ру»), Николаем Овчинниковым («Афиша Daily»/Команда 29), Романом Перлом (Belsat).

– Телевизионный сюжет ТК «Россия 24» от 12.11.2019 «Скандал в Петербурге: вузовский преподаватель домогался студенток» (Георгий Подгорный): URL: <https://www.vesti.ru/videos/show/vid/817186>.

Вопросы, поставленные перед экспертом:

1. Содержатся ли в телевизионном сюжете «Скандал в Петербурге: вузовский преподаватель домогался студенток» и его представлении на телеканале «Россия-24» сведения, нарушающие профессиональную этику журналиста?
2. Если да, то в каких фрагментах видеоряда и речевых высказываний?

Методология исследования базируется на теории телевизионного производства, теории журналистского текста и профессиональной этике журналиста. Исследование медиатекста произведено методом дискурс-анализа.

Характеристика объекта исследования

Представление и демонстрация указанного телевизионного сюжета длится 5 минут 10 секунд. В Интернете он представлен под заголовком «Скандал в Петербурге: вузовский преподаватель домогался студенток».

На первой минуте ведущий новостного блока Алексей Казаков стоит на фоне экрана, на котором написано: «Министерство науки и высшего образования проведёт совещание по

улучшению воспитательной работы со студентами». Ведущий произносит текст, который служит подводкой к телевизионному сюжету: *«Министерство науки и высшего образования, как утверждается, уже в следующем месяце может провести совещание по улучшению воспитательной работы в отечественных вузах. Поводов, сразу скажем, несколько, причём один из них, скажем так, пикантен, поскольку касается неформальных отношений преподавательского состава с учащимися. Актуальная тема, в том числе в смысле массовых жалоб на Бориса Вишневого, видного Санкт-Петербургского оппозиционера, депутата местного Заксобрания от партии "Яблоко", а по совместительству преподавателя политологии РГПУ имени Герцена, который вдруг оказался в центре... ну, неприятной ситуации...»*

На второй минуте Алексей Казаков в режиме прямого включения предоставляет в студии слово автору сюжета Георгию Подгорному: *«Уже ведь на пикеты выходят, да, Георгий?»* Тот отвечает: *«В точку»*, – занимая место около экрана, на котором значится: *«Бориса Лазаревича видели в кафе с молодыми девушками, однако зафиксировать факт оплаты по счёту с карты Вишневого невозможно»*. На экране появляется напечатанная цитата из письма некой Кристины, излагающей её впечатления 2014 года, когда она была студенткой вуза, в котором работал Вишневский. Далее следует нарезка из различных выступлений молодёжи с плакатами.

На третьей минуте сюжета руководитель пресс-службы РГПУ свидетельствует, что проведена проверка и ни один из обучающихся педуниверситета имени Герцена не подтвердил сведения, изложенные в опубликованном письме. Тем не менее Георгий Подгорный продолжает настаивать: *«В Санкт-Петербурге идёт настоящая буря негодования...»* На экране демонстрируется некий молодой человек с плакатом: *«Вишневский – позор РГПУ и ЗАКСа»*.

В конце третьей минуты некий Николай Столярчук сообщает по скайпу, что после публикации «письма студентки» кто-то позвонил в редакцию и обвинил её в том, что она безосновательно пытается очернить Бориса Вишневого.

Далее даётся слово женщине-блогеру, которая говорит на тему харассмента, женщине – директору АНО, которая говорит о недопустимости насилия в отношении женщин. Своё выступление Георгий Подгорный заканчивает словами, что доказательств относительно обвинений Вишневого нет, однако *«неизвестная девушка намеревается обратиться к правоохранителям. Может, тогда появятся железные доказательства, что депутат Вишневский преступил черту...»*

Выводы исследования

Вывод 1

Сюжет «Скандал в Петербурге: вузовский преподаватель домогался студенток» («Россия-24») обладает всеми признаками заказного медиатекста.

Пояснение

Произведён анализ следующих элементов материала, представленного зрителю в новостном блоке: событие-новость, источник новости (нюсмейкер), аргументы выдвинутого тезиса, образ автора. Все эти элементы, как показал анализ, сконструированы. Т. е. цель не связана с процессом реальной журналистской коммуникации, предполагающей донесение до населения адекватной информации о действительности.

Событие-новость. В качестве «события» выступает публикация на неких местных медиаплощадках некоего письма некой Кристины. Очевидно, что этот род сведений не дотягивает до уровня федерального канала. «Уровень» и общественная значимость конструируются с помощью новостной подводки о том, что *«Министерство <...> может провести совещание»*. Надуманность повода обращения к некоему письму очевидна: совещание в министерстве. И оно ещё *может* будет, а *может*, и не будет проведено. Поэтому

с помощью игры слов ведущего осуществляется подмена: заданный «министерский» масштаб проецируется на некое письмо, которому таким образом придаётся статус события.

Источник «события-новости». Источником выступает некая Кристина. По сути – аноним. В сюжете мы её не видим, цитату якобы из её письма зачитывает голос за кадром. Никаких сведений о ней, кроме того, что она несколько лет назад была студенткой педагогического университета имени Герцена, аудитория не получает. Некие сведения из её письма под видом харассмента представлены неискушённой публике в контексте темы неформальных отношений между преподавателями и студентами. Вопрос о неформальных отношениях стал актуален после громкого убийства аспирантки СПбГУ Анастасии Ещенко доцентом Олегом Соколовым. Это страшное событие, произошедшее 9 ноября 2019 г., взбудоражило общество и в первую очередь – жителей Санкт-Петербурга. Письмо бывшей студентки Кристины организовано «по горячим следам». Таким образом, некие местные медиаплощадки заторопились извлечь из возбуждённого состояния публики информационную выгоду. В их ряд включился и канал «Россия-24».

Необходимо обратить внимание, что в данном сюжете анонимность – основной признак ньюсмейкеров. Нет конкретных данных ни о ком, кроме послужившего информационной мишенью политика Бориса Вишневого. Фигурируют расплывчатые отсылки к «другим», к «слухам», к «догадкам», к обсуждениям в сети, – т. е. ничего определённого.

Ссылки на местные медиаресурсы, предоставившие материалы для цитирования, ведущими Казаковым и Подгорным перед многомиллионной аудиторией никак не охарактеризованы. В одной из интернет-характеристик о площадке nation-news.ru, к примеру, сказано, что она имеет целью раскрывать «тайны мадридского двора». Площадка, таким образом, может быть ассоциируема с таблоидной, бульварной прессой.

Аргументы выдвинутого тезиса. Тезис, который «не подлежит сомнению», в анализируемом сюжете частично выставлен в виде заголовка: «Скандал в Петербурге: вузовский преподаватель домогался студенток». Другая часть тезиса сквозной нитью проходит через весь медиатекст: «массовые жалобы на видного общественного деятеля». Если наличие или отсутствие домогательств, по свидетельству самого автора сюжета Георгия Подгорного, доказать невозможно, то свидетельства «негодования общественности» – кадры с массовым выходом людей на площади – всегда есть в базе любого новостного СМИ. Кроме того, как было сказано выше, информационная волна в 10-х числах ноября, когда появился сюжет на экране «Россия-24», находилась на подъёме: вузовский Петербург после убийства Анастасии Ещенко был взбудоражен. Люди в такие периоды готовы подписывать петиции с требованием осуществлять любые проверки.

Ни в одном из кадров с отображением массовых митингов нет указания, по какому поводу собрались на митинг, в каком месте, в каком городе. То же самое можно сказать о высказываниях блогера и директора АНО, у которых брали интервью. Поводы для выражения их мнений могли быть совершенно другими. Интервьюируемых использовали для заданной цели как «говорящие головы».

В сюжете на третьей минуте на несколько секунд появился единственный «именной» кадр: не ясно, где засняли молодого человека неформального вида с плакатом «Вишневский – позор РГПУ и ЗАКСа». Если поводом для такого одиночного пикета послужило письмо студентки Кристины, то непонятно, почему на плакате включено указание на ЗакС – Законодательное собрание Санкт-Петербурга (никто там вроде ни к кому не приставал).

Образ автора. Авторские высказывания в данном сюжете представлены в диалоге двух медиатехнологов – Алексея Казакова и Георгия Подгорного, что придаёт изложению материала, в глазах массовой аудитории, располагающую субъективную тональность. Их роли строго распределены: первый вписывает сюжет в новостную ленту, второй с помощью

заданных интерпретаций структурирует собранную нарезку. Именно в речевых высказываниях обоих просматривается заказная цель – «очернить» репутацию политика. На то, что цель связана с политической деятельностью Бориса Вишневого и ни с чем другим, указывает постоянное упоминание о его политических регалиях. С их перечисления начинается и письменная подводка к этому сюжету, размещённому в Интернете. Речевые высказывания авторов-медиатехнологов являют собой необоснованные утверждения, которые из-за энергичной, интонационно выверенной подачи звучат агрессивно, не оставляя неискушённой аудитории времени для сомнений.

Вывод 2

В представлении и демонстрации сюжета «Скандал в Петербурге: вузовский преподаватель домогался студенток» использованы скрытые манипуляционные технологии воздействия на общественное мнение.

Пояснение

Языковое воздействие выражено в формировании отрицательного образа, в целенаправленном умалении репутации Бориса Вишневого. В сюжете это производится через утверждения о наличии «массовых жалоб», о том, что он «домогался». Реплика ведущего Казакова, что «В ближайшем окружении депутата всё это, разумеется, отрицают», ставит под сомнение не только личность политика, но и его окружение, что негативно сказывается на образе политической оппозиции в целом. Несмотря на то, что ведущим приходилось время от времени сообщать, что доказательств их утверждениям нет и проверка в вузе ничего не подтвердила, *регулярный повтор* обратного формирует в сознании слушателей негативные ассоциации, связанные с именем оппозиционера.

Осуществлено *введение героя в отрицательно оцениваемый контекст*. Произведена *гиперболизация* фейкового конструкта – «скандала из ничего». Сам термин «скандал» в сочетании с конкретной фамилией – известный приём информационного киллерства. Здесь к нему присовокуплены такие термины, как «пикеты», «петиции», «огромный вал», «огромными масштабами», «kozyрял корочкой», «не прочь приударить», «насилие», «следы преступлений» и т. д.

В целом для сведения воедино не вытекающих друг из друга и логически не увязанных утверждений в сюжете и его представлении медиатехнологами предпринята *языковая игра*, затрудняющая восприятие информации для нетренированного уха.

Использовано воздействие, связанное с *эффектом прайминга* (в теории коммуникации так именуется предварительная подготовленность аудитории к восприятию информации под определённым углом). Речь в нашем случае о теме харассмента и о теме неформальных отношений преподавателей и студентов. Проблема документальности того, что обсуждается, в таких случаях уходит на задний план. Эмоциональное восприятие публики вызывает само упоминание или описание ситуаций, которые вызвали некогда сильное возмущение.

Следующий манипулятивный приём – *замалчивание позиции другой стороны, лишение её права на ответ*. Оболганная сторона не имеет возможности объясниться на той же медиаплощадке. Георгий Подгорный утверждает в сюжете: дескать, Вишневский сам виноват – «не спешит аргументированно это опровергать». Однако практика показывает, что в тенденциозных медиатекстах такого плана всё сказанное в свою защиту героем, назначенным «жертвой», будет направлено против него же. Подгорный демонстрирует это, интерпретируя заявление Вишневого о том, что сказанное о нём – ложь и клевета. В письме в Общественную коллегия представителей СМИ, поддерживающие депутата, указывают на страницу Бориса Вишневого в Facebook. Действительно, и в сети Facebook, и на YouTube помещены высказывания в виде интервью, постов как самого Вишневого, так и его соратников и сторонников. Дана политическая оценка организованной против политика

кампании, представлены видеоматериалы с реальных пикетов в его поддержку. Однако ничего этого на телеканале «Россия-24» упомянуто не было.

Произведена *подтасовка видеоматериалов и свидетельств*: анонимные или недобросовестные источники, случайные видеокадры с помощью монтажа и языковой игры встроены в заданную смысловую схему, очерняющую политика-оппозиционера. Произведены фабрикация и распространение слухов о нём.

Вывод 3

Сюжет «Скандал в Петербурге: вузовский преподаватель домогался студенток», его представление на телеканале «Россия-24» и в Интернете вводят в заблуждение массовую аудиторию тем, что манипулятивными способами производится распространение недостоверной информации о политическом деятеле Борисе Вишневском. Таким образом грубо нарушены все нормы профессиональной этики журналиста.

Пояснение

В Хартии телерадиовещателей целый раздел посвящён достоверности информации, чем определяется различие между реальной телевизионной журналистикой и всего остального. Достоверность информации предполагает:

«Проведение чётких различий между сообщениями о фактах, комментариями и предположениями во избежание их отождествления.

Незамедлительное исправление допущенных в сообщениях ошибок и неточностей в такой форме, чтобы телезрители и радиослушатели имели полную возможность его заметить.

Во всех случаях критика и ответ на критику должны быть переданы во взаимосочетании и в одинаковой форме.

Публикация информации, полученной только из надёжных источников. В случае возникновения сомнений в её достоверности нужно делать необходимые оговорки» [4].

В Кодексе профессиональной этики российского журналиста значится:

«Журналист рассматривает как тяжкие профессиональные преступления злонамеренное искажение фактов, клевету, получение при любых обстоятельствах платы за распространение ложной или сокрытие истинной информации; журналист вообще не должен принимать ни прямо, ни косвенно никаких вознаграждений или гонораров от третьих лиц за публикации материалов и мнений любого характера. <...> Журналист уважает честь и достоинство людей, которые становятся объектами его профессионального внимания» [5].

Литература

1. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. – М., 2009. 593 с.
2. Брайант Д., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. – М., 2004. 432 с.
3. Дзялошинский И.М. Медиапространство России: коммуникационные стратегии социальных институтов. – М., 2013. 479 с.
4. Хартия телерадиовещателей: <https://presscouncil.ru/index.php/teoriya-i-praktika/dokumenty/756>.
5. Кодекс профессиональной этики российского журналиста: <http://docs.cntd.ru/document/901854413>.

РЕШЕНИЕ

«О жалобе Маркова Андрея Павловича, депутата Государственной думы Совета Федерации РФ, на серию публикаций на сайте газеты “Экономика Черноземья и жизнь регионов”, а именно “Депутат с инициативой: поправки Андрея Маркова выбросили в корзину его коллеги по Госдуме, намекнув на превращение этого деятеля в политического маргинала” (автор – Сергей Маркелов, дата публикации – 27 .01.2019 г., адрес в сети Интернет: http://www.eizh.ru/articles/regionalnaya-vlast/deputat-s-initsiativoy-popravki-andreya-markova-vybrosili-v-korzinu-ego-kollegi-po-gosudume-nameknuv/?sphrase_id=20494), “Ишутина вытащили, а Ковалевского – раз плюнуть: воронежский решальщик из Госдумы А. Марков может надавить на следственные органы по делу растратчика?” (автор – Сергей Маркелов, дата публикации – 13.04.2019 г., адрес в сети Интернет: http://www.eizh.ru/articles/konflikty/ishutina-vytashchili-a-kovalevskogo-raz-plyunut-voronezhskiy-reshalshchik-iz-gosdumy-a-markov-mozhet/?sphrase_id=20494), “Гранты “пилили” вместе? Симпатизант депутата Госдумы Маркова Виктор Ковалевский уволен с поста директора воронежского музея “Костёнки” в связи с утратой доверия” (автор – Сергей Абросимов, дата публикации – 13.05.2019 г., адрес в сети Интернет: http://www.eizh.ru/articles/sotsiosfera/granty-pilili-vmeste-simpatizant-deputata-gosdumy-markova-viktor-kovalevskiy-uvolen-s-posta-direktor/?sphrase_id=21637), “Кулаков, Персиянов или Марков: кто из сотрудников воронежских спецслужб больше всего опозорил контору в глазах общественного мнения?” (автор – Сергей Маркелов, дата публикации – 24.05.2019 г., адрес в сети Интернет: http://www.eizh.ru/articles/regionalnaya-vlast/kulakov-persyanov-ili-markov-kto-iz-sotrudnikov-voronezhskikh-spetssluzhb-bolshe-vsego-opozoril-kon/?sphrase_id=21637), “Управление непуганых оптимистов: сказочники из управления региональной политики правительства Воронежской области корректируют правильную социологию” (автор – Виталий Жуков, дата публикации – 21.08.2019 г., адрес в сети Интернет – <http://www.eizh.ru/articles/sotsiosfera/upravlenie-nepuganykh-optimistov-skazochniki-iz-upravleniya-regionalnoy-politiki-pravitelstvo-voronezh>)».

г. Москва, 26 февраля 2020 г.

№ 206

На 206-м заседании Общественной коллегии по жалобам на прессу ad hoc коллегия в составе Юрия Казакова (председательствующий, сопредседатель Общественной коллегии по жалобам на прессу), членов Палаты медиасообщества Галины Араповой, Леонида Никитинского, Виктора Юкечева, членов Палаты медиааудитории Татьяны Андреевой, Евгения Гонтмахера, Вадима Зиятдинова, Александра Макарова, Генри Резника, Владимира Ряховского, Аниты Соболевой, Григория Томчина рассмотрела обращение Маркова Андрея Павловича, депутата Государственной думы Совета Федерации РФ, на серию следующих публикаций на сайте газеты «Экономика Черноземья и жизнь регионов»: «Депутат с инициативой: поправки Андрея Маркова выбросили в корзину его коллеги по Госдуме, намекнув на превращение этого деятеля в политического маргинала» (автор – Сергей Маркелов, дата публикации – 27 .01.2019 г., адрес в сети Интернет: http://www.eizh.ru/articles/regionalnaya-vlast/deputat-s-initsiativoy-popravki-andreya-markova-vybrosili-v-korzinu-ego-kollegi-po-gosudume-nameknuv/?sphrase_id=20494), «Ишутина вытащили, а Ковалевского – раз плюнуть: воронежский решальщик из Госдумы А.Марков может надавить на следственные органы по делу растратчика?» (автор – Сергей Маркелов, дата публикации – 13.04.2019 г., адрес в сети Интернет: http://www.eizh.ru/articles/konflikty/ishutina-vytashchili-a-kovalevskogo-raz-plyunut-voronezhskiy-reshalshchik-iz-gosdumy-a-markov-mozhet/?sphrase_id=20494), «Гранты “пилили” вместе? Симпатизант депутата Госдумы Маркова Виктор Ковалевский уволен с поста

директора воронежского музея “Костёнки” в связи с утратой доверия» (автор – Сергей Абросимов, дата публикации – 13.05.2019 г., адрес в сети Интернет: http://www.eizh.ru/articles/sotsiosfera/granty-pilili-vmeste-simpatizant-deputata-gosdumy-markova-viktor-kovalevskiy-uvolen-s-posta-direktor/?sphrase_id=21637), «Кулаков, Персиянов или Марков: кто из сотрудников воронежских спецслужб больше всего опозорил контору в глазах общественного мнения?» (автор – Сергей Маркелов, дата публикации – 24.05.2019 г., адрес в сети Интернет: http://www.eizh.ru/articles/regionalnaya-vlast/kulakov-persiyanov-ili-markov-kto-iz-sotrudnikov-voronezhskikh-spetssluzhb-bolshe-vsego-opozoril-kon/?sphrase_id=21637), «Управление непуганых оптимистов: сказочники из управления региональной политики правительства Воронежской области корректируют правильную социологию» (автор – Виталий Жуков, дата публикации – 21.08.2019 г., адрес в сети Интернет: <http://www.eizh.ru/articles/sotsiosfera/upravlenie-nepuganykh-optimistov-skazochniki-iz-upravleniya-regionalnoy-politiki-pravitelstvo-voronezh>).

Вопросы процедуры. Заявитель, Марков Андрей Павлович, подписал Соглашение о признании профессионально-этической юрисдикции Общественной коллегии по жалобам на прессу, приняв на себя тем самым обязательство не использовать решение Общественной коллегии по данному информационному спору для его продолжения в судебном, ином правовом или административном порядке.

Адресат жалобы, редакция газеты «Экономика Черноземья и жизнь регионов», на информационное письмо Коллегии о принятии жалобы к рассмотрению ответила двумя письмами за подписью главного редактора А.Е. Волковой. В первом, от 11.02.2020 г. (бланк «Экономика и жизнь. Региональное информационное агентство “Черноземье”») Коллегия извещалась о том, что «редакция регионального делового издания, в том числе председатель редакционного совета, доктор политических наук Д.Н. Нечаев, внимательно следит за деятельностью всех депутатов, которые представляют интересы жителей Воронежской области в Государственной Думе. В том числе и за деятельностью А.П. Маркова. Кроме того, указанный депутат А.П. Марков не единожды приглашался на дебаты с председателем редакционного совета Д.П. Нечаевым, однако отказался от участия в них, несмотря на широкий общественный резонанс от возможного мероприятия и возможность высказать свою позицию по ключевым вопросам социально-политической жизни региона. В этой связи выражаем надежду на то, чтобы решить сложившуюся ситуацию внутри региона, поскольку открыты к диалогу».

Второе письмо (от 19.02.2020 г.) содержало обращения к статьям Конституции РФ, Закона РФ «О средствах массовой информации», ГК РФ, Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», а также упоминание практики Европейского Суда по правам человека. Письмо завершалось напоминанием депутату А.Маркову о возможности обращения в суд, если он «полагает, что средством массовой информации “Экономика Черноземья и жизнь регионов” его честь, достоинство и деловая репутация были опорочены». К Коллегии при этом была обращена просьба «разъяснить Маркову А.П. его право обратиться в суд <...> за защитой прав, которые, по его мнению нарушены, поскольку, исходя из текста его обращения в Коллегию, г-н Марков А.П. не совсем чётко понимает полномочия Вашей организации». (*Стилистика и пунктуация писем сохранены, – Коллегия.*)

Предложение подписать Соглашение о признании профессионально-этической юрисдикции Общественной коллегии по жалобам на прессу редакцией было проигнорировано, отношение к существу обращения заявителя, к его обвинению редакции СМИ в нарушении норм и правил профессиональной этики журналиста и медиаэтики не высказано. Предложенная редакции возможность принять участие в рассмотрении информационного спора также не была использована.

Позиция заявителя при обращении в Коллегию была сформулирована следующим образом: «Считаю важным обратить внимание на бросающуюся в глаза системность негативных публикаций, посвящённых мне и моей деятельности названным СМИ. <...> Всего на сайте данного издания с сентября 2013 года по настоящее время размещено 79 публикаций, в которых так или иначе упоминается моё имя. До октября 2018 года среди них были как содержащие упоминания в негативном контексте, так и сбалансированные информационные материалы, подписанные нередко настоящими фамилиями авторов. <...> Однако с октября 2018 года публикации выстроились в регулярную кампанию и увеличились в разы (31 из 79 опубликованы именно в этот период)». По утверждению заявителя, на сайте издания «Экономика Черноземья и жизнь регионов» о нём систематически публикуются (в некоторых случаях дублируясь в печатной версии) «предвзятые, тенденциозные и недостоверные материалы», в которых используется неуважительная лексика, обнаруживается манипулирование фактами, искажается информация о его деятельности. «По сути <...>, ведётся целенаправленное очернение моей персоны и формируется ложное представление у читателей обо мне и моей работе, основанное на непроверенных фактах или намеренно искажённых сведениях».

Заявитель, отобрав пять конкретных негативных публикаций, попросил Коллегию «дать оценку действиям редакции СМИ с точки зрения профессиональной этики».

Не имея возможности воспроизводить в настоящем решении претензии и аргументы заявителя по каждой из пяти публикаций, Коллегия напоминает о том, что полный текст обращения А. П. Маркова размещен на её сайте. Учитывая сказанное, Коллегия приводит в настоящей части Решения только те основные позиции, которые заявитель относит к профессионально-этическим нарушениям, допущенным как авторами издания, так и редакцией СМИ в целом. Среди таких позиций заявителем выделены:

- «безосновательное употребление неуважительной лексики». (Отношение заявителя к тому, что он считает профессиональным проступком: «Понимаю, что журналист имеет право на высказывание собственного мнения, но полагаю, что резкие критические высказывания должны иметь под собой убедительные основания. Без них экспрессивная или оскорбительная лексика, использованная журналистом, представляет собой необоснованный выпад против героев публикации, переходящий пределы допустимой критики»);

- «недобросовестный журналистский подход, когда недостоверные факты активно сдобрены унижающими <...> достоинство эпитетами, что в совокупности необоснованно формирует у читателей негативное отношение ко мне и вводит их в заблуждение относительно меня лично и моей профессиональной деятельности в частности»;

- тенденциозная, предвзятая подача информации, которая представляет собой «нарушение со стороны редакции СМИ и автора как моего права на уважение достоинства, так и права граждан на получение достоверной, точной и полной информации о фактах»;

- бездоказательность и безосновательность утверждений о якобы совершаемых депутатом нарушениях закона, которая приобретает характер умышленного манипулирования информацией. (В конкретной публикации читателю давалась отсылка якобы к «факту того, как недавно депутат Госдумы поучаствовал в продавливании выделения из областного бюджета 350 млн рублей на компенсацию воронежскому предприятию по вывозу твёрдых бытовых отходов»);

- использование в текстах отсылок к неназванным источникам («известно из источников, близких к депутату Государственной Думы от Воронежской области Андрею Маркову») или даже к окружению самого депутата, подаваемых прямой речью («если Ишутина (бывший руководитель Воронежской коммунальной палаты, против которого также возбуждалось уголовное дело) вытащили, то Ковалевского – раз плюнуть»);

- выстраивание «вероятностных» конструкций, формально создающих у читателя ощущение возможности событий, хотя, по сути, это закамуфлированное утверждение о недостоверном факте («намерен использовать всё своё влияние для возможного оказания влияния на следственные органы»), и т. д.

Приводя примеры фактических ошибок, ставших следствием недобросовестного подхода авторов текстов к обсуждаемым темам, заявитель уточнил, что при подготовке указанных материалов его мнения или мнения других людей, «чьи интересы также затронуты в названных публикациях, ни разу не запрашивалось».

Заявитель отметил, что «для придания убедительности многие публикации данного издания» о нём «сопровождаются ссылками на ”независимых региональных экспертов”, исследования Института политического анализа и стратегий. Однако данный институт трудно назвать независимой социологической службой, так как он, по сути, является клоном редакции данного СМИ, где одним из учредителей является супруга Дмитрия Нечаева, директором – Алина Волкова (она же главный редактор газеты “Экономика и жизнь Черноземья”), а сам политолог Дмитрий Нечаев является одновременно председателем редакционного совета газеты и председателем экспертного совета Института».

По мнению заявителя, «в названных и других публикациях редакцией СМИ, зарегистрированного в соответствии с Законом РФ “О СМИ”, и её авторами грубо и систематически нарушаются профессионально-этические нормы и правила, в частности, о неучастии в информационных войнах и недопустимости манипулирования информацией, недобросовестного освещения событий, предвзятости и тенденциозности, в собирании (можно сказать, фабрикации) информации нечестными методами. Такие публикации не только демонстрируют неуважение к достоинству героев публикаций, формируют искажённую, зачастую ложную картину действительности, но и используют недобросовестные методы работы – недостоверную информацию, выходящую за допустимую грань критики неуважительную лексику, манипулятивные приёмы из другой профессиональной сферы (политтехнологий, PR), которые не должны появляться в качественной прессе и выдаваться за журналистику».

Заявитель попросил Коллегию «дать оценку публикациям в еженедельнике “Экономика Черноземья и жизнь регионов” с точки зрения профессиональных стандартов и норм журналистской этики».

Позиция адресатов жалобы, редакции еженедельника «Экономика Черноземья и жизнь регионов», по существу обвинений, содержащихся в обращении заявителя, осталась непрояснённой: ни в письменном виде, ни публично.

Обстоятельства, установленные в ходе заседания Коллегии. Излагая мотивы своего обращения в Коллегию, заявитель подчеркнул, что к свободе слова он относится уважительно («это моя гражданская позиция») и прекрасно понимает, что, учитывая свой статус депутата ГД, он «должен быть максимально открыт критике, обязан воспринимать её, рассматривая критику как обязательное условие депутатской деятельности».

Говоря о своих претензиях к пяти конкретным публикациям, А. П. Марков начал с того, что он именуется «неуважительной лексикой». («Понимаю, что журналист имеет право на собственное мнение, но полагаю, что есть разница между критикой, пусть резкой, и попыткой унижить человеческое достоинство с помощью экспрессивной или оскорбительной лексики. Сдабривание недостоверных фактов оскорбительными, унижающими достоинство словами и эпитетами формирует у читателей соответствующее отношение и вводит их в заблуждение».)

«Далее. Материалы “Экономики Черноземья и жизни регионов” основывают свою критическую оценку на недостоверной информации, выдаваемой за факты. Каких-либо источников, способных подтвердить достоверность сказанного, не приводится. Полагаю, что такие публикации нельзя назвать правомерной политической дискуссией на важные для общества, для избирателей темы. Это, скорее, покушение редакции на уважение моего достоинства, а также на право граждан получать достоверную, точную и полную информацию о фактах».

Третье. В этих публикациях обнаруживается манипулирование информацией, не подкрепляемой доказательствами. В результате чего создаётся мнение о нарушении мной

закона, включая разного рода намёки на коррупцию. В тех публикациях, по поводу которых подано обращение, это проявляется не только в предположительном, но и в прямом ключе.

Особенно ярко манипулирование информацией проявилось в трёх последовательно вышедших материалах, в которых упоминается ещё не расследованное уголовное дело по музею “Костёнки”. Дело по факту тянется уже год, никакой информации у общественности по нему нет. Более 2000 подписей было собрано в защиту Виктора Ковалевского. Ну, это уже воронежские реалии, которых вы, наверное, не знаете.

Четвёртое. Я не выделял этого в жалобе, но сегодня отмечаю, что как в оспоренных публикациях, так и в ряде других упоминаются с недостоверными предположениями и псевдофактами мои родственники: супруга, её брат, моя дочь, и т. д. Это далеко от стиля воспитанного человека вообще – и, полагаю, далеко от норм профессиональной этики.

Пятое. Моего мнения, как и мнения других людей, затрагиваемых этими публикациями, ни разу не запрашивалось. Подчёркиваю это потому, что считаю и право на ответ, и вообще альтернативность позиции обязательным условием и журналистской, и информационной аналитической работы. Учитывая характер публикаций, я не считал целесообразным обращаться в редакцию с требованием о предоставлении права на ответ».

По словам заявителя, «эта редакция и её авторы грубо и систематически нарушают профессионально-этические нормы и правила, касающиеся, в частности, неучастия в информационных войнах и недопустимости манипулировании информацией. Они допускают недобросовестное освещение событий, предвзятость, тенденциозность. Они используют недостоверную информацию, допускают фабрикование информации, формируют искажённую, зачастую ложную картину действительности, демонстрируют неуважение к достоинству героев публикаций, используют выходящую за грань допустимой критики неуважительную лексику. Распространяя такую информацию под видом журналистских материалов, редакция вводит читателей в заблуждение».

«Учитывая изложенное, я принял решение обратиться в Общественную коллегия, а не в суд, поскольку для меня важна именно этическая оценка оспоренных материалов. Не называю ни одной фамилии, потому что материалы выходят под псевдонимами. Мне важна оценка редакционной политики, потому что отношение к СМИ в нашем обществе (наверное, это хорошо) является доверительным».

Отвечая на вопросы членов ad hoc коллегии, А.П. Марков отметил, что в Воронеже, безусловно, есть издания, которые критически относятся к его персоне: «Но, во-первых, они всегда оставляют возможность высказать моё мнение. И их критика не выходит за рамки этических норм. Это нормально».

Ответ на вопрос «Т. е. информационная кампания ведётся только в одном издании?»: «Да, безусловно».

Поясняя, почему обращение к Коллегии появилось только сейчас, если кампания эта велась годами, заявитель назвал две причины: «Набралась критическая масса, перейдена какая-то грань». И «Мой статус тогда не был публичным. Да, я занимался достаточно серьёзной работой, был как чиновник достаточно известен в регионе, но я не был публичным лицом. Теперь я лицо публичное, и для меня это очень важно».

Уточняя, почему он обращается в Коллегию, а не в суд, заявитель сказал: «Я осознаю, как бы моё обращение в суд было воспринято, – по ответу редакции вы видите, как это всё представляется. Я должен помнить, что я старший офицер запаса органов госбезопасности, отработавший в сфере общественно-политического взаимодействия в регионе семь или восемь лет. Я депутат Государственной Думы, т. е. тут приходится учитывать статус. Обращение в суд переводит всё в область права, не акцентируя внимания на нормах этических. Для меня же важнее оценка со стороны гражданского общества, это действительно так».

Ответ на просьбу уточнить, действительно ли за всё время появления публикаций определённого толка к нему ни разу не обращались с просьбой высказать какие-то соображения, дать интервью: «Редакция не обращалась ни разу».

На попытку выяснить, не лежали ли в основании информационной кампании какие-то его личные конфликты с г-ном Нечаевым, заявитель отреагировал следующим образом: «Мы друг друга знаем, конечно же. Но мне бы не хотелось давать оценку этому человеку. Видимо, он выбрал меня целью. Не хочу видеть за его спиной каких-то тайных сил, которые ведут против меня кампанию, искать тайный смысл: он человек, известный в Воронеже своими методами работы – и политологическими, и политтехнологическими, и другими. Поскольку никаких обращений ко мне от редакции не было, да и материалы подписаны не им, а другими именами, полагаю, псевдонимами, я не считаю возможным обсуждать эту персону».

Уточнение, последовавшее в ответ на вопрос, обращался ли к нему г-н Нечаев, когда заявитель работал в областной администрации, с какими-то предложениями, проектами, с темой грантов: «Нет. Тема грантов интересная, потому что мы создавали систему грантовой поддержки и общественных организаций, и СМИ, но не через административные механизмы, а через общественные структуры. Т. е. мы создавали Гильдию аналитических журналистов, а она у нас давала гранты СМИ. Общественная комиссия давала гранты социально-ориентированным общественным организациям, и т. д. Моего участия в этих грантах, моего влияния на их распределение никогда не было – это юридически зафиксировано».

На вопрос о некоем гранте для профессора Глуховой заявитель ответил: «По поводу публикации, касающейся Александры Викторовны Глуховой, уважаемой общественницы, могу сказать, что Глухова – профессор Воронежского госуниверситета, доктор политологии, один из моих учителей (я у неё учился в университете). В публикации упоминается история некоего разговора, в котором якобы губернатор якобы сказал: идите к Маркову, он Вам даст грант. Но это было невозможно в принципе: у Александры Викторовны не было никакого юридического лица, способного поучаствовать в конкурсе на грант на социологические исследования. Т. е. это просто выдуманная история».

Ответ на просьбу прояснить сказанное в первом ответе редакции на извещение о принятии Коллегии его жалобы к рассмотрению: депутат Марков «не единожды приглашался на дебаты» с г-ном Нечаевым, «однако отказался от участия в них» (вопрос был сформулирован так: и всё же – приглашался или не приглашался? И если приглашался, но отказался, то почему именно?): «Если это можно назвать приглашением на дебаты... На мой взгляд, если человек хочет организовать “дуэль”, он должен дружить как минимум с понятиями “достоинство” и “честь”, а не пытаться кого-то оскорбить. Если меня “на дебаты” зовут в какую-то лужу, то я туда идти не хочу. Первый раз это было приглашение в какую-то передачу, где всё в таком же стиле. Второй раз речь шла о Telegram-канале Нечаева. Это не было приглашением на политическую дискуссию и это не было приглашением от людей, которые признают какие-то правила. Поэтому принять этот псевдовывоз я не посчитал возможным. Редакция ко мне ни разу не обращалась».

Члены ad hoc коллегии на этапе подготовки заседания были ознакомлены с результатами исследования (мнением эксперта) эксперта Коллегии к. филол. н. **Ольги Николаевны Матвеевой**.

С учётом всего изложенного Общественная коллегия приняла следующее решение.

РЕШЕНИЕ

1. Коллегия, оставаясь в рамках своей уставной компетенции:

- не оценивает редакционную политику еженедельника «Экономика Черноземья и жизнь регионов» и его сайта;
- не исследует вопроса о характере и качестве научной, исследовательской и иной деятельности д. полит. н. проф. Д.Н. Нечаева;
- не ставит задачей установить авторство публикаций, оспоренных заявителем.

2. Коллегия не рассматривает и не оценивает деятельность депутата Государственной думы А. П. Маркова.

3. Коллегия принимает к сведению сказанное заявителем о необходимости для депутата быть открытым и терпимым к критике в средствах массовой информации: пусть острой, нелюбезной, но при этом достаточно корректной, как минимум принимающей во внимание такие факторы, как достоинство и репутация человека, подвергаемого публичной критике.

4. Коллегия сожалеет о фактическом отказе редакции еженедельника «Экономика Черноземья и жизнь регионов» от участия в цивилизованном разрешении информационного спора, соответствующего её компетенции: по принадлежности к той категории дел, которые относятся к предполагаемым заявителем нарушениям профессиональной этики журналиста и медиаэтики.

Коллегия находит ненормальным, не отвечающим устоявшимся и в России, в том числе, представлениям о медиаэтике вообще и об этике делового издания в частности, очевидное нежелание редакции еженедельника «Экономика Черноземья и жизнь регионов» публично обсуждать конкретные претензии заявителя, относящиеся именно к профессиональной этике авторов публикаций, размещаемых на сайте издания и воспринимающихся его читателями как публикации именно журналистские.

Коллегия напоминает редакции еженедельника и его главному редактору А.Е. Волковой, не имеющей, как можно предположить, профильного (журналистского) образования, о том, что информационные споры, связанные с нарушениями основ *профессиональной этики журналиста*, не разрешаются и не принимаются к рассмотрению *судами*, равно как и иными государственными органами.

5. Признавая, что проблематика оспоренных публикаций однозначно входит в сферу *общественного интереса*, поскольку связана с деятельностью депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, т. е. лица, являющегося в соответствии с действующим законодательством *избранным представителем народа, в компетенцию которого входит разработка и принятие законодательных актов, регулирующих все сферы жизни и деятельности страны*, Коллегия солидаризуется со всеми основными выводами исследования эксперта **О.Н. Матвеевой**.

5.1. Обращаясь к вопросу о *методах* представления общественно значимой информации, Коллегия воспроизводит в резолютивной части настоящего решения следующие позиции и выводы своего эксперта:

а) *Источники информации*

«Приведенные ссылки на источники информации демонстрируют, что ни в одной из пяти исследуемых статей не названо какого-либо конкретного источника.

В представленных статьях отсутствует какая-либо документальная составляющая: информация преподносится со ссылкой на неопределённые источники, а также как воспроизводящая намерения А.П. Маркова, сведения о которых также получены неизвестно откуда.

Информация с подобными ссылками на её источники подпадает под определение *манипулятивной*.

Обвинения в нарушении действующего законодательства, равно как и оценки, обнаруживаемые в исследуемых публикациях, могли бы (или даже должны были бы быть) обнародованы, когда бы журналист имел неопровержимые доказательства приводимых фактов. В рассматриваемой ситуации отсутствуют как сами факты, о чём будет сказано далее,

так и ссылки на источники, из которых получена информация, попавшая в публичный доступ».

б) *Достоверность и полнота информации*

«В материалах нет журналистского расследования, нет даже попыток разобраться в распространяемых слухах, нет ответа фигуранта публикаций по поднимаемым вопросам или хотя бы упоминания о попытке их получить – за исключением комментария, данного другому изданию, который представлен с искажающей его смысл интерпретацией автора статьи. Отсутствуют упоминания о журналистских запросах, не представлены мнения избирателей о депутатской деятельности А.П. Маркова, отсутствует официальная информация правоохранительных органов».

Как отмечает эксперт, при отсутствии фактологической составляющей обвинение А.П. Маркову представлено в оспоренных публикациях посредством:

- вопросов и предположений о возможной незаконной деятельности А. Маркова, о возможных последствиях его действий, а также в версиях, которые не основаны на каких-либо изложенных в статьях фактах и событиях;
- прямых искажений, когда, например, дословное высказывание А. Маркова интерпретируется некорректно и ему придаётся иной смысл, чем было сказано;
- умолчания значимой фактологической информации, свидетельствующей об иной оценке деятельности А.П. Маркова, нежели представлено в исследуемых статьях;
- повторов информации, когда из статьи в статью практически дословно воспроизводится одна и та же информация, что больше характерно для пропагандистского дискурса и различного рода PR-кампаний, нежели для журналистского текста.

в) *Лексические средства, используемые в оценочных высказываниях*

«В спорных текстах используется такое количество экспрессивных, немотивированных, негативно оценочных суждений, что это становится маркером коммуникативных целей автора, очевидно весьма далёких от собственно журналистских. Часть приведённых оценок эвфемистически заменяет высказывания, имеющие неприличную форму <...>, однако оценки не становятся от этого более пристойными. Более того, журналист позволяет себе не только грубые, на грани неприличия, оценки в адрес А.П. Маркова, но и фамильярность в его отношении и отношении членов его семьи.

Анализ соотношения фактологической и субъективной информации об А.П. Маркове в спорных публикациях свидетельствует, что фактологическая составляющая сведена к минимуму, основная часть – это субъективная информация, заданная системой координат PR-кампании. Экспрессивные оценки вкупе с отсутствием фактологической информации свидетельствуют о выполнении функции формирования отношения, а не об информировании адресата.

г) *Манипулятивные приёмы подачи информации*

«Спорные тексты представляют собой манипулятивный продукт, ставящий целью не информирование, а воздействие, формирование отношения с целью возможного последующего управления действиями (например, во время следующей избирательной кампании).

Манипулятивные приёмы в спорных текстах:

- подача предположений и иных субъективных суждений под видом фактологической информации. Превалирующий информационный статус высказываний в спорных текстах – предположение, вопрос, субъективное суждение. Фактологическая информация сведена к минимуму, спорные тексты не отвечают на ключевые – необходимые и достаточные – вопросы, когда речь идёт об обвинении и оценке деятельности: «Что? Где? Когда? При каких обстоятельствах? Кто главные действующие лица? Как доказывается эта информация?»;
- неопределённость, нереферентность при обозначении актора, действия, источника; ссылки на источники, создающие иллюзию авторитетности, но не содержащие объективных сведений о них;

- интерпретация упоминаемых высказываний в подкрепление исходных посылок автора, фабрикация достоверности;
- «замазывание», или введение в отрицательно оцениваемый контекст/ряд (сущность данного приёма состоит в том, что лицо упоминается в контексте отрицательно оцениваемых событий, действий);
- недосказанность как виновность: приём введения в отрицательно оцениваемый контекст через утверждение о том, что связь лица с отрицательно оцениваемым событием ещё не установлена, но...
- противопоставление групп лиц, маркируемых как «свои» (те, кто против А. Маркова), получающие положительные характеристики автора, и «чужие» (А. Марков и его друзья и коллеги), характеризующиеся резко отрицательно;
- характеристика лица одним признаком, упрощение характеристики до схемы;
- использование приёма концентрированного повторения информации, который является эффективным способом воздействия и в том случае, «когда рациональных аргументов мало, их невозможно обнаружить или они отсутствуют вовсе (цит. по: Баранов, с. 223).

Все исследуемые статьи представляет собой вариативное повторение негативной информации об А.П. Маркове без какой-либо фактологической аргументации.

Выделенные приёмы манипулятивного воздействия характерны для пропагандистских, PR-текстов и служат цели внедрения в картину мира нужных автору смыслов с целью управления пониманием».

5.2. Говоря об *основной цели* оспоренных публикаций, Коллегия соглашается с мнением эксперта о том, что целью такого рода обнаруживается *дискредитация заявителя*. Коллегия обращает внимание на следующие (критериальные по характеру) маркеры, предложенные экспертом:

- Выявленные характеристики спорного материала – недостоверность, неполнота, непредоставление слова обвиняемой стороне (при имеющейся возможности осуществить верификацию и представить информацию объективно) – свидетельствуют о том, что стремление разобраться в ситуации не было приоритетом при написании спорных статей. Вместо объективного рассказа о депутатской деятельности А. П. Маркова адресат получает информационный суррогат – манипулятивный продукт, создание которого продиктовано отнюдь не интересами адресата, в том числе избирателя.

- Установленные признаки спорных материалов (отсутствие фактологической составляющей; резкие, на грани неприличия, оценочные суждения; отсутствие указанных источников информации) свидетельствуют о манипулятивной подаче информации, направленной на формирование в общественном сознании представления о А.П. Маркове как недостойном депутатского мандата, а также о его деятельности как противозаконной, неэффективной и направленной прежде всего на достижение собственных целей, а не на реализацию потребностей избравших его людей».

5.3. Коллегия обращает внимание на следующие выводы эксперта:

- содержащаяся в жалобе заявителя информация о систематическом характере негативных публикаций нашла своё подтверждение;

- исследование спорных текстов и обнаружение в них грубых нарушений профессиональных этических стандартов (предвзятое освещение предлагаемых читателю тем, отсутствием фактологической составляющей, манипулятивное изложение информации – с фабрикацией достоверности, внедрение в общественное сознание искажённых представлений о личности и деятельности депутата А.П. Маркова) позволяет установить в качестве основных коммуникативных следующие цели спорных публикаций: а) формирование общественного мнения по поводу депутатской деятельности А.П. Маркова как неэффективной,

и б) дискредитацию его как лица, злоупотребляющего своими полномочиями и даже нарушающего законодательство.

Сказанное позволяет констатировать, что к профессиональной, социально ответственной журналистике, равно как к журналистике как таковой, рассмотренные материалы отношения не имеют. Обнаруженный дискурс имеет природу очевидно иную, не связанную с журналистикой.

5.4. Поддерживая сказанное О.Н. Матвеевой о том, что оспоренные публикации содержат нарушения большинства базовых принципов и норм журналистской этики, закрепленных в *Медиаэтическом стандарте*, Коллегия выделяет из прочих как отдельный, особый по характеру и смыслу *предостерегающий* вывод своего эксперта: «Эффективность манипуляции на фоне громких коррупционных скандалов с учётом повторяемости публикаций, фабрикация достоверности может быть чрезвычайно высокой».

б. Снимая вопрос о допустимости едва ли не любых допущений и предположений в той части текстов, которая может быть отнесена к *оценочным суждениям*, Коллегия напоминает о том, что *Европейский Суд по правам человека*, проводя различие между утверждением о фактах и оценочными суждениями, последовательно отмечает в своих решениях, что любое оценочное суждение, чтобы находиться под защитой Европейской конвенции о правах человека, должно иметь под собой фактическую основу. Так, в деле *«Карсаи (Karsai) против Венгрии»* ЕСПЧ в очередной раз подчеркнул, что хотя мнение и невозможно оценить на предмет его соответствия действительности, на распространение мнения в печати всё же могут накладываться ограничения в зависимости от того, «имеется ли достаточная фактическая основа для оспариваемого утверждения, поскольку даже оценочное суждение без какой-либо фактической основы в его поддержку может переходить допустимые пределы».

Пользуясь случаем, Коллегия уточняет, что в практике ЕСПЧ имеет значение и то, в какой именно словесной форме выражено оценочное суждение. Так, например, в постановлении по делу *«Уингроу (Wingrove) против Соединённого Королевства»* Европейский Суд отметил право граждан не подвергаться оскорблениям «при помощи уничижительного, бранного, оскорбительного, грубого и нелепого тона, стиля и духа». (Постановление от 25 ноября 1996 года по делу *«Уингроу (Wingrove) против Соединённого Королевства»*, жалоба № 17419/90, § 48.)

Коллегия напоминает также о том, что под защитой Конвенции не находятся нападки на конкретную личность, которые не имеют информационной ценности и преследуют исключительно цель доставить этой личности неприятности, опорочить, очернить, оскорбить. Именно на этом основании была признана неприемлемой жалоба по делу *«Чернышева против России»* (Решение от 10 июня 2004 года по вопросу приемлемости жалобы № 77062/01 по делу *«Галина Ивановна Чернышева (Galina Ivanovna Chernysheva) против Российской Федерации»*). В указанном деле ЕСПЧ не посчитал необходимым анализировать содержание публикации с точки зрения того, были ли изложены в ней факты или оценочные суждения, поскольку обвинения заявительницы носили голословный характер и она не предприняла никаких попыток показать их обоснованность. Соответственно, их следует рассматривать не как обсуждение общественно важной проблемы, а как пристрастный личный выпад против профессиональной репутации прокурора. ЕСПЧ признал в её деле, что существовала «насушная социальная потребность» в том, чтобы предотвратить небрежное использование таких серьёзных обвинений. В решении по жалобе *«Шабанов и Трень против России»* Европейский Суд аналогичным образом признал, что целью норм права о диффамации является защита личности от лжи, направленной на подрыв её репутации. Ложь может быть распространена как через изложение фактов, не соответствующих действительности, так и посредством умалчивания существующих фактов, которые, если бы их изложили, могли бы существенно изменить восприятие материала. Журналисты должны представлять «надежную и точную информацию» в соответствии с принципами

журналистской этики, а факты необходимо проверять. Общая позиция ЕСПЧ состоит в том, что хотя мнения и суждения могут быть выражены не только в корректной и доброжелательной, но и в шокирующей, нелюбезной, отталкивающей форме, они не должны тем не менее носить характер брани, оскорбления, унижения, которые не несут никакой информационной ценности и служат лишь желанию причинить боль, страдания, унижение или каким-то иным образом беспричинно и незаслуженно задеть человека. («Яновский против Польши». См. также постановление от 6 февраля 2001 года по делу «Таммер (Tammer) против Эстонии», жалоба № 41205/98.)

Как представляется Коллегии, все перечисленные выше позиции, которые могут быть охарактеризованы как *неприемлемые*, обнаруживаются в оспоренных заявителем публикациях на сайте еженедельника «Экономика Черноземья и жизнь регионов».

7. Учитывая, что адресатом жалобы не подписано Соглашение о признании профессионально-этической юрисдикции Общественной Коллегии по жалобам на прессу, Коллегия освобождает заявителя от принятого им обязательства не использовать вынесенное решение Общественной коллегии для продолжения данного информационного спора в судебном, ином правовом или административном порядке.

8. Общественная коллегия просит:

- редакции журналов «Журналист» и «Информационное право» – опубликовать состоявшееся решение Общественной коллегии;
- факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, а также факультеты журналистики других вузов – обсудить состоявшееся решение Общественной коллегии со студентами, изучающими профессиональную этику;
- Комиссию Общественной палаты Российской Федерации по развитию информационного сообщества, СМИ и массовых коммуникаций – принять к сведению состоявшееся решение Общественной коллегии.

Настоящее решение принято консенсусом.

**Председательствующий,
Ю.В. Казаков**

Док. 8а

**Мнение эксперта,
кандидата филологических наук Ольги Матвеевой, о публикациях
в еженедельнике «Экономика Черноземья и жизнь регионов»
в связи с жалобой депутата Государственной Думы Федерального
Собрания Российской Федерации Маркова Андрея Павловича**

Объектами исследования в связи с жалобой А.П. Маркова являются следующие публикации в еженедельнике «Экономика Черноземья и жизнь регионов»:

- 1) «Депутат с инициативой: поправки Андрея Маркова выбросили в корзину его коллеги по Госдуме, намекнув на превращение этого деятеля в политического маргинала», размещённая 27 января 2019 года по адресу: http://www.eizh.ru/articles/regionalnaya-vlast/deputat-s-initsiativoy-popravki-andreya-markova-vybrosili-v-korzinu-ego-kollegi-pogosudume-nameknuv/?sphrase_id=20494 (далее именуемая также как Спорный текст 1, СТ1). Автор публикации – Сергей Маркелов;

2) «Ишутина вытащили, а Ковалевского – раз плюнуть: воронежский решальщик из Госдумы А.Марков может надавить на следственные органы по делу растратчика?», размещённая 13 апреля 2019 года по адресу: http://www.eizh.ru/articles/konflikty/ishutina-vytashchili-a-kovaljevskogo-raz-plyunut-voronezhskiy-reshalshchik-iz-gosdumy-a-markov-mozhet/?sphrase_id=20494 (далее именуемая также как Спорный текст 2). Автор публикации – Сергей Маркелов;

3) «Гранты “пилили” вместе? Симпатизант депутата Госдумы Маркова Виктор Ковалевский уволен с поста директора воронежского музея “Костёнки” в связи с утратой доверия», размещённая 13 мая 2019 года по адресу: http://www.eizh.ru/articles/sotsiosfera/granty-pilili-vmeste-simpatizant-deputata-gosdumy-markova-viktor-kovaljevskiy-uvolen-s-posta-direktor/?sphrase_id=21637 (далее именуемая также как Спорный текст 3, СТ3). Автор публикации – Сергей Абросимов;

4) «Кулаков, Персиянов или Марков: кто из сотрудников воронежских спецслужб больше всего опозорил контору в глазах общественного мнения?», размещённая 24 мая 2019 года по адресу: http://www.eizh.ru/articles/regionalnaya-vlast/kulakov-persyanov-ili-markov-kto-iz-sotrudnikov-voronezhskikh-spetssluzhb-bolshe-vsego-opozoril-kon/?sphrase_id=21637 (далее именуемая также как Спорный текст 4, СТ4). Автор публикации – Сергей Маркелов;

5) «Управление непуганых оптимистов: сказочники из управления региональной политики правительства Воронежской области корректируют правильную социологию», размещённая 21 августа 2019 года по адресу: <http://www.eizh.ru/articles/sotsiosfera/upravlenie-neruganykh-optimistov-skazochniki-iz-upravleniya-regionalnoy-politiki-pravitelstvo-voronezh> (далее именуемая также как Спорный текст 5, СТ5). Автор публикации – Виталий Жуков.

В качестве аргументов жалобы указывается, что публикации носят системный характер и представляют собой предвзятые, тенденциозные и недостоверные материалы, в которых, по словам А. П. Маркова, используется неуважительная лексика, манипулирование фактами, искажается информация о его деятельности, по сути – объявлена информационная война, ведётся целенаправленное очернение его персоны и формируется ложное представление у читателей о нём и его работе, основанное на непроверенных фактах или намеренно искажённых сведениях. По мнению А. П. Маркова, указанные материалы не соответствуют Медиаэтическому стандарту Общественной коллегии по жалобам на прессу.

Рассмотрим представленные публикации на предмет соответствия нормам Медиаэтического стандарта Общественной коллегии по жалобам на прессу, оценивая спорный материал по следующим параметрам:

- 1) предмет, о котором идёт речь (что освещается?);
- 2) метод (как освещается?);
- 3) функция (для каких целей?).

Деятельность депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации как сфера общественного интереса

Представленные на рассмотрение Коллегии публикации посвящены следующим темам:

1) статья *«Депутат с инициативой: поправки Андрея Маркова выбросили в корзину его коллеги по Госдуме, намекнув на превращение этого деятеля в политического маргинала⁴⁵»* – деятельности А.П. Маркова в качестве депутата, в частности, подготовке и внесению поправок в Федеральный закон «О противодействии коррупции» и «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»;

---

⁴⁵ Здесь и далее спорные тексты цитируются с сохранением авторской орфографии и пунктуации. Цитируемая часть выделяется курсивом, – О. М.

2) *«Ишутина вытащили, а Ковалевского – раз плюнуть: воронежский решающий из Госдумы А.Марков может надавить на следственные органы по делу растратчика?»* – возбуждению уголовного дела в отношении директора музея-заповедника «Костёнки» Воронежской области В.Ковалевского и возможному оказанию давления депутатом Государственной Думы А.Марковым на следственные органы с целью помощи В. Ковалевскому в уходе от ответственности;

3) *«Гранты “пилили” вместе? Симпатизант депутата Госдумы Маркова Виктор Ковалевский уволен с поста директора воронежского музея “Костёнки” в связи с утратой доверия»* – возможным нарушениям закона депутатом Государственной Думы А.Марковым и его давлением на правоохранительные органы в связи с возбуждением уголовного дела в отношении В.Ковалевского;

4) *«Кулаков, Персиянов или Марков: кто из сотрудников воронежских спецслужб больше всего опозорил контору в глазах общественного мнения?»* – обвинению А.Маркова в коррупционной деятельности и неэтичных поступках;

5) *«Управление непуганых оптимистов: сказочники из управления региональной политики правительства Воронежской области корректируют правильную социологию»* – нарушениям процедуры распределения грантов А.П.Марковым во время работы в Управлении региональной политики правительства Воронежской области.

Публикации представляют собой серию материалов, либо прямо посвящённых деятельности депутата Государственной Думы Российской Федерации от Воронежской области Андрея Маркова (*«Депутат с инициативой: поправки Андрея Маркова выбросили в корзину его коллеги по Госдуме»*; *«Недавно Марков прогремел с предложением о принятии поправок в действующее законодательство»* (СТ1), либо содержащих упоминание о нём, причём в резко негативном контексте – в связи с нарушением законодательства непосредственно им или его коллегами и друзьями (*«бывший сотрудник УФСБ, а ныне российский парламентарий намерен использовать всё свое влияние для возможного оказания влияния на следственные органы»* (СТ2); *«депутат Госдумы Андрей Марков постарался использовать свой административный ресурс для оказания влияния на следственные органы»* (СТ3); *«участие в делишках сбежавшего в США бизнесмена Вадима Ишутина (полукриминальная Воронежская коммунальная палата), опека предвыборных денег, непрозрачное распределение грантов воронежского облправительства»* (СТ4); *«Внутренняя политика <...> в правительстве Воронежской области не претерпит никаких серьёзных изменений. Это точно. Она будет инерционной и “марковской” (по имени отца-основателя управления региональной политики Андрея Маркова, ныне депутата Госдумы)»* (СТ5)).

Согласно *Медиаэтическому стандарту* Коллегии, к вопросам общественного интереса относится:

- обнаружение и раскрытие преступлений и серьёзных проступков;
- защита общественного здоровья и безопасности;
- предотвращение заблуждений, возникающих у общественности в результате заявлений или действий отдельных лиц или организаций.

В связи со сказанным, проблематика публикаций, несомненно, входит в сферу общественного интереса, поскольку связана с деятельностью депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, т. е. лица, являющегося в соответствии с действующим законодательством избранным представителем народа, в компетенцию которого входит, прежде всего, разработка и принятие законодательных актов, регулирующих все сферы жизни и деятельности страны.

В соответствии с нормативными актами, регулирующими деятельность журналистов при обращении к вопросам, входящим в сферу общественного интереса, в том числе Декларацией поведения журналиста Международной Федерации Журналистов и

Медиаэтическим стандартом Коллегии, освещать подобные вопросы – не просто право журналиста, но и его обязанность: «уважение права общества знать правду – первоочередной долг журналиста» и, безусловно, эти вопросы могут быть и должны быть объектом самого пристального внимания со стороны журналистов и общества.

СМИ выполняют в этом смысле очень важную функцию, т. к. целью публикаций подобной тематики, как правило, бывает привлечение широкого общественного внимания, а также должностных лиц и правоохранительных органов с целью принятия необходимых решений, в том числе антикоррупционной направленности. Следовательно, освещение деятельности депутата Государственной Думы, в том числе критической и разоблачающей направленности, представляет собой должную, необходимую с точки зрения общественного интереса работу журналиста.

Методы представления информации как маркеры нарушения Медиаэтического стандарта

Освещение проблематики, входящей в сферу общественного интереса, требует от автора публикации вдумчивого, взвешенного подхода, основанного на достоверной информации, полученной из компетентных источников и адекватно интерпретированной и представленной адресату. Анализ деятельности депутата Государственной Думы с его особым статусом народного избранника также предполагает аргументированный подход, а не просто голословные субъективные суждения, не имеющие какой-либо фактологической основы.

Согласно информации на сайте, где были размещены спорные публикации, СМИ позиционирует себя как региональное деловое издание: «Сайт www.eizh.ru принадлежит ООО Региональное информационное агентство “Черноземье”. На ресурсе публикуются материалы авторов регионов ЦФО по экономической, социально-политической проблематике» [http://www.eizh.ru/o_smi]. Следовательно, ожидаемым содержанием представленных статей должны быть актуальная информация о деятельности А.П. Маркова с подтверждённым фактологическим содержанием, аналитическими сведениями и мотивированными оценочными суждениями и мнениями по этому поводу.

Тексты рассматриваемых публикаций подвергнуты анализу по следующим позициям:

- 1) источники информации;
- 2) достоверность и полнота;
- 3) используемые лексические средства и формы выразительности;
- 4) наличие/отсутствие манипулятивных приёмов.

Источники информации

В соответствии с принципом добросовестного освещения событий Медиаэтического стандарта журналист «во всех случаях, когда это представляется возможным, указывает источники информации».

В представленных на исследованиях материалах источники информации указываются следующим образом:

в СТ1 – *«источники, знакомые с ситуацией сообщили»;*

в СТ2 – *«источники утверждают, что <...> якобы»;* «как стало известно из источников, близких к депутату Государственной Думы от Воронежской области Андрею Маркову»; *«по замыслу народного избранника, якобы может стать...»;* *«уверенно заявили в окружении известного и влиятельного “решальщика” Андрея Маркова»;*

в СТ3 – *«как утверждают источники, <...> якобы мог»;* *«уверенно заявили в окружении известного и влиятельного “решальщика” Андрея Маркова»;*

в СТ4 – в статье не названы какие-либо источники информации, заголовок статьи апеллирует к «общественному мнению»: *«Кулаков, Персиянов или Марков: кто из*

сотрудников воронежских спецслужб больше всего опозорил контору в глазах общественного мнения?»;

в СТ5 – *«было рассказано руководителем одного из самых влиятельных управлений в администрации».*

Приведённые ссылки на источники информации демонстрируют, что ни в одной из пяти исследуемых статей не названо какого-либо конкретного источника.

В представленных статьях отсутствует какая-либо документальная составляющая – информация преподносится со ссылкой на неопределённые источники, а также как воспроизводящая намерения А.П. Маркова, сведения о которых также получены неизвестно откуда:

«Стоит констатировать, что Марков очень уж хотел обыграть популистско-резонансную тему с бывшим воронежским вице-губернатором Юрием Агibalовым в своих целях»; «То он хочет стать губернатором, то мэром Воронежа, то вновь возжелал переизбраться в Госдуму. Сейчас же, чувствуя трудности на пути попадания в российский парламент, он не прочь возглавить и облдуму <...>» (СТ1);

«<...> бывший сотрудник УФСБ, а ныне российский парламентарий намерен использовать всё своё влияние для возможного оказания влияния на следственные органы»; «Результатом этого давления, по замыслу народного избранника, якобы может стать прекращение уголовного дела против В.Ковалевского» (СТ2);

«Результатом этого давления, по замыслу народного избранника, могло бы стать прекращение уголовного дела против В.Ковалевского» (СТ3).

Информация с подобными ссылками на источники подпадает под определение манипулятивной.

Нет сомнения, что обвинения в нарушении действующего законодательства, равно как и оценки, обнаруживаемые в исследуемых публикациях, могли бы или даже должны были бы быть обнародованы, когда бы журналист имел неопровержимые доказательства приводимых фактов. В рассматриваемой ситуации отсутствуют как сами факты, о чём будет сказано далее, так и ссылки на источники, из которых получена информация, попавшая в публичный доступ.

Достоверность и полнота информации

Объективная подача информации, её полнота и предварительная верификация, указание источников информации, опора на документы и экспертные суждения, запросы разъяснений в различных инстанциях, обращение за комментариями к носителям противоположных точек зрения, предоставление слова фигурантам публикаций, маркирование фактологической и субъективной информации – вот та база, на основе которой возможна корректная подача сложной темы с целью в ней разобраться, основа, на которой можно сделать профессиональный материал.

Содержательно вся негативная информация о А.П. Маркове сводится к следующим блокам:

- негативная оценка депутатской деятельности А.П. Маркова как неэффективной;
- обвинение в нарушении законодательства, в том числе в коррупционной составляющей в деятельности А.П. Маркова;
- обвинение в использовании административного ресурса в отношении правоохранительных органов.

Согласно Декларации Гильдии судебных репортёров, «презумпция невиновности в юридическом смысле не препятствует журналистскому расследованию». Поддерживая это положение, Медиастандарт Общественной коллегии по жалобам на прессу подчеркивает

«особую ответственность журналиста за предоставление слова лицу, в адрес которого журналистом (редакцией) выдвигаются публичные обвинения».

Однако в материалах нет журналистского расследования, нет даже попыток разобраться в распространяемых слухах, нет ответа фигуранта публикаций по поднимаемым вопросам или хотя бы упоминания о попытке их получить, за исключением комментария, данного другому изданию, который представлен с искажающей его смысл интерпретацией автора статьи. Отсутствуют и упоминания о журналистских запросах, равно как и не представлены мнение избирателей о депутатской деятельности А.П. Маркова, а также официальная информация правоохранительных органов.

При отсутствии фактологической составляющей обвинение А.П. Маркова представлено посредством:

1. Вопросов и предположений о возможной незаконной деятельности А.Маркова, о возможных последствиях его действий, версиях, которые не основаны на каких-либо изложенных в статьях фактах и событиях:

в СТ1: «И вовсе не исключено <...>», «Политический демарш может свести на нет его шансы быть избранным <...>», «Впрочем, у предложенной версии <...> есть и контраргументы», «Может возникнуть и сильное раздражение»;

в СТ2: «<...> А. Марков может надавить на следственные органы по делу растратчика?»; «<...> депутат парламента может якобы не только морально поддержать группы прессинга на правоохранительные органы <...>»;

в СТ3: «Гранты “пилили” вместе?»; «<...> Марков якобы мог сильно неформально поспособствовать подследственному Ковалевскому в получении областных бюджетных средств, очевидно, включая и гранты»; «<...> Марков, якобы, серьёзно использовал систему фандрайзинга для сбора средств в рамках своей предвыборной кампании»; «<...> результатом этого давления, по замыслу народного избранника, могло бы стать <...>»;

в СТ4: «Осталось только выяснить, не делился ли Ковалевский с Марковым, и что происходило с другими грантами облправительства, выделенным другим людям не без участия Маркова».

2. Прямых искажений, когда, например, дословное высказывание А.Маркова интерпретируется некорректно и ему придаётся иной смысл, чем было сказано.

Так, в СТ2 имеется комментарий автора статьи о намерениях А. Маркова воздействовать на следственные органы, подтверждаемый, со слов автора, непосредственно высказыванием А.П. Маркова, приводимым дословно, в виде прямой речи, для иллюстрации комментария автора. Однако сравнение слов А. Маркова и автора статьи вовсе не свидетельствует о каких-либо выраженных намерениях А. Маркова, в том числе по оказанию давления, и не является иллюстрацией слов журналиста. Ср. приводимые ниже высказывание и комментарий к нему.

Высказывание А. Маркова	Комментарий журналиста С. Маркелова
<p>«Мы с Виктором однокурсники и друзья. Правоохранительным органам придётся многое узнать о специфике археологических исследований, а Ковалевскому и музею – о специфике работы правоохранительных органов» (СТ2).</p>	<p>«Официально комментируя ситуацию с Ковалевским одному из региональных изданий, депутат Госдумы А. Марков был лишь более корректен в обрамлении сути своей позиции, но не своей <u>принципиальной линии воздействия на ситуацию</u> < ...>» (СТ2).</p>

Таким образом, в тексте осуществляется фабрикация достоверности: приводимое высказывание интерпретируется некорректно – А. П. Маркову приписывается то, чего нет в представленных в тексте словах.

3. Умолчания значимой фактологической информации, свидетельствующей об иной оценке деятельности А. П. Маркова, нежели представлено в исследуемых статьях. Например, в открытых источниках имеется информация о том, что председатель Государственной Думы Вячеслав Володин вручил депутату Андрею Маркову благодарность «За вклад в законотворческую деятельность и развитие парламентаризма в Российской Федерации» – <http://deputatmarkov.ru/duma/822>. Иными словами, оценка депутатской деятельности А. П. Маркова имеет и прямо противоположное значение, нежели представленная в статьях, однако подобная информация, очевидно не вписывающаяся в заранее заданный формат публикаций, автором статей не упоминается.

4. Повторов информации, когда из статьи в статью практически дословно дублируется одна и та же информация, что больше характерно для пропагандистского дискурса и различного рода PR-кампаний, нежели для журналистского текста. В качестве примера приведу пару предложений из разных статей (различие предложение указано подчёркиванием):

«Результатом этого давления, по замыслу народного избранника, якобы может стать прекращение уголовного дела против В. Ковалевского» (СТ2);

«Результатом этого давления, по замыслу народного избранника, могло бы стать прекращение уголовного дела против В. Ковалевского» (СТ3);

«<...> уверенно заявили в окружении известного и влиятельного “решальщика” Андрея Маркова» (СТ2, СТ3);

Пишущиеся под копирку статьи маркируют предвзятость и пропаганду определённой информации, в отношении которой стоит задача не разобраться в её достоверности и обоснованности, а внушить её адресату, внедрить её в его картину мира.

Серьёзность поднимаемой в статьях проблематики не позволяет журналисту базироваться на слухах и домыслах. При отсутствии фактологического материала необходимо было получить его из компетентных источников, провести журналистское расследование, дать слово фигуранту публикаций – всё это возможно, когда перед журналистом стоит задача разобраться в проблеме, подтвердить соответствующую информацию или опровергнуть слухи. В ситуации же, когда действительное положение дел – правда – не является приоритетом, когда лицо и его действия заведомо оцениваются и интерпретируются в заданной системе координат, верификация информации может только навредить реализации задания заказчика. Вероятно, именно поэтому журналистом не предпринято попыток хоть каким-либо из возможных способом подтвердить или опровергнуть выдвинутые обвинения и аргументировать оценки.

В открытых источниках эксперту не удалось найти какой-либо информации, подтверждающей высказанные обвинения в адрес А.П. Маркова.

Используемые в оценочных высказываниях лексические средства

Анализ оценочных высказываний необходимо предварить парой замечаний: во-первых, журналист, безусловно, имеет право на негативную оценку; во-вторых, в журналистских текстах негативная оценка мотивирована сообщаемой фактологической информацией и имеет целью не унижение человеческого достоинства, а выражение мнения и порицания по поводу каких-либо описываемых действий и событий. В соответствии с принципом уважения частной жизни и человеческого достоинства Медиаэтического стандарта журналист обязан соблюдать профессиональную корректность в отношении репутации граждан и не допускать оскорбления и диффамации.

В спорных текстах используется такое количество экспрессивных, немотивированных, негативно оценочных суждений, что это становится маркером коммуникативных целей автора, очевидно весьма далёких от собственно журналистских.

Приведём некоторые примеры негативно оценочных и экспрессивных высказываний:

в СТ1: *«ретивый экс-фээсбэшник, сменивший имидж “мелкого силовика” на образ политика», «отправили Маркова в дальнее эротическое путешествие», работа экс-фээсбэшника над поправками стала выглядеть как некий “мартышкин труд”», «Марков почти никто», «выглядеть ишутинской содержанкой», «раздражение так называемыми “хотелками” Маркова»;*

в СТ2: *«воронежский решальщик из Госдумы»;*

в СТ3: *«известный и влиятельный решальщик»;*

в СТ4: *«мелкотравчатое меньшинство, выкормыши Кулакова»;*

в СТ5: *«управление непуганых оптимистов», «сказочники из управления региональной политики правительства Воронежской области».*

Отметим, что часть приведенных оценок эфемистически заменяет высказывания, имеющие неприличную форму (например, *«отправили Маркова в дальнее эротическое путешествие»*), однако оценки не становятся от этого более пристойными. Более того, журналист позволяет себе не только грубые, на грани неприличия оценки в адрес А.П. Маркова, но и фамильярность в его отношении и отношении членов его семьи (*«<...> Света Гавриленко-Маркова, жена “Палыча”, долгое время преподавала на кафедре Глуховой и защищала там диссертацию»* (СТ5)).

Анализ соотношения фактологической и субъективной информации об А.П. Маркове в спорных публикациях свидетельствует, что фактологическая составляющая сведена к минимуму, основная часть – это субъективная информация, заданная системой координат PR-кампании. Экспрессивные оценки вкупе с отсутствием фактологической информации свидетельствуют о выполнении функции формирования отношения, а не об информировании адресата.

Манипулятивные приёмы в подаче информации

Критический подход к опубликованным материалам вкупе даже с минимальной дозой медиаграмотности позволяет прийти к выводу, что спорные тексты представляют собой манипулятивный продукт, ставящий целью не информирование, а воздействие, формирование отношения с целью возможного последующего управления действиями (например, во время следующей избирательной кампании).

Манипулятивные приёмы в спорных текстах можно свести к следующим:

1) подача предположений и иных субъективных суждений под видом фактологической информации. Превалирующий информационный статус высказываний в спорных текстах – предположение, вопрос, субъективное суждение. Фактологическая информация сведена к минимуму, спорные тексты не отвечают на ключевые – необходимые и достаточные – вопросы, когда речь идёт об обвинении и оценке деятельности: «Что? Где? Когда? При каких обстоятельствах? Кто главные действующие лица? Как доказывается эта информация?»;

2) неопределённость, нереферентность при обозначении актора, действия, источника; ссылки на источники, создающие иллюзию авторитетности, но не содержащие объективных сведений о них, например: *«источники, знакомые с ситуацией, сообщили»* (СТ1); *«уверенно заявили в окружении известного и влиятельного “решальщика” Андрея Маркова»* (СТ2, СТ3); *«по данным правоохранителей»* (СТ3); *«было рассказано руководителем одного из самых влиятельных управлений в администрации»* (СТ5).

3) интерпретация упоминаемых высказываний в подкрепление исходных посылок автора, фабрикация достоверности (см., например, вышеприведённый пример с искажением смысла слов А.П. Маркова);

4) «замазывание», или введение в отрицательно оцениваемый контекст/ряд. Сущность данного приёма состоит в том, что лицо упоминается в контексте отрицательно оцениваемых событий, действий [Баранов, 2011]: в СТ2 и СТ3 А.Марков упоминается в связи с дружбой с В.Ковалевским, в отношении которого заведено уголовное дело по ч 3. ст. 160 УК РФ. Тексты содержат информацию об оказании давления А. Марковым на органы следствия в связи с этим;

5) недосказанность как виновность – приём введения в отрицательно оцениваемый контекст, происходящий по схеме утверждения о том, что связь лица с отрицательно оцениваемым событием ещё не установлена: «Осталось только выяснить, не делился ли Ковалевский с Марковым, и что происходило с другими грантами облправительства, выделенным другим людям не без участия Маркова» (СТ4);

6) противопоставление групп лиц, маркируемых как «свои» (те, кто против А. Маркова), получающие положительные характеристики автора, и «чужие» (А.Марков и его друзья и коллеги), характеризующие резко отрицательно:

«региональная политическая элита»; «система областной исполнительной власти» – СТ1	А. Марков – СТ1
«правоохранительные органы», «силовики» – СТ2	А. Марков, «группы прессинга на правоохранительные органы» – СТ2
«правоохранительные органы», «силовики» – СТ3	А. Марков, «административный ресурс для оказания влияния на следственные органы», В. Ковалевский, «большой друг и симпатизант депутата Госдумы А. Маркова», в отношении которого заведено уголовное дело по ч 3. ст. 160 УК РФ – СТ3
«большинство», которое «по-прежнему выполняло свой долг и защищало государственные интересы» – СТ4	А. Марков, «одиозные полковники и подполковник, которые дискредитировали саму систему госбезопасности»; «мелкотравчатое меньшинство, выкормыши Кулакова»; «те, кто опозорил систему в глазах общественного мнения, совершив противоправные деяния и не совсем этические поступки» – СТ4
«руководство областью»; «чиновники исполнительной власти и муниципалитетов»; «статусные лица, не входящие в тусовку Маркова» – СТ5	«марковцы»; «те, кто входил ранее в число расставленных Марковым областных и муниципальных чиновников» – СТ5

7) характеристика лица одним признаком, упрощение характеристики до схемы: «известный “решальщик” Андрей Марков (СТ3), «политический маргинал» (СТ1);

8) приём концентрированного повторения информации, который является «эффективным способом воздействия и в том случае, когда рациональных аргументов мало, их невозможно обнаружить или они отсутствуют вовсе» [Баранов, с. 223]. Все исследуемые статьи представляет собой вариативное повторение негативной информации о А.П. Маркове без какой-либо фактологической аргументации.

Выделенные приёмы манипулятивного воздействия характерны для пропагандистских, PR-текстов и служат цели внедрения в картину мира нужных автору смыслов с целью управления пониманием. Это противоречит принципу Медиаэтического стандарта обеспечения права граждан на информацию, с соответствием с которым «народ в целом и отдельные граждане имеют право на получение достоверной, точной, полной и непредвзято поданной информации, способствующей формированию у каждого из тех, кто имеет дело с журналистской продукцией, адекватной картины мира».

Дискредитация как цель

Выявленные характеристики спорного материала – недостоверность, неполнота, непредоставление слова обвиняемой стороне – при имеющейся возможности осуществить верификацию и представить информацию объективно свидетельствуют о том, что стремление разобраться в ситуации не было приоритетом при написании спорных статей. Вместо объективного рассказа о депутатской деятельности А.П. Маркова адресат получает информационный суррогат – манипулятивный продукт, создание которого продиктовано отнюдь не интересами адресата, в том числе избирателя.

Установленные признаки спорных материалов – отсутствие фактологической составляющей в спорных материалах, резкие, на грани неприличия, оценочные суждения, отсутствие источников информации – свидетельствуют о манипулятивной подаче информации, направленной на формирование в общественном сознании представления о А.П. Маркове как недостойном депутатского мандата, а также о его деятельности как противозаконной, неэффективной и направленной, прежде всего, на достижение собственных целей, а не для реализации потребностей избравших его людей.

Эффективность манипуляции на фоне громких коррупционных скандалов с учётом повторяемости публикаций, фабрикация достоверности может быть чрезвычайно высокой.

Содержащаяся в жалобе заявителя информация о систематическом характере негативных публикаций нашла своё подтверждение. Во время подготовки настоящего заключения на сайте «Экономика Черноземья и жизнь регионов» появилось ещё несколько публикаций, имеющих тех же самые признаки, что и исследованные мною, например:

– публикация Андрея Тимошенко от 01 февраля 2020 года «Если не произойдет форс-мажора: шансы на повторное избрание Владимира Нетёсова спикером Воронежской облдумы осенью 2020 года увеличиваются», расположенная по адресу: http://www.eizh.ru/articles/regionalnaya-vlast/esli-ne-proizoydet-fors-mazhora-shansy-na-povtornoe-izbranie-vladimira-netesova-spikerom-voronezhsk/?sphrase_id=23660;

– публикация Виталия Жукова от 10 февраля 2020 года «Умным управленцам Воронежской области пора дистанцироваться от “спрута” – депутата Госдумы Андрея Маркова», расположенная по адресу: http://www.eizh.ru/articles/regionalnaya-vlast/umnym-upravlentsam-voronezhskoy-oblasti-pora-dstantsirovatsya-ot-spruta-deputata-gosdumy-andreya-ma/?sphrase_id=23660) и др.

Всё это в совокупности, по моему мнению, свидетельствует об организованной кампании по дискредитации А.П. Маркова.

Ответ на вопрос «Cui bono?» не является экспертной задачей, однако совершенно очевидно, что ни избиратели А.П. Маркова, ни в целом адресная аудитория издания благополучателями этой кампании не являются, поскольку социально значимая информация – это прежде всего достоверные, добросовестно представленные сведения, которые в спорных публикациях отсутствуют.

Таким образом, исследование спорных текстов даёт возможность квалифицировать в них наличие признаков грубых нарушений профессиональных этических стандартов, выраженных в предвзятом освещении темы, отсутствием фактологической составляющей, манипулятивном изложении информации (с фабрикацией признаков достоверности),

внедрении в общественное сознание искажённых представлений о личности и деятельности депутата А.П. Маркова.

Выявляемая коммуникативная цель спорных публикаций – сформировать общественное мнение по поводу неэффективности депутатской деятельности А.П. Маркова, дискредитировать его как лицо, злоупотребляющее своими полномочиями и нарушающее законодательство.

Сказанное позволяет констатировать, что к профессиональной, социально ответственной журналистике, да и к журналистике в целом рассмотренные материалы отношения не имеют. Этот дискурс имеет природу, очевидно иную, не связанную с журналистикой.

Выводы

Публикации в еженедельнике «Экономика Черноземья и жизнь регионов»:

«Депутат с инициативой: поправки Андрея Маркова выбросили в корзину его коллеги по Госдуме, намекнув на превращение этого деятеля в политического маргинала», размещённая 27 января 2019 года по адресу: http://www.eizh.ru/articles/regionalnaya-vlast/deputat-s-initsiativoy-popravki-andreya-markova-vybrosili-v-korzinu-ego-kollegi-po-gosudume-nameknuv/?sphrase_id=20494;

«Ишутина вытащили, а Ковалевского – раз плюнуть: воронежский решальщик из Госдумы А. Марков может надавить на следственные органы по делу растратчика?», размещённая 13 апреля 2019 года по адресу: http://www.eizh.ru/articles/konflikty/ishutina-vytashchili-a-kovalevskogo-raz-plyunut-voronezhskiy-reshalshchik-iz-gosdumy-a-markov-mozhet/?sphrase_id=20494;

«Гранты “пилили” вместе? Симпатизант депутата Госдумы Маркова Виктор Ковалевский уволен с поста директора воронежского музея “Костёнки” в связи с утратой доверия», размещённая 13 мая 2019 года по адресу: http://www.eizh.ru/articles/sotsiosfera/granty-pilili-vmeste-simpatizant-deputata-gosdumy-markova-viktor-kovalevskiy-uvolen-s-posta-direktor/?sphrase_id=21637;

«Кулаков, Персиянов или Марков: кто из сотрудников воронежских спецслужб больше всего опозорил контору в глазах общественного мнения?», размещённая 24 мая 2019 года по адресу: http://www.eizh.ru/articles/regionalnaya-vlast/kulakov-persyanov-ili-markov-kto-iz-sotrudnikov-voronezhskikh-spetssluzhb-bolshe-vsego-opozoril-kon/?sphrase_id=21637;

«Управление непуганых оптимистов: сказочники из управления региональной политики правительства Воронежской области корректируют правильную социологию», размещённая 21 августа 2019 года по адресу: <http://www.eizh.ru/articles/sotsiosfera/upravlenie-neruganykh-optimistov-skazochniki-iz-upravleniya-regionalnoy-politiki-pravitelstvo-voronezh>; –

содержат нарушения большинства базовых принципов журналистской этики, закреплённых в Медиэтическом стандарте Общественной коллегии по жалобам на прессу, а именно:

– принципа обеспечения прав граждан на информацию, в соответствии с которым «народ в целом и отдельные граждане имеют право на получение достоверной, точной, полной и непредвзято поданной информации, способствующей формированию у каждого из тех, кто имеет дело с журналистской продукцией, адекватной картины мира»;

– принципа профессиональной и социальной ответственности журналиста, а также профессиональной честности журналиста, исходя из которых «журналистская деятельность направлена на служение обществу», а не на реализации частных или корпоративных целей;

– принципа добросовестного освещения событий, согласно которому журналист обязан обеспечить «точность и полноту информации о фактах, а также честное, добросовестное освещение текущих событий в том контексте, в котором информация об этих фактах и событиях приобретает смысл для конкретного гражданина, отдельной социальной группы, общества в целом»;

– принципа уважения частной жизни и человеческого достоинства, в соответствии с которым журналист обязан избегать оскорблений и предоставить слово лицу, в адрес которого выдвигаются публичные обвинения.

Как представляется эксперту, серьёзность поднимаемой темы, входящей в сферу общественного интереса, только усиливает ответственность журналиста за добросовестное следование им профессиональным обязанностям (правовая трактовка последних – в ст. 49 «Обязанности журналиста» Закона РФ «О средствах массовой информации»): не только не снижая при этом ответственности за нарушение профессионально-этических норм и правил поведения, но и требуя – с учётом резонансности тематики – более строгого их соблюдения.

Используемые источники

1. Медиаэтический стандарт Общественной коллегии по жалобам на прессу // Настольная книга по медийному саморегулированию. Вып. 9. Рабочий год с выраженной правозащитной составляющей. Под ред. к. соц. н. Ю.В. Казакова. – М.: Мозартика, 2019. 387 с.
2. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2011.

РЕШЕНИЕ

«О жалобе Ягубьянца Андроника Арамовича в связи с опубликованием на YouTube-канале «Журналистские расследования Евгения Михайлова» выпусков «Они не кавказцы» (дата публикации – 15.06.2019 г., адрес в Интернете – <https://www.youtube.com/watch?v=RcDY0hswS08>), «Дiasпора, Цапки и Логвиненко» (дата публикации – 19.09.2019 г., адрес в Интернете – <https://www.youtube.com/watch?v=Ng5bsGEd7ZE>), «Карабахские концепции преступного мира» (дата публикации – 22.12.2019 г., адрес в Интернете – https://www.youtube.com/watch?v=VuSry9_1_os). Автор всех сюжетов – Евгений Михайлов».

г. Москва, 26 февраля 2020 г.

№ 207

На 207-м заседании Общественной коллегии по жалобам на прессу ad hoc коллегия в составе Юрия Казакова (председательствующий, сопредседатель Общественной коллегии по жалобам на прессу), членов **Палаты медиасообщества** Галины Араповой, Леонида Никитинского, Виктора Юкечева, членов **Палаты медиааудитории** Татьяны Андреевой, Евгения Гонтмахера, Вадима Зиятдинова, Александра Макарова, Генри Резника, Владимира Ряховского, Аниты Соболевой, Григория Томчина рассмотрела обращение Ягубьянца Андроника Арамовича в связи с опубликованием на YouTube-канале «Журналистские расследования Евгения Михайлова» выпусков «Они не кавказцы» (дата публикации – 15.06.2019 г., адрес в Интернете – <https://www.youtube.com/watch?v=RcDY0hswS08>), «Дiasпора, Цапки и Логвиненко» (дата публикации – 19.09.2019 г., адрес в Интернете – <https://www.youtube.com/watch?v=Ng5bsGEd7ZE>), «Карабахские концепции преступного мира» (дата публикации – 22.12.2019 г., адрес в Интернете – https://www.youtube.com/watch?v=VuSry9_1_os). Автор всех сюжетов – Евгений Михайлов.

Вопросы процедуры. Заявитель, Ягубьянец Андроник Арамович, подписал Соглашение о признании профессионально-этической юрисдикции Общественной коллегии по жалобам на прессу, приняв на себя тем самым обязательство не использовать решение Общественной коллегии по данному информационному спору для его продолжения в судебном, ином правовом или административном порядке.

Адресат жалобы, автор публикаций на YouTube-канале «Журналистские расследования Евгения Михайлова» Михайлов Евгений Александрович, на информационное письмо Коллегии о принятии жалобы к рассмотрению и назначении даты заседания ответил следующим образом: «Я в курсе. Но меня не будет. Я на конференции буду за рубежом. Рассматривайте как считаете нужным. Слишком много ко мне внимания. По этим фильмам уже отказано в уголовном преследовании, так они снова через вас пытаются меня унижить и сделать виновным. Обычная практика диаспоры».

Позиция заявителя при обращении в Коллегию была сформулирована следующим образом: «24 мая 2019 года Общественная коллегия по жалобам на прессу приняла решение по обращению одного из активистов Ростовской региональной общественной организации «Нахичеванская-на-Дону армянская община» Самвела Закаряна с просьбой рассмотреть репортажи журналиставидеоблогера Евгения Михайлова на предмет их соответствия принципам и нормам профессиональной этики журналиста. В своём решении Коллегия отмечает, что Евгений Михайлов в своих видеороликах, размещённых на YouTube-канале «Аналитика Юга России», допускает нарушение профессиональной этики.

Однако Евгений Михайлов, вместо того чтобы принять рекомендации Коллегии как руководство к действию, продолжил выпуск таких видеороликов.

15 июня 2019 года на YouTube-канале “Журналистские расследования Евгения Михайлова” был размещён очередной антиармянский видеоролик “Они не кавказцы”, то есть не горцы с их высокими понятиями о родовой и личной чести. Это утверждение он проиллюстрировал рисунками национальной одежды народов Кавказа. Поводом стало трагическое событие – убийство бывшего спецназовца в Подмосковье. В совершении этого преступления подозреваются несколько мужчин-армян, все они арестованы, расследование продолжается в России и Армении.

Как известно, у преступника нет национальности, однако Михайлов заявил в интернет-эфире, что всё произошедшее стало возможным только благодаря “коррупционным связям армянской диаспоры со следственными органами” России.

19 сентября 2019 года в YouTube появился ещё один сюжет – “Диаспора, Цапки и Логвиненко”, в котором Михайлов обвиняет армян в неуважительном отношении «к той стране, которая спасла армянский народ от уничтожения в прошлом столетии». Проявляется это, как заявляет Михайлов, в “продвижении на пост главы врат Кавказа своего человека, напроочь лишённого чести и совести, по фамилии Логвиненко”. Правда, новый глава администрации Ростова не армянин (даже по матери или по прадедушке), однако работал в полиции заместителем у начальника ОБЭП Таганрога Асатуряна, который, как утверждает блогер, курировал богатых армянских предпринимателей. Таким образом, любое событие – глобальное, общероссийское или местное – Михайлов использует для разжигания антиармянской истерии.

Число просмотров роликов Евгения Михайлова на YouTube – от 17 000 до 220 000. Именно в Интернете он манипулирует общественным мнением в таких чувствительных сферах общественной жизни, как межнациональные отношения.

Последний (на сегодня) антиармянский ролик Михайлова размещён на YouTube 22 декабря 2019 года и посвящён армянским этническим преступным группировкам на юге России. Вряд ли кто-то возьмётся утверждать, что различных преступных этнических группировок в нашей стране нет, однако никакие конкретные факты в этом сюжете (как и во всех предыдущих) не приведены. Но при этом Михайлов заявляет, что армянские ОПГ в краснодарском крае “крышевало” духовенство во главе с католиком всех армян Вазгеном I (годы жизни 1908–1994), и для убедительности помещает в свой ролик портрет покойного патриарха.

В конце этого видеоролика “спец” по межнациональным конфликтам обещает продолжение сюжетов про “армянскую преступность”. Ну, а поскольку за достоверность всего, что он рассказывает доверчивым зрителям, Евгений Михайлов не отвечает, можно ожидать новый виток оскорблений армян с целью разжигания ненависти и вражды с использованием сети Интернет.

Прошу Коллегию рассмотреть мою жалобу на предмет соответствия репортажей Евгения Михайлова, члена Союза журналистов РФ, *Кодексу профессиональной этики российского журналиста*, который обязывает его воздерживаться от любых пренебрежительных намёков или комментариев в отношении расы, национальности, цвета кожи, религии, социального происхождения отдельного человека или сообщества людей.

Медиаэтический стандарт Общественной коллегии по жалобам на прессу также предполагает осознание журналистом угрозы дискриминации человека по признакам расы, национального или социального происхождения.

В *Декларации принципов поведения журналиста* Международной Федерации журналистов записано, что журналист должен отдавать себе отчёт в той опасности, которую таит в себе призыв к дискриминации, распространённый через СМИ. Он должен сделать всё возможное для того, чтобы избежать даже невольного стимулирования дискриминации на основе расы, пола, сексуальной ориентации, языка, религии, политических или иных взглядов, национального и социального происхождения. Однако если прочитать десятки оскорбительных комментариев к вышеупомянутым видеорепортажам Михайлова, размещённым на его YouTube-канале “Аналитика Юга России”, то поневоле приходишь к

выводу, что журналист Михайлов сознательно стимулирует проявление ненависти и вражды по отношению к армянам.

Михайлов продолжает выставлять на своем YouTube-канале антиармянские ролики на разные, в том числе и исторические темы, подготовленные и озвученные неизвестными «историками» и дикторами.

В случае если Общественная коллегия сочтёт это полезным или необходимым, не возражаю против передачи моей жалобы на рассмотрение Консультативной комиссии по противодействию пропаганде, созданной Сетью организаций медийного саморегулирования».

Позиция адресата жалобы Михайлова Евгения Александровича, автора выпусков «Журналистские расследования Евгения Михайлова» на YouTube-канале «Аналитика Юга России», выражения по существу претензий заявителя не получила.

Обстоятельства, установленные в ходе заседания Коллегии. Обращаясь к членам ad hoc коллегии по скайпу, Андроник Арамович Ягубьянц пояснил, что за роликами Евгения Михайлова он «увидел призыв к определённому виду национальной розни. Её сейчас достаточно и без него, а обобщения, которые он допускает в своих роликах, сильно притянуты за уши. Понятно, что в любом народе, в любой национальности достаточно и мерзавцев, и людей более чем достойных. Но обобщения, которые делает Михайлов, не из этой оперы. Он позволяет себе такие высказывания, как “крышевание” каких-то армянских группировок не кем иным, как главой армянской апостольской церкви. Я не знаю, как это можно комментировать, и нужно ли это комментировать, – это совсем ни в какие ворота не лезет. Если его послушать, создаётся ощущение, что весь юг России опутан щупальцами армянской мафии, которая не даёт развиваться бизнесу, не даёт жить и дышать простым гражданам».

Отвечая на вопрос о том, как он, музыкант и скрипичный мастер по самопредставлению, оказался зрителем выпусков программы Евгения Михайлова, заявитель пояснил, что на материалы Михайлова наткнулся в Интернете, совершенно случайно, «и начал их смотреть: один, другой, третий. Его расследования по другим вопросам были интересными. Ну, а потом я наткнулся на эту тему и увидел, что она развивается совершенно чётко, что она аффилирована, на мой взгляд, с какими-то структурами, которые его или субсидируют, или направляют определённым образом. Тогда я стал его материалы отслеживать».

Ответ на вопросы о том, насколько авторитетен в Ростовской области Евгений Михайлов, позиционирующий себя как член СЖР, лауреат премии СЖР и специалист по межэтническим конфликтам, и насколько сильны в регионе антикавказские настроения: «Как журналиста я его не знал, потому что не вхож в журналистскую среду, мало этим интересовался. Что касается антикавказских настроений в Ростове-на-Дону, то это было бы смешно, потому что нынешний Ростов состоит из двух городов: Нахичевань-на-Дону и Ростов-на-Дону, причём Нахичевань-на-Дону появилась на сто лет раньше», «Моя семья здесь живёт со второй половины XVIII века. И у нас даже слов таких не возникало никогда – “национальная рознь”. С появлением большого количества ребят с Северного Кавказа, может быть, что-то такое началось. Но это настолько незначительно и незаметно, что, поверьте, не имеет никакого общественного резонанса».

На вопрос, полагает ли он, что публикации Евгения Михайлова действительно представляют собой журналистские расследования, заявитель ответил так: «Я считаю, что этим публикациям придан вид расследования. То есть они поданы как журналистское расследование. Но там есть какая-то заинтересованность определённого рода самого Михайлова или каких-то структур, которые его направляют. Т. е. расследование подаётся под определённым углом, с тем смыслом, который туда заложен им же самим».

Ответ А.А. Ягубьянца на вопрос о том, соглашается ли заявитель с экспертным суждением Александра Верховского о том, что этнические группы и политические нации – это разные категории и смешивать их недопустимо (*это суждение прозвучало на заседании Коллегии 24.05.2019 г., при рассмотрении жалобы С.Р. Закаряна на другие выпуски той же*

программы Е. Михайлова, – Коллегия): «Я отношусь к нему с одобрением, потому, что нация как понятие появилась в XIX веке, это понятие чисто политическое. Смешивать нацию с этнической принадлежностью по меньшей мере наивно. Мы все живём в России, но у нас у каждого есть этническая принадлежность».

Ответ на уточняющий вопрос «А Михайлов, по Вашему представлению, их смешивает?»: «Смешивает всё время. Там идёт манипуляция».

Члены *ad hoc* коллегии на этапе подготовки заседания были ознакомлены с результатами исследования (мнением эксперта) к. филол. н. **Галины Викторовны Лазутиной**.

С учётом всего изложенного Общественная коллегия приняла следующее решение.

РЕШЕНИЕ

1. Коллегия принимает к сведению информацию адресата о том, что по оспоренным выпускам программы «Журналистские расследования Евгения Михайлова» поступали обращения в правоохранительные органы («По этим фильмам уже отказано в уголовном преследовании»), равно как и переданные ей самим адресатом копии заключений специалиста, подготовленных в ООО «Республиканский центр судебной экспертизы» (г. Махачкала).

2. Коллегия уточняет, что заявитель А.А. Ягубьянц не обращался по поводу оспоренных текстов в судебные, правоохранительные либо административные органы и что предмет его обращения в Общественную коллессию по жалобам на прессу не имеет ничего общего с жалобой на нарушение адресатом обращения норм российского законодательства, включая и законодательство о СМИ.

3. Коллегия обращает внимание на то, что 24 мая 2019 г. ею рассматривалась жалоба Закаряна С.Р. на аналогичные по тематике выпуски программы «Журналистские расследования Евгения Михайлова. Подготовленное тогда же *Решение № 197* содержало вывод о том, что «автор умышленно или по неосторожности пришёл к использованию языка вражды» и конкретную рекомендацию: «строго придерживаться Медиаэтического стандарта Коллегии» и соблюдать (в качестве члена Союза журналистов Санкт-Петербурга) Кодекс профессиональной этики российского журналиста.

4. Стремясь проявить максимальную объективность по отношению к адресату, очевидно проигнорировавшему как сделанные ею выводы о характере достаточно специфического *этноориентированного* медийного продукта, систематически выкладываемого им на платформе YouTube, так и предложенные рекомендации, Коллегия пригласила к исследованию трёх выпусков программы «Журналистские расследования Евгения Михайлова», оспоренных заявителем А.А. Ягубьянцем, **Галину Викторовну Лазутину**: автора, в том числе, хорошо известного в российских вузах учебника «Профессиональная этика журналиста».

5. Коллегия обращает внимание уже на первый вывод эксперта: «В результате исследования смысловой ткани видеофильмов, вызвавших жалобу, в речевых и визуальных элементах указанных материалов был обнаружен ряд отступлений и от общепринятых моральных норм, и от установленных профессионально-этических нормативов».

Учитывая, что автор сюжетов рассматривается экспертом скорее как *блогер*, производитель *гражданского контента*, чем как *профессиональный журналист*, но при этом сам *гражданский контент*, предназначенный *массовой аудитории*, относится Г.В. Лазутиной к современной разновидности *массовой информации*, Коллегия находит обоснованным и

основной критерий, выбранный экспертом для оценки оспоренных выпусков «Журналистских расследований Евгения Михайлова» (*отступления от этических норм, утвердившихся в практике общественных отношений, в традициях и обычаях общества*), и тот конкретный список отступлений от нравственных установок, принятых в профессиональной журналистике и распространяющихся на всю сферу массовой информации как *этические нарушения*. По мнению эксперта, разделяемому Коллегией, в оспоренных видеороликах:

- *нарушается право граждан на достоверную, непредвзято поданную информацию;*
- *нарушается требование уважения к личности человека независимо от его национальной принадлежности;*
- *нарушается запрет дискриминации личности по национальному признаку;*
- *нарушается запрет дискредитации человека без свидетельств о его бесспорной вине;*
- *нарушается запрет на использование угроз насильственными действиями, способными осложнить межнациональные отношения, усилить эскалацию напряжённости в регионе.*

6. Подчёркивая, что оспоренные видеосюжеты выполнены на достаточно высоком профессионально-техническом уровне (если говорить о подборе элементов видеоряда, о качестве используемой графической картинке, монтажа, озвучивания и проч.), что, безусловно, добавляет им внимания *массовой аудитории*, пользователей платформы YouTube, Коллегия соглашается с экспертом в том, что *системной особенностью* сюжетов при этом является полное «отсутствие фактической базы, доказывающей правомерность высказываемых утверждений», хотя бы в какой-то мере подкрепляющей предположения, «догадки», «открытия» автора, определяющего жанр, в котором он работает, как «журналистское расследование». В «бесфактной» (если говорить о фактах, выявленных и исследованных самим автором публикаций) ситуации сказанное в критическом ключе, носящее негативную оценку однозначно приобретает характер домыслов *диффамационного, наветного* характера.

7. Отказывая оспоренным сюжетам Евгения Михайлова в праве быть отнесёнными к *журналистским расследованиям* по причине очевидного несоответствия каждого из них базовым профессиональным стандартам этого уважаемого жанра (расследование должно быть привязано к конкретным объектам и лицам, *доказано ссылками на факты*, проверенные журналистом лично в пределах его возможностей; публикации, подготовленные в жанре журналистского расследования или выходящие под такой рубрикой, *не могут основываться на единственном источнике информации*, и т. д.), Коллегия обращает внимание на введённый экспертом термин «*дезориентация зрителя*». И выделяет из многих других следующий экспертный вывод: «Во всех случаях, когда дело касается криминальных ситуаций, жёстко сформулированные мнения рядом с рубрикой “расследования” (“честные расследования”) и высокой аттестацией исследователя (“независимый журналист”) на деле нейтрализуют действие принципа презумпции невиновности. Даже если преступление только предполагается, контекст провоцирует на восприятие предположения как подтверждения вины человека. Так что приходится признать: <...> в видеосюжетах происходит нарушение этической установки, которая требует обязательно выделять “специальными профессиональными приёмами (соответствующей маркировкой)” достоверную информацию, отделяя её от той, что автором не проверена».

8. Осознанно отходя от теоретической в основе дискуссии, кем именно *должен* быть признан адресат жалобы – скорее блогером или скорее журналистом, Коллегия исходит из того, что Е.А. Михайлов *может рассматриваться журналистом* по публичному

самопредставлению, по членству в Союзе журналистов Санкт-Петербурга, который входит в состав Союза журналистов России, и, наконец, по публично предъявляемому в каждом выпуске «Журналистских расследований Евгения Михайлова» признаку качества предлагаемого продукта («Лауреат премии Союза журналистов России»).

Все три указанных обстоятельства дают Коллегии основание напомнить заявителю начальный, первый пункт Кодекса профессиональной этики российского журналиста (КПЭРЖ): *«Журналист всегда обязан действовать, исходя из принципов профессиональной этики, зафиксированных в настоящем кодексе, принятие, одобрение и соблюдение которого является непременным условием для его членства в Союзе журналистов России».*

9. Анализ оспоренных публикаций позволяет Коллегии выдвинуть предположение о том, что член Союза журналистов Санкт-Петербурга Е. А. Михайлов пренебрегает ориентирами и прямыми предписаниями обязывающего профессионально-этического документа как минимум по следующим позициям:

– *«Журналист распространяет и комментирует только ту информацию, в достоверности которой он убеждён и источник которой ему хорошо известен. Он прилагает все силы к тому, чтобы избежать нанесения ущерба кому бы то ни было её неполнотой или неточностью, намеренным сокрытием общественно значимой информации или распространением заведомо ложных сведений».*

Коллегия обращает внимание на то, что дефицит фактов и отсутствие ссылок на открытые источники в оспоренных сюжетах не позволяют судить о том, в какой мере адресатом жалобы учитывается эта позиция Кодекса, принципиально важная для оценки характера предоставляемой гражданину информации.

– *«Журналист обязан чётко проводить в своих сообщениях различие между фактами, о которых рассказывает, и тем, что составляет мнения, версии или предположения, в то же время в своей профессиональной деятельности он не обязан быть нейтральным».*

Коллегия говорит о неразличении автором сюжетов факта и комментария, информации о факте и «мнений, версий и предположений», на которых строятся оспоренные сюжеты.

– *«Журналист придерживается принципа, что любой человек является невиновным до тех пор, пока судом не будет доказано обратное».*

Коллегия находит, что сказанное в одном из сюжетов о Вазгене I снимает любые попытки оспорить прямое нарушение указанного принципа, особенно с учётом того, что автор делает своё «предположение» (решительно не оглядываясь на такие цивилизационные маркеры, как межэтнические, межнациональные или межрелигиозные отношения) касательно не просто духовного лица, но высшего иерарха церкви, во-первых, и человека, уже ушедшего из жизни, т. е. не способного ответить на обвинение сугубо наветного характера, во-вторых.

10. Учитывая специфику основной темы обращения А.А. Ягубьянца, Коллегия выделяет из всех прочих пунктов Кодекса профессиональной этики российского журналиста (в качестве определённо нарушаемого адресатом жалобы) следующий: *«Журналист полностью осознаёт опасность ограничений, преследования и насилия, которые могут быть спровоцированы его деятельностью. Выполняя свои профессиональные обязанности, он противодействует экстремизму и ограничению гражданских прав по любым признакам, включая признаки пола, расы, языка, религии, политических или иных взглядов, равно как социального и национального происхождения».*

Журналист уважает честь и достоинство людей, которые становятся объектами его профессионального внимания. Он воздерживается от любых пренебрежительных намёков или комментариев в отношении расы, национальности, цвета кожи, религии, социального происхождения или пола, а также в отношении физического недостатка или болезни человека. Он воздерживается от публикации таких сведений, за исключением случаев, когда эти обстоятельства напрямую связаны с содержанием публикуемого сообщения. Журналист обязан безусловно избегать употребления оскорбительных выражений, могущих нанести вред

моральному и физическому здоровью людей».

Маркируя следом за экспертом в оспоренных текстах ряд конкретных позиций, корреспондирующихся с представлением заявителя об «антиармянском» характере трёх оспоренных выпусков (от «формирования отрицательного этнического стереотипа армянской нации через противопоставление облика и менталитета народов Кавказа и конкретного этноса из Закавказья (*«Они не кавказцы»*) до «переноса якобы выявленной автором ответственности “карабахской преступной группы” на легальное армянское землячество и армянскую Григорианскую церковь» (*«Карабахские концепции преступного мира»*)), Коллегия соглашается с тезисом заявителя о том, что Е.А. Михайлов «манипулирует общественным мнением в таких чувствительных сферах общественной жизни, как межнациональные отношения». Коллегия, однако, определённо дистанцируется от утверждения заявителя о том что «журналист Михайлов сознательно стимулирует проявление ненависти и вражды по отношению к армянам».

10.1. Относя сам тезис о «сознательном стимулировании» к области, определённо выходящей за пределы её компетенции, Коллегия полагает полезным воспроизвести в резолютивной части решения следующие слова Г.В. Лазутиной (обращая внимание на то, что реплика эта, относящаяся к одному из посылов автора текста «Они не кавказцы», не «генерализована» самим экспертом): «Было бы опрометчиво делать вывод о том, что утверждения подобного рода могут рассматриваться как провоцирующие межэтнические конфликты; речь только о том, что человек, называющий себя российским журналистом, совсем не принимает в расчёт одно из ключевых положений *Декларации принципов поведения журналиста* Международной Федерации журналистов, которому он как член Союза Журналистов России просто-напросто обязан следовать. Вот это положение: “7. Журналист должен отдавать себе отчёт в той опасности, которую таит в себе призыв к дискриминации, распространённый через СМИ, и должен сделать всё возможное для того, чтобы избежать даже невольного стимулирования дискриминации на основе расы, пола, сексуальной ориентации, языка, религии, политических или иных взглядов, национального и социального происхождения”».

10.2. Не имея оснований поддержать предположение заявителя о том, что «антиармянские» (по оценке А.А. Ягубьянца) выпуски «Журналистских расследований Евгения Михайлова» выражают особую заинтересованность автора или же «каких-то структур, которые его направляют», Коллегия вместе с тем обращает внимание на очевидную невосприимчивость автора публикаций к предупреждениям и предостережениям, сделанным не только её экспертами.

Никогда прежде не используя в текстах своих решений заключения представителей экспертных структур, рассматривающих обращения к государственным органам по поводу предполагаемого нарушения авторами публикаций российского законодательства, Коллегия в данном случае считает уместным и оправданным воспроизвести фрагмент «Заключения специалиста № 1077/19 от 10.12.2019 г.», подготовленного в Экспертном учреждении ООО «Республиканский центр судебной экспертизы» (г. Махачкала), цитируя автора, специалиста Н.Ю. Силантьеву:

«По третьему вопросу – Имеются ли в представленном на исследование материале высказывания, содержащие негативную оценку или выражающие неприязненное, враждебное отношение к какой-либо национальной, религиозной или социальной группе? – проведённое исследование показало следующее.

В материале “Они не кавказцы. Журналистские расследования Евгения Михайлова.тр4” есть высказывания, в которых содержится негативная оценка армян вообще.

Журналист Е. Михайлов сравнивает жителей Кавказа (“кавказцев”) и армян, прибегая к сопоставлению национальных костюмов этих народов. Ссылаясь на разницу в костюмах, Михайлов говорит о разнице и на ментальном уровне между ними. “Разница весьма

заметна”, – иронично отмечает журналист. Далее он говорит: “И всё же не нужно валить в одну корзину *гордых кавказцев и этих граждан* [армян, совершивших преступление «толпой, не один на один, а толпой. *И этим всё сказано...*»], которые имеют свою страну с возможностью в ней спрятаться...” Получается, что Михайлов оценивает всех армян одинаково: армяне трусливые и подлые».

Коллегия обращает внимание на то, что специалист Н.Ю. Силантьева включила в своё исследование (не называя источник) фрагмент известных и не единожды воспроизводившихся самой Коллегией Рекомендаций НИИ Генпрокуратуры России, подготовленных экспертной группой под руководством известного психолога, д. ю. н. А.Р. Ратинова. Вот основные позиции этого документа, позволяющего отнести к *направленным на возбуждение ненависти и вражды* высказывания, содержащие:

- перенос различного рода негативных характеристик и пороков отдельных представителей на всю группу;
- приписывание всем представителям группы стремления следовать тем древним обычаям, верованиям, традициям, которые негативно оцениваются современной культурой;
- утверждения о природном превосходстве одной группы и неполноценности или порочности других;
- приписывание враждебных действий и опасных намерений одной группы по отношению к другой;
- возложение вины и ответственности за деяния определённых представителей на всю группу;
- утверждение об изначальной враждебности определённой группы по отношению к другим;
- утверждение о полярной противоположности и несовместимости интересов одной группы с интересами других;
- утверждение о наличии тайных планов, заговоров одной группы против другой;
- объяснение бедствий и неблагополучия в прошлом, настоящем, будущем существованием и целенаправленной деятельностью определённых групп.

11. Подчёркивая тот факт, что процитированный документ предоставлен Коллегии самим адресатом жалобы (в подкрепление сказанного о том, что его, Е. А. Михайлова, теперь через Коллегию пытаются «унизить и сделать виновным. Обычная практика диаспоры»), Общественная коллегия задаётся вопросами о способности и готовности автора публикаций, во-первых, адекватно оценивать последствия выхода к пользователям канала «Журналистские расследования Евгения Михайлова» как минимум той части выпусков, которые связаны с *межэтнической и межконфессиональной* проблематикой. И во-вторых, отделять *профанный «блогерский»* подход к избранной проблематике, реальными ограничениями в котором выступают только нормы законов, от подхода *профессионального журналистского*, обязывающего автора текстов, выходящих в масс-медийное пространство, ориентироваться на принципы и нормы профессиональной этики журналиста.

12. С учётом того, что Коллегией по двум обращениям к ней рассмотрено в общей сложности пять выпусков «Журналистских расследований Евгения Михайлова», которые можно условно определить как «монотемные», Коллегия принимает решение направить настоящее Решение в Секретариат Союза журналистов России для рассмотрения сложившейся ситуации и для принятия мер в соответствии с Уставом СЖР.

13. Учитывая, что адресатом жалобы не подписано Соглашение о признании профессионально-этической юрисдикции Общественной Коллегии по жалобам на прессу, Коллегия освобождает заявителя от принятого им обязательства не использовать вынесенное решение Общественной коллегии для продолжения данного информационного спора в судебном, ином правовом или административном порядке.

14. Общественная коллегия просит:

- редакции журналов «Журналист» и «Информационное право» – опубликовать состоявшееся решение Общественной коллегии;
- факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, а также факультеты журналистики других вузов – обсудить состоявшееся решение Общественной коллегии со студентами, изучающими профессиональную этику;
- Комиссию Общественной палаты Российской Федерации по развитию информационного сообщества, СМИ и массовых коммуникаций – принять к сведению состоявшееся решение Общественной коллегии.

Настоящее решение принято консенсусом.

**Председательствующий,
Ю.В. Казаков**

Док. 9а

**Мнение эксперта Г.В. Лазутиной
по результатам рассмотрения видеосюжетов Евгения Михайлова
«Они не кавказцы», «Дiasпора, Цапки и Логвиненко», «Карабахские
концепции преступного мира» (YouTube.com)**

*В документе суммируются наблюдения и умозаключения, полученные
в результате проведённого исследования.*

Эксперт-исследователь: Лазутина Галина Викторовна, старший научный сотрудник кафедры периодической печати факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент, кандидат филологических наук; стаж работы в практической журналистике – 15 лет, в подготовке экспертных мнений по текстам массовой информации участвует с 2011 года.

Время и место проведения исследования: 15–22 февраля 2020 г., РФ, г. Москва.

Лицо, назначившее проведение исследования: Юрий Венедиктович Казаков, сопредседатель Общественной коллегии по жалобам на прессу (г. Москва).

Материалы, предоставленные эксперту:

- Обращение в Общественную коллегию по жалобам на прессу Андроника Арамовича Ягубьянца;
- оспоренный видеосюжет-1 «Они не кавказцы»:
<https://www.youtube.com/watch?v=RcDY0hswS08>;
- оспоренный видеосюжет-2 «Дiasпора, Цапки и Логвиненко»:
<https://www.youtube.com/watch?v=Ng5bsGEd7E1>;
- оспоренный видеосюжет-3 «Карабахские концепции преступного мира»:
https://www.youtube.com/watch?v=VuSry9_1_os;
- «антиармянские ролики на YouTube-канале», упомянутые в жалобе А.А. Ягубьянца:
<https://newsland.com/community/politic/content/nesmotria-na-ugrozy-rostovskii-zhurnalists-prodolzhaet-razoblachat-polzuchuiu-armenizatsiiu-iuga-rossii/2092770>>->;

– Решение № 197 Общественной коллегии по жалобам на прессу от 24 мая 2019 г., упомянутое в жалобе А.А. Ягубьянца.

Вопрос, поставленный перед экспертом:

Имеются ли в видеосюжетах «Они не кавказцы», «Дiasпора, Цапки и Логвиненко», «Карабахские концепции преступного мира» (все размещены на YouTube.com), которые под рубрикой «Аналитика Юга России. Журналистские расследования. Преступления. Коррупция» предлагает пользователям Евгений Михайлов, нарушения профессиональной этики журналиста? Если да, то как именно они проявляются в речевых и визуальных фрагментах данных видеосюжетов?

Базовые документы, положенные в основу исследования

Методология исследования базируется на теории массовых коммуникаций, теории профессиональной деятельности журналиста, профессиональной этике журналиста, этнической социологии. Определяющую роль при выявлении профессионально-этических нарушений в опубликованных материалах играют «Декларация принципов поведения журналиста», принятая Международной Федерацией журналистов, Кодекс профессиональной этики российского журналиста, Медиаэтический стандарт Общественной коллегии по жалобам на прессу.

Описание объекта исследования

Объект исследования представляет собой три видеосюжета, обладающие рядом общих характеристик: все три истории предъясняет один ведущий, Евгений Михайлов, выступающий как журналист-расследователь; все три сюжета предлагаются аудитории как актуальный, вызывающий размышления социально значимый материал; во всех трёх сюжетах в центре суждений ведущего оказываются проявления тех или иных черт, характерных, по его мнению, для представителей армянской диаспоры, проживающих в Ростовской области.

Подача видеосюжетов также отмечена общими чертами. Начинается демонстрация роликов заставкой из нарезки кадров и титров, дающих представление о тематическом профиле предлагаемых расследований. Звучит громкая тревожная музыка. Под эти звуки из глубины кадра шагает навстречу зрителям человек. Возникает рубрика: «Расследование ведёт Евгений Михайлов». На тёмном поле экрана печатается текст: «В этом фильме мы опираемся только на документы и публикации в СМИ. В остальных случаях мы не обвиняем, а предполагаем, выстраивая логические цепочки». Написанное дублируется голосом диктора, звучащим за кадром. Человек усаживается за стол и обращается к зрителям: «Здравствуйте! С вами Евгений Михайлов».

Завершается демонстрация каждого из видеороликов в таком же ключе: рядом с обложкой Уголовно-процессуального Кодекса, поднятого чьей-то рукой, на экране проступают слова, с небольшими вариациями продолжающие текст заявления, сделанного на первой минуте. Эти слова подчеркивают: «Данный репортаж (публикация) является прямым сообщением общества (*так в тексте*, – Г.Л.) о возможных противоправных действиях силовиков и в силу закона подлежит проверке в соответствии с требованиями ст. 141, 145 УПК РФ как сообщение о противоправном, запрещённом УК РФ деянии, по которому уполномоченные на то органы проведут соответствующую процессуальную проверку и примут законное и обоснованное решение в порядке, предусмотренном ст. 145 УПК РФ».

Организация видеоряда во всех трёх роликах ориентирована на сопровождение монолога Евгения Михайлова рисованными иллюстрациями и фотографиями, в большинстве случаев не имеющими конкретной документальной привязки. Исключение составляют статичные фотографии реальных персонажей, упоминаемых ведущим по ходу повествования; рисованные географические карты и мелькающие публикации СМИ по затронутой теме. В титрах акцентируются личностные качества автора (промежуточная рубрика «Честные расследования», подпись под портретом: «Независимый журналист, лауреат премии СЖР,

эксперт по межнациональным конфликтам»). Каждый ролик завершается обещанием ведущего продолжить тему, приглашением к сотрудничеству и указанием на число подписчиков.

Поводом для видеосюжета «Они не кавказцы» явилось убийство в Подмоскowie бывшего бойца спецназа Никиты Белянкина. Евгений Михайлов сосредоточил внимание на том, что преступление совершили не «лица кавказской национальности», как показалось людям вначале, а выходцы из республики Закавказья. Он перечисляет армянские фамилии и вспоминает, что к трагическому происшествию в Минеральных Водах тоже имели отношение армяне, хотя поначалу и в тот раз людям виделся «кавказский след». Лейтмотивом рассуждений ведущего становится противопоставление достойных, гордых кавказцев и преступников из Закавказья.

Второй видеосюжет вызван к жизни ситуацией с продвижением на пост сити-менеджера Ростовской области Алексея Логвиненко. Уже на 1-й минуте в фильме звучит отрицательная оценка этого персонажа («человек без чести и совести»). Однако причиной внимания ведущего к деятельности Логвиненко оказываются, прежде всего, его контакты с армянской диаспорой Таганрога и Ростова. В этих контактах автор, опираясь на свои предположения и умозаключения, усматривает коррупционные связи, ведущие к преступным деяниям. Фрагмент сюжета, где коррупционные связи фиксируются вне зависимости от «армянского компонента», – история с Цапками. Но главной для ведущего остаётся всё-таки мысль о том, что в продвижении Логвиненко на пост сити-менеджера Ростова-на-Дону заинтересована именно армянская диаспора, потому что с его помощью она сможет продолжать наращивать свои капиталы, тогда как исконное население Ростовской области из-за таких управленцев беднеет.

Тему третьего видеосюжета «Карабахские концепции преступного мира» Михайлов озвучивает сразу, как только садится за стол ведущего: «мы начинаем серию сюжетов, посвящённых этнической преступности на Юге России. В частности, первые серии мы посвятим воровским кланам выходцев из Нагорного Карабаха...» Этот фильм – преамбула к тем событиям, о которых намерен рассказать ведущий. Но в этой преамбуле уже заявлен взгляд на корни этнической преступности на Юге России: «...Было создано легальное прикрытие карабахской преступности в виде армянского землячества – Гиштанской общины, а также представителей армянской Григорианской церкви в районах края».

В силу указанных обстоятельств все перечисленные видеофильмы воспринимаются как единый идейно-тематический цикл.

Методы исследования

Для проникновения в смысловую ткань представленных видеофильмов был использован метод экспертного анализа текста, разработанный автором и описанный в монографии «Журналистика в информационном поле современной России: должное и реальное».

Для выявления признаков несоответствия указанных произведений принципам и нормам профессиональной этики журналиста был использован сравнительный анализ структурных элементов видеофильмов и нормативных документов журналистского сообщества.

Для выработки заключений были использованы классические методы логики, причинно-следственный анализ и синтез.

Признаки отступлений в видеофильмах от этических норм

В результате исследования смысловой ткани видеофильмов, вызвавших жалобу, в речевых и визуальных элементах указанных материалов был обнаружен ряд отступлений и от общепринятых моральных норм, и от установленных профессионально-этических нормативов. В конкретных фильмах это проявляется в следующем.

Видеофильм «Они не кавказцы»

1) Использование в названии фильма позитивного этнического стереотипа («кавказцы») для противопоставления неназванной группе лиц («они»), вызывающее в сочетании с тревожной музыкой и видеорядом в начале первой минуты настороженное отношение к этой группе как к некой противоположности «кавказцам».

2) Объяснение преступления в Подмосковье принадлежностью его участников к конкретному этносу Закавказья, не имеющему отношения к условному «кавказскому следу» (соображения ведущего, список фамилий преступников, установленный следствием, – конец 1-й и начало 2-й минуты);

3) Формирование негативного этнического стереотипа армянской нации («эта нация» – словосочетание, используемое автором) путём предложенного автором негативного обобщения: через сообщение данных о другом преступлении, совершенном выходцами из Закавказья (ассоциация ведущего и фамилии преступников из Минвод – 2-я минута).

4) Формирование отрицательного этнического стереотипа армянской нации через противопоставление облика и менталитета народов Кавказа и конкретного этноса из Закавказья (2-я минута сюжета). Автор вряд ли согласится с тем, что, обращаясь к различиям, он вольно или невольно сеет семена межнациональной розни, но тут вопрос о культуре и профессиональной подготовленности человека, готового всерьёз утверждать, что разница в одеждах «отражается на менталитете народов».

5) Предположение, не имеющее в сюжете никакого фактического обоснования, о причастности Армении к сокрытию на своей территории совершивших преступления выходцев из этой страны и содействию их безнаказанности при помощи коррупционных связей (высказывание ведущего на 3-й минуте). Было бы опрометчиво делать вывод о том, что утверждения подобного рода могут рассматриваться как провоцирующее межэтнические конфликты; речь только о том, что человек, называющий себя российским журналистом, совсем не принимает в расчёт одно из ключевых положений *Декларации принципов поведения журналиста* Международной Федерации журналистов, которому он как член Союза журналистов России просто-напросто обязан следовать. Вот это положение: «7. Журналист должен отдавать себе отчёт в той опасности, которую таит в себе призыв к дискриминации, распространённый через СМИ, и должен сделать всё возможное для того, чтобы избежать даже невольного стимулирования дискриминации на основе расы, пола, сексуальной ориентации, языка, религии, политических или иных взглядов, национального и социального происхождения».

6) Угроза мстостью спецназа ГРУ в случае, если официальный Ереван не выдаст сбежавшего преступника. Она может быть признана риторической, не явной (речь о предположении ведущего в конце 3-й минуты), однако в контексте публикации воспринимается как обнародование автором некоего возможного, не с потолка взятого сценария конфликта между Россией и Арменией (напомним, что сюжет выполнен в жанре якобы журналистского расследования). При том что угроза подобного рода обнаруживается в том же тексте беспочвенной, лишённой каких-либо обоснований, сам намёк на неё вряд ли следует относить к безвредным, потому что фантазия автора в данном случае касается межгосударственных, международных, межличностных отношений.

Видеофильм «Дiasпора, Цапки и Логвиненко»

1) Формирование представления о значительной части армянской диаспоры как о людях лживых и неблагодарных по отношению к той стране, в которой они проживают и гражданами которой являются. Не соглашаясь с показавшейся ему ложной трактовкой истории российско-армянских отношений, высказанной одним из представителей заявителя при рассмотрении жалобы С.Р. Закаряна на 197-м заседании Общественной коллегии по жалобам на прессу, автор данного сюжета заявляет: «Уверенное враньё некоторых представителей армянской диаспоры зачастую порождает в принципе неуважительное отношение к той стране, которая спасла армян от уничтожения в прошлое столетие, более того

– позволяет на Юге России и, в частности, в Ростове-на-Дону в ущерб национальным интересам нашей страны продвигать на должность главы “врат Кавказа” своего человека, напрочь лишённого, на мой взгляд, чести и совести». (Высказывание ведущего в конце 1-й минуты, графические изображения, на фоне которых делается это заявление: снайпер, целящийся с колена, и окровавленный штык-нож.)

2) Формирование отрицательного, антирепутационного образа состоятельных армянских предпринимателей на основании предположения автора о том, что бывший офицер полиции Логвиненко, курируя в ОБЭП «деятельность богатых армянских предпринимателей», якобы исполнял их заказы на устранение неудобных. (2-я минута сюжета). Сюда же можно отнести высказывание автора о роли Логвиненко в содействии махинациям этих «богатых людей» и в сокрытии их участия в преступном обогащении (3-я и 4-я минута сюжета). Оговорка «по моему мнению», сделанная автором, не подкрепляется никакими фактическими доказательствами.

3) Формирование отрицательного образа армянской диаспоры в Таганроге и Ростове-на-Дону посредством сообщений о тесных связях г-на Логвиненко с должностными лицами армянского происхождения. Предположение автора об опасностях Югу России, напрямую связанных с тем, что армянская диаспора помогает дальнейшему служебному продвижению этого заведомо недостойного, на взгляд Е. Михайлова, человека (высказывания автора в конце 2-й минуты фильма) и в данном случае обнаруживается личным мнением, не поддержанным содержательной аргументацией.

Видеофильм «Карабахские концепции преступного мира»

В этом видеосюжете отчётливые проявления признаков отступления от этических норм обнаруживаются в переносе якобы выявленной автором ответственности «карабахской преступной группы» на легальное армянское землячество и армянскую Григорианскую церковь.

Основные выводы из исследования видеосюжетов «Они не кавказцы», «Диаспора, Цапки и Логвиненко», «Карабахские концепции преступного мира»

1. Анализируя признаки нарушений в перечисленных видеосюжетах устойчивых этических представлений российского общества, нельзя уйти от необходимости понять, с каким типом творчества мы в данном случае имеем дело.

Судя по всему, Евгений Михайлов, регулярно выкладывающий свои видеосюжеты на платформу YouTube.com, не сомневается в принадлежности этих спорных работ к журналистике. Во всяком случае, именно о том свидетельствуют и самопрезентация Михайлова («Независимый журналист, лауреат премии СЖР»), и рубрика, под которой размещаются данные ролики («Журналистские расследования Евгения Михайлова»).

Между тем смысловая ткань видеосюжетов и специальное заявление автора, предлагаемое с небольшими разночтениями в каждом из оспоренных выпусков (роликов, сюжетов), ставят под вопрос правомерность рассмотрения названных произведений как журналистских.

Суть в том, что определяющим признаком журналистского материала является «правда жизни» – достоверное отображение установленных автором актуальных событий и проблем, претендующих на срочное распространение сведений о них в аудитории. Новое оперативное **знание** о действительности, предназначенное массам, – вот предмет журналистики как профессиональной творческой деятельности. Это коренным образом отличает её от других разновидностей информационного производства, в частности, от гражданского контента, от публицистики, современной формой которой является блоггерство.

Предмет деятельности публициста, блогера в том числе – **мнение** о событиях действительности, об их причинах, что актуально в условиях, когда достаточной ясности о происходящем нет. Если журналистское знание служит, прежде всего, задаче оперативного информирования общества о действительных событиях и проблемах мира, то у мнения

назначение другое: передавая индивидуальную точку зрения, оно активизирует общественную мысль, стимулирует поиск решения проблем, ускоряет процессы реакции общества на них. Иначе говоря, производство профессиональных журналистских материалов и производство гражданского контента – это разные виды деятельности, их продукты предназначены для удовлетворения разных потребностей общества.

Видеосюжеты, идущие под рубрикой «Журналистские расследования Евгения Михайлова», являются продуктами гражданского контента, точнее говоря, блогерства как современной формы публицистики. Именно на это указывают настойчивые упоминания в процитированном здесь заявлении о том, что рассуждения в фильмах строятся «*на логических цепочках*» – мнениях, предположениях и вытекающих из них умозаклучениях, нуждающихся в дальнейшей проверке (правоохранительными органами в том числе).

2. Означает ли это, что рассмотрение такой продукции не входит в профессионально-этическую юрисдикцию Общественной Коллегии по жалобам на прессу? Нет, не означает. Дело в том, что и профессиональная деятельность журналиста, и создание гражданского контента (в том числе блогов) входят в структуру современной медиаиндустрии, выступая как *сфера производства массовой информации*. И продукты журналистского творчества, и продукты гражданского контента предназначаются массовой аудитории, являются разновидностями массовой информации. А Общественная Коллегия есть «российский орган само- и сорегулирования в сфере массовой информации». Поэтому вопрос о границах её юрисдикции в данном случае не стоит. Однако крайне важно учитывать специфику назначения этих видов деятельности, сообщать, при каких условиях их продукты могут быть эффективны, и визуально подчёркивать их различия.

3. К сожалению, этот момент не учтён в полной мере теми, кто готовит сюжеты, выходящие как «Журналистские расследования Евгения Михайлова». По этой причине при восприятии роликов (выпусков, сюжетов) между презентацией последних как *журналистских продуктов* и их реальным содержанием, сформированным в отсутствие *фактической базы*, доказывающей правомерность высказываемых утверждений, возникает противоречие, с неизбежностью приводящее к дезориентации аудитории в происходящем. Видеоряд, представленный бегущими строчками прошлых публикаций, относится к новым умозаклучениям ведущего «постольку, поскольку», а новых фактов, установленных «расследованием», нет. Попытки предотвратить возможную дезориентацию были сделаны с помощью упомянутого выше авторского заявления. Однако результативность их сомнительна: во всех случаях, когда дело касается криминальных ситуаций, жёстко сформулированные мнения рядом с рубрикой «расследования» («честные расследования») и высокой аттестацией исследователя («независимый журналист») на деле нейтрализуют действие принципа презумпции невиновности. Даже если преступление только предполагается, контекст провоцирует на восприятие предположения как подтверждения вины человека. Так что приходится признать: несмотря на пафос заявления, в видеосюжетах происходит нарушение этической установки, которая требует *обязательно выделять специальными профессиональными приёмами (соответствующей маркировкой) достоверную информацию, отделяя её от той, что автором не проверена*. Об этом напоминает один из принципов *Медиаэтического стандарта*, принятого Общественной коллегией. Надо полагать, что в нашем случае публикация заявления сама по себе оказалась недостаточной для разграничения двух разновидностей творчества.

Рассмотренные в целом, видеосюжеты оказываются уязвимы в главном: они нарушают основное требование *Медиаэтического стандарта*, предъявленное в близких по смыслу формулировках и в других этических документах журналистского сообщества. В *Медиаэтическом стандарте* оно сформулировано так: «*Народ в целом и отдельные граждане имеют право на получение достоверной, точной, полной и непредвзято поданной информации, способствующей формированию у каждого из тех, кто имеет дело с журналистской продукцией, адекватной картины мира*».

4. Изучение признаков отступления в предложенных к анализу эксперта роликах (сюжетах) от общепринятых этических норм позволяет установить ещё одно немаловажное обстоятельство. Даже если рассматривать работы Евгения Михайлова как видеоблог, т. е. считать их продукцией публицистического творчества, в которой аудитории предъявляется не знание, а мнение, несущее в себе *заведомо предположительный* взгляд на происходящее, адресованный ей для размышлений и поисков истины, нельзя не отметить, что и в этом случае в разбираемых видеосюжетах происходит вольное или невольное пренебрежение этическими запретами, уже давно спонтанно сложившимися в информационных отношениях российского общества.

Уточним: этика поведения в современном информационном пространстве, в том числе в сфере массовой информации, только начинает формироваться как определённая кодифицированная система саморегуляции человека в интернет-среде. Однако традиции, обычаи, устные заповеди, передающие от поколения к поколению нравственные императивы общества являются бесспорной духовной ценностью и бережно охраняются всеми этническими образованиями России. Между тем, установленные исследованием признаки облегчённого, не этичного по сути подхода автора роликов (видеосюжетов) к межнациональным отношениям, задеваемым данными роликами напрямую, с определённой уверенностью говорят о нарушении этих традиций, отражённых, к тому же, и в этических принципах профессиональной журналистики.

5. Завершая проделанный анализ, считаю нужным коротко остановиться на основаниях, которыми он был продиктован. Эти основания сформировались как итог многолетней работы в журналистике – сначала в качестве практического сотрудника средств массовой информации, а затем – в качестве преподавателя и научного сотрудника факультета журналистики. Накопленный опыт вкупе с постоянно обновляющимися знаниями позволил уточнить представление о профессии и выработать подход к журналистской деятельности, благодаря которому удалось отчётливее понять её ключевые особенности и определяющие тенденции развития. Эти представления были изложены в ряде работ и стали основой авторской концепции способа профессиональной деятельности журналиста («Технология и методика журналистского творчества», «Основы журналистской деятельности», «Жанры журналистского творчества» – в соавт. с С.С. Распоповой). Этические аспекты деятельности журналиста были рассмотрены в учебнике «Профессиональная этика журналиста» и коллективной монографии «Журналистика в информационном поле современной России: должное и реальное». Идеи этих работ и определили подход эксперта к анализу видеосюжетов, вызвавших обращение А.А. Ягубьянца в Общественную коллегию по жалобам на прессу.

Общий вывод эксперта как ответ на поставленный вопрос

Нарушения профессиональной этики журналиста в видеосюжетах «Они не кавказцы», «Диаспора, Цапки и Логвиненко», «Карабахские концепции преступного мира» (YouTube.com), которые под рубрикой «Аналитика Юга России. Журналистские расследования. Преступления. Коррупция» ведёт Евгений Михайлов, без сомнения, имеются. Однако их следовало бы определить точнее – как **нарушения этики поведения в сфере массовой информации.**

Дело в том, что **эти спорные видеосюжеты представляется неправомерным рассматривать как журналистские произведения**, поскольку они построены не на фактах, установленных автором, а на его размышлениях о ранее сообщённых в средствах массовой информации материалах и представляют собой **видеоблог, состоящий из мнений, предположений и умозаключений, не подтверждённых фактами как основой доказательной базы.** Как у всякого гражданского контента, их функция в другом: они предназначены для активизации общественной мысли и стимулируют поиск решения актуальных проблем и проверку высказанных предположений (в том числе соответствующими органами).

Тем не менее **данные видеосюжеты**, как и подавляющее большинство материалов гражданского контента, **относятся к сфере массовой информации** и, следовательно, **подпадают под этико-правовую юрисдикцию Общественной Коллегии по жалобам на прессу**. То обстоятельство, что этика поведения в сфере массовой информации в настоящий момент слабо разработана и фактически приравнивается к профессиональной этике журналиста, обязывает нас с особой тщательностью выявлять в продуктах гражданского контента **отступления от этических норм, утвердившихся в практике общественных отношений, в традициях и обычаях общества**.

Сказанное и позволяет охарактеризовать допущенные в спорных видеосюжетах «Они не кавказцы», «Дiasпора, Цапки и Логвиненко», «Карабахские концепции преступного мира» отступления от нравственных установок, принятых в профессиональной журналистике и распространяющихся на всю сферу массовой информации, как **этические нарушения**. Они заключаются в следующем:

- *нарушается право граждан на достоверную, непредвзято поданную информацию;*
- *нарушается требование уважения к личности человека независимо от его национальной принадлежности;*
- *нарушается запрет дискриминации личности по национальному признаку;*
- *нарушается запрет дискредитации человека без свидетельств о его бесспорной вине;*
- *нарушается запрет на использование угроз насильственными действиями, способными осложнить межнациональные отношения, усилить эскалацию напряжённости в регионе.*

Список использованной литературы и источников

1. Арутюнян Ю.В., Дробижеева Я.М. Этнопсихология: пройденное и новые горизонты // Социс. 2000. № 4. С. 11–32.
2. Журналистика в информационном поле современной России: должное и реальное. Монография / Под ред. Г.В. Лазутиной. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: изд-во «Аспект Пресс», 2019. 176 с.
3. Кара-Мурза Е.С. Лингвистическая экспертиза как процедура политической лингвистики / Политическая лингвистика. 2009. № 1(27). С. 47–71.
4. Кодекс профессиональной этики российского журналиста / URL: http://ruj.ru/about_organization/kodeks-professionalnoy-etiki-rossiyskogo-zhurnalista.
5. Лазутина Г.В. Технология и методика журналистского творчества. – М.: Изд-во Моск. унта, 1988, 79 с.
6. Лазутина Г.В. Основы журналистской деятельности. Учебник и практикум. 3-е изд., испр. и доп. – М.: изд-во «Юрайт», 2017. 242 с.
7. Лазутина Г.В., Распопова С. С. Жанры журналистского творчества. – М.: изд-во «Аспект Пресс», 2011. 320 с.
8. Лазутина Г.В. Профессиональная этика журналиста. Учебник и практикум. 4-е изд., испр. и доп. – М.: изд-во «Юрайт», 2017. 226 с.
9. Медиаэтический стандарт Общественной коллегии по жалобам на прессу / URL: <https://presscouncil.ru/index.php/teoriya-i-praktika/dokumenty/4756>.
10. Моисеенко М.В. Этика межнационального общения и специфика работы в интернациональном коллективе // Вестн. Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2016.
11. Настольная книга по медийному саморегулированию. Вып. 8. Под ред. Ю.В. Казакова. – М., 2018.
12. Профессиональная этика журналиста: Документы и справочные материалы / Под ред. Ю.В. Казакова. – М., 2004.

РЕШЕНИЕ

«О жалобе Зиберт Светланы Александровны на материал “Под знаком зверя”, опубликованный в № 1 (201) журнала “Охота и рыбалка. XXI век” за 2020 г. и размещённый на общедоступном сайте “Охотники.ру”. (Автор – Евгений Цигельницкий; адрес в сети Интернет: <https://www.ohotniki.ru/hunting/societys/societys/article/2020/02/13/655913-pod-znakom-zverya.html>)».

г. Москва, 16 апреля 2020 г.

№ 208

На 208-м заседании Общественной коллегии по жалобам на прессу ad hoc коллегия в составе Юрия Казакова (председательствующий, сопредседатель Общественной коллегии по жалобам на прессу), членов **Палаты медиасообщества** Евгения Абова, Галины Араповой, Ольги Кравцовой, Леонида Никитинского, Владимира Познера, Виктора Юкечева, членов **Палаты медиааудитории** Татьяны Андреевой, Евгения Гонтмахера, Владимира Ряховского, Ильи Шаблинского рассмотрела обращение Зиберт Светланы Александровны в связи с материалом «Под знаком зверя», опубликованным в № 1 (201) журнала «Охота и рыбалка. XXI век» за 2020 г. и размещённым на общедоступном сайте «Охотники.ру». (Автор – Евгений Цигельницкий; адрес в сети Интернет: <https://www.ohotniki.ru/hunting/societys/societys/article/2020/02/13/655913-pod-znakom-zverya.html>).

Вопросы процедуры. Заявитель, Зиберт Светлана Александровна, подписала Соглашение о признании профессионально-этической юрисдикции Общественной коллегии по жалобам на прессу, приняв на себя тем самым обязательство не использовать решение Общественной коллегии по данному информационному спору для его продолжения в судебном, ином правовом или административном порядке.

Адресат жалобы, редакция журнала «Охота и рыбалка. XXI век», издающегося ЗАО «Редакция газеты “Московский комсомолец”», на информационное письмо Коллегии о принятии жалобы к рассмотрению не ответила, отношения к претензиям заявителя не выразила, от предложения принять участие в рассмотрении жалобы уклонилась.

Позиция заявителя при обращении в Коллегию была сформулирована следующим образом^ «В номере № 1 (201) журнала “Охота и рыбалка” за 2020 год был опубликован материал автора Евгения Цигельницкого под названием “Под знаком зверя”. На обложке статья анонсирована словами “Такая зоошиза”.

На восьми страницах иллюстрированного текста автор рассказывает читателям о набирающем в нашей стране силу движении “зоорадикалов”, врагов людей и всего живого на планете.

Зоорадикалами Евгений Цигельницкий называет российских зоозащитников, сумевших в последние годы привлечь внимание властей и общественности к проблеме жестокого обращения с животными. Широко известным фактом является то, что далеко не все зоозащитники придерживаются радикальных взглядов. Напротив, большая часть российских зоозащитников придерживается весьма умеренных позиций, выступая не за запрет мясных ферм, а за достойные условия содержания и гуманный убой сельскохозяйственных животных, не против охоты целом, а против жестокости в отношении диких животных, на которых ведется охота, и т. д. Однако автор статьи не делает никакого различия между направлениями в зоозащите, объявляя всех, кто борется против жестокого обращения с животными, зоорадикалами.

Уже в самом начале статьи Евгений Цигельницкий, для того чтобы создать у читателя предвзятое отношение к зоозащитникам, упоминает о том, что законы о защите животных были приняты в Германии времён Гитлера. Защитники животных представляются им как люди невежественные, агрессивные, антисоциальные и склонные к насилию.

Идеи зоозащитников искажаются и доводятся автором до абсурда. Он утверждает, что зоозащитники «ставят знак равенства» между животным и человеком, поголовно пропагандируют веганство, требуют отпустить всех животных, содержащихся в неволе, требуют полного запрета охоты и мошенничают на благотворительных сборах в помощь животным.

Спекулируя на том, что далеко не все читатели понимают, из каких источников государством финансируются государственные и муниципальные приюты, которые, согласно нормам действующего законодательства, должны появиться в каждом регионе, автор утверждает, что эти деньги, под влиянием агрессивных зоорадикалов, государство отнимает у несчастных пенсионеров и детей-сирот.

Совершенно очевидно, что единственной целью автора статьи является очернение оппонентов, чья деятельность непосредственно затрагивает интересы социальной группы, которую он представляет. И он не стесняется в средствах, дойдя до того, что прямо объявляет зоозащитное движение разновидностью фашизма.

Считаю, что опубликование подобного материала, пусть даже на страницах журнала, посвящённого вопросам охоты и рыбалки, является грубым нарушением журналистской этики. Прошу Коллегию дать статье свою профессиональную оценку».

Позиция адресата жалобы, редакции журнала «Охота и рыбалка. XXI век», осталась Коллегии неизвестной.

Обстоятельства, установленные в ходе заседания Коллегии. Заявитель, Светлана Александровна Зиберт, посчитала полезным, вводя Коллегию в контекст информационного спора, пояснить, что «в современной России действительно существуют очень большие проблемы с жестоким обращением с животными. Много лет эта тема не выходила на широкое общественное обсуждение, эта неприглядная сфера жизни тщательно скрывалась. Но с развитием соцсетей отдельные факты жестокого обращения с животными, а также так называемая системная жестокость становятся всё большим объектом общественного внимания. Та зоозащитная деятельность, которая сегодня ведётся определённой частью российского общества, – это нормальная реакция наиболее активной части общества на реальные проблемы».

Переходя к материалу Евгения Цигельницкого, заявитель свою позицию сформулировала так: автор публикации, даже и не являясь профессиональным журналистом, выполняет функцию журналиста. И значит, должен соблюдать, помимо российского законодательства о СМИ, как общепринятые этические нормы, так и нормы журналистской этики.

Говоря о предполагаемых нарушениях Е. Цигельницким профессионально-этических норм, заявитель упомянула «смешивание субъективной оценки автора и реальных фактов» – сразу же уточнив, что никаких реальных фактов, подтверждающих точку зрения автора, в публикации не приводится. («На самом деле автор, не говоря ничего конкретного о зоозащитниках, которые, по его мнению, являются “врагами всего живого”, не сообщает читателю, что это его субъективная оценка».) Заявитель обвинила автора «в грубом нарушении прав зоозащитников как социальной группы», принимающем характер оскорбления («Все без исключения зоозащитники объявляются “зоорадикалами”»).

Обращая внимание на искажение автором взглядов зоозащитников, заявитель отметила: «Например, говорится о том, что зоозащитники хотят выпустить всех диких

животных, которые содержатся в неволе, на свободу, что зоозащитники хотят полностью отменить охоту. Это, конечно, неправда. Зоозащитники говорят следующее: жестокость должна быть минимизирована. Мы не можем полностью отказаться от использования животных в различных сферах, но мы должны минимизировать жестокость. Наше действующее законодательство налагает на каждого субъекта хозяйственной деятельности бремя гуманного обращения с животными. Те требования, которые выдвигаются зоозащитниками, соответствуют закону. Однако в статье действия зоозащитников представляются как незаконные и опасные».

Свидетель со стороны заявителя **Виктор Владимирович Ханьков**, врач-психиатр, отметил, что весь тон публикации является типичным образчиком той разновидности пропаганды, которая использовалась в нацистской Германии, а также «в незапамятные времена и в СССР», чтобы создать атмосферу ненависти и вражды по отношению к какой-то определённой группе людей: «Сам механизм её таков: берётся ложь с вкраплениями правды или даже с какой-то частью правды, причём правда безобидная, а ложь жёсткая, обвиняющая. И на читателя идёт масса огульных обвинений, которые следуют одно за другим, не давая человеку возможности передохнуть, критически оценить предшествующую ложь. Всё это опирается на эмоцию страха и ужаса перед тем, что какие-то люди, как утверждается, делают, и создаёт в мозгах “образ врага”. Шквал обвинений формирует эмоциональный фон ненависти».

По мнению свидетеля, «после прочтения этой статьи ничего, кроме ненависти, к тем, против кого она направлена, у читателя возникнуть не может». «Идут обвинения: зоозащитники врываются в зоопарки, в станции притравки, в приюты, творят беззаконие, насилие, отбирают у людей животных. Но, во-первых, это были единичные случаи, которым, как правило, всегда предшествовали приходившие их этих учреждений сигналы о творящейся там жестокости. И практически во всех случаях, когда зоозащитники и в самом деле вторгались в пределы частных приютов или станций притравки, они обнаруживали все те жуткие нарушения, по поводу которых были сигналы. Далее сами зоозащитники становились инициаторами проведения судебных расследований, в ходе которых именно им могло быть предъявлено обвинение. К сожалению, таких расследований, как правило, не проводилось; те, кого зоозащитники обвиняли в жестоком обращении с животными, не несли никаких наказаний». «В материале получается так, будто вся зоозащита только тем и занимается, что куда-то вторгается, кому-то угрожает. Это ложь. А вот другая ложь: зоозащитники в соцсетях якобы призывают чуть ли не к уничтожению сторонников противоположной точки зрения. Конечно, в сетях есть люди, представляющиеся зоозащитниками и ведущие грубые или даже угрожающие речи. Но, извините, разве такие речи в соцсетях ведутся только ими? Если есть какая-то идея, то обязательно найдётся небольшой круг сумасшедших, которые будут проявлять радикализм в сетях. Но в этом материале такой подход распространяется на всё зоозащитное движение – как на что-то человеконенавистническое, радикальное, с признаками экстремизма».

Конкретные примеры расхождения между позицией зоозащитников и тем, как она представлена в публикации, свидетель показал, обратившись к теме закрытия цирков и зоопарков. («Мы действительно против цирков, но мы абсолютно никогда не призывали прямо завтра разогнать все цирки. Мы говорим о том, что направление надо сворачивать. Но мы также говорим о том, что этим животным надо обеспечить не минимальные, а оптимальные условия существования, потому что в тех условиях, которые сейчас приняты законодательно, они мучаются», «Никогда мы не выступали против зоопарков (а это всё валится в кучу). Мы выступаем за то, чтобы в зоопарках животным были обеспечены оптимальные условия, которые во многих зоопарках мира действительно обеспечены и в некоторых зоопарках нашей страны тоже. Ничего против этого мы не имеем», «Здесь рядом ставится то, что мы действительно говорим, что является безобидным и признанным во всём мире, и то, что

является откровенной ложью в отношении нас. Но поскольку это всё идёт в одной куче, естественно, на первый план выступают эти негативные вещи. Статья, о которой мы говорим, является образчиком такой пропаганды, цель которой – дискредитация определённой социальной группы, занимающейся очень полезным и цивилизованным делом, пробуждение к ней массовой ненависти».

Отвечая на вопросы членов Коллегии, заявитель и свидетель дали развёрнутые пояснения по теме «Зоозащита и зоозащитники». На вопрос о возможном отражении в публикации определённых бизнес-интересов **С.А. Зиберт** ответила так: «Бизнес-интересы отстаивают, в основном, охотники, охотничье сообщество». **В.В. Ханыков**, отвечая на тот же вопрос, отметил, что в меморандуме организации «Живая Россия» («Это реальное организованное сообщество, официальная общественная организация, и это организация охотников, в основном») содержатся «практически все те положения, которые есть в этой статье, т. е. сама она – отражение точки зрения конкретного сообщества».

На вопрос о том, почему на публикацию, в которой всё время говорится о «зоорадикалах» – с отделением от них некой «конструктивной зоозащиты» – заявитель и свидетель отреагировали как на задевающую их лично и зоозащитное сообщество в целом, ответы были такими. **С.А. Зиберт**: «Мы не стали обращаться в редакцию, потому что знаем: данное сообщество (*по контексту – «охотничье» по терминологии заявителя, – Коллегия*) всю традиционную зоозащиту называет “зоорадикальной”. А “конструктивная зоозащита” – это ноу-хау автора. Можно предположить, что автор имеет в виду т. н. “зоореалистов”. Этих людей буквально единицы, они не относятся к зоозащитному сообществу. Подавляющее большинство зоозащитников считает “зоореалистов” живодёрами, поскольку сторонники этой точки зрения говорят о том, что всех не востребуемых животных – в первую очередь это касается собак и кошек – нужно умерщвлять». По замечанию **В.В. Ханыкова**, «Живая Россия» «считает, что реальными зоозащитниками являются охотхозяйства, поскольку они подкармливают зимой животных, способствуют увеличению популяции. Вопрос – для чего это делается? Для того чтобы потом животных отстреливать. Мол, ну мы же способствуем увеличению популяции, в отличие от вас. Вы их просто защищаете, а без нас они помрут с голода. Правда, потом мы на них же будем охотиться с собаками». «Там всё вывернуто наизнанку: то есть зверей травить можно, а то, что у нас уберутся породы собак охотничьих, которые станут не нужны, – это ужасно. Для того чтобы сохранялись породы охотничьих собак, чтобы они поддерживали свою функциональность, необходимо, чтобы они травили зверей. Это то, что они называют “реальной зоозащитой”».

Отвечая на вопрос об авторе публикаций, заявитель и свидетель пояснили, что с ним не знакомы. Знают, что кинолог, который, не являясь профессиональным журналистом, в качестве эксперта неоднократно выступал в СМИ, излагая взгляды, аналогичные тем, что содержатся в оспоренной публикации.

На вопрос, полагают ли заявитель и свидетель, что на автора публикации может быть распространено право журналиста на известное преувеличение или даже на провокацию, ответы были такими. **Светлана Зиберт**: «Я думаю, что у любой провокации должны быть определённые рамки. Если это действительно провокация (в чём я сомневаюсь), то она не является допустимой, поскольку данная публикация содержит ложную информацию, нарушает права представителей зоозащитного сообщества и оскорбляет всех членов социальной группы, которая придерживается определённых взглядов». **Виктор Ханыков**: «Понятно, что “провокация” – вещь достаточно сложная в определении. Но она обязательно имеет цель, которая выявляется в самом содержании провокационной публикации: вызвать на дискуссию, выявить слабые взгляды противоположной стороны, и так далее. В данном случае мы не можем ответить на вопрос, кого и на что могла бы спровоцировать эта публикация. Противостояние взглядов зоозащитников и взглядов, подобных взглядам этого автора,

существует давно, дискуссия идёт уже полторы сотни лет. Так что эта публикация – просто очередной вброс, служащий разжиганию ненависти путём сочетания лжи, правды и эмоционального напора».

Члены ad hoc коллегии на этапе подготовки заседания были ознакомлены с результатами исследования оспоренной публикации (мнением эксперта) д. филос. н., проф. **Шайхитдиновой Светланы Каимовны**.

С учётом всего изложенного Общественная коллегия приняла следующее решение.

РЕШЕНИЕ

1. Коллегия сожалеет, что представители редакции, возглавляемой членом Палаты медиасообщества П. Н. Гусевым, проигнорировали приглашение к рассмотрению информационного спора, лишив тем самым заявителей и членов ad hoc коллегии возможности провести заседание в соответствии с требованиями Устава Коллегии: в режиме «конструктивного диалога между участниками конфликта» и «в обстановке состязательности, открытости и равноправия сторон».

2. Коллегия, не в первый раз рассматривая обращения зоозащитников в связи с публикациями российских СМИ, подтверждает понимание смысла, характера и общественной значимости обсуждаемых тем и проблем, а также возможность предъявления в средствах массовой информации заведомо не совпадающих прочтений того, что различными социальными группами или же группами граждан по интересам может признаваться предметом как бы общеочевидного *общественного интереса*, выражением *общественного блага*. И по этой причине, в том числе, Коллегия обозначает намерение и готовность следовать при рассмотрении данной жалобы нормативным представлениям о своей уставной компетенции – оставляя за пределами анализа, выводов и рекомендаций всё то, что к её компетенции не относится напрямую.

3. Коллегия безусловно соглашается с заявителем в том, что рассматриваемая публикация, представляя собой систему оценочных суждений автора, не основывается на фактах и не предлагает какие-то факты к обсуждению или оценке.

4. Оглядываясь на особенности публикации «Под знаком зверя» – аффективной и агрессивной как по содержанию, так и по форме, по тону авторской интонации, демонстративно задевающей представления определённых групп граждан о том, что является для них базовыми ценностями, в том числе, – Коллегия полагает полезным напомнить следующие обстоятельства.

4.1. *Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ)*, последовательно защищая право на *свободу выражения мнений*, не раз напоминал, что «свобода выражения мнения <...> относится не только к той “информации” или к тем “идеям”, которые благосклонно принимаются или расцениваются как безобидные или нейтральные, но также и к тем, которые оскорбляют, шокируют или внушают беспокойство». (*Цит. по Постановлению Суда по делу «Дичанд и другие (Dichand and others) против Австрии»*, – Коллегия).

4.2. ЕСПЧ, проводя различие между утверждением о фактах и оценочными суждениями, последовательно отмечает в своих решениях, что любое оценочное суждение должно иметь под собой фактическую основу, чтобы находиться под защитой Конвенции. Так, в деле *«Карсаи (Karsai) против Венгрии»* Европейский Суд в очередной раз подчеркнул, что хотя мнение и невозможно оценить на предмет его соответствия действительности, на

распространение мнения в печати всё же могут накладываться ограничения в зависимости от того, «имеется ли достаточная фактическая основа для оспариваемого утверждения, поскольку даже оценочное суждение без какой-либо фактической основы в его поддержку может переходить допустимые пределы».

4.3. ЕСПЧ обращает внимание на то, в том числе, в какой словесной форме выражено оценочное суждение. Например, в постановлении по делу *«Уингроу (Wingrove) против Соединённого Королевства»* Европейский Суд отметил право граждан не подвергаться оскорблениям «при помощи уничижительного, бранного, оскорбительного, грубого и нелепого тона, стиля и духа».

5. Учитывая, что оспоренная публикация вызывает – как минимум у той социальной группы, к которой относятся заявитель и свидетель, – не просто несогласие с автором, но активный нравственный протест, переносимый и на редакцию конкретного СМИ, и на российское журналистское сообщество в целом, Коллегия полагает полезным воспроизвести в резолютивной части настоящего решения следующие выводы своего эксперта, проф. С.К. Шайхитдиновой.

Вывод первый. В оспоренной публикации а):

– не соблюдается принцип объективности. Публикация выполнена автором, профессионально владеющим текстовыми способами воздействия на аудиторию. Используя ряд сильных по эмоциональному воздействию метафор, апокалиптических предсказаний («зверь... не оставит шанса на жизнь ни людям, ни животным»), автор настраивает читателя на исключительную серьёзность проблемы, о которой он собирается говорить. Продуманность целей и средств указывает на манипулятивный характер использованных речевых приёмов;

– никаких документальных фактов о «громком треске, высокой активности и организованности» российских зоорадикалов в статье не приведено. Некие устрашающие фотосвидетельства, сопровождающие публикацию, взяты из международных хостингов;

– произведена вольная или невольная идеологизация темы отношения к животным: в фокусе внимания оказываются только политическая и криминальная стороны вопроса – пикеты, акции, нападения и т.д. – «зоорадикализм»;

– обнаруживается замалчивание реально существующих социальных проблем на заданном тематическом направлении. В частности, проблемы жестокости, насилия и роста агрессии в обществе. Хотя именно эта проблема лежит в основе возникающих, прежде всего, среди молодёжи субкультурных ниш и личного поведенческого протеста.

В оспоренной публикации б):

– другая сторона противоречия, вносимого в поле зрения читателя, представлена крайне тенденциозно. Автор искусственно сталкивает интересы охотников и участников уличных акций, охотников и тех, кто против охоты, но в акциях не участвует. В российской медиасфере нет широко известных свидетельств того, что охоте, охотникам, охотоведческим хозяйствам, их политике что-то серьёзно угрожает с той стороны, которая в чёрном цвете представлена в статье Евгения Цигельницкого, кроме упомянутых им «войн с охотниками в Интернете на тему защиты животных». Обличая «воинствующее невежество, игнорирование объективных законов нашего мира», автор публикации решает другую проблему: с помощью текстологических приёмов он производит «тотальную зачистку» социальной базы тех, кто как-то по-другому мыслит.

По первому пункту, где речь идёт о лозунгах «За гуманное обращение с животными!» и «За животных!», автором использован троллинг – скрытое высмеивание, издевательство. А ведь это просто лозунги.

По второму и третьему пунктам, где речь о лозунге «Запретить цирки, зоопарки и выпустить всех животных, живущих в неволе» и пропаганде веганства: фактически силами статьи в журнале происходит конструирование проблемы (описание столкновения интересов

групп), которая – приходится только догадываться – до этого давала о себе знать исключительно в неких, не известных широкой общественности чатах.

Что касается *социальной стороны* обвинений в адрес зоозащитников: сравнение стоимости содержания приютов для животных и пенсионных выплат некорректно, относится к манипулятивным способам воздействия на аудиторию.

Вывод второй:

Несмотря на то, что статья «Под знаком зверя» отмечена в жалобе заявителя как опубликованная в журнале «Охота и рыбалка», она доступна массовому потребителю на сайте «Охотники.ру». По стилю написания этот текст также рассчитан не на узкую целевую аудиторию, а на массовую. В этой связи требование общезначимости представления проблемы и объективности её раскрытия остаётся актуальным.

6. Коллегия считает важным, помогающим точнее определить основную интенцию автора статьи следующий вывод своего эксперта: *«Образные средства выразительности – метафоры, гиперболы, ассоциативный ряд – не оставляют ни шанса на реальный диалог с оппонентами, кем бы они ни были. Параллель с гитлеровской Германией, с Гитлером завершает образ опасного “врага”. Наряду с эмоциональной агрессией языка, важным приёмом манипулятивного формирования общественного мнения является логическая подмена тезисов в формулировке проблемы и изложении аргументации.*

Стиль автора оспоренной публикации можно охарактеризовать как “медиаарадикализм”, противоречащий нормам профессиональной этики журналиста».

7. Коллегия полагает, что обычный человек, получивший доступ к оспоренному тексту на журнальных страницах или же на сайте «Охотники.ру», сталкивается с известным затруднением: к какой именно категории материалов – журналистских, экспертных или же предложенных «человеком с улицы» – следует отнести эту публикацию.

Коллегия полагает, далее, что отсутствие какой бы то ни было маркировки редакцией *статуса автора* позволяет читателю считать публикацию *профессиональной журналистской*. (В том числе по признакам, сведённым проф. С.К. Шайхитдиновой в конкретную позицию: «Публикация выполнена автором, профессионально владеющим текстовыми способами воздействия на аудиторию».)

Коллегия допускает, что отсутствие маркеров, позволяющих судить о *дистанцировании редакции* от данного, заведомо *провокативного* по характеру текста, даёт тому же читателю основание считать статью Е. Цигельницкого если не выражающей, то отражающей позицию редакции журнала и сайта.

8. Коллегия находит заслуживающим повышенного внимания как редакции, опубликовавшей оспоренный текст, так и читателей, не перегруженных навыками *медиаобразования*, следующее обстоятельство. У автора публикации, в зависимости от его профессионального статуса, обнаружались бы равные права на выражение обеспокоенности каким-то положением вещей, представляя оно общественный интерес, но при этом не равные возможности в том, что признаётся допустимым выражением позиции.

Выше была представлена позиция ЕСПЧ, касающаяся распространения в печати оценочных суждений, способных переходить «допустимые пределы».

Продолжая тему, но сосредоточивая внимание на *свободе журналистов*, Коллегия напоминает: ЕСПЧ в Постановлениях по конкретным делам не раз говорил о том, в частности, что *«свобода журналистов охватывает также право на некоторую долю преувеличения или даже провокации»*. Данное положение в Постановлении Суда по делу *«Бергенс Тиденде и другие (Bergens Tidende and others) против Норвегии»* было напрямую связано со следующим выводом: «Защита журналистов, предписанная статьёй 10 (Конвенции о защите прав человека и основных свобод, – Коллегия) в отношении публикации материалов,

представляющих общественный интерес, осуществляется при соблюдении условия, что они должны действовать добросовестно, чтобы предоставлять достоверную и надёжную информацию в соответствии с нормами журналистской этики».

Сказанное означает, что даже если бы оспоренный текст был написан журналистом, за которым закреплено право «на некоторую долю преувеличения или даже провокации», то на него всё равно могли бы накладываться ограничения, связанные как с содержанием, так и с формой подачи материала.

Сказанное означает, далее, что правом «на некоторую долю преувеличения или даже провокации» заведомо не обладают ни автор, не являющийся профессиональным журналистом, ни редакция СМИ, предоставляющая такому автору слово и публикующая заведомо провокативный по характеру текст, в котором факты подменяются оценочными суждениями одной направленности: на формирование «образа врага» в лице зоозащитников.

9. Не обнаруживая ни в начале, ни в конце оспоренной публикации маркера, позволяющего отделить позицию редакции от позиции автора, Коллегия принимает к сведению то обстоятельство, что в справочной колонке на первой странице каждого номера журнала «Охота и рыбалка. XXI век» обнаруживается, в том числе, следующее предупреждение: «Мнение редакторов может не совпадать с мнением авторов. Авторы публикаций несут ответственность за точность приводимых фактов, их оценку и за использование сведений, не подлежащих разглашению».

Дословно воспроизводя сказанное, Коллегия обращает внимание как на правовую, так и на медиаэтическую некорректность предлагаемого читателям прочтения ответственности за содержание публикации – исключаящего, по сути, понятия «ответственность главного редактора» и «ответственность редакции». Коллегия напоминает, что, согласно норме Закона РФ «О средствах массовой информации», именно (и только) главный редактор «несёт ответственность за выполнение требований, предъявляемых к деятельности средства массовой информации настоящим Законом и другими законодательными актами Российской Федерации».

Говоря о некорректности внеправовой, медиаэтической, Коллегия напоминает, что устойчивым профессиональным правилом, не прописанным ни в законах, ни в профессиональных стандартах, относящимся, скорее, к т. н. «добрым журналистским традициям», является выделение различного для читателя предупреждения *«Редакция может не разделять мнение автора публикации»* в прямой связке с тем текстом, который редакция полагает репутационно рискованным, способным вызвать у читателя сомнение в её нравственных ориентирах, к примеру. Коллегия считает, что только сама редакция вправе определить, ограничиться ли такого рода сноской или же дать (когда в этом обнаруживается острая необходимость) специальный комментарий, предлагающий читателю иную, собственно редакционную точку зрения на этически спорный текст – публикуемый, например, по причине его высокой социальной значимости, безусловного общественного интереса.

10. По совокупности приведённых оснований Коллегия находит появление оспоренной публикации грубой медиаэтической ошибкой редакции журнала «Охота и рыбалка».

11. Учитывая, что адресатом жалобы не подписано Соглашение о признании профессионально-этической юрисдикции Общественной Коллегии по жалобам на прессу, Коллегия освобождает заявителя от принятого им обязательства не использовать вынесенное решение Общественной коллегии для продолжения данного информационного спора в судебном, ином правовом или административном порядке.

12. Общественная коллегия просит:

– редакции журналов «Журналист» и «Информационное право» – опубликовать состоявшееся решение Общественной коллегии;

- факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, а также факультеты журналистики других вузов – обсудить состоявшееся решение Общественной коллегии со студентами, изучающими профессиональную этику;
- Комиссию Общественной палаты Российской Федерации по развитию информационного сообщества, СМИ и массовых коммуникаций – принять к сведению состоявшееся решение Общественной коллегии.

Настоящее решение принято консенсусом.

**Председательствующий,
Ю.В. Казаков**

Док. 10а

Мнение эксперта С.К. Шайхитдиновой о публикации «Под знаком зверя» в журнале «Охота и рыбалка»

Мнение резюмирует итоги проведённого исследования.

Эксперт-исследователь: Шайхитдинова Светлана Каимовна, профессор кафедры национальных и глобальных медиа Высшей школы журналистики и медиакоммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета, профессор, д. филос. н., к. филол. н. по специальности «журналистика»; стаж работы в практич. жур-ке – 6 лет, опыт производства экспертных заключений по конфликтным текстам массовой информации – с 1997 года.

Время и место проведения исследования: 9–13 марта 2020, г. Казань.

Лицо, назначившее проведение исследования: Юрий Венедиктович Казаков, сопредседатель Общественной коллегии по жалобам на прессу (г. Москва).

Материалы, предоставленные эксперту:

- обращение в Общественную коллегию по жалобам на прессу Светланы Александровны Зиберт;
- публикация Евгения Цигельницкого в журнале «Охота и рыбалка» [№ 1 (201), 2020] «Под знаком зверя», URL:
<https://www.ohotniki.ru/hunting/societys/societys/article/2020/02/13/655913-pod-znakom-zverya.html>.

Вопросы, поставленные перед экспертом:

- Содержатся ли в публикации «Под знаком зверя» (автор – Евгений Цигельницкий) в журнале «Охота и рыбалка» нарушения профессиональной этики журналиста?
- Если содержатся, то в каких фрагментах текста?

Методология исследования базируется на теории социальной ответственности СМИ. Использован метод дискурсивного анализа текстов массовой информации.

Характеристика объекта исследования

Публикация «Под знаком зверя» объёмом примерно в 3150 слов выполнена в жанре статьи с элементами фельетонного языка. Статья структурирована выделением пунктов. Материал воспринимается как убедительное, эмоционально окрашенное авторское речевое высказывание. В качестве иллюстраций использованы фото Ильи Липина, Дмитрия Щаницына, Антона Журавкова, снимавших действия охотников в пользу природы и животных, а также снимки порталов SHUTTERSTOCK («Коллекция фотографий,

иллюстраций, векторных изображений и видеороликов для коммерческого использования»), LANCE JOHNSON/FLICKR.COM (Flickr – фотохостинг, предназначенный для хранения и дальнейшего использования пользователем цифровых фотографий и видеороликов. Является одним из первых сервисов Web 2.0), ANTIFUR/FLICKR.COM (англоязычные сайты коалиции против использования натурального меха) и др. интернет-ресурсов (на снимках не конкретизировано).

Выводы исследования

Вывод 1

В публикации «Под знаком зверя» не соблюдается принцип объективности. Это прослеживается в том, как а) сформулирована проблема, вокруг которой выстраивается аналитический материал; б) представлена «другая сторона» выведенного в фокус зрения противоречия, в т. ч. потенциальные оппоненты автора; в) использованы образные средства выразительности.

Публикация «Под знаком зверя» выполнена автором, как показывает анализ, профессионально владеющим текстовыми способами воздействия на аудиторию. Продуманность целей и средств указывает на манипулятивный характер использованных речевых приёмов. Против «зоорадикализма» автор применяет «медиарадикализм».

Пояснение

а) Проблема, которой посвящена публикация, сформулирована в первом абзаце статьи: *«Зародившийся и растущий у нас на глазах отечественный зоорадикализм – это не милый ручной малыш, трогательно заботящийся о “братьях меньших”, а злобный, наглый, агрессивный и весьма опасный зверь, который, дай ему волю, не оставит шанса на жизнь ни людям, ни животным».*

Таким образом автор, используя ряд сильных по эмоциональному воздействию метафор, апокалиптических предсказаний (*«зверь... не оставит шанса на жизнь ни людям, ни животным»*), настраивает читателя на исключительную серьёзность проблемы, о которой он собирается говорить. Проблемы «зоорадикалов».

По ходу статьи проблема обретает подробности: *«Им можно всё: нападать на людей у выхода из здания суда, отнимать и воровать животных, громить зверофермы и виварии (после этого выпущенные животные 100-процентно погибают на воле), вламываться на частную территорию, лгать в эфире, никого не пускать в свои приюты (ни полицию, ни депутата), размещать человеконенавистнические призывы в Интернете...»*

Перед этим автор сообщает, что *«эти движения хорошо финансируются. Их активистов на лекциях и семинарах обучают приемам манипулирования общественным мнением. Их лидеры упорно и безуспешно ищут и находят связи с людьми, облечёнными властью по “месту жительства”».*

То есть, казалось бы, вот она, ключевая проблема данной статьи – под видом «любви к зверушкам» *«разумные, прагматичные и циничные люди»* из США реализуют одно из направлений гибридной войны – экспортируют *«зоорадикальные идеи и технологии по манипуляциям с сознанием».*

В последней трети статьи введена тема войны (Этот термин в публикации не используется, зато используются термин «враг», проводится аналогия с фашизмом, формируется установка на решительные действия: *«С ними нельзя заигрывать. Их нельзя поощрять. С них нужно спрашивать по закону и принимать закон, ограничивающий их активность».*)

Но зачем эта тема введена? Что такого серьёзного происходит в России под идеей «защиты зверушек»? Сам автор указывает: *«Сейчас их пока очень мало. Оглянитесь вокруг, поищите среди своих знакомых – их ещё даже не проценты, а доли процента от взрослого населения. И только громкий треск, высокая активность и организованность придают им видимость некоей силы».*

Никаких документальных фактов о «громком треске, высокой активности и организованности» российских зоорадикалов в статье не приведено. Некие устрашающие фотосвидетельства, сопровождающие публикацию, взяты из международных хостингов. Точные даты и географическое место уличных демонстраций и пр. фотоизображений не указаны, т. е. фактически носят анонимный характер. Цель такого рода фотоиллюстраций очевидна – вкуче с текстом устрашение аудитории образом «врага» (чего стоит первый снимок на тему «человеческого мяса» на торговой витрине).

В социологической литературе способы текстологического конструирования социальных проблем, способы депроблематизации темы, «перевода стрелок» и пр. хорошо изучены [См., к примеру: 6, 7].

В статье произведена вольная или невольная идеологизация темы отношения к животным: в фокусе внимания оказываются только политическая и криминальная стороны вопроса – пикеты, акции, нападения и т. д. – «зоорадикализм». Между тем общественное мнение отражается не только в «движении», «активизме», это ещё и просто мнение, которое может быть высказано в сети или выражено в личной позиции (как быть родителям, у которых ребёнок-подросток в пылу возрастной эмансипации объявил себя веганом, к примеру). Социальная база реальной проблемы, которая имеет масштаб общественной, широка, не может быть втиснута в рамки неких движений и обучающих семинаров.

Известная социальная проблема в современном российском обществе, о чём неоднократно говорилось и от имени журналистов, и от имени учёных-гуманитариев, – в росте агрессивности населения. По отношению ко всему живому, без выстраивания приоритетов. Возможно, такова «другая сторона» объективного противоречия. И если фото- и видеосвидетельства политического зоорадикализма у нас найти непросто, то акты жестокости, изуверства над людьми ли, над «братьями нашими меньшими» ли некоторые наши сограждане иногда снимают на камеру и вывешивают в сеть.

Таким образом, в статье «Под знаком зверя» произведено, с нашей точки зрения, замалчивание реально существующих социальных проблем на заданном тематическом направлении. В частности, проблемы жестокости, насилия и роста агрессии в обществе. Хотя именно эта проблема, как нам видится, лежит в основе возникающих, прежде всего, среди молодежи субкультурных ниш и личного поведенческого протеста. Пути разрешения проблемы – не столько в политическом активизме, если не сводить сложное противоречие к теме противостояния «их» и «нас», а в том числе – в этическом просвещении, в утверждении гуманитарных ценностей. В этической картине мира вопрос «приоритетности» – люди или животные – не стоит, это вопрос отношения к жизни как таковой. Этическое не оспаривает социальное. Логика абсурда – не на этом направлении. Не стоит в этой системе координат и вопрос о том, целесообразно ли помогать безнадёжному (есть у автора статьи такой сюжет). Приюты для животных – это, прежде всего, помощь не животным, а человеку в его попытке сохранить человеческое в себе. Таков один из ряда аспектов рассмотрения непростой темы, на которые автор публикации, не озаботившись принципом объективности, и не подумав обратить внимания.

б) «Другая сторона» выведенного в поле зрения противоречия в статье «Под знаком зверя» представлена крайне тенденциозно. Автор искусственно сталкивает интересы охотников и участников уличных акций, охотников и тех, кто против охоты, но в акциях не участвует. В российской медиасфере нет широко известных свидетельств того, что охоте, охотникам, охотоведческим хозяйствам, их политике что-то серьёзно угрожает с той стороны, которая в чёрном цвете представлена в статье Евгения Цигельницкого, кроме упомянутых им «войн с охотниками в Интернете на тему защиты животных». Обличая *«воинствующее невежество, игнорирование объективных законов нашего мира»*, автор публикации решает другую проблему: с помощью текстологических приёмов он производит «тотальную зачистку» социальной базы тех, кто как-то по-другому мыслит.

По первому пункту, где речь идёт о лозунгах «За гуманное обращение с животными!» и «За животных!», автором использован троллинг – скрытое высмеивание, издевательство, не имеющее ничего общего с журналистикой. А ведь это просто лозунги.

По второму и третьему пунктам, где речь о лозунге «Запретить цирки, зоопарки и выпустить всех животных, живущих в неволе» и пропаганде веганства, автор оппонирует неким зоорадикалам, очевидно, выловленным из сети. Фактически силами статьи в журнале происходит конструирование проблемы (описание столкновения интересов групп), которая – приходится только догадываться – до этого давала о себе знать исключительно в неких, не известных широкой общественности чатах.

Отдельный сюжет в статье – роль государства. Ему автор отводит запретительную функцию: *«С них (зоорадикалов – С.Ш.) нужно спрашивать по закону и принимать закон, ограничивающий их активность».*

И оспаривает такую функцию государства, как ведущая роль в социальной политике. Такой взгляд не характерен для широкой общественности, он, скорее, типичен для деловых кругов: *«Почему государство должно перечислять совершенно фантастические суммы на нужды приютов, где по новому закону содержат собак пожизненно? В сети несложно найти данные о госзакупках на “услуги по регулированию численности безнадзорных животных” двух больших приютов – в Московской области и Нижнем Новгороде – и убедиться, что они за последние полтора-два года “освоили” средства, которых хватило бы на годовую выплату почти миллиона пенсий (если считать по средней ставке 14 100 по РФ). Да пусть строят (и содержат!) сколько смогут, но на внебюджетные источники, как во всём мире!»*

Сравнение стоимости содержания приютов для животных и пенсионных выплат некорректно, относится к манипулятивным способам воздействия на аудиторию.

в) Образные средства выразительности – метафоры, гиперболы, ассоциативный ряд – не оставляют ни шанса на реальный диалог с оппонентами, кем бы они ни были. Параллель с гитлеровской Германией, с Гитлером завершает образ опасного «врага». Наряду с эмоциональной агрессией языка, важным приёмом манипулятивного формирования общественного мнения, как было показано выше, является логическая подмена тезисов в формулировке проблемы и изложении аргументации. Стиль автора оспоренной публикации можно характеризовать как «медиарадикализм», противоречащий нормам профессиональной этики журналиста.

Вывод 2

Несмотря на то, что статья «Под знаком зверя» отмечена в жалобе заявителя как опубликованная в журнале «Охота и рыбалка», она доступна массовому потребителю на сайте «Охотники.ру». По стилю написания она также рассчитана не на узкую целевую аудиторию, а на массовую. В этой связи требование общезначимости представления проблемы и объективности её раскрытия остаётся актуальным.

В статье «Под знаком зверя» нарушена норма профессиональной этики, настраивающая журналиста на то, что *«...Он прилагает все силы к тому, чтобы избежать нанесения ущерба кому бы то ни было её неполнотой или неточностью, намеренным сокрытием общественно значимой информации <...>. Журналист обязан чётко проводить в своих сообщениях различие между фактами, о которых рассказывает, и тем, что составляет мнения, версии или предположения»* [3].

Список использованной литературы и источников

1. Абдрахманова М.А. Проблема медианасилия в текстах СМИ. Канд. дисс. – Казань, 2018.
2. Баранов В.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. – М., 2009.
3. Кодекс профессиональной этики российского журналиста // URL: <http://docs.cntd.ru/document/901854413>.

4. Марзан М.А. Проблема медианасилия в языке СМИ // URL:
http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/47909/1/journ_staff_2017_067.pdf.
5. Профессиональная этика журналиста: Документы и справочные материалы / Под ред. Ю.В. Казакова. – М., 2004.
6. Социальные проблемы: конструкционистское прочтение: Хрестоматия. Сост. И.Г. Ясавеев. – Казань, 2007.
7. Средства массовой коммуникации и социальные проблемы: Хрестоматия. Сост. И. Г. Ясавеев. – Казань, 2000.

РЕШЕНИЕ

«О жалобах Прудниковой Ирины Анатольевны, Мукмановой Тамары Владимировны, Шлотской Елены Анатольевны, Жигит Ольги Валентиновны, Андина Александра Николаевича на специальный репортаж “Деньги в клетке”, вышедший в эфир на телеканале “Россия 24”. (Автор – Ольга Курлаева, дата публикации – 22.02.2020 г., адрес в сет Интернет: <https://www.youtube.com/watch?v=43XPK8XYmog&feature=youtu.be>)».

г. Москва, 16 апреля 2020 г.

№ 209

На 209-м заседании Общественной коллегии по жалобам на прессу ad hoc коллегия в составе Юрия Казакова (председательствующий, сопредседатель Общественной коллегии по жалобам на прессу), членов **Палаты медиасообщества** Евгения Абова, Галины Араповой, Ольги Кравцовой, Леонида Никитинского, Владимира Познера, Юрия Пургина, членов **Палаты медиааудитории** Татьяны Андреевой, Евгения Гонтмахера, Владимира Ряховского, Ильи Шаблинского рассмотрела обращения Прудниковой Ирины Анатольевны, Мукмановой Тамары Владимировны, Шлотской Елены Анатольевны, Жигит Ольги Валентиновны, Андина Александра Николаевича в связи с выходом в эфир на телеканале «Россия 24» специального репортажа «Деньги в клетке» (Автор – Ольга Курлаева, дата публикации – 22.02.2020 г., адрес в сети Интернет: <https://www.youtube.com/watch?v=43XPK8XYmog&feature=youtu.be>).

Вопросы процедуры. Заявители, Прудникова Ирина Анатольевна, Мукманова Тамара Владимировна, Шлотская Елена Анатольевна, Жигит Ольга Валентиновна, Андин Александр Николаевич, подписали Соглашение о признании профессионально-этической юрисдикции Общественной коллегии по жалобам на прессу, приняв на себя тем самым обязательство не использовать решение Общественной коллегии по данному информационному спору для его продолжения в судебном, ином правовом или административном порядке. Адресат жалобы, телеканал «Россия 24», на информационное письмо Коллегии (адресаты письма: главный редактор телеканала «Россия 24» Е. В. Бекасов и генеральный директор ВГТРК О. Б. Добродеев) о принятии жалобы к рассмотрению не ответил, отношения к претензиям заявителя не выразил, от предложения принять участие в рассмотрении жалобы уклонился.

По договорённости заявителей, в основу рассмотрения жалоб Коллегией было положено обращение **Ирины Анатольевны Прудниковой**.

На заседании Коллегии заявители были представлены **Тамарой Владимировной Мукмановой** и **Ольгой Викторовной Белоносковой**, доверенным лицом И.А. Прудниковой. **Позиция заявителя** при обращении в Коллегию была сформулирована следующим образом: «22 февраля 2020 года на канале “Россия 24” вышел сюжет Ольги Курлаевой “Деньги в клетке”, в котором была затронута тема парка “Тайган” и его создателя Олега Зубкова. Информация, изложенная в репортаже, – заведомо ложная и не соответствует действительности. Были использованы недостоверные комментарии заинтересованной в очернении О.А. Зубкова стороны, а слова независимых специалистов вырваны из контекста. Весь репортаж пропитан незаслуженным негативом к создателю Парка львов “Тайган”. Журналист Курлаева не посчитала нужным изучить вопрос досконально. Судебные делопроизводства, о которых упоминалось в сюжете, выиграны Олегом Алексеевичем Зубковым, его невиновность доказана в суде.

– То, что вакцинации нет, многократно опровергал известный ветеринар с 27-летним стажем, доктор К. Даллакян (<https://youtu.be/jMOWedIoXUY?t=46>), который осенью 2019 года

провёл проверку всей ветеринарной документации “Тайгана” (<https://youtu.be/jMOwedIoXUY?t=379>). Более того, в конце ноября доктор лично провёл в парке “Тайган” вакцинацию, поскольку обслуживающие “Тайган” ветеринарные организации за день до окончания срока вакцинации отказались выполнять свои обязательства, работая тем самым на рейдерский захват (<https://youtu.be/ilb2lZDMPYw?t=1413>).

– То, что в парке не ведётся учёт животных, – ложь, поскольку для учёта животных есть паспорта, а также другие удостоверяющие документы (<https://youtu.be/jMOwedIoXUY?t=1263>), протоколы вакцинирования также являются учётом (<https://youtu.be/jMOwedIoXUY?t=453>).

– Касательно чипирования в выводах комиссии Общественной Палаты РФ сказано: «Неправомерными и безграмотными являются требования о чипировании *хищников* на основании ещё не принятого закона “О чипировании *домашних* животных”» (<https://youtu.be/huxacbPg0vU?t=552>)”.

– Ветеринарное обслуживание в “Тайгане” гораздо мощнее, чем при наличии обычного штатного ветеринара, поскольку до декабря 2019 года были договоры на обслуживание с одной государственной и одной частной ветеринарной организацией (<https://youtu.be/jMOwedIoXUY?t=533>), а также договор с лабораторией Россельхознадзора (<https://youtu.be/jMOwedIoXUY?t=879>) и договоры со службами, которые проводят дезинфекцию, дератизацию и дезинсекцию (<https://youtu.be/jMOwedIoXUY?t=999>). Поскольку две первые организации в одностороннем порядке отказались выполнять свои обязанности, а госорганизация при этом даже нарушила закон (<https://youtu.be/ilb2lZDMPYw?t=1413>), им в ближайшее время будет найдена замена.

– То, что О. Зубков проигрывает все суды, – грубая ложь. Даже в условиях явного давления со стороны высших чинов Крыма на судебную власть О. Зубков прошёл через 6 уголовных дел и почему-то на свободе, из многочисленных примеров выигранных судов можно привести касающееся безопасности в парке «Дело о мальчике» (https://youtu.be/1r_f5DzBBJ8?t=1113) и дело, по которому ветеринар Тушина безуспешно хотела закрыть “Тайган” на 90 дней (http://olegzubkov.blogspot.com/2019/12/blog-post_708).

– О рейдерском захвате сказано в выводах комиссии Общественной Палаты РФ: “В настоящее время по отношению к хозяину парка <...> местной администрацией, ветеринарными службами Республики Крым и контролирующими органами проводятся действия, соответствующие подготовке к рейдерскому захвату; <...> прослеживается явно заказной характер, сведение личных счётов” (<https://youtu.be/huxacbPg0vU?t=327>). Прямо говорит о рейдерском захвате председатель Антикоррупционной комиссии Ю.Р. Мансуров (<https://youtu.be/dPDYYXV71ac?t=239>). В январе 2020 года Министерством экономического развития РФ была дана положительная оценка деятельности О.А. Зубкова. Выездная Антикоррупционная комиссия также не нашла нарушений в работе парка “Тайган”, но выявила нарушения деятельности, абсурдность претензий и предвзятость со стороны главного ветеринара Крыма Иванова и его подчинённой Оксаны Тушиной. Олега Алексеевича Зубкова поддерживают сотни тысяч граждан РФ, а также ближнего и дальнего зарубежья.

<...> Своим лживым репортажем О. Курлаева разожгла негативное отношение не только к каналу “Россия 24”, но и к российским СМИ в целом. <...> Считаю, что такие личности, как О. Курлаева, позорят честное имя российского журналиста. Вызывает вопросы профессионализм и ответственность редактора канала “Россия 24”, который считает возможным выпускать в эфир подобные репортажи».

Позиция адресата жалобы, руководства телеканала «Россия 24» и ВГТРК, осталась Коллегии неизвестной.

Обстоятельства, установленные в ходе заседания Коллегии. Заявитель Тамара Владимировна Мукманова и Ольга Викторовна Белоносова, доверенное лицо заявителя

И.А. Прудниковой, отсутствовавшей на заседании по болезни, полагают, что проблемы оспоренного материала связаны не с ошибками или упущениями автора, не имевшего возможности уточнить или перепроверить факты, а с односторонностью позиции Ольги Курлаевой, с тенденциозностью заложенного в специальный репортаж подхода.

Заметив, что Ольга Курлаева – «человек для Крыма не посторонний», Тамара Мукманова выразила убеждение в том, что автор репортажа прекрасно знала, что такое парк «Тайган» и кто такой Олег Зубков. И что у неё была не одна возможность взять интервью у самого Олега Зубкова, но возможностью такой она попросту не воспользовалась: «Её съёмочная группа присутствовала на первой развёрнутой пресс-конференции, которую Зубков проводил 29 ноября прошлого года в парке “Тайган”. На той пресс-конференции, которая длилась больше 2 часов, Олег Зубков представил все документы. С ними можно было ознакомиться, подержать в руках и сфотографировать их, задать все вопросы, которые были бы значимы для уточнения информации. В пресс-конференции участвовал ветеринарный врач Карен Даллакян, специалист с 30-летним опытом, и ему тоже можно было задать вопрос». Заявитель уточнила, что съёмочная группа Курлаевой после пресс-конференции взяла интервью у Олега Зубкова и что возможность уточнить всё необходимое появлялась у О. Курлаевой не раз и позже. Следующая развёрнутая пресс-конференция Зубкова в парке «Тайган» прошла 23 декабря, а также состоялись две большие пресс-конференции в Москве (16 декабря 2019 г.) и в Санкт-Петербурге (27 декабря 2019 г.).

Т. В. Мукманова и О. В. Белоносова подробно остановились на тех эпизодах специального репортажа, где о владельце парка и о его позиции высказываются официальные лица: Даниил Стадник, прокурор Белогорского района Республики Крым; Оксана Тушина, главный государственный ветеринарный инспектор Республики Крым; Валерий Иванов, председатель Государственного комитета ветеринарии Республики Крым. Предельно сокращая сказанное (того уголовного дела, о котором Д. Стадник говорит на камеру как о заведённом, нет на сайте прокуратуры Республики; «страшные» нарушения в парке «Тайган», о которых говорила на камеру О. Тушина, не выдержали испытания судами, прошедшими 23 ноября и 3 февраля; «два суда доказали, что на экран вышли ложь и настоящая клевета»), Коллегия полагает полезным пересказ реакции заявителей на обвинения владельцу парка «Тайган», высказанные на камеру О. Курлаевой Валерием Ивановым. Определив требование чипирования хищников «незаконным» – с отсылкой к соответствующему российскому правовому акту – и сообщив, что документы о вакцинации детёнышей львов и тигров, об отсутствии которых говорил В. Иванов, были показаны О. Зубковым на пресс-конференции за месяцы до выхода оспоренного материала, заявители выделили из прочих резонансную тему специального репортажа: предъявленное В. Ивановым владельцу «Тайгана» обвинение в готовности умертвить – якобы по мотивам конфликта с ветеринарами – 30 медведей. *(В интервью О. Курлаевой В. Иванов, говоря о «неидентифицированных и невакцинированных» лъвях и тигрятах 2019 года рождения, заявляет дословно: «Мы говорим: дайте нам акт. Он говорит: да вы что? Ветеринары что-то необычное от меня требуют. Я лучше знаете что... – угроза у меня сильно большая – я лучше отстрелю 30 медведей. Взрослых и здоровых», – Коллегия.)* Возвращая морально аномальную историю с медведями в информационное русло, заявители рассказали, что тема эвтаназии медведей возникла в ситуации, когда из-за нарастающего числа претензий ветеринаров возникла угроза закрытия парка «Тайган». По словам Тамары Мукмановой, «Олег Зубков не раз говорил, что всё идет к тому, что парк будет закрыт. И вряд ли, если он будет закрыт месяц, два, три, он откроется. И вот, когда уже дело шло к решению судов, он в первый раз заговорил о том, что если парк будет закрыт (а это частный парк, поступления в его бюджет происходят исключительно от продажи билетов), то однажды окажется, что животных будет нечем кормить. В этом случае, по словам Зубкова, он будет вынужден подвергнуть оптимизации наименее ценные экземпляры своей коллекции зверей. Медведи – наименее ценная часть коллекции, в которой находятся около 50 львов, более 40 амурских

и бенгальских тигров, а ещё ягуары, леопарды, пумы, рыси: это всё дикие животные, которых нужно кормить мясом, а не травкой. Львам не объяснишь, что денег нет и мяса нет. Да ведь и 40 медведей тоже нужно кормить. И Зубков объявил, что будет вынужден подвергнуть эвтаназии большую часть медведей, где-то порядка 30 особей, потому что ему придётся выбирать: сохранять наиболее ценных животных или наименее ценных. При этом он предложил безвозмездно, бесплатно передать животных тому, кто захочет их взять».

«Фрагмент записанного Зубковым ролика, в котором объяснялась причина, по которой он будет вынужден, если что, отстрелить 30 медведей, есть в материале О. Курлаевой. («Деньги в клетке», 4.50. В кадре – Олег Зубков, спиной к вольеру: «Медведи – это самые малоценные животные в моей коллекции. И мне ничего не останется делать, как произвести эвтаназию, если у меня не будет средств для их содержания». Подводка к кадру с Зубковым: «Проверки зоопарков идут по всей стране. Некоторые предприниматели, понимая, что бизнес станет убыточным, ещё осенью начали избавляться от животных. Кто-то пристраивал в добрые руки. Кто-то раздавал по питомникам. А кто-то предлагал просто умертвить животных», – Коллегия.) Вставляя в репортаж интервью с Ивановым, она знала чётко, по какой причине Зубков мог бы это сделать. Как знала и то, что Олег Зубков сказал: “До последнего мы не будем никаких действий производить с медведями, потому что это элементарно негуманно”».

Реагируя на обвинения Зубкову в оспоренном материале, заявители говорили о фактических ошибках автора в представлении телезрителю ЧП, связанных с конкретными людьми. О причинах смерти Максима Яковлева: «Дело было закрыто за отсутствием состава преступления по отношению к Олегу Зубкову. Никакие следователи не доказывали, что на Максима Яковлева напал лев». О травмированном мальчике: «Зубков предлагал компенсацию, но разумную. Так как мама не согласилась, Зубков обратился в суд. Дело было закрыто, но тем не менее в репортаже показан этот мальчик, и что Зубков – просто чудовище». По «делу» действительно избитого Зубковым сотрудника парка Эмиралы: «Ольга Курлаева произносит такие слова: “Олег Зубков заподозрил Эмиралы в угоне автомобиля”. Из материалов дела, из решения суда, который состоялся по этому делу, видно, что никто не был “заподозрен” в угоне автомобиля, угон просто был».

По словам заявителей, материал О. Курлаевой в целом оказался репортажем «из прошлого века», поскольку за месяц до его выхода ситуация с парком «Тайган» радикально изменилась. О. Мукманова: «20 января 2020 года состоялась встреча Зубкова, Минэкономразвития, властей Крыма, в том числе и Иванова, в Москве, где они подписали дорожную карту, как это всё будет решаться. При этом из 14 пунктов, которые Крым представлял как те, в которых не прав Зубков, в Минэкономразвития устояли только 3 пункта: завести журналы и узаконить 117 видов животных». По мнению заявителей, специальный репортаж, вышедший в эфир 22 февраля, «дискредитирует и парк, и решение Минэкономразвития, и решение властей Крыма, которые встали на сторону Зубкова».

Отвечая на вопрос о том, соответствует ли хоть что-то в материале О. Курлаевой действительности, Ольга Белоносова заявила, что во всём специальном репортаже «было 38 секунд правды, где читали биографию Зубкова, но и там автор ошиблась в названии института, который он закончил». (В материале: «выпускник Киевского военно-морского политехнического училища». По справке Википедии: «окончил Киевское высшее военно-морское политическое училище», – Коллегия.)

Отвечая на вопрос, не усугубила ли публикация материала О. Курлаевой ситуацию с парком, не она ли привела к его закрытию, Тамара Мукманова пояснила, что первое закрытие парка (3 декабря 2019 г.) было продлено затем по следующему судебному решению. «В связи с договорённостью с Минэкономразвития Зубков решил не открывать парк до устранения всех претензий, которые были к нему, иначе бы он опять нарвался на штрафы и на

суды». Заявители напомнили, что Зубков, постоянно находившийся под давлением чиновников, был вынужден пройти более чем через 500 судов в общей сложности.

На вопрос, что это за феномен гражданской солидарности, если принять во внимание, что в поддержку Олега Зубкова выступают, в том числе, тысячи тех, кто никогда не бывал ни в Крыму, ни тем более в «Тайгане», Тамара Мукманова предположила, что большое число людей знает «Тайган» по роликам Татьяны Алексагиной, пресс-секретаря парка «Тайган», и по паре каналов о «Тайгане»: «Достаточно большая часть аудитории – пожилые люди, которые никогда не приедут в “Тайган”, они смотрят репортажи из “Тайгана” как сериал. И в какой-то степени это поддерживает их интерес к жизни. Те, кто был в “Тайгане”, тем более встанут на его защиту. Всё это люди, которые искренне любят животных. А за Зубковым – почему ещё его так защищают – стоит более 3 тысяч животных». Тамара Мукманова напомнила о реакции на ролик с репортажем О. Курлаевой на YouTube (281 лайк «за» и 3700 лайков «против»). А Ольга Белоносова предположила, что «люди встали за Зубкова», потому что «увидели несправедливость в том, как чиновники гнобят и эту жемчужину Крыма, и честных, порядочных людей».

Заявители обратили внимание на два важных момента, связанных с общей ситуацией с парком «Тайган». Первое: речь действительно шла о попытке рейдерского захвата этого «предприятия» местными чиновниками, годами заваливавшими Зубкова огромными штрафами.

Второе: при том, что ситуация выглядит радикально меняющейся, успокаиваться всем тем, кто обеспокоен судьбой «Тайгана», рано. Тамара Мукманова: «“Тайган” – это самый большой питомник хищников не только в России, но и в Европе. Хищники там прекрасно размножаются, рождаются львята, тигрята, медвежата. У “Тайгана” 20 га саванны, в которую выпускают львов в сезон, и они там живут своей жизнью. Над саванной проложены мостки, по которым можно ходить и смотреть на жизнь львов. Сейчас туда добавляется 50 га земли, договорённость о которой достигнута с Минэкономразвития. В “Тайгане” есть прекрасная вертолётная площадка, львы привыкли, что в саванну заезжает транспорт – маленькие автомобильчики. Всё перечисленное замечательно подходит для вольерной охоты. К сожалению, мы вынуждены об этом упомянуть, поскольку буквально два месяца назад в срочном порядке был принят закон “О вольерной охоте”, о том, что разрешается отстреливать практически в упор различных хищников. Тигры и львы в “Тайгане” социализированы, они не боятся людей, никогда не будут от них убегать. Это наше предположение о том, почему изменяется ситуация с “Тайганом”».

Члены ad hoc коллегии на этапе подготовки заседания были ознакомлены с результатами исследования оспоренной публикации (мнением эксперта) д. филос. н., проф. **Шайхитдиновой Светланы Каимовны**.

С учётом всего изложенного Общественная коллегия приняла следующее решение.

РЕШЕНИЕ

1. Коллегия не считает правильным, профессионально обоснованным уклонение руководства телеканала «Россия 24» и автора материала «Деньги в клетке» О. Курлаевой от участия в рассмотрении настоящего информационного спора с выраженной профессионально-этической составляющей.

Коллегия сожалеет об упущенной адресатом обращений возможности ответить на критику граждан, доведённую до сведения руководства телеканала «Россия 24» и ВГТРК, а также на развёрнутые претензии к телевизионной публикации, прозвучавшие на заседании

в связи с предполагаемыми нарушениями профессионально-этических стандартов автором репортажа и нарушениями основ медиаэтики редакцией, выпустившей оспоренный материал в эфир.

2. Коллегия, как и во всех прежних случаях рассмотрения информационных споров, не проводит самостоятельного исследования фактов, содержащихся в материалах, т. е. связанных, в данном случае, с парком «Тайган», условиями содержания в нём диких животных и пр. Оставаясь в пределах своей уставной компетенции, Коллегия оценивает обоснованность претензий, предъявленных заявителями к специальному репортажу «Деньги в клетке» и его автору, профессиональному тележурналисту О. Курлаевой.

3. Коллегия принимает к сведению информацию заявителей о фактических ошибках, содержащихся в специальном репортаже «Деньги в клетке», и соглашается с заявителем в том, что рассматриваемая публикация не может считаться добросовестной журналистской в силу безусловной предвзятости, тенденциозности её автора. Коллегия находит подход, заложенный автором в основание сбора, построения, подачи материала имитирующим журналистское расследование, но нарушающим как основы данного жанра, так и нормативные представления о профессиональной этике журналиста.

4. Коллегия полагает полезным воспроизвести в настоящей части решения следующие выводы своего эксперта, проф. **С. К. Шайхитдиновой**.

«В телевизионном “специальном репортаже” Ольги Курлаевой “Деньги в клетке” нарушен профессионально-этический принцип объективности журналиста. Обнаружены манипулятивные способы управления вниманием и пониманием аудитории в угоду заданной авторской концепции сюжета. Игнорирование принципа объективности выражено в том, что:

– *нарушено требование непредвзятого отношения к герою.* Главный персонаж оспоренного материала Олег Алексевич Зубков в угоду тенденциозной концепции (“Деньги в клетке”) представлен исключительно как делец, извлекающий из своих животных прибыль и не гнушающийся никакими средствами для достижения этой цели, вплоть до подвергания опасности посетителей парка и своего персонала. Корреспондент ТК «Россия 24» конструирует негативный образ героя, исключая всё, что может быть свойственно живому человеку – другую, не связанную с прибылью мотивацию, психологические реакции, эмоции, – хотя он постоянно демонстрирует это в общении и говорит об этом. С помощью сопутствующего видеоряда изменён реальный контекст высказываний героя на камеру, что придало этим высказываниям заданный корреспондентом негативный смысл.

– *нарушено требование репортажной документальности.* Несмотря на проблемность, неоднозначность репортажной ситуации, трактовка этой ситуации представлена как не подлежащая сомнению. Под заданную в сюжете концепцию “подтягиваются” все без исключения сведения, собранные корреспондентом. С помощью монтажа и авторского голоса за кадром обеспечивается заданная автором смысловая связь эпизодов (свидетельств персонажей, высказываний специалистов, репортажных съёмок и т. п.), которые лежат на разных проблемно-тематических направлениях.

– *нарушено требование соответствия правды факта правде контекста.* Корреспондент Ольга Курлаева полностью проигнорировала характер актуальной ситуации, в которой оказался белогорский парк “Тайган” и его владелец Олег Зубков.

Судя по тому, как автор сюжета подобрала ряд персонажей, косвенно или напрямую обвиняющих главного героя, можно заключить, что ею изучены и фабулы уголовных дел, заведенных на руководителя “Тайгана”, и перечень обвинительных заключений, официальных актов от органов местной власти. В этой связи вызывает сомнение, что корреспондент не знакомилась с материалами, представляющими точку зрения другой стороны конфликта – сторонников Зубкова, представителей независимых экспертов и организаций.

Эти материалы находятся в открытом доступе в Интернете. Все они увидели свет в ноябре-декабре минувшего года, то есть во время подготовки репортажа они находились практически на слуху. Именно они выявляют ситуацию, в которой приходится действовать руководителю парка, они придают смысл его высказываниям. Однако корреспондент Ольга Курлаева никоим образом их не использует.

– *в материале представлена позиция только одной из сторон конфликта – действующей власти Крыма.* Корреспондент устами представителей местных надзорных органов, ветврачей транслирует бюрократические предписания как истину в последней инстанции, не пытаясь разобраться, как их выполнение осуществить на практике, а также не задаваясь вопросом, как вести предприятие, будучи “удушенным” постоянными проверками и мелочным контролем. Однобокость, тенденциозность освещения темы проявляется в том, какая проблема находится в фокусе зрения автора. Проблема, которую поднимает Ольга Курлаева, обусловлена личностью Олега Зубкова, не привыкшего, по идее автора, работать в правовом поле России, а на самом деле – не привыкшего к бессмысленному бюрократическому надзору. <...> Автор не задаётся вопросом, как вписать в жёсткие бюрократические требования такие проекты, как парк Зубкова.

– В репортаже произведено сливание в одну двух различных по смыслу тем – безопасности людей и обращения с животными. *Эмоциональное воздействие на аудиторию* в репортаже осуществляется путём включения в сюжет историй людей, пострадавших от хищников конкретно в парке “Тайган”. Очевидно, что работодатель и поставщик услуг несёт оговорённую в законе ответственность. Степень его вины определяется судом. В случае если такого рода факты становятся “реперными точками” телевизионного сюжета, у них, однако, обнаруживается другая функция: эмоциональный негатив проецируется на образ главного героя.

За годы работы среди миллионов посетивших зоопарк и среди обслуживающего персонала, как на любом предприятии, найдутся дела с пострадавшими – в данном случае от укусов хищников. Их истории, рассказанные ими же, и составляют эмоциональный каркас репортажа, формирующий негативный образ владельца парка. <...> В течение первых, поэтому особо важных восьми минут репортажа сконструирован образ героя, который не дружит с российским законом, не соблюдает инструкции и поэтому подвергает опасности здоровье, жизни российских посетителей парка, сожалеет о юрисдикции Украины, вывел активы в Португалию, хотел бы постоянно извлекать прибыль из своих питомцев и если этого не будет происходить, готов их умертвить. <...> Между тем, руководитель парка говорил о медведях совсем в другом смысле – в связи с неподъёмными штрафами, которые накладывает на него местная ветслужба из-за невыполнения её предписаний о чипировании (на самом деле этот вопрос требует отдельного рассмотрения, Зубков здесь ничего не нарушает). Речь идёт о том, что у него в этом случае не хватит средств содержать весь парк. То есть корреспондент производит смысловую подмену.

Между тем, общественно-значимая проблема связана с тем, как сохранить и приумножить достижения такого рода парков, как “Тайган”, как распространить его опыт гуманного и в то же время эффективного обращения с животными. Вместо этого зрителю представлена скандальная история с криминальным уклоном, в которой людям угрожают звери, а зверям – люди».

Подводя итог исследования текста «специального репортажа», проф. С.К. Шайхитдинова сочла установленными нарушения его автором следующих требований профессиональной этики: *полноты, непредвзятости предоставляемой информации, учёта существующих мнений по высказанному вопросу, достоверности сообщений и справедливости суждений, уважения чести и достоинства героев публикаций, презумпции невиновности, профессиональной честности журналиста.*

5. Коллегия разделяет основной вывод исследования С.К. Шайхитдиновой – репортаж Ольги Курлаевой «Деньги в клетке» на телеканале «Россия 24» *представляет корпоративные*

интересы, вступающие в противоречие с общественным благом (с общественным интересом), – и полагает полезным дополнить сказанное следующими выводами.

6. Коллегия определённо не обманывается характером факта неоднократного на протяжении сюжета предоставления в материале слова самому О.А. Зубкову, не засчитывая появления последнего на экране как профессиональное требование *предоставления слова другой стороне*.

Коллегия обращает внимание на то, что слово «герою» (определённо – в кавычках) телепубликации, обозначенной как «специальный репортаж», даётся только и исключительно в тех случаях, когда автору материала нужно вставить в нужную строку «правильное» лыко: подтвердить сетования «героя» по части отличия российских порядков в Крыму от лучших времён – украинских, например. Или заложить в сознание зрителей признание о выводе «героем» активов за рубеж. Не продолжая перечислений: Коллегия констатирует, что ни по одной из действительно конфликтных коллизий, связанных с обвинениями, предъявляемыми «герою» публично – через камеру съёмочной группы, с прямой подачей интервьюера О. Курлаевой в том числе, – к самому О.А. Зубкову автор спецрепортажа, вероятнее всего, не обращалась. Вариант «обращалась, но не представила в материале ни одного из ответов по поводу сказанного заглазно» обнаружился бы наихудшим из возможных.

7. Очевидная предвзятость автора публикации, вызывающая сомнение в профессиональной честности или даже профпригодности несомненно опытного, судя по биографии, тележурналиста (попадание в сюжет заведомо ложного обвинения В. Иванова, оставление без внимания самого факта сотен судебных дел, через которые пришлось пройти О. Зубкову, заведомая неготовность автора задаваться вопросом о том, что именно бизнесу мешает жить и развиваться при нынешних, российских порядках и т. д.), даёт Коллегии основание задаться вопросом: *а с журналистикой ли в данном случае телезрители имели дело?*

8. Обращаясь к нормам *медиаэтики* и в этой связи – к *Хартии телерадиовещателей*, под которой стоит подпись ВГТРК, Коллегия утверждает, что авторами и распространителями специального репортажа «Деньги в клетке» были грубо нарушены положения, считающиеся ключевыми для данного документа, начиная с его Преамбулы: «Мы, российские телерадиовещатели, *понимая* особую миссию телевидения и радио в обеспечении права каждого гражданина на свободу выражения мысли и права общества на полноту информации; <...> *соглашаясь*, что результат исполнения профессионального долга зависит не только от совершенства законодательной базы, регулирующей отношения телерадиовещателей, властных структур и общества, но и от норм журналистской этики, диктующих правила самоограничения и устанавливающих грань дозволенного в публичном распространении материалов, способных нанести вред нравственному, физическому и психическому здоровью людей, *обязуемся* добровольно и неукоснительно следовать следующим правилам и нормам поведения в своей профессиональной деятельности».

Подкрепляя ссылкой на профессиональную норму своё отношение к оспоренному тексту, Коллегия считает необходимым воспроизвести в данном решении первый раздел *Хартии ТРВ («Достоверность информации»)*, утверждая, что нарушенными в рассматриваемом случае оказались все без исключения его положения. Вот эти положения:

– *Проведение чётких различий между сообщениями о фактах, комментариями и предположениями во избежание их отождествления.*

– *Незамедлительное исправление допущенных в сообщениях ошибок и неточностей в такой форме, чтобы телезрители и радиослушатели имели полную возможность его заметить.*

– *Во всех случаях критика и ответ на критику должны быть переданы во взаимосочетании и в одинаковой форме.*

– *Публиковать информацию, полученную только из надёжных источников. В случае возникновения сомнений в её достоверности делать необходимые оговорки.*

9. Не перечисляя всех несовпадений установок текста материала «Деньги в клетке» с нормативными положениями Хартии телерадиовещателей (а в их числе такие, например, как «Соблюдение объективности и особой тщательности при распространении сведений о возбуждённых, расследуемых и разрешаемых судом уголовных делах» или же «Стремление к качественно равному изложению позиций обвинения и защиты всех участвующих в деле лиц»), Коллегия отступает от традиции неразглашения сказанного в закрытой части заседания. Коллегия воспроизводит следующее оценочное суждение одного из членов *ad hoc* коллегии: «То, что мы увидели, услышали и прочитали, – вещь позорная. С журналистской точки зрения это абсолютно недобросовестный, тенденциозный репортаж. Детали – вещь важная, но если смотреть в целом, то это (*оспоренный сюжет*, – Коллегия) абсолютно недопустимая вещь, не имеющая к журналистике никакого отношения. Журналистика должна давать своему читателю, слушателю, зрителю полную и объективную информацию, позволяя потребителю этой информации сделать свои собственные выводы, а не вбивая ему каким-то образом в голову что-то, как это происходит в данном случае. Лично у меня такой репортаж вызывает отторжение, отвращение и возмущение».

10. Разделяя вывод коллеги, высокого профессионала, о том, что оспоренный «спецрепортаж» *не имеет к журналистике никакого отношения*, Коллегия относит текст, легший в основание информационного спора, к той категории публикаций, которая на протяжении ряда лет обозначается ею как *пропаганда с элементами «языка вражды»*.

Вот признаки этого «спецжанра», которые Коллегия считает для данного материала определяющими, позволяющими отнести его именно к пропагандистским, а не к представляющим пусть ущербную, как бы не вполне доброкачественную, но именно журналистику:

– *«объектное» отношение субъекта пропаганды к конкретному человеку, социальной группе, обществу в целом;*

– *целенаправленное сведение многомерного к двумерному, многоцветного – к чёрно-белому, сужение поля личного морального выбора и ответственности за выбор;*

– *наличие чёткой, подлежащей реализации цели как ожидаемого итога воздействия медиа на «объект» – с определённым изменением (или поддержанием) «картины мира» в его сознании, в идеале – с переведением навязанных представлений в поступок и образ действий;*

– *целевой, работающий на жёсткий «сценарий» отбор фактов, активное обращение к дезинформации, манипулирование фактами, статистическими данными, мнениями, включая экспертные, или сдвиг акцентов там, где прямая дезинформация представляется невозможной;*

– *действие в логике «Цель оправдывает средства», использование средств и методов, сплошь и рядом несовместимых с такими ценностями, как честность, правдивость и т. д.*

– *обнаружение, создание или дорисовка «образа врага», внесение в массовое сознание и поддержание в нём разделения на «мы» и «они»;*

– *работа «под прикрытием журналистики», стремление играть роль первичного источника новостей;*

– *фабрикация признаков надёжности, в том числе источников информации.*

11. Учитывая, что адресатом жалобы не подписано Соглашение о признании профессионально-этической юрисдикции Общественной Коллегии по жалобам на прессу, Коллегия освобождает заявителя от принятого им обязательства не использовать вынесенное решение Общественной коллегии для продолжения данного информационного спора в судебном, ином правовом или административном порядке.

12. Общественная коллегия просит:

- редакции журналов «Журналист» и «Информационное право» – опубликовать состоявшееся решение Общественной коллегии;
- факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, а также факультеты журналистики других вузов – обсудить состоявшееся решение Общественной коллегии со студентами, изучающими профессиональную этику;
- Комиссию Общественной палаты Российской Федерации по развитию информационного сообщества, СМИ и массовых коммуникаций – принять к сведению состоявшееся решение Общественной коллегии.

Настоящее решение принято консенсусом.

**Председательствующий,
Ю.В. Казаков**

Док. 11а

**Мнение эксперта С.К. Шайхитдиновой
о специальном репортаже «Деньги в клетке»
(телеканал «Россия 24»)**

Мнение резюмирует итоги проведённого исследования.

Эксперт-исследователь: Шайхитдинова Светлана Каимовна, профессор кафедры национальных и глобальных медиа Высшей школы журналистики и медиакоммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета, профессор, д. филос.н., к. филол. н. по специальности «журналистика»; стаж работы в практич. жур-ке – 6 лет, опыт производства экспертных заключений по конфликтным текстам массовой информации – с 1997 года.

Время и место проведения исследования: 6–12 апреля 2020 г., г. Казань.

Лицо, назначившее проведение исследования: Юрий Венедиктович Казаков, сопредседатель Общественной коллегии по жалобам на прессу (г.Москва).

Материалы, предоставленные эксперту:

– Обращение в Общественную коллегию по жалобам на прессу Ирины Анатольевны Прудниковой;

– телевизионный репортаж «Деньги в клетке», вышедший в эфир 22.02.2020 г. на телеканале «Россия 24» (автор – Ольга Курлаева), URL:

<https://www.youtube.com/watch?v=43XPK8XYmog&feature=youtu.be>;

– перечень интернет-ссылок, содержащихся в жалобе заявителя (*здесь приведены названия из документа, переданного эксперту: «вакцинация, мнение Даллакяна»; «Даллакян-2, проверка документации по вакцинации»; «отказ ветеринарных организаций от обслуживания “Тайгана”»; «об учёте животных: паспорта»; «учёт по протоколам по вакцинированию»; «о требовании по чипированию хищников»; «о договорах по обслуживанию»; «судебные дела Зубкова: “дело о мальчике”»; «попытка тушинского ветеринара закрыть парк на 90 дней»; «о рейдерском захвате: выводы комиссии Общественной палаты»; «мнение председателя Антикоррупционной комиссии»).*

Вопросы, поставленные перед экспертом:

Содержатся ли в телевизионном репортаже «Деньги в клетке» сведения нарушающие принципы профессиональной этики журналиста?

Если да, то в каких фрагментах текста?

Методология исследования базируется на теории журналистики, на социологии массовой коммуникации, на теории социальной ответственности СМИ. Оспоренный материал исследован методом дискурсивного анализа.

Характеристика объекта исследования

«Специальный репортаж» Ольги Курлаевой (так оспоренный материал представлен диктором), длится 42 минуты.

Форма подачи сведений – репортажная. Корреспондент встречается с персонажами сюжета, те рассказывают свои «истории». Видеоряд представлен съёмками в местах, где корреспондент берёт интервью, а также в парке «Тайган» и зоопарке «Сказка» (общие планы, съёмка зверей). Большую часть репортажа составляют съёмки в зоопарках других городов России, интервью с владельцами, волонтерами, представителями надзорных органов. Включён видеоряд об использовании различных животных для зарабатывания средств. Сам автор появляется в кадре уже в самом начале сюжета – в ходе беседы с пострадавшей от хищника посетительницей парка «Тайган».

Выводы исследования

Вывод 1

В телевизионном «специальном репортаже» Ольги Курлаевой «Деньги в клетке» нарушены такие профессионально-этические принципы, как объективность, профессиональная честность журналиста. Обнаружены манипулятивные способы управления вниманием и пониманием аудитории в угоду заданной авторской концепции сюжета. Игнорирование принципа объективности выражено в том, что:

1) нарушено требование непредвзятого отношения к герою:

Главный персонаж оспоренного материала Олег Алексеевич Зубков в угоду тенденциозной концепции («Деньги в клетке») представлен исключительно как делец, извлекающий из своих животных прибыль и не гнушающийся никакими средствами для достижения этой цели, вплоть до подвергания опасности посетителей парка и своего персонала.

Корреспондент ТК «Россия 24» тенденциозно конструирует негативный образ героя, исключая при его характеристике всё, что может быть свойственно живому человеку – другую, не связанную с прибылью мотивацию, психологические реакции, эмоции – хотя он постоянно демонстрирует это в общении и говорит об этом. (Остаётся неясным, как такой человек при полном отсутствии содействия государства сумел создать уникальный парк диких животных, поголовье которых, в отличие от абсолютного большинства государственных зоопарков, увеличивается за счёт естественного прироста).

С помощью сопутствующего видеоряда изменён реальный контекст высказываний героя на камеру, что придало этим высказываниям заданный корреспондентом негативный смысл.

2) нарушено требование репортажной документальности:

Несмотря на проблемность, неоднозначность репортажной ситуации, трактовка этой ситуации представлена как не подлежащая сомнению. Под заданную в сюжете концепцию «подтягиваются» все сведения, собранные корреспондентом. С помощью монтажа и авторского голоса за кадром обеспечивается заданная автором смысловая связь эпизодов (свидетельств персонажей, высказываний специалистов, репортажных съёмок и т. п.), которые лежат на разных проблемно-тематических направлениях.

Речь, в частности, о том, что эмоциональный «каркас» сюжета (то, на что и реагирует в первую очередь аудитория) обеспечивается конкретными историями от посетителей и

служащих, пострадавших от диких зверей на территории парка. Оперативным поводом для выезда корреспондента (озвучивается на 4-й минуте) выступает вступивший в силу Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (имеется в виду редакция от 27.12.2019 вступившего в силу в начале 2019 года закона [См.4]). Связи между оперативным поводом и эмоциональным «каркасом» сюжета нет.

Не ясны причины, почему Зубков записан в отрицательные герои. Всякого рода требования к нему, которые предъявляют местные власти, а вслед за ними и инспектирующий его корреспондент, связаны с ещё недостаточно опробованным на практике законом, нацеленным на бережное отношение к животным. «Тайган» в этом смысле, как свидетельствуют эксперты, даст фору множеству государственных зоопарков в стране, однако корреспондент использует сведения о других зоопарках исключительно для обличения назначенного объекта.

3) нарушено требование соответствия правды факта правде контекста:

Корреспондент Ольга Курлаева полностью проигнорировала характер актуальной ситуации, в которой оказался белогорский парк «Тайган» и его владелец Олег Зубков.

Судя по тому, как автор сюжета подобрала ряд персонажей, косвенно или напрямую обвиняющих главного героя, можно заключить, что ею изучены и фабулы уголовных дел, заведённых на руководителя «Тайгана», и перечень обвинительных заключений, официальных актов от органов местной власти. В этой связи вызывает сомнение, что корреспондент не знакомилась с материалами, представляющими точку зрения другой стороны конфликта – сторонников Зубкова, представителей независимых экспертов и организаций.

Эти материалы находятся в открытом доступе в Интернете (*пресс-конференция действующего ветврача, руководителя фонда оказания помощи животным Карена Даллакяна, почти трёхчасовой прямой эфир с Даллакяном на «Рупоре Москвы», где он подробно объясняет вопросы ветобслуживания, чипирования, паспортизации диких животных в неволе в пользу «Тайгана» (чат эфира отразил мнения сотен и сотен зрителей в поддержку Зубкова и его парка), выступление на пресс-конференции О.А. Зубкова о договорах на землю и выигранных уголовных делах, выступление по итогам проверки парка исполнительного директора Национального комитета по экологической безопасности Л.В. Лоскутовой, где она предлагает, в частности, выйти с предложением сделать «Тайган» территорией федерального подчинения, фрагмент заседания Антикоррупционной комиссии, на которой её председатель М.Р. Юсупов говорит об имеющей место завуалированной рейдерской атаке на парк с коррупционной составляющей и поддержкой властными органами Крыма, видеосюжеты местного телевидения, где руководство парка проясняет вопросы и говорит о готовности к диалогу).*

Все эти материалы вышли в свет в ноябре-декабре минувшего года, то есть во время подготовки репортажа они находились практически на слуху. Именно они выявляют ситуацию, в которой приходится действовать руководителю парка, они придают смысл его высказываниям. Однако корреспондент Ольга Курлаева никоим образом их не использует.

4) представлена позиция только одной из сторон конфликта – действующей власти Крыма:

Корреспондент устами представителей местных надзорных органов, ветврачей транслирует бюрократические предписания как истину в последней инстанции, не пытаясь разобраться, как их выполнение осуществить на практике, а также не задаваясь вопросом, как вести предприятие, будучи «удушенным» постоянными проверками и мелочным контролем.

Однобокость, тенденциозность освещения темы проявляется в том, какая проблема находится в фокусе зрения автора. Проблема, которую поднимает Ольга Курлаева,

обусловлена личностью Олега Зубкова, не привыкшего, по идее автора, работать в правовом поле России, а на самом деле – не привыкшего к бессмысленному бюрократическому надзору.

Общественно-значимая проблема связана с тем, как сохранить и приумножить достижения такого рода парков, как «Тайган», как распространить его опыт гуманного и в то же время эффективного обращения с животными. Освещение данной проблемы было бы конструктивно, если бы силами журналистики были найдены пути к диалогу провинциальной власти и предпринимательства в области природных и заповедных ресурсов. Это экономически и социально значимая тема не только для Крымского полуострова, но и для всей страны. Для её освещения автору важно было сохранить статус-кво. Вместо этого зрителю представлена скандальная история с криминальным уклоном, в которой людям угрожают звери, а зверям – люди.

Пояснение к выводу 1

Конструирование негативного образа главного репортажного персонажа Олега Зубкова осуществляется путём телевизионного монтажа и подтасовки кадров.

В первые пять минут репортажа нам представлено смешение смысловых блоков. Начинается репортаж с истории пострадавшей от хищного зверя Ольги Соломиной, рассказанной ей самой. Узнаём, что услуга, которая тогда оказывалась в парке, – фотосессия при непосредственном контакте с львами. Через рассказ Ольги с демонстрацией корреспонденту рентгеновского снимка даётся детальное описание случившегося (хищник прокусил ей руку, *«была угроза ампутации руки»*). Узнаём, что ей предлагалось сказать в больнице, что укусы нанесены собакой. Далее следует информация, что заведено уголовное дело и что Зубков отсидел за процессуальные нарушения пять суток в СИЗО. *«Сейчас он на свободе»* (терминология корреспондента).

Смысловой блок закрывает реплика Запашного в интервью о том, что «безопасность зрителя – превыше всего». На 3.41 автор упоминает о Законе «Об ответственном обращении с животными», *«который вступил в силу с начала этого года» (вступил в силу в 2019 году, – С.Ш.): «Он жёстко регулирует такую сферу бизнеса, как содержание диких зверей в неволе»*. Да, жёстко регулирует, но речь там идёт о недопустимости жестокого обращения с животными, и об этом же видеоряд в репортаже с примерами из других городов. В «Тайгане» таких примеров нет.

Поэтому, очевидно, произведено описанное выше сливание в один смысл двух тем – безопасности людей и обращения с животными. Так пойдёт и далее – по всему репортажу. Дело в том, что за годы работы среди десятков миллионов посетивших зоопарк и среди обслуживающего персонала, как на любом предприятии, найдутся дела с пострадавшими – в данном случае от укусов хищников. Их эмоциональные истории, рассказанные ими же, и составляют эмоциональный каркас репортажа, формирующий негативный образ владельца парка.

Чтобы в том же негативном ключе подать тему отношения к животным, на пятой минуте приводится прямое высказывание Олега Зубкова о медведях: *«Мне ничего не останется делать, как провести эвтаназию, если у меня не будет средств для их содержания»*. Перед этим корреспондент поясняет, что некоторые владельцы животных *«извлекают прибыль буквально ценой жизни своих питомцев <...>, в связи с принятием Закона проверки зоопарков идут по всей стране, некоторые предприниматели, понимая, что бизнес станет убыточным, уже осенью начали избавляться от животных – кто-то пристраивал в добрые руки, кто-то раздавал по питомникам, а кто-то предлагал умертвить животных»*. И сразу – высказывание Зубкова. Далее под настораживающее музыкальное сопровождение следует кадр «с мордочкой косолапого», далее – кадр со львом и название репортажа – *«Деньги в клетке»*.

Между тем, руководитель парка говорил о медведях совсем в другом смысле – в связи с неподъёмными штрафами, которые накладывает на него местная ветслужба из-за невыполнения её предписаний о чипировании (на самом деле этот вопрос требует отдельного

рассмотрения, Зубков здесь ничего не нарушает). Речь идёт о том, что у него в этом случае не хватит средств содержать весь парк. То есть корреспондент производит смысловую подмену.

Далее излагается биография Зубкова: закончил вуз, более двадцати лет посвятил работе с хищниками: *«При киевской власти бизнесмен увлекался политикой, входил в блок Юлии Тимошенко. В 2014 году активно поддерживал возвращение Крыма в Россию. Но каникулы для предпринимателей закончились, а работать в правовом поле России оказалось делом экономически невыгодным – финансовую поддержку государство частным зоопаркам не оказывает, а требований по безопасности объектов и содержанию животных в неволе прибавилось <...>. Действующие парки на грани закрытия. Олег Зубков с ностальгией вспоминает те времена, когда крымский полуостров был под юрисдикцией Украины...»*

Таким образом, в течение первых, поэтому особо важных восьми минут репортажа сконструирован образ героя, который не дружит с российским законом, не соблюдает инструкции и поэтому подвергает опасности здоровье, жизни российских посетителей парка, сожалеет о юрисдикции Украины, вывел активы в Португалию, хотел бы постоянно извлекать прибыль из своих питомцев и, если этого не будет происходить, готов их умертвить.

В заданной логике с подачи корреспондента естественно, что *«деятельностью парка львов заинтересовались республиканские надзорные органы – прокуратура проверяет безопасность и качество предоставляемых услуг в ялтинском зоопарке “Сказка”, налоговая инспекция контролирует выручку, ветеринары следят за питанием и здоровьем животных»*. Ни слова о том, что подобное «удушение» проверками трактуется сторонниками Зубкова иначе и что конфликт вышел за пределы парка – одни пишут петиции в прокуратуру, другие – угрожающие надписи на заборе. В репортаже представлены только надписи. Их наличие, а также травля проверяющих в соцсетях сторонниками «Тайгана» представлены как очередной штрих к негативному образу Зубкова. Дальнейшие репортажные минуты так или иначе подтверждают сконструированный видеоряд и резюме корреспондента, занявшего сторону местной власти и тех, кто объявил войну предпринимателю с «дерзкими проектами». Ведётся рассказ о частных зоопарках другого масштаба, которые работают в других городах, о контактных зоопарках, которые в этом году должны прекратить существование. Однако автор не задаётся вопросом, как вписать в жесткие бюрократические требования такие проекты, как парк Зубкова.

Эмоциональное воздействие на аудиторию в репортаже осуществляется, как уже говорилось, путём включения в сюжет трагических историй людей, пострадавших от хищников конкретно в парке «Тайган».

Очевидно, что работодатель и поставщик услуг несёт оговорённую в законе ответственность. Степень его вины определяется судом. В случае если такого рода факты становятся «реперными точками» телевизионного сюжета, у них функция другая: эмоциональный негатив проецируется на образ главного героя. С определённой периодичностью в репортаже представлены следующие случаи.

На 1-й минуте – история Ольги Соломиной, которую на фотосессии укусил лев.

На 22-й минуте – рассказ о бывшем сотруднике парка Эмирале Сараче, который, как свидетельствует голос за кадром, был избит Зубковым за злоупотребление алкоголем и подозрение в угоне машины. Эти действия директора «Тайгана» ставятся под сомнение указанием корреспондента на то, что Эмирал – мусульманин, а мусульмане, дескать, не пьют. Бывший сотрудник в течение нескольких минут рассказывает о неприглядной стороне жизни парка, продажах времени за контакт с хищными животными и их детёнышами.

На 29-й минуте – рассказ о смерти при странных обстоятельствах молодого парня, волонтера Максима Яковлева, который после революции вернулся в родной Белогорск к матери и в ожидании российского гражданства временно устроился охранником в парк «Тайган». Мать Максима рассказывает о том, как она ходила в морг на опознание, как ужаснулась от того, что всё тело сына было в укусах. Следствие установило, что он умер от сепсиса. Прямая речь Зубкова, которая приведена в этом контексте, ничего не прояснила.

Далее следует рассказ о зоопарке «Мишутка» в Нижнем Новгороде, который был закрыт из-за нарушения предъявляемых требований к содержанию зверей. Высказывается один из разработчиков Закона «О гуманном отношении к животным» Владимир Гройсман: *«Лучше не иметь никакого зоопарка, чем иметь плохой зоопарк».*

На 38-й минуте – рассказ о мальчике Вадиме Ракше, который на территории парка получил травму от упавшей на ногу декоративной статуи. Мальчик демонстрирует ступню с ампутированными пальцами, мать рассказывает о том, что время было упущено из-за того, что на территории зоопарка не было медпункта, в соседнюю больницу пришлось ехать на свои средства.

Завершается репортаж кадрами об открытии Олегом Зубковым памятника тигрѐнку Алтаю. Корреспондент Ольга Курлаева сначала рассказывает трогательную историю о спасѐнном животном, а потом «открывает глаза» аудитории с помощью «реальных фактов»: на самом деле тигрѐнка нашли в багажнике автобуса, когда его везли на продажу, а потом он заболел и умер от передозировки наркоза. Последняя фраза в репортаже: «Ну кому интересна суровая реальность, если красивую сказку можно продать подороже?»

Полное «развенчание» Зубкова и его «дерзких проектов» произведено. Каков положительный смысл репортажа о таких представителях среднего класса, как руководитель парка «Тайган»? Нет положительного смысла. Цель – полное информационное уничтожение.

Подводя предварительный итог, вновь укажем, что эмоциональные эпизоды репортажа Ольги Курлаевой не работают на идею, заявленную в оперативном поводе, – они никак не связаны с Законом «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Они проходят как «параллельная реальность» по отношению к проблеме содержания животных в зоопарках и к проблеме гуманного к ним отношения. Однако эта «параллельная реальность» сконструирована так, что по своему воздействию на зрителя она однозначно сильнее, чем то, что корреспондент заявляет как общественно значимую тему («отношение к животным, содержащимся в неволе»).

Сила манипулятивного воздействия перечисленных выше драматических эпизодов в том, что а) их героями являются конкретные простые люди, б) они в большинстве своём выступают жертвами неких несчастных случаев, в) именно через их эмоции, впечатления, их рассказ передаются данные истории. Таким образом, эмоциональный каркас сюжета представляет собой смыслозадающую, не зависящую от заявленной тему.

«Теневая» тема репортажа Ольги Кулаевой, как показывает дискурс-анализ смыслозадающих эмоциональных эпизодов, – персона Олега Зубкова. Цель – его полная дискредитация как личности и как предпринимателя. Одним из возможных результатов выступления СМИ, дискредитировавшего руководителя предприятия, является остановка работы данного предприятия. Как в этом случае быть с животными, которые в первую очередь пострадают от такого исхода, сюжет Ольги Курлаевой ответа не даёт. Таким образом, общественные интересы (общественное благо) отодвинуты на задний план в угоду интересам корпоративным, представленным в данном сюжете основными оппонентами Зубкова в лице контролирующих инстанций, в лице властных органов Крыма.

Вывод 2

В репортаже «Деньги в клетке» нарушены следующие требования профессиональной этики российского журналиста:

- требование полноты, непредвзятости предоставляемой информации, учёта существующих мнений по высказанному вопросу;
- требование достоверности сообщений и справедливости суждений;
- требование уважения чести и достоинства героев своих материалов;
- требование презумпции невиновности героев публикаций;
- требование профессиональной честности журналиста.

Пояснение

Эти требования отражены в Кодексе профессиональной этики российского журналиста, в Медиаэтическом стандарте Общественной коллегии по жалобам на прессу, в Хартии телерадиовещателей России:

«Народ в целом и отдельные граждане имеют право на получение достоверной, точной, полной и непредвзято поданной информации, способствующей формированию у каждого из тех, кто имеет дело с журналистской продукцией, адекватной картины мира <...>».

«Журналист проявляет профессиональный интерес к мнениям всех сторон, имеющих отношение к событию; эти мнения находят отражение в его публикации» [4, с. 379].

«Журналист отвечает собственным именем и репутацией за достоверность всякого сообщения и справедливость всякого суждения, распространённых за его подписью» [2].

«Журналист уважает честь и достоинство людей, которые становятся объектами его профессионального внимания» [2].

«Профессиональная честность запрещает журналисту представлять частные или корпоративные интересы, вступающие в противоречие с общественным благом (с общественным интересом)» [4, с. 381].

Нарушение требования непредвзятости произведено на концептуальном уровне, когда зрителю заявляется одна тема, поданная как журналистская, общественно-значимая (отношение к животным), а по факту продвигается другая тема (персона Зубкова, «минусы» его личности и минусы его руководства парком). Само название сюжета и его первые кадры заявляют о предвзятом – отрицательном – отношении корреспондента Ольги Курлаевой к Олегу Зубкову. Мы называем этот медиатекст «репортажем» только в связи с телевизионно-репортажной манерой подачи материала, тогда как по существу документальной репортажности, отражающей ситуацию как она есть, в данном сюжете нет. Он фактически представляет собой заданную позицию корреспондента (т. е. в целом это не фактологические сведения, а оценочное суждение), и, как показывает анализ, **несправедливую позицию: не учтены мнения всех сторон.**

Требование достоверности суждений нарушено тем, что эмоциональные истории, на которых держится представленный сюжет, изложены исключительно из уст пострадавших. Большинство из них проходят участниками уголовных дел. Информации о том, что они закрыты, аудитории не предоставлено (кроме дела с травмой мальчика, которое Зубков выиграл). В виде «аргументов», свидетельствующих в пользу детально показанных субъективных мнений, зрителю предлагается принять некие документы в руках «жертв» деятельности Олега Зубкова. Таким образом **нарушается норма презумпции невиновности главного героя.** Этическая ответственность телевидения в этом вопросе в сравнении с другими СМИ особенно высока, что подчёркивается в Хартии телерадиовещателей России:

«Понимая особую миссию телевидения и радио в обеспечении права каждого гражданина на свободу выражения мысли и права общества на полноту информации» журналист обеспечивает «соблюдение объективности и особой тщательности при распространении сведений о возбуждённых, расследуемых и разрешаемых судом уголовных делах» [5].

Анализ показал, что «теневая тема» репортажа «Деньги в клетке», представленная в сюжете эмоциональными историями пострадавших на территории парка людей, **уменьшает честь, достоинство и деловую репутацию** Олега Зубкова. Произведённая в глазах массовой аудитории дискредитация личности предпринимателя невыгодна в интересах общественно важного дела, однако оправдывает действия крымских властей против парка «Тайган». Таким образом, репортаж Ольги Курлаевой «Деньги в клетке» на телеканале «Россия 24» рассматривается нами как материал, который **представляет корпоративные интересы, вступающие в противоречие с общественным благом (с общественным интересом).**

Список использованной литературы и источников

1. Баранов В.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. – М., 2009.
2. Кодекс профессиональной этики российского журналиста // URL: <http://docs.cntd.ru/document/901854413>.
3. Профессиональная этика журналиста: Документы и справочные материалы / Под ред. Ю.В. Казакова. – М., 2004.
4. Медиаэтический стандарт Общественной коллегии по жалобам на прессу // Настольная книга по медийному саморегулированию. Вып. 8. Под ред. канд. соц. н. Ю.В. Казакова. – М., 2018. С. 378–386.
5. Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. Федерального закона от 27.12.2019 № 447-ФЗ) / URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314646.
6. Хартия телерадиовещателей России: <https://presscouncil.ru/index.php/teoriya-i-praktika/dokumenty/756>.

РЕШЕНИЕ

«О жалобе Верухиной Елены Игоревны, представляющей религиозную группу «Московская саентологическая церковь», на повторные публикации телекомпанией «Россия 24» телевизионного сюжета «Расследование Эдуарда Петрова. Формула успешного обмана» (Автор – Эдуард Петров, дата повторных публикаций – 05.01.2020 г., адрес в сети Интернет – <https://www.vesti.ru/videos/show/vid/756046/#>)».

г. Москва, 29 апреля 2020 г.

№ 210

На 210-м заседании Общественной коллегии по жалобам на прессу ad hoc коллегия в составе Юрия Казакова (председательствующий, сопредседатель Общественной коллегии по жалобам на прессу), членов **Палаты медиасообщества** Евгения Абова, Ольги Кравцовой, Владимира Познера, членов **Палаты медиааудитории** Алексея Автономова, Евгения Гонтмахера, Виктора Монахова, Владимира Ряховского, Григория Томчина, Ильи Шаблинского рассмотрела обращение Верухиной Елены Игоревны, представляющей религиозную группу «Московская саентологическая церковь», в связи с повторными публикациями телекомпанией «Россия 24» телевизионного сюжета «Расследование Эдуарда Петрова. Формула успешного обмана» (Автор – Эдуард Петров, дата повторных публикаций – 05.01.2020 г., адрес в сети Интернет – <https://www.vesti.ru/videos/show/vid/756046/#>).

Вопросы процедуры. Заявитель, Верухина Елена Игоревна, подписала Соглашение о признании профессионально-этической юрисдикции Общественной коллегии по жалобам на прессу, приняв на себя тем самым обязательство не использовать решение Общественной коллегии по данному информационному спору для его продолжения в судебном, ином правовом или административном порядке.

Адресат жалобы, телеканал «Россия 24», на информационное письмо Коллегии (адресаты письма: главный редактор телеканала «Россия 24» Е.В. Бекасов и генеральный директор ВГТРК О.Б. Добродеев) о принятии жалобы к рассмотрению не ответил, отношения к претензиям заявителя не выразил, от предложения принять участие в рассмотрении жалобы уклонился.

Позиция заявителя Е.И. Верухиной при обращении в Коллегию была сформулирована следующим образом: «5 января 2020 на канале «Россия 24» вышла в эфир программа «Расследование Эдуарда Петрова. Формула успешного обмана», в которой присутствуют значительные искажения в отношении саентологии. Эту передачу, носящую тенденциозный характер, впервые показали на том же канале 2 июня 2018 года. 5 января 2020 г. её показали трижды. Частота её повторного показа, выбор времени (рождественские каникулы, дающие большой охват аудитории, находящейся в праздники у телевизоров), недвусмысленно негативное содержание, по нашему мнению, имеют мало общего с просвещением и какой-либо социальной пользой. Считаем, что это злоупотребление свободой СМИ, использование её с целью причинения вреда репутации, усиления «образа врага», раздувания ксенофобии в отношении последователей саентологии. <...>

В передаче фигурирует некий Джерри Армстронг, который «потерял все шансы на успешную жизнь в США». Он неоднократно был уличён судом в клевете на Церковь Саентологии, приговорён многими судами США штрафам; в случае приезда в эту страну он будет немедленно арестован (в приложении несколько судебных решений и резюме этого гражданина). <...>

А.Л. Дворкин, завсегда́тай “антисектантских” передач, никогда не скрывал, что относится к новым религиозным движениям отрицательно. Его выступления неоднократно приводили к конфликтам и скандалам, что представляется логичным, если взглянуть на длинный список организаций (в том числе коммерческих), по отношению к которым он ведет свою “научную” деятельность и которые причисляет к “сектам”. Он не является авторитетом ни в религиоведении, ни в академической науке. <...>

В передаче также участвует некий психиатр – “сектовед” Фёдор Кондратьев. Данный человек не является религиоведом, он не был в церкви и не знает её устройство. Мы считаем его рассуждение о саентологии некомпетентным и оправданным чем-то иным, нежели объективность. <...>

Как и любая другая религия, саентология наставляет своих прихожан вести этичный, моральный образ жизни. В саентологии есть кодекс чести, кодекс саентолога, моральный кодекс “Дорога к счастью”, следуя которым, человек остаётся добропорядочным членом общества. Благодаря саентологии люди по всему миру меняют свои жизни к лучшему и стремятся помогать другим. Однако любая церковь не обязана нести ответственность за деяния прихожан. Это выбор только самого человека.

13 января 2020 мы направили обращение к генеральному директору ВГТРК Олегу Борисовичу Добродееву в связи с повторно вышедшим сюжетом. Обращение было направлено Эдуарду Петрову, автору и ведущему программы “Расследование Эдуарда Петрова”. Ответа мы не получили, лишь комментарий по телефону от секретаря телеканала “Россия 24”, что он ознакомился с обращением и ответа не будет (прилагаем наше обращение).

По этой же программе мы обращались еще в 2018 году к руководству телеканала. Уже тогда мы информировали его о содержащейся в ней недостоверной информации.

Прямой обязанностью журналиста является проверка сведений для статьи или программы, обращение к стороне, о которой делается данная программа, с вопросами или за разъяснением, чего не сделали сотрудники телеканала.

Мы считаем выпуск программы “Расследование Эдуарда Петрова. Формула успешного обмана” сознательно негативно влияющим на репутацию саентологической религии и направленным на создание негативного отношения к её последователям со стороны общественности. Распространение данной ложной информации в СМИ оскорбляет чувства верующих саентологов и разжигает межрелигиозную рознь, является злоупотреблением свободой СМИ.

Позиция адресата жалобы, руководства телеканала «Россия 24» и ВГТРК, осталась Коллегии неизвестной.

Обстоятельства, установленные в ходе заседания Коллегии. Заявитель **Е.И. Верухина** сообщила, что после первого выхода в эфир телеканала «Россия 24» передачи «Расследование Эдуарда Петрова. Формула успешного обмана» (2018 г.) ею были направлены обращения руководству ВГТРК и телеканала «Россия 24». Обращения, содержавшие оценки оспоренного выпуска программы (передача содержит множество ошибок в отношении саентологии, направлена на создание её негативного образа), не были услышаны: «И спустя два с половиной года та же передача, очерняющая саентологию, выходит вновь. В ней есть какие-то жизненные истории. Их берут и приписывают к образу саентологии, при этом ничего позитивного, конечно, в этих историях не отражается. Мы видим завсегда́таев “антисектантских” передач – Дворкина и Армстронга, но к обсуждению темы в очередной раз не приглашаются эксперты-религиоведы. Непонятно, кто это заказывает, для чего это делается. В передаче не представлено альтернативное мнение», «Нам не дают высказаться, не дают ни разместить наш комментарий, ни как-то ответить на сказанное – несмотря на многочисленные обращения. Я много раз звонила на телеканал “Россия 24”. Там соединяют с секретарём, секретарь говорит, что Эдуард Петров получил обращение, ознакомился с ним.

И на этом всё, далее никаких действий предпринято не будет», «“Россия 24” неоднократно выпускала сюжеты, создающие крайне негативный образ саентологии. И ни разу мы не были услышаны, ни разу на наши обращения не было реакции. Хотя что-то опровергнуть, позволить нам разместить хотя бы скромный комментарий – нам такого права не было предоставлено»

Представитель заявителя **С.Н. Карпов** уточнил, что и он лично тоже привозил письма, которые передавались в секретариат О.Б. Добродеева. И что ни одного ответа на эти письма получено не было.

Отвечая на вопросы членов Коллегии, заявители сообщили, что не догадываются о том, по какой причине программа 2018 года снова оказалась в эфире в 2020 году, что им неизвестен информационный повод, если таковой вообще был. (Е.И. Верухина: «Мы полагаем, что, возможно, есть какой-то конкретный заказ, что нужно как-то нужно усилить негативный “образ врага”. Честно говоря, сами хотели бы знать ответ на вопрос, по какой причине старый сюжет был повторён трижды». С.Н. Карпов: «Видимо, заполняли пустоту. Беспокоит, конечно, стоимость эфирного времени: три раза показывать почти часовую передачу, ничего в ней не обновив, – это странно».)

Ответ на вопрос, что заставило заявителей в очередной раз обратиться в Коллегию, если весь прошлый опыт такого рода обращений свидетельствовал, что телеканалы от приглашений на рассмотрение жалоб саентологов уклоняются: «Мы надеялись, что кто-то от них будет присутствовать. Это же государственный канал».

Отвечая на вопрос о примерах другой реакции СМИ, если она встречается, о примерах, когда бы СМИ давали позитивно окрашенную или хотя бы нейтральную информацию об организации заявителей и её деятельности, **Е.И. Верухина** заявила, что такие примеры есть, но их немного: «Информационное агентство Regnum неделю назад опубликовало позитивный материал – причём по собственной инициативе – о том, что в пандемию мы активно занимаемся волонтерством, о том, как саентологи-волонтеры оказывают помощь людям в трудной ситуации, в трудных условиях. Информационное агентство “Мангазея” регулярно публикует о нас информацию. Недавно Lenta.ru дала о нас какую-то публикацию». Заявители признали, что для них очень важна ситуация, когда информагентства и СМИ, во-первых, публикуют о саентологии и саентологах хотя бы нейтральную информацию и, во-вторых, проявляют готовность исправлять ошибки, когда они допускаются. (**С.Н. Карпов:** «Позитивных материалов о нас никто не публикует – о нашей антинаркотической кампании, например, или о том, что наши волонтеры сейчас помогают пожилым людям лекарствами. Но нейтральность соблюдают многие СМИ». **Е.И. Верухина:** «РИА “Новости” опубликовало информацию о корабле, который плавает в Карибском море (*упоминаемое в оспоренном материале судно «Фривиндз», – Коллегия*) и считается у нас церковью, – там кто-то простудился или что-то в этом роде. В публикации была допущена ошибка, и они её очень быстро исправили. Информационные агентства, когда ошибаются, нередко идут на сотрудничество, вносят исправления в тексты. Но госканалы – никогда».)

Отвечая на вопрос о том, какое отношение к саентологии имеет петербургская риэлтерская организация «Ваш дом», об уголовном деле в отношении сотрудников которой говорилось в оспоренной публикации, **Е. И. Верухина** уточнила, что представители группы «Московская саентологическая церковь» не в курсе этого уголовного дела, не знают, что там происходит: «Мы увидели, что в этой передаче взяты какие-то отдельные жизненные истории, причём с обрывочными, противоречащими друг другу фактами. И услышали, что представители Международной церкви саентологии якобы участвовали в проекте “Ваш дом”. Там есть реплика журналиста, который говорит одному из гостей передачи: “Хозяева “Вашего дома” – представители Международной саентологической церкви”.) Это ложь, представители Международной церкви не участвовали в названном проекте, не имеют к нему отношения».

На вопрос, можно ли рассматривать оспоренный сюжет оскорбляющим религиозные чувства или убеждения заявителей, **Е.И. Верухина** ответила: «Безусловно, данная подача материала имеет абсолютно негативную окраску, страшатся все, используются ужасающие эпитеты. Конечно, это оскорбляет наши чувства. Мы хотим справедливости, потому что мы, саентологи, являемся частью российского общества. Мы, в первую очередь, озабочены тем, как нам улучшить страну, как помочь большему количеству людей. Каждый саентолог соблюдает различные кодексы: у нас есть моральный кодекс, есть кодекс саентолога, церковь наставляет всех своих прихожан действовать согласно этим кодексам. У человека есть право выбора, он вправе действовать так, как он решил. Но церковь активно наставляет его, помогает справляться с какими-то жизненными ситуациями. Человеку свойственно оступаться, но всё можно разрешить, восстановить свою целостность, свою этику – и здесь саентология очень помогает». Дополнение **С.Н. Карпова**: «В программе неоднократно подчёркивается, что целью саентологии является зарабатывание денег. Но это вовсе не так».

Отвечая на вопрос, проверяли ли заявители более близкий им территориально подмосковный сюжет, сказанное в программе о взаимоотношениях Александра Бугаря, бывшего гендиректора подмосковной строительной компании «Стройпроект», и владельца компании Павла Бабанина, **Е.И. Верухина** заметила, что ситуация эта заявителями не проверялась, поскольку церковь не занимается такими вопросами: «Исходя из передачи можно сделать вывод, что Александр Бугарь всячески очерняет своего бывшего работодателя. Мы не знаем, какие у них были отношения; может быть, решение его уволить было справедливым, может быть, нет. Что касается Павла Бабанина: если уж очерняют человека, почему не дать ему высказаться? Но его не пригласили».

На уточняющий вопрос, связанный с содержанием слогана авторской передачи («Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана»), обвинялись ли в 2018 году в чём-то российские саентологи, ответ был таким: «Религиозной группе Санкт-Петербурга в своё время были предъявлены обвинения в создании экстремистского сообщества. Разбирательство длится года три, судебное рассмотрение постоянно откладывается, но такое дело есть».

Члены ad hoc коллегии на этапе подготовки заседания были ознакомлены с результатами исследования оспоренной публикации (мнением эксперта) к. филос. н. **Каринэ Акоповны Назаретян**.

С учётом всего изложенного Общественная коллегия приняла следующее решение.

РЕШЕНИЕ

1. Коллегия не считает профессионально правильным, соответствующим букве и духу преамбулы Хартии телерадиовещателей, подписанной в своё время ВГТРК, уклонение руководства телеканала «Россия 24» от участия в рассмотрении настоящего информационного спора.

2. Напоминая о своей реакции на уклонение руководства телеканала «Звезда» от рассмотрения обращения тех же заявителей (*Решение № 184* от 10.09.2018 г.), Коллегия сожалеет о невозможности по названной выше причине реализовать также и при рассмотрении данной жалобы подход Audiatur et altera pars («Да будет выслушана другая сторона»). По не зависящим от неё причинам Коллегия не смогла получить ответы на вопросы, которые члены ad hoc коллегии готовы были задать как создателям оспоренного выпуска программы «Расследование Эдуарда Петрова», так и тем, кто выпустил этот материал во всероссийский эфир сначала в 2018 году, а затем, повторно, в январе 2020 года.

3. Восстанавливая позицию, прописанную в ряде предыдущих решений по обращениям к ней организаций саентологов (в частности, *Решения № 84* от 07 марта 2013 г. и *Решения № 111* от 25 сентября 2014 года), Коллегия заявляет, что отдаёт себе отчёт в том, что, принимая к рассмотрению данную жалобу, рискует оказаться втянутой в полемику, связанную с сущностью саентологии, с вопросами о том, является ли саентология религией и может ли она считаться церковью.

Предупреждая попытки истолковать и рассмотрение данной жалобы, и настоящее решение как проявление определённой позиции в известном противостоянии подходов и взглядов, Коллегия подчёркивает, что ни само саентологическое учение, ни отношение к нему не являлись предметом внимания и интереса членов *ad hoc* коллегии, принимавших участие в выработке настоящего решения.

4. Коллегия рекомендует обеим сторонам информационного спора ознакомиться с результатами исследования оспоренного выпуска программы (мнением эксперта) к. филос. н. К. А. Назаретян. Коллегия поддерживает резюмирующий вывод своего эксперта о том, что в оспоренном выпуске авторской программы Эдуарда Петрова обнаруживается нарушение ряда таких основополагающих установок профессиональной этики журналиста, как:

- принцип правдивости (эксперт приводит достаточное число серьёзных нарушений этого принципа, начиная с не выдерживающего испытания просто проверкой утверждения «Саентология признана церковью только в нескольких странах»);

- принцип беспристрастности. («Подача материала – как текстового, так и визуального – очень предвзята, подбор экспертов и героев тенденциозен, зрителя планомерно подводят к “правильному” выводу в форме житейского совета в конце»);

- правило отделения фактов от мнений. («В качестве фактов регулярно преподносятся оценочные суждения, в большом количестве используются эмоционально окрашенные слова и выражения»);

- правило указания источников информации везде, где они необходимы и возможны.

5. Коллегия находит, что телеканал «Россия 24», не отвечая на обращения саентологов и уклоняясь от предоставления им тем самым права на ответ в логике проявления доброй воли, совершает серьёзный медиаэтический просчёт, поскольку ставит под сомнение профессиональную честность журналиста, одним из проявлений которой является признание и исправление ошибок или неточностей, и обнаруживает пренебрежение одной из основных общественных функций СМИ – служить форумом для обмена мнениями.

6. Соглашаясь со своим экспертом в том, что оспоренный материал «не разжигает межрелигиозную рознь, так как не “сталкивает лбами” разные религии», Коллегия вместе с тем находит данный выпуск программы не просто предвзятым, тенденциозным, но и активно способствующим возбуждению как минимум недоверия, подозрительности, неприязни по отношению к тем гражданам, которые считают саентологию религией, а себя – эту религию исповедующими. Коллегия считает такую установку определённо противоречащей следующей позиции *Медиаэтического стандарта*: «Журналист принимает все меры к тому, чтобы избежать даже и невольного стимулирования дискриминации человека по признакам расы, пола, сексуальной ориентации, религии, политических иных взглядов, национального или социального происхождения. Журналист воздерживается от любых пренебрежительных намёков или комментариев в отношении расы, пола, сексуальной ориентации, религии, политических иных взглядов, национального или социального происхождения конкретного лица».

7. Сожалея о необходимости в очередной раз реагировать на упрёк заявителей в использовании очередным российским СМИ слова «секта», Коллегия напоминает, что в ряде решений, в частности, в *Решении № 110* от 25 сентября 2014 года и в *Решении № 184* от 10

сентября 2018 года, она отмечала, что «не считает себя достаточно компетентной для того, чтобы устанавливать собственные признаки понятия “секта”, вокруг и по поводу которого ведутся давние споры. Коллегия вместе с тем полагает уместным привести <...> примечание редакции к X главе известного специалистам сборника *“Свобода религии и убеждений: основные принципы (философия, законодательство, защита свободы совести)”*, изданного в России в 2012 г. “Гильдией экспертов по религии и праву”. Вот выдержки из примечания к написанной Эйлин Бейкер главе “Почему культы? Новые религиозные движения и свобода религии и убеждений”: “Термин “секта” и производные от него термины имеют, как правило, презрительный и уничижительный оттенок и употребляются обычно в бытовой, а иногда и политической полемике, в рамках журналистских публикаций, в том числе, специально создающих устрашающий образ “сект”, своего рода дискриминации”. Коллегия полагает приведённое высказывание достаточным для самоопределения профессионала в вопросе о том, употреблять или нет понятие “секта” в журналистской публикации».

8. Не останавливаясь на второстепенных изъянах оспоренного текста, Коллегия считает принципиально важным обнаружить его основной дефект. Коллегия находит, что выпуск программы, именуемой «Расследование Эдуарда Петрова», очевидно не отвечает общепринятым, устоявшимся в мировой профессиональной практике стандартам журналистского расследования, поскольку создатели выпуска «Формула успешного обмана» изначально не ставили перед собой цели установления неких существенно важных для общества, но скрываемых от него фактов и обстоятельств. В их задачу очевидно не входит поиск истины; предзаданное отношение автора к саентологии и саентологам, сугубо негативное в основе («тайное общество», разорившее «не одну сотню компаний по всему миру», спрут, щупальца которого залезли, в том числе, в российский ВПК, в личную жизнь многих граждан) уже на первых полутора минутах уходит в эфир как готовый вывод автора и как установка, задаваемая сознанию и отношению зрителя, получающего в упаковке квазирасследования готовый «образ врага».

9. Учитывая данное обстоятельство, Коллегия делает вывод о том, что российский телезритель в январе 2020 года по второму кругу получил доступ к материалу, который не может рассматриваться и оцениваться в логике успеха или неудачи журналиста, исследующего с помощью профессионального инструментария некую сложную тему, представляющую общественный интерес. Телезритель, которому было обещано «журналистское расследование», оказался по факту вовлечённым в пропагандистскую атаку на предложенную ему цель, проведённую с использованием известного набора манипулятивных приёмов: от инфографики и специально подобранной музыки до использования в качестве разоблачителя «человека в маске», заявленного в качестве «бывшего сотрудника службы безопасности российского отделения саентологии» (?). Известным достижением авторского коллектива можно считать разве что привлечение к «расследованию» в качестве надёжного источника информации «бывшего пресс-секретаря Рона Хаббарда», а ныне канадского уборщика улиц Джерри Армстронга: неизвестно куда пролетавшего через Москву – и неизвестно каким образом успешного дать «эксклюзивное интервью» именно данной программе.

10. Коллегия соглашается с тем, что у любой авторской программы есть известная специфика, предполагающая признание телезрителем права на творческий «почерк» человека, с именем которого она связана, а равно и уважение его права на мнение, в том числе отличное от общепринятого. никоим образом не покушаясь на право руководителя «Авторской программы Эдуарда Петрова» формировать выпуски своей программы таким образом, чтобы вызывать максимальный интерес своего телезрителя и удерживать его внимание, Коллегия полагает полезным напомнить, что и в авторской программе тоже непременно должны соблюдаться профессиональные стандарты, характерные для телевизионной журналистики

федерального уровня. И что «охота на ведьм», по каким бы направлениям она ни велась, не превращает пропаганду в достойный, способный вызвать понимание медийных профессионалов заменитель серьёзной журналистики, тем более расследовательской: с её заведомо нерядовым уровнем профессиональной и социальной ответственности как автора, так и редакции, выпускающей материал в свет.

11. Учитывая, что адресатом жалобы не подписано Соглашение о признании профессионально-этической юрисдикции Общественной Коллегии по жалобам на прессу, Коллегия освобождает заявителя от принятого им обязательства не использовать вынесенное решение Общественной коллегии для продолжения данного информационного спора в судебном, ином правовом или административном порядке.

12. Общественная коллегия просит:

- редакции журналов «Журналист» и «Информационное право» – опубликовать состоявшееся решение Общественной коллегии;
- факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, а также факультеты журналистики других вузов – обсудить состоявшееся решение Общественной коллегии со студентами, изучающими профессиональную этику;
- Комиссию Общественной палаты Российской Федерации по развитию информационного сообщества, СМИ и массовых коммуникаций – принять к сведению состоявшееся решение Общественной коллегии.

Настоящее решение принято консенсусом.

**Председательствующий,
Ю. В. Казаков**

Док. 12а

**Мнение эксперта,
кандидата философских наук Каринэ Назаретян, о программе
«Расследование Эдуарда Петрова. Формула успешного обмана»,
вышедшей на телеканале «Россия 24»
2 июня 2018 года**

Заявитель Е. И. Верухина пожаловалась в ОКЖП на передачу «Расследование Эдуарда Петрова. Формула успешного обмана», которая, по её словам, была трижды показана на телеканале «Россия 24» 5 января 2020 года. В рамках этого исследования я не могу выяснить, действительно ли это так, и поэтому ссылаюсь на материал на сайте Vesti.ru, датированный 2 июня 2018 года (в тексте жалобы указано, что в этот день сюжет был показан впервые)[1].

Это далеко не первая жалоба от представителей как саентологической церкви (см. *Решения №№ 153, 154, 184, 193* и др.), так и других новых религиозных движений (НРД) (см. *Решения №№ 127, 166, 172* и др.). За всю историю Коллегии таких жалоб было уже больше десятка. Большинство из них очень похожи друг на друга: обычно это жалобы на крупные государственные СМИ, чаще телевидение, и суть претензий заявителей состоит в одностороннем, предвзятом освещении событий, транслировании неправдивой информации, неправомерном использовании слова «секта» («деструктивная секта», «деструктивный культ») по отношению

к НРД, разжигании межконфессиональной розни. Нынешняя жалоба тоже вписывается в этот ряд.

О принципах журналистской этики, которые должны применяться при освещении связанных с религией вопросов, и об основных проблемах, с которыми сталкиваются освещающие эту тему журналисты, я уже писала ранее (см., например, моё мнение о выпуске передачи «Шпионаж под видом религии»[2], о сюжете в передаче «Вести», посвящённом деятельности «Свидетелей Иеговы»[3], и др.). С одной стороны, тема религии нередко оказывается чрезвычайно чувствительной, и журналист должен иметь это в виду, чтобы избежать невольной дискриминации людей по признаку вероисповедания («СМИ и журналисты должны профессионально противостоять насилию, ненависти, конфронтации, дискриминации по культурным, религиозным и иным основаниям» [4]); с другой стороны, подобная необходимая осторожность не должна становиться преградой для свободной критики религии, если для неё есть основания («Журналист последовательно противостоит любым попыткам введения цензурных ограничений на свою профессиональную деятельность, понимая защиту свободы слова <...> как важнейшее условие существования и развития демократического государства и гражданского общества»[4]). Помочь в соблюдении этого сложного баланса призван, прежде всего, принцип беспристрастности, который в данном случае требует от журналиста временно забыть о собственных религиозных взглядах / отношении к религии и освещать события из-за условной «завесы неведения» (допуская свою гипотетическую принадлежность к любому религиозному течению / любое своё отношение к религии).

Жалоба Е.И. Верухиной

По тексту жалобы заявителя можно реконструировать следующие претензии к обсуждаемому материалу и телекомпания «Россия 24»:

- 1) передача носит тенденциозный характер и является злоупотреблением свободой СМИ;
- 2) в передаче транслируются неправдивые сведения (касающиеся, в частности, одного из спикеров – Джерри Армстронга, а также запрета саентологии в России, этических принципов саентологов и др.);
- 3) подбор экспертов тенденциозен, и сами эксперты лгут;
- 4) передача оскорбляет чувства верующих саентологов и разжигает межрелигиозную рознь;
- 5) телекомпания «Россия 24» не реагирует на жалобы саентологов и не предоставляет им права на ответ.

Анализ передачи позволяет поддержать часть претензий в связи с тем, что работа содержит в себе нарушения ряда важных для журналистской этики принципов.

Беспристрастность

Та самая беспристрастность, которая так важна при обсуждении связанных с религией вопросов, кажется, даже не рассматривалась авторами материала как принцип, необходимый в работе. В передаче настойчиво проводится одна главная мысль: саентология – это спрут, опутывающий своими щупальцами все сферы жизни и приносящий несчастья. Под эту идею полностью подстроены видеоряд и заставка: огромные склизкие чёрные щупальца то и дело расползаются по всему экрану – иногда фоном, иногда вмонтированные прямо в документальные кадры. Такая предзаданность направления мысли даже не предполагает беспристрастности, и этот визуальный приём с первых минут даёт понять: перед нами передача «против саентологии».

Образ спрута подкрепляется словами: «Щупальца спрута саентологии залезли в элиту мирового кинобизнеса, в российский ВПК и в личную жизнь многих граждан, которые отдают им последние сбережения». На протяжении всей передачи звучит сильно эмоционально окрашенная, не нейтральная лексика. Про людей, воспринявших саентологическое учение,

автор говорит пренебрежительно: «ударился в саентологию», «заразился идеями Хаббарда»; про используемый в саентологии прибор электропсихометр – что он «шарлатанский» (вероятнее всего, он такой и есть, но для обозначения этого есть более нейтральные слова); про взаимодействие саентологов с бизнесменами – «запудрить мозги», «обобратить», «навешать лапши на уши», «развести на деньги» (причём складывается впечатление, что саентологи только этим и занимаются). Подобные эмоциональные выражения не годятся для журналистского материала, позиционирующегося как «расследование», и обнаруживают предвзятость автора.

Подбор экспертов и спикеров тоже тенденциозен: из трёх экспертов и около десятка героев ни один не говорит о саентологии ничего положительного. Автор не берёт комментарии ни у официальных представителей движения, ни у рядовых его членов, которые были бы довольны своей ситуацией (а таких, конечно, не может не быть). Сектовед Александр Дворкин, о котором говорит заявитель, действительно неоднократно критиковался религиоведами за предвзятое, радикально негативное отношение к НРД [5, 6]. Любопытно, что в заставке передачи стоит надпись «Программа “Расследования Эдуарда Петрова”» предоставила возможность высказаться всем участникам событий», но поверить в это утверждение сложно.

Беспристрастное журналистское расследование предполагает, что аудитории предоставляется максимально адекватно отображающая реальность информация, выводы из которой зритель (читатель, слушатель) делает сам. Именно об этом говорит в конце сам ведущий: «Это было наше расследование, выводы делать только вам». Однако за полминуты до этого голос за кадром противоречит его заявлению, произнося такой текст: «Если вы увидели саентологов у своих дверей, если кто-то пытается вручить вам саентологическую литературу, если вас пытаются втянуть в какие-то бизнес-схемы с использованием саентологических практик, вспомните о судьбах Ольги Орловой и её скончавшегося супруга Сергея, о потерявших все свои сбережения Елене Слановой и Александре Коровине, о разорившемся бизнесмене Павле Бабанине, о выпавшем из окна Евгении Жаркине и оказавшемся за решёткой Сергее Комове». То есть авторы передачи настойчиво подводят своего зрителя к «правильным» выводам и фактически дают ему советы. Это совсем не согласуется с идеей независимой исследовательской журналистики.

Разделение фактов и мнений

Один из основополагающих принципов честной журналистики – разделение фактов и мнений: мнения, оценочные суждения не должны преподноситься как факт. Этот принцип тесно связан с принципом беспристрастности, но является более прикладным, инструментальным. Эмоционально окрашенная, оценочная лексика чаще всего противоречит беспристрастности и маркирует мнения. Однако такая лексика регулярно используется в обсуждаемой передаче, которая по своей подаче имитирует информационную.

Так, саентологию здесь безапелляционно называют «псевдонаукой», «психокультом», «тоталитарным движением». Такие оценки вполне имеют право на существование, но необходимо ясно дать аудитории понять, что это именно оценочные суждения, а не «объективная» информация о движении. Об объективности в религиозных вопросах, разумеется, вообще говорить довольно сложно, но с позиций светского гуманизма объективностью здесь следует называть некий научный консенсус. А он таков, что наиболее корректным обозначением движений, подобных саентологии, является термин «новые религиозные движения» (НРД), в то время как введённый в оборот (вероятно, А. Дворкиным) термин «тоталитарная секта», как и выражения «деструктивный культ», «деструктивная секта» и др., аморфен, не имеет под собой рациональных оснований и вредит научному поиску [5, 6, 7, 8, 9]. Таким образом, утверждение, что саентология – это НРД, было бы констатацией факта, а утверждения, что это деструктивная тоталитарная секта, псевдонаука, психокульт, тоталитарное движение и т. д., – это выражения мнений, пусть и распространённых в тех или иных кругах. Точно таким же оценочным суждением, выдаваемым за факт, представляется и

звучащая в самом начале из уст ведущего фраза о саентологии: «Это международное движение, а по сути – тайное общество».

Представление мнений в виде фактов может быть как ошибкой вследствие неопытности, неграмотности, лени или невнимательности журналиста, так и манипулятивным приёмом. Если в случае с использованием термина «деструктивная секта» журналист, не разобравшись в предмете, может просто не знать, что многие исследователи считают его ненаучным, то в некоторых других случаях сами формулировки подсказывают, что подмена фактов мнениями совершена намеренно. Например, в начале передачи ведущий задаёт вопрос: «Так кто же такие саентологи, как они отнимают бизнес и в чём состоит их технология зомбирования?» Этот вопрос в чём-то сродни знаменитому вопросу Карлсона, адресованному фрекен Бок: «Ты перестала пить коньяк по утрам?» – он имплицитно содержит в себе утверждения, правдивость которых неочевидна. Первое из них – о том, что саентологи отнимают у людей бизнес, – в передаче не подтверждается фактами и не раскрывается: авторы говорят только о том, что саентологи выкачивают из бизнесов деньги и предприятия банкротятся. Второе утверждение – что саентологи используют технологии зомбирования, – представляет собой как раз оценочное суждение с использованием эмоционально окрашенной лексики. Что это конкретно такое – «зомбирование»? Как отличить «зомбирование» от обычной проповеди (воздействие на сознание так или иначе предполагается в рамках любой религии)? Без ответов на эти вопросы речи о фактологической природе этих высказываний идти не может. А сама формулировка свидетельствует о том, что, скорее всего, факт был заменён на мнение сознательно.

В передаче регулярно звучат фразы, которые представляют собой выражения мнений и оценочных суждений, но преподносятся безапелляционно, как трансляция фактов.

«Обиране дольщиков до нитки – лишь один из видов их деструктивной деятельности. Если есть возможность запудрить мозги какому-то бизнесмену и выманить у него деньги, они пойдут и на это» – здесь за факт выдаётся предположение о намерениях саентологов, которое не может быть ничем иным, кроме как предположением, если только сами саентологи не заявили об этих намерениях вслух.

«Сотрудники готовят отчёты, докладывают, кого удалось обобрать за неделю, а кому ещё придётся навешать лапши на уши» – здесь эмоционально окрашенные слова и выражения («обобрать», «навешать лапши на уши») затмевают смысл: даже если такие отчёты и доклады действительно делаются, в них почти наверняка используется совсем другая лексика, а значит, слова автора – оценочные суждения, которые следует представлять соответствующим образом.

Но самая удивительная (хотя и не самая важная по смыслу в данном контексте) подмена факта мнением происходит в начале передачи в справочной врезке, которая по определению предполагает трансляцию сухой справочной информации – только фактов. «В 30–40-х гг. Хаббард безуспешно издавал малохудожественные рассказы об инопланетных существах», – говорит женский голос за кадром. Если успешность издательской деятельности ещё можно как-то измерить, то степень «художественности» прозы, надо полагать, может быть только предметом для обмена мнениями. Из-за этой врезки, в частности, складывается впечатление, что авторы передачи имеют заранее поставленную цель – говорить про саентологию и её основателя только плохое.

Источники информации

Ещё один важный принцип этичного журналиста – указывать источники информации, чтобы читатель/слушатель/зритель мог самостоятельно оценить степень её достоверности. В видеоформате делать это сложнее, чем в печатном и тем более онлайн-форматах, но в ключевых местах тем не менее необходимо.

В обсуждаемой передаче с этим тоже возникают проблемы. Например, вот утверждение: «Мало кто знает, что заморская смесь психологических и религиозных практик на самом деле имеет только одну цель: запудрить мозги бизнесменам и заставить их

пожертвовать организации свои миллионы». Откуда информация, что «на самом деле» саентология имеет только одну такую цель? Чтобы делать подобные смелые заявления (выражение «на самом деле» предполагает, что эта цель как минимум где-то официально закреплена или явным образом озвучивалась в тех или иных кругах), нужно иметь весомые доказательства. Мы не можем утверждать, что у авторов их нет, но то, что они даже не пытаются ими поделиться, уже представляет собой довольно серьёзное нарушение журналистской этики.

Вот ещё несколько примеров утверждений, которые хотелось бы видеть подкреплёнными ссылками на источники.

«За несколько последних десятилетий саентологам удалось разорить не одну сотню тысяч компаний по всему миру». Кто ведёт такую статистику? Где она опубликована?

«Самоубийства – не редкость среди саентологов». В программе приводится один пример связанного с саентологией человека, который покончил жизнь самоубийством. Откуда известно, что это явление массовое?

«Их деньги (*дольщиков*. – К. Н.) сразу же были переведены за рубеж, а жильё возводить никто не собирался». Откуда авторам известно, какие намерения были у основателей фирмы? Одна из героев, бывшая менеджер строительной компании «Ваш дом» Мария Сидорова, утверждает, что несколько объектов всё-таки были построены, и автор эту информацию не опровергает. Как я уже писала выше, утверждать что-то о намерениях можно только в том случае, если человек о них заявлял, так как читать мысли в полной мере наука ещё не научилась.

Все эти примеры свидетельствуют о неуважении к зрителю и нежелании видеть в нём самостоятельно думающего субъекта. Практика не указывать источники информации в СМИ препятствует развитию культуры этичной журналистики в России, и наблюдать это очень грустно.

Правда

Правда – одна из важнейших этических ценностей в журналистике, и принцип правдивости подразумевает, что журналист, по возможности, должен сообщать аудитории всю правду. В этом смысле неточности и сообщение частичной правды/полуправды можно считать отступлением от принципа правдивости.

В рамках этого исследования у меня нет возможности проверить все утверждения авторов и героев передачи на их соответствие действительности, но некоторые неточности лежат на поверхности. Например, фраза «Саентология признана церковью только в нескольких странах» создаёт впечатление, что этих стран 4–5, в то время как беглый поиск в «Википедии» показывает, что их около полутора десятков [10]. Утверждение «Кое-где она (*саентология*. – К. Н.) и вовсе запрещена как деструктивная тоталитарная секта» вводит в заблуждение: по всей видимости, термин «тоталитарная секта» нигде за рубежом не используется [6], поэтому вряд ли саентология может где-то быть запрещена именно с такой формулировкой.

Не способствуют правдивому отображению реальности и ошибки, совершённые, видимо, по невнимательности. Вот цитата: «Саентология признана церковью только в нескольких странах. Во многих, в том числе и в России, таковой не считается. Она ликвидирована по решению суда и существует в виде различных некоммерческих объединений саентологической направленности». Из этого пассажа непонятно, что именно ликвидировано. «Она» – саентология? Но саму саентологию ликвидировать нельзя. Если имелась в виду саентологическая церковь России, то, судя по информации из открытых источников, такой организации никогда не существовало. Ликвидирована была Московская церковь саентологии, а Санкт-петербургскую просто не регистрировали – но именно так тогда и нужно говорить. В Москве вместо прежней создана новая религиозная группа под названием «Московская саентологическая церковь» [11], которая, как можно понять, функционирует и сегодня.

Резюме

Журналист, пишущий о любой религии, должен научиться проходить между Сциллой и Харибдой: предупреждать людей об опасностях слепого следования той или иной религии, стараясь не задеть при этом чувств верующих. Это задача непростая сама по себе, но выполнить её легче, если придерживаться основных принципов журналистской этики.

К сожалению, в рассматриваемой передаче обнаруживается довольно большое количество нарушений этих основополагающих принципов.

Во-первых, в ней нарушен принцип беспристрастности: подача материала – как текстового, так и визуального – очень предвзята, подбор экспертов и героев тенденциозен, зрителя планомерно подводят к «правильному» выводу в форме житейского совета в конце.

Во-вторых, не соблюдается принцип разделения фактов и мнений: в качестве фактов регулярно преподносятся оценочные суждения, в большом количестве используются эмоционально окрашенные слова и выражения.

В-третьих, в нескольких важных местах не указываются источники информации.

В-четвёртых, авторы допускают ряд неточностей, отступая таким образом от соблюдения принципа правдивости.

Что касается конкретных претензий заявителя, то у меня нет возможности проверить правдивость информации, связанной с Джерри Армстронгом (для этого потребовалось бы отдельное серьёзное расследование), и некоторых других утверждений, в том числе сделанных героями передачи. Однако я согласна с тем, что передача в целом (и подбор экспертов, в частности) весьма тенденциозна, а значит, не вполне правдива (однобокое освещение проблемы не даёт зрителю увидеть максимально полную картину событий).

Является ли передача злоупотреблением свободой СМИ? На этот вопрос я бы ответила отрицательно, так как готова признать такими злоупотреблениями только самые вопиющие случаи, подпадающие под правовое регулирование.

Разжигает ли она межрелигиозную рознь? На мой взгляд, нет, так как не «сталкивает лбом» разные религии.

На вопрос об оскорблении чувств верующих могут ответить только сами верующие, но вероятно, что кто-то из них может почувствовать себя оскорблённым из-за того, что все саентологи представлены в передаче либо мошенниками, либо одурманенными простаками.

Наконец, то, что «Россия 24» не отвечает на жалобы саентологов и не предоставляет им права на ответ, свидетельствует, что телеканал в данном случае не выполняет одной из основных общественных функций СМИ – служить форумом для обмена мнениями. Такое уклонение крупнейшего СМИ от выполнения одной из своих главных задач тоже следует считать серьёзной этической ошибкой.

Источники

1. Расследование Эдуарда Петрова. Формула успешного обмана // «Россия 24». 02.06.2018. URL: <https://www.vesti.ru/videos/show/vid/756046> (дата обращения: 25.04.2020).
2. Мнение эксперта, кандидата философских наук Каринэ Назаретян, о выпуске передачи «Теория заговора» под названием «Шпионаж под видом религии», показанном на телеканале «Звезда» 17.10.2017 // Общественная коллегия по жалобам на прессу. 10.09.2018. URL: <https://www.presscouncil.ru/praktika/zhaloby-kollegii/rassmotrennye-zhaloby/5942-zhaloba-postupivshaya-ot-predstavitelej-religioznoj-gruppy-moskovskaya-saentologicheskaya-tserkov?start=2> (дата обращения: 25.04.2020).
3. Мнение эксперта, кандидата философских наук Каринэ Назаретян, о сюжете, посвящённом деятельности религиозной организации «Свидетели Иеговы», показанном на телеканале «Россия-1» в передаче «Вести» 15.09.2015 // Общественная коллегия по жалобам на прессу. 28.10.2015. URL: <https://www.presscouncil.ru/praktika/zhaloby-kollegii/rassmotrennye-zhaloby/4993-zhaloba-na-programmu-vesti-iz-za-syuzheta-o-svidetelyakh-iegovykh?start=6> (дата обращения: 25.04.2020).

4. Медиаэтический стандарт Коллегии. URL: <https://www.presscouncil.ru/teoriya-i-praktika/dokumenty/4756-mediaeticheskij-standart-2015> (дата обращения: 25.04.2020).
5. Лункин Р. Два кривых зеркала. В России сильно ругают либо «сектантов», либо за употребление слова «сектанты» // Credo.ru. 21.12.2006. URL: <http://portal-credo.ru/site/print.php?act=fresh&id=542> (дата обращения: 25.04.2020).
6. Кантеров И. «Деструктивные, тоталитарные» и далее везде // «Религия и право». № 1. 2002. URL (копия): https://lib.uni-dubna.ru/search/files/kult_kanterov/~kult_kanterov.htm (дата обращения: 25.04.2020).
7. Балагушкин Е.Г. Новые религии как социокультурный и идеологический феномен // Общественные науки и современность. 1996. № 2. С. 90–100. URL: http://ecsosman.hse.ru/data/345/692/1216/ons5-96_-_0090-100.pdf (дата обращения: 25.04.2020).
8. Эгильский Е.Э., Матецкая А.В., Самыгин С.И. Новые религиозные движения. Современные нетрадиционные религии и эзотерические учения. Учебное пособие. – М.: КНОРУС, 2010.
9. Григорьева Л.И. К вопросу об использовании понятия «тоталитарная секта» по отношению к новым нетрадиционным религиозным движениям // Личность, творчество и современность. Сборник научных трудов. Отв. ред. Д.Д. Невирко. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 1999. Вып. 2. С. 206–210. URL (копия): <http://humane.net.ru/content/к-вопросу-об-использовании-понятия-тоталитарная-секта-по-отношению-к-новым-нетрадиционным> (дата обращения: 25.04.2020).
10. Религиозный статус саентологии в разных странах // «Википедия». URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Религиозный_статус_саентологии_в_разных_странах (дата обращения: 25.04.2020).
11. Литой А. Платные курсы и «этические приказы»: за что преследуют саентологов в России // «ОВД-инфо». 02.11.2018. URL: <https://ovdinfo.org/articles/2018/11/02/platnye-kursy-i-eticheskie-prikazy-za-cto-presleduyut-saentologov-v-rossii> (дата обращения: 25.04.2020).

РЕШЕНИЕ

«О жалобе Воронцовой Елены Вячеславовны в связи с публикацией на сайте сетевого издания «Онлайн-47.ру» (online47.ru) и размещением на сайте ivbg.ru «Новости Ленинградской области» материалов «Десяткино 2.0 достроят не скоро, но обязательно и по закону. Дольщики хотят наоборот» (без автора, дата публикации – 09.10.2019 г., адрес материала в Интернете: <https://online47.ru/2019/10/09/desyatkino-20-dostroyat-ne-skoro-no-obyazatelno-i-po-zakonu-dolshchiki-khotyat-naoborot-78035>) и «Десяткино 2.0: объект будет достроен по закону, даже если дольщиков закон не интересует» (автор – Сергей Агутин, дата публикации – 09.10.2019 г., адрес материала в Интернете: <https://ivbg.ru/8062428-desyatkino-2-0-obekt-budet-dostroen-po-zakonu-dazhe-esli-dolshnikov-zakon-ne-interesuet.html>)».

г. Москва, 05 мая 2020 г.

№ 211

На 211-м заседании Общественной коллегии по жалобам на прессу ad hoc коллегия в составе Юрия Казакова (председательствующий, сопредседатель Общественной коллегии по жалобам на прессу), членов Палаты медиасообщества Ольги Кравцовой, Владимира Познера, Виктора Юкечева, членов Палаты медиааудитории Алексея Автономова, Татьяны Андреевой, Евгения Гонтмахера, Виктора Монахова, Генри Резника, Владимира Ряховского, Аниты Соболевой, Григория Томчина, рассмотрела обращение Воронцовой Елены Вячеславовны в связи с публикацией на сайте сетевого издания «Онлайн-47.ру» (online47.ru) и размещением на сайте ivbg.ru «Новости Ленинградской области» материалов «Десяткино 2.0 достроят не скоро, но обязательно и по закону. Дольщики хотят наоборот» (без автора, дата публикации – 09.10.2019 г., адрес материала в Интернете: <https://online47.ru/2019/10/09/desyatkino-20-dostroyat-ne-skoro-no-obyazatelno-i-po-zakonu-dolshchiki-khotyat-naoborot-78035>) и «Десяткино 2.0: объект будет достроен по закону, даже если дольщиков закон не интересует» (Автор – Сергей Агутин, дата публикации – 09.10.2019 г., адрес материала в Интернете: <https://ivbg.ru/8062428-desyatkino-2-0-obekt-budet-dostroen-po-zakonu-dazhe-esli-dolshnikov-zakon-ne-interesuet.html>).

Вопросы процедуры. Заявитель, Воронцова Елена Вячеславовна, подписала Соглашение о признании профессионально-этической юрисдикции Общественной коллегии по жалобам на прессу, приняв на себя тем самым обязательство не использовать решение Общественной коллегии по данному информационному спору для его продолжения в судебном, ином правовом или административном порядке.

Адресаты жалобы, редакция сетевого издания «Онлайн-47.ру» (главный редактор А.А. Телегин) и редакция сетевого издания ivbg.ru «Новости Ленинградской области» (главный редактор А.В. Александров), на информационное письмо Коллегии о принятии жалобы к рассмотрению не ответили, отношения к претензиям заявителя не выразили, от предложения принять участие в рассмотрении жалобы уклонились.

Позиция заявителя Е.В. Воронцовой при обращении в Коллегию была сформулирована следующим образом: «Сетевые издания online47.ru и ivbg.ru распространяют недостоверную информацию, публикации направлены на разжигание неприязни к обманутым дольщикам ЖК «Десяткино 2.0». Например, после поездки в октябре в ДОМ. РФ многодетной семьи Людмилы Анисимовой и Елены Воронцовой 9 октября 2019 года был опубликован материал «Десяткино 2.0 достроят не скоро, но обязательно и по закону. Дольщики хотят наоборот» (<https://online47.ru/2019/10/09/desyatkino-20-dostroyat-ne-skoro-no-obyazatelno-i-po-zakonu-dolshchiki-khotyat-naoborot-78035>) и «Десяткино 2.0: объект будет достроен по закону,

даже если дольщиков закон не интересует” (<https://ivbg.ru/8062428-desyatkin0-2-0-obekt-budet-dostroen-po-zakonu-dazhe-esli-dolshnikov-zakon-ne-interesuet.html>). В них от лица обманутых дольщиков ЖК “Десяткино 2.0” перечислены неверные требования, а именно:

1) *ДОМ.РФ должен приступить к работе, не дожидаясь банкротства “Норманн ЛО”.*

Это утверждение не соответствует действительности. На момент публикации мы активно требовали банкротства застройщика, поскольку строительство нашего объекта не велось с 2016 г. Гендиректор, учредитель компании В. В. Смирнов является фигурантом уголовного дела, возбужденного еще в феврале этого года по 4 ч. 4 ст. 159 УК РФ (мошенничестве в особо крупном размере или повлекшее лишение права гражданина на жилое помещение) по признакам обмана дольщиков МКД ЖК “На Заречной” в поселке Парголово Выборгского района Санкт-Петербурга на сумму 1,489 миллиарда рублей. Ранее Смирнову было предъявлено обвинение по аналогичному факту, связанному с хищением денежных средств участников долевого строительства в ЖК “Десяткино 2.0” Ленинградской области на сумму 1,8 миллиарда рублей. По версии следствия, он привлекал денежные средства граждан под предлогом возведения жилого комплекса и при этом сообщал им ложную информацию о сроках окончания строительства МКД и их скором вводе в эксплуатацию. <...>

Первый раз пострадавшие граждане пытались обанкротить застройщика ещё в конце 2017 г.. Весной 2018 г. арбитраж принял заявление к производству, но дальше дело застопорилось. В феврале 2019 г. дольщики подали несколько исков о несостоятельности в отношении “Норманн ЛО” (а также в отношении ООО “Норманн-Юг”, НАО “ИСГ “Норманн””, ООО “Норманн-Север”). В апреле суд признал “Норманн ЛО” банкротом и открыл было конкурсное производство. Однако в июне кассационный суд отменил решение арбитража и вернул компании статус застройщика. После неоднократных просьб и поездок дольщиков в Москву в сентябре этого года Фонд подал иск о банкротстве “Норманн ЛО”, а застройщик признан банкротом 30.10.2019 г.

2) *Подвинуть в очереди на достройку дольщиков пилотных “Шотландии”, “СНВ Северо-Запад” или “Морошкино”.*

Утверждение не соответствует действительности. Мы требуем указать реальные сроки просрочки нашего объекта, так как Комитет государственного строительного надзора и экспертизы Ленинградской области подал сроки в Единый реестр проблемных объектов, указав просрочку в полгода, тогда как сроки сдачи нашего объекта по ДДУ просрочены уже на три года. <...>

3) *Максимально урезать все социальные статьи расходов регионального бюджета и на эти деньги за счёт всех жителей Ленинградской области в максимально короткие сроки достроить ЖК “Десяткино 2.0”.*

Утверждение не соответствует действительности, а сама формулировка якобы нашего требования направлена на формирование неприязни в отношении обманутых дольщиков ЖК “Десяткино 2.0”. Мы пытались разобраться в этой ситуации самостоятельно и связались с Анастасией Заливухиной (*заявитель приводит адрес названного лица в сети «ВКонтакте», – Коллегия*), чье имя было указано в качестве автора этих материалов, но девушка поспешила откеститься от авторства, заявив, что текст не её, а только подписан её именем, обманутыми дольщиками она не занимается и вообще в издании не работает. Позже её имя исчезло из публикации. Мы связались с редакцией online47.ru и выяснили, что они не считают опубликованную ими информацию клеветой на дольщиков ЖК “Десяткино 2.0”. <...>

Долгострой ЖК “Десяткино 2.0” также упоминается в опубликованной 3 декабря 2019 года статье “*Утром деньги – вечером скандал: активисты в Ленобласти научились зарабатывать на доверии обманутых дольщиков*” (<https://online47.ru/2019/12/03/utrom-dengi-vecherom-skandal-aktivisty-v-lenoblasti-nauchilis-zarabatyvat-na-doverii-obmanutykh-dolshchikov-82278>), из которой следует, что обманутые дольщики собирают средства на поездки в Москву. Подача информации в таком виде направлена на унижение чести и

достоинства обманутых дольщиков (сбор денег с дольщиков на поездку в столицу вообще не осуществлялся).

Распространение недостоверных требований от нашего лица и не соответствующая действительности информация нарушают права и свободы обманутых дольщиков, противоречат Поручениям Президента РФ № 1520 и препятствуют восстановлению наших конституционных прав на жильё.

Отдельно стоит отметить, что издания online47.ru и ivbg.ru финансируются за счёт бюджетных средств, то есть за счёт средств налогоплательщиков, коими, в том числе, являются и обманутые дольщики ЖК «Десяткино 2.0». <...>».

Позиция адресата жалобы, редакций сайта и сетевого издания «Онлайн-47.ру», осталась Коллегии неизвестной.

Обстоятельства, установленные в ходе заседания Коллегии. Заявитель Е.В. Воронцова начала с утверждения, что у неё «нет желания кого-то наказывать, кому-то отомстить. Есть желание понять: с чем связана позиция тех, кто подготовил и опубликовал названные материалы?» По её словам, два издания, одно из которых перепечатывает публикации другого, «травят не только нас, но и других обманутых дольщиков Ленинградской области. Одни заголовки чего стоят: “Вредные советы от дольщиков. Как написать пост в социальных сетях на миллион и получить уголовную перспективу”, “Чёрный пиар вместо новостей. Кто подставляет дольщиков Ленобласти”, и т.д. Авторы этих публикаций не сочувствуют людям, они всё преподносят в язвительной манере. Нас это расстраивает, потому что публикации задевают наше достоинство. Хотелось бы, чтобы областные СМИ относились к нам уважительно. Ведь мы в этой ситуации оказались не по своей вине».

Отвечая на вопрос, являются ли дольщики ЖК «Десяткино 2.0», в основном, жителями области или города, заявитель пояснила, что дольщики – это «разные люди, люди из разных регионов. Есть те, кто купил это жильё в Ленинградской области, продав при этом жильё в других областях – в Барнауле, например (это то, что я лично знаю). Т. е. это не обязательно жители Ленинградской области, это люди из разных регионов страны». Ответ на уточняющий вопрос, кого у них больше – жителей Петербурга или Ленинградской области: «Такой статистики мы не ведём. Мы смотрели, какие люди приобретали квартиры. Это люди совершенно разные: как молодые семьи с материнским капиталом, так и люди, которые хотели жить здесь на пенсии. Данных о том, кто преобладает – жители города или области, у нас нет».

Отвечая на вопрос, было ли уже принято решение о банкротстве застройщика к моменту появления оспоренных публикаций, Елена Воронцова заметила: «Материал, в котором от нашего имени говорилось, что мы требуем – якобы мы требуем, – чтобы ДОМ.РФ приступил к работе, не дожидаясь банкротства, что мы хотим подвинуть остальных обманутых дольщиков, чтобы оказаться первыми (это не соответствовало истине, это нас возмутило), был опубликован 9 октября 2019 г. Банкротство застройщика произошло позже, 20 октября», «Но мы не об этом говорим. Мы обращаем внимание на сказанное о том, что мы якобы требовали от ДОМ.РФ сразу взять нас в работу, не дожидаясь банкротства, – хотя мы такого не требовали. И о нашем якобы желании подвинуть другие объекты, что также не соответствует истине. В этом суть наших претензий к СМИ».

Отвечая на один из вопросов членов ad hoc коллегии, заявитель сообщила, что до публикации материала ни с ней, ни с кем-либо из дольщиков никто из журналистов не связывался.

Заявитель отказалась делать предположения о том, в силу каких причин СМИ, имеющие отношение к Правительству Ленинградской области, могли опубликовать оспоренные тексты: «Я не могу этого знать. Мы попытались связаться с главным редактором

сайта online47.ru, позвонили по телефону, который указан на сайте, так что я была уверена, что говорю с Телегиным. Мы попросили удалить эту статью (как недостоверную) и получили отказ. Нам сказали, что это позиция редакции, что материал редакционный. И припугнули иском по Закону «О СМИ» за то, что мы затерроризировали в Интернете автора статьи. С Анастасией Заливухиной, которая первоначально была указана в качестве автора, мы действительно связывались. Но она сказала, что не работает с обманутыми дольщиками, что материал не её – под ним просто поставили её имя. В дальнейшем, правда, её имя исчезло. Вот то, что нам удалось на тот момент прояснить».

Е. В. Воронцова подтвердила, что в её разговоре с предположительно главным редактором сайта зашла речь об изложении позиции обманутых дольщиков. («Да, мы об этом говорили. Он сказал – с удовольствием. Но после этого никаких предложений опубликовать что-нибудь не поступало».) Заявитель пояснила, что никакого материала, который мог бы быть опубликован на сайте, самостоятельно дольщики не готовили. («Мы ничего не предлагали. Мы получили от них устное согласие: да, мы осветим, с нашей точки зрения. У нас есть открытые площадки в социальных сетях. Их мониторят и чиновники Ленинградской области, и журналисты в подписчиках состоят. Они видят наш Инстаграм, они видят сайт «Новости долевого строительства», где мы публикуем всё. И они могут отреагировать: наши мероприятия и контакты все в доступе».) Заявитель также выразила мнение, что дольщиков, задетых оспоренными статьями, удовлетворила бы публикация материала с изложением их точки зрения и что они могли бы такой материал подготовить

Заявитель особо выделила такой мотив обращения в Коллегию, как ощущение унижения, связанное с публикациями. («Они всячески унижают людей обманутых, понимаете? Каждый раз какие-то у них находятся слова, которые нас унижают и расстраивают. И мы реагируем на это».)

Повторив сказанное о том, что адресатами негативных публикаций указанных СМИ были дольщики Ленинградской области как таковые, а не только ЖК «Десяткино 2.0» («Моя жалоба касается только нашего эпизода и случая, я не рассматриваю другие. Но я вам зачитала заголовки и говорю о том, что это происходит и с остальными обманутыми дольщиками и долгостроями»), заявитель высказала предположение, что информационная кампания, с которой столкнулись дольщики, может быть связана с тем, что они перестают молчать. «Наверное, мы неудобные; наверное, нужно, чтобы мы молчали; наверное, мы портим статистику, рейтинг губернатора – я не знаю, что ещё. Но мы видим такие материалы, к сожалению, вот они».

С учётом всего изложенного Общественная коллегия приняла следующее решение.

РЕШЕНИЕ

1. Коллегия сожалеет, что редакции сетевых изданий «Онлайн-47» и ivbg.ru «Новости Ленинградской области» уклонились от приглашения к участию в рассмотрении настоящей жалобы, лишив себя тем самым возможности ответить на обвинения в нарушении норм и правил профессиональной этики журналиста.

Коллегия подчёркивает, что невозможность выполнения уставной максимы – проведения заседания в режиме «конструктивного диалога между участниками конфликта» и «в обстановке состязательности, открытости и равноправия сторон» – не является препятствием к рассмотрению жалобы, но лишает её адресата сразу двух уровней защиты, поскольку оставляет без реакции адресата жалобы слова заявителя и открывает заявителю дорогу к продолжению рассмотрения настоящего информационного спора «в судебном, ином правовом или административном порядке».

2. В отсутствие другой стороны информационного спора, представителей адресата жалобы, Коллегия не имеет возможности с необходимой точностью установить обстоятельства, при которых, как утверждает заявитель, публикация, подписанная конкретным именем журналиста, оказалась в итоге безымянной, т. е. по факту редакционной. Не имея возможности перепроверить эту информацию, Коллегия принимает в сведению сказанное заявителем о том, что журналист, «чьё имя было указано в качестве автора этих материалов», будучи разысканной через контакты в конкретной социальной сети, «поспешила откреститься от авторства, заявив, что текст не её, а только подписан её именем», что «обманутыми дольщиками она не занимается и вообще в издании не работает».

3. По той же причине отсутствия другой стороны Коллегия не имеет возможности установить имя и должность сотрудника редакции сайта online47.ru, с которым заявитель разговаривала по телефону после появления первой и трёх оспоренных публикаций, а также с необходимой достоверностью восстановить содержание этого разговора.

4. Не ставя под сомнение факт самого разговора заявителя с неким представителем редакции сайта, который был условно, по номеру телефона, идентифицирован заявителем как главный редактор сайта А. А. Телегин, Коллегия принимает к сведению информацию, доведённую по телефону до заявителя (данная публикация выражает позицию редакции) и расценивает указанную публикацию именно под таким углом зрения.

5. Не имея возможности ни подтвердить, ни опровергнуть в отсутствие адресата жалобы сказанное заявителем на заседании, Коллегия принимает к сведению его сообщение о том, что представителя обманутых дольщиков в упомянутом телефонном разговоре «пытались припугнуть преследованием по Закону “О СМИ”» за якобы «терроризирование» в Интернете журналиста, чья подпись, как утверждает заявитель, первоначально стояла под публикацией.

6. Традиционно избегая заходов в правовое поле, Коллегия в данном случае обращает внимание на то, что ст. 58 «Ответственность за ущемление свободы массовой информации» Закона РФ «О средствах массовой информации» содержит чёткие, однозначно прочитываемые признаки «ущемления свободы массовой информации, т. е. воспрепятствования в какой бы то ни было форме со стороны граждан, должностных лиц государственных органов и организаций, общественных объединений законной деятельности учредителей, редакций, издателей и распространителей продукции средств массовой информации». И при этом не содержит, на взгляд Коллеги, признака, позволяющего отнести описанную заявителем ситуацию *прояснения гражданами обстоятельств исчезновения подписи журналиста под задевшим их материалом* к подпадающим под действие указанной статьи Закона РФ «О средствах массовой информации».

6.1. Коллегия находит вместе с тем, что фрагменты публикации «Десяткино 2.0 достроят не скоро, но обязательно и по закону. Дольщики хотя наоборот», расцененные заявителем как содержащие заведомо ложную информацию и диффамационные («Что не нравится дольщикам» и «Что нравится дольщикам»), имеют все основания быть проверенными на соответствие ст. 51 «Недопустимость злоупотребления правами журналиста» Закона РФ «О средствах массовой информации» как пример *«распространения слухов под видом достоверных сообщений»*.

7. Возвращаясь в привычное для себя профессионально-этическое поле, Коллегия считает установленными следующие обстоятельства:

– Оспоренные публикации содержат не соответствующие действительности утверждения.

– Оспоренные публикации являются диффамационными по характеру и способствующими – независимо от того, вызван ли такой эффект умыслом, намерением или

недомыслием авторов публикаций – нарушению гражданского мира, поскольку представляют определённую группу граждан (обманутых дольщиков) людьми, готовыми нарушать принцип социальной справедливости и требующими нарушения закона в целях достижения своих, узко групповых интересов.

– Оспоренные публикации превращают уже заведомо поражённую в правах, глубоко задетую сложившейся не по их вине ситуацией группу граждан, уже пострадавших от недобросовестного застройщика, в заложники ситуации социального противостояния, конструируемой авторами публикаций, т. е. в возможные жертвы общества, находящегося в определённо неравновесной социальной и психологической ситуации.

8. Коллегия отмечает, что лица, готовившие оспоренные публикации, пренебрегли возможностью ознакомиться с мнением тех, кто в каждой из публикаций выставлен в негативном свете именно как представитель выделенной, особой группы (обманутые дольщики).

Простое, но важное профессиональное правило – дать слово другой стороне, совершенно обязательное, когда речь идёт о подготовке материала критического, – было, в данном случае, безусловно нарушено как авторами публикаций, так и теми, кто размещал указанные материалы на сайте.

9. Коллегия обращает внимание на то, что читатели оспоренных публикаций имели дело с продуктом, создатели которого не просто грубо нарушили такой стандарт журналистской профессии, как предоставление слова подвергающимся публичной критике, но применили приёмы манипулирования сознанием пользователя СМИ. Добросовестная информация оказалась в итоге заменена фальсификатом, подменой мнения обманутых дольщиков «мнением», которое им было приписано.

9.1. Если бы под публикацией «Десяткино 2.0 достроят не скоро...» стояли подпись или псевдоним автора, у Коллегии были бы основания предположить, что до журналиста, совершающего такую подмену вообще и применительно к ситуации выраженного общественного интереса, к чрезвычайно чувствительной теме обманутых дольщиков, в частности, будет доведён внятный сигнал (профессионального сообщества, редакции, работодателя) о недопустимости нарушения базовых принципов и правил профессиональной этики журналиста. Пользуясь случаем, Коллегия напоминает основное положение принципа «Добросовестное освещение событий – долг журналиста» своего *Медиаэтического стандарта*: «Журналист отвечает собственным именем за точность и полноту информации о фактах, а также за честное, добросовестное, непредвзятое освещение текущих событий в том контексте, в котором информация об этих фактах и событиях приобретает смысл для конкретного гражданина, отдельной социальной группы, общества в целом. Журналист и редакция средства массовой информации обязаны заботиться о том, чтобы не публиковались неточные, вводящие в заблуждение или искажённые информационные материалы: как текстовые, так и выполняющие роль информации к тексту».

9.2. Учитывая, что речь идёт о публикации редакционной, всё, что может сделать Коллегия, – это порекомендовать лицам, ответственным за формирование и осуществление редакционной политики сайта online47.ru, проверить оспоренную публикацию на соответствие букве и духу редакционной политики сайта, если она каким-то образом прописана, и нормативным представлениям о профессиональной этике журналиста и медиаэтике.

10. Обращая внимание на изначальную безнравственность подхода, при котором однозначное «у них украли» превращается в неопределённое «то ли у них, то ли они», Коллегия признаёт, что члены *ad hoc* коллегии, как обнаружилось, по-разному прочитывают

ситуацию так и не состоявшейся моральной сатисфакции, возможность которой открывалась в телефонном разговоре заявителя с предполагаемым главным редактором сайта.

10.1. Напоминая, что при рассмотрении конкретного прецедента она имеет дело с описанием деталей именно телефонного (т. е. без свидетелей) разговора одной стороной, Коллегия отмечает что ни в обращении к ней заявителя, ни в сказанном Е.В. Воронцовой на заседании не возникало речи об обращении сторон информационного спора к таким правовым конструкциям, как «Право на опровержение» или «Право на ответ» (ст. 43–45 и ст. 46 Закона РФ «О средствах массовой информации», соответственно.).

10.2. Признавая, что речь, таким образом, могла идти исключительно о возможном проявлении *доброй воли* редакцией сайта (если заявитель говорила именно с А. Телегиным, а не с сотрудником редакции, не имевшим для обсуждения темы необходимых полномочий), члены *ad hoc* коллегии разделились в оценке характера шагов, которые так и не были предприняты сторонами. Одни выразили мнение, что необходимые усилия для перевода импульса доброй воли в конкретную публикацию или серию публикаций не были выполнены самими заявителями, которые были заинтересованы в восстановлении справедливости, полагая, что редакция сайта могла ожидать получения каких-то материалов от заявителя и что осуждать её действия, в конечном итоге, можно было бы только в том случае, если бы полученные материалы не были опубликованы. (Конкретное проявление позиции такого рода: «Очень жаль, что заявитель не воспользовалась согласием, которое, по её же словам, было дано от имени редакции. Публикация с изложением позиции заявителя в отношении проблемы дольщиков и возможных путей её решения, если бы она состоялась, позволила бы и представить позицию дольщиков, и защитить их доброе имя».) Другие сочли не проделавшей необходимую работу по прояснению и точному донесению до читателей позиции дольщиков – ни при подготовке оспоренной публикации, ни после телефонного разговора, о котором говорил заявитель, – саму редакцию сайта, которая, могла бы в итоге инициативно обратиться к заявителю и с его помощью подготовить новую публикацию.

10.3. Полагая имеющими право на жизнь обе точки зрения, но сразу же и возвращаясь к сказанному о том, что оспоренные публикации содержат не соответствующие действительности утверждения, Коллегия полагает полезным напомнить подход, заложенный в принцип «Профессиональная честность журналиста» своего *Медиаэтического стандарта*: «Профессиональная честность проявляется в готовности признать и исправить допущенную ошибку. <...> В случае обнаружения в публикации ошибок или существенных неточностей, ложных или искажённых данных профессионально правильной реакцией редакции на ситуацию считается незамедлительное исправление ошибки журналиста или редакции способом, соответствующим представлениям о честной журналистике, и образом, понятным задетому лицу». И далее: «Решение о принесении редакционных извинений является прерогативой редакции».

11. Коллегия полагала бы профессионально правильным инициативное возвращение редакции сайта к ситуации с обманутыми дольщиками ЖК «Десяткино 2.0», восстанавливающее доверие наиболее задетой категории дольщиков как к конкретным СМИ, упоминаемым в обращении заявителя Е. В. Воронцовой, так и к российской журналистике в целом.

Решение о принесении извинений или же о попытке уладить конфликтную ситуацию в рабочем порядке может быть принято только руководством сайта online47.ru.

12. Учитывая, что адресатом жалобы не подписано Соглашение о признании профессионально-этической юрисдикции Общественной Коллегии по жалобам на прессу, Коллегия освобождает заявителя от принятого им обязательства не использовать вынесенное

решение Общественной коллегии для продолжения данного информационного спора в судебном, ином правовом или административном порядке.

13. Общественная коллегия просит:

- редакции журналов «Журналист» и «Информационное право» – опубликовать состоявшееся решение Общественной коллегии;
- факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, а также факультеты журналистики других вузов – обсудить состоявшееся решение Общественной коллегии со студентами, изучающими профессиональную этику;
- Комиссию Общественной палаты Российской Федерации по развитию информационного сообщества, СМИ и массовых коммуникаций – принять к сведению состоявшееся решение Общественной коллегии.

Настоящее решение принято консенсусом.

**Председательствующий,
Ю.В. Казаков**

**Особое мнение
члена Палаты Медиаобщества
Владимира Познера**

Проект Решения № 211 по жалобе Е.В. Воронцовой является, на мой взгляд, безупречным. Я всецело его поддерживаю.

Однако остаюсь при своём мнении, которое заключается в следующем: по непонятной мне причине заявитель не направил опровержение в сетевое издание «Онлайн-47.ру», хотя человек, представившийся главным редактором в телефонном разговоре, выразил готовность разместить в своём издании мнение заявителя. Как сказала сама заявитель, если бы такой материал был размещён, вопрос был бы снят.

Почему заявитель решила подождать, пока само издание разместит эту точку зрения, я не понимаю.

Получается так: Коллегия в своём большинстве решила, что неиспользование заявителем возможности разместить опровержение не имеет значения, важно то, что был опубликован материал, содержащий неправду.

Я же считаю, что если бы заявитель подготовил опровержение, направил бы его по адресу, и если оно было бы опубликовано, Коллегия не получила бы никакой жалобы. Если же опровержение не было бы опубликовано, это совершенно изменило бы положение дел.

С моей точки зрения, заявитель не довёл дело до конца. По какой причине – не знаю.

РЕШЕНИЕ

«О жалобе АНО «Центр защиты материнства и детства "Тёплый дом на горе"» на сетевое издание «Даптар» и журналиста Светлану Анохину в связи с публикацией серии материалов «Холодный "Тёплый дом на горе"»».

г. Москва, 26–27 мая 2020 г.

№ 212

На 212-м заседании Общественной коллегии по жалобам на прессу ad hoc коллегия в составе председателя Палаты медиасообщества Михаила Федотова (председательствующий), сопредседателя Общественной коллегии по жалобам на прессу Владимира Лукина, членов Палаты медиасообщества Мананы Асламазян, Ольги Кравцовой, Владимира Познера, Юрия Пургина, Виктора Юкечева, членов Палаты медиааудитории Алексея Автономова, Татьяны Андреевой, Сергея Ениколопова, Дмитрия Орешкина, Владимира Ряховского и Григория Томчина рассмотрела обращение АНО «Центр защиты материнства и детства «Тёплый дом на горе»» на интернет-портал «Даптар» и журналиста Светлану Анохину в связи с публикацией серии материалов «Холодный «Тёплый дом на горе»» (размещены 17.02.2020, 22.02.2020, 27.02.2020, 12.03.2020. Адрес в Интернете – <https://daptar.ru/2020/02/17/холодный-теплый-дом-на-горе-почему-в;>
<https://daptar.ru/2020/02/22/холодный-теплый-дом-на-горе-история;>
<https://daptar.ru/2020/02/27/холодный-теплый-дом-на-горе-как-благ;>
[https://daptar.ru/2020/03/12/холодный-теплый-дом-на-горе-почему-в-2\).](https://daptar.ru/2020/03/12/холодный-теплый-дом-на-горе-почему-в-2)

Вопросы процедуры. Заявитель, АНО «Центр защиты материнства и детства «Тёплый дом на горе»» признал профессионально-этическую юрисдикцию Общественной коллегии по жалобам на прессу и его директор Евгения Величкина подписала соответствующее Соглашение.

Адресат жалобы, шеф-редактор интернет-портала «Даптар», журналист Светлана Анохина, также подписала Соглашение о признании профессионально-этической юрисдикции Общественной коллегии по жалобам на прессу.

Таким образом, обе стороны приняли на себя обязательство сотрудничать с Коллегией при подготовке информационного спора к рассмотрению, а также в процессе его рассмотрения, исполнить решение Коллегии, вынесенное по данному спору, и не использовать его для продолжения спора в судебном, административном или ином правовом порядке.

Коллегия приняла к сведению, что интернет-портал «Даптар» не является зарегистрированным средством массовой информации.

С учетом изложенных выше обстоятельств и, руководствуясь положениями своего Устава, Коллегия признала жалобу подлежащей рассмотрению в соответствии с мандатом Общественной коллегии по жалобам на прессу.

Позиция заявителя, АНО «Центр защиты материнства и детства «Тёплый дом на горе»» (далее – Центр) была изложена в обращении его директора Евгении Величкиной в Общественную коллегию по жалобам на прессу, полученном через официальный сайт Коллегии 23 марта 2020 г. Заявитель полагает, что на Центр организована информационная атака в СМИ путём публикации серии материалов, «порочащих честь, достоинство и репутацию Центра, который занимается проблемами женщин в Дагестане». Евгения Величкина указывает в своём обращении, что все материалы вышли по инициативе дагестанской журналистки Светланы Анохиной, которая «активно распространяет в социальных сетях и на данном портале материалы, содержащие клеветническую, искажённую

и перевёрнутую информацию о деятельности нашей организации. Тексты содержат заведомо негативную информацию, построены исключительно на обвинительном заключении. В материалах используются обвинения в мошенничестве, при этом журналисты не имеют фактических доказательств этого обвинения, доводы строятся на косвенных умозаключениях, а также на комментариях заинтересованных сторон, которые искажают факты». В обращении заявителя указано, что Центр разместил официальный комментарий с опровержением обвинений (<http://dagmama.ru/centr-zashhity-materinstva-i-detstva-tjoplyj-dom-na-gore-doros-do-informacionnoj-ataki>), однако «журналистка на этом не успокаивается и продолжает публикацию материалов».

Заявитель считает, что серия материалов «направлена на подрыв репутации Центра “Тёплый дом на горе”, что сама Анохина не скрывает, как не скрывает и того, что её цель – закрыть Центр и содействовать открытию нового шелтера в Дагестане со “своим человеком” во главе».

Заявитель полагает, что указанные публикации имеют заказной характер, и просит Общественную коллегию оценить их с точки зрения профессиональной журналистской этики.

Позиция адресата жалобы, шеф-редактора интернет-портала «Даптар», журналистки Светланы Анохиной была изложена в ее письме, полученном Коллегией 14 мая 2020 г. В письме отмечается, что информационным поводом для публикаций явился конфликт в АНО «Тёплый дом на горе», о котором успели написать другие СМИ, к примеру, «КавказРеалии», «Кавказский узел» и «Такие дела». Светлана Анохина категорически отвергает обвинения в «распространении клеветнической информации» и утверждает, что формулировка «искажённая и перевёрнутая информация» «некорректна и нуждается в уточнении с приведением прямых цитат из текста публикаций». В подтверждение своей позиции она приложила к ответу многочисленные материалы (размещены на сайте Коллегии в материалах данного информационного спора).

В ходе подготовки данной жалобы к рассмотрению Общественная коллегия запросила и получила экспертное мнение доктора философских наук, профессора Светланы Шайхитдиновой.

Рассмотрение данного информационного спора прошло в течение двух дней в формате двух онлайн-конференций на платформе Zoom с участием обеих сторон конфликта и в присутствии более ста человек.

Обстоятельства, установленные в ходе заседания Общественной коллегии. Представитель заявителя, директор Центра **Евгения Величкина** подтвердила претензии к спорным публикациям и журналисту Светлане Анохиной. Она просила Коллегию дать оценку «этой непроверенной и ложной информации». В то же время она не стала утверждать, что в данном случае налицо «заказная журналистика».

Фарида Бахшиева, заместитель директора Центра, поддержала позицию Евгении Величкиной, пояснив, что Центр проверяла прокуратура, но никаких нарушений не выявила, в том числе по теме социализации подопечных. По ее мнению, публикации, оказавшиеся предметом информационного спора, стали способом сведения личных счетов.

Адресат жалобы, шеф-редактор интернет-портала «Даптар», журналистка **Светлана Анохина** пояснила: «В жалобе Центра нет конкретики. Мы занимаемся на интернет-портале “Даптар” именно темой защиты прав женщин. Мы давно ведём тему домашнего насилия и положения женщин на Кавказе. С руководством Центра я познакомилась полтора года назад, когда пришла делать интервью. Я начала сотрудничать с Центром как волонтер-правозащитник и была сторонницей Центра, пока не узнала о конфликте подопечных с

администрацией. К нам обратились три женщины, которых угрожали вместе с 8 детьми выгнать зимой на улицу. Потом мы обнаружили, что видеосюжет на телеканале НТВ под рубрикой “Их нравы”, в котором рассказывается о работе Центра с женщиной, принуждаемой мужем к прерыванию беременности, – фальшивка. Мы нашли 19-летнюю девушку, которая по договору играла роль жены, а роль мужа играл супруг Фариды Бахшиевой, заместителя директора Центра. Никакой фактической подоплёки под этой историей мы не обнаружили. Именно поэтому мы решили использовать в публикации фотографию Фариды с мужем, чтобы читатель убедился в подделке. Все факты, о которых говорится в спорных публикациях, были нами тщательно проверены в соответствии с “правилом трёх независимых источников”. Было опрошено 15 женщин, которые проживали в Центре. Говорили также с работниками Центра и с другими людьми. В целом опросили около двух десятков человек. По сути, это было журналистское расследование, в котором помимо меня, Светланы Анохиной, участвовали Катерина Нерозникова, Мария Климова и Лидия Михальченко. Согласна, что некоторые формулировки в статьях могли бы быть и помягче. Но для нас как участников журналистского расследования эта тема ещё не закрыта. Уже послано заявление в прокуратуру, готовится обращение в тот же адрес от трёх подопечных Центра».

Екатерина Нерозникова, автор одной из спорных публикаций, пояснила, что является журналистом-фрилансером и редактором «МБХ-Медиа». Её задача в рамках журналистского расследования состояла в том, чтобы выяснить, что именно было обещано подопечным, которые обратились к журналистам, и какая помощь была им оказана в реальности. Все приведенные в статье данные являются общедоступными, они размещены на сайте Фонда президентских грантов. По её мнению, Центр не выполнил обязательства перед Фондом. Она подчеркнула, что все журналисты старались выбирать самые приемлемые для публикации слова, а факты смягчали как могли. В качестве примера Е. Нерозникова указала на тот факт, что в квартире, используемой Центром в качестве убежища для жертв домашнего насилия (шелтера), не работал дверной замок. Она пояснила, что до публикации у неё не получилось пообщаться с Евгенией Величкиной, на что было указано в тексте. В то же время Светлана Анохина неоднократно обращалась к Величкиной после публикации первой из серии спорных статей, но та неизменно отсылала её к официальному ответу на сайте Центра.

Лидия Михальченко, автор одной из спорных публикаций, пояснила, что признательна заявителям за представившуюся возможность публично обсудить тему домашнего насилия. Говоря о претензиях к Центру, она сообщила, что имели место требования подопечных убрать фотографии своих детей с сайта Центра. В результате эти фото сняли. Она также обратила внимание на то, что руководители Центра понуждали подопечных участвовать в обучающих семинарах: «Или сегодня на тренинг, или завтра без молочки». Плохо то, что в отсутствие федерального закона о профилактике домашнего насилия в России нет общих правил работы подобных шелтеров, подчеркнула она.

Отвечая на вопросы членов ad hoc коллегии и других участников заседания, **Евгения Величкина** пояснила: «Недовольные всегда бывают. Женщины, которые обратились к Светлане Анохиной, курили в помещении при детях. Тем самым они нарушали наши правила, которые им были хорошо известны. Мы это доказательство разместили на сайте. У грантодателей никаких претензий к Центру нет. Мы занимаемся прежде всего социальной реабилитацией, а убежище, шелтер – лишь одно из направлений работы Центра. Анохина пыталась войти в доверие к руководству Центра, хотя относилась к нам враждебно. Её публикации о Центре процентов на восемьдесят не соответствуют действительности. Да, у нас были случаи, когда мы расставались с подопечными, нарушавшими правила пребывания в Центре. Например, за оставление детей без присмотра, за курение в неположенном месте. Подопечные знают наши правила. Да, мы участвовали в съёмке видеосюжета для телеканала НТВ в рубрике “Их нравы” о проблеме принуждения к аборту, используя подставных людей,

чтобы обезопасить реальных участников конфликта. Подобных историй с абортами в нашей практике было много. Журналисты НТВ обратились к нам уже после того, как мы рассказали о случае с женщиной, которую вынудили сделать аборт. Конечно, помогая делать такой видеосюжет, мы понимали, что он вызовет хайп в социальных сетях и, в конечном счёте, будет способствовать реализации миссии Центра. Мы даже общались в мессенджере с некоторыми специалистами по поводу хайпа, но он не был нашей целью. Мы готовы признавать косяки в своей работе. Но в публикациях много передержек и тенденциозности. В комментариях посетителей интернет-портала “Даптар” мы видели даже требования закрыть Центр. Мы благодарны журналистам, что они в своих публикациях указали на наши недостатки, но не потерпим ни клеветы, ни контроля с их стороны.

Отвечая на вопросы членов ad hoc коллегии и других участников заседания, **Светлана Анохина** пояснила: «Обеспечение функционирования шелтера – одна из функций Центра. Об этом я могу судить как волонтер-правозащитник, занимающийся, помимо прочего, эвакуацией женщин – жертв домашнего насилия. У нас с Центром были прекрасные рабочие отношения, которые испортились в январе 2020 года. Поводом для конфликта стало обращение группы подопечных. Я слышала о подобных жалобах ещё год назад, но не придавала им значения. Если руководство Центра даст нам контакты других подопечных, то мы готовы сделать интервью и с ними, чтобы разместить на интернет-портале “Даптар”. Что касается организации нашего журналистского расследования, то я могу сказать, что нашла журналистов, которые раньше писали о Центре, и предложила им вместе проработать некоторые вопросы. Да, какие-то материалы мы направили в прокуратуру, и я уверена, что это соответствует этике журналиста. Мы будем и дальше писать о Центре, чтобы защитить подопечных. И я как волонтер-правозащитник больше никого не буду направлять для размещения в Центре, разве что на одну ночь, поскольку подопечные фактически не защищены: их могут выгнать в любой момент, вместо помощи им предлагают полицейского инспектора по делам несовершеннолетних. Кроме того, нельзя эксплуатировать многодетных матерей, называя это трудотерапией. Но мы предлагаем руководству Центра работать дальше вместе. Я, конечно, отделяю активизм от журналистики. Но когда в Центре, в шелтере выбили дверь, я организовала сбор денег на ремонт. Я сотрудничаю со многими шелтерами. Абсурдная мысль – снимать руководство Центра, но меня интересует судьба женщин, которых мы туда направляем. Я готова ходить в Центр и разговаривать с подопечными, помогать им. Я не собираюсь создавать другой шелтер, это не моя работа. Но я хочу иметь возможность контролировать работу Центра.

Выступивший в качестве эксперта глава РУСФОНДа, член Общественной коллегии по жалобам на прессу **Лев Амбиндер** пояснил, что возглавляемая им благотворительная организация собирает с помощью СМИ пожертвования, рассказывая реальные истории о страданиях больных детей, и никогда не прибегает к использованию подставных людей.

Выступившая в качестве эксперта глава Авторского центра «Мир семьи», член Общественной коллегии по жалобам на прессу **Ирина Киркора** пояснила, что невозможно или крайне трудно привлечь к созданию видеосюжета реальных потерпевших.

Члены Коллегии заслушали мнение эксперта, доктора философских наук **Светланы Шайхитдиновой**, которая проанализировала публикации, ставшие предметом информационного спора, на предмет соблюдения принципов и норм журналистской этики. При этом она отметила, что считает возможным создание видеосюжета с подставными людьми по технологии докудрамы даже без дисклеймера, призванного оповестить зрителя, что это постановка.

Общественная Коллегия, выслушав мнения сторон, изучив оспоренные публикации, представленные сторонами материалы, видеосюжет телеканала НТВ под рубрикой «Их нравы» и ознакомившись с выводами экспертов, приняла следующее решение.

РЕШЕНИЕ

1. Общественная коллегия приветствует стремление обеих сторон данного информационного спора – АНО «Центр защиты материнства и детства “Тёплый дом на горе”» и журналистов Светлану Анохину и её коллег, разместивших на интернет-портале «Даптар» цикл критических публикаций «Холодный “Тёплый дом на горе”», – апеллировать к институту и процедурам профессионального саморегулирования и гражданского сорегулирования, не прибегая к судебному разбирательству. Коллегия рассматривает такой подход как продуктивный, существенный для возвращения доверия общества к российским СМИ, для формирования общей культуры толерантности и уважения человеческого достоинства. Участие обеих сторон позволило лучше понять мотивы журналистов и героев их публикаций, уловить детали межличностных отношений. В данном информационном споре решение Общественной коллегии призвано способствовать деэскалации конфликта, для чего есть все необходимые объективные условия: готовность обеих сторон к конструктивному диалогу на основе понимания общности своей миссии по защите жертв домашнего насилия.

2. Общественная коллегия принимает к сведению экспертное мнение доктора философских наук Светланы Шайхитдиновой, согласно которому, во-первых, в публикациях цикла «Холодный “Тёплый дом на горе”» сведения, которые могут быть квалифицированы как клевета, и сведения, которые указывали бы на заказной характер публикаций, не обнаружены. Во-вторых, в публикациях усматривается нарушение такого принципа профессиональной этики журналиста, как непредвзятость, беспристрастность отношения авторов к участникам конфликтной ситуации.

3. Общественная коллегия отмечает, что в данном информационном споре наблюдается конфликт между правилами журналистской этики и гражданским активизмом, в котором участвуют обе стороны конфликта. Журналистику и гражданский активизм роднит то, что они являются различными формами защиты общественных интересов силами институтов гражданского общества. Однако смешение этих форм в деятельности журналиста чревато отходом от столь важного в профессии принципа беспристрастности. Разумеется, беспристрастность журналиста тоже имеет свои границы: она уместна, когда есть баланс сил, превращаясь в противном случае в попустительство злу. В данном информационном споре смешение журналистики и гражданского активизма выразилось в использовании журналистского инструментария для разрешения конфликта внутри некоммерческого сектора, между разными представлениями волонтеров и руководства Центра о том, какие аспекты работы кризисных центров в наибольшей степени отвечают интересам защиты прав женщин. По сути, авторы публикаций защищали не жертв, а свои представления о том, как следует их защищать. Возникший конфликт оказался глубоко личностным, что выразилось в стилистике публикаций, в частности, в акцентировании внимания читателя на мелких деталях. Увлечшись критикой руководства Центра, журналисты вышли за пределы профессии, направив заявление в прокуратуру.

4. Общественная коллегия полагает, что публикации Светланы Анохиной и её коллег на интернет-портале «Даптар», ставшие предметом данного информационного спора, посвящены крайне актуальной и одновременно очень чувствительной теме – защите жертв домашнего насилия. По мнению Коллегии, они не содержат признаков клеветы или оскорбления, не порочат честь и достоинство фигурантов публикаций, однако ставят под сомнение репутацию организации-заявителя, АНО «Центр защиты материнства и детства “Тёплый дом на горе”» в результате определенной предвзятости при подборе фактов по

заданному основанию. С каждой последующей публикацией градус конфликта только нарастал, приводя к утрате объективности с обеих сторон. В результате того, что чувства взяли верх над общностью социальной миссии авторов и Центра, журналистское расследование потеряло необходимую глубину, стало достаточно поверхностным, в котором мнения зачастую подменяют факты. Подобные публикации могут восприниматься некоторыми потенциальными благотворителями как не прибавляющие доверия к кризисным центрам.

5. Изучая обстоятельства возникновения данного конфликта, Общественная коллегия приходит к выводу, что деятельность социально ориентированных некоммерческих организаций, специализирующихся в сфере защиты жертв домашнего насилия, нуждается в полноценной законодательной базе, квалифицированном методическом обеспечении и системной финансовой поддержке. Она должна быть максимально открытой, в том числе для средств массовой информации. Представление о том, что деятельность кризисных центров должна быть вне общественного контроля, в том числе со стороны СМИ, неприемлемо.

6. Рассматривая факт создания телекомпанией НТВ видеосюжета под рубрикой «Их нравы» о принуждении к аборту, Общественная коллегия подчёркивает, что оценка работы АНО «Центр защиты материнства и детства “Тёплый дом на горе”» не относится к её компетенции, а телекомпания НТВ не является стороной данного информационного спора. Полагая, что слово «фальшивка» к данному видеосюжету неприменимо, Коллегия, однако, обращает внимание на разрушительную для общественной нравственности практику создания провокационных видеосюжетов «ради хайпа», приносящего увеличение просмотров, лайков, а в конечном счёте – гипотетический рост благотворительных пожертвований. Если видеосюжет, созданный по технологии докудрамы, основан на реальных событиях, то он должен содержать соответствующий дисклеймер, оповещающий зрителя, что в съёмках участвовали не реальные участники событий, а профессиональные или непрофессиональные исполнители.

7. Общественная коллегия напоминает обеим сторонам настоящего информационного спора, что в силу моральных обязательств, принятых ими на себя при подписании Соглашения о признании профессионально-этической юрисдикции Общественной коллегии, настоящее решение является обязательным для исполнения обеими сторонами. Оно кладёт конец данному информационному спору и не предполагает его продолжения в суде или в иных органах государственной власти или местного самоуправления.

8. Общественная коллегия приобщает к настоящему решению экспертное мнение доктора философских наук Светланы Шайхитдиновой.

9. Общественная коллегия предлагает обеим сторонам информационного спора разместить полный текст данного решения на информационных ресурсах, находящихся в их распоряжении.

10. Общественная коллегия просит:

- редакции журналов «Журналист» и «Информационное право» – опубликовать состоявшееся решение Общественной коллегии;
- Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, а также факультеты журналистики других вузов – обсудить состоявшееся решение Общественной коллегии со студентами, изучающими профессиональную этику;
- Комиссию Общественной палаты Российской Федерации по развитию информационного сообщества, СМИ и массовых коммуникаций, а также Постоянную комиссию по свободе информации и правам журналистов Совета при Президенте РФ по

развитию гражданского общества и правам человека – принять к сведению состоявшееся решение Общественной коллегии.

Настоящее решение принято консенсусом.

**Председательствующий,
М. А. Федотов,
доктор юридических наук,
профессор**

**Особое мнение
члена Палаты Медиаобщества
Ольги Кравцовой**

Благодарю коллег и обе стороны информационного спора за столь подробное и погружённое обсуждение такой важной общественной проблемы, в решении которой медиа играют весьма существенную роль.

Во многом соглашаясь с Решением, в котором сведены и сформулированы итоги нашей работы, позволю себе дополнительно акцентировать внимание на некоторых моментах.

Журналисты, на мой взгляд, в данных публикациях встали именно на защиту пострадавших – так и в такой форме, которую даёт им журналистская профессия. Это как раз пример того случая, когда вмешательство журналистов не нарушает баланс сил, а наоборот, восстанавливает его, давая голос тем, у кого его нет. Оспариваемые публикации не «ставят под сомнение репутацию» Центра – они дают нам информацию, чтобы мы это представление о репутации сформировали (и это прекрасно сформулировано в одном из пунктов Решения о том, что общественный и журналистский контроль над деятельностью таких служб необходим). При этом не журналистские публикации бросают тень на благотворительный сектор, а именно некоторые методы работы благотворительных организаций (а эта моральная борьба – можно ли критиковать тех, кто ставит своей миссией решение важной общественной проблемы – и выбор ответа, что можно и нужно – отражены в оспариваемых публикациях). «Не убивайте гонца, приносящего дурные вести». Поэтому я не могу согласиться с акцентом на «личностном характере» этого конфликта – тут нужно смотреть, что возникло раньше. Верю, что не какая-то «изначальная» личная неприязнь инициировала серию таких публикаций, а именно методы работы Центра и жалобы пострадавших вызвали возмущение журналистов.

Мне жаль, что, признавая за собой недостаток опыта и некоторые «косяки в работе», руководство Центра отказалось от предлагаемой журналистами возможности изложить свою позицию в текстах оспариваемых публикаций. Присоединяюсь к коллегам в выражении надежды, что совершенствование защиты пострадавших от домашнего насилия возможно в рамках конструктивного диалога Центра с журналистами.

**Мнение эксперта С. К. Шайхитдиновой
о серии публикаций «Холодный “Тёплый дом на горе”»
(интернет-портал «Даптар»)**

Мнение резюмирует итоги проведённого исследования.

Эксперт-исследователь: Шайхитдинова Светлана Каимовна, профессор кафедры национальных и глобальных медиа Высшей школы журналистики и медиакоммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета, профессор, д. филос. н., к. филол. н. по специальности «журналистика»; стаж работы в практич. жур-ке – 6 лет, опыт производства экспертных заключений по конфликтным текстам массовой информации – с 1997 года.

Время и место проведения исследования: 15–21 мая 2020 г., г. Казань.

Лицо, назначившее проведение исследования: Юрий Венедиктович Казаков, сопредседатель Общественной коллегии по жалобам на прессу (г. Москва).

Материалы, предоставленные эксперту:

- обращение в Общественную коллегию по жалобам на прессу Евгении Юрьевны Величкиной;
- первая публикация серии «Холодный “Тёплый дом на горе”. Почему в Дагестане женщин выгоняют из шелтера», авторы – Лидия Михальченко, Светлана Анохина (интернет-портал «Даптар», 17.02.2020), URL: <https://daptar.ru/2020/02/17/>;
- вторая публикация «Холодный “Тёплый дом на горе”. История о беременности, которой не было, или Как хайпануть на Тимати», автор – Светлана Анохина (интернет-портал «Даптар», 22.02.2020), URL: <https://daptar.ru/2020/02/22/>;
- третья публикация «Холодный “Тёплый дом на горе”. Как благотворители из Воронежа получили миллионы и отказались от обязательств», автор – Екатерина Нерозникова (интернет-портал «Даптар», 27.02.2020), URL: <https://daptar.ru/2020/02/27/>;
- четвёртая публикация «Холодный “Тёплый дом на горе”. Почему важно помогать жертвам домашнего насилия, несмотря на скандал в приюте в Махачкале», авторы – Мария Климова, Светлана Анохина (интернет-портал «Даптар», 12.03.2020), URL: <https://daptar.ru/2020/03/12/>;
- фрагмент переписки по WhatsApp о том, что тех, кто не придёт работать, лишат «молочки»;
- ответ журналиста Светланы Анохиной на жалобу Евгении Величкиной в Общественную коллегию;
- видео с курящей женщиной в комнате Центра // Из ответа Центра на своём сайте: Нарушение правил / URL: https://dagmama.ru/wp-content/uploads/2020/02/com.bongasoft.blurimagevideo_VID-20200220-WA0001-1.mp44;
- комментарий вахтёра о том, что детей оставили на долгий срок // Из ответа Центра на своём сайте: Нарушение правил / URL: https://dagmama.ru/wp-content/uploads/2020/02/20200227_200258.mp4;
- ответ Центра на критику на своём сайте: «Центр защиты материнства и детства “Тёплый дом на горе” дорос до информационной атаки» // Сайт Центра защиты материнства и детства «Тёплый дом на горе», URL: <http://dagmama.ru/centr-zashhity-materinstva-i-detstva-tjoplyj-dom-na-gore-doros-do-informacionnoj-ataki>.

Вопросы, поставленные перед экспертом:

- 1) Содержатся ли в публикациях цикла «Холодный “Тёплый дом на горе”», (интернет-портал «Даптар») сведения, нарушающие принципы профессиональной этики журналиста?
- 2) Содержатся ли в публикациях цикла «Холодный “Тёплый дом на горе”», (интернет-портал «Даптар») сведения, которые могут быть квалифицированы как клевета?
- 3) Содержатся ли в публикациях цикла «Холодный “Тёплый дом на горе”», (интернет-портал «Даптар») сведения, которые указывают на заказной характер публикаций цикла?
- 4) Если да, то в каких фрагментах текста?

Методология исследования базируется на теории журналистики, на социологии массовой коммуникации, на теории социальной ответственности СМИ. Оспоренные публикации исследованы методом дискурсивного анализа.

Характеристика объекта исследования

Авторский состав: «Над публикациями о “Тёплом доме” работали Екатерина Нерозникова (“МБХ-Медиа”; Москва), Мария Климова (журналист-фрилансер, уже писавшая о “Тёплом доме” для “Медузы”, причём в очень благожелательном тоне; Москва), Лидия Михальченко (“КавРеалии”, “Лента”, “Белсат”; Израиль) и я, Светлана Анохина (“Даптар”; Махачкала). Мы никогда прежде не оказывались в одной команде, а Лидия и Мария даже не были знакомы. Никто из трёх моих коллег не является штатным корреспондентом “Даптара”, у нас вообще нет штата» (Из ответа в Общественную коллегию Светланы Анохиной).

Первая публикация «Холодный “Тёплый дом на горе”» (авторы – Лидия Михальченко, Светлана Анохина)

Суть поднятой в данной публикации проблемы (изложена в третьей публикации цикла): «Подопечные дагестанского шелтера “Тёплый дом на горе” в конце января разослали журналистам тревожное сообщение. Трёх женщин и восьмерых детей выселяют из кризисной квартиры на улицу. Основанием, по словам женщин, стал их отказ бесплатно делать ремонт в квартире, где подопечные жили раньше. Женщины рассказали, что руководство шелтера неоднократно отправляло их мыть, шкурить и красить стены в предыдущей кризисной квартире, которую “испортили” дети подопечных (малыши рисовали на стенах). Трудиться приходилось бесплатно, бывало, что более 10 часов в день. Когда они не приходили на уборку, замдиректора центра Фариды Бахшиева угрожала выселением».

Из ответа Центра на своём сайте: «Насчёт выселения подопечных из приюта. Как мы уже поясняли ранее, проживающие в приюте женщины систематически нарушали правила проживания, оставляли детей без присмотра на несколько дней, курили как в подъезде, так и в самой квартире, в комнате соцработника, не стеснясь детей. Ниже можно найти видео, где сняты моменты нарушения правил, а также комментарий нашего дежурного вахтёра, который стал свидетелем нарушений. Также мы прикладываем скрины переписки с хозяйкой квартиры, где мы арендуем приют, где описаны жалобы соседей, а также самой хозяйки на поведение проживающих.

Комментарий дежурного вахтёра: https://dagma.ru/wp-content/uploads/2020/02/20200227_200258.mp4

Скрины переписки с хозяйкой квартиры, где мы арендуем приют: <...>».

Вторая публикация «Холодный “Тёплый дом на горе”. История о беременности, которой не было, или Как хайпануть на Тимати» (автор – Светлана Анохина).

Публикация посвящена разоблачению ситуации «с некой Аминой, которую муж заставлял сделать аборт из-за пола ребёнка (мужчина якобы хотел мальчика). Оказалось, что

роль девушки исполнила актриса, найденная сотрудниками «Тёплого дома на горе» на актёрском факультете вуза, за скромные три тысячи рублей. Фейком оказалась и видеозапись, на которой её якобы разгневанный муж приходит за своей супругой в кризисную квартиру».

Из ответа Центра на своём сайте: «Насчёт истории Амины. <...> Наша подопечная, имя которой мы изменили, не хотела сниматься и афишировать свою ситуацию, опасаясь, что её узнают родственники и её муж. Но она дала согласие, чтобы мы подняли эту историю, но безопасно для неё. Мы понимали, что ей угрожает реальная опасность и вероятность информационной травли, поэтому приняли решение рассказать её историю с помощью другого человека. После того как мы узнали о том, что её ищет муж, мы опубликовали видео с силуэтом мужчины, который ищет жену, чтобы ввести её реального мужа в заблуждение, чтобы он не подумал, что эта история о нём, и прекратил преследование».

Третья публикация цикла «Холодный “Тёплый дом на горе”. Как благотворители из Воронежа получили миллионы и отказались от обязательств» (автор – Екатерина Нерозникова, «МБХ-Медиа»)

Публикация посвящена обзору грантов и выполнению обязательств по ним кризисного центра «Тёплый дом на горе».

Здесь же: «...одна за другой стали всплывать разные подробности, выставляющие организацию “Тёплый дом на горе” не в лучшем свете. Так, появились записи телефонных разговоров, где руководство шелтера требует от подопечных принять участие в съёмках репортажа для шведских журналистов. Когда женщины отказываются, им предлагают собрать вещи и выселяться из кризисной квартиры».

Из ответа Центра на своём сайте: «История с принуждением к съёмкам была спровоцирована подопечными, тем более что съёмки предполагались анонимными, без лица и с изменением голоса, как нам и предложили изначально редакторы передачи на шведском телевидении, которые должны были снимать наш приют. О том, что подопечная Ася скрывалась от мужа, мы были проинформированы, и ей мы не предлагали участвовать в съёмках. Подопечные Юлия и Аида нам не сообщали ни о каких преследованиях от родственников, что не было отражено в их анкетах, которые они заполняли при поступлении. Также мы узнали, что подопечная Юлия уже снималась в трёх видеосюжетах о приюте организации “Дагестан без сирот”, где она ранее проживала. Съёмки проходили с открытым лицом Юлии, где она рассказывает свою историю на трёх телеканалах, два из которых являются федеральными. Ссылки на эти сюжеты мы также прилагаем».

Четвёртая публикация цикла «Холодный “Тёплый дом на горе”. Почему важно помогать жертвам домашнего насилия, несмотря на скандал в приюте в Махачкале» (авторы – Мария Климова, Светлана Анохина)

Проблема содержания женщин в кризисных центрах представлена как важная общественная проблема: «С января по сентябрь 2019 года российские правоохранительные органы зарегистрировали 15 381 преступление в отношении женщин в сфере семейно-бытовых отношений. За весь 2018 год эти показатели достигли 21 390 преступлений. И это только те случаи, которые попали в отчёты МВД. Правозащитники уверены, что большинство женщин, страдающих от насилия родственников, не обращаются в полицию, поскольку не верят, что им помогут, или опасаются мести со стороны мужей или родителей. Кроме того, далеко не все обращения в полицию по факту насилия в семье качественно расследуются. Кризисные центры для женщин, как правило, предлагают комплексные программы по борьбе с бытовым насилием».

Выводы исследования

Вывод 1

В публикациях цикла «Холодный “Тёплый дом на горе”» (интернет-портал «Даптар») сведения, которые могут быть квалифицированы как клевета, и сведения, которые указывали бы на заказной характер публикаций, не обнаружены.

Пояснение

Все публикации посвящены общественно-значимой теме – атмосфере, сложившейся в махачкалинском кризисном Центре для женщин, напряженным отношениям подопечных Центра с его руководством, манере управления делами и контингентом в Центре. Авторы, которые работали над корреспонденциями, не являются штатными сотрудниками одной редакции, живут в разных городах, их объединила общая тема: «Над различными публикациями о “Тёплом доме на горе” работали четыре журналистки. Все мы имеем к этому Центру прямое отношение. Писали о нём как о месте, где спасают и помогают. Обращались в различные фонды с просьбой поддержать такое нужное дело. Собирали для них вещи и продукты. Или отправляли в центр беглянку с детьми, ругаясь, что там будет и поддержка, и защита» (Из ответа Светланы Анохиной Общественной коллегии).

Авторы корреспонденций всецело стоят на стороне «беглянок с детьми» – этим обусловлена тональность их выступлений и способы сбора информации: представленные в публикациях факты почерпнуты, главным образом, из свидетельств женщин-подопечных кризисного центра и из переписки этих женщин с руководством Центра по WhatsApp.

«История получила широкую огласку благодаря случайности – женщины, которых среди зимы выставили из шелтера вместе с маленькими детьми, обратились к журналистам. Можно было бы посчитать её частным случаем и списать всё на дурной характер или неуживчивость именно этих трёх женщин (на такой версии настаивает руководство Центра), но, как оказалось, это проблемы, скорее, системного характера. “Тёплый дом на горе” начал свою работу в 2017 году. По словам руководства, через Центр прошло около 50 женщин. Опросить всех, разумеется, невозможно. Но рассказы трёх главных героинь наших публикаций подтверждают ещё семь бывших подопечных “Тёплого дома на горе”, что жили в Центре с марта по декабрь 2019 года. У них не было прямого выхода на прессу, не было сил и поддержки. Поэтому их истории остались неизвестными широкой публике. Все женщины утверждают, что их принуждали к съёмкам и постоянно угрожали выселением. Все отмечают, что продуктов часто не получали, а иногда получали просроченные. Все говорят, что чувствовали себя дезориентированными, полностью зависели от настроения руководства и не видели возможности защитить ни себя, ни ребёнка» (Из четвертой публикации цикла).

Гражданская позиция авторов поддерживается идеей о необходимости защищать тех, у кого нет возможности заявить о своей проблеме в публичном пространстве. В конфликте между «руководством» и «простыми людьми» журналисты безоговорочно заняли сторону «простых людей», что вполне соответствует назначению социальной журналистики.

Вывод 2

В публикациях цикла «Холодный “Тёплый дом на горе”» нами усматривается нарушение такого принципа профессиональной этики журналиста, как непредвзятость, беспристрастность отношения авторов к участникам конфликтной ситуации.

Пояснение

С нашей точки зрения, авторы проекта «Холодный “Тёплый дом на горе”» не смогли совместить благородный порыв защиты пострадавших и взвешенный подход к рассмотрению интересов сторон конфликта. Ситуация, которая, возможно, могла бы быть решена способами кризисного менеджмента, из-за однозначной, организованной публично расстановки смысловых приоритетов получила дополнительную порцию напряжения. Было задано направление не на преодоление сложности взаимодействия руководства и подопечных Центра, а в сторону неприятия конкретных личностей.

В текстовом плане это выразилось в следующем:

1. Цикл публикаций выстроен как *информационная кампания*. Это означает концептуальное подчинение отдельных материалов общей идее, взаимоусиление этих материалов, их неслучайную периодичность (поэтому «кампания» с её повторами, напоминаниями, новыми поворотами и смыслозадающим развитием заданной темы значится в ряду сильнейших способов медиавоздействия [2]).

Текстовый объём кампании «Холодный “Тёплый дом на горе”» – около 12 000 слов, то есть по 2500–3000 слов авторского текста в каждой публикации.

В силу того, что другая сторона конфликта изначально была представлена как несущая всю полноту ответственности за конфликт, кампания получилась не «в защиту», а «против» конкретных лиц.

Очевидно, в ощущении такого эффекта автор второй публикации «Ложь, муж и видео» Светлана Анохина завершила её словами: «От автора: <...> Очень страшно, если этот цикл публикаций подорвёт чьё-то доверие к самой идее кризисных центров и убежищ для женщин. Мы-то прекрасно знаем, насколько они важны. Для Северного Кавказа в особенности. Но если оставить всё как есть, то чем мы отличаемся от тех, кто, защищая институт семьи, по сути, отстаивает права агрессора, не принимая в расчёт женщин, избитых и разлучённых с детьми, дочерей, убитых во имя “семейной чести” и сыновей, в чьи детские коленки вросла гречка?» Обратим внимание, что в качестве «агрессора» обозначена другая сторона конфликта.

Четвёртая публикация кампании «Холодный “Тёплый дом на горе”. Почему важно помогать жертвам домашнего насилия, несмотря на скандал в приюте в Махачкале» как будто восстанавливает status quo общественно значимой темы: устами главы реабилитационного центра для женщин «Китеж» Алёны Ельцовой даются пояснения, в каком случае кризисные центры не обеспечивают подопечных продуктами, когда они имеют право привлекать подопечных к труду и в каком объёме, каким должен быть распорядок дня, и т. д. Указывается также на сложность контингента в подобных кризисных центрах: «Подопечные реабилитационных центров для женщин часто страдают от тревожного расстройства, депрессии и посттравматического стрессового расстройства». Говорится и о том, как трудно живут кризисные центры в финансовом плане – благотворительность в их поддержку не популярна, получить грантовые проекты и реализовать их трудно. Вся эта информация, которая могла бы более адекватно осветить деятельность другой стороны конфликта в махачкалинском центре, представлена только в последней публикации, безотносительно к «главным героям» предшествующих корреспонденций. Массовое сознание устроено так, что приоритетом пользуется те сведения, которые были восприняты первыми [2].

2. Цикл публикаций последовательно формирует *отрицательный образ* махачкалинского кризисного центра и его руководства. Это достигается с помощью:

а) *заголовочных комплексов*, которые преподносят внутренний конфликт в организации как «скандал». Как слоган, звучит рефреном, что «Тёплый дом на горе» на самом деле «холодный»;

б) *сопроводительных фотоснимков*: начинающие каждый материал постановочные фото и сопровождающее каждый материал фото руководства махачкалинского Центра свидетельствуют не в его пользу;

в) *смысловых приоритетов* в самих корреспонденциях: доводы другой стороны конфликта заранее преподнесены как неубедительные, фактологические сведения выстроены так, что формируется подозрение в порядочности руководителей центра.

К примеру, третья публикация цикла носит название «Холодный “Тёплый дом на горе”. Как благотворители из Воронежа получили миллионы и отказались от обязательств» (автор – Екатерина Нерозникова, «МБХ-Медиа»). В корреспонденции даётся обзор грантовых проектов, которые получала экс-сотрудник воронежского Центра поддержки материнства и детства «Ангел-хранитель» Евгения Величко, а в настоящее время руководитель дагестанского центра «Тёплый дом на горе» на реализацию своих проектов. Указаны суммы грантов, перечислены обязательства, которые должен выполнить грантозаявитель. Ничего «криминального». Раздел с подзаголовком «Деньги любой ценой» начинается с абзаца: «Ответственность за невыполненные обязательства по грантам невелика – в российской практике организации, которые не смогли вовремя и полностью осуществить цели, просто не получают деньги в дальнейшем. Но наши коллеги из Дагестана выяснили, что “Тёплый дом на горе” не только не выполнял некоторые взятые на себя обязательства, но и занимался мошенничеством для привлечения внимания к работе своего Центра, а иногда и для

привлечения денежных средств». В качестве случая мошенничества представлена «история с Аминой», подробно описанная во второй публикации со слов подопечных Центра.

Однако никакой документальной информации о том, что кто-либо отказывается от грантовых обязательств, нет. Более того, на сайте махачкалинского Центра представлены сведения об их выполнении, о принятых грантодателем финансовых отчётах и положительных результатах проверок. «История с Аминой», которая разворачивается подробно во второй публикации и упоминается в других корреспонденциях цикла, также получает объяснение от руководства Центра (см. раздел «Характеристика объекта исследования»). Но авторы не дали руководству Центра шанса оправдаться.

На основании изложенного можно заключить, что в цикле публикаций «Холодный “Тёплый дом на горе”» пострадал этический принцип, который изложен в Кодексе профессиональной этики российского журналиста третьим пунктом: «Журналист распространяет и комментирует только ту информацию, в достоверности которой он убеждён и источник которой ему хорошо известен. Он прилагает все силы к тому, чтобы избежать нанесения ущерба кому бы то ни было её неполнотой или неточностью <...>».

Нарушены также нормы этики, изложенные в пятом пункте Кодекса: «Журналист уважает честь и достоинство людей, которые становятся объектами его профессионального внимания <...>. Журналист придерживается принципа, что любой человек является невиновным до тех пор, пока судом не будет доказано обратное» [3].

Список использованной литературы и источников

1. Баранов В.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. – М., 2009.
2. Брайант Д., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. – М., СПб, Киев. 2004.
3. Кодекс профессиональной этики российского журналиста // URL: <http://docs.cntd.ru/document/901854413>.
4. Профессиональная этика журналиста: Документы и справочные материалы / Под ред. Ю.В. Казакова. – М., 2004.

РЕШЕНИЕ

«О жалобе ООО «Газпром газораспределение Томск» на газету «Томская НЕДЕЛЯ» в связи с публикацией серии материалов в 2017–2020 гг.».

г. Москва, 2 июля 2020 г.

№ 213

На 213-м заседании Общественной коллегии по жалобам на прессу ad hoc коллегия в составе председателя Палаты медиасообщества Михаила Федотова (председательствующий), членов Палаты медиасообщества Надежды Ажгихиной, Этери Левиевой, Анатолия Кузичева, Павла Нетупского, Леонида Никитинского, Юрия Пургина, членов Палаты медиааудитории Льва Амбиндера, Татьяны Андреевой, Александра Верховского, Евгения Гонтмахера, Виктора Монахова, Григория Томчина, Ильи Шаблинского рассмотрела обращение ООО «Газпром газораспределение Томск» на газету «Томская НЕДЕЛЯ» в связи с публикацией серии материалов: «Как хорошо быть депутатом» (от 16.06.2017, № 24), «Это ли не коррупция» (от 19.01.2018, № 3), «Жизнь или кошелёк» (от 26.01.2018, № 4), «Кто готовит трагедию в Томске?» (от 08.06.2018, № 23), «И снова Газпром» (от 06.2018, № 25), «Аппетит приходит во время еды» (от 29.06.2018, № 26), «Омерзение в высшей степени» (от 07.09.2018, № 36), «Судилище» (от 09.11.2018, № 45), «Кто остановит необоснованные траты из городского бюджета...» (от 25.01.2019, № 4), «Проданная совесть» (от 25.01.2019, № 4), «Барин приедет, барин рассудит» (от 08.02.2019, № 6), «Так жить нельзя» (от 01.03.2019, № 9), «Криминальная команда Ивана Кляйна» (от 08.03.2019, № 10), «“Русский проект” продолжают “кошмарить”!» (от 26.04.2019, № 17), «Где надлежащая работа УФАС?!» (от 14.06.2019, № 17), «Почему бездействует региональное Следственное управление?» (от 05.07.2019, № 27), «В Томске правит коррупция!» (от 04.10.2019, № 40), «Кто остановит произвол ООО «Газпром газораспределение Томск»?!» (от 07.02.2020, № 6), «Прокуратура “крышует” ООО «Газпром газораспределение Томск”» (от 24.04.2020, № 17).

Вопросы процедуры. Заявитель, ООО «Газпром газораспределение Томск», признал профессионально-этическую юрисдикцию Общественной коллегии по жалобам на прессу, и его генеральный директор Олег Чернюк подписал соответствующее Соглашение.

Адресат жалобы, главный редактор независимой областной газеты «Томская НЕДЕЛЯ» Владимир Губа, 29 июня 2020 г. направил в адрес Коллегии письмо следующего содержания (здесь и далее орфография и пунктуация оригиналов сохранены): «В связи с полученным от Вас обращением от 19.06.2020 г. № ОК-20/06/19-3 с жалобой ООО «Газпром газораспределение Томск» на нарушение норм профессиональной журналистской этики в связи с серией публикаций в областной независимой газете “Томская НЕДЕЛЯ” с 2017 по 2020 гг. сообщаем:

29.06.2020 г. мною направлена претензия на имя генерального директора ООО “Газпром газораспределение Томск” с требованием принести официальное извинение.

В случае неполучения от генерального директора ООО “Газпром газораспределение Томск” извинения либо ответа это будет воспринято нами как отказ, который мы намерены обжаловать в суде».

Газета «Томская НЕДЕЛЯ» является зарегистрированным периодическим печатным изданием, учреждённым ООО «Независимая пресса» (ПИ № ТУ 70 – 00168 от 09.11.2010).

С учётом заявленного намерения адресата жалобы обратиться в суд Коллегия обсудила вопрос о применимости к данному информационному спору положений, изложенных в пункте 6.5 Устава Коллегии, и пришла к выводу, что упоминаемое в письме адресата намерение может быть интерпретировано как злоупотребление правом. В настоящее время судебный

спор отсутствует, и представитель организации-заявителя подтвердил, что она не будет использовать судебную процедуру для продолжения данного информационного спора, что исключало бы возможность его рассмотрения Коллегией с точки зрения соблюдения журналистских стандартов. Заявленную адресатом жалобы угрозу обратиться в суд в сочетании с фактом его уклонения от участия в рассмотрении спора Коллегия рассматривает как отказ от объективного, конкретного и всестороннего обсуждения вопросов журналистской этики применительно к публикациям, ставшим предметом информационного спора. В связи с изложенным Коллегия пришла к выводу об отсутствии достаточных оснований для отказа от рассмотрения настоящего информационного спора.

Позиция заявителя, ООО «Газпром газораспределение Томск», была изложена в письме генерального директора О.В. Чернюка от 04.06.2020 г. В обращении, в частности, указывается, что в областной независимой газете «Томская НЕДЕЛЯ» (главный редактор – Владимир Ильич Губа) с 2017 г. «систематически распространяются ложные оскорбительные сведения об ООО “Газпром газораспределение Томск” и его генеральном директоре Чернюке Олеге Владимировиче. Автор почти всех критических статей – главный редактор Губа В.И. Опубликовано уже 19 статей. Помимо печатной версии газеты, все статьи публикуются на официальном сайте газеты: <http://tomskw.ru>, который как СМИ не зарегистрирован».

По мнению заявителя, «содержащиеся в статьях высказывания грубо нарушают требования законодательства о СМИ, нормы профессиональной журналистской и человеческой этики, вызывают широкий общественный резонанс среди населения, нагнетают напряжение и страх за свою безопасность у читателей, разжигают ненависть и неприязнь к деятельности Общества и лично к Чернюку О.В. При этом мотивы таких вызывающих действий журналиста глубоко неэтичны».

В обоснование своих тезисов заявитель указывает на тот факт, что «СМИ “Томская НЕДЕЛЯ” аффилировано с организацией ООО “Русский проект”: владелец “Томской НЕДЕЛИ” Гусаров Игорь Леонидович (владелец ООО “Независимая пресса” – учредителя “Томской НЕДЕЛИ”) является родным отцом Гусарову Никите Игоревичу – единственному владельцу (учредителю) ООО “Русский проект”. Т. е. “Томская НЕДЕЛЯ” и ООО “Русский проект” – это бизнес отца и сына. Между ООО “Газпром газораспределение Томск” и ООО “Русский проект” с 2017 года по настоящее время имеется серьёзный коммерческий спор. Руководство ООО “Русский проект” и ООО “Независимая пресса” (учредитель газеты “Томская НЕДЕЛЯ”) в рамках конкурентной борьбы через газету “Томская НЕДЕЛЯ” сводят личные счёты в частном бизнесе путем манипуляции сознанием читателей».

Заявитель указывает, что в статье «**Жизнь или кошелёк**» её автор В.И. Губа «сообщает ложные сведения о нарушениях Обществом и О. В. Чернюком действующего законодательства и создании угрозы безопасности людей. <...> Для усиления эффекта в статье использовано фото О.В. Чернюка рядом с фото повреждённого взрывом жилого дома по адресу: г. Томск, ул. Сибирская, 33. Рядом крупным шрифтом указано наименование Общества. В самой статье тоже упоминается о взрыве газа в жилом доме по ул. Сибирская, 33. Указанное сочетание заголовка и фотографий формирует у читателя убеждение, что Общество и лично О.В. Чернюк причастны к взрыву жилого дома по адресу: г. Томск, ул. Сибирская, 33. Что не соответствует действительности: общеизвестно, что взрыв в доме произошёл 30.11.2012 при выполнении монтажа натяжных потолков с использованием газового баллона. Указанный дом не газифицирован, Общество не имеет отношения к произошедшему взрыву. В статье также размещено фото “Взрыв бытового газа в двухэтажном жилом доме в Омской области”. <...> Трагедия в Омске также не связана с деятельностью Общества по газификации. В. И. Губа манипулирует сознанием читателей, помещая в один зрительный ряд наименование Общества крупным шрифтом, фото О. В. Чернюка и фото с мест жутких трагедий, искусственно нагнетает таким образом напряжённость и страх за свою безопасность у читателей. Подобный приём В. И. Губа использовал и в других статьях».

По мнению заявителя, в статье **«Аппетит приходит во время еды»** её автор В.И. Губа «вновь указывает на нарушения Обществом законодательства и сообщает о заседании комиссии УФАС по Томской области, прошедшем 20.06.2018. При этом он не воспроизводит дословно выступления участвующих в заседании Комиссии лиц, а излагает их слова произвольно, выборочно, вырывая из общего контекста, существенно искажая смысл информации, обсуждаемой на заседании. Свои комментарии автор изложил в оскорбительной, издевательской форме... Впоследствии судом было установлено, что Общество не нарушало действующего законодательства, но об этом В. И. Губа уже не написал».

В статье **«Омерзение в высшей степени»** (её автор – Григорий Лихолетов, по мнению заявителя – псевдоним В. И. Губы) повествуется о коммерческом споре между ООО «Газпром газораспределение Томск» и ООО «Русский проект». Как считает заявитель, «В. И. Губа вновь высказывает ложные обвинения в адрес Общества, а отсутствие реальных фактов компенсирует средствами художественной выразительности (в особенности использованием просторечной и разговорной лексики) в целях усиления эмоционального воздействия на читателей и привлечения их внимания. Приводим некоторые выдержки из статьи: “криминал не брезгует ничем”, “бандитский захват частной собственности”, “организованная преступная группа”, “воровать, отжимать, присваивать” и т. д. Наличие в действиях Общества правонарушений, на которые указывает в статье В. И. Губа, проверяли УФАС по Томской области, Центральный аппарат ФАС России, СУ СК России по Томской области. Нарушений не выявлено».

По мнению заявителя, в статье **«Судилице»** (автор – В. И. Губа) «все, кто имеет разногласия с ООО “Русский проект”, подвергаются публичным оскорблениям со стороны В.И. Губы. Одного только факта, что два человека учились или когда-то работали вместе, для В.И. Губы достаточно, чтобы голословно обвинять их в сговоре, “крышевании” (термин автора статьи), коррупции и прочих возмутительных делах».

В статье **«В Томске правит коррупция!»** её автор В. И. Губа, как полагает заявитель, «вновь сообщает заведомо недостоверные сведения и распространяет слухи. <...> Поскольку конфликт Общества с ООО “Русский проект” не исчерпан, В. И. Губа продолжит публиковать подобные материалы».

По мнению заявителя, «приведенные выше статьи В. И. Губы внушают читателям, что все они, их дети, имущество находятся в реальной опасности взрыва или иной подобной аварии по вине Общества, формируют убеждение о реальном нарушении Обществом закона и негативное отношение к Обществу, подрывают доверие и деловую репутацию Общества. Манипулируя сознанием читателей, В. И. Губа намеренно провоцирует, запугивает, нагнетает социальную напряжённость среди широких слоев населения, разжигает ненависть и неприязнь населения к Обществу и его сотрудникам, работающим среди этого населения. При этом на самом деле каких-либо нарушений в действиях Общества в результате многочисленных проверок, инициированных по обращениям В.И. Губы и ООО “Русский проект”, не обнаружено. Но ни одного опровержения В.И. Губой не опубликовано».

В обращении заявителя указано, что публикации, ставшие предметом настоящего информационного спора, «это не конструктивная критика, не результат внутренних убеждений и поиска истины, а оплаченная “травля” по мотивам коммерческих разногласий. В.И. Губа нарушил правила объективности журналиста, непредвзятости к героям публикаций, моральной и социальной ответственности перед читателями. В.И. Губа использует крайне неэтичные способы психологического давления и воздействия на читателей».

В частности, заявитель обращает внимание на факт публикации поддельного письма ФАС России: «Настоящее письмо ФАС России от 26.11.2018 № АГ/96479/18 составлено на 4 страницах, а письмо, опубликованное в “Томское НЕДЕЛЕ”, – на одной странице. В.И. Губа составил “письмо ФАС России” из фрагментов подлинного письма, искусственно придав ему вид единого целого документа и “приклеив” подпись заместителя руководителя ФАС России. Что повлекло полное искажение смысла письма. При этом в статье не указано, что на фото – не полный текст, а лишь фрагменты письма».

В обращении заявителя говорится: «Изложенные в настоящем обращении факты свидетельствуют о систематическом и последовательном нарушении главным редактором газеты “Томская НЕДЕЛЯ” В.И. Губой норм журналистской этики. В.И. Губа недобросовестно использует принцип свободы СМИ и давно перешёл все возможные и допустимые его пределы, использует свободу слова для совершения противозаконных действий – причинения вреда гражданам, организациям, должностным лицам, распространения заведомо ложных, порочащих сведений под видом достоверных, оскорбления представителей власти. Поведение журналиста В.И. Губы дискредитирует средства массовой информации в целом, обесценивает интеллектуальный труд журналистов. У Общества имеются правовые основания для обращения за судебной защитой своих прав и законных интересов, но указанная мера в данной ситуации неэффективна. Наличие судебного решения о признании порочащими указанных выше статей не будет препятствовать В.И. Губе в публикации новых статей. Порицание профессионального сообщества, озвученное публично, по нашему мнению, является справедливым и достаточным наказанием для журналиста, учитывая специфику этой творческой и в определённом смысле публичной профессии».

Позиция адресата жалобы, главного редактора газеты «Томская НЕДЕЛЯ» Владимира Губы, изложена в его претензии (исх. № 246 от 29.06.2020 г.), адресованной генеральному директору ООО «Газпром газораспределение Томск» Олегу Чернюку. В документе, в частности, указано: «В этой жалобе Вы обвиняете меня в том, что автор почти всех критических статей – главный редактор Губа В. И. Также в своей жалобе Вы указываете на то, что в статьях грубо нарушают требования законодательства о СМИ, нормы профессиональной журналистской и человеческой этики, вызывают широкий общественный резонанс среди населения, якобы нагнетают напряжение и страх за свою безопасность у читателей, разжигают ненависть и неприязнь к деятельности ООО “Газпром газораспределение Томск”. Считаю Ваши действия в отношении меня незаконными по следующим основаниям:

1. Вами в жалобе указано, что главный редактор областной независимой газеты “Томская НЕДЕЛЯ” – Губа Владимир Иванович. Однако главным редактором областной независимой газеты “Томская НЕДЕЛЯ” является Губа Владимир Ильич.

2. Вами в жалобах третьим лицам, одним из которых является обращение, направленное в Общественную коллегия по жалобам на прессу, указано, что псевдоним Григорий Лихолетов является псевдонимом Губы В.И. Однако Вами в Вашей жалобе не представлено доказательство определённого средства доказывания, на основании чего Вами сделан этот вывод.

3. По всем Вашим жалобам в УМВД по Томской области о якобы наличии клеветы в наших критических публикациях Вами получен отказ в принятии мер реагирования.

В связи с вышеизложенным ставлю Вас в известность, что считаю Ваши доводы информацией, не соответствующей действительности, в связи с тем, что ни один из ваших доводов не является фактом, подтверждённым в установленном законом порядке в суде, либо признанием стороны.

В связи с этим намерены получить от Вас официальное извинение.

В случае неполучения от Вас извинения либо ответа это будет воспринято нами как отказ, который мы намерены обжаловать в суде».

В ходе подготовки данной жалобы к рассмотрению Общественная коллегия запросила и получила экспертное мнение доктора философских наук, профессора **Светланы Шайхитдиновой**.

Рассмотрение данного информационного спора прошло в формате онлайн-конференции на платформе Zoom с участием представителя заявителя и в отсутствие адресата

жалобы или его представителя, а также эксперта Светланы Шайхитдиновой, в присутствии более двадцати человек.

Обстоятельства, установленные в ходе заседания Общественной коллегии. Представитель заявителя **Наталья Шишкина** поддержала претензии ООО «Газпром газораспределение Томск» к спорным публикациям в газете «Томская НЕДЕЛЯ» и главному редактору Владимиру Губе. Она пояснила, что с этими претензиями организация-заявитель сначала обратилась в Роскомнадзор, однако в надзорном ведомстве ответили, что вопросами нарушения журналистской этики Роскомнадзор не занимается, и посоветовали направить обращение в Общественную коллегию по жалобам на прессу. Она признала, что ООО «Газпром газораспределение Томск» действительно обращалось в УМВД России по Томской области, пытаясь добиться возбуждения уголовного дела, однако до сих пор официального ответа не получено. Предположение, что Григорий Лихолетов – это псевдоним В. И. Губы, представитель заявителя обосновала тем, что спорный материал написан от первого лица, а на описываемом заседании УФАС присутствовал именно В. И. Губа.

Касаясь подопрёки спорных публикаций, представитель заявителя пояснила, что у ООО «Газпром газораспределение Томск» давний коммерческий спор с ООО «Русский проект», которое также является газораспределительной организацией. Дело в том, что газопровод, ведущий к одной из котельных в г. Томске, имеет разных собственников: 12 км газопровода принадлежат ООО «Газпром газораспределение Томск», 7 км – ООО «Русский проект», а последние 325 метров находятся в муниципальной собственности, и этот участок сдан в аренду ООО «Газпром газораспределение Томск». Спор идёт именно из-за этих 325 метров, поскольку от этого зависит, по какому тарифу – основному или транзитному – каждая из указанных организаций будет получать оплату за перекачку газа.

Представитель организации-заявителя пояснила, что между ООО «Русский проект» и ООО «Независимая пресса», учредителем газеты «Томская НЕДЕЛЯ», имеется очевидная аффилированность: это семейный бизнес отца и сына.

Отвечая на вопросы членов ad hoc коллегии, **Наталья Шишкина** пояснила, что организация-заявитель не обращалась в редакцию газеты «Томская НЕДЕЛЯ» с требованием права на ответ, гарантированного Законом «О» СМИ. В то же время В. И. Губа как главный редактор неоднократно обращался в ООО «Газпром газораспределение Томск» с запросом информации, обосновывая свои требования Законом «О СМИ». Однако полученные ответы не стали препятствием для публикации спорных статей, поскольку здесь явный коммерческий конфликт, в котором газета открыто защищает интересы ООО «Русский проект». По мнению Н. Шишкиной, в спорных публикациях автор вместо конструктивной критики переходит на личности, выливая на читателей поток ненависти. При этом она согласилась, что журналист вправе высказываться достаточно резко. Она сообщила также, что в других СМИ Томской области не было публикаций, посвящённых конфликту между ООО «Газпром газораспределение Томск» и ООО «Русский проект».

Общественная коллегия ознакомилась с мнением эксперта, доктора философских наук Светланы Шайхитдиновой, изучила публикации, ставшие предметом информационного спора, а также другие представленные сторонами материалы, и приняла следующее решение.

РЕШЕНИЕ

1. Общественная коллегия выражает сожаление по поводу неучастия главного редактора газеты «Томская НЕДЕЛЯ» Владимира Губы или его представителя в рассмотрении данного информационного спора. В результате члены Коллегии лишились возможности услышать аргументированную позицию руководства редакции в отношении представленных в обращении ООО «Газпром газораспределение Томск» упреков в нарушении

профессиональной журналистской этики, а также получить ответы на конкретные вопросы, касающиеся подготовки газетных материалов, ставших предметом информационного спора.

2. Общественная коллегия приобщает к настоящему решению экспертное мнение доктора философских наук Светланы Шайхитдиновой и принимает к сведению её выводы о том, что, во-первых, «оспоренные заявителем 19 публикаций не могут рассматриваться как “серия”, “кампания”, т. к. их периодичность носит случайный (привязанный к оперативным поводам) характер, исключающий единый замысел», во-вторых, в проанализированных публикациях использованы такие приёмы речевого воздействия, как «недоказанность как виновность», «установление немотивированного сходства с отрицательно оцениваемой сущностью», «переход на личности» и «модельные импликации», а в-третьих, читатели «Томской НЕДЕЛИ» вводятся в заблуждение тем, что в публикациях издания действительно поднимаются общественно-значимые темы, рассматривается актуальная социальная проблема коррупции власти, но при этом очевидно присутствие групповых интересов, которые никак не анонсируются. В результате эксперт приходит к заключению, что в «Томской НЕДЕЛЕ» «нарушен основной профессионально-этический принцип журналистской деятельности – принцип объективности, включающий в себя непредвзятость, честность, правдивость и беспристрастность».

3. Общественная коллегия констатирует, что созданный Олегом Плетнёвым в 1993 г. еженедельник «Томская НЕДЕЛЯ» с первого дня зарекомендовал себя как независимое и качественное периодическое печатное издание, практиковавшее острые журналистские расследования, смело отстаивающее общественные интересы, предметно критикующее ошибки и злоупотребления властей. После трагической гибели своего основателя в 2002 г. газета неоднократно меняла владельца. С течением времени изменились и редакционная политика, и стилистика, и внутренние профессионально-этические ориентиры, и место на региональном медийном рынке. Общественная коллегия полагает, что возвращение газеты к высоким стандартам профессиональной работы, существовавшим в редакции при Олеге Плетнёве, если это вообще возможно, несомненно, укрепило бы авторитет издания.

4. Общественная коллегия приветствует внимание газеты «Томская НЕДЕЛЯ» к острым социальным проблемам, к числу которых, безусловно, относятся проблемы коррупции, монополизма и предотвращения техногенных катастроф. В публикациях, ставших предметом информационного спора, редакция старательно пытается представить себя защитником именно общественных, а не частных интересов, однако наличие аффилированности между ООО «Русский проект» и ООО «Независимая пресса» – учредителем «Томской НЕДЕЛИ» даёт основания сомневаться в этом.

Общественная коллегия напоминает пункт 13 Глобальной хартии этики журналистов от 12 июня 2019 г.: «Журналист не должен использовать свободу СМИ для служения каким-либо другим интересам и должен воздерживаться от получения каких-либо несправедливых преимуществ или личной выгоды из-за распространения или нераспространения информации. Он/она должны избегать – или прекращать – любые ситуации, которые могут привести его/её к конфликту интересов при исполнении служебных обязанностей».

Согласно Резолюции ПАСЕ 1003 (1993) о журналистской этике, необходимо проводить различия между издателями, владельцами и журналистами и защищать свободу внутри медийных организаций, которые должны «рассматривать себя как особые социально-экономические органы, чьи предпринимательские цели должны ограничиваться созданием условий для предоставления доступа к фундаментальным правам». Внутри медийных организаций «издатели и журналисты должны сосуществовать, помня о том, что законное уважение идеологической ориентации издателей и владельцев должно быть ограничено абсолютными требованиями достоверности информационных сообщений и соблюдения

этических норм. Это очень важно, поскольку мы должны уважать фундаментальное право граждан на получение информации».

В данном конкретном случае редакции следовало либо максимально беспристрастно освещать существующий коммерческий спор, либо вообще игнорировать данную тему, тем более что она не привлекла внимания других региональных СМИ. Конечно, подобная позиция редакции могла вызвать недовольство учредителя газеты, однако Закон «О СМИ» гарантирует редакционную самостоятельность (статья 19) и рассматривает её нарушение как ущемление свободы массовой информации (статья 58).

5. Общественная коллегия обращает внимание на то, что в публикациях, посвящённых коммерческому спору между ООО «Русский проект» и ООО «Газпром газораспределение Томск», редакция газеты «Томская НЕДЕЛЯ» однозначно занимает сторону ООО «Русский проект», что проявляется, в частности, в тенденциозной и агрессивной подаче информации, в том числе в использовании фотоиллюстраций с места катастроф, не имеющих никакого отношения к участникам спора.

С учётом всех обстоятельств данного дела Коллегия полагает возможным квалифицировать спорные публикации в целом как информационную атаку, в которой редакция «Томской НЕДЕЛИ» допустила нарушение двух принципов Медиаэтического стандарта: Принципа 2 «Профессиональная и социальная ответственность журналиста» и Принципа 4 «Профессиональная честность журналиста». В частности, «журналистская деятельность несовместима с участием в информационных войнах, с манипулированием информацией и созданием адресатов СМИ», а «профессиональная честность запрещает журналисту представлять частные или корпоративные интересы, вступающие в противоречие с общественным благом (общественными интересами)».

6. В то же время Общественная коллегия считает, что разрастания информационной атаки можно было избежать, если бы ООО «Газпром газораспределение Томск» воспользовалось принадлежащим ему по закону правом на ответ (статья 46 Закона «О СМИ»). В свою очередь, появление в общественном пространстве аргументированных и сдержанных ответов могло бы побудить редакцию «Томской НЕДЕЛИ» сменить тон освещения данного коммерческого спора на более спокойный и деловой.

Коллегия убеждена, что полемическая резкость в критических публикациях может быть допустима только постольку, поскольку того требуют общественные интересы и острота проблемы. Используя в своей публикации резкие выражения, журналист обязан уважать существующие в обществе традиции цивилизованного общения, избегая худших примеров языка социальных сетей и интернет-форумов.

7. Общественная коллегия предлагает обеим сторонам информационного спора разместить полный текст данного решения на информационных ресурсах, находящихся в их распоряжении.

8. Общественная коллегия просит:

- редакции журналов «Журналист» и «Информационное право» – опубликовать состоявшееся решение Общественной коллегии;
- Факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, а также факультеты журналистики других вузов – обсудить состоявшееся решение Общественной коллегии со студентами, изучающими профессиональную этику;
- Комиссию Общественной палаты Российской Федерации по развитию информационного сообщества, СМИ и массовых коммуникаций, а также Постоянную комиссию по свободе информации и правам журналистов Совета при Президенте РФ по

развитию гражданского общества и правам человека – принять к сведению состоявшееся решение Общественной коллегии.

**Настоящее решение принято консенсусом.
Председательствующий,**

**М.А. Федотов,
доктор юридических наук,
профессор**

Док. 15а

Мнение эксперта С.К. Шайхитдиновой о ряде публикаций в газете «Томская НЕДЕЛЯ»

Мнение резюмирует итоги проведённого исследования.

Эксперт-исследователь: Шайхитдинова Светлана Каимовна, профессор кафедры национальных и глобальных медиа Высшей школы журналистики и медиакommunikаций Казанского (Приволжского) федерального университета, профессор, д. филос. н., к. филол. н. по специальности «журналистика»; стаж работы в практич. жур-ке – 6 лет, опыт производства экспертных заключений по конфликтным текстам массовой информации – с 1997 года.

Время и место проведения исследования: 20–28 июня 2020 г., г. Казань.

Лицо, назначившее проведение исследования: Юрий Венедиктович Казаков, сопредседатель Общественной коллегии по жалобам на прессу (г. Москва).

Материалы, предоставленные эксперту:

1) обращение в Общественную коллегию по жалобам на прессу генерального директор ООО «Газпром газораспределение Томск» О. В. Чернюка;

2) оспариваемые публикации в «томской независимой областной газете» «Томская НЕДЕЛЯ» // URL: <http://tomskw.ru> (слоган на главной странице сайта: «26 лет на защите ваших интересов»):

1. «Как хорошо быть депутатом», 16.06.2017, № 24 (1297) // <http://tomskw.ru/kak-khorosho-byt-deputatom.html>;

2. «Это ли не коррупция», 19.01.2018, № 3 (1328) // <http://tomskw.ru/eto-li-ne-korruptsiya-3.html>;

3. «Жизнь или кошелёк», 26.01.2018, № 4 (1329) // <http://tomskw.ru/kak-khorosho-byt-deputatom.html>;

4. «Кто готовит трагедию в Томске?», 08.06.2018, № 23 (1348). <http://tomskw.ru/kto-gotovit-tragediyu-v-tomske.html>;

5. «И снова Газпром», 22.06.2018, № 25 (1350). Автор – А. Скирневская;

6. «Аппетит приходит во время еды», 29.06.2018, № 26 (1351) // <http://tomskw.ru/appetit-prikhodit-vo-vremya-edy.html>;

7. «Омерзение в высшей степени», 07.09.2018, № 36 (1361) // <http://tomskw.ru/omerzenie-v-vysshej-stepeni.html>;

8. «Судилище», 09.11.2018, № 45 (1370) // <http://tomskw.ru/sudilishche.html>;

9. «Кто остановит необоснованные траты из городского бюджета...», 25.01.2019, № 4 (1381) // <http://tomskw.ru/kto-ostanovit-neobosnovannye-traty-iz-gorodskogo-byudzheta.html>;

10. «Проданная совесть», 25.01.2019, № 4 (1381) // <http://tomskw.ru/prodannaya-sovest.html>;

11. «Барин приедет, барин рассудит», 08.02.2019, № 6 (1383) // <http://tomskw.ru/barin-priedet-barin-rassudit.html>;
12. «Так жить нельзя», 01.03.2019, № 9 (1386) // <http://tomskw.ru/tak-zhit-nelzya.html>;
13. «Криминальная команда Ивана Кляйна», 08.03.2019, № 10 (1387) // <http://tomskw.ru/kriminalnaya-komanda-ivana-klyajna.html>;
14. «“Русский проект” продолжают “кошмарить”!», 26.04.2019, № 17 (1394) // <http://tomskw.ru/russkij-proekt-prodolzhayut-koshmarit.html>;
15. «Где надлежащая работа УФАС?!», 14.06.2019, № 17 (1394) // <http://tomskw.ru/gde-nadlezhashhaya-rabota-ufas.html>;
16. «Почему бездействует региональное Следственное управление?», 05.07.2019, № 27 (1404) // <http://tomskw.ru/pochemu-bezdejstvuet-regionalnoe-sledstvennoe-upravlenie.html>;
17. «В Томске правит коррупция!», 04.10.2019, № 40 (1417) // <http://tomskw.ru/v-tomske-pravit-korruptsiya.html>;
18. «Кто остановит произвол ООО “Газпром газораспределение Томск”?!», 07.02.2020, № 6 (1435) // <http://tomskw.ru/kto-ostanovit-proizvol-ooo-gazprom-g.html>;
19. «Прокуратура “крышует” ООО “Газпром газораспределение Томск”», 24.04.2020, № 17 (1446) // <http://tomskw.ru/prokuratura-krishuet-ooo-gazprom-g.html>.

Вопросы, поставленные перед экспертом:

1. Содержатся ли в указанных выше публикациях сведения, посредством которых «через газету “Томская НЕДЕЛЯ” сводят личные счёты, возникшие в частном бизнесе» между ООО «Газпром газораспределение Томск» и ООО «Русский проект» «путём манипуляции сознанием читателей», разжигая «ненависть и неприязнь к деятельности Общества [«Газпром газораспределение Томск»] и лично к Чернюку О.В.»? (выражения, выделенные курсивом, взяты из жалобы заявителя).
2. Содержатся ли в указанных выше публикациях нарушения профессиональной этики журналиста?
3. Если содержатся, то в каких фрагментах текста?

Методология исследования базируется на теории журналистики, на социологии массовой коммуникации, на теории социальной ответственности СМИ.

Мы исходим из того, что профессиональная этика – это путь к достижению профессиональной цели (довести общественно-значимую информацию до широкой аудитории), а не инструмент для удовлетворения групповых, корпоративных интересов.

Характеристика объекта исследования

«Томская НЕДЕЛЯ» позиционирует себя как еженедельная областная независимая общественно-политическая газета. Печатная версия газеты распространяется по подписке и в розницу в г. Томске и Томской области. Тираж газеты – 10 500 экземпляров. Согласно данным ЕГРЮЛ учредителями ООО «Томская НЕДЕЛЯ» являются 2 физических лица.

Оспоренные публикации выполнены преимущественно в аналитических жанрах – с подробным изложением фактов, цитированием документов, отсылкой к решениям судов, протоколам совещаний и другим документам.

Персонажами оспоренных публикаций выступают различные организации, включая мэрию и представителей бизнеса. Заголовки оспоренных публикаций, как правило, конкретизируют основных адресатов критики.

Объём оспоренных публикаций в среднем – 2000–3000 слов, т. е. объём превышает площадь компьютерного экрана в 2–3 раза.

Стиль изложения можно определить как аналитический, с эпизодическим включением экспертных оценочных сведений от имени автора. Заголовки носят провокационный характер. Данный стиль характерен и для других публикаций «Томской НЕДЕЛИ» (примеры заголовков текущего месяца из других рубрик сайта издания: «Кто готовит ЧП в Томске?» –

12.06.20, «Мэрии “чихать” на суд?» – 12.06.20, «Кто остановит мэрский беспредел?!» – 19.06.20, и т. п.).

Темы оспариваемых публикаций определяются общественно-значимыми проблемами, затрагивающими интересы граждан. Главная проблема, вокруг которой выстраивается обличительная тональность данного ряда публикаций, – это расследуемая «Томской НЕДЕЛЕЙ» коррупция власти.

Основным представителем власти выступают мэрия, подотчётные ей подразделения, комиссии и персоны. Представителем местного бизнеса, замешанного, с подачи автора публикаций, в коррупции, чаще всего выступает ООО «Газпром газораспределение Томск». Данная организация обвиняется в том, что лишает собственности жителей индивидуальных жилых домов, попавших в зону газопровода (16.06.17, 26.01.18), в участии в незаконном подключении объектов к газоснабжению (проведён газопровод к коттеджу депутата) (07.02.20), в нарушении техники безопасности огневых работ (19.06.20), в монополизации рынка поставок природного газа (26.04.2019) и т. д.

С целью дать представление о стиле и предметной сфере издания ниже приведены подводки к ряду оспоренных публикаций:

1. Губа В. Как хорошо быть депутатом. 16.06.2017

«<...> Согласно решению суда, собственники должны осуществить своими силами снос своих жилищ. Благодаря общественности эта проблема выведена уже на федеральный уровень. Люди просят объявить мораторий на снос домов до решения проблемы на федеральном уровне».

2. Губа В. Это ли не коррупция?! 19.01.2018

«Чиновники областной администрации в сотрудничестве с областными депутатами и прокуратурой продолжают разрабатывать “серые схемы” по расходованию денежных средств из областного бюджета якобы во благо граждан».

3. Губа В. Жизнь или кошелёк. 26.01.2018

«Мы уже писали о нарушении законодательства при подключении ООО “Газпром газораспределение Томск” особняка депутата законодательной думы Василия Семкина и ещё 29 абонентов к газоснабжению. Но хотелось бы вернуться к этому вопиющему случаю ещё раз, поскольку должной оценки это нарушение ни в правоохранительных органах, ни в прокуратуре не получило».

4. Губа В. Кто готовит трагедию в Томске? 08.06.2018

«С момента трагедии в Кемерово и Иркутске прошло совсем немного времени, и мы хотим вам рассказать, как чиновники из государственных контролирующих органов и прокуратуры готовят подобные трагедии в Томске».

5. Губа В. Аппетит приходит во время еды. 29.06.2018

«Согласно Конституции РФ, газ как природное богатство принадлежит всем нам, но вот наживаются на нём немногие. В критической публикации “Это ли не коррупция?” от 19 января 2018 г., № 3 (1328) мы рассказывали о весьма странном перемещении некой Марины Пивневой из ОАО “Томская распределительная компания” в государственную организацию – областной департамент тарифного регулирования, под “крылышко” его начальника Марины Вагиной. Кстати, сама Вагина, назначенная в 2013 г. губернатором Томской области Сергеем Жвачкиным на пост начальника областного департамента тарифного регулирования, ранее также работала заместителем генерального директора ОАО “Томская распределительная компания”».

6. Лихолетов Г. Омерзение в высшей степени. 07.09.2018

«Это единственное чувство, которое вызывают действия мэрии в связке с частными предприятиями ООО “Газпром газораспределение Томск” и АО “Томск РТС” по захвату чужой собственности и бизнеса. Мы, жители Томска, да и России в целом, уже давно привыкли к тому, что криминал не брезгует ничем. От нападения на пенсионеров в тёмных подъездах до рейдерского захвата целых градообразующих предприятий. Однако чтобы это

происходило в целях пополнения бюджета муниципалитета Томска – это что-то новенькое, даже по современным меркам российской действительности».

7. Губа В. Судилище. 09.11.2018

«Государственные чиновники из Департамента тарифного регулирования Томской области, несмотря на требование президента России Владимира Путина перестать “кошмарить” бизнес, продолжают оказывать неправомерное давление на предпринимателей, используя свои должностные полномочия».

8. Губа В. В Томске правит коррупция! 04.10.2019

«<...> Ну вот и завершилось коррупционное дело в отношении ещё одного из заместителей мэра Томска Ивана Кляйна – Анны Касперович (Подгорной). Аннушка, “пролившая масло”, отделалась лёгким испугом. Судья постановил назначить ей наказание в виде 1 года и 7 месяцев лишения свободы условно, а также лишить её права заниматься деятельностью, связанной с организационно-распорядительными, административно-хозяйственными функциями в государственных и муниципальных органах сроком на два года. Этим и славен наш “умный” город – мягкими приговорами зарвавшимся коррупционерам и бессловесным населением, лениво взирающим на происходящее и смакующим подробности на кухне».

Выводы исследования

Вывод 1

Оспоренные заявителем 19 публикаций не могут рассматриваться как «серия», «кампания», т. к. их периодичность носит случайный (привязанный к оперативным поводам) характер, исключающий единый замысел. Нами не обнаружено факторов, которые бы способствовали тому, что оспоренные публикации *«нагнетают напряжение и страх за свою безопасность у читателей, разжигают ненависть и неприязнь к деятельности Общества и лично к Чернюку О. В.»* (из жалобы заявителя).

Вместе с тем ряд публикаций газеты, которая позиционирует себя как «независимая общественно-политическая», использует «блогерский» стиль субъективных эмоциональных оценок, обнаруживающих тенденциозное отношение к критикуемым организациям и персонам.

Пояснение

Для того чтобы что-то «нагнетать» и «сеять», медиатеchnологи используют ряд приёмов, в который включены особые способы организации текстового материала и их повторяемость в заданной периодичности [2]. Ничего такого нами не выявлено. Оспоренные публикации поднимают общественно-значимые вопросы, возникновение которых и разрешение зависит от разных организаций и персон, которые подвергаются критике в той мере, в какой они являются главными или второстепенными персонажами.

Вместе с тем в оспоренных публикациях используются скрытые приёмы речевого воздействия и управления вниманием читателя, характерные для данного издания в целом. Наблюдается противоречие между заявленной позицией и эмоциональной направленностью ряда конкретных выводов. Газета и сайт «Томской НЕДЕЛИ» представляют себя как информационный ресурс, который выступает от имени граждан: *«“Томская НЕДЕЛЯ” – газета, которую мы пишем вместе!»* (рубрика на сайте «О нас»), *«26 лет на защите ваших интересов»* (слоган на главной странице), – но при этом ряд оценочных суждений обнаруживает личные антипатии/симпатии автора публикаций, напоминающих субъективные речевые высказывания, характерные для блогеров.

Способы конструирования общественной (гражданской) идентичности:

– повествование от имени «мы»: «Мы уже писали о нарушении...», «газ как природное богатство принадлежит всем нам...», «Этим и славен наш “умный” город...» (см. подводки к тестам в разделе «Характеристика объекта исследования»);

– апелляция к федеральным законам, к президенту (см. подводки к текстам);
 – характерное для массовых СМИ противопоставление в двоичной логике «народ – власть», «народ – бизнес». При этом оппозиционный, негативный настрой издания свойствен именно по отношению к местной власти и местному бизнесу («Барин приедет, барин рассудит...» – один из заголовков оспариваемых публикаций). Характерные примеры высказываний:

«Пользуясь отсутствием (несмотря на указания президента России) надлежащего губернаторского контроля за тарифами на территории Томской области, естественные монополисты и организации, занимающие доминирующее положение по предоставлению коммунальных услуг, готовы состричь с нас три шкуры!» («Аппетит приходит во время еды»).

«Были ссылки и на экономически обоснованные затраты, в том числе на юристов, добивающихся в суде оплаты от должников, и так далее. Прозвучали жалостливые слова про бабушек, на которых упадёт повышение тарифа. Причём это было сказано так проникновенно, что мы, журналисты, чуть не расплакались. Ну, прямо “волк в овчарне”» («Аппетит приходит во время еды»).

Одним из красноречивых примеров использования субъективных оценок служат заголовки публикаций:

«Жизнь или кошелёк» – фраза, включающая ассоциативный ряд со сценой бандитского ограбления; «Аппетит приходит во время еды» – поговорка, которая, будучи использована по отношению к представителям бизнеса, приобретает негативный смысл; «Омерзение в высшей степени» – слово «омерзение» относится к разговорной лексике, с высокой экспрессией передаёт индивидуальную негативную реакцию на что-либо; «Судилице» – обозначение с презрительным оттенком некоего разбирательства [5].

Вывод 2

В представленных эксперту для анализа публикациях «Жизнь или кошелёк», «Аппетит приходит во время еды», «Омерзение в высшей степени», «Судилице» и «В Томске правит коррупция!» использованы такие приёмы речевого воздействия, как «недоказанность как виновность», «установление немотивированного сходства с отрицательно оцениваемой сущностью», «переход на личности», «модельные импликации».

Пояснение

1) «Недоказанность как виновность, или “Тень на плетень”» [1, с. 186] – один из способов введения критикуемого объекта в отрицательно оцениваемый контекст:

Подзаголовок к публикации «Жизнь или кошелёк» гласит: *«В погоне за прибылью и представлением интересов “нужных” людей руководство ООО “Газпром газораспределение Томск” готово преступить закон и создать условия для угрозы жизни и здоровью граждан»*.

В качестве аргумента к данному утверждению далее говорится: *«Всем известно, что с газом шутки плохи. Однако, несмотря на непрекращающиеся взрывы газа в жилых домах, чиновники особо не беспокоятся, до очередного трагического случая с человеческими жертвами. Так, чиновников мэрии и ООО “Газпром газораспределение Томск” ничему не научил взрыв газа в жилом доме по ул. Сибирская, 33»*.

Некие «чиновники» и «Газпром газораспределение Томск» обвиняются в создании угрозы жизни людей. Обвинение вынесено в подзаголовок, а в самой корреспонденции говорится о «незаконном», с точки зрения автора, подключении одного из домов к газоснабжению. На этом основании выстраивается негативный образ оппонента: *«ООО “Газпром газораспределение Томск” <...> незаконно подключило жилые дома к газу», «...организации ООО “Газпром газораспределение Томск”, допускающей грубейшие нарушения законодательства при подаче газа абонентам...»*

Таким образом, произведены искусственная драматизация авторского предположения и создание негативного контекста, в котором все действия субъектов будут выглядеть незаконными.

К такого же рода приёму отнесём выражения из оспоренной публикации «Судилище»:

«Именно таким образом – с использованием чиновников – расправляются с неудобными конкурентами те, у кого есть “крыша” в областной администрации и прокуратуре...», «Вот таким образом, похоже, и возникают организованные преступные группы (ОПГ), главное, чтобы была надёжная “крыша”».

2) **«установление немотивированного сходства с отрицательно оцениваемой сущностью (“Ad Hoc’овый негатив”»)** [1, с. 188].

В качестве «отрицательно оцениваемой сущности» выступают «ОПГ», бандитские действия «крышевать», «воровать, отжимать и присваивать». С помощью данной лексики, риторических вопросов и манипулятивно выстроенных высказываний автор «Томской НЕДЕЛИ» конструирует соответствующие ассоциативные ряды:

«Государственные мужи через подконтрольные СМИ обожают ругать Украину за то, что “незалежная” ворует газ из своего куска трубы в Европу! Повышает, как вздумается, тарифы, шантажирует РФ перекрытием вентиля и тому подобными глупостями. А чем занимается наше российское чиновничество на местах, в таких провинциальных городках, как Томск? Да тем же самым! Захватив часть трубы газопровода, чиновники администрации Томска и газовики решили легко и просто отнять чужую собственность и бизнес! Получается, знаете ли, эдакая “микро-Украина” в Томской газотранспортной системе, рейдерство муниципального значения. Одним словом, воровать, отжимать и присваивать – это не строить!» («Омерзение в высшей степени»);

«...ведь прокурор Кировского района Владислав Шумихин является однокашником по студенческим годам О. Чернюка. Таким образом, похоже, и возникают организованные преступные группы (ОПГ), главное, чтобы была надёжная “крыша”...» («Судилище»).

Автор использует слово «похоже», которое как будто снимает с него ответственность за негативные утверждения, переводя их в категорию «мнения». При этом предположение с негативным смыслом подвёрстывается под реальный документальный факт («однокашники по студенческим годам»). Кроме того, сформированный отрицательный контекст создаёт сильное негативное впечатление, которое перекрывает все другие впечатления. То есть манипулятивное высказывание составлено так, что оставляет ощущение не предположения, а факта.

«А может, всё дело в том, что В. Шумихин является однокашником О. Чернюка по учёбе в юридическом институте?», «Также неоднократно генеральный директор ООО “Газпром газораспределение Томск” О. Чернюк “бахвалился” своими связями в Белом доме и личным знакомством с губернатором Томской области С. Жвачкиным. И тем, что он был на короткой ноге с бывшим прокурором области Романенко. Ходят слухи, что Романенко неоднократно просил его газифицировать здания прокуратур в районах области и дома некоторых сотрудников прокуратуры. Может, поэтому такая “странная” близорукость правоохранительных и следственных органов?!» («В Томске правит бал коррупция»).

В данных речевых высказываниях негативное мнение высказано в форме риторического вопроса с намёком.

В различных публикациях повторяются одни и те же предположения негативного плана, что также выступает как приём скрытого воздействия на читателя.

3) В ряду эмоционально окрашенных высказываний в оспоренных публикациях выявлен и такой приём, как **«переход на личности (“Argumentum ad hominem”»)** [1, 184], когда от сути проблемы производится переход на личность оппонента и дискредитируются его человеческие качества:

«...генеральный директор ООО “Газпром газораспределение Томск” Олег Чернюк неоднократно в частных разговорах ссылается на то, что он знаком ещё со времен “Востокгазпрома” с нынешним губернатором Томской области Сергеем Жвачкиным, что у него в своё время работал начальником управления корпоративной защиты сам Александр Шестаков (в настоящее время занимающий пост заместителя губернатора Томской области), к которому он якобы “дверь пинком открывает”. И всё-то ни о чём для ООО “Газпром газораспределение Томск”, и законы для него не писаны!» («Судилище»).

4) В оспоренных публикациях приём **модельной импликации** [1, с. 201] представлен в высказываниях такого типа:

«Для ООО “Газпром газораспределение Томск” и его руководителя О. Чернюка сошло с рук подключение к Тимирязевскому газопроводу самовольно построенного дома депутата областной думы В. Семкина ещё до принятия этого газопровода в эксплуатацию. Чернюку тогда даже не было внесено прокурорское представление об устранении нарушений закона» («Судилище»).

Некие действия О. Чернюка и возглавляемой им организации преподносятся как нарушающие закон. В виде импликации в данном высказывании выступает идея о прокурорском представлении. Поскольку ничего этого нет, автор делает вывод: *«Вот таким образом, похоже, и возникают организованные преступные группы (ОПГ), главное, чтобы была надёжная “крыша”. А ещё лучше, если есть связь с государственными чиновниками в сфере тарифообразования, а когда они ещё и контролирующие органы с функцией наказания, то это вообще карт-бланш!»*

Обозначенные приёмы речевого воздействия в ряде публикаций (из числа представленных эксперту для анализа – в корреспонденции «Жизнь или кошелёк») усилены **фотоснимками**. Осуществлено «коллажное» включение разного рода снимков (портрет О. Чернюка, взрывы на других объектах, в других регионах и т. п.) в сконструированное смысловое поле, задаваемое идеями публикации. Таким способом визуальной манипуляции читательским вниманием аудитория уводится от рациональных доводов в сферу эмоциональных впечатлений.

Вывод 3

Читатели «Томской НЕДЕЛИ» вводятся в заблуждение тем, что в публикациях издания действительно поднимаются общественно-значимые темы, рассматривается актуальная социальная проблема коррупции власти, но при этом очевидно присутствие групповых интересов, которые никак не анонсируются.

Экспрессивно выраженные негативные оценочные суждения, ставшие предметом жалобы заявителя, составляют примерно до десяти процентов от общего объёма текстов. Можно сделать вывод, что на них возложена задача по приданию шумной скандальности и привлечению широкого внимания к конкретному конфликту бизнес-интересов. В данном контексте манипулятивные приёмы, используемые автором, выступают средством для привлечения сторонников.

Таким образом, в «Томской НЕДЕЛЕ» нарушен основной профессионально-этический принцип журналистской деятельности – принцип объективности, включающий в себя непредвзятость, честность, правдивость и беспристрастность [7].

Пояснение

В «Томской НЕДЕЛЕ» мы не встретили публикации с положительной модальностью по отношению к ООО «Газпром газораспределение Томск» и лично к О. В. Чернюку. То есть при рассмотрении совокупности публикаций наблюдается тенденциозность отношения не в пользу заявителя. В критических выступлениях «Томской НЕДЕЛИ» оппоненту не только не даётся право высказаться, но и используются речевые и визуальные приёмы (рассмотрены

выше) по созданию негативного образа ООО «Газпром газораспределение Томск» и его руководителя. Таким образом, нарушается норма непредвзятости, которая настраивает на то, что *«Журналист проявляет профессиональный интерес к мнениям всех сторон, имеющих отношение к событию; эти мнения находят отражение в его публикации»* [4].

Пристрастность автора Владимира Губы выражена в том, что его выступления, выполненные в таких жанрах, как аналитический отчёт, корреспонденция, журналистское расследование, содержат эмоциональные включения в духе высказываний блогера, заранее сложившего негативное мнение об отдельном руководителе и возглавляемой им организации. И подаются эти сведения как утверждения. Между тем *«Журналист обязан чётко проводить в своих сообщениях различие между фактами, о которых рассказывает, и тем, что составляет мнения, версии или предположения»* [3].

Использование в «Томской НЕДЕЛЕ» манипулятивных приёмов в отношениях с аудиторией обнаруживает игнорирование таких этических норм, как правдивость и честность. Таким образом, обманываются ожидания читателей, рассчитывающих на взвешенный подход СМИ к теме. Норма, которая нарушается, сформулирована в Медиаэтическом стандарте Общественной коллегии так: *«Журналистская деятельность направлена на служение обществу; информация в журналистике понимается, прежде всего, как социальное благо. Последнее означает, что журналист несёт профессиональную ответственность за предоставление достоверной информации как перед отдельными социальными группами, представляющими спектр многообразных социальных интересов, отражаемых СМИ, так и перед обществом в целом»* [4].

Список использованной литературы

1. Баранов В.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. – М., 2009.
2. Брайант Д., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. – М., СПб, Киев. 2004.
3. Кодекс профессиональной этики российского журналиста // URL: <http://docs.cntd.ru/document/901854413>.
4. Медиаэтический стандарт Общественной коллегии по жалобам на прессу // URL: <https://presscouncil.ru/index.php/teoriya-i-praktika/dokumenty/4756>.
5. Профессиональная этика журналиста: Документы и справочные материалы / Под ред. Ю.В. Казакова. – М., 2004.
6. «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (1935–1940) // <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/18/us458204.htm?cmd=0&istext=1>.
7. Шайхитдинова С.К. Медиаэтика. – Казань, 2007.

РЕШЕНИЕ

«О жалобе Кривошеева А. Ю. на информационное агентство “Интерфакс” в связи с публикацией материала “В Генпрокуратуре связали увеличение выявленных экстремистских преступлений в РФ со “Свидетелями Иеговы”» (публикация от 17 июня 2020 г.)».

г. Москва, 27 июля 2020 г.

№ 214

На 214-м заседании Общественной коллегии по жалобам на прессу ad hoc коллегия в составе председателя Палаты медиасообщества Михаила Федотова (председательствующий), членов Палаты медиасообщества Надежды Ажгихиной, Андрея Жвирблиса, Ярослава Кожеурова, Этери Левиевой, Евы Меркачевой, Павла Нетупского, Виктора Юкечева, членов Палаты медиааудитории Алексея Автономова, Льва Амбиндера, Александра Верховского, Евгения Гонтмахера, Вадима Клювганта, Виктора Монахова, Генри Резника рассмотрела жалобу г-на Кривошеева Андрея Юрьевича на Информационное агентство «Интерфакс» в связи с публикацией материала «В Генпрокуратуре связали увеличение выявленных экстремистских преступлений в РФ со “Свидетелями Иеговы”» (публикация от 17 июня 2020 г.).

Вопросы процедуры. Заявитель, Кривошеев Андрей Юрьевич, признал профессионально-этическую юрисдикцию Общественной коллегии по жалобам на прессу и подписал соответствующее Соглашение.

Информационное агентство «Интерфакс», будучи адресатом жалобы, конструктивно сотрудничало с Коллегией в рассмотрении данного информационного спора, письменно изложило свою позицию и направив одного из своих руководителей для участия в заседании.

Информационное агентство «Интерфакс» является зарегистрированным средством массовой информации (Свидетельство о регистрации № 94 от 20.09.1990 г.).

С учётом изложенных выше обстоятельств и руководствуясь положениями своего Устава, Коллегия признала жалобу подлежащей рассмотрению в соответствии с мандатом Общественной коллегии по жалобам на прессу.

Позиция заявителя, Андрея Юрьевича Кривошеева, изложена в его обращении в Коллегию от 18 июня 2020 г. Здесь полностью приводится текст оспариваемого материала: *«В России стали чаще выявлять преступления, связанные с организацией деятельности экстремистских организаций, во многом это связано с активной борьбой в России со “Свидетелями Иеговы” (запрещена в РФ), говорится в тексте доклада для Совета Федерации генерального прокурора РФ Игоря Краснова. Более четверти (преступлений экстремистской направленности, выявленных в 2019 году, – ИФ) составили деяния, предусмотренные статьёй 282 (организация деятельности экстремистской организации) УК РФ, – 161, или на 85,1 % больше, чем в 2018 году (87). Во многом такая динамика обусловлена продолжением активной работы по пресечению в различных регионах деятельности запрещённой религиозной организации “Свидетели Иеговы”, – говорится в нём.*

Почти половину преступлений экстремистской направленности в 2019 году составили призывы к осуществлению экстремистской деятельности (статья 280 УК РФ) – 272% (+1,1 %, в 2018 году – 269), подавляющее большинство из которых (89,3 %) совершены с использованием Интернета (243)».

В обращении А.Ю. Кривошеева отмечается, что приведённая в сообщении «Интерфакса» информация в докладе Генерального прокурора РФ И. В. Краснова в Совете Федерации отсутствует: «В докладе Игоря Краснова нет ни единого слова о гражданах,

исповедующих вероучения “Свидетелей Иеговы”. Цифры, представленные в оспариваемом материале по преступлениям экстремистской направленности, не соответствуют данным, представленным в докладе Генерального прокурора Совету Федерации 17.06.2020 года».

Заявитель обращает внимание на тот факт, что приведённые в сообщении «Интерфакса» данные отсутствуют в видеозаписи доклада Генерального прокурора РФ в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 17.06.2020 г. и в тексте этого доклада, размещённых на официальных сайтах Совета Федерации и Генеральной прокуратуры РФ.

В итоге заявитель приходит к следующему выводу: «Материал издания “Интерфакс” не соответствует действительности, создаёт у читателя негативный образ о религиозном учении “Свидетели Иеговы”, приводит читателя к негативным выводам на основании недостоверной информации. Умышленное манипулирование информацией вводит читателей в заблуждение, Медиатический стандарт нарушен уже в самом заголовке оспариваемого решения, т. к. ставит верующих в одно положение с преступниками (религию “Свидетелей Иеговы” в России никто не запрещал и на исповедование указанного вероучения никто санкции не налагал)».

В процессе подготовки данного информационного спора к рассмотрению заявитель приобщил к своему обращению скан ответа, поступившего из пресс-службы Совета Федерации в адрес Кристины Шوماховой. В этом документе говорится: «На официальном сайте Совета Федерации размещена стенограмма выступления Генерального прокурора РФ Игоря Краснова на заседании верхней палаты парламента 17 июня с. г. Вопросы, связанные с деятельностью религиозной организации “Свидетели Иеговы”, в данном выступлении не затрагивались. В сообщении информационного агентства “Интерфакс”, которое Вы цитируете, речь не идёт о состоявшемся выступлении И. Краснова в Совете Федерации. Ссылка даётся на текст документа – «Доклад Генерального прокурора РФ “О состоянии законности и правопорядка в РФ и о проделанной работе по их укреплению за 2019 год”».

Позиция адресата жалобы изложена в официальном ответе Информационного агентства «Интерфакс» за подписью первого заместителя генерального директора, исполнительного директора АО «Интерфакс» А.А. Горшкова. В письме обращается внимание, во-первых, на то, что в оспариваемом информационном сообщении «идёт речь о запрещённой в России организации “Свидетели Иеговы”, а не о верующих гражданах. Об этом говорит и употребление сочетания “Свидетели Иеговы” в кавычках, и прямое указание на данный факт во втором абзаце сообщения. Таким образом, права Кривошеева А.Ю. – как верующего лица – нарушены не были. Полномочия действовать от имени организации “Свидетели Иеговы” заявителем не подтверждены. В связи с изложенным основания для обращения с жалобой в отношении публикации сообщения у Кривошеева А.Ю. отсутствуют. Официальные обращения организации “Свидетели Иеговы” по поводу публикации в АО “Интерфакс” не поступали».

Во-вторых, как указано в ответе, «согласно Перечню некоммерческих организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным ФЗ “О противодействии экстремистской деятельности” (http://minjust.gov.ru/nko/perechen_zapret), деятельность организации “Свидетели Иеговы” (со всеми её территориальными подразделениями) запрещена на территории Российской Федерации в связи с осуществлением экстремистской деятельности. Таким образом, сообщение не может быть рассмотрено как порочащее в отношении запрещённой в России организации “Свидетели Иеговы”».

В-третьих, информационное агентство полагает, что «сообщение не содержит недостоверных сведений. При его подготовке использовались материалы, подготовленные Генеральной прокуратурой и распространённые в Совете Федерации перед выступлением Генерального прокурора».

Рассмотрение данного информационного спора прошло в формате онлайн-конференции на платформе Zoom с участием обеих сторон конфликта и в присутствии более двух десятков человек.

Обстоятельства, установленные в ходе заседания Общественной коллегии. Заявитель, **Кривошеев Андрей Юрьевич**, повторил свои претензии к Информационному агентству «Интерфакс», изложенные в его письменном обращении. Он подчеркнул, что не может согласиться с утверждением адресата жалобы, будто бы он не является надлежащим заявителем в данном деле. В обоснование своей позиции он сослался на статью 29 Конституции РФ. Кроме того, он обратил внимание на тот факт, что другие российские СМИ в своих сообщениях, посвящённых докладу Генерального прокурора РФ в Совете Федерации 17.06.2020 г., не упоминали запрещённую религиозную организацию «Свидетели Иеговы».

Отвечая на вопросы членов ad hoc коллегии, А. Ю. Кривошеев пояснил, что вероучение «Свидетелей Иеговы» исповедуют в России около 160 тысяч человек, а оспариваемое сообщение представляет их как криминальную организацию. Сообщение, по его мнению, носит оскорбительный и уничижительный характер по отношению ко всем сторонникам этого вероучения. Он сообщил, что обратился в Коллегию как частное лицо и к запрещённой религиозной организации отношения не имеет. Что же касается его религиозных воззрений, то это его частное дело, охраняемое Конституцией РФ.

Выступившая на стороне заявителя **Кристина Шомахова** отметила расхождение между тем, что сказано в докладе Генерального прокурора РФ о снижении числа преступлений экстремистской направленности, и содержащимися в сообщении «Интерфакса» данными о росте числа уголовных дел по статье 282 УК РФ (организация деятельности экстремистской организации).

Представитель адресата жалобы, первый заместитель главного редактора Информационного агентства «Интерфакс» **Андрей Александрович Новиков** пояснил, что редакция старается максимально объективно освещать всё, что связано с деятельностью запрещённой религиозной организации «Свидетели Иеговы». Отвечая на вопросы членов ad hoc коллегии, А.А. Новиков пояснил, что, согласно сложившейся практике, подобные доклады всегда существуют в двух форматах – многостраничного текста (в данном случае – около 120 страниц) и относительно краткого устного выступления. Письменный доклад, как правило, не публикуется, но раздаётся журналистам для возможного использования; никаких секретных сведений он не содержит. Поскольку доклад не публикуется в сети Интернет, постольку СМИ лишены возможности при цитировании давать на него гиперссылки и могут лишь ссылаться на текст доклада, как это и было сделано в оспариваемом сообщении.

А.А. Новиков также пояснил, что, по его мнению, заголовок полностью соответствует содержанию сообщения, так как в обоих случаях слова «Свидетели Иеговы» указаны в кавычках, а следовательно, речь идёт именно о запрещённой религиозной организации, а не о вероучении. Использование в заголовке и тексте оспариваемого сообщения не полного, а сокращённого названия религиозной организации он объяснил спецификой жанра и сложившимися в мире стандартами работы информационных агентств. Он пояснил также, что во время подобных официальных докладов журналисты не имеют возможности задавать вопросы, в том числе уточняющие.

А.А. Новиков подчеркнул, что все сведения, приведённые в оспариваемом сообщении, взяты из письменного текста доклада, который раздавался журналистам перед началом мероприятия. В качестве доказательства был представлен соответствующий фрагмент официального документа – Доклада Генерального прокурора РФ «О состоянии законности и правопорядка в РФ и о проделанной работе по их укреплению за 2019 год».

Члены ad hoc коллегии ознакомились с нижеследующим фрагментом, размещённым на страницах 97–98 упомянутого доклада:

«8. Состояние работы по противодействию экстремизму и терроризму.

В Российской Федерации сформирована целостная система противодействия терроризму и экстремизму, основанная на тесном взаимодействии правоохранительных органов и органов исполнительной власти всех уровней, обеспечивающем координацию совместной деятельности и эффективность реагирования на возникающие угрозы. Серьёзным дестабилизирующим фактором, представляющим угрозу безопасности личности, общества и государства, являются экстремистские проявления.

В 2019 году количество зарегистрированных преступлений экстремистской направленности значительно снизилось – 585 (–53,8 %, в 2018 году – 1265). Такое более чем двукратное сокращение показателей экстремистской преступности стало следствием частичной декриминализации статьи 282 (возбуждение ненависти либо вражды) УК РФ. Согласно её новой редакции, уголовная ответственность за указанные действия наступает лишь в отношении лиц, ранее привлекавшихся к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года. Это существенно повлияло на статистику данного вида преступлений, в 2019 году их было зарегистрировано только 19, в 2018 году – 780.

Почти половину преступлений экстремистской направленности (46,5 %) составили призывы к осуществлению экстремистской деятельности (статья 280 УК РФ) – 272 (+1,1%, в 2018 году – 269), подавляющее большинство из которых (89,3 %) совершены с использованием сети Интернет (243). Более четверти (27,5 %) составили деяния, предусмотренные статьёй 282 (организация деятельности экстремистской организации) УК РФ – 161, или на 85,1 % больше, чем в 2018 году (87). Во многом такая динамика обусловлена продолжением активной работы по пресечению в различных регионах деятельности запрещённой религиозной организации «Свидетели Иеговы»».

С учётом всех обстоятельств данного информационного спора Общественная коллегия по жалобам на прессу приняла следующее решение.

РЕШЕНИЕ

1. Общественная коллегия приветствует стремление обеих сторон данного информационного спора апеллировать для его разрешения к институту и процедурам профессионального медийного саморегулирования и гражданского сорегулирования, не прибегая к судебным или административным разбирательствам. Коллегия рассматривает открытость одного из крупнейших в России информационных агентств – «Интерфакс» – к конструктивному диалогу с представителями аудитории и профессионального сообщества по поводу качества его сообщений и материалов как важный шаг на пути возвращения доверия общества к СМИ, формирования консенсуса в вопросе о роли средств массовой информации в современной России.

2. Общественная коллегия полагает, что в оспариваемом сообщении адекватно, с точным цитированием, передаётся содержание соответствующего фрагмента полного текста доклада Генерального прокурора РФ «О состоянии законности и правопорядка в РФ и о проделанной работе по их укреплению за 2019 год». Заголовок соответствует содержанию информационного сообщения и благодаря правильному использованию кавычек позволяет понять, что речь идёт о запрещённой в РФ религиозной организации «Свидетели Иеговы», а не об одноименном вероучении, свобода исповедания которого гарантирована статьёй 28 Конституции РФ. В сообщении отсутствуют признаки оскорбления религиозных чувств или проявления тенденциозности. Таким образом, Коллегия не усматривает в оспариваемом

сообщении или процедуре его подготовки и редактирования какого-либо нарушения профессиональной журналистской этики или Медиаэтического стандарта.

3. Общественная коллегия обращает внимание на тот факт, что оспариваемое сообщение было размещено на сайте Информационного агентства «Интерфакс» в разделе «Интерфакс-Религия». Это даёт основания полагать, что данное сообщение готовилось журналистами, специализирующимися на освещении вопросов, связанных с деятельностью религиозных организаций. В этой связи Коллегия напоминает, что «СМИ имеют моральные обязательства по защите демократических ценностей, уважению человеческого достоинства, решению проблем мирным путём с проявлением терпимости, и, как следует из этого, они должны противостоять насилию, ненависти, конфронтации и отрицать все виды дискриминации, основанной на культурных, половых или религиозных различиях» (п. 33 Резолюции ПАСЕ 1003 (1993) о журналистской этике). Исполнение этого принципиального положения требует от журналистов, специализирующихся на религиозной тематике, проявлять особую щепетильность при освещении ими любых аспектов реализации свободы совести.

4. Общественная коллегия не может согласиться с утверждением, что А.А. Кривошеев якобы не является надлежащим заявителем в данном информационном споре ввиду отсутствия полномочий. Согласно пункту 4.4 Устава правом на обращение в Коллегию обладают любой человек, должностное лицо, орган публичной власти или организация, заинтересованные в оценке деятельности того или иного журналиста, редактора, редакции, издателя, вещателя и т. д. с точки зрения соблюдения и уважения принципов и норм профессиональной журналистской этики.

5. Общественная коллегия сожалеет, что полный текст доклада Генерального прокурора РФ «О состоянии законности и правопорядка в РФ и о проделанной работе по их укреплению за 2019 год», фрагмент которого приведён в оспариваемом сообщении, как и в прошлые годы, не был размещён на официальных сайтах ни Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, ни Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Подобная практика, несмотря на её широкое распространение и долгую историю, не способствует, по мнению Коллегии, обеспечению гласности и открытости в деятельности органов публичной власти, правильному и полному восприятию обществом их позиции и результатов деятельности. Она, как показывает данный информационный спор, способна порождать у представителей аудитории сомнения в достоверности информационных сообщений о состоявшихся докладах. Настало время задуматься над формированием новой традиции, когда тексты докладов, предусмотренных Конституцией РФ и федеральными законами, в обязательном порядке будут размещаться на официальных сайтах соответствующих органов публичной власти, как это всегда делается с Посланием Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ.

6. Общественная коллегия напоминает обеим сторонам настоящего информационного спора, что в силу моральных обязательств, принятых ими на себя при его рассмотрении, настоящее решение кладёт конец данному информационному спору и не предполагает его продолжения в суде или в иных органах публичной власти.

7. Общественная коллегия предлагает обеим сторонам информационного спора разместить полный текст данного решения на информационных ресурсах, находящихся в их распоряжении.

8. Общественная коллегия просит:

- редакции журналов «Журналист» и «Информационное право» – опубликовать состоявшееся решение Общественной коллегии;
- Факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, а также факультеты журналистики других вузов – обсудить состоявшееся решение Общественной коллегии со студентами, изучающими профессиональную этику;
- Комиссию Общественной палаты Российской Федерации по развитию информационного сообщества, СМИ и массовых коммуникаций, а также Постоянную комиссию по свободе информации и правам журналистов Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека – принять к сведению состоявшееся решение Общественной коллегии.

Настоящее решение принято консенсусом.

Председательствующий,

М. А. Федотов,

доктор юридических наук, профессор

РЕШЕНИЕ

«О жалобе Кривошеева А. Ю. на телеканал “Сургут 24” в связи с публикацией видеосюжета “Сургутские следователи попали под американские санкции” (эфир от 11 сентября 2019 г.)».

г. Москва, 27 июля 2020 г.

№ 215

На 215-м заседании Общественной коллегии по жалобам на прессу ad hoc коллегия в составе председателя Палаты медиасообщества Михаила Федотова (председательствующий), членов **Палаты медиасообщества** Надежды Ажгихиной, Андрея Жвирблиса, Ярослава Кожеурова, Этери Левиевой, Евы Меркачевой, Павла Нетупского, Виктора Юкечева, членов **Палаты медиааудитории** Алексея Автономова, Льва Амбиндера, Александра Верховского, Евгения Гонтмахера, Вадима Клювганта, Виктора Монахова, Генри Резника рассмотрела жалобу г-на Кривошеева Андрея Юрьевича на телеканал «Сургут 24» в связи с публикацией видеосюжета «Сургутские следователи попали под американские санкции» (эфир от 11 сентября 2019 г.; адрес в Интернете – https://m.in-news.ru/news/proishestvia/surgutskie-sledovateli-popali-pod-amerikanskie-sanktsii.html?sphrase_id=109802).

Вопросы процедуры. Заявитель, г-н Кривошеев А.Ю., 25 января 2020 г. обратился в Общественную коллегия по жалобам на прессу с претензиями по поводу видеосюжета «Сургутские следователи попали под американские санкции», сообщив, что он впервые ознакомился с этим материалом на сайте телеканала «Сургут 24» 23 января 2020 г.

2 июня 2020 г. в процессе подготовки данного информационного спора к рассмотрению Кривошеев А. Ю. подписал Соглашение о признании профессионально-этической юрисдикции Общественной коллегии, в котором, помимо прочего, гарантировал, что «на момент подачи жалобы в Общественную коллегия он не пытается разрешить информационный спор, вызвавший его обращение в Общественную коллегия, в судебном, ином правовом или административном порядке».

10 июля 2020 г. от Кривошеева А. Ю. в Общественную коллегия поступило письмо с просьбой приобщить к материалам данного информационного спора полученный им ответ прокуратуры г. Сургут о внесении представления в адрес указанного телеканала «Сургут 24». К письму был приложен ответ прокурора г. Сургут Балина Л. А. от 2 июля 2020 г., из которого следовало, что обращение Кривошеева А. Ю. о защите чести и достоинства, поступившее из прокуратуры ХМАО-Югры, рассмотрено, факты проверены и нашли своё подтверждение. «По результатам проведённой проверки, в связи с выявленными нарушениями требований законодательства о СМИ в адрес управляющего ООО ТРК “Сургутинтерновости” ИП Катаева Е. Е. внесено представление об устранении нарушений закона».

Общественная коллегия установила, что общество с ограниченной ответственностью «Телерадиокомпания “Сургутинтерновости”», в отношении которого приняты меры прокурорского реагирования по обращению г-на Кривошеева А. Ю., является учредителем телеканала «Сургут 24» (Свидетельство о регистрации СМИ – ЭЛ № ТУ 72–01461 от 27.04.2017). Учитывая тот факт, что г-н Кривошеев А. Ю. просил приобщить ответ прокуратуры к материалам настоящего информационного спора, Общественная коллегия приходит к выводу, что в данном случае имеет место параллельное обращение в Коллегия и в прокуратуру для разрешения одного и того же информационного спора, что противоречит

Соглашению о признании профессионально-этической юрисдикции Общественной коллегии по жалобам на прессу.

В соответствии с пунктом 6.5 своего Устава Коллегия воздерживается от рассмотрения информационного спора, если он уже урегулирован, разрешён или разрешается в судебном или ином правовом порядке, либо любой из его участников намерен решить данный спор в судебном или ином правовом порядке. Моральное обязательство не обращаться в суд или иные государственные органы для разрешения данного информационного спора является неотъемлемой частью Соглашения о признании профессионально-этической юрисдикции Коллегии.

С учётом изложенных выше обстоятельств и руководствуясь пунктом 6.5 своего Устава, Коллегия приняла следующее решение.

РЕШЕНИЕ

1. Общественная коллегия оставляет без рассмотрения жалобу г-на Кривошеева А.Ю. на телеканал «Сургут 24», которая была подана им в связи с публикацией видеосюжета «Сургутские следователи попали под американские санкции» (эфир от 11 сентября 2019 г.), поскольку заявитель прибег для разрешения данного информационного спора к иным, правовым процедурам.

2. Общественная коллегия просит:

– редакции журналов «Журналист» и «Информационное право» – опубликовать состоявшееся решение Общественной коллегии;

– Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, а также факультеты журналистики других вузов – обсудить состоявшееся решение Общественной коллегии со студентами, изучающими профессиональную этику;

– Комиссию Общественной палаты Российской Федерации по развитию информационного сообщества, СМИ и массовых коммуникаций, а также Постоянную комиссию по свободе информации и правам журналистов Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека – принять к сведению состоявшееся решение Общественной коллегии.

Настоящее решение принято консенсусом.

Председательствующий,

М. А. Федотов,

доктор юридических наук, профессор

РАЗДЕЛ 2. РЕШЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ КОЛЛЕГИЙ

От составителя

В этом разделе представлены итоги рассмотрения двух жалоб территориальными коллегиями – Западно-Сибирской и Казанской. Предполагалось, что решений в выпуске будет три. Но третье, которое ожидалось по рассмотрении жалобы Уральской коллегией, не случилось, поскольку в Екатеринбурге так и не был собран семинар Общественной коллегии, на котором предполагалось рассмотреть жалобу, переданную ОКЖП (с согласия заявителя) коллегии территориальной – по месту образования информационного спора.

Причина отмены заседания – та же, что и отмена семинара Общественной коллегии: пандемия коронавируса, прекращение авиасообщения между городами, уход на вынужденные «каникулы» всех территориальных коллегий по жалобам на прессу, не перешедших, в отличие от Общественной коллегии, на рассмотрение своих жалоб в онлайн-режиме.

Тут, правда, должен сделать оговорку: ключевой причиной отмены рассмотрения жалобы стала всё же не невозможность быстрого сбора на заседание членов самой Уральской коллегии, но именно отмена семинара, перенос его, предположительно, на сентябрь.

Так сложилось, что все три территориальные коллегии предпочитают рассматривать свои жалобы на региональных семинарах Общественной коллегии. То есть не в узком по факту «домашнем» кругу, а в присутствии, помимо главных бенефициариев, членов своих коллегий, журналистов, редакторов, правозащитников, членов различных общественных организаций, представителей региональной и местной власти (и такое бывает, хотя и нечасто); непременно – преподавателей и студентов тех вузов, в которых готовят будущих журналистов. И это, на самом деле, правильно, потому что именно таким образом с территориальным органом саморегулирования соприкасается – в режиме изучения, наблюдения за его работой, эмоционального сопереживания (а это форма соучастия), если рассматриваемая жалоба задевает нерв общественного интереса, – значимое число его устойчивых и потенциальных благожелателей.

Надеюсь, что отложенный семинар в Екатеринбурге удастся провести осенью в привычном для наших региональных семинаров режиме – офлайн-ом, двухдневном, с полным сбором участников.

Надеюсь, далее, что и жалоба для него у территориальной коллегии найдётся – не знаю, правда, та ли, что планировалась к рассмотрению в апреле 2020-го. Значительная часть жалоб, в которых речь идёт об отступлениях журналистов и СМИ от норм и правил профессиональной этики и медиаэтики, имеет свойство либо «прокисать», поскольку даже и сильная обида порой – продукт скоропортящийся, либо переходить в попытки обращения в суды или административные органы.

Но это к слову. Что до дела: жалоба, рассмотренная *Западно-Сибирской коллегией (ЗСК)* в Барнауле, первая из двух представленных в этом разделе, также прошла путь из Барнаула в Москву и обратно. Как оказалось, не напрасно: в Барнауле эту жалобу *обманутых дольщиков* (на серьёзную социальную составляющую этого информационного спора я обращаю особое внимание читателей) сумели рассмотреть так, как вряд ли удалось бы в Москве. Уточняя для порядка, что члены Западно-Сибирской коллегии имели дело с другим заявителем, чем имели бы члены московской *ad hoc* Коллегии, обсудила она жалобу по существу или соберись повторно (место жены в Барнауле занял муж, прямой фигурант того репортажа, ставшего поводом для информационного спора). Чуть прорисовывая картинку, не различимую в деталях за тремя представленными по этой жалобе документами, скажу, что у наших барнаульских коллег, принимавших второе в истории ЗСК решение, хватило желания и терпения разобраться не только с самим телесюжетом, вышедшим в общероссийский эфир, но и со всеми дополнительными материалами, которые предложил к анализу и учёту заявитель, попытавшийся найти правду сначала у самих телевизионщиков. Оценку информационному спору – на это тоже стоит обратить внимание – дали сразу два эксперта Западно-Сибирской

коллегии. Тексты *мнений экспертов*, как по традиции Общественной коллегии именуется исследование экспертов и в территориальных коллегиях тоже (чтобы не путать их с *экспертными заключениями*, которые готовятся для судов и госорганов), к решению приложены, оба заслуживают серьёзного внимания. Два полезных «персональных» уточнения: Ольга Николаевна Матвеева, кандидат филологических наук и юрист по второму образованию, является по совместительству экспертом Общественной коллегии по жалобам на прессу. Читатели восьмого выпуска «Настольной книги...», полагаю, обратили внимание на её рекомендации журналистам, которые пишут на темы суда и судопроизводства. А Валентина Дмитриевна Мансурова, доктор наук и профессор – лауреат Международной Невской премии за исследования в области журналистики и массовых коммуникаций.

Что касается жалобы, рассмотренной *Казанской коллегией*, то на её четвёртом заседании из временного отдаления, но не случайно, возникла жалоба в Общественную коллегию Искандера Ясавеева, в то время доцента казанского университета. Поводом для обращения известного социолога в Коллегию послужили сюжеты антикриминальной по замыслу программы «Перехват», выпускавшиеся в прайм-тайм ТРК «Эфир» (Казань). Цитирую фрагмент решения Коллегии № 66 от 11 марта 2011 г. по жалобе И.Г. Ясавеева: «На вопрос заявителя о соответствии того ряда “натуралистических” сюжетов, который был представлен в выпуске программы “Перехват” от 2 июня 2010 г., профессиональной этике журналиста и медиаэтике в целом, а также об обоснованности “практически ежедневной демонстрации в телеэфире крупным планом тел погибших людей, окровавленных лиц, рук и предметов” Общественная коллегия отвечает однозначными *не соответствует* и *недопустима* (а не просто “не соответствует”)). Коллегия в решении № 66 соглашалась со сказанным экспертом, проф. С.К. Шайхитдиновой, в отношении проблемы *банализации насилия*, заявлявшей о себе в сюжетах программы «Перехват», напоминала её авторам и редакторам о феномене *косвенной пропаганды* образцов девиантного и криминального поведения. И заявляла о недопустимости обнаруживаемого в сюжетах равнодушия «к тому, какой ущерб не только конкретному лицу, но и обществу может быть нанесён самим фактом недостаточно профессионального обращения к человеку, находящемуся в ситуации горя и/или шока».

Связь между решением № 66 Общественной коллегии и решением № 4 Казанской коллегии читатель выпуска установит по тексту приводимого решения и по мнению эксперта, которое Казанская коллегия включила в текст. У Общественной коллегии на этот счёт другая практика, но тут – другой монастырь, со своим собственным Уставом. Существа дела и выводов, с которыми предстоит ознакомиться читателям выпуска, это, впрочем, никак не меняет.

Замечу, что для меня, наблюдателя, рассмотрение казанской жалобы было интересно ещё и тем, что председательствовала в четвёртом заседании Светлана Каимовна Шайхитдинова: авторитетный эксперт Общественной коллегии, но в данном случае – сопредседатель Казанской коллегии по жалобам на прессу.

Решения территориальных коллегий приводятся в порядке той очередности, в которой принимались в режиме реального времени.

*Западно-Сибирская коллегия по жалобам на прессу***РЕШЕНИЕ**

«О жалобе Судоса Максима Алексеевича на тележурналиста, сотрудника алтайского телеканала “Катунь 24” Ганова Константина в связи с обнародованием информационного сюжета (репортаж о дольщиках дома по адресу: г. Барнаул, пр. Ленина, 195А), дата эфира – 9.10.2019 г., в выпуске новостей в 17.00 телеканала “Катунь 24”».

Барнаул, 24 декабря 2019 г.

№ 2

На 2-м заседании Западно-Сибирской коллегии по жалобам на прессу (далее – Коллегия) ad hoc коллегия в составе председателя Палаты медиасообщества Юрия Пургина (председательствующий), членов Палаты медиасообщества Сергея Зюзина, Олега Купчинского, Виктора Юкечева, членов Палаты медиааудитории Юрия Фрица, Андрея Ляпунова, Юрия Казакова (член Общественной палаты по жалобам на прессу, г. Москва) рассмотрела жалобу жителя села Санниково Первомайского района Алтайского края Судоса Максима Алексеевича на тележурналиста, сотрудника алтайского телеканала «Катунь 24» Ганова Константина в связи с обнародованием информационного сюжета (репортаж о дольщиках дома по адресу: г. Барнаул, Ленина, 195А), дата эфира – 9.10.2019 г., в выпуске новостей в 17.00 названного телеканала. Адрес в Интернете – <https://youtu.be/q4xYD0ad5nc>. В момент рассмотрения жалобы Коллегией сюжет был недоступен для просмотра по решению правообладателей – телеканала «Катунь 24».

Вопросы процедуры. Заявитель, Судос Максим Алексеевич, подписал Соглашение о признании профессионально-этической юрисдикции Западно-Сибирской коллегии по жалобам на прессу, приняв на себя обязательство не использовать решение Коллегии по данному информационному спору для его продолжения в судебном, административном или ином правовом порядке. Заявитель лично участвовал в заседании Коллегии.

Необходимо пояснить, что данный телесюжет был воспринят частью дольщиков упомянутого дома очень критично. Так, супруга М.А. Судоса А.А. Персикова сразу же после выхода сюжета в эфир обратилась с жалобой в московскую Общественную коллегию по жалобам на прессу. Жалоба была принята к рассмотрению, но процедура не состоялась из-за низкого уровня связи между Москвой и селом Санниково, где проживают супруги. Было написано обращение уже в региональную Коллегию, куда московские коллеги передали дело.

Адресат жалобы, тележурналист Константин Ганов, а также законные представители телеканала «Катунь 24» уклонились от сотрудничества с Коллегией, в заседании Коллегии не участвовали, Соглашение о признании профессионально-этической юрисдикции Западно-Сибирской коллегии по жалобам на прессу не подписывали. Ранее они также не сотрудничали с Общественной коллегией по жалобам на прессу по жалобе г-жи А.А. Персиковой на этот же телесюжет.

С учётом изложенных выше обстоятельств дела и руководствуясь положениями своего устава, Коллегия признала жалобу подлежащей рассмотрению в соответствии с имеющимся мандатом.

Позиция заявителя, Максима Алексеевича Судоса, была изложена в обращении в Коллегию (финальная редакция от 16.12.2019 г.) следующим образом: «В эфир был выпущен сюжет, искажающий реальную обстановку, с чётким обвинением самих дольщиков в данной ситуации. При этом были вырваны части интервью дольщиков и смонтированы с учётом

интереса застройщика – ООО «Монтажная компания ПР-Холдинг». Дольщики в интервью давали совершенно другую проблематику и доносили достоверную информацию».

Заявитель подчеркнул: «Всё интервью с Константином Гановым было записано на диктофон, так как я знал, что телеканал на протяжении нескольких лет тесно работает с застройщиком ООО «Монтажная компания ПР-Холдинг» и выпуск должен был оправдывать незаконные действия и нарушения застройщика. Но что будет такая ложь – не ожидал никто!

В сюжете была выложена запись при подготовке к съёмке, когда Константин попросил отключить звук на телефоне. Была опущена голова для настройки телефона – при этом в сюжете это отображают так, словно прячется взгляд и как будто я не могу ответить на неудобные вопросы».

М.А. Судос предположил, что репортаж «заказной».

Позиция адресата жалобы, тележурналиста Константина Ганова, либо полномочных представителей телеканала в пригодном для цитирования виде у Коллегии отсутствует. Руководство сообщило в устном разговоре по телефону, что в день заседания коллегии К. Ганов был болен.

В ходе подготовки данной жалобы к рассмотрению Коллегия запросила и получила мнения экспертов Коллегии, доктора философских наук, профессора Валентины Дмитриевны Мансуровой и кандидата филологических наук Ольги Николаевны Матвеевой.

Обстоятельства, установленные в ходе заседания Коллегии. Заявитель, Максим Алексеевич Судос, в устном обращении к участникам заседания подтвердил свои претензии к сюжету и его автору. Он отметил, что оспариваемый сюжет излагает историю не единичную, в Барнауле ещё на нескольких объектах срываются сроки строительства домов, из-за чего наносится ущерб интересам дольщиков. По поводу дома по адресу пр. Ленина, 195А на интернет-платформе даже создана петиция в поддержку позиции дольщиков, которые требуют соблюдения своих законных прав. В СМИ краевого центра было обнародовано только в этом году несколько сюжетов о затягивании сроков строительства.

Дольщики заинтересованы, подчеркнул М.А. Судос, в медиаактивности, так как в противном случае ни власти, ни общественность не обращают внимания на страдания людей, ожидающих по многу лет свои законные квартиры. После серии инициированных активистами публикаций власти возобновили с дольщиками контакты, прекратившиеся ранее.

По мнению М. А. Судоса, в оспариваемом сюжете при пересказе злоключений людей абсолютно несправедливо расставлены акценты: нет критической оценки действий застройщика, который обязан выполнить свои обязательства, а власти должны встать на сторону интересов обманутых людей. Сейчас этого нет. С другой стороны, автором телесюжета высказываются претензии то к органам прокуратуры, то к судебным исполнителям, то к дольщикам. Получается, что виноваты все, кроме истинных виновников – строительной компании «ПР-Холдинг», задерживающей предоставление клиентам оплаченного жилья.

Максим Алексеевич Судос, анализируя на заседании сделанные им копии исходных материалов интервью, обратил внимание на технику манипуляции, применённую К.Гановым. Фактически телерепортёр задавал некоторым своим собеседникам (например, протестующей активистке по имени Ольга) одни вопросы, а ответы подмонтировал к другому вопросу. В результате такой несложной работы зрители из продемонстрированного сюжета могли понять, что дольщики добиваются банкротства скандальной строительной компании, а фактически, подчеркнул выступающий, у них другая позиция: им нужны квартиры, а не банкротство застройщика.

В ходе заседания Коллегии у М.А. Судоса поинтересовались, обращались ли обманутые дольщики в правоохранительные или судебные органы с претензиями к строительной компании, однозначно не выполнившей свои обязательства. Да, такие

обращения были частью дольщиком поданы, ответил М.А. Судос, при этом подтвердив позицию, что им нужны не ответы из прокуратуры, а свои квартиры.

Обращались с претензиями дольщики и к телекомпании, требуя, чтобы та внесла коррективы в освещение ситуации вокруг дома по адресу пр. Ленина, 195а. «Катунь 24» эти претензии фактически признала, согласившись снять новый, более сбалансированный сюжет. То есть была предпринята попытка уточнить редакционную позицию. Дольщики, заинтересованные в любой медиаактивности вокруг своей проблемы, согласились с такой паллиативной формой «опровержения»: дали свои комментарии с «правильными акцентами». Картина стройки во втором сюжете стала более взвешенной, но в целом не перестала быть хаотичной: интервьюируемый «высказывает чёткую позицию», а при подготовке к трансляции монтаж эту чёткость размывает.

На заседании Коллегии описанному приёму была дана ясная оценка: ещё до стадии сбора и анализа материала у журналиста уже была некая концепция, под которую он и «подтаскивал» слова из ответов интервьюируемых, что может быть истолковано как свидетельство предвзятости журналиста. Эксперт О.Н. Матвеева в своём мнении для Коллегии пришла к выводу, что «сюжет представляет собой лишь имитацию достоверности и полуправду, скрывающую реальное положение дел».

Коллегия, выслушав мнение автора жалобы, просмотрев оспоренный видеофрагмент, сохраненный участниками рассмотрения жалобы (адрес первоначального размещения – <https://youtu.be/q4xYD0ad5nc>), и ознакомившись с выводами исследований (мнения экспертов) проф. В.Д. Мансуровой, О.Н. Матвеевой, приняла следующее решение (при особом мнении А.Ф. Ляпунова по пункту 3).

РЕШЕНИЕ

1. Автор жалобы справедлив в своём утверждении о том, что суть спорного сюжета – обвинение дольщиков, позиция которых якобы не способствует разрешению конфликта.

Категоричность данного несправедливого утверждения К. Ганов пытается размыть за счёт декларирования вины и других сторон – прокуратуры, судебных исполнителей, неких юристов, которые теоретически могли бы наживаться на обслуживании претензий дольщиков.

По мнению Коллегии, в способе презентации конфликта, в заметном дисбалансе предоставления сторонам спора экранного времени, в наборе визуального ряда (на этом сделала специальный акцент эксперт В.Д. Мансурова), в резюмирующих словах тележурналиста К. Ганова обнаруживается неудачная, неуклюжая попытка анализа острой социальной проблемы. Это непрофессиональный подход.

Даже если допустить, что автор не испытывает неприязни к позиции дольщиков, данные приёмы свидетельствуют о непрофессионализме работника телеканала. Такая работа способна дискредитировать профессию журналиста, испортить репутацию работника медиа в глазах аудитории.

Рассмотренный видеосюжет нарушает один из базовых принципов журналистской этики, закреплённых в Медиаэтическом стандарте Общественной коллегии по жалобам на прессу, в соответствии с которым «народ в целом и отдельные граждане имеют право на получение достоверной, точной, полной и непредвзято поданной информации, способствующей формированию у каждого из тех, кто имеет дело с журналистской продукцией, адекватной картины мира».

2. Автор жалобы справедлив в своём утверждении, что спорный сюжет изготовлен с использованием некоторых манипуляционных приёмов, что противоречит принципам качественной журналистики. Конечно, общеизвестно, что строительная отрасль в последние годы сталкивается с законодательными новациями, осложняющими жизнь (это и трудности страховки, и пр.): в отрасли идут сложные процессы, затрудняющие её освещение в публичной

сфере. Тем не менее профессиональный журналист обязан разобраться в сути происходящего и адекватно её отобразить.

Коллегия констатирует, что в спорном сюжете это не было сделано, зритель имеет дело с осознанной манипуляционной деятельностью, так как зрители не были проинформированы чётко и ясно о сути произошедшей ошибки.

Коллегия констатирует, что многим российским редакциям (не только телеканалу «Катунь 24») остро не хватает навыков командного обсуждения сложных ситуаций – этому надо учиться.

Все фигуранты спорного телесюжета – медиаработники, дольщики, застройщик, прокуратура, судебные исполнители, юридические компании – получили репутационный ущерб из-за вольного или невольного участия в нарушении прав и законных интересов граждан.

Коллегия, принимая во внимание наличие выпущенного в эфир второго сюжета, «опровергающего» первый, констатирует, что редакция в целом поступила правильно, сделав попытку дезавуировать спорный выпуск, чтобы более объективно показать сложную ситуацию. Попытка, к сожалению, не вполне удалась, что свидетельствует о том, что причины журналистских ошибок не были профессионально проанализированы в телекомпании.

3. Коллегия выражает неудовлетворение фактом игнорирования каналом «Катунь 24» профессионального анализа участниками заседания. Если редакция не находит в себе сил признать свои недоработки, значит, она обречена совершать их при последующей деятельности. Коллегия призывает коллег делать при освещении всех событий высокий профессиональный этический выбор. В его основе лежит способность не только не совершать ошибки, но и исправлять их достойным способом, досконально разобравшись в их природе. Мы напоминаем об одном из основных положений Медиаэтического стандарта Коллегии, в котором зафиксировано: «Обязанностью журналиста является быстрое и честное, поддерживающее право на доброе профессиональное имя уведомление адресата своего сообщения об ошибке всеми средствами и способами, которые находятся в его распоряжении».

4. Коллегия не нашла значимых подтверждений заказного характера репортажа. Анализ содержания телерепортажа К. Ганова не даёт основания для подтверждения предположения заявителя, М. А. Судоса, о «заказном» характере репортажа о недострое по адресу: г. Барнаул, пр. Ленина, 195А.

5. Сожалея о позиции телеканала «Катунь 24» при рассмотрении обращения М.А. Судоса в Коллегию, выражаем надежду, что руководство телеканала всё же выйдет на сотрудничество с сообществом.

6. Коллегия приобщает к настоящему решению в качестве приложения результаты исследования (мнения экспертов) проф. В.Д. Мансуровой, О.Н. Матвеевой.

7. Коллегия напоминает, что отсутствие на момент рассмотрения жалобы подписанного К. Гановым и каналом «Катунь 24» Соглашения о признании профессионально-этической юрисдикции Коллегии освобождает М. А. Судоса от обязательства не продолжать данный информационный спор в суде или в иных органах государственной власти или местного самоуправления.

8. Коллегия просит:

– редакции журналов «Журналист» и «Информационное право» – опубликовать состоявшееся решение Коллегии;

- Союз журналистов Алтайского края в ходе плановых семинаров в редакциях местных СМИ обсудить решение, а также состояние профессиональных этических стандартов;
- факультет массовых коммуникаций, филологии и политологии АлтГУ, а также факультеты журналистики других вузов Российской Федерации – обсудить состоявшееся решение Коллегии со студентами, изучающими профессиональную этику журналиста.

Настоящее решение принято консенсусом.

Председательствующий,

**Ю.П. Пургин,
к. филол. н., профессор АлтГУ.**

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
члена Палаты медиааудитории А. Ф. Ляпунова
по пункту № 3 данного решения

На мой взгляд, телекомпания имеет право дать журналисту возможность отразить свой взгляд на проблему. Конечно, в данном случае позиция журналиста героями сюжета признаётся крайне тенденциозной. Однако при этом канал в следующем сюжете отразил иной подход к анализу и разрешению сложившейся ситуации. Претензии заявителя в принципе далее состояли в том, что и эта трактовка жёстко не соответствовала его позиции. Абсолютно согласен с тем, что журналисты должны придерживаться самых высоких принципов журналистской этики при подготовке своих материалов, однако не согласен с тем, чтобы решения Коллегии могли трактоваться как элемент цензуры деятельности редакции.

Док. 1а

Мнение эксперта
Валентины Дмитриевны Мансуровой
о репортаже о дольщиках дома по адресу: г. Барнаул, пр. Ленина,
195А,
обнародованном в телеэфире телекомпании «Катунь 24» (г. Барнаул)
09.10.2019 г., выпуск новостей от 17:00

Эксперт-исследователь: Мансурова Валентина Дмитриевна, профессор, д. филос.н., к. филол. н. по специальности «журналистика»; стаж работы в практич. жур-ке – 15 лет, опыт производства экспертных заключений по конфликтным текстам массовой информации – с 1997 года.

Время и место проведения исследования: 20.12.2019 г., г. Барнаул.

Лицо, назначившее проведение исследования: Пургин Юрий Петрович, сопредседатель Западно-Сибирской коллегии по жалобам на прессу.

Материалы, предоставленные исследователю:

1. Жалоба Судоса Максима Алексеевича (адрес заявителя: Алтайский край, Первомайский район, село Санниково, мкрн. Центральный, 48/2–14).
2. Видеозапись репортажа <https://youtu.be/q4xYD0ad5nc>;
<https://www.youtube.com/watch?v=ox9NxiKRUsk&t=532s>

Резюме жалобы М.А. Судоса:

«В эфир был выпущен сюжет, искажающий реальную обстановку и с чётким обвинением самих дольщиков в данной ситуации. При этом были вырваны части интервью дольщиков и смонтированы в учётах интереса застройщика – ООО «Монтажная Компания ПР-Холдинг». Дольщики в интервью давали совершенно другую проблематику и доносили достоверную информацию. Всё интервью с Константином Гановым было записано на диктофон, так как я знал, что телеканал на протяжении нескольких лет тесно работает с застройщиком ООО «Монтажная Компания ПР-Холдинг» и выпуск должен был оправдывать незаконные действия и нарушения застройщика. Но что будет такая ложь – не ожидал никто!» Дольщики этой новостройки и ранее были возмущены постоянными переносами сроков ввода жилья. Также они указывали на то, что уже третий год им приходится тратить деньги на аренду жилья или выплату ипотеки за квартиры, в которых они ещё не живут. Объект обещали сдать ещё в 2017 году.

Вопросы, поставленные перед экспертом:

1. Можно ли подтвердить предположение заявителя М.А. Судоса о «заказном» характере репортажа о недострое по адресу пр. Ленина, 195А?
2. Искажена ли информация о долевом строительстве дома по пр. Ленина, 195А?
3. Наносят ли ущерб истинному пониманию сути конфликта дольщиков и строителей «выдернутые из текста интервью слова, представленные в совершенно ином понимании»?

Методы исследования: дискурс-анализ конфликтной ситуации по поводу спорного строящегося объекта; семиотический анализ визуального контента телесюжета; фактчекинг – сравнительно-сопоставительный анализ вербального контента, документов, относящихся к истории строительства жилого дома и современному состоянию строящегося объекта по пр. Ленина, 195А.

Характеристика объекта исследования: Продолжительность видеосюжета репортажа – 4 мин. 42 сек. Автор репортажа – корреспондент телеканала «Катунь 24» Константин Ганов.

Резюме эксперта

Содержание сюжета. Как заявляет автор телерепортажа К. Ганов, поводом к его созданию стала проверка Следственного управления Следственного комитета России по Алтайскому краю хода строительства дома по адресу пр. Ленина, 195А, проводимая по фактам петиции дольщиков, размещенной на одном из сайтов в сети Интернет. То есть налицо ориентация телеканала на освещение актуальной для горожан проблемы затянувшегося недостроя.

Автор репортажа, по логике, тут же предоставляет слово автору петиции – М.А. Судосу. Но на основе интервью с ним, которое длится всего 10 секунд (!), автор репортажа делает решительный вывод о том, что М. А. Судос и другие подписавшие петицию только «на словах» оказываются заинтересованными в завершении строительства дома. Так как после их петиции судебные приставы заморозили финансирование строительства дома! То есть именно судебные приставы, как продолжает утверждать автор репортажа, заморозили финансирование стройки и, невзирая на постановление прокуратуры, тем самым являются истинными врагами завершения строительства. Хотя, несмотря на жалобы дольщиков и несговорчивость судебных приставов – без финансирования! – строительство дома продолжается. Для подтверждения этого факта самоотверженности строителей корреспондент предоставляет слово представителю фирмы-застройщика ООО «Монтажная компания ПР-Холдинг». Интервью с ним (длительностью в 3 раза дольше, чем с М.А. Судосом) сопровождается видеорядом – видами явно недостроенного дома и единственным

работающим подъёмным краном с кирпичами... Потому что, как утверждает строитель, дом-то готов к сдаче более чем на 90 %.

Так кто же на самом деле «тормозит» получение ключей от квартир? По версии корреспондента, сами дольщики, создавшие аж две инициативные группы по ускорению ввода дома в строй, и... общественная организация по защите прав потребителей «Робин Good». Одни (дольщики) не могут разобраться, что лучше – банкротство строительства и выплата компенсаций или терпеливое ожидание завершения строительства. Другие – «Робин Good» – не прочь нажиться на удовлетворении компенсационных прав дольщиков. К. Ганов так и завершает свой репортаж, призывая дольщиков «направить свои инициативы в другое, полезное русло». И будет им счастье...

Анализ объективности и достоверности фактической основы репортажа

1. Бэкграунд проблемы. Выстраивая сюжет, корреспондент основывается только на двух документах: тексте петиции дольщиков и постановлении прокуратуры, обязывающем судебных приставов «открыть» финансирование стройки. Между тем, у дома по пр. Ленина, 195А – длинная история, свидетельствующая о явном неблагополучии с его возведением. Достаточно было открыть первые же страницы сети Интернет по запросу «Ленина 195А», чтобы представить более правдивую картину причин недовольства дольщиков:

1. 03/10/2019, «Барнаульского застройщика проверят следователи из-за недостроя дольщиков на проспекте Ленина»: <https://www.bankfax.ru/news/133786>.

2. 02.10.2019, «Следком изучит петицию барнаульских дольщиков»: <https://altapress.ru/proisshestviya/story/sledkom-izuchit-petitsiyu-barnaulskih-dolshchikov-255221>.

3. Мнения дольщиков от 2016 года, сайт «Недвижимость – Алтай»: <http://realtai.ru/forum/viewtopic.php?t=228548&start=25>.

4. 01.08.2019, «Запрет продажи долёвок»: <https://altayrealt.ru/news/30725-v-barnaulskoy-novostroyke-priostanovlena-registratsiya-dolevykh-dogovorov.html>.

5. <https://altapress.ru/realty/story/v-barnaule-na-dva-goda-zaderzhivayut-vvod-mnogoetazhki-dolshchiki-gotovi-k-mitingam-251629>.

6. <https://новостиалтая.рф/2019/05/%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%B5%D1%86-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%81%D0%BF%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B0-%D0%B4%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%89%D0%B8%D0%BA%D0%B8-%D1%81-%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D0%B0-195-%D0%B0/Конец проспекта: Дольщики с Ленина 195 «А»>.

7. <https://www.ap22.ru/paper/Sledkom-proverit-pochemu-dol-schiki-ne-dozhdalis-kvartir-v-Barnaule.html>.

8. <https://politsib.ru/news/32959-vlasti-proasnili-situaciu-so-sdacej-problemnogo-dolgostroa-na-prospekte-lenina>.

9. <https://vesti22.tv/video/zastroyshchika-pr-holding-proveryat-za-nedostroennye-doma-v-barnaule>, и т. п.

То есть в дискурсе затянувшейся стройки входит множество причин и финансового, и организационного, и правового характера. Что и отразили в петиции дольщики-единомышленники М.А. Судоса. И апелляция корреспондента К. Ганова только к их сознательности, естественно, не только не отражает всей сути проблемы, но и существенно её искажает.

2. Достоверность видеоинформации. Восприятие реальности всё более зависит от её репрезентации с помощью визуальных образов. Следует отметить, что наступление визуальной эпохи означает перемещение акцента с вербальных способов отображения реальности к визуальным, образным. Визуальная грамотность как базовая культурная компетенция журналиста является обязательным показателем его профессионализма. Видеоряд в исследуемом телевизионном репортаже со статичным образом недостроенного дома никоим образом не подтверждает утверждения представителя фирмы-застройщика о

готовности стройки более чем на 90 %. Более того, именно бедность визуальных данных в репортаже вызывает закономерное недоверие к вербальному контенту как «лживому».

3. *Координаты интерпретации.* Автором репортажа произвольно, вне связи с основными проблемами недостроя, выстроены ролевые функции участников события. В репортаже они без видимой логической взаимосвязи положены в основу идеи автора о виновности инициативных групп дольщиков, судебных приставов, сотрудников общественной организации защиты прав потребителей – всех, кроме самих строителей. Именно это обстоятельство могло спровоцировать предположение М. А. Судоса о «заказном» характере телерепортажа. Хотя анализ контента репортажа явно свидетельствует о поверхностном, непрофессиональном подходе корреспондента телеканала к выполнению ответственного задания.

Выводы – ответы на вопросы, поставленные перед экспертом

1. Дискурс-анализ содержания четырёхминутного сюжета телерепортажа К. Ганова не создаёт полного основания для подтверждения предположения заявителя М.А. Судоса о «заказном» характере репортажа о недострое по адресу пр. Ленина, 195А. Корреспондент, по всей вероятности, выбрал наиболее приемлемую, придуманную им самим версию причин долгостроя. Это указывает на профессиональную недобросовестность корреспондента телеканала.

2. Информация о долевом строительстве по адресу пр. Ленина, 195А представлена в телерепортаже телеканала «Катунь 24» в неполном, фрагментированном, не отражающем истинные причины долгостроя формате. Вербальная и визуальная части контента противоречат друг другу, что не вызывает доверия в истинности доводов автора репортажа.

3. «*Выдернутые из текста интервью слова, представленные в совершенно ином понимании*», искажение ролевых функций участников конфликта, безусловно, не только не способствуют истинному пониманию сути конфликта дольщиков и строителей, но наносят и моральный ущерб людям, вовлечённым в унизительный процесс отстаивания своих интересов. В этом смысле жалоба Максима Алексеевича Судоса имеет все основания для удовлетворения.

Список использованной литературы

1. Бакштановский В.И., Согомонов Ю. В. Гражданское общество: этика публичных арен / Монография. – Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2004. 268 с.
2. Бейненсон В.А. Проверка достоверности информации в условиях новых медиа: проблемы и возможности. В сборнике: Журналистика в системе альтернативных источников информации. Сборник материалов научной конференции кафедры журналистики. – 2017. С. 79–89.
3. Корнев М. Фактчекинг: 5 надёжных способов проверить информацию. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mediatoolbox.ru/factchecking> (дата обращения: 01.11.2017).
4. Медиа: между магией и технологией / Под ред. Н. Сосна и К. Фёдоровой. – М.; Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2014. 330 с.
5. Новые медиа: социальная теория и методология исследований: словарь-справочник / Отв. ред. О.В. Сергеева. – СПб, 2015. 264 с.

**Мнение эксперта
Ольги Николаевны Матвеевой в связи с жалобой
Максима Алексеевича Судоса
на сюжет телеканала «Катунь 24» от 09.10.2019 г.**

Объектом исследования в связи с жалобой Судоса Максима Алексеевича в Западно-Сибирскую коллегия по жалобам на прессу является сюжет о долевом строительстве в новостной программе «Катунь 24» от 09.10.2019 года. Журналистом, подготовившим сюжет, является Константин Ганов.

Представленная для исследования видеофонограмма «Заказные новости. Позор СМИ Катунь 24. Барнаул. Разнос полный» состоит из трёх фрагментов:

1) собственно сюжета о долевом строительстве в новостной программе «Катунь 24» (начало через 08 мин. 11 сек., длительность 04 мин. 40 сек.), послужившего поводом для обращения в Коллегию по жалобам на прессу (далее – спорный сюжет);

2) комментариев к указанному сюжету на соответствующей странице www.youtube.com и в группе «Реальные дольщики» в мессенджере WhatsApp, в том числе голосового сообщения участника группы;

3) запись полной версии интервью Максима Алексеевича Судоса.

Общая длительность видеофонограммы составляет 13 мин. 42 с.

На предварительном этапе исследования было установлено дословное содержание спорного сюжета и аудиозаписи полной версии интервью (Приложение 1).

Спорный сюжет посвящён ситуации затянувшегося долевого строительства жилого дома в Барнауле по пр. Ленина, 195А. Активность участников долевого строительства представлена в сюжете как мешающая завершению работ по строительству дома.

Жалоба заявителя аргументирована тем, что реальная ситуация представлена в сюжете в искажённом виде, сюжет носит заказной характер и смонтирован в интересах застройщика.

Рассмотрим представленный материал с точки зрения соответствия Медиаэтическому стандарту Общественной коллегии по жалобам на прессу.

Новостной сюжет и недостоверность информации

Исследуемый сюжет формально принадлежит к информационной журналистике, являясь новостным, в связи с чем ожидаемым для адресата содержанием должно быть объективное информирование, достоверное и непредвзятое освещение событий.

Информационным поводом для создания сюжета послужила размещённая дольщиками в сети Интернет петиция, результатом которой стала инициированная Следственным управлением Следственного комитета Российской Федерации по Алтайскому краю проверка в связи с нарушением сроков строительства жилого дома.

Заявленной целью сюжета является попытка разобраться, почему застройщик больше года не может завершить строительство: *«Кто или что вовремя мешает отдать ключи от квартир будущим жильцам, разобрался Константин Ганов».*

Большая часть информации в спорном сюжете представлена в виде утверждений о фактах, которые формально вроде доказываются создателями сюжета (кадры сообщения пресс-службы Следственного комитета, интервью с дольщиками, представителем застройщика Виктором Казаковым и пр.), однако содержательно всё подчинено одной коммуникативной задаче, которой, очевидно, придерживается автор сюжета, – обвинить дольщиков в их собственных бедах, оценивая их попытки ускорить завершение строительства и привлечь внимание к ситуации как неправильное поведение, и обелить застройщика, ставшего, согласно сюжету, буквально заложником такой активности дольщиков.

В жалобе заявителя указано, что программы содержат недостоверную информацию, в связи с чем в ходе исследования спорного материала осуществлялось сопоставление утверждений о фактах, содержащихся в анализируемом сюжете, а также полной версии записанного интервью Максима Судоса и комментариев к спорному сюжету.

Сравнение полной версии интервью Максима Судоса с вышедшей в эфир версией показало, что информация представлена манипулятивно, с постановкой высказываний в искажённый контекст и голословными обвинениями дольщиков.

В результате проведённого сравнения выявлены следующие значимые расхождения в представлении информации дольщиками и в вышедшей в эфир версии.

<p align="center">Полная версия интервью / пояснения интервьюируемых</p>	<p align="center">Вышедшая версия (спорный сюжет)</p>
<p><i>М3 – Мы хотим конечного результата – получить свои квартиры, это тот результат которого мы хотим добиться. Больше нам в принципе ничего не нужно, дольщикам получить свои квартиры. Тем самым мы привлекаем внимание властей, внимание застройщика.</i></p>	<p><i>М2 – Автор петиции Максим Судос на словах утверждает, что заинтересован в скорейшем завершении строительства.</i></p>
<p>Ведущий бездоказательно указывает на неискренность слов Максима Судоса: «На словах – ироническое. Только в разговоре, а не на деле» [Фразеологический словарь русского языка]. Такой вывод делается без приведения хотя бы единственного аргумента, который свидетельствовал бы об обратном.</p>	
<p><i>М3 – Ну, в этом состоянии уже год примерно, давно. В таком состоянии, ну, примерно год. То есть это вот так уже знаете... Вчера два было, два рабочих (ходило), ну, представляете – шестнадцатизэтажный дом, два рабочих на шестнадцатизэтажный дом. Ну, сколько будут строить два рабочих? Это, скорее всего, лет пятьдесят, если в таком темпе. Вот поэтому как бы даже непонятно. (Нрзб.) ...раньше как-то хоть что-то, ну, там (нрзб.) началась просрочка, хотя бы, кран двигался, хотя бы что-то поднимал, что-то было, вообще сейчас ничего. Просто вот женщина – она вот живёт в соседнем доме, вот я наблюдаю, она говорит: «Просто месяц вообще никого не было, просто ни одной живой души, один сторож ходит» (нрзб.) летом (нрзб.)...</i></p>	<p><i>М4 – Ну, по дому работы, по строительству не останавливались ни на один день, строительство ведётся, задача по сдаче дома стоит до конца две тысячи девятнадцатого года, то есть технически в принципе всё это возможно.</i></p>
<p>Ведущий не приводит высказывания, не соответствующие его коммуникативной задаче. Ведущий не комментирует противоположные точки зрения, представляя в эфире только одну из них, работающую на его коммуникативную задачу, при этом достоверность информации о непрекращающихся строительных работах автором сюжета не проверяется.</p>	

<p><i>М3 – Там шестнадцать этажей, они отсырели, там плесень уже, всё так обросло уже (нрзб.). Там крышу не доделали, вода течёт, сейчас дожди идут (нрзб.)...</i></p>	<p><i>М2 – Проведены все коммунальные коммуникации, большая часть фасадов остеклена. Завершаются кровельные работы. Готовность дома более девяноста процентов.</i></p>
<p>Ведущий не приводит высказывания, не соответствующие его коммуникативной задаче. Ведущий не комментирует противоположные точки зрения, представляя в эфире только одну из них, работающую на его коммуникативную задачу.</p>	
<p><i>Ж2 – Здравствуйте, я Ольга, да, сейчас полетят камни в мой огород. Дело в том, что правильно Максим сказал, эти слова вырваны из контекста. <...> Мне был задан вопрос: «Правда ли что у вас организована инициативная группа, которая решает вопрос по банкротству застройщика?» Я поэтому ответила, что не знаю, я к этой группе никакого отношения не имею. Я не имела в виду вообще абсолютно никого. Речь шла о какой-то инициативной группе, которая хотела бы объявить банкротом «ПР-Холдинг», вот о чём речь-то шла.</i></p>	<p><i>М2 – Но насколько скорейшему завершению строительства способствует появление новой инициативной группы в лице вот этого активиста?</i></p> <p><i>Ж2 – Я к этой инициативной группе отношения в принципе не имею, мы другая инициативная группа, и есть желание той группы привести к банкротству. Мне приходилось банкротить предприятия самой, и поэтому я знаю, что это чревато тем, что то, что мы вложили сюда, мы можем просто, мне кажется, не получить вообще.</i></p>
<p>Ведущий искажает контекст, в котором был получен ответ на вопрос, представляя высказывание участника долевого строительства как ответ на другой вопрос, тем самым, соответственно, искажаются слова интервьюируемой.</p>	
<p><i>М2 – Да, и пока не выплатит ничего?</i></p> <p><i>М3 – Ну, мне конкретно ничего не выплачивал. Дольщикам, возможно, что-то кому-то выплачивал. На данный момент знаю, что на последнем собрании никому никаких выплат не было. Среди собравшихся дольщиков, вчера буквально это было, да, в воскресенье, никаких выплат, никаких компенсаций никому не было (нрзб.)...</i></p> <p><i>М2 – Всё понятно. Спасибо. Так, всё записали? (Нрзб.) Здорово. <...> Попытался добиться от вас, что вот он не выплачивает. Мало того, что не вовремя сдаёт, ещё и не выплачивает.</i></p>	<p><i>М2 – Для того чтобы получить положенную по закону компенсацию от застройщика, можно обойтись и без «Робин Good'a». Общая сумма компенсационных и иных выплат дольщикам этого дома уже составила порядка сорока миллионов рублей.</i></p>
<p>Ведущий представляет информацию, прямо противоположную той, которую получил от интервьюируемого, однако источник этой информации не указывается.</p> <p>Последняя из приведённых фраз ведущего в полной версии интервью исключает возможность недопонимания ведущим ситуации, в которой он «разбирался», поэтому, как выглядит ситуация с точки зрения дольщиков, ему абсолютно понятно.</p>	

Выявленные несоответствия между реальными высказываниями интервьюируемых дольщиков и выпущенной в эфир версией свидетельствуют, что сюжет представляет собой лишь имитацию достоверности и полуправду, скрывающую реальное положение дел.

Способ представления информации доказывает, что к новостному сюжету данный продукт не имеет никакого отношения, поскольку его целью было не достоверное информирование, а манипулятивное управление пониманием и внедрение в сознание адресата картины, не адекватной реальности.

Освещение конфликтной ситуации и позиция журналиста

Согласно Медиаэтическому стандарту, «редакция СМИ и конкретный журналист не обязаны при обращении к конфликтной ситуации быть нейтральными; как редакция, так и отдельный журналист вольны занимать ту позицию, которая представляется им правильной, справедливой, соответствующей личным предпочтениям и/или общественному запросу. При этом предполагается, что журналист именем и репутацией отвечает за точность в отборе и подаче фактов, за достоверность передаваемых мнений, за чёткость разграничения факта, комментария и предположения. Предвзятость и тенденциозность не являются признаком добросовестной журналистики, любые проявления подходов такого рода должны исключаться совместными усилиями журналиста и редактора».

Объективная подача информации, отделение факта от комментария, представление противоположных точек зрения, постановка высказывания в верный контекст, отсутствие манипулятивных техник при подаче информации, выбор адекватных ситуации жанров подачи информации – вот техники, которые позволяют журналисту сделать профессиональный материал и высказать собственную точку зрения на происходящее.

В сюжете не содержится даже заявленной попытки разобраться в ситуации. Начало и конец сюжета как сильные позиции любого текста сразу обозначили систему координат, в которой заранее интерпретируется ситуация: дольщики лишь на словах заинтересованы в завершении строительства (М2 – *Автор петиции Максим Судос на словах утверждает, что заинтересован в скорейшем завершении строительства*), на деле их позиция неправильна и не соответствует достижению цели скорейшего завершения строительства (М2 – *Есть также надежда, что народные активисты направят свои усилия в правильное русло*), где

«*На словах* – ироническое. Только в разговоре, а не на деле» [Фразеологический словарь русского языка], «*Правильный* – 3. Такой, какой нужно; хороший» [Современный толковый словарь русского языка].

Ведущий умалчивает о многих сообщаемых дольщиками фактах, искажая ситуацию, при этом настойчиво притягивает смыслы, которые не затрагиваются интервьюируемыми, – так появляется тема якобы инициируемого банкротства застройщика, а также тема получения компенсационных выплат, к которой он настойчиво подводит Максима Судоса в полной версии интервью, результатом чего становится фрагмент о компании, занимающейся взысканием штрафов с застройщиков.

Логика подачи этой информации такова, что подводит адресата к выводу: «Дольщики сами затягивают строительство и пытаются нажиться на ситуации». Между тем Максим Судос неоднократно повторяет во время интервью, что участникам долевого строительства нужно, чтобы застройщик выполнил свои обязательства по договору и предоставил им их квартиры.

Таким образом, сюжет тенденциозно представляет ситуацию, журналист не аргументирует какую-либо сформировавшуюся в ходе изучения ситуации точку зрения, а скорее, транслирует заранее заданную.

Нарушение принципов Медиаэтического стандарта: кто пострадал?

Имеющиеся в рассматриваемом сюжете признаки недостоверности информации, тенденциозности подачи материала свидетельствуют о нарушении принципов Медиаэтического стандарта, в соответствии с которым «принцип профессиональной честности запрещает журналисту представлять частные или корпоративные интересы, вступающие в противоречие с общественным благом (общественными интересами)».

В рассматриваемом сюжете, я полагаю, этот принцип не был приоритетным, если здесь можно вести речь о каких-либо принципах вообще.

Реакция фигурантов и адресатов сюжета, представленная в комментариях на YouTube, наглядно демонстрирует отношение к подобной журналистике: ей не доверяют, отказывают в праве принадлежать к информационной среде, дают резко негативные оценки, экстраполируя их не только на журналиста и телеканал, но в целом на журналистское сообщество. Примеры комментариев к спорному сюжету представлены в Приложении 2.

Пострадавших от такого сюжета можно разделить на несколько групп.

Во-первых, это непосредственно участники долевого строительства, которые вместо общественной поддержки получили дискредитирующий, осуждающий их поведение сюжет, в том числе непосредственные участники сюжета Максим Судос, который был обвинён в неправильном поведении из-за создания петиции, и Ольга Иванова, вынужденная оправдываться перед участниками долевого строительства в связи с тем, что её слова были искажены.

Во-вторых, это адресаты, незнакомые с ситуацией и получившие недостоверную информацию – сюжет, обслуживающий частные интересы и вступающий в противоречие с интересами общественными.

Однако самая пострадавшая в этой ситуации группа, на мой взгляд, – это журналисты, поскольку они получили удар от лица, профессионально принадлежащего к этому же сообществу, а это самые болезненные удары – когда их получаешь от тех, кто должен стоять с тобой в одном ряду.

С каждым таким ударом доверие адресата утрачивается не только в отношении конкретного журналиста, но в отношении журналиста как такового, журналиста вообще и журналистики в целом. Журналистское сообщество несёт в таких ситуациях ощутимые репутационные потери.

Слово – это огромная сила, оружие, которое в недобросовестных руках может стать убийственным, поражающим репутации и ломающим жизни. Недаром сейчас идёт активная разработка программ противодействия фейковым новостям и неприемлемой информационной среде, создающейся, в том числе, и такими сюжетами.

В последнее время мне приходится наблюдать ситуацию, когда в таком небольшом регионе, как Алтайский край, всё чаще возникают конфликты именно этического характера, когда предметом претензий становится именно этическая составляющая журналистской продукции. С одной стороны, это весьма тревожные звонки, поскольку они демонстрируют кризис отрасли. В то же время радует ситуация повышения медиаграмотности, когда люди, чьи права нарушены, обращаются за их защитой, в том числе в орган профессионального саморегулирования, когда редакции, которые допустили нарушения Медиастандарта, дают иной контент и приносят извинения заинтересованным сторонам.

И в рассматриваемой ситуации возможные шаги, которые могут показать готовность редакции «Катунь 24» и журналиста Константина Ганова нести ответственность перед своей аудиторией и профессиональным сообществом, – это признать ошибки и принести извинения.

Выводы

Видеосюжет телеканала «Катунь 24» от 09.10.2019 г. содержит грубые нарушения базовых принципов журналистской этики, закреплённых в Медиаэтическом стандарте Общественной коллегии по жалобам на прессу:

1) принципа обеспечения права граждан на информацию, в соответствии с которым «народ в целом и отдельные граждане имеют право на получение достоверной, точной, полной и непредвзято поданной информации, способствующей формированию у каждого из тех, кто имеет дело с журналистской продукцией, адекватной картины мира»;

2) принципа добросовестного освещения событий, согласно которому журналист обязан обеспечить «точность и полноту информации о фактах, а также честное, добросовестное освещение текущих событий в том контексте, в котором информация об этих фактах и событиях приобретает смысл для конкретного гражданина, отдельной социальной группы, общества в целом».

Используемые источники

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999.
2. Медиаэтический стандарт Общественной коллегии по жалобам на прессу: <http://www.presscouncil.ru/index.php/teoriya-i-praktika/dokumenty/4756-mediaeticheskij-standart-2015>.
3. Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке / Под ред. М.Н. Володиной. – М.: Академический проект, 2011. 332 с.
4. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 25.11.2017) «О средствах массовой информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2018).
5. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. – М., 2007.
6. Декларация Гильдии судебных репортёров «О принципах честной работы в жанрах судебного очерка и репортажа, а также журналистского расследования». URL: <http://www.presscouncil.ru/index.php/teoriya-i-praktika/dokumenty/759-deklaratsiya-gildii-sudebnykh-reporterov-o-printsipakh-chestnoj-raboty-v-zhanрах-sudebnogo-ocherka-i-reportazha-a-takzhe-zhurnalistskogo-rassledovaniya> (дата обращения: 18.05.2017).
7. Жижина М.В. Медиаграмотность как стратегическая цель медиаобразования: о критериях оценки медиакомпетентности: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediagramotnost-kak-strategicheskaya-tsel-mediaobrazovaniya-o-kriteriyah-otsenki-mediakompetentnosti>.
8. Нассим Талеб. Патология нашего времени – потеря контакта с реальностью: https://www.rbc.ru/interview/own_business/16/11/2017/5a0c361d9a7947003e4aff7c.
9. Материалы VI Международной конференции «Россия и Европа: актуальные проблемы современной международной журналистики»: <https://interaffairs.ru/news/show/19079>.
10. Рихтер А. Фейковые новости и свобода массовой информации // Материалы VI Международной конференции «Россия и Европа: актуальные проблемы современной международной журналистики»: <https://interaffairs.ru/news/show/19079>.
11. Рекомендации Сети организаций медийного саморегулирования (СОМС) относительно распространения пропаганды в СМИ // Настольная книга по медийному саморегулированию. Вып. 6. Москва прирастает Поволжьем, Уралом, Сибирью. Под ред. к. соц. н. Ю.В. Казакова и д. ю. н. М.А. Федотова. – М.: Творческий центр ЮНЕСКО, 2016. С. 285–287. Режим доступа: <http://presscouncil.ru/index.php/novosti/5500-sovety-pressy-stran-sng-podgotovili-rekomendatsii-dlya-smi-i-sovmestno-vystupayut-protiv-informatsionnoj-propagandy>.
12. Совместная Декларация о свободе выражения мнения, а также «фейковых новостях», дезинформации и пропаганде: <http://www.osce.org/ru/fom/302806?download=true>.
13. Совет Европы: документы по проблемам средств массовой информации. 2-е изд., доп. – СПб: Информационно-издательское агентство «ЛИК», 2000. 152 с.

14. Современный толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. – СПб: Норинт, 2007.
  15. Федякина А. МИД РФ анонсировал проект для разоблачения фейковых новостей: <https://rg.ru/2017/02/15/mid-rf-anonsiroval-proekt-dlia-razoblacheniia-fejkovyh-novostej.html>.
  16. Фразеологический словарь русского литературного языка. – М.: Астрель, АСТ. 2008. Режим доступа: <https://rus-phraseology-dict.slovaronline.com>.
  17. Что опаснее для демократии: фейковые новости или способы с ними бороться?: <https://www.stopfake.org/chto-opasnee-dlya-demokratii-fejkovye-novosti-ili-sposoby-s-nimi-borotsya>.
-

РЕШЕНИЕ

«О жалобе Регины Чибриковой на материал “Житель Кайбицкого района зарезал мужчину из-за ревности к своей сожительнице”, размещённом в Интернете, а также распространённом в виде новостного телевизионного сюжета в программе “Татарстан 24” 07.11.2019 г.».

г. Казань, 21 января, 2020 г.

№ 4

Казанская коллегия по жалобам на прессу в составе председателей Палаты медиасообщества Светланы Шайхитдиновой (председательствующий) и Палаты медиааудитории Риммы Ратниковой, членов Палаты медиасообщества Зуфара Закирова, Нины Киркиной, Гульнары Сабировой, членов Палаты медиааудитории Василя Гарифуллина, Леонида Толчинского рассмотрела поступившую в Коллегию жалобу **Чибриковой Регины Николаевны** на материал «Житель Кайбицкого района зарезал мужчину из-за ревности к своей сожительнице», размещённый в Интернете (<http://tatarstan24.tv/news/incident/zhitel-kaybitskogo-rayona-zarezal-muzhchinu-iz-za-revnosti-k-svoey-sozhitelnitse>), а также распространённый в виде новостного телевизионного сюжета в программе «Татарстан 24» 07.11.2019 г.

Позиция заявителя в жалобе, поступившей в Казанскую коллегию 28.11.2019 г., была изложена следующим образом: «7 ноября на сайте телеканала “Татарстан 24” появился сюжет об убийстве 38-летнего мужчины в Кайбицком районе, ранее его транслировали по телевидению в выпуске вечерних новостей. Трагедия произошла вечером 1 ноября в деревне Ульяновско. В тот вечер в доме не было журналистов, в доме работала лишь следственная группа, включая эксперта, который делал фотографии убитого <...>. Фотокадры, сделанные для уголовного дела, сотрудники Следкома легко и просто “слили” корреспондентам “Татарстан 24”, а те подали их без полной ретуши, сначала на всю республику, а позже – страну. На лицо наложили ретушь, а тело (убитый находился в нижнем белье) с кровавыми ножевыми ранениями (которых было более 30) подали в чистом виде».

Заявитель, супруга брата погибшего, написала: «Мы, близкие и родственники, получили большое потрясение от увиденного. Усугубил ситуацию тот факт, что во время убийства в доме находился мой свекор – пожилой мужчина-инвалид. На его глазах зарезали его младшего сына, и он не смог остановить убийцу, в чём до сих пор себя винит. Он провел наедине с трупом несколько часов в ожидании сотрудников полиции. Спустя неделю отец, наконец, стал есть, стал отходить от шока – и по телевизору снова увидел эти кадры: страшные раны без ретуши, бездыханное тело, кровь на полу...»

Заявитель обратилась к членам Казанской коллегии по жалобам на прессу с просьбой дать этическую оценку действиям журналистов и поведению полицейских, «сливших» фото сотрудникам телеканала «Татарстан 24», «использовавших их таким грязным способом в собственных интересах».

Позиция адресата жалобы осталась непрояснённой. Представители телеканала «Татарстан 24» за день до заседания проинформировали председателя Палаты медиааудитории Римму Ратникову о невозможности участвовать в заседании по «техническим причинам».

Вопросы процедуры. Коллегия приняла к сведению факт уклонения адресата жалобы от участия в заседании.

Членами ad hoc Коллегии был рассмотрен вопрос о том, входит ли предмет жалобы в компетенцию Казанской коллегии по жалобам на прессу. Дискуссию вызвала просьба заявительницы дать оценку действиям не только сотрудников телеканала «Татарстан 24», разместивших материал в открытом доступе, но и действиям полицейских, допустивших «слив» фотоинформации с места происшествия. По данному вопросу высказались Л. Толчинский, З. Зарипов, Н. Киркина, С. Шайхитдинова.

По итогам обсуждения данного вопроса было отмечено, что современное состояние медиапространства, когда любой гражданин, любая корпорация способны выйти с разного рода контентом на массовую аудиторию, уравнивает их со СМИ и журналистами в вопросах ответственности за социальные последствия распространяемого контента.

С учётом данного обстоятельства члены коллегии единогласно проголосовали за принятие жалобы к рассмотрению.

Обстоятельства, установленные в ходе заседания Коллегии.

Коллегия отсмотрела сюжет, ставший предметом информационного спора.

Коллегия заслушала заявителя, **Регину Николаевну Чибрикову**, и эксперта **Татьяну Владимировну Губаеву**, доктора юридических наук, профессора кафедры теории и истории права и государства Казанского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия».

Заявитель **Р.Н. Чибрикова**, выступая на заседании, детализовала отдельные положения своего обращения в Казанскую коллегию и ответила на вопросы участников заседания.

Эксперт **Т.В. Губаева**, аккредитованный член Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, сообщила Коллегии следующее:

«Материал под заголовком “Житель Кайбицкого района зарезал мужчину из-за ревности к своей сожительнице” размещён на сайте телеканала «Татарстан 24» 07.11.2019 и вплоть до настоящего времени находится в свободном доступе (URL: <http://tatarstan24.tv/news/incident/zhitel-kaybitskogo-rayona-zarezal-muzhchinu-iz-za-revnosti-k-svoey-sozhitelnitse>). Указанный материал представляет собой текст, сочетающий в себе вербальную и невербальную информацию. Вербальная часть текста выдержана в стилистически допустимых выражениях, например: “Убийство произошло, по версии следствия, после совместного застолья всех троих со спиртным”, “В Татарстане любовная драма обернулась кровавыми разборками, в результате которых один из кавалеров оказался в СИЗО, а другой – погиб от ножевого ранения”. К невербальной части текста относятся, в том числе, шесть кадров с чёрно-белым фотографическим изображением окровавленного и почти раздетого трупа. Один кадр снят общим планом, пять кадров сделаны среднетрупным планом, при этом в каждом случае изображения чёткие, за исключением головы убитого, так что лицо его опознать по изображениям невозможно.

Материал доносится до аудитории в определённой последовательности: транслируется официальное сообщение представителя СУ СК РФ по РТ о преступлении, затем в качестве иллюстраций представлены два фото среднетрупным планом, одно фото общим планом и вновь три фото среднетрупным планом – все с разных ракурсов, с явными акцентами на кровь и множественные раны. Материал смонтирован таким образом, что по завершении сюжета без какой бы то ни было паузы следует призыв “Делаем новости вместе, присылайте ваши фотографии, видео и сообщения в рубрику “Мобильный репортер””, зачитанный бодрим закадровым голосом с музыкальным сопровождением в мажорной тональности.

Экспертная оценка обжалуемого материала исходит из того, что при добросовестном исполнении профессиональных обязанностей журналисты освещают действительность такой, какая она есть, включая и остро негативные, шокирующие её проявления, вызывающие общественный интерес. Показывая такие жестокие реалии, как момент насильственной смерти, необходимо найти баланс между свободой распространения и получения

информации, с одной стороны, и уважением конфиденциальности и достоинства погибших – с другой.

Само по себе официальное сообщение об убийстве не может быть подвергнуто цензуре. Информация такого рода неизменно вызывает общественный интерес, происхождение которого объяснил в своё время лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине И.П. Павлов: когда люди стремятся побольше и поподробнее узнать о происшествиях, ими движет природный исследовательский рефлекс, необходимый для того, чтобы правильно ориентироваться в окружающем мире, – мозг как бы старается собрать некий опыт и отложить его “до востребования” на тот случай, когда он может понадобится для выживания (о физиологии рефлексов см., напр.: Павлов И.П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. М.: Наука, 1973.).

Вместе с тем императив уважения человеческого достоинства требует весьма веских оснований к тому, чтобы использовать чёткие изображения жертв убийства, а также накладывает иные ограничения в выборе и подаче материала в зависимости от конкретных контекстуальных факторов.

В обжалуемом материале фотографии, хотя и соотносятся с содержанием официального сообщения о преступлении, чрезмерно натуралистичны и наносят урон достоинству умершего человека, на что указывают следующие признаки в их совокупности:

- множественность фотографий, их шестикратный повтор кадр за кадром, разные ракурсы, тогда как в целях допустимой иллюстрации сообщения достаточно было бы одной, общего дальнего плана, без детализированного показа следов крови и ран;
- среднекрупный план, когда пространство кадра практически заполнено чётким изображением окровавленного тела с большим количеством ран;
- последовательность подачи материала (бодрый рекламный призыв делать новости вместе – без паузы, сразу после демонстрации шокирующих кадров);
- размещение чрезмерно натуралистичных фото жертвы убийства на сетевом ресурсе с неограниченно широкими возможностями потенциального доступа, что, в свою очередь, обуславливает непредсказуемое влияние материала на аудиторию, случайно столкнувшуюся с ним.

Таким образом, в материале “Житель Кайбицкого района зарезал мужчину из-за ревности к своей сожительнице”, размещённом на сайте телеканала “Татарстан 24” 07.11.2019, выбор и использование фотографических изображений жертвы убийства на месте преступления необоснованны, квалифицируются как наносящие вред достоинству погибшего, причиняющие моральные страдания его родственникам и тем самым нарушающие этические стандарты журналистики.

Требование заявителя относительно этической оценки поведения полицейских, передавших фото журналистам, рассмотрению в Казанской коллегии по жалобам на прессу не подлежит».

При обсуждении экспертного мнения Т.В. Губаевой членами Казанской коллегии в открытой части заседания были подняты следующие вопросы:

1. Следует ли сопровождать новости в формате криминальной хроники фотоиллюстрациями, которые представляют шок-контент для массовой аудитории?
2. В равной ли мере разделяют, наряду со СМИ и журналистами, этическую ответственность иные организации, учреждения и их специалисты, причастные к распространению контента в публичном пространстве?
3. Каковы критерии определения границ общественного интереса, вступающего в противоречие с правами героев публикаций и их близких на персональные данные, включая право на изображение? Как это противоречие разрешать в случае, если персональные данные

(наряду с фотоизображениями) включены в материалы уголовного дела? Как это противоречие разрешать, если в публикации описывается факт смерти?

Члены коллегии приняли к сведению выводы экспертного мнения С.К. Шайхитдиновой о натуралистических сюжетах криминальной хроники под рубрикой «Перехват» ТК «Эфир» (Казань) по обращению Искандера Ясавеева в Общественную коллегию по жалобам на прессу в 2010 году.

С учётом всего изложенного Казанская коллегия приняла следующее решение.

РЕШЕНИЕ

1. Казанская коллегия исходит из того, что редакция СМИ решает, сопровождать ли новости в формате криминальной хроники фотоиллюстрациями или видеоинформацией. Однако при монтаже фотонарезки и кадров видеосъёмки в телевизионных сюжетах необходимо руководствоваться требованиями экологии медиaprостранства, а не интересами освобождённого от обязательств медиабизнеса, продающего массовой аудитории тревогу и страх, действующего по принципу «рейтинги любой ценой».

Распространение шок-контента в формате документальных новостей в прайм-тайм (в часы наибольшего потребления телевизионной информации) необходимо рассматривать как посягательство на информационную безопасность личности.

2. Как особый случай необходимо рассматривать публикацию натуралистических новостных сюжетов в Интернете. Спорный материал «Житель Кайбицкого района зарезал мужчину из-за ревности к своей сожительнице», размещённый на сайте телеканала «Татарстан 24» в заданном формате получил дополнительный ресурс для шокового воздействия на психику близких покойного и широкой аудитории. Синхрон видео и голоса за кадром был замещён беззвучной демонстрацией в течение минуты изрезанного ножом тела погибшего в нескольких ракурсах. Следует учитывать открытый доступ к такому контенту пользователей детского и школьного возраста. Казанская коллегия считает это недопустимым.

3. Казанская коллегия полагает, что от моральной ответственности не может быть освобождён никто из тех, кто причастен к распространению вредоносного шок-контента. Необходимо учитывать, что современный медиарынок уравнивает в информационных возможностях физических лиц и корпоративных субъектов любого профиля.

Вместе с тем СМИ и журналисты несут дополнительную ответственность как медиаспециалисты, чья деятельность должна быть подчинена профессиональным этическим стандартам, смысл которых определяется базовым принципом «Не навреди!».

4. Коллегия полагает, что слоган «Мы рассказываем вам об этом, чтобы с вами такого не случилось» не оправдывает распространение натуралистических сюжетов с шоковой фото- и видеоинформацией. Общественная значимость рассказа с экрана о правонарушениях не определяется смакованием деталей происшествий.

5. Казанская коллегия обращается к редакции программы «Татарстан 24» с просьбой удалить онлайн-версию спорного сюжета «Житель Кайбицкого района зарезал мужчину из-за ревности к своей сожительнице».

6. Коллегия просит:

– распространить информацию о данном решении через сайт Союза журналистов Республики Татарстан;

– обсудить решение на занятиях Высшей школы журналистики и медиакоммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета.

Решение принято консенсусом.

**Председательствующий,
д. филос. н., проф. С. К. Шайхитдинова**

РАЗДЕЛ 3. НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ КОЛЛЕГИИ

От составителя

В соответствии со сложившимися традициями ежегодная научно-практическая конференция «Общественная коллегия по жалобам на прессу как институт саморегулирования в сфере массовой информации» прошла в конце мая 2020 года.

Её основным формальным отличием от всех предыдущих оказался онлайн-формат сбора участников, побудивший организаторов уйти от привычного двухдневного заседания. (Были опасения, что конференция, проводимая в условиях добровольно-принудительных «самоограничений» если и соберёт пристойное число участников на открытие, то рискует растерять значительную часть аудитории к концу первого рабочего дня.) А основным содержательным отличием от четырёх предыдущих конференций, собиравшихся в рамках срока действия III Коллегии (2015–2010 гг.), оказался раздел *«Об итогах выборов в Палату медиасообщества и Палату медиааудитории Общественной коллегии по жалобам на прессу IV созыва»*.

Что касается стойкости аудитории, то она была определённо недооценена организаторами, предварительно выбравшими в Zoom опцию «100 участников». В середине дня 26 мая наступил момент, когда ведущему, Михаилу Федотову пришлось попросить всех, кто готов пропустить часть рабочей программы, связанную с голосованием по выборам сопредседателей Коллегии и заместителей председателей её Палат, на время выйти из состава участников. Без этого в видеоконференцию просто не удавалось войти той части членов новой Коллегии, которая не смогла выйти на связь к началу заседания.

Это первая рабочая реплика соорганизатора большого сбора, относящаяся к категории «оказалось неожиданным».

Вторая реплика из этой же категории. Никто не мог предположить, что открытая часть заседания Коллегии по обращению Е. Ю. Величкиной (жалоба из Махачкалы на серию материалов «Холодный “Тёплый дом на горе”», опубликованную интернет-порталом «Даптар») к истечению отведённого для неё программой конференции времени окажется настолько далёкой от завершения, что продолжение её придётся переносить на следующий день. Как результат: Коллегия впервые в своей пятнадцатилетней истории приняла Решение (№ 212), датированное сразу двумя днями заседания – 26–27 мая 2020 года.

Возвращаясь от неожиданного к плановому. «Третья» Коллегия, (официально – Коллегия III созыва) точно в обозначенный программой конференции час передала полномочия Коллегии IV созыва (2020–2025 годы), которая для простоты будет в дальнейшем именоваться «четвёртой».

К моменту завершения работы над 10-м выпуском «Настольной книги...» мы уже знаем, что у «четвёртой» Коллегии состоялся уверенный рабочий старт: за два первых месяца своего существования она рассмотрела в онлайн-режиме три очень непростые жалобы. Решения по этим жалобам (№№ 213–215) завершают раздел *«Общественная коллегия в решениях»*, посвящённый основной (уставной) деятельности российского органа само- и саморегулирования в сфере массовой информации.

Новые составы *Палаты медиасообщества* и *Палаты медиааудитории* IV Коллегии читатель найдёт в разделе *«Справочные материалы и документы»*. Этот также обязательный для выпусков «Настольной книги...» раздел потому и содержит в названии несколько непривычную глазу инверсию (канон – «Документы и справочные материалы»), что в нём сначала приводится состав Палат Коллегии и список организаций, принявших участие в её формировании. И уже за ними следуют основные и вспомогательные документы – от установочных, определяющих повседневную работу Коллегии, до рекомендуемых в качестве ориентиров журналистам, редакциям СМИ, но также и всем тем, кто обращается в Коллегию с конкретными жалобами.

Что касается данного раздела, посвящённого именно конференции Коллегии, то информация в нём будет выстроена в той последовательности, которая предусматривалась программой мероприятия. За отчётом о работе Коллегии III созыва, который приводится с небольшим сокращением, последуют выступления Иосифа Дзялошинского, Ивана Засурского, Руслана Новикова и Галины Араповой.

Учитывая то обстоятельство, что темам, по которым выступали Каринэ Назаретян и Виктор Монахов, в выпуске посвящён специальный раздел («Раздел 4. Инновационные наработки проекта»), их сообщения на конференции заменены тезисами, отражающими основное содержание выступлений исследователей.

Текст выступления Ивана Засурского дополнен тезисами автора, содержащими ряд положений, существенных для представления его позиций.

Исключение из всех правил сделано для Иосифа Дзялошинского: текст его выступления дополнен публикацией этого автора, заметно перекрывающей по объёму и тематике сказанное в отведённое выступающему время. Этот текст составители посчитали представляющим для читателей выпуска самостоятельный и существенный интерес.

В разделе приведены также фрагменты дискуссий по следам выступлений четырёх членов Коллегии (Галина Арапова, Иван Засурский, Виктор Монахов, Руслан Новиков) и двух медиаэкспертов (Иосиф Дзялошинский, Каринэ Назаретян).

Приложение № 1 к этому разделу – программа Научно-практической конференции «Общественная коллегия по жалобам на прессу как институт саморегулирования в сфере массовой информации».

Приложение № 2 – текст Иосифа Дзялошинского, члена Экспертно-консультативного совета Общественной коллегии по жалобам на прессу.

,
сопредседатель Коллегии III созыва

«ТРЕТЬЯ» КОЛЛЕГИЯ: ФОРМАЛЬНЫЕ И НЕФОРМАЛЬНЫЕ ИТОГИ ПЯТИЛЕТКИ 2015–2020»

Рабочий отчёт об основной деятельности Коллегии, о рассмотренных ею жалобах начну с информации о том, что за пять лет своего существования Коллегия III созыва приняла 86 решений. Это не значит, что мы получили 86 обращений с просьбой рассмотреть конкретный информационный спор. Это означает, что только 86 из примерно 200 обращений оказались, во-первых, соответствующими по содержанию нашей уставной компетенции, а во-вторых, подкреплёнными Соглашениями о признании заявителями профессионально-этической компетенции Коллегии.

Кто были наши заявители? Вот результат анализа большей части тех обращений в Коллегию, которые можно отнести к различным группам заявителей.

26 жалоб были поданы частными лицами, 9 – правозащитными организациями, 9 – представителями религиозных организаций (их было четыре), 8 – руководителями СМИ или журналистами, 7 жалоб были поданы деловыми людьми, бизнесменами, 5 – представителями общественных организаций (разных) и партий (одной – «Яблоко»). Ещё 5 – представителями институтов власти и управления, включая председателя ЦИК и депутата Госдумы. И, наконец, 4 жалобы представляли судейский корпус: две жалобы были от председателей областных судов, одна – от заместителя председателя облсуда, и одно обращение мы получили от Совета судей Дагестана. И, наконец, 9 из рассмотренных нами жалоб условно можно было бы отнести к «зоозащитным» – как бы к этому термину ни относились сами заявители.

О содержании жалоб: они очень разные. С чем мы практически не встречаемся или встречаемся в единичных случаях – это с обращениями по поводу вмешательства в частную

жизнь. Мотив сопротивления такому вмешательству мы встретили только в трёх жалобах правозащитников. Феноменальное отсутствие темы нарушения частной жизни представителями средств массовой информации в обращениях, предполагающих нарушение профессиональной этики журналиста, для меня загадка неразрешимая.

При этом предполагаемые нарушения журналистской этики мы получаем по всему спектру: от выдачи мнений за факты до фантастических представлений о свободе слова журналиста в таких деликатных сферах, как межэтнические или межконфессиональные отношения. От предвзятости до бесчестности, от публикации вводящих в заблуждение данных до манипуляции сознанием.

Теперь о том, на какие СМИ нам жаловались.

Из 86 жалоб 26 – на федеральные телекомпании. Рекордсмен – ВГТРК: 10 жалоб, включая жалобы на трёх региональных «дочек».

На «РЕН ТВ» – 6 жалоб, на НТВ – 4, на Первый – 3 жалобы, на ТРК «Звезда» – 2.

9 жалоб на региональные телерадиокомпании: от питерских «Санкт-Петербурга» и «5 канала» до «Котлас-ТВ».

Среди адресатов жалоб на печатные СМИ – 13 местных изданий и 8 федеральных. В числе последних – «Российская газета» (1 жалоба), «Московский комсомолец» (вместе с региональными изданиями – 4 жалобы), «Аргументы и факты» (2 жалобы), «Известия» и «Труд» (по одной жалобе).

7 жалоб на информационные агентства, федеральные и местные. Одно чуть ниже вспомню специально.

2 жалобы на конкретное радио («Вести FM») и на конкретную программу, которую ведёт Владимир Соловьёв.

И, наконец, 18 жалоб на сетевые издания, интернет-порталы и прочие интернет-ресурсы.

Предлагая оценить обоснованность жалоб, приведу данные, связанные с нашими решениями.

Коллегия не согласилась с заявителями (полностью или в значительной мере) в общей сложности 11 раз. В остальных случаях согласилась.

Что касается специфики материалов, на которые жаловались заявители. 19 из оспоренных текстов, т. е. почти каждый пятый, Коллегия отнесла к пропаганде, в большинстве своём – к *политической пропаганде с элементами языка вражды*. А ещё 6, избегая употребление слова «пропаганда» там, где подобная идентификация не представлялась нам стопроцентно обоснованной, – к материалам *не журналистским* или *антижурналистским* по характеру.

Когда 25 из 86 рассмотренных Коллегией жалоб, т. е. едва ли не каждая третья, обнаруживается жалобой на не журналистский по характеру, но претендующий на то, чтобы прочитываться в качестве журналистского текст, неизбежен вопрос, пусть даже риторический: с каким же масштабом замеса в журналистику специфического по характеру медиапродукта сегодня имеет дело пользователь контента, выдаваемого за журналистский?

Следующая позиция отчёта – проблемная. Точнее, про проблему, обсуждение которой набило оскомину, но к решению которой мы и близко не подошли за минувшие пять лет. Речь о нашей общей с заявителями – но ведь и с журналистами, и с нашей журналистикой в целом – беде, которая именуется профессионально-этическим нигилизмом. Читателю, зрителю, слушателю, обращающемуся в СМИ, которые их заделали, с просьбой что-то поправить (не говорю уже – с требованием принести извинения), редакции и сегодня, как правило, отвечают, если отвечают, коротко: все вопросы через суд.

То есть им говорят: у вас проблемы с профессиональной этикой. А говорящих посылают если не подальше, то в суд, который журналистской этикой, как и любой другой, вовсе не занимается.

Заявитель, чуть разобравшись в этом, обращается в Коллегию. Коллегия, принимая жалобу, пишет информационное письмо её адресату, редакции СМИ, с предложением прояснить обстоятельства информационного спора и принять участие в его рассмотрении. Иногда ей отвечают: участие в рассмотрении информационного спора примем. Но куда чаще

Коллегия или слышит «Все вопросы заявителя – через суд», или вовсе ничего не слышит, потому как и её информписьмо, и звонки её ответсекретаря остаются без ответа.

Вот что мы имеем: о согласии принять участие в рассмотрении информационного спора готовность редакций СМИ обнаружилась – внимание! – в 9 случаях из 86.

Что касается 77 оставшихся случаев, то там ситуация такая: уклонившихся от ответа примерно втрое больше, чем собственно отказавшихся (отказов с заявленной мотивацией было и вовсе 5), но тут нам важны не детали, а картина в целом. Если на 86 предложений органа саморегулирования обсудить обоснованность именно профессионально-этических претензий заявителей к их публикациям и авторам публикаций согласием откликаются всего 9 редакций, то с каким представлением о роли, месте, значении журналистской этики в профессии, а равно и с какими представлениями об институте саморегулирования в сфере массовой информации все мы имеем дело? Если очень коротко: с представлениями, по сути, *допрофессиональными*.

Чтобы ни у кого не сложилось впечатления, что проблемы с профессиональной этикой журналиста и медиаэтикой СМИ существуют где-то в глубинке, на местном уровне: ни на одно из приглашений Коллегии к сотрудничеству за эти пять лет ни разу не откликнулись согласием ни ВГТРК, ни НТВ, ни «РЕН ТВ», ни «Звезда». Можно было бы считать, что по сугубо формальному признаку на такое предложение по одной из жалоб откликнулся Первый. Но не получится. Потому как на жалобу на конкретный материал Владимира Познера, который вышел в эфир на Первом канале, отозвался готовностью принять участие в рассмотрении жалобы не Первый канал, а автор материала и программы В. В. Познер, член Коллегии.

С печатными СМИ дела обстоят не лучше, хотя все последние горды я следом за такой констатацией делал обязательную оговорку о том, что у нас есть устоявшийся, работающий пример и другого рода. На обращения, связанные с публикациями на его страницах, неизменно отзывался «Московский комсомолец». Член Коллегии П.Н. Гусев, как мы однажды узнали, отдал распоряжение, чтобы ни одно обращение Коллегии не было «замотано» – и распоряжение это, как мы наблюдали, выполнялось неукоснительно. Эту ситуацию мы не раз приводили как пример *профессионально правильного* отношения и к заявителям, и к органу саморегулирования владельца и главного редактора газеты. Но то ли какие-то неведомые нам ветры начали меняться, то ли дважды подряд возникали некие объективные причины, в силу которых не сработала казавшаяся железной установка главреда: две последние жалобы на публикации в СМИ, за которые П.Н. Гусев отвечает именно как главред (одна – в «МК», другая – в журнале «Охота и рыбалка») рассматривались и без ответа на информписьма Коллегии, и без привычного участия в заседаниях представителя ЗАО «Московский комсомолец». Не зная причин, ограничиваюсь самой этой информацией. Надеюсь, что недоразумение обнаружится исчерпанным.

И заканчивая со статистикой теперь уже 86+, поскольку III Коллегия именно сегодня рассмотрит свою историческую, последнюю жалобу: на 86 заседаниях председательствовали в общей сложности 8 членов Коллегии. Помимо сопредседателей Федотова, Лукина и Казакова, эти функции выполняли Евгений Абов, Татьяна Андреева, Генри Резник, Виктор Монахов, Илья Шаблинский. Называю поимённо, надеюсь, что в новую, IV Коллегию все они вошли и на то, что этот их опыт и новой Коллегией будет востребован.

Говоря большое спасибо всем своим замечательным коллегам, членам двух Палат Коллегии третьего созыва, скажу ещё вот что, передавая некое совокупное наследие Коллегии созыва четвёртого. Мы когда-то совершили два вмешательства в классическую модель медийного саморегулирования: превратив *саморегулирование* в *само- и сорегулирование*, во-первых, – и сочтя важным подкрепить деятельность Коллегии двухъязычной же экспертной системой.

Первый её ярус – это корпус *экспертов Коллегии*, работающих с Коллегией практически на постоянной основе и занятых экспертной оценкой тех сугубо конкретных информационных споров, в которые Коллегия погружается с принятыми к рассмотрению жалобами. Все, кто

имел возможность познакомиться с девятью выпусками «Настольных книг по медийному саморегулированию», могли оценить класс и личный почерк наших постоянных экспертов: Светланы Каимовны Шайхитдиновой, Каринэ Акоповны Назаретян, Ольги Николаевны Матвеевой, Валерии Анатольевны Абилюкеновой. Я очень рад, что в этот список добавилась Светлана Анатольевна Куликова. И что в него вернулась, наконец, Галина Викторовна Лазутина.

Второй ярус этой вспомогательной системы представляет собой *Экспертно-консультационный совет* (ЭКС) Коллегии. Члены его включаются в работу там и тогда, когда требуется проявление спектра авторитетных суждений по сложным вопросам, попадающим в поле зрения Коллегии в силу реальных или возможных профессионально-этических затруднений тех, прежде всего, кто занят журналистской практикой. В 8-м выпуске «Настольной книги...» были опубликованы подготовленные членами ЭКС рекомендации, связанные с этикой журналистского расследования, а также рекомендации журналистам, пишущим на темы суда и судопроизводства. Замечательным был вклад членов ЭКС в формирование двух ситуационных кейсов, которые вошли в 9-ю «Настольную книгу...» (один из двух – «Смерть как информационный повод»). Очень надеюсь, что отклики членов ЭКС на две поисковые темы нынешнего года – поиск рабочей модели того, что мы пока называем *новомедийным стандартом* и выход на институт и инструментарий *Медиаэтической медиации* (об этих темах сегодня будут говорить их разработчики Каринэ Назаретян и Виктор Монахов) – войдут в 10-ю «Настольную книгу...», по сути завершающую историю III коллегии.

Как и предыдущие 9 выпусков «Настольных книг...», 10-я – коллегиальный продукт, который не предусмотрен Уставом Коллегии. Продуктов этого ряда и не было бы, когда бы не гранты, которые Коллегия выигрывает, побеждая в конкурсе, напомню, а не получает за примерное поведение. Грантовая основа и у наших, как правило, двухдневных семинаров, из которых обычно по два, но иногда только по одному на регион за проект проводятся в Казани, Барнауле, Екатеринбурге – в городах, где базируются Казанская, Западно-Сибирская и Уральская территориальные коллегии по жалобам на прессу. Их решения мы включаем в выпуски «Настольной книги...», 10-й – не исключение.

Грантовая основа и у наших ежегодных конференций, из которых за последнее пятилетие я лично особо выделяю конференцию «Журналистика и пропаганда», проведённую нами в 2016 году, а также первый день научно-практической конференции 2019 года, сформированный как тематический – «Правозащитники и СМИ в современной России: специфика ситуации и перспективы взаимоотношений». Пользуясь случаем, говорю спасибо всем, кто помогал и помогает нам готовить такие форумы, предоставляющие журналистам возможность и повод формировать или развивать представление и о своей профессии, и о её месте в современном обществе.

И ещё буквально два абзаца об уходящей Коллегии. Она выработала достаточно качественный профессионально-этический ориентир, именуемый *Медиаэтический стандарт* (мы его формировали два года) и наработала неплохой опыт его применения. Этот документ остаётся IV Коллегии в качестве рабочего документа. А в качестве проекта, который нужно дорабатывать и привносить в профессиональную практику, новой Коллегии передаётся проект документа «Работа журналиста в условиях новых медиа». «Работа журналистов...» – вклад в потенциальный профессиональный, а не только коллегиальный репутационный капитал члена Экспертно-консультативного совета Коллегии Светланы Андреевны Шомовой. Надеюсь, что первым делом мы привлечём внимание к нему Союза журналистов России.

Пока не могу судить, какой будет судьба двух инновационных, пилотных наработок, о которых сегодня расскажут Каринэ Назаретян и Виктор Монахов. Но тут уже – вопрос о перспективах Коллегии, а не о её недавнем прошлом и настоящем.

От составителя (продолжение)

Отчёт сопредседателя Коллегии был единственным пунктом первого, вводного раздела программы конференции («От “Третьей” Коллегии к “Четвёртой”»),

Далее, в соответствии с архитектурой конференции 2020 года, в её программе значились два «практических» раздела. Название второго напоминало о прощальной специфике 212-го заседания Коллегии: «*Последняя жалоба в III созыве*»⁴⁶.

Что касается третьего раздела – «*Об итогах выборов в Палату медиасообщества и Палату медиааудитории Общественной коллегии по жалобам на прессу IV созыва*», – то вот что будет полезно принять к сведению читателю данного выпуска «Настольной книги...». Трёхмесячный выборный марафон, старт которому был дан на сайте Коллегии, формально завершился непосредственно на Конференции сообщением об итогах подсчёта голосов. Сообщение сделал представитель организации, занимавшейся сбором бюллетеней и их анализом. (Роль «миниЦИК» на этот раз приняла на себя Высшая школа государственного аудита МГУ им. М. В. Ломоносова). Данные о количестве организаций, принявших участие в выдвижении кандидатов, т. е. в формировании двух палат IV Коллегии, а равно и названия этих организаций – в разделе «*Справочные материалы и документы*». И о конкуренции на выборах: на 25 мест в Палату медиасообщества было чуть более шести десятков претендентов (61, чтобы быть точным). Конкуренция на прохождение в Палату медиааудитории была чуть ниже: 50 претендентов на те же 25 мест; уровень также достаточно приличный. Новыми-старыми сопредседателями Коллегии были избраны Михаил Федотов (председатель Палаты Медиасообщества, заместители председателя Палаты – Евгений Абов и Ольга Кравцова), Юрий Казаков (председатель Палаты медиааудитории, заместители председателя Палаты – Евгений Гонтмахер и Виктор Монахов), Владимир Лукин.

Четвёртый раздел конференции – «*В какое будущее вступаем? К какому готовимся?*» – включал в себя выступления Иосифа Дзялошинского, Ивана Засурского и Каринэ Назаретян.

Пятый – «*Между идеально-должным и реальной медийной практикой*» – объединил двух практиков: Руслана Новикова и Галину Арапову.

Представление каждого из выступавших – в месте, отведённом под его выступление: в виде расшифрованной стенограммы или тезисов, представленных авторами.

Последняя реплика вводной части к разделу. Руслан Новиков – новоизбранный член IV Коллегии. На конференции он выступал уже в этом – состоявшемся, но ещё не освоенном – качестве.

---

⁴⁶ О первой неожиданности, поджидавшей Коллегию и аудиторию конференции при рассмотрении крайне непростой по тематике махачкалинской жалобы, было сказано выше: её открытую часть пришлось продлевать – с переносом на следующий, уже не конференционный день. Второй неожиданностью стало жёсткое и при этом публичное несогласие адресатов жалобы, активно участвовавших в заседании, с тем, как эта жалоба рассматривалась Коллегией. Порицание составу ad hoc Коллегии, слушавшей обращение под председательством М. А. Федотова, а равно и недоверие априори к её Решению адресаты выплеснули в Интернет практически сразу же по завершении заседания, т. е. на этапе, когда даже проект Решения никому, кроме членов ad hoc Коллегии, не был известен. Насколько я могу судить, Решение изменило резко негативный настрой адресатов жалобы по отношению к органу саморегулирования. Но слова-то, публичные оценки Коллегии и отдельных её членов, улетевшие в Интернет, что воробы: не ловятся и назад не возвращаются...

Иосиф Дзялошинский,
д. филол. н.,
проф. Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»,
член Экспертно-консультационного совета Коллегии

ВЫЗОВЫ И РИСКИ ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ. КАК ОРГАНУ САМОРЕГУЛИРОВАНИЯ НЕ ЗАДЕРЖАТЬСЯ ВО ВЧЕРАШНЕМ ДНЕ?

Тема моего выступления возникла из наших разговоров с Юрием Казаковым, который каждый раз требует, чтобы я исполнил роль Кассандры.

Начнём с того, что мы с вами все вместе – и как социальные институты, и как конкретные люди, и как страна – находимся в некоем переходе из какой-то прошлой эпохи в какую-то будущую. Это мы все понимаем.

Вопрос в том, как мы характеризуем эту самую прошлую эпоху и как мы себе представляем новую, в которую идём, правда, чаще всего спиной, о чём я писал ещё лет десять назад. Существует очень много теорий насчёт эпох: доиндустриальная, индустриальная, постиндустриальная, открытая, закрытая – я сейчас не об этом.

Я о том, что мы уходим из некоторых времён, которые можно было бы назвать аналоговыми, поскольку центральный способ познания в них был связан с аналогиями. И переходим во времена цифровые. Как они будут развиваться – вопрос важный, но второй. Главный мой тезис заключается в том, что переход переходом, но нам пора начать думать о том, куда мы уже входим. И что будет происходить, в частности, с медийной деятельностью в рамках этого нового перехода.

Цитирую сказанное Ю. В. Казаковым во введении к 9-му выпуску «Настольной книги по медийному саморегулированию», сразу же уточнив, что с огромным уважением отношусь и к деятельности Коллегии, и к этим «Настольным книгам...», которые, конечно же, останутся в истории как документ прошлой эпохи. Читаю: «Основная миссия Коллегии крепко связана с позицией формирования культуры профессиональной и честной журналистики, основная задача определяется как рассмотрение жалоб аудитории и средств массовой информации на нарушения правил профессиональной этики и поведения в данной сфере». Во введении оговаривается, что речь идёт о системе, которую общество ежедневно и ежеминутно полагает журналистикой.

Мой первый вопрос в этой связи: журналистика – это то, что считает журналистикой общество? Тогда следом другой вопрос: какое именно общество – американское, западноевропейское, восточноевропейское, российское? И если российское, то какого периода, если идти от Радищева? Или это какое-то абстрактное общество – типа веберовских идеальных конструкций?

Мы знаем, что общество может считать журналистикой нечто, что вообще к журналистике не относится. Мы знаем также, что к тому, что наше общество зачастую считает журналистикой, профессиональное медиасообщество как к журналистике не относится.

Российские медиа находятся сегодня, как и страна в целом, в состоянии перехода. Социальный институт, который имел очень ясное представление о себе, размыт. Я много раз говорил, что у нас есть, по меньшей мере, десять видов журналистики и что имеется огромное количество представлений о том, какими должны быть ценности и нормы, характерные для этой профессии. Леонид Никитинский в своей книге очень отчётливо сформулировал представление о классической журналистике, как её понимали европейские мыслители эпохи Просвещения и даже Нового времени. Информация – это очень важно, общество нуждается в информации, оно страдает информацией. Мы, журналисты, обеспечиваем его этой самой,

очень разной, информацией. И благодаря этому принимаются правильные решения, выбираются правильные люди, и так далее.

Это всё концептуальные модели прошлой, *аналоговой* эпохи.

Что происходит сегодня? Во-первых, медиа становятся ресурсом социальных институтов, они давно уже потеряли право называться независимым социальным институтом. Демьян Кудрявцев недавно сказал, что медийный бизнес в России полностью разрушен, уничтожен абсолютно, и все разговоры о независимом бизнесе в медиа – пустые слова. Сергей Пархоменко, комментируя ситуацию с газетой «Ведомости», также сделал вывод о том, что медийный рынок в России уничтожен и что медийная сфера подчинена совершенно другим социальным институтам.

Очень любопытный пример у Юлии Латыниной – о том, сколько выделяют СМИ всякого рода администрации. Вот администрация муниципального образования Кимовского района проводит тендер на 1 миллион 247 тысяч рублей на оказание услуг. Ну, миллион – это вообще-то копейки, где-то и по 20 миллиардов платят. Но я сейчас не о том, что кто-то финансирует СМИ, а о том, что думают редакторы и журналисты, которые эти деньги берут и исправно их отрабатывают. По разным данным, до 80 % текстов, циркулирующих в российской медиасреде, – это тексты проплаченные.

И власть, и социальные институты, и бизнес подвели медиасистему под свои крыши. И исправно используют как традиционные, так и новые медиа для того, чтобы проводить свою линию. Так выглядит тот самый «переход».

Мы провели эксперимент длиной в три года. Опрашивали студентов выпускных курсов факультета журналистики МГУ, ВШЭ и МГПУ и просили их написать эссе «В чём вы обвиняете журналистику». Оказалось, что студенты, которые уже выходили в реальную практику, очень чётко знают все основные грехи журналистики (мы назвали это «Смертные грехи журналистики»). Вторжение в частную жизнь – 18,4 %, навязывание недостоверной повестки дня, создание иллюзорной картины мира – 14,5 %. Это к примеру. Но я сейчас не о процентах. Я о том, что люди, которые являются завтрашним днём российской журналистики, прекрасно понимают, что журналисты занимаются не тем, что записано в различных кодексах и стандартах. Как знают и то, что завтра заниматься этим «не тем» придётся им самим.

Делаю первый вывод в подкрепление тезиса о специфике «переходного периода»: сегодня пресса и так называемые СМИ никак не отражают реальность, никак не помогают гражданам разбираться в том, что происходит. Они в массе своей фильтруют информацию, создают иллюзорные образы действительности, и так далее. Да, есть и другие издания и журналисты, но я утверждаю, что в целом картина выглядит именно так.

Следующий сюжет, ради которого затевался этот разговор. Я полагаю, что до сих пор у нас была *аналоговая цивилизация*, в которой предлагалось достаточно точно воспроизводить действительность и нужно было понимать сказанное. А впереди у нас *цифровая цивилизация*, с новыми реалиями, и Россия, пусть не в первых рядах, но достаточно быстро двигается в эту сторону.

Что именно происходит с медийной средой и с медийной сферой в подходах к цифровой цивилизации и на первом её этапе? Я могу перечислить позитивные вещи: возникает огромное множество источников информации, расширяются каналы коммуникации, повышается возможность доводить информацию до людей... Перечень позитивов очень большой.

Но возникает и длинная тёмная тень, которая пока мало обсуждается. Мы два года проводили опрос международных экспертов. Спрашивали их: «Чем нам грозят новые реалии, реалии новой цифровой цивилизации? Куда именно мы входим?»

Ответы: это смена цивилизационных моделей. Этические, поведенческие, интеллектуальные процессы будут меняться очень резко. Будут меняться ареалы и способы жизни миллиардов людей.

Нынешняя пандемия показала: никогда ничего подобного из-за какого-то вируса в мире и с миром не происходило. Какую роль играли в этом медиа – предмет для дальнейшего

анализа. Пока нам важно отметить, как медиа себя вели. Как они создавали вторую информационную эпидемию. Как были реализованы полная смена отношений между игроками на гецивилизационном поле, уход от архаических моделей жизни к иным, постмодернистским.

В том, что касается экономических вызовов: мы с вами видим, что страны, которые когда-то были форвардами, уходят в сторону, а другие вырываются вперед. Экономические вызовы будут требовать от всех нас принятия решений и на уровне традиционных государств, и на уровне межгосударственных структур, и, самое главное, на уровне одного, конкретного человека.

Сегодня примерно 12 миллионов человек ежегодно меняют место жительства, уезжая из стран слабых в страны богатые. Я не имею в виду беженцев, я имею в виду обеспеченных людей. 12 миллионов – это пока не много, но аналитики прогнозируют, что впереди совсем другие цифры.

Ещё есть экологические вызовы. Правда, сейчас об экологии не очень модно вспоминать, потому что надо развивать экономику. Но рано или поздно, видимо, придётся менять весь стиль жизни, всё менять. Кто знает, как это будет отражаться на поведении миллиардов людей, которые только-только выползают из каких-то архаических глубин человечества, где 10 долларов в месяц приходится на семью?

Политические вызовы – понятно. Несмотря на все крики про суверенитет, мы все понимаем, что большая часть решений на уровне межгосударственных отношений принимается не в конкретных государствах, а в других совсем местах. И это сильно не нравится национальным элитам, и они начинают биться за право самим принимать решения.

Что означает перечисленное несколькими фрагментами? То, в том числе, что национальная, домашняя журналистика умирает. Уже сейчас 60 % мирового медийного трафика исходит всего из 6 структур, ни одна из которых не имеет никакого отношения к России. Мы с вами входим в новый мир, где всё будет меняться, но сами при этом, как и прежде, сидим в уголочке, где нам удобно. Сидим и повторяем сказанное ещё в XVII–XVIII веках о свободном гражданине, о свободной земле.

Возвращаемся к теме вызовов, начиная с культурных. Формируется глобальная культура, которая идёт катком по различным местечковым культурам. Этим она вызывает страх и трепет у культурных элит, которые требуют закрыть границы, запретить американские фильмы, не пускать американцев и прочее. Тут вроде бы область не самая близкая к медиа, но вспомните про запрет на участие иностранных бизнесов в финансировании российских медиа: он из этой же оперы.

Социальные вызовы – понятно. Меняется социальная стратификация любого общества, традиционные модели – элиты, средний класс, второй средний класс, маргиналы – всё расплывается, всё происходит во многом иначе, чем ещё вчера. Если мы посмотрим на структуру медиа, то увидим, что она традиционно придерживается модели: «элитарные» медиа, «массовые» медиа, немножко «маргинальных» медиа. Но публика-то уже совсем другая. И социальная стратификация будет требовать перестройки всего медийного процесса и контента.

Социально-психологические вызовы также очевидны. Налицо стресс – огромный, задевший миллиарды людей. Люди не чувствуют себя на месте, в норме, устроенными в этой жизни. Covid-19, новый вирус, всем показал, что вся жизнь, которую ты так хорошо выстраивал, рухнула в течение 2–3 недель. И никакого возврата к прежней, спокойной жизни уже не будет.

И что же делать медиа в этой связи? И что будет происходить с медиасистемой в этом новом мире?

Прогноз. Медиа перестанут быть техническим рупором социальных институтов, как было раньше. И перестанут исполнять свою функцию по содействию гражданам в понимании того, что происходит в этом мире. Медиа становятся самостоятельным социальным институтом, самостоятельным бизнесом. Это будут структуры и работники, занимающиеся,

в первую очередь, тем, что их интересует. Программы, которые показывает мировое телевидение, не имеют никакого отношения к тому, что происходит в конкретных странах, журналисты говорят о том, что интересно самим журналистам, – вот что уже намечается.

Следствием всех этих процессов, на мой взгляд, будет повсеместное разочарование и в либеральной теории медиа, в рамках которой СМИ воспринимаешь либо как зеркало, правильно отражающее действительность, либо как стража порядка.

Вот пара цитат из известных экспертов. Никлас Луман пишет о медиа, что это система, которая сама в себе, которая сама собой довольна и сама себя продвигает, а отнюдь не какие-то общественные интересы. Не о реальности журналисты пишут, а о том, что им кажется реальностью. Мануэль Кастельс утверждает: реальная виртуальность – мир, который воспроизводится медийной средой, – сегодня имеет очень малое отношение к тому, что происходит в самой действительности.

Удастся ли медиа свернуть с этой дорожки? Я не знаю. У меня есть ощущение, что смена цивилизационных эпох происходит не потому, что нам этого хочется. И, выдвигая идею информационно-коммуникационного универсума, я полагаю, что от нас уже вообще ничего не зависит. Вопрос: мы будем встраиваться в эти процессы или будем стоять упорно на неких теоретических и методологических позициях XVII–XVIII века и говорить, что будем жить, как живём?

Сказанное означает, что та идея, которая заложена в основание Общественной коллегии и которая сформулирована ещё Вольтером и всеми, кто был за ним, очевидным образом сегодня разрушается. Удастся ли удержать ориентиры – и надо ли удерживать?

Мне кажется, что Коллегии пора начинать всерьёз продумывать своё место в новом меняющемся мире, понимать стратегию своих действий. Не потому что её членам хочется защищать ту журналистику, которая кажется обществу журналистикой, а потому, что нужно точнее понимать, что из себя представляет сегодня медийная система, давно забывшая о том, что есть журналистика, а что есть что-то другое – пропаганда, реклама, пиар. Я уже читал докторскую диссертацию, где было сказано жестко, что никаких различий между журналистикой, пропагандой, рекламой и пиаром не существует...

Когда-то я писал, что должен существовать институт, который будет упрямо говорить: «Мы такие, такими и будем». Но у меня ощущение, что надо что-то менять, искать каких-то новых лошадей.

Иван Засурский,

президент Ассоциации интернет-издателей,
издатель интернет-СМИ «Частный корреспондент»,
заведующий кафедрой новых медиа и теории коммуникации
факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова

ПЕРСПЕКТИВЫ САМОРЕГУЛИРОВАНИЯ В НОВЫХ МЕДИА

С моей точки зрения, важно не останавливаться в этом анализе на сказанном, и вот почему. Если мы говорим о своенравии журналистов, если мы говорим о том, что журналисты делают что хотят, что они становятся самостоятельной силой и самостоятельной институцией, то что же мы тогда должны сказать об аудиторией?

Когда-то аудитория была безгласной. В то время журналисты, чувствовали себя очень уверенно, зная, что они обращаются к структурированной аудитории и что у них практически нет конкурентов.

Мне думается, что вызов, с которым мы столкнулись, – это вызов демократизации медиа. Это ситуация, при которой граждане имеют дело уже не с журналистами, а с пользователями Интернета, среди которых есть и журналисты, но их немного. Среди аудитории, которая не является журналистской по профессиональным признакам, есть уже люди, которые собирают сообщества, миллионы подписчиков. Вы знаете, что самая большая энциклопедия в мире – Википедия, а она составляется пользователями. Я призываю не останавливаться на выводах, которые Кастельс сделал в прошлом веке, потому что он развивал эту идею тоже в другом ключе, он говорил о галактике Макклюэна, о том, что происходит трансформация, в которой ключевую роль играют новые медиа. Важно приземлить теорию на наш конкретный опыт.

Я предлагаю подумать об опасностях и рисках в не очень традиционном ключе. Каждый раз, когда происходит переупаковка медиасистемы, аудитория переходит на новые каналы информации, и при этом всё общество меняет свои свойства. Общество не является органическим целым, общество – это не левиафан, это конструктор, который складывается в процессе коммуникации. Медиа так сильно изменились, что изменилась вся среда. И это привело к тому, что традиционная система поиска согласия, обсуждения, контроля общественного мнения, пропаганды не справляется с тем, что сейчас происходит.

Среди новых признаков новой ситуации есть такой, который я называю линчеванием. Мы видим, как возрождаются древнейшие практики. Люди придумали суд, чтобы у потерпевшего и обвиняемого была возможность высказаться, но мы видим, что в сегодняшних конфликтах нет никакой процедуры. Вслед за обвинением сразу идут и суд, и какая-то реакция – я говорю не только о России. Есть горячие политические темы, и не дай бог вам попасть при этом в прицел. Люди говорят о том, что им действительно важно, – например, о правах женщин. И тут, выражая свою позицию, вы попадаете в прицел какого-то сообщества и легко можете стать жертвой травли. И у детей то же самое. Каждое третье детское самоубийство происходит из-за буллинга, из-за того, что так или иначе пользователь Интернета стал жертвой других пользователей.

Студентам я всегда советую прочитать две книги: «Толпа» Гюстава Лебона и «Восстание масс» Ортеги-и-Гассета. Первая книга ценна тем, что Лебон очень хорошо анализирует природу толпы как отдельного явления. Это особое и очень агрессивное агрегатное состояние общества. Что касается «Восстания масс», то я уверен, что вы все эту книгу когда-нибудь читали или слышали о ней.

С моей точки зрения, мы находимся на переходном этапе, схожем с тем этапом в XX веке, когда пришли первые электронные СМИ. Например, радио многие эксперты тогда связывали с тоталитаризмом, потому что один человек мог обращаться ко всем сразу.

Очевидно, что людям, которые находятся в состоянии спора, не хватает каких-то процедур и навыков вести его грамотно. Можем ли мы это решить с помощью медиаобразования? Или это общий культурный бэкграунд? И, может быть, приобщать к этим процедурам и навыкам нужно начинать со школы, как это делают во многих странах?

Я, когда ездил по делам СПЧ, не раз видел, что люди любые проблемы начинают обсуждать на языке истерики и брани. При этом даже если они тысячу раз правы, их просто невозможно дослушать до конца. Безумное косноязычие не позволяет понять, что они хотят сказать. Это отсутствие культуры публичных выступлений.

Было бы очень легко во всем винить телевидение, самоуправских журналистов, но вообще-то журналисты работают на рынке, они все оцениваются рекламой, доходными поступлениями, пропагандистской эффективностью, если мы говорим о режимах, похожих на советский. Но мы сейчас столкнулись со средой и ситуацией, которой пока нет на картах, у нас к этой ситуации есть пока только первые какие-то притирки. Мы вступаем в мир, в котором общество уже задаёт грани и границы, но в самом этом обществе нет культуры дискуссий. Это очень юное общество, оно недавно сложилось на нынешней платформе, в нём ещё нет достаточного количества авторитетов и лидеров мнений, которые могли бы урезонивать каких-то людей. Ещё не сложилось движение открытой науки, в которой люди

могли бы пользоваться реальными источниками. Бурление толпы накладывается на потерю «заземления» в какой-то экспертной сфере; люди, которые говорят, что Земля плоская, абсолютно никак и ничем не скованы. И специфика сегодняшнего восприятия аудитории позволяет таким людям находиться в виртуальной реальности, объединяться в какие-то сообщества.

Если мы до сих пор занимались только жалобами на прессу, то сегодня нам нужно очень серьезно задуматься о том, что и каким образом мы можем сделать для пользователей Интернета. Это важно в ситуации, когда одни люди становятся жертвами других людей. Когда люди настаивают на фактах, которые не имеют никакого отношения к реальности.

Нам нужно внимательно приглядеться к серой зоне, которая сегодня складывается в изменяющейся информационной сфере. Сейчас нет никакого информационного арбитража: если вы оказались под давлением какой-то группы или сообщества, то у вас нет никакого способа защититься, для этого не предусмотрено никакой процедуры.

Мне кажется, мы приходим к тому обществу, где будет происходить манипулирование людьми. И действие это будет осуществляться не только профессионалами-пропагандистами, но и властью толпы, происходит спонтанно. Я пока не очень понимаю, что с этим делать. Но я знаю, что чем больше информации находится в открытом доступе, тем больше шансов, что мы сможем с этой угрозой справиться. Все люди в конце концов обращаются за какими-то источниками, и такие обращения могут рано или поздно как-то прочистить и информационную среду.

Тезисы И. И. Засурского

Новые медиа часто становятся площадкой для споров, но в них не всегда рождается истина. Напротив, в процессе аргументации тема быстро меняется в соответствии с личными/групповыми/классовыми/этническими различиями, после чего переходит в личный спор или вопросы незаконного обогащения. Цензура со стороны государства работает хуже, чем модерация и политика платформ, порождая эффект Стрейзанд и противодействие, не имея шансов на самом деле ограничить доступ к тем или иным точкам зрения.

Для разрешения споров не хватает процедур и методики. В соответствии с убеждениями Миллса и в полном соответствии с ноосферной нормативной медиатеорией, решение в споре может стать правильным в случае, если полная и корректная информация опубликована в открытом доступе.

Процедура состоит в представлении аргументов сторон в рациональном изложении позиций сторон с возможностью принятия решения незаинтересованными наблюдателями. Возможно, Коллегии следует задуматься об экспансии в среду новых медиа. Пара-тройка показательных дел – и люди начнут понимать, как и по каким критериям определяется реальный (устойчивый) выигрыш в споре, что может снизить накал полемики в подобных спорах.

Однако следует быть готовым к тому, что обращений будет много, так как многие участники процесса коммуникации захотят привлечь сторонников, в том числе, через подобный арбитраж.

Вопросы и обсуждение выступлений

Юрий Казаков (председатель Палаты медиааудитории): На прошлой нашей конференции Иосиф Михайлович заметил, что российская журналистика аэтична – специально оговорив сразу же, что аэтична – не то же, что антиэтична. Может быть, по этой причине она легче всего и встроится в новые времена?

Иосиф Дзялошинский: Я говорил, что этика – это обязательный атрибут сообщества. Когда совокупность профессионалов объединяется в сообщество, она определяет свою миссию, вырабатывает некие стандарты профессии, включая этические. Российская журналистика сегодня – это не профессиональное сообщество и не корпорация. Это общность, единственным критерием принадлежности к которому является самозаявление «Я – журналист». Поэтому говорить о нашей журналистике как о сообществе этичном я никак не могу.

Галина Лазутина (член Экспертно-консультационного совета Коллегии): Иосиф Михайлович, как видимая Вами модель цифрового мира соотносится с идеей эволюционного развития человечества? В каком месте мы находимся, куда мы идём?

Иосиф Дзялошинский: Как старый гегельянец, я абсолютно верю в идею перехода количества в качество и никогда не верил в эволюционное развитие. Я предполагаю, что некоторые эволюционные этапы могут длиться тысячелетиями, а потом однажды скачок – и до свидания. Мы с вами в некоем коридоре уже лет 20, по крайней мере. И именно сейчас подходим к скачку, после которого, извините, всё, что кажется нам важным и значимым, будет не важным и не значимым. У меня физическое ощущение пропасти, в которую мы всё время идём задом наперёд. К новому миру мы совершенно не готовы, я об этом уже пишу лет пять как минимум. Давайте готовиться.

Михаил Федотов (председатель Палаиы медиасообщества): Вы применили образ скачка, а после этого сказали, что чувствуете пропасть. Но, может быть, мы уже в прыжке? От старой земли оторвались, а до новой ещё не долетели, немного зависли...

Иосиф Дзялошинский: Мне кажется, что одни сейчас готовы прыгнуть, а другие их либо уговаривают этого не делать (давайте тихо посидим, переждём, авось пронесёт), либо держат за руки и за ноги. Есть общины и сообщества, продвинутые группы людей, которые переходят в новое измерение. Я называю это переходом из детства в юность человечества. А вот чтобы мы все находились в прыжке – нет, Михаил Александрович, этого пока нет.

Галина Лазутина: Но, может быть, это период поиска?

Иосиф Дзялошинский: Скажу совсем грустную вещь. У меня подозрение, что это период поиска того, как бы не переходить в поиск. Я поездил по многим странам, в том числе по ближневосточным, и увидел категорическое нежелание меняться и куда-то двигаться. Я увидел, как все приметы новой информационные эпохи – гаджеты, компьютеры – используются не для того, чтобы двигаться в цифровую цивилизацию, а чтобы закрепиться в архаике. Есть страны или части стран, которые живут с ощущением, что им ничего не надо, им и так тепло. Когда я вижу раввина, у которого смартфон и который на вертолёте поднимается в небо, дабы защитить Иерусалим от коронавируса, мне становится смешно, но до ужаса. Очень многие сообщества не хотят будущего. И некоторые элиты стремятся закрепить прошлое, потому что им там удобно.

Анатолий Гуляев (член Экспертно-консультационного совета Коллегии): Я хотел бы поддержать обоих выступающих и хотел бы по этому же поводу привести ещё некоторые высказывания. По поводу новых медиа я бы хотел назвать книгу Питера Померанцева «Это не пропаганда. Хроники мировой войны с реальностью» (речь уже не идёт об отображении реальности, речь идёт о войне с реальностью, которую мы сами пытаемся создавать в интересах разных групп). Ханна Арендт «Истоки тоталитаризма» (правды нет, возможно всё), и так далее. В этом и состоит парадокс новых медиа: мы ждали, что они приблизят наступление светлого будущего, а они вернули нам прошлое.

В этом контексте я хотел бы поддержать то, о чём говорил Иван Засурский. Я имею в виду его несколько раз повторенную фразу о процедуре. Процедура – это именно тот вариант, когда человек, ставший вдруг обвиняемым в глазах сообщества или какой-то группы Интернета, должен иметь возможность сказать слово в свою защиту.

Когда я готовил учебник по журналистскому расследованию, мне приходилось читать много разных материалов, и я увидел трагичную ситуацию: в большинстве случаев не даётся слово тому, кто в американской традиции именуется «злодей расследования». Обвиняемому всё можно, все источники информации им задействованы, но вот тому, кого обвиняют, слова не даётся.

И именно в этом контексте мне кажутся очень важными саморегулирование и медиаэтика. Нормы и правила, которые дают возможность человеку высказать слово в свою защиту, должны присутствовать. И они не должны со временем смягчаться, одним позволять больше, другим меньше – они должны быть общими для всех.

В проекте новомедийного стандарта меня смущает такая фраза по поводу новых медиа: «Набор установок и рекомендуемых правил подхода к отбору и распространению информации, выделенные в качестве минимально достаточного для отнесения к категории правил честной игры». Но что такое «минимально достаточный»? И что такое «категория правил честной игры»? Так говорят про красный свет: да нет, но уже был не совсем красным.

Я за то, чтобы существовала процедура, за то, чтобы существовали правила. Я согласен с уважаемым профессором Дзялошинским, что мы находимся очень далеко, но идти-то в эту сторону нам всё равно нужно, и упаси бог делать вид, что ничего не происходит. Происходит, просто нужно встраиваться в эти системы. Это всё, что я хотел сказать.

Александр Алымов (мониторинговый центр по особой информации и защите прав журналистов при Совете по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ): По поводу будущего СМИ: у меня есть опасение, что региональные журналисты будут теперь думать не о будущем, а о том, как выжить. Сейчас пошла волна потери остатков независимости у региональных изданий, так что их журналистов откинет в далёкое прошлое. У региональных СМИ есть всего два источника финансирования – муниципальные (государственные) контракты и мелкий бизнес. Мы знаем, как коронавирус отразился на мелком бизнесе. Мелкий бизнес фактически перестал финансировать региональные СМИ. Таким образом, СМИ, которые обладали хоть какой-то независимостью в регионах, сейчас становятся более покладиными: либо потому, что переходят на госконтракты, либо по той причине, что получают обещания поддержки. Если так пойдёт дальше, мы потеряем независимые издания и, как следствие, потеряем журналистов, в том числе и тех, которые могут появиться в этих изданиях в будущем. Я в этой связи напоминаю о том, что Союз журналистов активно продвигает идею внесения СМИ в список пострадавших отраслей.

Михаил Федотов: Эта проблема существует, к сожалению, последние три десятка лет – то обостряясь, то несколько снижая остроту. Иосиф Михайлович Дзялошинский подтвердит, что мы эту тему обсуждали ещё в начале 90-х. Решение, которое было найдено в 1995 году, когда были приняты два закона о господдержке СМИ, осуществлялось до 2004 года; дальше всё это выбросили в корзину. И как сейчас вернуться к механизмам поддержки, я не

знаю. Экономическая база – это ведь не только независимость, но и этичность СМИ, одно зависит от другого. Тут гордиев узел, который надо не рубить, а развязывать, причём очень аккуратно, чтобы ничего не повредить.

Григорий Томчин (член Палаты медиааудитории): Я предлагаю всем перечитать «Ананке» Лема из «Рассказов о пилоте Пирксе». Это 1973 год, но там прогноз подобной ситуации. Мы либо встаём «над» и используем технологии, либо им подчиняемся. Пока что мы идём в подчинении у технологий, а не в постановке их на службу человеку – о чём и Лем, и Брэдбери, и Азимов говорили ещё в середине прошлого века. Это первое.

Что касается региональных СМИ. Мы не сможем сделать их независимыми, пока зависимы регионы. У нас сегодня и бизнес, и общество, и власти регионов не являются независимыми; местного самоуправления просто нет. Ну, а СМИ не висят в воздухе. Это второе.

Третье. На сегодня очень важно для любых малых сообществ, которые пользуются той или иной интернет-информацией, живут в интернет-информации, саморегулирование междисциплинарное – способное подсказать сообществу, где брать нужную и надёжную информацию. Отдельный человек такой отбор не осуществит. Междисциплинарное саморегулирование – причём дробное, для различных сообществ – может быть реальным регулятором той информации, которая есть в Интернете. Я говорю о развитии брендинга, в которое могут войти этические и другие нормы.

И последнее: нам предстоит не только информационная революция, но и та, которая будет связана с выходом большинства сообществ из энергетической зависимости, с переходом к энергетической независимости. Лет через 5–7 более 100 стран будут энергетически независимы от всех других. Произойдёт распад монополизма. У этого процесса будут и хорошие, и плохие стороны. Но на этот счёт на сегодня есть большой дефицит междисциплинарных исследований. Я бы предложил, учитывая опыт нашей Коллегии, попытаться инициировать некое междисциплинарное исследование, посвящённое, например, теме интернет-информации в малых сообществах. Как эта информация в сообществах такого рода потребляется, к чему это ведёт, на что люди в таких сообществах ориентируются? Из этого можно вывести некую систему управления принятием решений. В новом сообществе такая система будет решающей.

Каринэ Назаретян,
к. филос. н., эксперт Коллегии,
разработчик Новомедийного стандарта

СТАВИМ ЭКСПЕРИМЕНТ. *НОВОМЕДИЙНЫЙ СТАНДАРТ* – ЧТО ЭТО? И ДЛЯ КОГО ЭТО?

Тезисы

О том, как готовился проект Новомедийного стандарта, с какими вопросами и сложностями мы столкнулись в процессе этой подготовки. Первая сложность была связана с поиском определения того, что мы в данном случае подразумеваем под *новыми медиа*. Обычно под *новыми медиа* понимается очень широкий спектр медиа, включающий в себя и онлайн-игры, и интерактивные инсталляции, и социальные сети (причём имеется в виду всё, что происходит в социальных сетях, в том числе и общение между пользователями в комментариях), и многое другое. Понятно, что сфера *новых медиа* в таком максимально широком прочтении термина не может быть предметом внимания Коллегии. Всё, что может

Коллегия на данном этапе, пытаясь найти ответы на новые вызовы, – это попробовать немного расширить поле обзора, скорректировать угол зрения.

Есть ли к этому основания? К настоящему времени Коллегия по факту оказалась в ситуации, когда в неё стали поступать жалобы не только на традиционные, но и на новые СМИ. Говоря о связанных с этим затруднениях органа саморегулирования, отметим, что чёткого понимания, где именно проходит граница между традиционными СМИ и новыми медиа, пока нет даже у специалистов – что уж говорить о гражданах, к специалистам не относящихся. Граждане жалуются на те материалы, в том числе в Интернете, которые их возмущают или задевают. Такими материалами могут оказаться сюжет YouTube-блогера, пост в Телеграм-канале или материал с сайта, не зарегистрированного как СМИ. Так как граница между старыми и новыми медиа, между профессиональной журналистикой и любительским контентом становится всё более размытой, я ожидаю, что жалоб на нетрадиционные для Коллегии форматы со временем будет становиться всё больше.

Таким образом, некий набор этических правил в качестве ориентира нужен не только (и, возможно, не столько) акторам этих новых медиа, но и самой Коллегии – чтобы понимать, по каким критериям оценивать эти нетрадиционные форматы.

Для начала, однако, хотелось бы чётче определить, для кого именно мы пытаемся разработать эти правила. Некоторые из тех уважаемых людей, с которыми мы успели поговорить (в том числе членов Экспертно-консультационного совета Коллегии, которые – спасибо им – живо откликнулись на просьбу прокомментировать проект нашего документа), критикуют само его название – *Новомедийный стандарт*: в основном, по той причине, что сфера новых медиа необычайно широка. В любом случае, уже понятно, что более точное указание на то, для кого разрабатывались нормы, нужно внести как минимум в преамбулу документа. В моём представлении, Коллегии нужно, чтобы документ, о котором мы говорим пока в будущем времени, мог оказаться применимым к двум типам новых медиа: 1) к блогам самого разного толка (обычным блогам, видеоблогам, аудиоблогам/подкастам, Телеграм-каналам и др.) и 2) к сайтам, материалы которых похожи на журналистские и/или выполняют функцию журналистских, но которые не зарегистрированы как СМИ и/или создаются не профессиональными журналистами.

Определить совокупность этих двух типов медиа каким-то одним универсальным термином или словосочетанием нам с ходу не удалось, поэтому мы обратились к специалистам с просьбой высказать свои предложения по этому поводу. *Иван Иванович Засурский* предложил обозначить эту совокупность термином *онлайн-медиа*. Анна Григорьевна Качкаева предложила прописать в преамбуле критерии, которым должно соответствовать медиа, чтобы к нему применялись принципы *Новомедийного стандарта*: регулярность выхода материалов, наличие постоянных авторов или автора, значительный охват аудитории (можно прописать и конкретные цифры), наличие редакционной политики. Этот подход кажется мне удачным, и, я думаю, мы попробуем его воплотить в новой редакции проекта.

Вторая сложность, с которой мы столкнулись, заключалась в поисках ответа на вопрос: нужны ли в принципе подобные правила самим блогерам и не профессиональным журналистам? Готовы ли они будут некие правила принять, во-первых, и на них ориентироваться, во-вторых? Разговор на эту тему с реальными представителями самой новомедийной среды в России нам ещё предстоит; пока мы успели только посмотреть на международный опыт в этой сфере. Нужно признать, что большого оптимизма этот опыт не внушает. В «нулевых» и десятых годах в разных странах было предпринято некоторое количество попыток создать что-то вроде *кодекса блогера*. И в какие-то периоды об этом довольно много говорили, это установленный факт. Но при этом никакого достаточно широко признанного, работающего документа в этой сфере, насколько мне известно, не появилось.

Вот совсем краткий обзор наиболее известных кодексов блогера. Один из первых предложила в 2002 году американская блогер Ребекка Блад, он был опубликован в книге

«Учебник блогера: практические советы по созданию и поддержанию блога»⁴⁷. Никакого широкого сообщества блогеров тогда ещё не было, так что это был просто авторский документ, опубликованный на традиционном носителе информации. В 2003 году блогер Джонатан Дьюб написал другой кодекс, который почти полностью был основан на журналистском этическом кодексе американского Общества профессиональных журналистов (SPJ)⁴⁸. Именно этот кодекс сегодня вспоминают чаще всего, когда говорят о кодексе блогера, но и его нельзя назвать универсально признанным. Очень широким было обсуждение проекта этического кодекса блогера, инициированное в 2007 году издателем и идеологом движения за свободное программное обеспечение Тимом О'Рейли: появление этого документа стало реакцией на травлю в сети его коллеги, разработчика игр и блогера Кэти Сьерры. В том обсуждении принимал активное участие сооснователь «Википедии» Джимми Уэйлс. Проект, однако, со временем заглох, про него фактически не вспоминают. Наконец, известная (и, возможно, самая успешная) попытка принять кодекс блогера была предпринята в 2011 году в Непале. В этом случае инициатива исходила от нескольких блогеров, которые на некоем семинаре договорились о создании кодекса и заручились поддержкой Ассоциации онлайн-журналистов Непала и Ассоциации блогеров Непала. После двух месяцев обсуждений кодекс этики был подписан семнадцатью известными непальскими блогерами⁴⁹. К сожалению, у меня нет знакомых непальцев, чтобы узнать, в какой мере этот кодекс действительно применяется, но было бы очень интересно это выяснить.

На этих примерах видно, что «принять» кодекс, по всей вероятности, можно только в том случае, если в стране существует некая ассоциация блогеров. В России такой ассоциации (по крайней мере, сколько-нибудь заметной) найти не удаётся. Сообщество блогеров очень разнородное: в него входят и опытные журналисты, многие из которых ведут блоги в соответствии с высокими журналистскими стандартами, и подростки, и даже дети, не имеющие представления о журналистской этике и обладающие довольно скромным жизненным опытом и опытом обращения с информацией.

Отсюда вытекает третья сложность, связанная с необходимостью понять: должны ли этические нормы блогера совпадать с этическими нормами журналиста или они должны быть менее строгими? А также должны ли этические нормы для блогеров-журналистов и блогеров, не позиционирующих себя как журналисты, быть одинаковыми?

Определённую позицию на этот счёт занимает, например, член Экспертно-консультационного совета Коллегии Анатолий Арсеньевич Гуляев: «Пока то, что предлагается, напоминает облегчённый вариант правил дорожного движения специально для непрофессионалов. Но беда в том, что и профессионалы, и непрофессионалы ездят по одним и тем же дорогам. И одинаково наезжают на пешеходов и друг на друга при несоблюдении абсолютно очевидных правил, одинаковых для всех». Нужно сказать, что эту точку зрения разделяют многие эксперты. Они полагают, что принципы работы с информацией должны быть одинаковыми для всех участников информационного пространства, и что блогеры не должны иметь каких-то особых прав. Но ведь те же условные блогеры-подростки, делающие видеозаписи косметики, вряд ли захотят знакомиться с настоящим профессионально-этическим кодексом, а тем более принимать его в качестве ориентира. Задача же познакомить их с «облегчённым» вариантом рекомендаций, которые непосредственно касаются того, с чем они сталкиваются в работе (например, способа отбивки рекламы), кажется более реалистичной.

Относительно правил для блогеров-журналистов и блогеров-нежурналистов большинство тех, у кого я брала интервью, сходятся во мнении, что такое разделение не имеет

⁴⁷ *Blood R. The Weblog Handbook: Practical Advice on Creating and Maintaining Your Blog. Cambridge: Perseus Publishing, 2002.*

⁴⁸ *A Bloggers' Code of Ethics // Cyberjournalist.net. URL: <http://cyberjournalist.net/a-bloggers-code-of-ethics> (дата обращения: 08.06.2020).*

⁴⁹ *Historic: Bloggers sign Code of Ethics // The Radiant Star, 27.07.2011. URL: <http://www.nepalivoices.com/2011/07/historic-bloggers-sign-code-of-ethics> (дата обращения: 08.06.2020).*

особого смысла. Во-первых, потому что грань между журналистом и нежурналистом в современном мире слишком тонкая, и не вполне понятно, как разграничивать такие правила. Во-вторых, как отметили сразу несколько моих собеседников, даже профессиональные журналисты далеко не всегда соблюдают свой журналистский этический кодекс, так что рассматривать их как людей, априори более «этичных», чем нежурналисты, не стоит.

Как я понимаю, реально повлиять на этический уровень и культуру *новых медиа* призваны программы медиаобразования (повышения медиаграмотности). Создание *Новомедийного стандарта*, призванного познакомить недостаточно опытных акторов информационного пространства с минимально необходимым для стабильности этого пространства набором норм, выполняющих роль этического (или всё же скорее морального) ориентира, представляется одной из вех на пути к повышению уровня медиаграмотности в этой по факту молодой среде и привнесению в неё начал информационной культуры.

Руслан Новиков,
генеральный директор АО «Аргументы и факты»,
президент СППИ ГИПП, к. экон. н.,
доцент факультета журналистики
МГУ им. М. В. Ломоносова

АРГУМЕНТЫ, ФАКТЫ, МНЕНИЯ. ОПЫТ АНАЛИЗА ОЖИДАНИЙ ОТ СМИ И РЕАЛИЙ СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЙНОЙ ПРАКТИКИ

Знаете, самый популярный в мире блогер сейчас, на мой взгляд, – это Дональд Трамп. Человек, который производит в сутки в среднем около сорока фейков во всех своих каналах распространения информации. Его личный рекорд, по-моему, – это сто сорок фейков за одно выступление. И вот куда нам его относить и как к такому блогеру относиться – не очень понятно. Мир стал очень сложным, информационно разнообразным. И нам, наверно, стоит сосредотачиваться на том, что касается СМИ, потому что мы отвечаем за каждое своё слово, за каждую запятую, за любой произносимый или производимый нами фейк. Это ремарка к уже услышанному сегодня.

Я не очень понимаю, что могу рассказать столь уважаемым и намного более опытным, чем я, людям. Поэтому я, скорее, поделюсь теми эмоциями, которые сейчас мы в традиционных и параллельно в новых медиа переживаем в ситуации, которая затронула весь мир, – в момент распространения коронавируса. И выскажу предположение о том, почему читатели «АиФ» редко жалуются на наше издание Коллегии.

То, что происходит сейчас, – очень важный момент, некая новая точка в жизни традиционных медиа. Это говорит социология, которую мы получаем на коронавирусе. Я не буду говорить о том, какой взлёт аудиторий произошёл у всех медиа: все мы понимаем, как в период любых серьёзных изменений, серьёзных кризисов и катаклизмов возрастает внимание к медиа. Понятно, что диджитальный трафик вырос у издателей в среднем на 40–60 %. И понятно, опять же, что этот трафик сейчас падает: мы теряем интерес к новостям. Это понятная история. Но есть вещи, которые, мне кажется, абсолютно уникальны с точки зрения актуальности социологии коронавируса. И для нас – для СМИ, для традиционных медиа – они являются подтверждающими то, о чём мы много говорили прежде, а теперь увидели в цифрах.

В Телеграм-канале ВЦИОМа можно было прочитать интересную историю о том, каков уровень доверия к тем или иным источникам информации по коронавирусу в России. Данные сравниваются с Великобританией и Соединёнными Штатами. Так вот, абсолютное большинство россиян доверяет не родственникам, не медикам и даже не каналам

государственной власти, а СМИ.

Мы всё время говорили о том, что доверие СМИ – это главное, основное, что наша работа базируется на доверии аудитории. И сейчас мы имеем этому самые серьёзные подтверждения в цифрах. Если я не ошибаюсь, там около 55 %. То есть 55 % населения доверяет именно СМИ. Просто для сравнения: родственникам и знакомым – 21 %, блогерам – 20 %, это седьмое место, и т. д. Мне кажется, это очень символическая история. Это первое.

Второе – и это то, о чём мы всё время говорим на любых мероприятиях, касающихся СМИ, касающихся контента и прессы, – о влиянии фейков на нашу жизнь и работу.

Мы всегда говорили, что инструментов фильтрации непроверенной и искажённой информации не было и нет. Основной инструмент для нашего читателя, нашего пользователя – это анализ того, из какого канала он получает информацию. Будет ли это канал традиционных медиа – или это какой-то другой канал, где информация не может быть проверена, у которого нет должного уровня доверия? Сейчас, на коронакризисе, такой подход проявился в полной мере. Это подтверждает анализ тех данных, которые к нам приходят не только в рамках издательского дома «Аргументы и факты», но и в рамках Союза предприятий печатной индустрии, который я возглавляю. Взлёт количества фейков, который порождает неуправляемое информационное общество (а это невозможно в настоящий момент никак изменить), влечёт за собой взлёт внимания к традиционным медиа. Подтверждается та зависимость, о которой мы всегда говорили: доверие к традиционному бренду традиционного медиа связано с проверенной информацией и с отсутствием фейков.

Мы в «АиФ» за всё время коронавируса получили одну претензию с просьбой снять материал по covid-19 как фейковый. И это был, если я не ошибаюсь, материал конца января или начала февраля нынешнего года.

Анализируя то, что происходит в последнее время, я вижу триумф брендов традиционных СМИ, вижу абсолютную аудиторную поддержку брендам традиционных СМИ, контенту традиционных СМИ. И это, с одной стороны, вселяет в нас уверенность: и в тех, кто производит контент, и в тех, кто занимается медиабизнесом. А с другой – возлагает на нас большую ответственность за работу, которая делается.

И вот здесь я, наверное, попытаюсь ответить на вопрос, почему на нас, на «АиФ», почти не жалуются. Чтобы это объяснить, расскажу кое-что о разнице в формировании нами контента федерального и регионального. Я не журналист по профессии и до прихода в «АиФ» (это было шесть лет назад) не работал в медиа, но имел большой управленческий опыт в других отраслях. Когда пришёл, пытался постичь основные принципы работы нашего СМИ – и основные принципы журналистской работы. Спросил у тех людей, которые долго и успешно работали в нашем СМИ, в чём его основное отличие от других. Мне было сказано: «Мы – аналитическое медиа, у нас очень редко бывает индивидуальное мнение, у нас очень редко бывают авторские колонки. Мы занимаемся экспертизой, отвечаем на самые насущные вопросы наших читателей. Поэтому у нас, по классике, не менее двух мнений по каждому вопросу».

Я потом уже понял, что так на самом деле и должно быть, что в журналистике так принято: раз есть мнение одной стороны – должно быть и мнение другой. А тогда для меня, опытного управленца, но совсем зелёного человека в медиа, это был вполне себе внятный ответ, который и сейчас объясняет мне то, почему на нас почти не жалуются. Помню одну жалобу, которой лично занимался, эта жалоба была из региона. И тут есть смысл объяснить, как формируется наш региональный контент и почему из регионов жалобы на нас всё же периодически прилетают.

На самом деле региональный контент формируется так же, как и федеральный. В Москве есть редакторы, которые занимаются контролем регионального контента, следят за соблюдением редакционной политики. Понятно, что, имея 68 редакций в России и 17 зарубежных редакций, мы просто обязаны контролировать соблюдение редакционной политики. Если коротко: за контентом мы следим, что где происходит – видим, соблюдение основных принципов редакционной политики считаем обязательным для всех. Что же касается

жалоб из регионов, то тут дело в отношении элит к медиа в регионах. Почему-то региональные лидеры считают, что региональные медиа должны или даже обязаны согласовывать контент, писать то, что нужно, то, что должно, как им кажется, правильно заходить в правильную, как им представляется, аудиторию. И тут у нас, конечно, возникали и будут возникать определённые проблемы – при том, что мы всегда со всеми сотрудничаем.

«АиФ» выходит по всей стране, это отдельные газеты и отдельные сайты. И региональный контент для каждой газеты и каждого сайта формируется свой, в каждом регионе работают редакции. Так вот, жалобы на нас в регионах случались именно тогда, когда наш региональный контент не устраивал по содержанию тех или иных региональных лидеров. А вот федеральных жалоб на «АиФ» за 42 года существования нашего СМИ не было ни одной, насколько мне известно. Сайту «АиФ», кстати, в сентябре 2020 года – 20 лет.

Ну, и ещё об одном базовом секрете (или не секрете) «АиФ» расскажу – об универсальном медийном инструменте, который многое объясняет и в нашей коммуникации с читателями, и в том факте, что у нас лучшие аудиторные показатели среди всех российских еженедельных газет. У «АиФ» есть абсолютно уникальный для современных медиа инструмент – call center. Уникален он не по названию, а по своим функциям. Мы имеем базу постоянных читателей. И еженедельно после выхода каждой газеты (естественно, помимо того, что мы принимаем звонки от читателей и пользователей сайта любые и всегда) мы случайной выборкой определяем 150–200 читателей, которые участвуют в обзвоне нашего call center по каждому номеру.

Это качественные исследования. По сути, каждый респондент тратит около полутора-двух часов на исследование номера от первого заголовка до финальных выходных данных. Мы получаем эту информацию, верстаем её в один файл. Таким путём в онлайн-режиме в течение недели – с отставанием на два-три дня по каждому номеру – мы получаем некое читательское мнение по поводу каждого материала, каждого автора, каждого заголовка, каждой фотографии и т. д. Это позволяет нам практически в режиме реального времени корректировать редакционную работу, работу каждого журналиста, редакторов, менять редакторов в следующих номерах в зависимости от интересов аудитории.

Это уникальный инструмент, потому что никак иначе невозможно аудиторию, с которой мы держим связь в режиме реального времени, наложить на аудиторию газеты, на аудиторию традиционного носителя.

Вопросы и обсуждение выступлений

Этери Левиева (член Палаты медиасообщества): У вас на сайте, я так понимаю, речь идёт не о бумажной версии газеты. То есть речь о том, что во время коронавируса увеличилось количество пользователей, которые заходят на сайт, правильно?

Руслан Новиков: Да.

Этери Левиева: Получается, что бренд старый, старый популярный, а медиа новое? Я имею в виду технологии доставки контента. И второе. На традиционном телевидении рейтинги повысились колоссально, но их никак не удалось монетизировать. Удалось ли вам? Министерство связи назвало эту ситуацию «ножницами»: рейтинги возросли, а рекламные доходы упали.

Руслан Новиков: Да, когда я говорил про бурный рост аудитории, я имел в виду digital-аудиторию, так же как аудиторию теле- и аудиторию радио. Мы дома сели и стали смотреть радио и телевизоры, естественно.

Этери Левиева: Радио, кстати, упало.

Руслан Новиков: Буквально вчера я разговаривал с генеральным директором одной радиостанции. Там сама «радийка» не падала, она вообще плохо падает, в отличие от традиционного телевидения и прессы, она более-менее стабильна.

Пробежусь по тому, что касается всех отраслевых доходов. По печатной прессе, естественно, введение всех ограничительных мер быстро сказалось на тиражах. Просто точки доступа закрылись, и аудитория перестала получать доступ к этому каналу. В первую очередь закрылись киоски, причём мы долго боролись за то, чтобы они не закрывались. С губернаторами общались, с администрацией президента много работали. Нам удалось добиться почти во всех регионах открытия киосков. Но мгновенное закрытие в части регионов и запрет на выход на улицу нашей традиционной аудитории естественно сказался на тиражах. В какой-то момент проданный тираж и, соответственно, доходы издателей от продажи тиража упали где-то примерно вполовину. При этом у изданий, которые полностью работают – например, в рекламной модели, – доходы упали на 100 %, потому что им вообще нигде распространяться. Газета «Метро», например, в Москве уже не выходит.

Тиражи (я говорю про платные тиражи, как это ни удивительно) подтверждают наше мнение о том, что печатная аудитория – одна из самых лояльных. Она голосует рублём. Это даже не телевидение, где шестьдесят рублей в месяц стоит пакет каналов. Так вот, тиражи при ещё сохраняющихся ограничительных мерах восстанавливаются быстро. Федерально – я говорю о динамике по «АиФ» – это не менее двух-трёх процентов в неделю. При минус пятидесяти на начало пандемии мы сегодня находимся на уровне минус двенадцать процентов. То есть за два месяца мы восстановились (федерально, повторю) почти на сорок процентов из пятидесяти. Мы подразумеваем, что, соответственно, доходы тиража должны постепенно восстанавливаться.

Что происходит с рекламой? На телевидении, на радио, на digital и в прессе происходит одна и та же история: рекламодатели просто ушли с рынка. Это отложенная история, связанная со снижением доходов населения. Рекламодатели говорят: «Простите, но мы не видим смысла рекламы этих товаров и услуг». Падение – 50 % рекламодателей, я беру в среднем по рынку. Эта история тоже восстановилась, но далеко не на тот процент, на который восстанавливаются, например, тиражи. То есть если мы говорим, что у некоторых медиа были 70-процентные падения, то сейчас они на уровне 50 % застыли. Вернулась частично фарма в рекламу, вернулись сотовые операторы, появились какие-то большие агрегаторы, но все остальные отрасли рекламы практически не имеют.

Следующий момент – digital, про который тоже нужно говорить сейчас. Для нас как для издателей цифровые носители – это уже даже не третья, а вторая нога. Потому что для многих аудиторий цифровые носители уже превосходят печатные. У нас это примерно пятьдесят на пятьдесят. И цифровые доходы для издателей постепенно компенсировали падение тиражей и сокращение рекламы. Тут прямая зависимость: чем ниже у тебя тиражи – тем меньше у тебя рекламодателей и тем дешевле реклама. Так вот, диджитальные доходы при росте аудитории на 50 % либо имеют нулевой тренд, то есть остались на том же уровне, либо имеют тренд на понижение, то есть для издателей они сократились примерно на 10–15 %. Это на пике роста, когда было плюс 50 % трафика. То есть интерес к новостям был на 50 % выше.

Сейчас – снижение интереса к новостям. Все видят это, телевидение видит это, радио и digital видят это. Аудитория «наелась» коронавирусом и вообще в принципе плохими новостями, а хороших новостей у нас пока, что называется, для вас нет.

Так вот, этот тренд на снижение ещё больше отразится на цифровых доходах издателей. Падение относительно прошлого года будет где-то на 30–40 %. Уточню, что в прошлом году сегмент вырос на 20 %, а отдельные СМИ – например, мы – выросли на 35 % в деньгах.

В этом году мы ожидаем в деньгах падение. Для всех СМИ – традиционных, новых, каких угодно – сейчас очень тяжёлое время. Особенно для тех, кто не имеет прямого государственного субсидирования, прямого бюджетного финансирования и т. д.

По «АиФ» могу сказать, что 50 % нашей выручки – это выручка от тиражей; у нас нет бесплатных изданий. То, что вы в самолёте или поезде получаете – это отдельное СМИ, и там ограниченный тираж – несколько тысяч всего. Вторая половина нашей выручки – реклама. И там, и там мы на сегодня потеряли. «АиФ» не имеют государственного субсидирования, поэтому это очень тяжело.

Региональные медиа пострадали, наверное, больше, чем все остальные сегодня, потому что у них намного меньше возможностей извлекать выручку. Мы можем делать красивые проекты, рисовать сайты, в конце концов, делать для кого-то дизайн, писать кому-то пресс-релизы, то есть подрабатывать на стороне, а они такой возможности не имеют. То есть признание этой отрасли наиболее пострадавшей, мне кажется, может спасти наибольшее количество игроков. Хотя статистика и Северной Америки, и Западной Европы печальна. То есть за время коронавируса и его последствий мы теряем тысячи СМИ.

Манана Асламазян (член Палаты медиасообщества): Спасибо за замечательный анализ. Я занимаюсь медиа в странах постсоветского пространства. Там абсолютно те же тенденции. Мой вопрос: скажите, а данные того качественного исследования, о котором Вы рассказали (выборка – 150 человек, которым вы рассылаете анкеты), из какого объёма опрашиваемых получаются? У вас есть какая-то постоянная группа, которую вы держите как резерв, или это случайная выборка?

Руслан Новиков: Я говорил, что у нас есть постоянно обновляемая база – около двух тысяч контактов. Естественно, кто-то выбывает из этой базы, кто-то появляется новый. Этих людей обзванивают, с ними ведётся телефонное анкетирование. Этим людям мы высылаем анкеты, они вместе с нами их заполняют.

Манана Асламазян: Эти две тысячи дали согласие войти в вашу базу?

Руслан Новиков: Мы не имеем права обзванивать всех подряд. Эти люди – наши подписчики, лояльные регулярные читатели, которые дали согласие.

Григорий Томчин (член Палаты медиааудитории): Можно одну реплику по экономике? Дело в том, что падение доходов от рекламы не совсем связано с коронавирусом. За вторую половину 2019 года средний чек в российских сетях упал на 20–25 %. Это говорит о том, что произошло обнищание людей. Многие рекламодатели, которые в 2019 году запускали свою рекламу, перестали запускать её ввиду отсутствия покупателей, это первое. Второе – серьёзный переход к покупкам в Интернете: это тоже сняло необходимость задавать рекламу в традиционных СМИ.

Руслан Новиков: Что касается обнищания, падения среднего чека и т. д. – абсолютно согласен. Но это отражается в других цифрах, сравнительных. Например, по уровню Соединённых Штатов, Западной Европы, развивающихся стран: по росту бюджетов рекламы там – и по росту бюджетов рекламных у нас.

У нас реклама росла каждый год, включая 2019-й. И прогноз на 2020-й был тоже с плюсом. Хотя рос он далеко не так, как в других странах. У нас один из самых небольших рекламных бюджетов в «медийке» в принципе. Это одно.

Другое – почему коронавирус так повлиял? Есть, например, такая прекрасная компания – «Аэрофлот». В марте «Аэрофлот» расторг абсолютно все рекламные бюджеты с рекламными носителями там, где это можно было сделать без санкций. Это я к тому, что на 70 % бюджеты из-за плавного снижения уровня жизни населения не падают. И что касается традиционных медиа и рекламы, новых медиа, интернет-покупок и т. д.: тут интересная история, потому что это аудитории абсолютно разные. У нас в «АиФ» пересечение аудитории диджитальной и аудитории нашей газеты – около 3–4 %. Всего 3–4 % аудитории употребляют эти медиа вместе

– цифру и газету. То есть это абсолютно разные аудитории.

Если вы сейчас посмотрите рекламу на нашем сайте, то найдёте там, например, рекламу подписки на онлайн-сервис ivi. То есть вас приглашают подписаться на онлайн-кинотеатр. Там же вы увидите сотовых операторов и т. д. А что вы увидите в газете? Вы увидите фарму, которая рассчитана на нашу основную аудиторию – на 55+, например. Увидите специальные предложения сотовых операторов, увидите специальные предложения банков. Раньше это были ещё, например, прекрасные специальные предложения, рассчитанные на людей серебряного, как мы его сейчас называем, возраста: путешествия, какие-то ещё вещи... Мы видим, что это другая реклама, это разная реклама – на сайте и в прессе. Остановлюсь, а то уйду сейчас в рекламный бизнес.

Этери Левиева: Не надо, не надо в рекламный.

Руслан Новиков: Не надо? Но это же социальная модель потребления контента. Есть очень много исследований – к сожалению, не у нас, это зарубежные исследования. Если кому-то будет интересно, могу потом подсказать, где посмотреть. Там очень интересные исследования по тому, как потребляют контент, как он заходит в аудиторию. <...>

У меня есть такое ощущение, что прессу ждёт определенный ренессанс – как, например, получился у виниловых пластинок. Сейчас это хороший тон – слушать хорошую музыку на хорошем носителе. И у меня такое ощущение, что такие же шансы имеет пресса.. У редакции ограничено число полос, то есть их всего 44–48 как максимум, чтобы донести до своей аудитории всё то, что мы хотим до неё донести. Как у телевидения есть 24 часа в сутки – и это всё. Смысл работы редакции в том, чтобы выделить самое важное из всех отраслей – политики, экономики, бизнеса, того, что касается здоровья – и всё это вложить в 48 полос, предложив наилучший ресурс своей аудитории. Если люди это умудряются сделать правильно, аудитория это принимает и вы приобретаете лояльную аудиторию. Если вы заходите на сайт даже нашего прекрасного СМИ, прошу прощения за рекламу, вы проваливаетесь в новости, переходите с новости на новость. Вы получаете огромное количество информации, а вот картину дня вы вряд ли получите к концу недели.

Виктор Монахов,

к. юр. н.,

член Палаты медиааудитории Коллегии III созыва,

созработчик теории и рабочей модели

Медиаэтической медиации

СТАВИМ ЭКСПЕРИМЕНТ. МЕДИАЭТИЧЕСКАЯ МЕДИАЦИЯ КАК НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В РАБОТЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ КОЛЛЕГИИ

Тезисы

1. Определяем базовое понятие

Медиаэтическая медиация (далее МЭМ) является примирительной процедурой, позволяющей разрешать информационные споры, соответствующие компетенции *Общественной коллегии по жалобам на прессу и/или территориальных коллегий по жалобам на прессу*.

Процедура МЭМ осуществляется без вынесения в публичное пространство обращений заявителей в Коллегию (в территориальные коллегии) и не предполагает для разрешения

информационных споров проведения заседаний Общественной коллегии по жалобам на прессу (территориальных коллегий).

2. Из какой практики вырастает МЭМ

Из практики *классической медиации*. Если понимать под *классической медиацией* один из способов разрешения спора, конфликта с использованием услуг нейтральной третьей стороны, а не тот или иной формат используемой при этом процедуры, то мы увидим, что *медиация имеет многовековую историю отечественного и зарубежного успешного применения в самых разных сферах общественных отношений*.

Федеральные законы 2010 (от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)») и 2019 годов (от 26.07.2019 № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации») определённым образом формализовали некоторые медиативные процедуры и встроили их в систему действующего российского законодательства

3. О сущности общем для классической медиации и МЭМ

Обе жидутся на идее, соответственно, «альтернативы внутри права» и «альтернативы внутри этики». Правовая база у обеих форм медиации одна. Это норма *статьи 45 (часть 2) Конституции РФ*, согласно которой каждый вправе защищать свои права и свободы *всеми способами, не запрещёнными законом*.

4. Базовые признаки отличия процедуры МЭМ от действующей процедуры рассмотрения спора в Общественной коллегии

Процедура МЭМ обеспечивает *конфиденциальность* как самого факта обращения в Коллегию, так и содержания информационного спора между его сторонами. Как отмечается рядом экспертов, есть адресаты жалоб, которых изначально отпугивает *публичность*, в том числе и как единственный формат рассмотрения обращения Коллегией.

Фактор конфиденциальности позволяет не привлекать внимание контрагентов сторон спора, а также иных заинтересованных лиц к внутренним проблемам медиаструктуры – адресата обращения инициатора спора.

Придание в ходе рассмотрения спора публичности информации о конфликтах между сотрудниками и руководством медиаконпании (редакции СМИ), например, вполне может стать причиной незаключения контрагентами предпринимательских договоров с данной медиаконпанией – из опасения, что конфликт, о котором стало известно именно в ходе рассмотрения информационного спора, может повлиять на исполнение обязательств по заключённым с этой медиаконпанией сделкам.

В рамках процедуры МЭМ никакие сложности внутреннего характера, имеющиеся у данной медиаконпании, не выходят в публичное пространство. И тем самым *не дают оснований для снижения её стоимости на рынке*. Известно, что ценность *репутации* понимается не тогда, когда она есть, а когда её начинает не хватать.

5. Основные затруднения на пути применения МЭМ в профессиональной медийной практике

- Новизна для медиасферы практики применения процедуры МЭМ.
- Небольшое – на сегодня, по крайней мере, – количество специалистов, способных выступать в роли профессиональных для данной сферы медиаторов.
- Высокая степень конфликтности отношений участников большинства информационных споров. Редкое присутствие у конфликтующих сторон стремления к примирению. Причём больше это относится даже не к традиционным СМИ, а как раз к новым медиа.
- Низкая степень доверия представителей медиасреды, столкнувшихся с ситуацией информационного спора и вынужденных искать её разрешение, экспертному сообществу,

состоящему из медиаторов, имеющих специализацию и владеющих системными знаниями и компетенциями в предметной области данного информационного спора.

– Сложности в деле обеспечения и сохранения баланса между диспозитивностью и императивностью примирения сторон информационного спора.

6. Перспективы распространения процедуры МЭМ в практику Общественной коллегии

В оценке перспектив нового направления главным вопросом является вопрос о том, готово ли будет российское медийное сообщество оценить преимущества МЭМ и на базе такой оценки преодолеть неизбежные трудности стартового этапа её применения.

Не имея возможности оперировать конкретными данными на этот счёт, осторожно предположим, что какая-то, пусть небольшая поначалу часть членов этого сообщества в ситуации реального, задевающего именно их информационного спора своевременно получит необходимые и при этом достаточно убедительные разъяснения от профильных специалистов и согласится на использование этой формы разрешения споров.

Можно предположить, что первые случаи применения МЭМ как перспективного формата, окажись они успешными, именно в силу сохранения публичной репутации как адресата жалобы (для которого сохранение репутации монетизируемо), так зачастую и заявителя, не останутся незамеченными в условном медийном сообществе. Вероятность укоренения формата МЭМ в повседневной практике саморегулирования, как представляется, будет напрямую зависеть, в конечном счёте, и от успешности стартового этапа применения этого формата Коллегией, и от того, в какой мере эта новая практика привлечёт внимание союзов и ассоциаций, представляющих медийную индустрию.

Включение МЭМ в практику Общественной коллегии в логике мягкой, ресурсо- и репутационно сберегающей альтернативы традиционному публичному разрешению информационных споров поможет снизить уровень конфликтов внутри отечественной медиасферы, увеличит потенциал развития её субъектов. А также, как можно предположить, поможет скорейшему формированию основ социальной ответственности новых медиа и улучшит защиту прав граждан в сфере массовой коммуникации.

Галина Арапова,

член Палаты медиасообщества Коллегии III созыва,
руководитель Центра защиты прав СМИ,
медиаюрист

ПОДВОДНЫЕ КАМНИ РОССИЙСКОГО МЕДИЙНОГО ПРОСТРАНСТВА И ЗАПРОС НА УСИЛИЯ ОРГАНА САМО- И СОРЕГУЛИРОВАНИЯ ГЛАЗАМИ ПРАКТИКУЮЩЕГО МЕДИАЮРИСТА

Чтобы не занимать много времени, я подготовила несколько слайдов со своими тезисами: так вам будет легче ориентироваться в том, о чём пойдёт речь.

Цель моего выступления – посмотреть, какие именно сферы, которые сегодня регулируются государством, могли бы быть урегулированы медиасообществом с помощью инструментов саморегулирования и сорегулирования. И, таким образом, попытаться определить возможность (если она ещё не упущена) сохранить какой-то баланс между правом и профессиональной этикой – чтобы удержать общественное спокойствие. Чтобы, действуя в интересах общества, не привести к ужесточению правового регулирования. Чтобы снять

излишнее давление на журналистов со стороны закона, сделать так, чтобы они не сталкивались со слишком высокими санкциями, которые воспринимаются цензурными.

Думаю, что пока ещё есть достаточно большое поле возможностей для органов саморегулирования. Или, скажем так, пока ещё не все возможности упущены.

Свои тезисы я разделила на три группы.

Обращаю ваше внимание на то, что есть сферы и вопросы, которые могут быть урегулированы только на уровне закона. Это вопросы, связанные, в первую очередь, с техническим регулированием деятельности массмедиа. Тут и лицензирование телерадиовещательной деятельности, и регистрация средств массовой информации. Но тут отчасти и вопросы статуса журналиста, его прав и обязанностей – этот перечень можно продолжить.

Есть, далее, определённые сферы, которые могут быть урегулированы как государством, так и медиасообществом – с помощью инструментов само- и саморегулирования. Тут важно, чтобы медиасообщество не упустило такую возможность на этапе, когда государству ещё можно предложить согласиться на то, чтобы были использованы какие-то инструменты регулирования. И чтобы государство, поскольку такие предложения сделаны, уже не могло заявлять о необходимости урегулирования каких-то конкретных проблем в медиасфере исключительно силами законодательного органа, Государственной Думы, во-первых, и путём установления каких-то видов ответственности, подчас излишне жёстких (включая уголовную ответственность), во-вторых. Другие возможности обсуждаемы, когда открыто окно диалога.

И, наконец, есть сферы, на регулирование которых государство, в общем-то, не претендует – или пока не претендует. И поскольку интерес государства – пока? – к этим сферам не очень велик, для медиасообщества в них открывается немало возможностей. Например, в том, что касается предложений журналистам определённых форматов работы с какими-то темами – с поиском информации, в частности.

На мой взгляд, первое, с чего нам имело бы смысл начать – это с попытки освежить, в диалоге с медиасообществом, представления о том, какие именно сферы у нас пока остаются не зарегулированными законами. На каких направлениях мы можем проявить активность, чтобы помочь и журналистам, и, возможно, другим распространителям контента, ориентирующимся на стандарты журналистики. Я в данной ситуации говорю о блогерах, но также и о тех информационных проектах, которые сознательно, в силу очень высоких правовых рисков, не регистрируются в качестве средств массовой информации в Роскомнадзоре, но при этом работают, по сути, в формате журналистики, практикой подтверждая, что для них важны этические ориентиры и журналистские стандарты. Если такие стандарты будут прописаны, рекомендованы, обнародованы, то мы получим шанс и избежать жёсткого регулирования со стороны государства в определённых вопросах, и повысить качество нашей прессы.

Выделив эти три блока, я сейчас кратко обозначу положение в каждом из них. Моя задача, как я её понимаю, – проблематизировать нынешнюю ситуацию, дать представление о лабиринте, в котором мы находимся, и предложить вам подумать, какие выходы из него мы можем найти.

Начнём с того, что традиционно регулируется на законодательном уровне, то есть с того, куда нам вроде бы дорога закрыта. Не думаю, однако, что и в этой сфере всё так безнадежно. Оглядываясь на опыт других государств, мы видим, к примеру, что окно возможностей существует в вопросах регистрации. Считать ли средством массовой информации исключительно такую компанию, которая имеет свидетельство о регистрации, прошла официальную регистрацию в специальных государственных органах, – или также и тех, кто заявляет о себе как о компаниях *формата массмедиа* и при этом работает по определённым, признанным таковыми профессиональным стандартам? При том, что регистрация и лицензирование являются прерогативой государства, у нас и здесь, как мне кажется, есть определённое окно возможностей.

Совершенно точно регулируется на законодательном уровне (и, как мы видим, достаточно активно) ответственность цифровых посредников при распространении информации, в том числе, журналистами. Здесь нам важно обратить внимание на то, что для цифровых посредников установлен очень высокий порог ответственности. Цифровые посредники – это операторы мобильной связи, интернет-провайдеры, хостинг-провайдеры, социальные сети, организаторы распространения информации. Это те компании, которые, выполняя функции площадок и технических инструментов, позволяют донести информацию от массмедиа до конечного потребителя, до аудитории. Требования, которые сегодня законодатель предъявляет к ним, не просто завышенные. Подчас эти требования существенным и негативным образом влияют на работу журналистов. Не просто затрудняют, но порой сводят на нет (тем, что ставят под серьёзную угрозу конфиденциальность источников информации, например) усилия тех из них, кто работает в жанре расследовательской журналистики.

Здесь масса вопросов, связанных, в том числе, с профессиональными стандартами и с профессиональной этикой. В этих вопросах Коллегии стоило бы покопаться, предложив медиасообществу какое-то своё видение ответов на них. При этом мы должны понимать, что всё равно регулирование цифровых посредников, выдача им лицензий будет производиться государством. Вопрос только в том, до какого уровня детализации захочет идти государство, с одной стороны. И в том, с другой, что отсутствует какое либо движение навстречу ему со стороны медиасообщества. Если это движение не появится, то государство, полагаю, займёт всю эту нишу и будет регулировать всё, что посчитает необходимым или важным в этой сфере.

Понятно, что на законодательном уровне регулируется ответственность за наиболее серьёзные нарушения. Я выделяю уголовную ответственность как наиболее очевидную, ну, и административную ответственность за некоторые правонарушения – она тоже представляется достаточно традиционной. Уточню, что данную ситуацию я оцениваю сейчас не только с точки зрения российского законодательства, но и с позиции анализа законодательства Европы и стран СНГ. У нас очень схожие подходы в том, что касается регулирования определённых правонарушений, связанных с распространением информации. Совершенно очевидно, что, например, преступления на почве ненависти с призывами к насилию, разжигание розни в отношении разных групп людей – это прерогатива государства. И Совет Европы рекомендует устанавливать именно уголовную ответственность за преступления на почве ненависти, когда речь идёт о призывах к насилию и о насилии. Очевидна прерогатива государства и в том, что касается разглашения государственной тайны.

Но мы видим, что у нас сейчас вводится в Уголовный кодекс и в Кодекс об административных правонарушениях довольно много составов, где именно уголовная или административная ответственность устанавливаются за распространение информации, в отношении которой далеко не во всех странах предусматривается настолько серьёзная ответственность. Я эту тему отнесла к следующему блоку; здесь упоминаю о ней в связи с так называемыми фейковыми новостями. Они у нас проявились сначала в Кодексе об административных правонарушениях, но в этом году появилась статья в Уголовном кодексе. Мы видим, что аналогичное движение в сторону установления ответственности за фейкньюс сегодня есть во многих странах, но ответственность эта редко рассматривается как уголовная. Здесь я вижу довольно широкое окно возможностей для саморегулирования и сорегулирования, скажу об этом чуть позже.

Совершенно очевидно, далее, что сейчас на законодательном уровне активно регулируется Интернет и что решения по этой части иногда принимаются достаточно спорные. И речь тут не только об ответственности за распространение информации в Интернете, но и о регулировании самого инструмента, самой площадки. Так называемый закон о суверенном Интернете, «пакет Яровой», но и не только он, вызывает очень много вопросов и, опять же, негативно влияет на работу журналистов.

Возникает вопрос: мы как-то на эту ситуацию повлиять можем – хотя бы своей реакцией, высказыванием своей позиции? Я бы на него ответила так: в этой сфере у нас

возможностей почти нет. Здесь требуется, наверное, переосмысление ситуации, оценка того, каким образом на данном этапе всё в этой сфере отрегулировано – и как нам адаптировать имеющееся законодательное регулирование к журналистской практике.

Нам нужно разъяснить особенности действующего законодательства журналистам, средствам массовой информации таким образом, чтобы они могли по максимуму, допустимому в рамках этого законодательства, выполнять свою общественную и профессиональную миссию. Здесь тоже на самом деле задача достаточно сложная, но она связана скорее с просвещением, чем с попытками изменить законодательство. Видимо, нужно или выработать новые профессиональные журналистские стандарты, или как минимум выстраивать более чёткое представление о тех, что уже существуют.

То, что я отнесла к упущенным возможностям, – на самом деле, большая проблема и большое сожаление. По крайней мере, того регулирования, что сегодня существует в этой сфере, в некоторых вопросах могло и не быть. Вполне возможно, что эти вопросы могли бы быть решены самим медиасообществом, если бы им вовремя была начата в режиме диалога внутренняя дискуссия – и если бы им вовремя был дальше начат диалог с государством относительно урегулирования определённых позиций. Таких позиций я выделила пять. На самом деле, их больше, но вот те, что я считаю основными.

Первая связана с распространением персональных данных в публикациях журналистов. Есть Закон «О персональных данных», его основная задача – защита персональных данных граждан. Сейчас этот закон достаточно часто используется против журналистов и редакций, которые привлекаются к административной ответственности за разглашение персональных данных без согласия граждан. Мы видим, что при его применении работает искривлённое представление о том, как журналистам писать о людях. Вы говорите о человеке, который живёт в условном городе N, называете его имя и публикуете фотографию. Всё, для Роскомнадзора сказанного достаточно, чтобы сделать вывод о том, что распространены персональные данные гражданина без его согласия. У журналистов возникает недоумение: как же вообще писать о людях, если упоминания имени человека, даже в позитивном контексте, достаточно для того, чтобы возник вопрос о нарушении Закона «О персональных данных»? Очевидно, что на этот счёт необходима попытка установления диалога с контролирующими ведомствами. Но я отнесла такую попытку к упущенным возможностям, поскольку закон уже есть и уже применяется определённым образом; тенденции тут – не в пользу журналистов, к сожалению.

Второй блок, который я выделила, – это информация о детях, ставших жертвами преступлений. Это относительно свежее законодательство, изменения, которые были внесены в Законы «О средствах массовой информации» и «Об информационных технологиях и защите информации», а также в Кодекс об административных правонарушениях. И здесь мы видим очень высокий порог ответственности: штраф до миллиона рублей на редакцию, блокировка публикации – правда, в судебном порядке.

В Центр защиты прав средств массовой информации, который я возглавляю, журналисты постоянно обращаются за юридической помощью, за консультацией, за разъяснением каких-то вопросов, связанных с правовым регулированием. Так вот, блок вопросов о том, как писать о детях – жертвах преступлений, самый пульсирующий. Как писать о детях, которые пропали, которых разыскивают полиция или поисковая организация, например? В ситуации и в момент, когда об этом надо писать, чтобы успеть спасти ребёнка, ты не будешь бегать с родителями этого ребёнка, не будешь даже просить у них согласия на распространение информации о пропавшем ребёнке. Но вот ребёнка находят. И тут же возникает вопрос о том, насколько легитимна, с точки зрения закона, уже опубликованная информация, поскольку на её опубликование нужно было получать согласие родителей. Скажу здесь же, что под большим вопросом оказались публикации о домашнем насилии в отношении детей. О ситуациях, когда сами родители подозреваются в преступлении. Здесь мы видим очевидные нестыковки даже и в том, что касается самого закона и его применения, не говоря уже о разногласии между правовыми нормами и целями, ради которых эти нормы были введены в законодательство. Мы понимаем, что вводились они в целях защиты ребёнка,

который попал в тяжёлую жизненную ситуацию, что огласка для него может быть психологически очень серьёзна. Но повышается ли защита того же ребёнка, если у журналиста, который сегодня не понимает, как на эти темы писать, включается самоцензура?

Учитывая, что закон уже принят, и наблюдая за тем, как он используется по отношению к журналистам и к медиа, я и это направление отношу к упущенным возможностям. Но как раз тут ситуацию не считаю безнадёжной. Мне думается, что возможность диалога на этом направлении не исчерпана. И что для нашей Общественной коллегии тема эта могла бы быть признана достаточно важной для того, чтобы попытаться обсудить её и с медиасообществом, и с государством, с представителями контролирующих органов, а также с теми общественными организациями, начиная с известной всем «Лиза Алерт», которые занимаются поисками пропавших людей.

На этом направлении жёсткое правовое регулирование объективно вошло в конфликт с общественным интересом: это видно по той практике, которая складывается, это мы знаем. Но мы знаем и то, что в документах, относящихся к профессиональной этике журналиста, у нас ни слова нет о том, как писать о детях – жертвах преступлений.

Ещё о детях. В Законе «О СМИ» есть пояснение (ст. 41 «Обеспечение конфиденциальности информации»), каким образом пишется о детях, которые совершили преступление, подозреваются в его совершении, совершили административное правонарушение или антиобщественное действие. Здесь, на самом деле, провал в понимании журналистов – как вообще освещать эти темы. Журналистов приглашают освещать мероприятия в колониях – и тут же оказывается, что публикации становятся проблемой с точки зрения Закона «О персональных данных», нормы которого вступают в противоречие с той же ст. 41 Закона «О СМИ». При этом никаких этических стандартов, применимых в этой ситуации нет, как нет и предложений на этот счёт для медиа от медиасообществ. Как результат: журналисты ориентируются пока только на закон, а закон, по сути дела, запрещает им что-либо говорить.

Третий блок – освещение контртеррористических операций. Все вы помните, после каких событий появилось соответствующее положение в Законе «О СМИ»: после теракта на Дубровке. Здесь действительно есть проблемы. Но нет ни диалога в медиасообществе о том, как освещать проведение контртеррористических операций, ни профессиональных стандартов на этот счёт. Отсутствие как первого, так и второго является проблемой.

Четвёртый блок – освещение самоубийств. И здесь законодательство относительно свежее. И проблема серьёзная, поскольку тема освещения самоубийств у нас фактически оказалась под запретом. СМИ нельзя освещать методы самоубийства, причины самоубийства, события, связанные с самоубийством, обстоятельства самоубийства нельзя детализировать. Журналисты говорят: без детализации мы не можем ничего написать. А как им писать о проблемах хосписов, оказания паллиативной помощи на терминальной стадии рака, когда люди кончают жизнь самоубийством? Материал с попыткой понять, почему человек на это решился, сразу попадает под блокировку.

Тут проблема общезначимая, в формате чистой статистики тему самоубийств освещать невозможно. И здесь тоже мы упустили возможность начать диалог с общественными организациями, с медиасообществом относительно того, что в материалах на тему самоубийства допустимо с этической точки зрения. Многие редакции в итоге просто не берутся за эти темы.

И последний блок. Тема, которую я уже упоминала, – дезинформация по общественно значимым вопросам, фейкньюс. Мы видим, что последние изменения в законодательстве, в частности, введение с 1 апреля 2020 г. в Уголовный кодекс РФ статьи 207.1 («Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан»), дали возможность возбуждать уголовные дела за распространение заведомо ложной информации или просто недостоверных сообщений, связанных с нынешней пандемией коронавируса. Все эти дела очень спорные.

Россия не является законодателем моды, в частности, в законодательном регулировании

фейкньюс. Мне, правда, не нравится то, как легко и активно пресса, а иногда и эксперты, употребляют это слово. Такое словоупотребление и у самих журналистов, и у правоприменителей создаёт или может создать ощущение, что речь идёт о любых фейковых новостях. Это не так. Законодательства во всех странах, где приняты нормы, касающиеся ответственности за распространение дезинформации, всё-таки говорят о пресечении дезинформации намеренной, при этом в ситуации, когда это может вызвать серьёзные негативные последствия. Очень важно чтобы это было прописано достаточно чётко, аккуратно, чтобы угроза наказания не стала цензурным инструментом.

То, что мы видим в нашем законодательстве по этому поводу, к большому сожалению, оставляет желать лучшего. Сейчас возбуждаются дела по уже упоминавшейся ст. 207.1 Уголовного кодекса РФ в отношении журналистов, которые освещают проблему covid-19. Озвучивая данные по этой новой проблеме, многие из них получают информацию из конфиденциального источника. Раскрыть его они не могут, это запрещено журналисту профессиональной этикой. Эту их профессиональную обязанность и их право защищает и ст. 41 Закона РФ «О средствах массовой информации». Однако, не раскрывая источник, то есть не приводя доказательств достоверности своей информации, журналисты рискуют попасть (как распространители недостоверной информации) под действие той же статьи 207.1 Уголовного кодекса РФ.

Но я и здесь говорю о том, что на стадии разработки новых законопроектов не было никакого предварительного диалога с медиасообществом, а после принятия законов не появились новые рекомендации для журналистов – в том числе профессионально-этические. Журналисты спрашивают: «А как же нам вообще писать? А почему мы не можем писать, ссылаясь на медиков, о том, например, что у них не хватает средств индивидуальной защиты? А как нам по этой тематике работать с конфиденциальными источниками? Медики готовы что-то рассказать, но только не называя имён, поскольку боятся преследований».

Есть масса вопросов, которые мы не поставили вовремя и не рассмотрели. Но что делать: закон уже есть.

Тем не менее вопрос о дезинформации я переношу с пятой позиции предыдущего слайда на первую позицию того, на котором собраны наши гипотетические возможности.

Мне думается, что нам нужно внимательно проанализировать профессиональную и судебную практику, посмотреть, как складываются одна и другая. И поднять вопрос относительно выработки новых рекомендаций журналистам с позиций профессиональной этики, саморегулирования и сорегулирования, пока в эту сферу государство с его жёстким правовым регулированием не пришло плотно. Когда есть угроза привлечения к уголовной ответственности, призыв следовать профессионально-этическим рекомендациям, выработанным годы или даже десятилетия назад, не всем покажется достаточно убедительным. Журналисты, скорее всего, включают самоцензуру и откажутся от освещения важных, но рискованных тем: несмотря на то, что темы эти представляют высокий общественный интерес.

Последний вопрос, который я хотела бы поднять, – это вопрос об информации, опубликованной частными лицами в соцсетях. Соцсети стали активными и востребованными источниками информации. Многие интернет-издания ведут специальные рубрики: «Что сообщают соцсети в наших регионах». Это правильно, это хорошо: люди всегда были и будут источниками информации.

В новой ситуации возникают, однако, новые проблемы – как правовые, так и этические. Правовые решаются достаточно прямолинейно. Правоприменители считают, что если вы взяли информацию из социальных сетей, то вы, распространитель, обязаны доказывать достоверность всех содержащихся в ней сведений.

Но вот этические затруднения, которые Коллегии ближе по профилю. Ситуация: есть закрытый аккаунт частного лица. Журналист, который не является его другом в соцсети, зашёл туда от третьего лица. Вопрос: будет ли распространение такой информации во всех случаях нарушением журналистской этики?

Или ещё пример (поскольку мы получаем очень много жалоб от частных лиц): частное лицо разместило информацию для пяти других частных лиц, а информация эта была распространена СМИ. Как и кому на это реагировать? Мне кажется, тут вопрос, который лучше решать с этической стороны, чем с правовой.

Или работа в режиме смены профессии, когда журналист получает доступ к информации и фактам. Мы сталкивались с тем, что у распространившего такую информацию возникали правовые проблемы. А что тут с этикой?

Ещё тема: сатира и фельетон, знакомые всем жанры, стали популярным основанием для претензий и для использования такого жёсткого инструмента, как блокировка интернет-ресурсов. Очевидно, и здесь есть о чём подумать как медиаюристам, так и медиаэтикам.

Ну, и последнее, на что я хотела обратить внимание: у нас сильно обеднённое, скудное понимание того, что же представляет собой неприкосновенность частной жизни. Наш журналист мало думает о том, что именно он может или не должен рассказывать о человеке, где граница его вторжения в частную жизнь даже и в том случае, когда он, журналист, выступает в защиту общественного интереса.

Это скудное понимание связано с тем, в том числе, что Гражданский кодекс РФ (ст. 152.2. «Охрана частной жизни гражданина») не содержит внятного описания того, что именно относится к неприкосновенности частной жизни гражданина. Не даёт представления об этом и Кодекс профессиональной этики российского журналиста, который о частной жизни говорит только в связи с единственно допускаемым им основанием для вмешательства в эту самую частную жизнь журналиста-расследователя (защита общественных интересов) и требует неукоснительного ограничения таких вмешательств, «если речь идёт о людях, помещённых в медицинские и подобные учреждения».

Между тем, вопросов, связанных с частной жизнью и с защитой её от вмешательства, возникает много. Думаю, что вопросы эти есть резон обсудить именно сейчас на уровне медиасообщества, пока формулировки в законодательстве, связанные с частной жизнью, не расширили до того же вопроса: «А что мы можем писать?»

Я обещала краткий обзор проблем, какими я их вижу, и тех сфер, в которых мы могли бы начать дискуссию, чтобы помочь медиасообществу стать более активным, более смелым, но и менее уязвимым. Чтобы журналистам не приходилось включать самоцензуру, чтобы они лучше понимали, каким образом себя вести в той или иной ситуации, чтобы они могли избегать правовых рисков и при всём этом чувствовать себя профессионалами в лучшем смысле этого слова.

Вопросы и обсуждение выступлений

Михаил Федотов: Спасибо, Галина Юрьевна. Приятно выслушать мнение такого квалифицированного юриста. Я, правда, не со всем услышанным согласен. Вы сказали, что медиасообщества не выработали никаких критериев по освещению контртеррористических операций, но это не совсем так. Хочу напомнить, что ещё в 2001 году мы разработали, а затем приняли *Этические принципы профессионального поведения журналистов, освещающих акты терроризма и контртеррористические операции*. В выработке этого документа участвовал целый ряд журналистов, в 2003 году документ был одобрен VII съездом Союза журналистов России. Другое дело, что он не пошёл в медиасреду так широко, как должен был пойти, не получил необходимую огласку, не был воспринят. Это так, но это другой вопрос. Сами-то правила были сформулированы.

Ваши слова о том, что журналистское сообщество, медиасообщество упустило возможность сказать своё слово в целом ряде вопросов, в которые потом въехало государство со своими инструментами регулирования, – это абсолютно правильно. Инструменты

регулирующие оказались, как и следовало ожидать, очень жёсткими, примитивными, грубыми, не позволяющими решать реальные проблемы с учётом реальных обстоятельств. Это абсолютно правильно. И то, что вы говорили о защите персональных данных, о частной жизни, о несовершеннолетних, – абсолютно правильно. И здесь тоже правовое регулирование обнаружилось очень грубым и примитивным. Формулировки законов оказались крайне расплывчатыми, а там, где правовая неопределённость, – там и произвол, это как бы аксиома. Требовать от нашего сегодняшнего законодателя, чтобы он написал хороший, тонкий, деликатный закон, – дело довольно безнадёжное. У нашей Думы нет для этого необходимого интеллектуального потенциала, нет нужного опыта. Законы там пишут как умеют, а мы потом всё это имеем в правоприменительной практике.

Григорий Томчин: Когда мы говорим, как всё зарегулировано государством, мы всё же допускаем, что у саморегулирования есть свои ресурсы. Саморегулирование – та ниша, куда, мне кажется, нужно уходить от государственного регулирования. Я думаю, что на плохие законы нужно было бы ответить принятием пакета стандартов, касающихся саморегулирования. Чтобы те, кто присоединяется к саморегулированию, уходили от ведения государственного органа в тех же самых вопросах. То есть если ты стандарты принял, присоединился к ним – подпадаешь под ведение общественного органа саморегулирования. Не присоединился – идёшь под государственный орган. Я не очень верю в возможность такого пути, но другой возможности двинуться вперёд у нашей страны, на мой взгляд, нет.

Михаил Федотов: Григорий Алексеевич, у нас в Уставе и в практике работы Общественной коллегии есть правило: обратившийся в Общественную коллегию подписывает Соглашение о признании нашей профессионально-этической юрисдикции и тем самым отказывается от продолжения данного спора в досудебном порядке.

Григорий Томчин: Но я имел в виду не деятельность Коллегии, а регулирование журналистской деятельности, именно регулирование. То есть те вопросы, в которые уже влезло государство. Речь не о жалобах на прессу, а о саморегулировании в тех вопросах, например, которые касаются персональных данных. Нужно, чтобы не государственный орган решал, что это вот относится к персональным данным, а это к ним не относится.

Михаил Федотов: Понятно. Но я бы всё-таки хотел напомнить, что, например, признание норм и правил Кодекса профессиональной этики российского журналиста не освобождает журналиста от обязанности исполнения тех норм, которые ему предписаны законом. Выбора здесь, на самом деле, нет.

Григорий Томчин: Но тогда судить о том, исполнил ли он закон, будет не государственный орган, а саморегулируемая организация.

Михаил Федотов: Да нет, судить об этом будет государство в лице государственных органов, давайте не будем заблуждаться на этот счёт. Попытки превратить медийную корпорацию в саморегулируемую организацию уже предпринимались, напомню, и неоднократно. Но с учётом действующего законодательства о саморегулируемых организациях это абсолютная бессмыслица.

Что касается Коллегии: нам действительно стоит подумать о том, чтобы совместно с медиасообществом выработать некие профессионально-этические нормы, которые были бы пригодны к практическому использованию. Об этом говорит и самый свежий пример – иск компании «Роснефть» к РБК. Меня это исковое заявление заинтересовало как медиаюриста. Все его видели? Боюсь, что нет. А оно того стоило. Ну, во-первых, я там обнаружил совершенно потрясающий абзац, в котором сказано, что в соответствии с пунктом 1 статьи 152 Гражданского кодекса бремя доказывания лежит на истце. Я когда это прочитал, честно говоря,

чуть не упал со стула. Но главное, почему я сейчас об этом заговорил, – это то, что примерно половину искового заявления составляют цитаты из Кодекса профессиональной этики российского журналиста. То есть истец опирается в своих исковых требованиях на правила профессиональной этики. Это примерно соответствует тому, что говорил Григорий Алексеевич Томчин. И я думаю, что это направление правильное. Поэтому, Галина Юрьевна, давайте поработаем над тем, чтобы помочь правоприменителю нашими, этическими правилами. Они помогут нам, а мы поможем тем самым и медийному сообществу, и суду.

Юрий Пургин: Если позволите, я сначала скажу немного по теме выступления Виктора Николаевича Монахова, а потом уже по поводу того, что говорила Галина Юрьевна Арапова.

Что касается медиации, могу сказать, что имею некий собственный опыт в бизнес-медиации, опыт неудачный. Так что, в общем, понимаю, почему не так много людей сегодня стремится к этой форме урегулирования отношений. Но бизнес-истории – это всё же бизнес-истории. Бизнес любит тишину. И решать бизнес-спор с помощью «решалы» какого-то и в условиях тишины – это, наверное, нормально.

Но наши с вами другие истории – про этику, про медийный бизнес – должны всё же приносить пользу не только тем, кто спорит, а и всему остальному сообществу. Потому что выводы из таких историй очень важны для всего сообщества. У нас с вами не всегда откликаются (точнее, почти всегда не откликаются, и это не случайно), например, государственные адресаты жалоб. Но мы при этом всё равно считаем нужным обсуждать жалобы на их публикации, принимать решения, рассказывать об этом – именно потому, что это очень важно для общества.

Публичность, огласка, значимость для общества – вот момент, о котором я предложил бы задуматься, когда мы говорим о медиации.

Второе. Наша с вами Коллегия – это коллективный разум. И этот разум иногда работает на результат гораздо сильнее и точнее, чем разум отдельного уважаемого члена Коллегии. Сила коллективного разума – большой плюс наших с вами решений.

Для меня как для издателя медиация – это в какой-то мере плюс. Решить спор в тишине, когда ты накосячил, удобно. Но я понимаю, что наш оппонент при этом находится в неравной ситуации. Мы же гласно сообщили, что, предположительно, были нарушены его права, что была сделана какая-то ошибка. И значит, эту ошибку нужно исправлять. А здесь получается так, что мы сначала что-то объявляем публично, а потом уходим в тень. И там, в тишине, договариваемся. Это, мне кажется, не есть хорошо.

Я бы посчитал, что медиация хороша там, где у нас на этапе предварительного разбора жалобы находится какое-то достаточно лёгкое решение, реализуемое именно на данном этапе через предложение сторонам. Но я бы никоим образом не углублялся в эту область, не развивал её дальше. Потому что сила Коллегии – в публичности, в коллективном рассмотрении жалоб. Главное, что нужно учитывать: для тех, кто приходит к нам с жалобой, само её рассмотрение – уже реальная сатисфакция, получаемая заявителем. Сатисфакцию он получает, когда жалоба принимается, когда он участвует в её публичном рассмотрении, когда он затем читает решение Коллегии. Да простит меня Виктор Николаевич, но таково моё мнение.

Но если Коллегия примет решение о том, что у нас возможна такая процедура, АНРИ, конечно же, известит своих членов о возможности и такого тоже способа урегулирования конфликтов. Думаю, что мы готовы будем к этому способу активно прибегать в случае, если будем виноваты. Но если виноваты будем не мы, то будем требовать проведения заседания Коллегии, это надо понимать и учитывать.

Что касается выступления Галины Юрьевны. Я её полностью поддерживаю во всём, что касается регулирования рынка новых медиа, о которых у нас сегодня тоже шла речь. С новыми медиа всё сложно, но там пока ещё ситуация не устоялась, там мы проходим стадию теории, осознания процесса.

В том же, что касается сложившегося медиарынка, всё уже перезрело, в этом

проблема. Мы уже должны были бы иметь разумные решения, иметь отраслевые инструменты, которые помогли бы защитить медиасферу. Наверное, что-то можно было сделать с помощью СПЧ, когда Советом руководил Михаил Александрович Федотов. Сейчас труднее, но тоже стоит, наверное, попробовать предложить государству диалог о расширении саморегулирования в медийной отрасли. В этом я бы Галину Юрьевну всячески поддержал.

И последнее, что я хотел сказать, дополняя ситуацию в региональных медиа полученную нами сегодня картину медиа федеральных. Региональная история хуже федеральной уже потому, что мы до 80 % потеряли в рекламных бюджетах. Мы не платим зарплаты (ну, то есть платим, но в размере от 50 до 80 % – вы понимаете, как это плохо). Но самое плохое для нас, независимых региональных СМИ – это то, что и сегодня есть гигантское количество государственных СМИ, которые защищены по всем выплатам. Какая тут конкуренция? Региональные независимые СМИ несут сейчас просто гигантские потери, поскольку рынок упал. Наш-то рекламный рынок – это малый и средний бизнес, в основном, это надо понимать и учитывать. Нынешние времена для нас – самые тяжёлые, даже 90-е были, пожалуй, полегче. Все мы были тогда нищие, но счастливые. А сейчас все и нищие, и несчастливые – такова реальная ситуация.

Виктор Юкечев: Мой вопрос к Юрию Петровичу Пургину по медиатической медиации. Я сейчас ещё раз заглянул в Регламент МЭМ и нашёл там положение, которое предусматривает возможность публикации информации о результатах конкретного спора на сайте Коллегии. Это тоже не устраивает?

Юрий Пургин: Виктор Николаевич пояснил, что это возможно в случае, если стороны об этом договорятся. Как издатель ещё раз скажу: если окажусь виноват, то буду категорически против и такой тоже публичности. Потому что медиация предполагает интимное решение вопроса.

Михаил Федотов: Я думаю, что Коллегия, проводя свои заседания, в известном смысле выполняет функцию медиатора. И хотел бы в связи с этим вспомнить опыт Большого жюри Союза журналистов России, в частности, знаменитое дело «Совет судей Краснодарского края против “Новой газеты”». Когда Большое жюри огласило своё решение, в зале раздались аплодисменты с обеих сторон. В обычном суде увидеть такое практически невозможно. Ну, может быть, за исключением случаев, когда заключается мировое соглашение.

Юрий Пургин: А у Коллегии есть прошлогодняя история с жалобой председателя ЦИК на Associated Press, которая очень похожа по итогу на ту историю.

Михаил Федотов: Мне кажется, что Общественная коллегия достигает своих результатов именно тогда, когда применяются такие квазимедиационные процедуры. Но квазимедиационные процедуры – это, конечно, не медиация. Что касается медиации в сфере СМИ: давайте представим, что к нам обратилось некое юридическое или физическое лицо, по поводу конфликта с неким СМИ. И это лицо говорит: «Мы хотим воспользоваться медиативными процедурами». Мой вопрос: а у нас медиаторы есть? Думаю, что в этой ситуации нам пришлось бы договариваться с сообществом профессиональных медиаторов, мы брать на себя такую функцию, по-моему, не можем. Или я не прав?

Татьяна Андреева: А я бы поддержала Виктора Николаевича, потому что должна быть использована любая попытка разрешить конкретный конфликт. Закон, на который ссылался Виктор Николаевич – «Об альтернативной процедуре урегулирования споров» (2010 г.), – не работает потому, что там много всего «заурегулировано». Это и сертифицированные медиаторы, и много других вопросов. Хотя, возможность, например, обратиться к посреднику (мы тогда не использовали термина «медиатор», ограничивались

нашей терминологией) появилась в Арбитражном процессуальном кодексе в 2002 году. До сих пор сохраняется 158-я статья АПК, позволяющая суду отложить судебное разбирательство, если стороны намерены обратиться к посреднику.

Мы знаем, что наши решения не всегда вызывают такой единодушный отклик, как нам бы хотелось, хотя я согласна с Михаилом Александровичем, что функцию неких примирителей мы всё-таки выполняем.

Пока мне непонятно, как Виктор Николаевич видит роль нашей Коллегии в этих посреднических процедурах. Что касается самих посредников: я категорически против того, чтобы нам обращаться к профессиональным медиаторам. Как вы знаете, процедуру судебного примирения ввели сейчас в судебный процесс. Судьи, пребывающие в отставке, могут выступать в роли посредников. Так почему бы и нам не использовать свои, коллегиальные возможности?

Если не получилось решить спор таким путём, то выступавшие в роли посредников просто не будут потом участвовать в рассмотрении этого спора в обычном режиме, в обычном формате, и всё.

Напомню, кстати о том, что адресат, обратившийся к нам с жалобой, порой отказывается подписывать Соглашение о признании профессионально-этической юрисдикции Коллегии, поскольку не хочет публичности, огласки. Почему бы не попытаться в таком случае именно без огласки попытаться сблизить позиции сторон? Нам ведь важно сохранить возможность урегулировать спор, дать сторонам возможность продолжать заниматься тем, чем они занимаются. Так что предложенные процедуры нужно развивать. Но только боже упаси придать им характер каких-то бизнес-процедур. Я категорически против того, чтобы за посредничество брали деньги. Как только появится какая-то финансовая составляющая, обнаружится бизнес, а тут ничего хорошего Коллегии ждать не стоит.

Михаил Федотов: Я с вами абсолютно согласен, Татьяна Константиновна. И, в связи с этим, снимаю своё предложение о том, чтобы обращаться к профессиональным медиаторам. Но тогда те наши коллеги, которые выразят готовность участвовать в медиативных процедурах, должны будут пройти соответствующую подготовку.

Татьяна Андреева: Только не надо с этого начинать. Нужно сначала посмотреть, способны ли мы работать в таком формате, а потом уже облекать эту работу в формальные, тем более жёсткие рамки.

Михаил Федотов: Но я совсем не за то, чтобы облекать это в какие-то жёсткие рамки. Я за то, чтобы, например, Виктор Николаевич Монахов, если он скажет: «Я готов попробовать себя в качестве специалиста в медиации», – прошёл соответствующее обучение, с точки зрения психологической подготовленности к этому делу, например.

Татьяна Андреева: А может, у него без обучения всё получится?

Михаил Федотов: Ну, без обучения вряд ли.

Татьяна Андреева: Как раз у обученных не всегда всё получается. Если говорить о судах, то у нас центры медиаторов работают в Воронеже, в Екатеринбурге, в Санкт-Петербурге, в Ростове-на-Дону, в Москве при Торгово-промышленной палате. Вот пока и всё. Но до обучения в них шли очень долго. Долго думали, для кого это годится, что из этого выйдет, кто на это способен.

Юрий Казаков: Предлагая идею медиаэтической медиации, я имел в голове три конкретных примера, когда, как мне кажется, мы могли бы решить задачу, не вынося её в публичное пространство. Один пример: заявитель на заседании заявил, что жалобы в

Коллегию вообще бы не было, если бы главный редактор известного СМИ ответил на адресованное ему письмо. Речь в этом письме не шла об извинениях редакции, как я понимаю, – просто об ответе. Если бы заявитель потребовал извинений, всё стало бы сильно сложнее. В этом случае нам бы действительно пришлось включать механизм медиаэтической медиации: с неизвестным исходом дела, кстати сказать, учитывая известное отношение руководителя этой редакции к извинениям.

Что должен отметить: МЭМ – это редкий, не каждодневный формат. Обычный, публичный формат работы Коллегии он не отменяет и не заменяет никаким образом.

Привлекательность МЭМ для меня состоит в том, что с ним мы можем стать более эффективными по результатам. Можем выходить на ситуации, которые обозначаются как «исчерпание спора» – по признанию сторон. Пока мы с такими ситуациями практически не сталкиваемся. Да и вообще замечательно, когда мы вслух, громко говорим в Решениях правильные, этически выверенные слова. Но очень плохо, когда мы свои выводы сделали вслух, громко, а человек, который к нам пришёл за помощью, понимает, что по сути-то дела для него ничего не изменилось, раз на заседании не было адресата жалобы.

Как и Татьяна Константиновна, я категорически против превращения МЭМ в бизнес-услугу. Моё объяснение на этот счёт: Коллегии, не имеющей юридического лица, попросту невозможно иметь дело с услугами, да ещё и платными. Но это во-вторых. А во-первых и в главных – то, что медиаэтическая медиация как этическая процедура, происходящая за закрытыми дверями, должна быть абсолютно и наперёд застрахована от подозрений о том, что она связана с материальной выгодой. Тут вопрос чистоты рук Коллегии, а не просто конкретных её членов, выполняющих роль медиамедиаторов.

И я тоже, как и Татьяна Константиновна, против приглашения медиаторов со стороны. По моим стартовым представлениям, в роли посредников могли бы выступать члены Коллегии, подстраховывающие друг друга профэтик и медиаюрист. При малейшем затруднении, не связанном с этикой и правом, к ним мог бы присоединиться психолог. Но этот подход обсуждаем.

Про выход из процедуры МЭМ: договорились до чего-то – замечательно. Не договорились – возможен вывод той же жалобы на заседание Коллегии, если на этом настаивает заявитель. И, конечно, если Коллегия будет готова принять жалобу, по сути, к рассмотрению заново, уже в обычном порядке. Выполнявшие роли медиамедиаторов в её заседании, естественно, не участвуют.

И не надо бояться версии «Мы сначала огласим факт существования жалобы, а потом всё уйдёт под ковер». Мы ничего вообще сначала не оглашаем. А если и публикуем что-то по такому спору (уже по завершении процесса), то только сам факт того, что спор был рассмотрен с применением процедуры МЭМ и что он урегулирован.

Вопросов по формату и по процедуре МЭМ остаётся и у нас пока много. Но ведь, замечу, и жалобы, которые можно было бы гипотетически рассмотреть в формате МЭМ, в очередь пока не выстраиваются. Если мы примем МЭМ как пилотный проект, если мы таким способом, да к тому же успешно, а не провально, рассмотрим хотя бы 3–4 жалобы в ближайшие год-два, то мы получим основания думать, что вышли на какую-то новую тропинку в медийном саморегулировании, только и всего.

И, поскольку наша конференция заканчивается, одна общая реплика: для меня было чрезвычайно полезно всё, что сегодня обсуждалось и предлагалось. Запись заседаний мы расшифруем, выступления войдут в десятый выпуск «Настольной книги...». И, главное: мы обязательно специально вернёмся после конференции ко всем предложениям и ко всем возражениям по темам, которые составили нашу повестку дня.

Галина Лазутина: На факультете журналистики МГУ уже несколько лет идёт подготовка по направлению медиапсихологии. Это тоненькая, начинающаяся ниточка новой специализации. Мой вопрос, он же предложение: может быть, стоит, не откладывая дела в долгий ящик, обратиться к руководству факультета и продумать возможность подготовки в

рамках этого формирующегося направления специалистов, которые могли бы выступать в роли специализированных посредников, полезных Коллегии?

Надежда Ажгихина: Дорогие коллеги, наши докладчики сказали много важного, и у нас была замечательная дискуссия. У Коллегии, как мы понимаем, есть серьёзная дополнительная миссия: напоминать об основах профессиональной деятельности журналиста и своим коллегам, и обществу. Это не основная задача Коллегии, но забывать о ней не стоит. Мне кажется, что многое из того, что сегодня обсуждалось, требует дальнейшего обсуждения и в профессиональном сообществе, и в обществе в целом. И, наверное, публичность наша в ближайшее время могла бы стать в силу многих причин более заметной.

Леонид Никитинский: Коллегия сегодня по факту становится институтом драгоценным, но очень уязвимым, потому, что мы, по сути, единственная организация, которая поддерживает представления о журналистском стандарте. Этим мы ценны. Но что органу саморегулирования делать в ситуации, когда нет медиасообщества, как организовывать тот диалог, о котором говорила Галина Арапова, я не очень понимаю.

Михаил Федотов: Ну, я бы сказал, что у нас сейчас появились новые люди, которые должны внести свежую струю и привлечь к работе Общественной коллегии новые медийные структуры. Я имею в виду, прежде всего, Руслана Новикова, который не только руководит «АиФ», но и возглавляет Гильдию издателей периодической печати. В новом составе Коллегии – три секретаря Союза журналистов России. Союз выдвигал одиннадцать кандидатов, в Коллегию прошли трое из них.

Мне очень жаль, конечно же, что в Коллегию не прошли многие очень достойные люди. Не прошёл Александр Шершуков, например, который уже был членом Коллегии. Он выдвигался от Федерации независимых профсоюзов России, в которую входят 25 млн человек. Не прошёл Борис Еремеевич Пантелеев, который принимает участие в нашей конференции: замечательный человек, прекрасный питерский правозащитник. Не буду продолжать список, скажу так: давайте исходить из того, что не прошедшие остаются запасными членам Коллегии. Потому что если кто-то выходит, выбывает из состава Коллегии, то его место занимает тот, кто ближе всех стоял к прошедшим в рейтинге по результатам голосования.

Борис Пантелеев: Для меня любое участие в таком классном проекте, как ваш, нужно, важно, полезно в любом качестве: именно потому, что вы делаете нужное и важное дело. И я по мере сил буду готов помогать вам его делать и дальше.

Юрий Казаков: Не скажу, что всех, кто не прошёл в Коллегию, мы позовём в наш Экспертно-консультационный совет. Но людей, настроенных на то, чтобы помогать Коллегии лучше делать своё дело, мы в этот Совет позовём обязательно. После конференции работы у ЭКС будет много, это уже понятно.

Михаил Федотов: Завершая нашу конференцию, должен сказать, что она прошла очень удачно. Удачнее, чем обычно, согласитесь. В 12 часов неожиданно обнаружилось, что у нас лимит на участие в конференции, что участвовать в ней могут всего 100 человек, хотя мне казалось, что в Zoom была выбрана опция «1000 участников». Тысячи не ждал, но когда оказалось, что за пределами 100 стоит большая очередь тех, кто не может к нам войти, потому что уже заполнен лимит посещений, я понял, что наша конференция удалась. Мне кажется, что мы сейчас как бы подхватили волну. Так что давайте на этой волне двигаться вперёд.

**Научно-практическая конференция
«Общественная коллегия по жалобам на прессу
как институт саморегулирования в сфере массовой информации»**

Москва, 26 мая 2020 г.

10.00–10.15. Открытие Конференции

Вступительное слово *Михаила Федотова*, председателя Палаты медиасообщества, сопредседателя Коллегии III созыва.

Вступительное слово *Владимира Лукина*, председателя Палаты медиааудитории, сопредседателя Коллегии III созыва.

1. От «Третьей» Коллегии – к «Четвёртой»

10.15–10.45. «Третья» Коллегия: формальные и неформальные итоги пятилетки 2015–2020. *Юрий Казаков*, сопредседатель Коллегии III созыва.

10.45–11.00. Технический перерыв.

2. Последняя жалоба в III созыве

11.00–12.00. 212-е заседание Общественной коллегии по жалобам на прессу. Рассмотрение обращения Е. Ю. Величкиной на серию материалов «Холодный “Тёплый дом на горе”», опубликованную интернет-порталом «Даптар». Председательствующий – *Михаил Федотов*.

3. Нулевой первый час Коллегии IV созыва

12.00–13.00. Об итогах выборов в Палату медиасообщества и Палату медиааудитории Общественной коллегии по жалобам на прессу IV созыва. *Сергей Шахрай*, декан Высшей школы государственного аудита МГУ им. М. В. Ломоносова.

Формирование Счётной комиссии для подсчёта избирательных записок с фамилиями кандидатов в председатели Палаты медиасообщества и Палаты медиааудитории.

13.00–13.45. Технический перерыв для сбора избирательных записок, поданных членами Палаты медиасообщества и Палаты медиааудитории.

13.45–13.50. Оглашение итогов избрания председателей Палаты медиасообщества и Палаты медиааудитории. Доклад Счётной комиссии.

13.50–14.00. Выступления избранных председателей Палаты медиасообщества и Палаты медиааудитории с предложениями по кандидатурам: сопредседателей Коллегии, заместителей председателей палат.

4. В какое будущее вступаем? К какому готовимся?

14.00–14.30. Вызовы и риски цифровой трансформации медиакommunikации. Как органу саморегулирования не задержаться навсегда во вчерашнем дне? *Иосиф Дзялошинский*, д. филол. н., проф. Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», член Экспертно-консультационного совета Коллегии.

14.30–15.00. Перспективы саморегулирования в новых медиа. *Иван Засурский*, президент Ассоциации интернет-издателей, издатель интернет-СМИ «Частный корреспондент», заведующий кафедрой новых медиа и теории коммуникации факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова.

15.00–15.30. Ставим эксперимент. Новомедийный стандарт – что это? И для кого это? *Каринэ Назаретян*, к. филос. н., эксперт Коллегии, соразработчик Новомедийного стандарта.

15.30–15.45. Перерыв.

5. Между идеально-должным и реальной медийной практикой

15.45–16.15. Аргументы, факты, мнения. Опыт анализа ожиданий от СМИ и реалий современной медийной практики. *Руслан Новиков*, генеральный директор АО «Аргументы и факты», президент СППИ ГИПП, к. филол. н., доцент факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова.

16.15–16.45. Ставим эксперимент. Медиаэтическая медиация как новое направление в работе Общественной коллегии по жалобам на прессу. *Виктор Монахов*, к. юр. н., член Палаты медиааудитории Коллегии III созыва, соразработчик теории и рабочей модели Медиаэтической медиации.

16.45–17.15. Подводные камни российского медийного пространства и запрос на усилия органа само- и сорегулирования глазами практикующего юриста. *Галина Арапова*, член Палаты медиасообщества Коллегии III созыва, руководитель Центра защиты прав СМИ, медиаюрист.

17.15–17.30. Перерыв.

17.30–18.00. Завершающие дискуссии. Подведение итогов конференции.

Иосиф Михайлович Дзялошинский,
 профессор Национального исследовательского университета
 «Высшая школа экономики», доктор филологических наук.
 Телефон: +7 (985) 767-33-70, e-mail: imd2000@yandex.ru

ОБЩЕСТВЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ: ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ

Я хотел бы начать своё выступление с цитаты из написанного Ю. В. Казаковым *Введения* к девятому выпуску «Настольной книги по медийному саморегулированию». Юрий Венедиктович напоминает в этом Введении о том, что основная миссия Коллегии крепко связана с позицией «формирование культуры профессиональной и честной журналистики», а основная задача определяется как рассмотрение жалоб аудитории средств массовой информации «на нарушения правил профессиональной этики и поведения в данной сфере с целью разрешения конкретных информационных споров».

При этом во Введении есть очень важная оговорка о том, что речь идёт о системе, которую «общество ежедневно и ежеминутно *полагает журналистикой*: имея дело как с традиционными СМИ, так и с так называемыми “новыми медиа”».

То есть журналистика – это то, что считает журналистикой общество. Резонный вопрос – какое общество? Американское, западноевропейское, восточноевропейское, китайское, российское? Общество какого периода? Времени Радищева? Герцена? Ленина и Сталина (они ведь тоже были публицистами)? Времени перестройки? Нынешнее? Но тогда какое из нынешних?

Автор Введения и сам видит всю условность ссылки на общество. Об этом свидетельствует его фраза о том, что «условный поплавок погружён не в среду *журналистики* и даже не в *медиа* среду как таковую, а именно в пространство *взаимоотношений* многомерного общества с не всегда различимыми по реальным границам субъектами, производящими масс-медийную продукцию заведомо различного характера и качества, зачастую к журналистике вовсе не относящуюся, но в массовом восприятии обнаруживаемую именно журналистской в основе».

Изначальная противоречивость подхода, когда нормативы цехового, институционального подхода применяются к ситуациям, которые очевидно к этому социальному институту не относятся, закладывают мину под самые основы деятельности Коллегии. Потому что очень многое из того, что общество (а иногда и сами журналисты) считает журналистикой, к журналистике категорически не имеет никакого отношения. Ещё больше это противоречие будет проявляться по мере нарастания трансформационных процессов в мире и в России.

Никоим образом не претендуя на исчерпывающий анализ ситуации, считаю возможным обратить внимание участников дискуссии на некоторые позиции, обсуждение которых представляется мне весьма важным для Коллегии, если она предполагает обновить свой статус и формы деятельности.

РОССИЙСКИЕ МЕДИА: ДЕНЬ СЕГОДНЯШНИЙ

Выше я не случайно использовал словосочетание «социальный институт». Не открою никакой Америки, если скажу, что каждая редакция, каждый конкретный журналист (если он журналист, а не самозванец) является функционером конкретного социального института и то, что он делает, а также то, что он не делает, является проявлением особенностей этого института и взаимоотношений этого института с другими социальными системами. Такая длинная преамбула понадобилась мне для того, чтобы обратить внимание на несколько важных обстоятельств.

1. Информационные и коммуникационные институты становятся в настоящее время центральными подсистемами социума, отвечающими за жизнеспособность иных систем. Это объясняется верой людей в то, что информированность общества – это один из важнейших факторов его прогрессивного развития и его цивилизованности. Обеспечение граждан, государственных и общественных структур информацией осуществляется, с одной стороны, путём постоянного совершенствования систем, технологий и средств информации, а с другой – путём правового регулирования условий и гарантий этого процесса. Особое значение принадлежит массовой информации, собираемой и распространяемой информационными агентствами, а также газетами, журналами, радио и телевидением, которые в своей совокупности именуются средствами массовой информации (СМИ), средствами массовой коммуникации (СМК), или массмедиа.

2. Обсуждая вопрос о месте СМИ в системе социальных институтов, обычно акцентируют внимание на служебной роли СМИ, которые выступают в качестве рупора других социальных институтов. В этом утверждении много правды. Ни для кого не секрет, что в современном государстве представители массмедиа – редакторы и журналисты – оказываются тесно связанными с властной элитой, а иногда и полностью икорпорированными в эту элиту. Примечательно, что подобное положение дел в современном мире воспринимается как норма и не противоречит в умах граждан идее демократического строя. (Было время в период перестройки, когда российские СМИ попытались осуществить на практике доктрину «четвёртой власти», то есть концепцию, согласно которой медиа выступают автономным социальным институтом, реализующим функции выражения общественного мнения и общественного контроля за деятельностью власти.) Начиная примерно с 1996 года, российские СМИ в подавляющем большинстве вновь превратились в ресурс влияния – теперь уже не только власти, но и бизнеса, а с 2000 года российская власть вернула себе практически полный контроль над основными медиаресурсами (кроме отдельных медиа, редакции которых по каким-то причинам сохранили остатки независимости). На сегодня учредителями и собственниками большинства региональных и муниципальных СМИ России являются органы государственной и муниципальной власти, что отражается и на редакционной политике этих изданий, и на их экономической независимости (точнее – зависимости), поскольку, так или иначе, все они субсидируются из средств региональных и местных бюджетов. Нередко СМИ находятся под контролем финансово-промышленных групп, настолько близких к государству, что трудно определить, частные это СМИ или государственные.

Вот характерные примеры. Демьян Кудрявцев со знанием дела утверждает, что «медийный бизнес в России полностью разрушен. Он уничтожен абсолютно. Он уничтожен последовательно влиянием власти и цензуры, попыткой каких-то игроков с другими интересами чего-то в нём решать, когда покупается бизнес медийный, особенно в регионах, для решения внутри мелких политических или коммерческих вопросов, а не для него самого, то есть не для медийности. То есть человек хочет делать не газету, а облагораживать имидж сталелитейного завода. Плюс к этому – я скажу такую странную фразу – ежедневный новостной продукт, будь то газета или сайт, не может быть сильно лучше обстановки в обществе. Вот журнал редкий может, отдельная телепрограмма, выходящая раз в неделю, может, особенно если она выходит в Интернете. А новостной ежедневный продукт – нет. Он в каком-то смысле адекватен обществу не только в том, что он пишет разным частям этого общества, но и в том, как он устроен и как он живёт: есть ли у него на это деньги, подвержен ли он влияниям, флуктуациям и так далее. И если он умудряется из этого как-то обособиться и вырваться, значит, он уж политический продукт, вот как медиа Навального. Это же как бы медиа, но при этом живёт по другим законам. Потому что оно не СМИ. А СМИ в каком-то смысле в эрозийном обществе, когда в обществе эрозия, становится эрозийным, так или иначе. Рано или поздно те люди, которые делают его по другим законам, вымываются, исчезают, с

ними что-то происходит, они разоряются, ещё что-нибудь такое случается. И это тотально за 20 лет произошло. Это можно было ещё сделать с сохранением лица раньше. Теперь все 5 лет, что мы делали хорошо, уже никого не волнуют. Репутация по последнему дню, что «Ведомости» с такой сделкой заканчивают мой кусок биографии»⁵⁰.

Сергей Пархоменко, комментируя ситуацию с газетой «Ведомости», также констатирует, что «в России уничтожен медийный рынок. Он уничтожен осознанно. Он уничтожен путём многолетних последовательных усилий, которые предпринимались с использованием разных средств и приёмов, когда часть СМИ была национализирована, часть была передана под контроль специально назначенным, лояльным предпринимателям, которые совершенно не были заинтересованы в этом бизнесе – я здесь имею в виду, например, Усманова или, скажем, Мамута, – которые брали эти медиа, что называется, на передержку. Дальше уничтожался рекламный рынок, уничтожался рынок распространения. Полностью был низведён до полного ничтожества механизм подписки. Государство следило за тем, чтобы никакого медийного рынка в стране по возможности не осталось. И одной из этих мер был закон, принятый в конце 2014 года в пакете мер, которые были спровоцированы желанием как-то справиться с последними остатками гражданской и медийной, в том числе, активности в России – закон о запрете иностранных инвестиций в медийную сферу, то есть, по существу, закон о том, что иностранцам было запрещено быть владельцами или даже серьёзными, крупными акционерами российских медиа. И с этого момента этот рынок заменён, по существу, имитацией. Одни делают вид, что они покупают, другие делают вид, что они продают. А по существу и те, и другие договариваются с администрацией президента в тех случаях, когда речь идёт о каких-то больших федеральных СМИ. В точности то же самое происходит в регионах. Последовательно этот масштаб снижается на уровень регионов, на уровень больших городов, на уровень районов, на уровень крошечных городишек, где есть ещё сохранившаяся городская или районная газетка. Там происходит в точности то же самое. Никто ничего не покупает, никто ничего не продаёт, но все ходят каким-то образом договариваться о передаче из рук в руки местном начальству»⁵¹.

О ситуации с честной и профессиональной журналистикой в российских СМИ хорошо говорят примеры, приведённые Юлией Латыниной. Администрация муниципального образования Кимовский район – это в Тульской области – проводит тендер и уплачивает 1 миллион 247 тысяч рублей на «Оказание услуг по размещению информации в печатных изданиях». Петропавловск-Камчатский закупает «услуги по освещению деятельности председателя и депутатов городской думы Петропавловска-Камчатского. Статьи, интервью, заметки, комментарии, информационные сообщения. Немного – 192 тысячи рублей. Полянское сельское поселение Выборгского района Ленинградской области на то же самое примерно выделяет 497 тысяч рублей. А, соответственно, в Костромской области уже 800 тысяч рублей на это выделяют. Деятельность администрации города Иркутска – 1 миллион 999 тысяч. Администрация Здвинского района Новосибирской области – 120 тысяч рублей. Город Пермь, оказание услуг по созданию и размещению информационного материала – 4 миллиона 207 рублей. Но это только администрация города Перми. А в Пермском крае есть ещё Министерство сельского хозяйства, оно тоже хочет, чтобы его деятельность осветили, и размещает по этому поводу на сайте Госуслуг заказ на 400 тысяч рублей. Министерство культуры пермское тоже не отстаёт от Министерства сельского хозяйства и размещает – это всё март-апрель – 581 тысячу рублей. Но Министерство социального развития ещё есть в Перми, и оно хочет о себе любимом – 749 тысяч рублей. И, наконец, у них есть ещё Министерство транспорта, и там уже начальная цена – 1 миллион 999 тысяч и 500 рублей. Приморский край. «С последующим размещением в периодическом печатном издании – 17 миллионов рублей». А вот муниципальное образование Курумканский район, это Бурятия, в нём 15 тысяч человек живёт – в нём скромнее, 1 миллион 214 тысяч рублей. И так далее. Вот

⁵⁰ URL: <https://echo.msk.ru/programs/personalno/2634881-echo>.

⁵¹ URL: <https://echo.msk.ru/programs/sut/2630446-echo>.

Джидинский район Бурятии – 900 тысяч рублей... Сахалинская область. Два контракта. Один – 500 тысяч. Другой – 2 миллиона 500 тысяч. Третий – 476 тысяч. Для оказания услуг по созданию и распространению информационных материалов о деятельности Архангельского областного собрания депутатов 3 контракта. Один – на 2 миллиона 280 тысяч, потом ещё на 560 тысяч и третий – на 300 тысяч»⁵².

Юлия Латынина мечет свои язвительные стрелы в административные структуры. Однако у меня возникает другой вопрос: а что думают редакторы и журналисты, которые эти деньги берут и исправно их отрабатывают? И что делать в этой ситуации Коллегии? Ждать, когда появится субъект, который напишет соответствующее заявление? Или можно считать тексты Кудрявцева, Пархоменко и Латыниной такими заявлениями?

Бизнес не в меньшей степени, нежели власть, заинтересован в долгосрочных и перспективных отношениях со СМИ, поскольку СМИ обладают возможностью формировать благоприятный образ компании, что повлияет на её репутацию, которая может быть оценена материально. Учёт репутации позволяет увеличить инвестиционную привлекательность компании, что приводит к повышению эффективности бизнеса. Инструментами взаимодействия деловых СМИ с бизнес-структурами являются публикации, мероприятия, совместные проекты, подкреплённые немалыми бюджетами.

Следует также отметить, что по мере расширения интернет-коммуникаций и власть, и бизнес, и прочие социальные институты всё более энергично осваивают возможности новых медиа и активно используют современные технологии воздействия на сознание и поведение целевых групп, включая нейролингвистическое программирование, нейромаркетинг и т. д.

3. Однако следует понимать, что СМИ – это не только технический рупор. Это множество людей, объединённых в различные организации, которые не только помогают высказаться другим социальным институтам, но и преследуют собственные цели. Другими словами, СМИ всё чаще превращаются из посредника между государством и обществом, бизнесом и обществом в относительно самостоятельного актора социальных процессов. Новой реальностью стала медиатизация, которая выражается в фактическом взаимопроникновении и слиянии полей политики и массмедиа. Критическая дискуссия, которая раньше могла разворачиваться в рамках публичной сферы, вынуждена переместиться теперь в пространство медийных взаимодействий – общественность, на суд которой выносятся медийные инсценировки «по поводу» политики и бизнеса, оказывается фактически вытеснена за рамки реальных межгрупповых коммуникаций. Всё заменили симулякры Соловьёва, Киселёва и прочих телепропагандистов, которым помогают услужливые эксперты.

4. Следствием всех этих процессов является практически повсеместное разочарование в либеральной теории медиа, в рамках которой СМИ воспринимались либо как зеркало, правильно отражающее действительность, либо как «страж порядка» (*watchdog*), то есть некий способ общественности повлиять на политическую повестку дня или решить социальную проблему. Однако эта иллюзия в последнее время окончательно рассеялась. Английский исследователь Дж. Карран полагает, что СМИ сейчас не просто находятся под влиянием крупного бизнеса – они сами являются крупным бизнесом и корректируют медиавещание в своих личных целях⁵³. Что уж говорить о странах, где медиа исполняют роль глашатая власти или рупора политических сил. Уже ни для кого не секрет, что медиа производят не тот продукт, который объективно необходим обществу, а тот, который они могут и хотят производить. Так, например, рассматривая массмедиа как «одну из функциональных систем современного общества», Н. Луман указывал на определённую замкнутость данной системы и её обособление⁵⁴, а информационные технологии делают возможным повсеместное

⁵² URL: <https://echo.msk.ru/programs/code/2631166-echo>.

⁵³ Curran J. *Media and Power*. – London: Routledge, 2002. P. 220–221.

⁵⁴ Луман Н. *Реальность масс-медиа*. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. С. 20.

распространение «продуктов», произведённых в рамках данной системы. При этом немецкий мыслитель предлагает в противовес традиционному восприятию массмедиа как производителя «отражённой» реальности, то есть создателя информационного аналога существующей в действительности реальности, выделение других медиареальностей. Под первой «реальной реальностью» средств массовой информации Луман понимает «протекающие в них и пронизывающие их коммуникации»⁵⁵. Данную реальность составляют бесчисленные внутримедийные операции по обсуждению и подготовке содержания номера газеты или телевизионного выпуска. На данном этапе работы средств массовой информации идёт постоянный процесс взвешивания и отсеивания информации от неинформации, гонка за всем новым, а старым («неинформацией») оно становится, как только прозвучало по радио, было показано по телевидению или напечатано в газете. Именно внутри системы массмедиа и вырабатывается реальность – через производство или придание смысла.

В условиях постоянного избытка поступающей к индивиду информации сами массмедиа, как считает Н. Луман, «производят потребность замещать избыточную информацию на информацию новую»⁵⁶. Подобный процесс становится основополагающим мотивом динамики современного общества.

Массмедиа, отбирая и фильтруя поступающую к аудитории информацию, не только преподносят её как нечто новое и поэтому заслуживающее особого внимания, но и делают акцент на таких качествах преподносимой информации, как степень её проблемности и неожиданности. Таким образом, в рамках «первой реальности» массмедиа идёт процесс постоянного создания специфического информационного продукта, который своим воздействием на общество поддерживает последнее в состоянии бодрствования и реагирования на возникающие проблемы; система массмедиа функционирует в тесной связке с другими системами – политики, экономики, культуры.

Процесс отбора средствами массовой информации всего проблемного и нового, следовательно, потенциально интересного для аудитории и поэтому транслируемого в массовое сознание превращает весь остальной мир в пространство событий, которые ещё требуют последующей селекции и интерпретации. Критически важным оказывается то, что подобный процесс трансляции информации, в чём и выражается постоянное функционирование системы массмедиа, становится значимее и важнее, чем конкретные содержания передаваемых для массовой аудитории сообщений. Соответственно, «первая реальность» массмедиа конструируется в рамках самой системы медиа путём наделения тех или иных событий, явлений и информации определённым смыслом. Придание смысла осуществляется строго очерченной группой лиц (сотрудниками медиаструктур, редакторами, журналистами) и происходит постфактум, то есть смысл приписывается уже произошедшим событиям.

Н. Луман говорит о существовании «второй реальности» массмедиа, которая заключается в том, что «для неё или благодаря ей для других выглядит как реальность»⁵⁷ (*курсив оригинала*, – И. Д.), то есть речь идёт о работе массмедиа по конструированию реальности для широкой аудитории. По мнению Н. Лумана, у СМИ нет доступа к иной реальности, кроме той, какую они сами же и конструируют: «...И следует не критиковать их за искажение подлинной реальности, а изучать те способы, какими они конструируют свою реальность»⁵⁸.

По мнению В. Д. Мансуровой, «образ реальности, создаваемый системой средств массовой информации в эпоху господства информационных технологий, представляет собой

⁵⁵ Луман Н. Реальность массмедиа. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. С. 12.

⁵⁶ Луман Н. Реальность массмедиа. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. С. 42.

⁵⁷ Луман Н. Реальность массмедиа. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. С. 13.

⁵⁸ Луман Н. Реальность массмедиа. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. С. 78.

особый тип реальности – виртуальной социокультурной реальности»⁵⁹. Другой автор пишет о том, что основной характеристикой медиареальности является представление этой картины не как действительной реальности, а как конструкта, замещающего реальность⁶⁰.

Иногда утверждается, что медиареальность конструируется при помощи телевизионной манипуляции, то есть «преднамеренного отклонения информационных потоков от реальной действительности»⁶¹. Для таких ситуаций характерно осознанное управление общественным сознанием, пропаганда, манипулирование и т. д.⁶²

М. Кастельс дал этому явлению иное название – «реальная виртуальность». Он понимал её как систему, «в которой сама реальность (т. е. материальное/символическое существование людей) полностью схвачена, полностью погружена в виртуальные образы, в выдуманный мир, мир, в котором внешние отображения находятся не просто на экране, через который передается опыт, но сами становятся опытом»⁶³. То есть СМИ не просто передают сообщения, но сами настолько абсолютны и всеобъемлющи, что словно вбирают в себя весь человеческий опыт, воздействуя на зрителей, как сам этот опыт.

Качество медиапродуктов, образующих основное содержание современной медиареальности, вызывает у многих практиков и исследователей, которые оценивают его с точки зрения влияния на культурное и нравственное состояние общества, вполне обоснованное негодование.

В проведённом на ряде факультетов журналистики исследовании студентам старших курсов было предложено написать эссе на тему «В чём обвиняют журналистику?», в которых они не только формулировали свои претензии к профессии, но и приводили примеры из различных СМИ. Результаты трёхлетнего исследования оказались ошеломляющими⁶⁴. Выяснилось, что студенты прекрасно осведомлены об основных пунктах общественного негодования по поводу СМИ. И не просто осведомлены, но и – как правило – полностью разделяют этот гнев. Что же именно возмущает будущих корифеев клавиатуры, микрофона и камеры в деятельности российских СМИ?

Для обозначения предметов негодования используем понятие «смертный грех». Этим понятием в христианстве обозначают грехи, которые ведут к гибели души. Есть ещё одно любопытное толкование. «По слову преподобного Иоанна Лествичника, смертный грех – это грех, который не признают грехом и в котором не хотят каяться». Не будем вдаваться в рассмотрение тех страстей, которые смертными грехами считают священнослужители, а сразу перейдём к профессиональным грехам. Первая десятка претензий к СМИ выглядит следующим образом (*Табл. 1*)⁶⁵.

⁵⁹ Мансурова В. Д. Журналистская картина мира как тип социокультурной реальности: автореф. дис. док. филос. наук. – Барнаул, 2003. С. 5.

⁶⁰ Яковлева Э. В. Медиареальность: особенности её конструирования и применения в политических целях. – URL: <http://web.snauka.ru/issues/2016/06/68870>.

⁶¹ Борецкий Р. А. Телевидение как социальная технология и социальный институт // Телерадиоэфир: История и современность. – М., 2005. С. 73.

⁶² Старобахин Н. Н. Освещение социально-политических событий в теленовостях как способ конструирования реальности // Медиаскоп. – URL: <http://mediascope.ru/node/251>.

⁶³ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М., 2000. С. 351–352.

⁶⁴ См.: Дзялошинский И. М., Дзялошинская М. И. Десять «смертных грехов» журналистики глазами будущих журналистов // Медиаскоп. 2011. № 4. – URL: <http://www.mediascope.ru/node/952>.

⁶⁵ Подробнее см.: Дзялошинский И. М., Дзялошинская М. И. Десять «смертных грехов» журналистики глазами будущих журналистов // Медиаскоп. 2011. № 4. – URL: <http://www.mediascope.ru/node/952>.

Таблица 1
Иерархия претензий, предъявляемых к журналистике
 (% к числу опрошенных)

№№	Название «греха»	%
1	Вторжение в частную жизнь	18,4
2	Навязывание недостоверной повестки дня. Создание иллюзорной картины мира	14,5
3	Формирование нереалистичных жизненных сценариев	12,3
4	Травматизация психики людей, формирование чувства страха и безысходности	12,3
5	Уничтожение репутации (нанесение урона репутации)	10,0
6	Разрушение моральных устоев	9,5
7	Разжигание социальной агрессии и нетерпимости	6,7
8	Засорение и отравление умов детей и подростков	6,2
9	Создание и навязывание стереотипных образов (идолов и отверженных)	5,0
10	Насаждение мракобесия (продвижение мистики)	5,0

Особенно резкие оценки получает деятельность телевидения, в вину которому вменяется то, что «телевидение в силу своей специфики не может вместить в себя всю жизнь – лишь то, что попадёт в объектив камеры, то, что привлечёт внимание журналиста. А значит, любое сообщение СМИ, даже самое беспристрастное – это уже не событие, а лишь его отражение. «Демонстрация реальности с помощью телевизионной камеры и режиссёрского монтажа, пусть совершенно “нейтрального”, внешне лишённого авторского подтекста, есть смоделированная реальность...⁶⁶».

Такое пристрастное отношение именно к телевидению объясняется тем, что телезритель верит показанной «картинке», возможно, даже больше, чем событиям, увиденным в жизни. Как отмечал М. Маклюэн в своей книге «Постижение массмедиа», сам характер или «форма» телевизионного сообщения, накладываясь на передаваемую информацию, существенно изменяет его: сообщение, переданное по телевизору, становится «телегенным»⁶⁷. Более того, считается, что воспринимаемая зрителями как подлинная, телевизионная реальность влияет на их действия и установки, на их поведение и тем самым формирует, меняет существующую реальность.

Одним из самых ярких критиков российского телевидения и медиа в целом был Д. Дондурей. По его мнению, телевизионное сообщество – небольшая, но очень влиятельная каста, поскольку её лидеры не только распределяют огромные ресурсы, но и влияют на статусы людей, образы действительности, определяют взгляды и мнения миллионов людей. Электронные СМИ сегодня не только главные информаторы и просветители, но и настоящие

⁶⁶ Арутюнова Н. В. Образ реальности на телеэкране и избирательный процесс. – М., 2003. С. 27.

⁶⁷ Маклюэн М. Постижение массмедиа. – М., 2003.

силовики, искусные стражи миропорядка, охранники власти, её секретные службы и, в конечном счёте, куда более сильный инструмент, чем, скажем, войска⁶⁸.

Подводя предварительные итоги, можно сделать весьма важные выводы:

- Пресса и другие средства массовой информации не отражают реальность; фильтруя поступающую информацию, массмедиа формируют представление о реальности. Эти представления структурируются повесткой дня, понимаемой как ограниченный комплекс важных – с точки зрения медиа и стоящих за ними сил – проблем и событий.

- Медийная повестка дня в своей основе определяется интересами элит, включая журналистскую элиту. Те, кто контролирует СМИ, решают, что должно сообщаться публике. Руководители СМИ, связанные социальными и личными отношениями с разными группами элит, принимают решения по поводу того, о чём должны знать люди, о чём они должны думать и какие проблемы они должны считать более важными, а какие – менее. С этой точки зрения, средства массовой коммуникации – руководители каналов, редакторы, режиссёры, журналисты – выступают в роли сервисной службы элит.

- В цепочке элементов, создающих повестку дня и медиареальность, большую роль играют специально создаваемые события типа «Прямой линии с президентом». При этом запланированность, отрепетированность и специальный отбор «народных» участников – эти видимые глазу имитационные технологии прекрасно осознаются любой аудиторией, что превращает такие события в ритуальный элемент медиареальности, не воспринимаемый массовой аудиторией в качестве значимого элемента своей картины действительности.

- Вместе с тем, помимо важных для элит тем и проблем, в информационную повестку дня включаются темы и проблемы общего интереса, отбор которых осуществляется самими журналистами на основании критериев, о которых писал П. Бурдье: драматичность, сенсационность, зрелищность, постоянное стремление к новизне, зависимость от других средств массовой информации.

- Концентрация тем в средствах массовой информации по нескольким вопросам и субъектам приводит к тому, что эти темы и субъекты действительно становятся предметом группового и межличностного общения, но не всегда затрагивают глубинные интересы людей, делающих вид, что поднимаемые СМИ проблемы их волнуют.

- Любое коммуникативное действие опосредовано обязательными нормами, которыми определяются взаимные поведенческие ожидания и которые должны пониматься и признаваться, по крайней мере, двумя субъектами, осуществляющими коммуникацию. В свою очередь, профессиональные стандарты, личные, профессиональные и корпоративные интересы производителей контента определяются состоянием общества (духовным, политическим, экономическим), следовательно, и содержательно-формальные характеристики медиареальности коррелируют с жизнью общества и системой его ценностей. Таким образом, без риска ошибиться можно утверждать, что медиаконтент (он же медиареальность) обусловлен экономическим, политическим, культурным, историческим дискурсами общества, их движением и развитием, которые определяют контекстуальную сторону содержания коммуникаций. Если сказать грубее – «Неча на зеркало пенять...»

- Главное отличие сегодняшней ситуации от той, какой она была во времена Гомера или Гуттенберга, заключается в том, что количество производителей образов и смыслов практически сравнялось с количеством потребителей этих продуктов. Сегодня в мировом производстве разнообразных медиапродуктов участвуют сотни миллионов, а может быть, и миллиарды авторов. При этом значительно возрастает роль посредников, в качестве которых выступают мощные информационно-коммуникационные системы, благодаря которым

---

⁶⁸ Дондурей Д. Б. Претензии интеллигенции к телевидению – это претензии к самим себе. – URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=413843>.

субъект наблюдает уже не события, а наблюдения за событиями, «на всех уровнях произошло слияние двух ранее разделённых сфер – мира и картины мира – до неразличимости»⁶⁹.

• Если обобщить имеющиеся в экспертной среде материалы, то можно констатировать, что в настоящее время сложилось несколько основных подходов к поиску способов минимизации возможного вреда, наносимого массмедиа. В качестве основных предлагаются теории информационной и медиабезопасности, теории медиаобразования, теории медиаэтики, теории медиаэкологии, теории устойчивого развития медиапространства и др.⁷⁰ Ни в коей мере не умаляя значимости всех этих теорий, приходится констатировать, что их авторы исходят из убеждённости в незыблемости сложившегося порядка вещей. Между тем, есть все основания полагать, что этот порядок вещей уже разрушается, а в ближайшем будущем от него и вовсе не останется камня на камне.

ЗАВТРАШНИЙ ДЕНЬ ЦИФРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Россия, пусть не в первых рядах, пусть практически в арьергарде, но всё равно находится в переходе к глобальной цифровой цивилизации. Уже очевидны как позитивные, так и негативные эффекты глобализирующейся коммуникации. Что касается позитивных эффектов, то обычно указывают на то, что новые средства информации и коммуникации:

- помогают преодолеть многие из физических препятствий для коммуникации (удалённость, недостаток времени);
- повышают возможности участников коммуникации довести до других и обосновать свою точку зрения, организовывать дискурсы и участвовать в дискурсах (увеличивают информационную ёмкость общества, снижают издержки обмена информацией);
- делают более прозрачными и даже в некоторых случаях снимают границы институтов и культур, продуцирующих конвенциональную мораль «субстанциальной нравственности»;
- повышают степень свободы личности и предоставляют большее, чем прежде, количество предпосылок для укрепления постконвенциональной морали.

Что касается негативных эффектов, то их палитра гораздо шире. Обобщение существующих работ даёт основание для формулирования длинного списка фундаментальных вызовов, ответ на которые определит ближайшее и более отдалённое будущее человечества в целом и России, в частности.

Геоцивилизационные вызовы

Научно-техническое развитие конца XX столетия резко изменило облик ставшего привычным мира. На смену индустриальной эре с её заводами, паровозами и ориентацией на естественные ресурсы (газ, нефть, зерно, лес и т. п.) пришла постиндустриальная эпоха, в которой доминирующими становятся, с одной стороны, высокие технологии и связанные с ними информационные, коммуникационные отрасли, с другой – биотехнологии, а центральным ресурсом – знания. Высокие технологии перестраивают привычные сферы человеческой деятельности, которые всё в большей степени оказываются «завязанными» на компьютеры, Интернет, телекоммуникацию – это торговля, финансовая деятельность, образование, медицина и даже быт. Информационные и коммуникационные технологии внесли решающий вклад в становление современной глобальной хозяйственной системы, сделав возможным разделение труда действительно в планетарном масштабе. Её результатом стала координация деятельности по производству, комплектации и реализации различных товаров и услуг в планетарном масштабе. В последние годы эти технологии стали интенсивно

⁶⁹ Савчук В.В. Медиафилософия: формирование дисциплины. Основные проблемы и понятия. – СПб, 2008. С. 39.

⁷⁰ Подробнее см.: Дзялошинский И.М. Риски цифрового мира: модели защиты. Журналист. Социальные коммуникации. 2019. № 3 (35). С. 5–19.

внедряться в повседневную жизнь фактически каждого человека. Всё это ведёт к перестройке привычной политической картины мира, основанной на государственно-центристской модели.

Этот переход неотвратимо меняет ареалы и способы жизнедеятельности миллиардов людей, независимо от того, чувствуют ли они эти процессы и понимают ли их причины и следствия.

Существует множество определений этого нового миропорядка: «информационное общество», «постмодернистское общество», «открытое общество» и др. Эти теории были разработаны в трудах Дж. Б. Фишера⁷¹, К. Кларка⁷², У. Росту⁷³, Э. Тоффлера⁷⁴, Дж. К. Гэлбрейта⁷⁵, Р. Арона⁷⁶ и Д. Белла⁷⁷, К. Поппера⁷⁸ и др. Так, Э. Тоффлер предложил для описания современного мира концепцию трёх волн: одни страны живут в аграрном этапе развития, другие перешли в фазу индустриально-заводской организации социума, приведшей к обществу массового потребления, массовизации культуры, третьи страны вошли в постиндустриальную волну развития, которая характеризуется одолением дегуманизированных форм труда, возникновением нового типа труда и, соответственно, нового типа рабочего.

По мнению российского философа А. Зиновьева, эти определения схватывают лишь какие-то внешние характеристики геопланетарного переворота, глубинные смыслы которого пока ещё плохо осознаны. Видимо, это имел в виду А. Зиновьев, когда очень резко отзывался об авторах, которые обращают внимание на отдельные привлекающие внимание аспекты жизни людей или сенсационные научные открытия и технические изобретения, дают им тенденциозную идеологическую интерпретацию и изображают состояние и будущее человечества так, как будто благодаря информационной технике резко улучшатся жизненные условия людей, так как они будут разумно управляться. На самом деле, по мнению А. Зиновьева, во второй половине XX столетия действительно произошёл качественный перелом в социальной эволюции человечества, сущность которого заключается в переходе от эпохи господства человеческих объединений типа (и уровня) обществ к эпохе господства объединений типа сверхобществ.

Для того чтобы понять на научном уровне, что это такое, нужен новый понятийный аппарат, новая социологическая теория, принципиально отличные от средств, используемых в настоящее время в сфере социальных исследований. Чтобы понять, что такое сверхобщество, необходимо ввести понятие социальной организации человеческих объединений, охватывающее все основные аспекты, уровни и сферы организации, а не отдельные явления, в данное время имеющие большой успех и привлекающие к себе внимание обывателей, бизнесменов, политиков, спекулянтов на конъюнктуре и т. д. Необходимо дать эволюционную квалификацию уровней социальной организации, показав при этом, что привычные человеческие объединения, называемые обществами, являются лишь одним из уровней в социальной эволюции. Необходимо установить, в чём именно произошёл эволюционный прогресс в плане возникновения человеческих объединений более высокого уровня социальной организации, чем привычные общества. А это неизмеримо более серьёзная, сложная, трудоёмкая и не имеющая развлекательно-сенсационного эффекта работа, чем

⁷¹ Fisher A. G. B. (1935). *The clash of progress and security*. London: Macmillan.

⁷² Clark C. (1957). *The conditions of economic progress*. London: Macmillan.

⁷³ Rostow W. W. (1971). *Politics and the stages of growth*. London: Cambridge University Press.

⁷⁴ Тоффлер Э. Третья волна. – М.: АСТ. 2004.

⁷⁵ Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. – М.: АСТ, 2004.

⁷⁶ Aron R. (1963). *Dix-huit leçons sur la société industrielle*. Paris: Gallimard.; Aron R. (1966). *Trois essais sur l'âge industriel*. Paris: Plon.

⁷⁷ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. – М.: Academia, 2004.

⁷⁸ Поппер К. Открытое общество и его враги. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.

безудержное словоблудие с идеологическими пустышками вроде «информационное общество»⁷⁹.

Экономические вызовы

Новая экономика в максимальной степени использует новые информационные технологии и новые методы управления, коренным образом отличающиеся от тех, которые в своё время применяли Тайлор, Файоль, Форд, Кейнс, заложившие основы индустриального менеджмента. «Информационная экономика, – пишет М. Кастельс, – заключается в глубоком улучшении технологии и использовании знаний и информации во всех процессах материального производства и распределения на основании гигантского скачка вперёд, в размахе и возможностях системы обращения»⁸⁰.

Переход к этой новой экономике, по мнению М. Кастельса, может быть приравнен к величайшему перевороту, который когда-либо происходил в жизни человечества. Он не идёт ни в какое сравнение с переходом от сельскохозяйственной к индустриальной экономике и даже от индустриальной экономики к экономике услуг, который произошёл относительно недавно и привёл к коренным переменам в жизни как минимум четверти населения Земли, проживающего в странах так называемого «золотого миллиарда».

Но глобализация имеет и явные негативные последствия. Главное среди них то, что она усиливает и закрепляет экономические, технологические и культурные расколы современного мира. Предполагается, что успешное «включение в глобализацию» невозможно без утверждения в экономической и социальной жизни тех институтов, которые господствуют в развитых демократических странах. А это отнюдь не всегда легко (а подчас и нереально) в силу культурных и религиозных причин, исходного уровня развития общества.

Экологические вызовы

В 60-е годы XX века Римский клуб попытался ответить на вопрос, может ли мир развиваться так, как это было до сих пор. Ответ был таков: нет, не может, иначе произойдёт катастрофа. Как основные тогда были обозначены следующие проблемы: проблема истощения природных ресурсов, экологическая катастрофа, грозящая техногенной цивилизации, и как результат – опасное для человека состояние окружающей среды и источников его жизни. Призыв Римского клуба обратить внимание на экологические проблемы был услышан. Так, на угрозу очередного продовольственного кризиса мир ответил примерно в те же годы созданием высокоурожайных сортов зерновых культур для развивающегося мира и некоторым повышением культуры земледелия в узловых, кризисных районах мира (например, в Индии, Мексике). В 1992 году на конференции ООН «Саммит Земли» в Рио-де-Жанейро была принята резолюция «Повестка дня на XXI век». В этом документе была изложена Программа всемирного сотрудничества, направленного на достижение двух целей – высокого качества окружающей среды и здоровой экономики для всех народов мира. В преамбуле этого документа констатируется, что человечество сталкивается с проблемой увековечения диспропорций как между странами, так и в рамках отдельных стран, обостряющимися проблемами нищеты, голода, ухудшения здоровья населения и неграмотности и с продолжающимся ухудшением состояния экосистем, от которых зависит наше благосостояние.

К сожалению, многие из пунктов этого документа так и остались нереализованными. Так что экологические опасности по-прежнему стоят на пороге человечества. Продолжается истощение окружающей среды и её ресурсов. С середины XX века Земля лишилась 1/5 урожайных почв, 1/5 тропических лесов, десятков тысяч видов растений и животных. В основном из-за производственной деятельности людей. Продолжаются процессы

⁷⁹ Зиновьев А. Информационное общество и сверхзадача. – URL: http://elenapyuyhtia.blogspot.com/2015/04/blog-post_638.html.

⁸⁰ Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. – М., 2000. С. 106.

опустынивания, засоления почв, истощения подземных источников. Ухудшаются условия жизни самого человека: качество воды, продуктов, воздуха. Особенную тревогу вызывает процесс деградации сферы существования человека в так называемом развивающемся мире.

Политические вызовы

Политические аспекты глобализации заключаются в ослаблении национальных государств в результате того, что, во-первых, эти государства в настоящее время делегируют всё больше полномочий влиятельным международным организациям; во-вторых, сокращается государственное вмешательство в экономику, а снижение налогов увеличивает политическое влияние предприятий (особенно крупных транснациональных корпораций); в-третьих, свободное перемещение капиталов за границу и легкая миграция людей уменьшают власть государств по отношению к своим гражданам.

Сегодня принятие глобальных решений зависит не только от государств. Возникли и обладают немалыми полномочиями международные структуры. Некоторые исследователи полагают, что уход в прошлое Вестфальской системы (основанной на примате нации-государства, суверенитета и государственного интереса) почти автоматически влечёт за собой передачу некоторых компонентов государственного суверенитета в пользу наднациональных институтов. С этой точки зрения большой интерес вызывает деятельность Интерпола, Гаагского международного суда, Трибунала по бывшей Югославии, подписание рядом стран Соглашения о международном преследовании военных преступлений и др.), которыми государства по взаимному согласию передают часть своих прав в этой области наднациональным учреждениям. Это заставляет многих исследователей видеть будущее современной международной системы именно в многоуровневом ключе. А это, в свою очередь, невозможно без существенной коррекции существующего международного права, в том числе некоторых его принципиальных основ.

Однако эти процессы вызывают недовольство национально ориентированных политических элит. Различные мозговые центры и отдельные авторы разрабатывают концепции информационного, политического, идеологического, правового, культурного и прочих суверенитетов. Нарастает явление, получившее название «война суверенитетов», которая сопровождается локальными и региональными конфликтами. При этом почему-то больше всех беспокоятся о защите суверенитета государства, которые, разрабатывая оружие массового уничтожения, бросают вызов мировому сообществу, оправдывая свои действия интересами национальной безопасности; правящие клики, которые используют принцип государственного суверенитета для предотвращения международного вмешательства по поводу нарушений прав человека, массовых репрессий и геноцида; лидеры, которые под лозунгом противостояния однополярной модели мироустройства стремятся сохранить свою монополию на принятие любых решений, сохранение удобных им правил игры в политике, торговле, финансах и т. п.

Очевидно, что, ссылаясь на право народов самим определять свою судьбу, сохранять свою культурную, историческую и цивилизационную идентичность, эти элиты на долгие годы замораживают интеграционные процессы.

Культурные вызовы

Культурная глобализация решительно изменяет контекст, в котором происходят воспроизводство и развитие национальных культур, вовлекая в этот процесс новые глобальные инфраструктуры беспрецедентного масштаба, которые обеспечивают большие возможности проникновения элементов той или иной культуры через границы государств.

Это приводит к тому, что у многих исследователей возникает ощущение, что глобализация унифицирует и стандартизирует культурные традиции, подрывает жизнеспособность незападных цивилизационных структур. Например, Н.Е. Покровский пишет: «В условиях весьма динамичной культурной эволюции, происходящей в России, возникает необходимость консервации традиционных культурных ценностей

и архивирования культурного наследия как носителя систем ценностных ориентаций, но не только в виде создания разного рода депозитариев, памятников и документов культуры (хотя и их тоже), но прежде всего в качестве «хранилищ» живых ценностей, в том числе и в их деятельностных вариантах»⁸¹.

М. В. Льоса в своем эссе «Культура свободы» довольно язвительно отзывается об авторах публикаций, в которых утверждается, что исчезновение национальных границ и создание мира, соединённого рынками, нанесёт смертельный удар по региональным и национальным культурам. М. В. Льоса называет эти утверждения бредом преследования, возбуждаемого неприязнью и мстительной злобой по отношению к североамериканскому гиганту. А страх перед американизацией планеты является, по его мнению, в большей степени идеологической паранойей, нежели отражением реальности. Возражая авторам этих кошмаров, Льоса пишет о том, что процесс отказа основной части общества от «фольклорно-этнографического своеобразия» вовсе не связан с глобализацией. Этот процесс является, скорее, следствием модернизации, результатом, но не причиной которой оказывается глобализация. Можно, конечно, сожалеть о том, что этот процесс имеет место, и испытывать ностальгию по прежним формам жизни, которые, особенно с нашей нынешней точки зрения, кажутся наполненными весельем, оригинальностью и красками. Но этот процесс неизбежен⁸².

Скорее всего, Льоса прав. В последнее десятилетие возникают всё более регулярные сомнения в однозначно негативном воздействии глобальной культуры на культуры национальные или локальные. Зарождающийся культурный космополитизм, который отбросил бы идею нации как первичной политической и культурной общности, не показал своей живучести в рамках такой культурной общности, как Европейский Союз. И это произошло, невзирая на примерно сорок лет активной пропаганды общеевропейских ценностей⁸³.

Тем не менее государственные институты многих стран обратили внимание на защиту, а иногда и конструирование своей идентичности. Одновременно отмечается стремление к ускоренному развитию локальных культур, малых этносов, обострению их притязаний на суверенитет. В ряде случаев локализация проявляется в стремлении некоторых сообществ к автаркии, демонстрации своей исключительности и самодостаточности, вплоть до экономического, политического, культурного обособления, а иногда и к сепаратизму.

Популярная некогда теория мультикультурализма подвергается ныне жёсткой критике. Однако отрицание мультикультурализма как модели культурного взаимодействия различных культурных сообществ не отменяет необходимости найти такую модель. И не случайно возникают такие проекты, как *интеркультурализм*⁸⁴, а также расширяется интерес к некоторым локальным концепциям (*транскультурализм*⁸⁵).

Социальные вызовы

Формируемая в условиях современной «мозаичной культуры» личность отличается фрагментарностью духовного мира, неустойчивыми эмоциональными реакциями, краткосрочными коммуникационными связями. Не «глобальная деревня» с её устойчивой, внутренне непротиворечивой коммуникативной ситуацией, а «глобальный мегаполис» является образом социальной действительности, порождаемой «мозаичной культурой»,

⁸¹ Покровский Н. Е. Неизбежность странного мира: включение России в глобальное сообщество // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 3. С. 30.

⁸² Льоса М. В. Культура свободы // Foreign Policy. 2001. Январь-февраль / Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. – URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/465>.

⁸³ Щеглов В. В. Глобализирующийся мир и культура. – URL: <http://izvestia.vspu.ru/files/publics/75/160-167.pdf>.

⁸⁴ См.: Паин Э. Невозможность империи и недостаточность нации: концептуализация новой политики – интеркультурализма. – URL: <http://www.liberal.ru/articles/5596>.

⁸⁵ Транскультура. – URL: <http://www.termo.ru/dictionary/951/word/transkultura>; Разлогов К., Орлова Э., Кузьмин Е. Российская культурная политика в контексте глобализации. – URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/4/rossijskaya-kulturnaya-politika-v-kontekste-globalizacii>.

и выражает конфликт вынужденно связанных между собой условиями образа жизни мегаполиса, но имеющих право на независимую личную жизнь людей.

К числу социальных вызовов можно отнести возникший на основе массового промышленного производства особый динамизм жизни, выразившийся, среди прочего, в стремительном росте потребностей людей. Едва ли возможно в предыдущей истории обнаружить ситуации, когда потребности и притязания каждого нового поколения столь разительно отличались бы от предыдущего. Это проявляется как в материальной, так и в духовной, и в политической сферах.

Возросли не только потребности, но и возможности их удовлетворения. Динамизм жизни, углубление интеграционных процессов, реальная транспортная и информационная нивелировка расстояний породили не только новые требования, но и ощущение лёгкости их достижения. Современный мир не только располагает значительными богатствами, порождая всё новые потребности. Одновременно жизнь как бы внушает людям определённую уверенность в том, что завтра мир будет ещё богаче, а удовлетворение потребностей – ещё реальнее.

К социальным вызовам следует, в первую очередь, отнести неравенство в развитии и, как следствие этого, разрыв в уровне жизни. Характерный пример – США, на которых приходится около 4 % мирового населения, потребляют четверть производимой в мире нефти. И это неравенство становится всё больше. ВВП на душу населения в Лихтенштейне составляет 118 000 долларов, в Люксембурге – 108 004 доллара, в Швейцарии – 79 347, в Норвегии – 72 046. А в Афганистане, Демократической Республике Конго, Либерии, Нигере, Мозамбике и десятках других стран – от 300 до 500 долларов на душу населения. По данным *Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО)*, количество людей, страдающих от голода, по всему миру составляет *более одного миллиарда*. Из них 642 миллиона живут в Азии, 265 миллионов – в Африке, 42 миллиона – в Латинской Америке и странах Карибского бассейна, а также 15 миллионов – в развитых странах. По данным ФАО, в мире складывается критическая ситуация, так как число голодающих стремительно увеличивается⁸⁶.

Другая социальная проблема связана с демографическими процессами. В XVIII веке население мира увеличивалось на 250 млн за 75 лет, а сейчас – примерно за три года. Недавно ООН опубликовала прогноз, касающийся роста численности населения на планете. Основной вывод: население будет постоянно возрастать, люди будут позже стареть и дольше жить. Изменения в демографической структуре носят также и расовый, конфессиональный, национальный характер. По прогнозам, больше всего рождаемость повысится в Африке (вскоре количество людей, проживающих на этом континенте, возрастёт до 4 миллиардов, а это примерно половина от всей цифры), при этом во многом этому поспособствует то, что смертность от СПИДа среди африканцев существенно сократилась. В целом, азиатский континент пик роста ожидает примерно в 2050-м году, после чего прирост будет падать, однако в других странах он продолжится.

Неравенство в развитии плюс рост народонаселения порождают третью социальную проблему – массовое перемещение населения из развивающихся стран в развитые. Многих пугают демографические последствия глобальной миграции, меняющие состав и размер населения как страны отправления, так и принимающих стран. Эти последствия для современных развитых капиталистических государств часто оцениваются как катастрофические. По мнению П. Бьюкенена, к началу XXI века количество населения США, родившегося за их пределами, или некоренных американцев, уже перевалило за 30 млн. Каждый год в США приезжает около миллиона официальных иммигрантов⁸⁷.

⁸⁶ ООН: Более миллиарда человек в мире голодают. – URL: <https://newsland.com/user/4297663821/content/oon-bolee-milliarda-chelovek-v-mire-golodaiut/4037818>.

⁸⁷ Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. – М., 2003.

Это приводит к формированию крупных социально-этнических групп, находящихся на нижних этажах общественной иерархии. Возникает новый узел не только экономических, но и – что весьма важно – острых политических и идеологических противоречий, способных дестабилизировать и международную, и во многих случаях внутривнутриполитическую ситуацию. Учитывая демографические прогнозы, согласно которым к 2050 году население Европы и Японии резко сократится (например, в Италии и Болгарии – на 25–30 %), а количество трудоспособных лиц в отношении к лицам старше 65 лет сократится более чем на половину – с 4 или 5 до 2, что ставит под угрозу систему социального обеспечения пенсионеров и нетрудоспособного населения в целом, приходится признать, что замещающая иммиграция является практически единственной возможностью ответить на эти вызовы. В результате число иммигрантов и их потомков в 2040 году составит, например, в Японии, Германии и Италии от 30 до 39 %.

Проблемой являются и взаимоотношения коренных жителей и мигрантов, которые зачастую принимают не межличностный, а межгрупповой характер, создают основу для межгрупповых конфликтов.

Что касается России, то социальная напряжённость, которая была характерной чертой российского социального климата второго десятилетия XXI века, не в последнюю очередь связана с крушением надежд, связанных с обещаниями власти, зафиксированными в Концепции социально-экономического развития России до 2020 года, которая появилась на сайте Минэкономразвития в 2008 году. Согласно этому документу, «к 2020 году россияне будут в среднем получать 2700 долларов в месяц, иметь не менее 100 квадратных метров на семью из трёх человек, а средний класс будет составлять более половины населения. При этом годовая инфляция снизится до трёх процентов». В этом документе говорилось о том, что к 2020 году Россия утвердится в статусе ведущей мировой державы. Поскольку стратегическим объектом инвестиций становится человек, концепция предполагает высокие стандарты жизни населения. В частности, траты государства на образование и здравоохранение достигнут уровня развитых стран. Поликлиники и больницы начнут конкурировать за пациентов, приоритетом медицины станет профилактика. При этом государство будет стимулировать развитие добровольного медицинского страхования (ДМС), включая создание возможности объединения взносов, уплачиваемых в рамках обязательного страхования. Предполагается, что смертность сократится в 1,5–2 раза, а доступность высокотехнологичной медпомощи возрастёт с 10–20 % до 70–80 %. В образовательной сфере вырастет роль техникумов. На их базе будут созданы программы подготовки бакалавров. Но при этом в России планируется построить пятнадцать университетских кампусов. Уже к 2015 году в стране «будет решена в основном проблема беспризорности»: упростятся усыновление и приём детей в семьи. А к 2020 году облегчится жизнь одиноких пенсионеров: они будут полностью обеспечены уходом за счёт некоммерческих организаций».

Реальная средняя заработная плата в России на конец 2019 года – 45 000 рублей, а самая распространённая – 23 500 рублей. 10 % работающих получают не более 12 000 рублей. Минимальная зарплата в России с 2020 года должна увеличиться до рекордных 12 130 рублей в месяц! Россия находится на 3-м месте в мире по числу эмигрировавших, после Индии и Мексики.

Понятно, что диссонанс между обещаниями и реальностью вызывает гнев и желание на ком-то этот гнев выместить. В немалой степени нарастанию этого гнева способствует деятельность Алексея Навального, неустанно демонстрирующего вызывающую роскошь жизни некоторых членов властвующей элиты России.

Социально-психологические вызовы

Одним из важнейших социально-психологических вызовов, на наш взгляд, является дезинтеграция общества, приводящая к нарастающему недоверию к основным ценностям общества, к представителям других социальных сообществ, носителям иных политических взглядов. Частичную вину за эту дезинтеграцию несут массмедиа. Раньше медиа задавали

единые общие универсальные нормы. Даже если человек не был близок к этим нормам, он их, по крайней мере, знал: «Вот это норма в обществе, так считают многие, и это правильно». В настоящее же время медиа сильно фрагментировали общество по отдельным нормативным стилям, и более того, создали такие стилевые ниши, в которых человек пребывает довольно комфортно и автономно. Перестали существовать универсальные медиа. Сейчас медиа демонстрируют высочайшую дифференциацию предлагаемых ценностных позиций и предлагаемых «картин мира»⁸⁸. Всё это приводит к индивидуализации, которая в возрастающей мере определяет лицо постиндустриального общества⁸⁹.

Действительно, трудно представить историческую эпоху, в которой индивид был бы настолько свободен от фиксирующих его положение и статус социальных связей. Логичным и неизбежным следствием в этом случае становится ослабление лояльности индивида по отношению к какой-либо социальной группе, территориальному или профессиональному сообществу. Индивидуализация разрушает онтологические основы формирования коллективностей, обладающих устойчивыми интересами и, что ещё более важно, способностью к самоорганизации, солидаризации и согласованному политическому действию. В особенности её трансформирующий потенциал очевиден в сфере производственных и трудовых отношений. Современные концепции ведения экономической деятельности куда в меньшей степени основаны на физической привязке индивида к рабочему месту и не столь жёстко размечают график рабочего времени.

Эта технологическая новация существенно обедняет возможности консолидации общества по профессионально-классовому принципу и резко снижает вероятность совместного действия со стороны людей, непосредственный контакт между которыми может отсутствовать в принципе.

В современных условиях ощущается острый дефицит институций, структурирующих жизненное пространство значимых сегментов общества, подобных фабрикам XIX–XX вв., которые были чрезвычайно успешны в части эффективности массовых включений в политику и дистилляции политических требований из трудовых и экономических запросов. Сегодня представить себе включения трудящихся масс в регулярный политический процесс, сопоставимые по уровню задач и амбициозности требований и их реализованному объёму, практически невозможно⁹⁰.

Ещё один социально-психологический вызов связан с нарастающей тревогой как интеллектуалов, так и миллионов простых граждан по поводу собственной идентичности⁹¹. Глобализация обострила стремление к защите собственной идентичности и способности сопротивляться и вместе с тем в значительной степени привела к изменению границ идентичностей и, соответственно, культур, которые теперь всё меньше и меньше соотносятся с границами национальных государств и всё больше и больше – со смыслами и значениями разных бытовых жизненных явлений и стремлениями индивидов создавать свои собственные индивидуальные культуры⁹².

⁸⁸ Подробнее см.: Массмедиа как институт социальной дезинтеграции. – URL: <https://wciom.ru/index.php?id=237&uid=9515>.

⁸⁹ Постфордизм: концепции, институты, практики. – М.: РОССПЭН, 2015.

⁹⁰ Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ. – М.: Политическая энциклопедия, 2016.

⁹¹ См.: Дзялошинский И.М., Пильгун М.А. Идентичность российской молодёжи: роль и место событий 1917 года. – М.: Издательство АПК и ППРО, 2017.

⁹² Castells M. (2009). *The Power of Identity: The Information Age: Economy, Society and Culture*, vol. II, London: Wiley-Blackwell; Tomlinson J. (1999). *Globalization and Culture*, Chicago: University of Chicago Press; McCracken G. (2008). *Transformations: Identity Construction in Contemporary Culture*, Urbana: Illinois University Press.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Разумеется, выше перечислены лишь наиболее отчётливо проявившиеся тенденции той трансформации, которую переживает весь западный мир и страны, в той или иной степени интегрированные в этот мир.

Важным следствием происходящих процессов является огромный стресс, который испытывают наши современники, потерявшие опору в традиционной картине мира. Известно, что человек может более-менее спокойно жить и действовать только в том случае, если известные ему знания, ценности, нормы, являющиеся инструментом описания, интерпретации, объяснения и понимания явлений и ситуаций действительности, обладают презумпцией достоверности, а сама действительность, в которой, конечно же, есть странные, необъяснённые предметы и явления, в своей центральной, сущностной части объяснима и в целом понятна. Объяснительные, упорядочивающие картину мира принципы могут иметь какую угодно природу, важно, что человек уверен в их абсолютности и превосходстве над всеми другими принципами. Кроме того, надо быть уверенным в том, что объяснительные принципы не выдумка, что они укоренены в самой действительности. Другими словами, надо верить в идентичность мира самому себе. Отсутствие такой веры практически парализует познавательную и иную деятельность, поскольку лишает человека каких бы то ни было опор.

Особенно отчетливо эта закономерность проявляется в переходные периоды общественного развития. Уже много лет исследователи фиксируют проблему потери веры в то, что люди в принципе способны понять этот мир и уж тем более построить рациональный миропорядок. Многие из того, что казалось безусловной истиной, оказалось заблуждением, ложью или иллюзией. То, что считалось заблуждением, вдруг стало рассматриваться как истина. Для реализации практической деятельности остро нужны новые знания, но они либо недоступны, либо выражены в такой категориальной форме, которая не воспринимается из-за её принципиальной несовместимости с привычными понятийно-терминологическими системами. Таким образом, можно говорить о том, что в общественном сознании происходит смена парадигм, сопровождаемая тотальной релятивизацией картины мира.

По традиции, в подобного рода публикациях автор должен наметить пути решения сформулированных проблем. Как в таких случаях говорит мой самый главный критик – Марина Иоанновна Дзялошинская, должны быть «лошади», намекая на знаменитую историю с назначенным в 30-е годы молодым редактором районной газеты, который к каждой публикации приписывал последнюю фразу: «А потому сдавайте лошадей в Красную Армию». Увы, нет у меня для данного случая «лошадей». Искать их надо всем вместе. И искать безотлагательно!

РАЗДЕЛ 4. ИННОВАЦИОННЫЕ НАРАБОТКИ ПРОЕКТА

От составителя

Несколько вводных пояснений: в данном случае не столько даже от составителя выпуска, сколько от руководителя проекта, в рамках которого двумя высокими специалистами своего дела вёлся поиск на двух пока ещё не открытых Общественной коллегией по жалобам на прессу, но предполагаемых перспективными направлениях усилий российского само- и саморегулирования в медийной сфере⁹³.

Две рабочих гипотезы были заложены в нынешний проект как *этически ориентированные* и *теоретико-прикладные* – «новомедийного стандарта» и «медиаэтической медиации».

Первая – о возможности выработки некоего опорного документа, сам факт появления которого мог бы подтолкнуть не вчера начавшийся в мире, но подзастрывший процесс поиска *самодельными акторами*, составляющими основную массу субъектов *новых медиа*, некоего *свода правил разумного поведения* в добровольно избранной этими акторами и при этом достаточно специфической среде обитания.

Потребность в чём-то подобном находила выражение в своего рода «блуждающих токах» чужого поиска, свидетельством которого становились выходы на поверхность в разные годы и в разных странах сводов принципов или сводов правил, именовавшихся обычно «кодекс блогера».

«Кодексы» эти порой обсуждались, но не приживались. Понятна причина: почти заведомая обречённость попытки найти хотя бы относительно основательный общий знаменатель даже для малой части более чем условного сообщества творцов, объединяемых разве что самим фактом относительно регулярного распространения отдельным актором своего контента, находящего адресата.

Мысль о том, чтобы попытаться преодолеть этот тренд, мне и в голову не приходила до поры до времени, тем более что и область не моя: «чайник» и не блогер. Но однажды по случаю снял с полки привезённую когда-то из Вены брошюру ОБСЕ «Путеводитель по саморегулированию сетевых СМИ» (2013). В брошюре обнаружилось много любопытной, полезной, хорошо систематизированной информации о том новом, что принесла и в саморегулирование тоже цифровая эпоха. Плотный текст был разбавлен единственной «картинкой»: обложкой известного американского журнала. На обложке – монитор с единственным словом «You» в центре серого поля. Текст, связанный с этой обложкой, привожу, обозначая первотолчок, точку старта проектной идеи: «В 2006 году журнал “Тайм” выбрал человеком года “Вас”. На обложке журнала был изображён монитор компьютера iMac, покрытый зеркальной плёнкой, появляющейся в окне у игрока онлайн-видеоигр, которая должна была показывать лицо любого человека, берущего в руки этот журнал в виде онлайн-контента»⁹⁴. Текст объяснения продолжался⁹⁵, но щелчок в голове уже случился. Обычный,

⁹³ Проект «Общественная коллегия по жалобам на прессу как институт саморегулирования СМИ, инструмент формирования основ социальной ответственности “новых медиа” и ресурсный центр защиты прав граждан в сфере массовой информации» реализуется на грантовой основе при поддержке Фонда президентских грантов. Срок реализации проекта – ноябрь 2019 – сентябрь 2020 г.

⁹⁴ Путеводитель по саморегулированию сетевых СМИ. Представитель ОБСЕ по вопросам свободы СМИ. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. Вена, 2013, с.14–15.

⁹⁵ Воспроизвожу продолжение: «Это “Вы” относилось к миллионам людей, которые внесли свой вклад в пользовательский контент Wikipedia, YouTube, MySpace, операционной системы GNU/Linux и множества других сайтов, публикующих материалы пользователей. Пользовательский контент был – и по-прежнему является – одним из модных слов для обозначения новых возможностей, предлагаемых технической инновацией Интернета (так называемым Web 2.0) всем пользователям. Сегодня каждый может производить свои собственные СМИ или контент, подобный СМИ, и распространять их в Интернете, не имея значительных финансовых средств или технических навыков. Это не делает пользовательский контент профессиональной журналистикой, не говоря уже о ценном контенте, но теперь основополагающее право человека на свободу выражения мнения уже не

нормальный человек у монитора, актер новых медиа, создающий и распространяющий контент, вряд ли готов вместо своего живого лица, пусть и не всегда светлого образа, увидеть *образину*, воспринимаемую так и теми, к кому он обращается. Забота о собственном достоинстве, потребность в самоуважении, а с ними и потребность в уважении тех, кто за экраном монитора, для многих не менее важны, чем возможность самовыражения в интернет-пространстве.

Предположение, что акторов такого именно толка не так уж и мало, позволило задаться рядом вопросов. Вот какими стали ответы на некоторые из них.

Что за правила мы вырабатываем, кому и почему они могут быть полезны? Предназначение наших правил – помогать нашему актору, субъекту с выраженной социальной потребностью в распространении контента и с намерением распространять его устойчиво, в выстраивании отношений с внешней для него средой, начиная от адресата его контента. Мы не про долг и не про обязанность, а всего-то про черты лица самовыражающегося на той самой зеркальной плёнке. Мы про корректность поведения, про приличия, в итоге – про доверие. Наши правила *внетехнологические* по характеру и *морально ориентированные* по интенции.

Наши правила – правила *приемлемого поведения* (а лицо на зеркальной плёнке различимо другими, что важно)

Наши правила – заведомо *не кодекс*, поскольку мы вообще не говорим о «принципах» и «нормах»: до них *не сообществам* не договориться в принципе. Наши правила – скорее *стандарт*, простой, да ещё и минимальный по пунктам. Это правила «первой руки»: достаточно универсальные и максимально компактные.

Следование нашим правилам не обеспечивает успеха, переводимого в материальные блага (в блогинге, приносящем доход, работают более сложные правила и алгоритмы), но зато исключает некоторые риски и предупреждает многие конфликты.

Оглядка на наши правила позволяет актерам новых медиа, рассчитывать на известную устойчивость – как собственную, в добровольно избранной среде обитания, так и самой этой среды, поскольку эти правила работают на её экологию.

Итак, мы говорим – наперёд, как о задаче – о формировании компактного свода морально ориентированных правил, следование которым давало бы основание и шанс *самодельному* производителю интернет-контента восприниматься пользователями *персоной грата*, субъектом, достойным внимания и доверия.

Этот свод правил, изначально создаваемый в логике проекта «до востребования», мог бы быть использован, пойдём дальше, и как некий «нулевой вариант», стартовая основа («коврик для вытирания ног», используя образ В. И. Бакштановского и В. А. Чурилова, знакомый всем участникам их *этических деловых игр* древних, перестроечных времён) для самостоятельного нормотворчества каких-то групп новомедийных субъектов, пока что определённо не склонных к самоорганизации, объединению по интересам, – когда и если до этого дойдёт дело. И как хотя бы *примерный* стартовый ориентир для самой Коллегии, когда и если жалобы на *новые медиа*, получаемые ею пока что эпизодически, приобретут достаточно регулярный характер. Ну, не ориентироваться же, в самом деле, Коллегии при отнюдь *не инициативном* выходе в достаточно чужое для неё пространство блогинга на *Медиаэтический стандарт*, легитимными субъектами которого являются именно (и только) *журналист и редакция традиционного СМИ*.

О том, как велась работа на этом направлении, как изменялся сам замысел искомого документа, как условный *стандарт* превращался в *рекомендации*, утрачивая по ходу дела нотки заведомо невозможной для новых медиа *директивности*, в этом разделе подробно рассказывает *Каринэ Назаретян*, которая ведёт это условно «НИОКРовское» направление.

закрепляется за редакциями или традиционными медийными каналами. Важно помнить, что право на свободу выражения мнения в одинаковой степени применяется к отдельным пользователям и гражданам как в Интернете, так и за его пределами».

Понимая, какое количество ям и буераков предстоит преодолеть и разработчикам модели до выхода рекомендаций в живую практику, заранее обращаю внимание читателя выпуска на приводимое в тексте Каринэ Акоповны мнение *Анатолия Арсеньевича Гуляева*⁹⁶, проводящего аналогию с правилами дорожного движения (ПДД) и принципиально не соглашающегося с логикой *минимизации* норм и правил в документе для блогеров.

Здесь приведу, учитывая то обстоятельство, что тема «Кого относить к журналистам» в исследовании эксперта Коллегии возникает не один раз, реплику из письма *А. А. Гуляева*⁹⁷, которая возвращает нас к серьёзной теме разделения производителей контента на *непрофессионалов* и *профессионалов* по факту, включая тех, чей интернет-ресурс не зарегистрирован в качестве СМИ⁹⁸: «Как вы, очевидно, знаете, в Беларуси самый популярный информационный ресурс – tut.by с миллионами посетителей⁹⁹. По нашим меркам, очень много. Но он не зарегистрирован как СМИ (во всяком случае, до недавнего времени) – на нем, в том числе, почта, магазины и пр. Собственно говоря, с коммерческих структур он начинался и только потом стал заниматься информацией. И, следовательно, его журналисты журналистами не являются? Между тем, они выдают качественный информационный продукт. По-моему, не имеет значения, как называется структура, в которой они работают, – они журналисты по сути своей деятельности. Важно, что и как ты делаешь, вот и всё. Как гласит старая поговорка: хоть горшком назови...

Несколько месяцев назад на одной из конференций в Италии мне рассказали, что итальянские журналисты делятся на профессионалов и публицистов. Отличие одних от других только в том, что профессионалы сдают специальный экзамен и потом работают в СМИ. Публицисты не сдают экзамен и тоже работают в СМИ».

Воспроизвожу сказанное как реплику «к сведению». Напоминаю, что и в России, во-первых, отсутствие журналистского образования не является препятствием к приёму на работу в редакцию СМИ, на занятие именно журналистской деятельностью. И что, во-вторых, и в России на вопрос, кого именно относить к журналистам, существуют разные ответы. Журналистом, например, считает себя видеоблогер Евгений Михайлов, решение Коллегии по второй уже жалобе на которого приведено в первом разделе этого выпуска¹⁰⁰.

Основание так считать? Удостоверение члена СЖ г. Санкт-Петербурга. А коли так, то предлагать ли автору, создателю и распространителю *недопустимых*, по мнению Коллегии, материалов, *заглядывать* в *Рекомендации для блогера*, какими они выглядят в последнем проектом варианте, или всё же *требовать* от него следования нормам и правилам, содержащимся в *Кодексе профессиональной этики российского журналиста* и/или в *Медиаэтическом стандарте*: на том основании хотя бы, что в YouTube выпуски его программы смотрят сотни тысяч людей¹⁰¹?

⁹⁶ А. А. Гуляев – журналист и преподаватель, много лет возглавлявший Комитет по этике Белорусской ассоциации журналистов (БАЗ). Автор изданного несколько лет назад в Вильнюсе (не в Минске, к сожалению) учебника «Профессиональная этика журналиста». Член Экспертно-консультационного совета Общественной коллегии по жалобам на прессу.

⁹⁷ Письмо было получено после конференции Коллегии 2020 г. Приводится с разрешения автора.

⁹⁸ На конференции Коллегии 2020 года важные акценты при упоминании этой темы сделала в своём выступлении Галина Арапова.

⁹⁹ В мае 2020-го, признаться, я всего только знал о существовании этого ресурса. В августе 2020-го я на него выходил уже по многу раз в день, как и многие-многие другие российские пользователи Интернета.

¹⁰⁰ В 9-м выпуске «Настольной книги...» опубликовано Решение №197 от 24 мая 2019 г. по первой жалобе на Е. Михайлова.

¹⁰¹ В Решение № 207 от 26 февраля 2020 г. по второй жалобе на публикации Е. Михайлова Коллегия включила пункт, обращённый к Секретариату СЖР: «12. С учётом того, что Коллегией по двум обращениям к ней рассмотрено в общей сложности пять выпусков “Журналистских расследований Евгения Михайлова”, которые можно условно определить как “монотемные”, Коллегия принимает решение направить настоящее Решение в Секретариат Союза журналистов России для рассмотрения сложившейся ситуации и для принятия мер в соответствии с Уставом СЖР». Письмо в Секретариат СЖР, к сожалению, ушло много позже опубликования

Ну, а если бы тот же блогер Евгений Михайлов – с его профессионально выполненным медиапродуктом (говорю о сугубо технической стороне дела, оставляя в стороне вопрос об этической составляющей контента) – не оказался членом конкретного СЖ, то есть если бы на него формально не распространялся *Кодекс профессионального журналиста*, на который он, впрочем, не обращает никакого внимания, то с какой ситуацией мы имели бы дело? С ситуацией «междущичного пространства»¹⁰², называя вещи своими именами.

И что в обнаруженной ситуации делать Коллегии? Как вариант – начинать думать о разработке *специализированного* нормативного документа для создателей интернет-контента определённой, уже выявленной практикой категории авторов, схожей с блогером/квазижурналистом Михайловым: не полагаясь на выработку именно *этических норм* (как обязательных для загрузки контента) платформой, на которой материалы подобного рода сегодня вполне благополучно размещаются. Делаю эту оговорку и потому, в том числе, что тему *платформ* как возможных перспективных носителей этических требований к новым медиа читатель также найдёт в тексте К.А. Назаретян. У меня взгляд на перспективы такого рода не благостный; усилия платформ, ужесточающих требования к контенту, по природе своей не могут носить этического характера, их надо всё время проверять на признаки цензуры, но это разговор для другого места и времени.

Предваряя текст *Виктора Николаевича Монахова*, посвящённый разработке модели *Медиаэтической медиации* (МЭМ), скажу как автор идеи, которая вводилась им в поисковое пространство, что был восхищён способностью своего старого товарища реагировать на новое быстрым откликом и немедленным творческим усилием, умением перевести набросок в методологию, превратить плоское в трёхмерное.

Соглашаюсь с соавтором и разработчиком модели МЭМ: мы пока ещё только начали подбираться ко второму, пилотному этапу работы на этом направлении, к самым первым опытам по переводу теории в практику. Затруднений впереди я вижу множество, одним из основных обозначаю заведомый дефицит той категории жалоб, которые изначально дают надежду на разрешение споров именно с применением МЭМ.

Виктор Николаевич, что понятно, держит в поле зрения, прежде всего, сторону, именуемую в Коллегии *адресатом жалобы*. Я же, перебирая жалобы последних лет, думаю о том, какой хотя бы примерно процент заявителей, обращающихся в Коллегию с болью, обидой, просто раздражением, связанными с этической стороной публикаций СМИ, можно посчитать условно склонными к *улаживанию* спора, а не к его публичному, читай – громкому разрешению? Вспоминаю сказанное на заседании Коллегии по жалобе на публикацию сайтом «МК» информации о гибели роллера в парке Кусково¹⁰³ представителем заявителей: «Мы бы не пришли к вам, если бы на наше письмо ответила редакция». Тут, пожалуй, была ситуация, подходившая для медиаэтической медиации. Догадку задним числом проверить не могу, к сожалению, но это первая ситуация. Какая вторая? Ответ: не знаю, на памяти таких вроде бы нет.

И, поскольку выше были сказаны слова о разрешении информационных споров *в формате МЭМ* и об *улаживании* информационного спора, обозначаю здесь выход в частную, но важную, как мне кажется, тему. С чем именно Коллегии, если она заинтересуется *медиаэтической медиацией*, предстоит иметь дело: с новым для себя способом разрешения информационных споров – или всё же с другим, достаточно резко отличным от канонического, устоявшегося форматом деятельности органа саморегулирования?

Вопрос этот пока оставляю подвешенным в воздухе. Вернусь к нему тогда, когда читатель выпуска получит хотя бы примерное представление о МЭМ, что называется, из первых рук, от разработчика предлагаемой модели МЭМ Виктора Николаевича Монахова.

Решения. Ответа ждём в конце августа.

¹⁰² Замечательно точный образ ситуации в тексте М. М. Жванецкого едва ли не полувековой давности.

¹⁰³ Решение Коллегии № 199 от 18 сентября 2019 г. опубликовано в данном выпуске.

НАПРАВЛЕНИЕ I

К.А. Назаретян¹⁰⁴

РАЗРАБОТКА ПРОЕКТА СПЕЦИАЛЬНЫХ (МОРАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ) РЕКОМЕНДАЦИЙ ДЛЯ БЛОГЕРОВ

Пояснения разработчика направления

Одним из основных поисковых направлений проекта «*Общественная коллегия по жалобам на прессу как институт саморегулирования СМИ, инструмент формирования основ социальной ответственности “новых медиа” и ресурсный центр защиты прав граждан в сфере массовой информации*», который в 2019–2020 годах выполнялся на средства Фонда президентских грантов, было определение *внеправовых* по характеру, *морально мотивированных*, скажем так, норм/правил формирования и распространения *непрофессионального* информационного контента в цифровой среде.

Речь о действиях, осуществляемых не журналистами в зарегистрированных СМИ, а блогерами самого разного толка (обычными блогерами, видеоблогерами, аудиоблогерами/создателями подкастов), так называемыми «я-медиа», «гражданскими» журналистами, публикующими контент на любых платформах, любыми пользователями сети, распространяющими контент на площадках, отвечающих некоторым критериям: регулярность обновления, наличие постоянного автора или авторов, заметный охват аудитории и др.

В рамках этого направления был пройден путь от стартового исследования, начинавшегося с выработки рабочей гипотезы, и разработки первого варианта рекомендаций адресатам, которые далее будут для простоты именоваться блогерами, до последнего на сегодня, но пока ещё определённо не окончательного их варианта, представленного в настоящем разделе.

В промежутке между этими крайними точками были консультации с членами Экспертно-консультационного совета (ЭКС) Коллегии, интервью с практикующими блогерами и внешними экспертами, онлайн-тест, призванный показать отношение к идее проекта широкой (не сугубо профессиональной) аудитории, и, наконец, большой онлайн-семинар с участием экспертов и представителей блогерского сообщества. В предлагаемом разделе отражены основные этапы этой работы.

Как создавались рекомендации

Этап 1. Подготовительный

Первый вариант этических рекомендаций был создан на основании анализа того, что означает термин «новые медиа», как по-новому в цифровую эпоху определяются понятия «журналист» и «СМИ», а также изучения опыта разработки подобных документов в других странах и работы органов саморегулирования («советов по прессе» в принятой международной терминологии) в меняющихся медийных и общественных реалиях. Вот текст

---

¹⁰⁴ *Назаретян Каринэ Акоповна* – кандидат философских наук, эксперт Общественной коллегии по жалобам на прессу.

своего рода *аналитической записки*, написанной автором по углублению в историко-теоретическую часть вопроса.

Мировой опыт осмысления феномена новых медиа и вопрос о расширении задач Общественной коллегии

Появление и распространение Интернета кардинально изменило структуру информационного пространства. «Старые» медиа – печатная пресса, радио и телевидение – всё дальше отодвигаются на второй план, уступая место новым форматам создания и распространения информации.

Традиционные общественные институты вынуждены подстраиваться под происходящие изменения: трансформирующийся медиаландшафт ставит перед ними вызовы, на которые приходится искать ответы. То же относится и к профессиональным институтам, в частности, институтам журналистского (медийного) саморегулирования¹⁰⁵. Общественной коллегии по жалобам на прессу (ОКЖП), как и советам по прессе в других странах, всё чаще приходится иметь дело с жалобами не только на традиционные, но и на *новые медиа*, разнообразие которых сегодня очень велико. В этой ситуации необходима выработка критериев, по которым Коллегия могла бы определять, во-первых, относится ли та или иная жалоба к сфере её компетенции и, во-вторых, на каких основаниях принимать решения в отношении тех *новых медиа*, ситуации с которыми она берётся рассматривать.

Для выработки подобных критериев необходимо разобраться с несколькими вопросами: что мы относим к *новым медиа*, кого в современных условиях можно называть журналистом, нужен ли и возможен ли особый (и именно писанный) *этический кодекс*, который регулировал бы поведение акторов в *новых медиа*. Также имеет смысл обратиться к международному опыту как подобного кодифицирования, так и трансформации советов по прессе в связи с новыми информационными реалиями.

Что такое *новые медиа*

Большинство медиаформатов, которые стали появляться и развиваться с распространением Интернета, меняются настолько быстро, что наблюдатели даже не успевают достаточно глубоко отразиться изменения. Это связано как со стремительным прогрессом самих технологий, так и с широкими возможностями, которые эти технологии предоставляют. В результате никакого общепринятого, а тем более устоявшегося определения *новых медиа* до сих пор не выработано [1].

Чаще всего под *новыми медиа* понимают цифровые и интерактивные средства, используемые для коммуникации, развлечения и предоставления/потребления информации, которые появились и набрали популярность с появлением Интернета. Вот, например, определение из Кембриджского словаря: «*Новые медиа* – продукты и услуги, подразумевающие предоставление информации или развлечений с помощью компьютеров или Интернета взамен традиционных методов, таких как телевидение или газеты» [2].

Как говорит культуролог **Екатерина Лапина-Кратасюк**, *новые медиа* определяются через три основные категории: цифровой код, интерактивность и интеграция [3]. То есть это медиа на цифровом носителе, интегрирующие различные элементы традиционных медиа (текст, аудио- и видеокomпоненты) и предполагающие (или хотя бы допускающие) активное влияние потребителя на контент. Если раньше контент создавался в закрытых профессиональных группах и распространялся по односторонним каналам среди широкой недифференцированной аудитории, то теперь каналы стали общедоступны, содержание может создаваться любым пользователем сети и свободно двигаться в разных направлениях.

---

¹⁰⁵ По установившейся много десятилетий назад традиции все органы подобного рода в международной практике медийного саморегулирования именуется (при большом многообразии их современных названий) *советами прессы* или же *советами по прессе*. – К. Н.

Однако это определение, по всей видимости, либо оказывается неполным, либо начинает устаревать в связи с тем, что развитие *новых медиа* порой принимает довольно неожиданные повороты.

Сегодня к *новым медиа* можно отнести электронные СМИ, социальные сети, блоги, видеоблоги, компьютерные игры, интерактивные энциклопедии, некоторые произведения современного искусства и др. К ним же, однако, логично отнести и телеграм-каналы – несмотря на то, что они не допускают никакой обратной связи (кроме традиционной – через личные письма или сообщения автору, если он или она обнародовали свои контакты). Таким образом, интерактивность как необходимое условие для того, чтобы медиа называлось новым, в данном случае не выполняется.

Отчасти это противоречие сглаживается в модели, предложенной медиааналитиком **Василием Гатовым**. Он пишет: «Различение СМИ по критерию “новые – старые” становится всё менее значимым; любой журналистский контент в том или ином виде попадает в Интернет, становится интерактивным хотя бы в части комментариев и социальной дистрибуции. Более правильным мне лично представляется использовать критерий нативности, исходной цифровой природы некоторых СМИ» [4, с. 241]. Нативное сетевое СМИ в его представлении рассматривает Интернет «как единственную и естественную среду своего существования».

Гатов, как мы видим, ведёт речь только о тех медиа, которые так или иначе связаны с журналистикой или околожурналистским (квазижурналистским?) контентом. Он различает здесь два основных ««класса» <...> работодателей и организаторов деятельности журналистов»: *новые старые* организации массовой коммуникации (класс 1) и *новые новые* организации массовой коммуникации (класс 2). Первые воспроизводят все классические журналистские принципы и процедуры в сети, т. е. по сути являются *традиционными* СМИ, *перенесёнными* в цифровую среду. Вторые же представляют собой по-настоящему «нативные» интернет-медиа, в которых чаще всего отсутствует редакционная иерархия и стандартные журналистские ограничения [4, с. 241–243].

В 2011 году Комитет министров Совета Европы принял *Рекомендацию государствам-членам о новом понятии СМИ* [5]. В документе говорится о том, что в современных условиях необходимо опираться на более широкое понятие СМИ, «которое включает в себя всех участников, связанных с производством и распространением среди потенциально большого количества людей контента (например, информации, анализа, комментариев, мнений, образования, культуры, искусства и развлечений в печатной, аудио-, визуальной, аудиовизуальной или иной форме) и приложений, направленных на содействие интерактивным массовым коммуникациям (например, социальных сетей) или другой основанной на контенте широкомасштабной интерактивной деятельности (например, онлайн-игр), при этом сохраняющих (во всех этих случаях) редакционный контроль или надзор над контентом».

Для уточнения этого понятия было выработано несколько критериев. *Первый критерий* – намерение действовать в качестве СМИ: это может выражаться в самоопределении в качестве СМИ, использовании типичных для СМИ рабочих методов, приверженности стандартам профессиональных СМИ, деятельности по организации массовых коммуникаций. *Второй критерий* – намерение ставить перед собой цели и задачи СМИ: производить, агрегировать или распространять медиаконтент, управлять приложениями и платформами, призванными содействовать интерактивным массовым коммуникациям, организовывать и предоставлять возможность для общественных дискуссий, формировать общественное мнение и влиять на него, продвигать ценности, осуществлять общественный контроль, способствовать образованию, обеспечивать досуг, содействовать культурному и художественному выражению и т. д., регулярно обновлять контент. *Третий критерий* – наличие редакционного контроля, то есть собственно редакции, редакционной политики, редакционных процессов и модерации. *Четвёртый критерий* – наличие профессиональных стандартов, писаных или неписаных, и процедур, обеспечивающих их соблюдение. *Пятый критерий* – значительная сфера охвата аудитории. Наконец, *шестой*

критерий – соответствие тому, чего общество ожидает от СМИ (доступности, плюрализму, многообразию, высоким этическим стандартам, прозрачности и подотчётности).

Здесь может возникнуть терминологическая путаница. Слова «медиа» и «СМИ» иногда используют как синонимы, а иногда говорят о различиях в их значениях. Так, например, мультимедийный продюсер **Оксана Силантьева** пишет: «Разница между СМИ и медиа – это разница между постановкой балета на сцене и хороводом, к которому может присоединиться каждый. Разница между учебным классом, где ученики смотрят друг другу в затылки, и классом, где ученики видят глаза друг друга. А быть может, даже делают что-то вместе» [6]. Но термин «медиа» в его нынешнем употреблении взят из английского языка (“media”), где он означает в первую очередь «СМИ», и другого перевода термина «СМИ» на английский не существует (есть ещё термин “mass media”, который соответствует русскому «массмедиа» и синонимичен “media”). В англоязычной версии рассмотренной выше рекомендации Комитета министров Совета Европы говорится именно о “media”, и в официальной русской версии документа это слово переводится как «СМИ» [7]. В то же время у английского слова “media” есть и другие значения («носители информации», «средства коммуникации»), и в последние десятилетия они приобретают всё больший вес в соответствии с происходящими в медиасреде изменениями. Русская аббревиатура «СМИ» таких дополнительных значений не имела – возможно, именно поэтому ей «на подмогу» в какой-то момент пришёл англоязычный термин «медиа». В итоге, как мне представляется, в современном русском языке «СМИ» продолжает означать медиа, так или иначе связанные с журналистской деятельностью, а «медиа» имеет более широкое значение. Такое понимание я и беру за основу в этом тексте.

Далеко не все новые медиа можно связать с журналистикой: компьютерные игры, интерактивные энциклопедии, произведения современного искусства от неё далеки. Большинство электронных СМИ («старых новых» медиа в терминологии Гатова) продолжают заниматься полноценной журналистикой. Третья же группа новых медиа – паблики в социальных сетях, блоги, видеоблоги, подкасты, телеграм-каналы – представляют собой некую «серую зону»: их авторы чаще всего не профессиональные журналисты, но нередко выполняют функции, ассоциирующиеся с журналистской профессией. Поэтому теперь нам важно разобраться, что же представляет собой сегодня *журналистская деятельность*.

Кто такой журналист в современном мире

Вопрос о том, кто может считаться журналистом, конечно, тоже допускает множество ответов – от строго определённого, например, в российском Законе «О СМИ» до либерального «кто угодно». Наиболее консервативное определение, закреплённое в российском законе, звучит так: «Под журналистом понимается лицо, занимающееся редактированием, созданием, сбором или подготовкой сообщений и материалов для редакции зарегистрированного средства массовой информации, связанное с ней трудовыми или иными договорными отношениями либо занимающееся такой деятельностью по её уполномочию» [8]. Очевидно, что такое определение больше не соответствует реалиям, так как оно не учитывает позднейшего расцвета или даже просто существования не только *новых медиа*, но и просто незарегистрированных СМИ.

В противовес приведённой существует точка зрения, согласно которой искать определение понятия «журналист» вообще не имеет смысла. Так, внештатный консультант Представителя ОБСЕ по вопросам свободы СМИ **Кристиан Мёллер** на вопрос «Существует ли единое общее определение журналиста?» отвечает: «Нет. И его не должно быть. Каждый человек имеет право на свободу выражения мнения, право искать, получать информацию и делиться ею независимо от границ – а в этом и заключаются основные положения должностной инструкции журналиста. Для того чтобы определить, помимо этого фундаментального права, кто может быть назван журналистом, а кто – нет, требуется субъективное суждение или обыкновенное описание занятия человека, приносящего ему доход. Фактически это не имеет значения для реализации права на свободу выражения мнения или для производства и публикации контента в Интернете» [9, с. 22–23].

Интересно, что тот же Комитет министров Совета Европы ещё 20 лет назад (в 2000 году) определял журналиста как «любое физическое или юридическое лицо, которое регулярно или профессионально участвует в сборе и распространении информации для общественности, используя любое средство массовой коммуникации» [10], то есть уже тогда использовал расширительное определение журналиста (о юридическом лице речь в документе идёт в связи с защитой источников информации; в контексте нашего доклада эта часть определения не важна).

Сегодня, когда членство в профсоюзе совершенно не обязательно для того, чтобы быть профессиональным журналистом, когда регистрация в качестве СМИ совсем не обязательна для того, чтобы аудитория воспринимала медиа как СМИ, разделение журналистики на профессиональную и любительскую начинает терять смысл. Слишком много существует примеров того, как «журналисты-любители» работают в большем соответствии с профессиональными нормами и принципами, чем иные «цеховые» журналисты зарегистрированного СМИ, или как люди с журналистским образованием и опытом работы в зарегистрированном СМИ заводят своё собственное мини-медиа в соцсетях.

Представляется, что в соответствии с расширительным пониманием СМИ, предложенным Комитетом министров Совета Европы, и трансформируя его же более раннее определение журналиста, было бы разумно сегодня понимать под журналистом (в широком смысле) *любого человека, который регулярно участвует в сборе и распространении информации не рекламного характера для общественности, используя любое средство массовой коммуникации*. Уточнение о не рекламном характере видится мне важным потому, что современные реклама и PR стараются всё больше мимикрировать под журналистику, и неподготовленному человеку иногда бывает сложно отделить одно от другого. В то же время по российским законам рекламные сообщения должны быть соответствующим образом промаркированы, поэтому под не рекламным контентом в данном случае следует просто понимать контент, не позиционирующийся как таковой. Предложенное определение журналиста может включать в себя людей, ведущих блоги, видеоблоги, не рекламные паблики в соцсетях и т. д., позволяя ОКЖП принимать к рассмотрению подобные жалобы.

Нужна ли новым медиа этика, схожая с профессиональной журналистской?

Всё сказанное поднимает закономерный вопрос: если медиасреда настолько изменилась, что мы вынуждены принять расширительные понятия СМИ и журналиста, то как в связи с этим должна измениться профессиональная (отраслевая?) этика? Должны ли новые участники трансформировавшейся профессиональной отрасли принять те этические принципы, которые существовали на протяжении последнего столетия в традиционной журналистской профессии, или они должны принять их только частично, добавив что-то своё, или они должны принять совершенно новый набор этических принципов? А может быть, раз границы этой отрасли максимально размыты, они вовсе не должны иметь никакой особой этики, кроме общечеловеческой?

Эти вопросы довольно активно обсуждаются в последние два десятилетия. С одной стороны, традиционная и новая журналистика всё ещё воспринимаются как разные явления. Например, СМИ и журналистов уже давно принято называть «четвёртой властью» (это повелось с конца XVIII века [11, р. 281]), но в XX веке появилось выражение «пятая власть», обозначающее «других» журналистов – тех, которые не работают на мейнстримовую прессу и освещает события с иных ракурсов, чем это делает ограниченное количество крупнейших СМИ. А в XXI веке под «пятой властью» стали понимать прежде всего *блогеров*, активистов из неправительственных организаций – представителей новой онлайн-культуры и активных пользователей новых медиа [11, р. 282]. То есть две эти группы («старых» и «новых» журналистов) определённо не мыслятся как единое целое.

С другой стороны, как уже упоминалось выше, «миграция» людей из одной группы в другую (чаще из первой во вторую) становится всё более регулярной и будничной. В этой связи известный канадский исследователь медиаэтики **Стивен Вард** уже не первый год

продвигает идею «открытой» и глобальной медиаэтики – отраслевой этики, которая не может быть сведена только к журналистской профессии и только к одной стране [11]. Вард и его коллега **Герман Вассерман** пишут о том, что профессиональная этика традиционно была очень закрыта: она предназначалась для ограниченной и не сильно многочисленной группы людей, обсуждалась только в пределах этой группы, и повлиять на содержание нормативно-этических документов могли только её члены. В противовес этому «открытый подход к журналистской этике, например, предполагал бы, что этический кодекс предназначен не только для профессионалов, но и для любого, кто использует медиа для осуществления журналистской деятельности» [11, p. 277].

Вард и Вассерман говорят о том, что в современных условиях, когда потребители информации в большей или меньшей степени превращаются в её производителей и распространителей, журналистская этика начинает касаться не только «них» – журналистов в редакции, но и всех «нас» – людей, которые поддерживают циркуляцию фактов, слухов, фотографий, информации, мнений в глобальной коммуникационной сети. По мнению авторов, открытая этика должна, прежде всего, учитывать четыре основные добродетели: *точность, стремление к правде, искренность и открытость к любым мнениям*.

Проводился ряд исследований того, каких принципов придерживаются активные пользователи новых медиа, прежде всего блогеры, и придерживаются ли они их вообще.

Авторы одного исследования 2007 года, проанализировав 30 американских политических блогов, обнаружили, что 3 из них имеют ясно декларируемые этические правила, ещё 3 упоминают о своих этических принципах в некоей «смазанной», непохожей на кодекс, форме, а 24 никакого этического кодекса не имеют. Наиболее популярные ценности, отражённые в правилах блогов, – *правда, точность, приверженность цивилизованному общению в комментариях и минимизация вреда* (и соответствующие всему этому конкретные правила – в частности, «не заниматься плагиатом», «избегать стереотипного представления людей по признакам расы, пола, возраста, религиозной и этнической принадлежности, происхождения, сексуальной ориентации, физических ограничений, внешнего вида или социального статуса») [12].

В другом исследовании того же 2007 года были опрошены 22 блогера, которых попросили расставить в порядке приоритетности основные «обязанности» блогеров. Больше всего голосов получила *приверженность фактологической правде*, затем шли *прозрачность, минимизация вреда, свобода самовыражения, соблюдение этикета в онлайн-общении*, затем – *подотчётность, обязанность регулярно публиковать посты, содействовать интерактивности и служить общему благу*. Другой вопрос в рамках этого же исследования звучал так: «Существуют ли какие-то обязанности, которые всегда должны выполнять все блогеры <...>, чтобы быть “хорошими”? Есть ли что-то, что блогеры никогда не должны делать?» 16 ответивших расположили ответы на первую часть вопроса в таком порядке: «регулярно публиковать посты», «не существует никаких обязанностей, которые надо выполнять всегда», «быть интересными», «давать ссылки при использовании материалов из других блогов», «быть честными и основывать свои мнения на фактах», «декларировать политические или идеологические пристрастия», «писать простым языком», «исправлять ошибки в постах», «активно участвовать в жизни блогосферы»; на вторую часть вопроса – в таком: «сознательно распространять дезинформацию, лгать или преувеличивать», «стирать посты», «нарушать авторское право/заниматься плагиатом», «никаких “никогда” не существует», «заставлять людей скучать», «постить что-то, что не получается подтвердить фактами», «публично раскрывать личность анонимного блогера» [13].

В более масштабном исследовании 2008 года, в котором приняли участие 1224 блогера, участникам задавали вопрос, в каком порядке по приоритетности они расставили бы четыре этических ценности блогера, которые авторы исследования заранее выделили на основании анализа литературы как основные. Этими ценностями были *предоставление ссылок на источники информации, правда, минимизация вреда и подотчётность* [14].

По этим исследованиям видно, что основные ценности, которых хотят придерживаться блогеры, совпадают с ценностями журналистской этики: *говорить правду, минимизировать вред, способствовать свободе выражения мнений*. Из них же вытекают конкретные правила: не заниматься плагиатом, давать ссылки на источники, избегать дискриминации, декларировать конфликты интересов, исправлять ошибки, и т. д. Единственное правило, которое не ассоциируется с журналистикой, – это содействовать цивилизованному общению (в сети): более или менее цивилизованный стиль подачи информации всегда был чем-то само собой разумеющимся в журналистике, а задачи содействовать непосредственному общению (цивилизованному или нецивилизованному) между представителями аудитории перед журналистами раньше в принципе не стояло.

Ещё одно правило, которое соответствует журналистике лишь частично, – это необходимость поддерживать интерактивность (регулярно публиковать посты и т. д.). Регулярность выхода – один из признаков как расширительного понимания СМИ, предложенного Комитетом министров Совета Европы, так и традиционного их понимания. Благодаря регулярному выходу газеты или передачи журналисты могли выполнять свою основную задачу – снабжать людей информацией, необходимой им для принятия решений о саморегулировании. В каком-то смысле тем самым стимулировалась и интерактивность, вовлечение аудитории: ожидая нового номера или выпуска, люди активнее включались в информационное пространство. Сегодня этот процесс вышел на новый уровень: интерактивность подразумевает не только активное потребление, но и нередко участие в создании контента. Появился даже новый термин – «просьюмер»: сочетание английских слов *producer* (производитель) и *consumer* (потребитель). Интерактивность *новых медиа* – это беспрецедентно глубокое вовлечение аудитории в информационные процессы.

Обращаю внимание: все статьи, которые здесь упомянуты, были опубликованы в 2000-х годах. В 2010-х интерес к этой теме, как ни странно, будто бы стал угасать – такого количества исследований в нынешнем десятилетии найти уже не удаётся. Но в целом дискуссии о *блогерской этике* – в частности, о том, насколько блогерам нужен писанный кодекс этики и чем этика блогера должна отличаться от этики журналиста, – начавшись в 2000-х, продолжают до сих пор.

Существовали и продолжают существовать диаметрально противоположные точки зрения относительно необходимости *писанных* правил для *новых медиа*. Кто-то считает, что такие правила избыточны («Садовник в лесу не нужен» [15]). Благодаря своей интерактивности Интернет – это тот самый идеальный «свободный рынок идей», о котором говорил ещё **Джон Милтон**, и ошибки в этой системе выбраковываются с помощью самоорганизации пользователей. Эта точка зрения хорошо выражена в следующем комментарии анонимного блогера: «Блогосфера уже приняла свой кодекс этики. У нас умная, информированная аудитория, которая указывает нам на любую неточность <...>. Блоги – это проверенные всеми американцами форумы, где можно высказываться и исправлять чужие ошибки. Ни одна неточность не остаётся безнаказанной!» [цит. по: 12, р. 46]. Примерно такого же мнения до сих пор придерживаются многие практикующие блогеры.

Противоположная точка зрения состоит в том, что правила *новым медиа* нужны так же, как и старым, так как роль ошибки (и потенциальный вред от дезинформации) может быть слишком велика. Из этого исходит, например, исполнительный директор Организации омбудсменов СМИ **Джеффри Дворкин**: «Мы полагаем, что блогерам следует придерживаться определённых стандартов журналистики и СМИ. <...> В поддержании качества нашей журналистики заинтересованы не только журналисты. Публика понимает, что существует тесная связь между хорошей журналистикой и сильными демократическими институтами. Это вопрос растущего значения блогосферы и твитосферы» [9, с. 102]. Примечательно, что такое мнение чаще выражают не сами блогеры, а люди, наблюдающие за медиапроцессами со стороны.

Среди тех, кто считает, что некий *этический кодекс новым медиа* всё-таки нужен, тоже существуют разные точки зрения относительно того, каким именно он должен быть: должен

ли он отталкиваться, в первую очередь, от журналистских кодексов или быть совершенно другим. Например, на вопрос «Различаются ли между собой этические стандарты для сетевых и традиционных СМИ?» основатель Сети этичной журналистики **Эйдан Уайт** отвечает: «Нет. Сейчас журналисты делят общественное информационное пространство с теми, кто размещает информацию в Twitter, в блогах, с гражданскими журналистами, с пользователями социальных сетей, но сложные этические задачи журналистики – говорить правду, не навредить, нести ответственность и сохранять независимость – остаются такими же, как и прежде. Этические стандарты должны применять все, кто работает в сфере новостей и публичной информации, на всех платформах СМИ. Однако в связи с быстро меняющейся медийной средой новые рекомендации могли бы дополнить установившиеся принципы, регулирующие нецифровые СМИ» [9, с. 73–74].

Исследователь **Мартин Кун**, напротив, подчёркивает, что не все блогеры выполняют журналистские функции, и поэтому жёстко привязывать этику блогера к журналистской этике некорректно: «Кодекс, основанный на ценностях только одной группы блогеров, имеет слишком много ограничений, чтобы быть полезным широкому слою блогеров. Задача же заключается в том, чтобы в процессе диалога выявить наиболее важные ценности людей, выбравших занятие блогера независимо от конкретных функций, которые они как блогеры выполняют, и в соответствии с этим сформировать нормативный кодекс» [13, pp. 20–21].

Несмотря на нежелание многих блогеров и других активных пользователей новых медиа иметь какое-либо отношение к писаным кодексам этики, попытки их создания, разумеется, неоднократно предпринимались.

Опыт создания этических кодексов блогера

Один из первых подобных кодексов предложила блогер **Ребекка Блад** в книге «Учебник блогера: практические советы по созданию и поддержанию блога» [16]. Это было в 2002 году, когда блоги только появлялись. Блад тогда писала: вполне вероятно, что в будущем журналисты захотят использовать блоги как источники информации, но для этого их авторам придётся научиться следовать определённым правилам. Она предлагала такой минимум: 1) в качестве факта публикуйте только то, в чём вы уверены; 2) если материал есть в Интернете, давайте на него ссылку при упоминании; 3) публично исправляйте ошибки; 4) пишите посты так, как будто их нельзя будет изменить, а при необходимости добавляйте уточнения, а не переписывайте и не удаляйте пост; 5) декларируйте имеющиеся конфликты интересов; 6) специально отмечайте, если источники, на которые вы ссылаетесь, сомнительные или имеют ярко выраженную повестку [17]. При этом Блад уточняла, что блогерам, которые считают себя выполняющими журналистские функции, нужен более подробный кодекс; а тот, который она предлагает, подойдёт для всех остальных.

Примерно тогда же, в 2003 году, блогером **Джонатаном Дьюбом** был создан другой кодекс [18]¹⁰⁶, который почти полностью был основан на журналистском этическом кодексе американского Общества профессиональных журналистов (SPJ) [19]. В кодексе Дьюба есть три основных раздела: 1) Будьте честными и справедливыми (избегайте плагиата, давайте ссылки на источники, не публикуйте заведомо недостоверную информацию и т. д.); 2) Минимизируйте вред (с чуткостью относитесь к чувствам людей, которых постигла трагедия, избегайте любопытства в стиле бульварной прессы и т. д.); 3) Будьте ответственны (признавайте ошибки и быстро их исправляйте, декларируйте конфликты интересов, отклоняйте попытки рекламодателей повлиять на контент и др.).

Интересно, что спустя почти десять лет, в 2012 году, этот кодекс стал обсуждаться в российской блогосфере благодаря известному блогеру **Илье Варламову**, который, по его

¹⁰⁶ На сайте Джонатана Дьюба [Cyberjournalist.net](http://cyberjournalist.net) текст кодекса опубликован 1 января 2013 года, однако сразу в нескольких источниках [12, 13] говорится, что он был создан в 2003 году. Мне удалось найти идентичный текст кодекса, перепечатанный сторонним сайтом в 2004 году, по адресу: <http://colbys.blogspot.com/2004/12/bloggers-code-of-ethics.html>. Это свидетельствует о том, что речь идёт об одном и том же документе и его текст с тех пор не менялся. – *К. Н.*

словам, получил этот документ «на одной из встреч» от американского блогера и разместил его на своём сайте [20]. Тот пост собрал почти две сотни комментариев, только часть из которых была по делу: люди одобряли или критиковали конкретные пункты, говорили о том, что американские правила в России не приживутся, отвергали саму идею писанных правил для блогеров или сетовали на то, что практически никто из российских блогеров никакие из указанных правил не выполняет. Сильно дальше этого, насколько мне известно, обсуждение этического кодекса блогера в России не продвинулось, хотя о том посте Варламова до сих пор иногда вспоминают (например, в журнале «Журналист» в 2017 году [21]).

Ещё один известный американский кодекс блогера был создан в 2007 году издателем и идеологом движения за свободное программное обеспечение **Тимом О’Рейли**. Появление этого документа стало реакцией на конкретные события, характерные для Интернета 13 - летней давности: тогда анонимные пользователи сети организовали травлю разработчика игр и блогера **Кэти Сьерры**. В какой-то момент по неизвестной причине она стала получать многочисленные угрозы, в том числе угрозы физической расправы, и была вынуждена прекратить публичную деятельность и перестать вести блог [22]. Многие блогеры публично выступили в её поддержку, а Тим О’Рейли предложил всем вместе начать думать над кодексом блогера [23], который был бы призван перевести онлайн-общение в более цивилизованное русло. Так как скандал вокруг блога Кэти Сьерры был связан, в первую очередь, с комментариями и комментаторами, то и предлагаемые Тимом О’Рейли положения касались, в основном, поведения блогера в отношении комментариев и возникающих в публичной онлайн-переписке конфликтов.

Через несколько дней после своего поста-призыва к коллегам О’Рейли опубликовал черновой вариант кодекса, который и предложил обсуждать [24]. В нём были следующие пункты: 1) Мы берём на себя ответственность не только за собственные слова, но и за комментарии, которые допускаем в своём блоге (комментарии с неприемлемым контентом О’Рейли предлагал удалять, при этом по возможности объясняя, почему); 2) Мы не говорим онлайн ничего такого, что не сказали бы лично; 3) Прежде чем ответить публично, мы пытаемся решить вопрос в частном порядке (речь идёт о конфликтах и недопониманиях между блогерами, которые можно решить, например, с помощью медиатора); 4) Если мы считаем, что кто-то на кого-то необоснованно нападает, мы принимаем меры (речь идёт о попытках урезонить нападающего или обратиться в правоохранительные органы в случае реальных угроз); 5) Мы не допускаем анонимных комментариев (но комментирование под псевдонимом допускается); 6) Мы игнорируем троллей.

Задумка О’Рейли и его единомышленников (среди них – сооснователь «Википедии» **Джимми Уэйлс**) была, в частности, в том, чтобы те блогеры, которые согласились бы с выработанным кодексом, могли размещать в своём блоге специальный бейдж с надписью «Здесь допускается только цивилизованное общение», а те, кто с ним не согласен, могли бы разместить у себя бейдж с надписью «Всё дозволено». Проект кодекса вызвал большую волну обсуждений, и в том числе навлёк на себя очень жёсткую критику, на которую О’Рейли пытался отвечать [25]. Один из его основных оппонентов, известный блогер **Джефф Джарвис**, раскритиковал практически все предложенные О’Рейли положения – начиная от бейджей и заканчивая запретом на анонимные комментарии, приводя в свою поддержку множество цитат других блогеров, которые говорили, что ни за что не поддержат такой кодекс [26]. Многие ожидаемо восприняли предлагаемые правила как *попытку цензуры*: как отозвался один из известных блогеров, эти правила заставили его «почувствовать себя как в Иране» [27]. (Интересно, что в блоге самого Джарвиса заявлен собственный миниатюрный кодекс этики/поведения, который гласит: «Любой имейл, который я получаю, может быть процитирован в блоге. Никаких личных нападок, языка вражды, проявлений нетерпимости и обценной лексики в комментариях – иначе комментарии будут убиты вместе с комментаторами. Любой комментарий или разговор, появляющийся в этом блоге, можно цитировать где угодно» [28].)

Судя по тому, что на странице bloggingcode.org, где О'Рейли обещал разместить финальный вариант кодекса вместе с кодами для бейджей, сейчас ничего нет и подобные значки в современных блогах никто не использует, идея этого кодекса оказалась нежизнеспособной. Бурные обсуждения документа довольно быстро сошли на нет, и теперь о нём напоминает только статья в «Википедии» [29] (даже записи О'Рейли пришлось с трудом искать по всему Интернету, так как их первоначальный адрес оказался изменён).

Следующая известная (и, судя по всему, более успешная) попытка принять кодекс блогера была предпринята в 2011 году в Непале. В этом случае инициатива исходила от нескольких блогеров, которые договорились о создании кодекса на некоем семинаре и заручились поддержкой Ассоциации онлайн-журналистов Непала и Ассоциации блогеров Непала [30]. После двух месяцев обсуждений кодекс этики был подписан семнадцатью известными непальскими блогерами [31].

Кодекс состоит из двух частей: что блогер должен и чего не должен делать. В частности, согласно этому документу, блогер должен: быть честным; писать только то, что считает правдой; давать ссылки на источники информации; избегать конфликтов интересов и декларировать аффилиации; чётко разделять рекламный и собственно блогерский контент; признавать и исправлять ошибки, но делать это так, чтобы это было заметно; позволять быть высказанным разным точкам зрения и ясно обозначать свою политику в отношении модерации; проявлять человечность и др. Блогер не должен: полностью переписывать или удалять посты; угрожать кому-то, используя блог в личных целях; писать что-то, что ставит под угрозу национальную безопасность, религиозную гармонию и общественный порядок; публиковать порнографию, жестокий контент или использовать язык вражды; распространять спам и вирусы; заниматься плагиатом и др. О том, насколько этот кодекс оказался рабочим и востребованным, информации мне найти не удалось.

Помимо подобных кодексов, в Интернету можно найти немало авторских кодексов блогерской этики, которые в разные годы создавали и размещали у себя отдельные блогеры [32, 33, 34, 35]; некоторые подобные кодексы сфокусированы на узких темах – например, этике кулинарных блогов [36]. Речь во всех них идёт о *правдивости, разделении фактов и мнений, уважении к авторскому праву, публичном исправлении ошибок, непричинении вреда, раскрытии конфликта интересов, корректном цитировании и корректном онлайн-общении*. Однако такие кодексы, по сути, остаются правилами для конкретных блогеров или небольших групп блогеров, которые их придерживаются.

Похоже, что наиболее цитируемым/часто упоминаемым кодексом блогера на сегодня остаётся кодекс Джонатана Дьюба [18]. *Единого кодекса этики, который признавался бы большинством блогеров в мире, не существует, и очень многие блогеры продолжают отвергать саму идею такого кодекса*.

В этих условиях органы медийного саморегулирования разных стран пытаются по-разному приспособиться к ситуациям, в которые их ставит изменившаяся медиареальность.

Как меняются функции органов медийного саморегулирования

Советы по прессе во всём мире с каждым годом всё чаще получают от населения жалобы на *новые медиа*. И это естественно: *новых медиа* становится больше, а люди не всегда задумываются о различиях между типами СМИ и о сфере компетенции советов по прессе. В этих условиях советы вынуждены так или иначе пересматривать свои правила относительно того, на какие медиа они согласны рассматривать жалобы. «Все советы в настоящее время осуществляют надзор над веб-сайтами газет и журналов, а также над аудио- и видеоматериалами на веб-сайтах газет и журналов. Кроме того, всё большее число советов по прессе расширяет свою компетенцию, включая в неё и те СМИ, которые существуют только в Интернету», – писала ещё в 2013 году координатор проектов Бюро Представителя по вопросам свободы СМИ ОБСЕ **Аделин Улен** [9, с. 105].

Например, *Совет по прессе Боснии и Герцеговины* в сентябре 2010 года расширил свои полномочия, распространив их на сетевые СМИ; их *Кодекс прессы* был пересмотрен и стал

называться *Кодекс прессы и сетевых СМИ* [9, с. 121], при этом по своему содержанию кодекс остался в основе своей журналистским [37]. *Совет по прессе Нидерландов* в 2014 году тоже пересмотрел свой кодекс, почувствовав необходимость усилить и пояснить некоторые пункты ввиду изменений в цифровой сфере. Однако и он остался журналистским по сути: «Отправная точка настоящих рекомендаций такова: любой человек, занимающийся журналистикой, должен нести ответственность за то, какую информацию он или она распространяет, и за то, как он или она ведёт себя в профессиональном плане. И это не зависит от типа медиа или платформы, с которыми они работают. Медиаландшафт сегодня очень динамичен и, несомненно, и дальше будет таким; в цифровом мире и за его пределами появляются всё новые и новые инициативы. Но журналистские принципы и отправные точки обладают идейной и практической силой в любом медиа и на любой платформе» [38].

Получается, что многие советы по прессе расширили границы своей компетенции, перенеся на новые медиа основные журналистские принципы и согласившись принимать жалобы на новомедийные работы только в случаях, когда они *журналистские* по своей сути. Как пишет Аделин Улен, «поскольку практически невозможно точно определить, кто является журналистом, критерии приёма жалоб не должны основываться на том, подготовлен ли данный контент журналистом или нет. Тем не менее понятно, что совет по прессе не в состоянии осуществлять надзор за всеми видами онлайн-контента. Скорее, эти критерии должны учитывать, является ли материал редакционным. Информация, поступающая от СМИ или обрабатываемая с помощью редакционных приёмов (выяснение правдивости, изучение источников, независимость), представляет собой материал, который может быть включён в компетенцию совета по прессе» [9, с. 109].

Новые медиа и Общественная коллегия по жалобам на прессу

Перед Общественной коллегией тоже неизбежно встанет вопрос о пересмотре своих практик и правил в связи с увеличивающимся влиянием новых медиа. Развитие СМИ происходит таким образом, что количество новых медиа (по всем прогнозам) будет только увеличиваться, а в соответствии с этим, как можно ожидать, будет увеличиваться и количество жалоб, подаваемых на такие СМИ. Так или иначе, Коллегии нужно будет решать, по каким критериям отбирать подобные жалобы и как оценивать такого рода СМИ.

Критерии, по которым Коллегия сможет достаточно быстро принимать решения о приемлемости или неприемлемости для неё тех или иных жалоб, несомненно, следует подробно обсуждать, но определённую помощь тут могли бы оказать признаки принадлежности к новым медиа от Комитета министров Совета Европы, а также и наш обзор современных представлений о роли журналиста. Напомню, Комитет министров предлагает считать *СМИ* те медиа, которые 1) сами считают себя СМИ, 2) выполняют функции СМИ (производят и распространяют медиаконтент, предоставляют возможность для общественных дискуссий), 3) осуществляют редакционный контроль, 4) имеют те или иные стандарты поведения, 4) имеют значительную аудиторию, 6) соответствуют тому, что общество ожидает от СМИ (доступности, прозрачности, подотчётности). *Журналистом* при этом можно считать любого человека, который регулярно участвует в сборе и распространении информации не рекламного характера для общественности, используя любое средство массовой коммуникации. Под эти критерии, как представляется, подпадает практически любой информационный, образовательный или развлекательный контент, созданный коллективами людей в новых медиа (блоги, YouTube-каналы, телеграм-каналы, подкасты) и одиночные проекты на этих же платформах с наибольшей аудиторией.

Идея составить «новомедийный стандарт», который бы с пониманием приняли и решились хотя бы попытаться использовать большинство активных пользователей новых медиа, представляется достаточно утопичной: успешных прецедентов в мировой медиапрактике, по всей видимости, не было.

Вместе с тем подобный стандарт представляется если не необходимым, то крайне полезным Коллегии для собственной работы: в его отсутствие у ОКЖП не находится

ориентиров, по которым можно было бы с достаточной долей объективности оценивать позиции новых участников медиапроцесса. А в повседневной практике Коллегии эти новые участники неизбежно оказываются вовлечены в информационные споры, соответствующие компетенции российского органа само- и саморегулирования.

Как мне видится, такого рода документ («новомедийный стандарт») можно было бы выработать и принять либо в дополнение к Медиаэтическому стандарту, либо отдельно, независимо от последнего. Правила, разработанные Коллегией, не «навязывались» бы блогерам и другим активным пользователям новых медиа, а существовали бы как ориентир, как рабочий документ Коллегии, открытый для всех желающих. При разработке «новомедийного стандарта» имело бы смысл ориентироваться прежде всего на те *ценности*, которые за последние десятилетия были выявлены в многочисленных исследованиях об этических воззрениях *блогеров*: представляется, что именно эта категория авторов новых медиа более других проявляет склонность к моральной рефлексии.

Источники

1. What is New Media? // New Media Institute (website). URL: <https://www.newmedia.org/what-is-new-media> (дата обращения: 18.02.2020).
2. New media // Cambridge Dictionary (online). URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/new-media> (дата обращения: 18.02.2020).
3. Особенности новых медиа // Постнаука. 21.01.2015. URL: <https://postnauka.ru/video/38005> (дата обращения: 18.02.2020).
4. Гатов В. Будущее журналистики / Как новые медиа изменили журналистику. Под ред. С. Балмаевой и М. Лукиной. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2016. 2012–2016.
5. Recommendation CM/Rec(2011)7 of the Committee of Ministers to member states on a new notion of media. URL: <https://rm.coe.int/090000168073fd92> (дата обращения: 20.02.2020).
6. Силантьева О. СМИ и медиа. Различия в понятиях // Пресса, 15.01.2015. URL: <http://presa.ua/news/index/view/id/145/> (дата обращения: 20.02.2020).
7. Рекомендация CM/Rec(2011)7 Комитета министров государствам-членам о новом понятии СМИ. URL: <https://www.refworld.org.ru/publisher,COEMINISTERS,,,5511765c4,0.html> (дата обращения: 21.02.2020).
8. Закон «О средствах массовой информации». Глава 1. Общие положения. Статья 2. Средства массовой информации. Основные понятия. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=327919&fld=134&dst=100000001,0&rnd=0.7951893422968934#09141506200657958> (дата обращения: 22.02.2020).
9. Путеводитель по саморегулированию сетевых СМИ / Ред. А. Улен и М. Стоун. Вена: Представитель ОБСЕ по вопросам свободы СМИ, 2013.
10. Рекомендация № R (2000) 7 Комитета министров Государствам – членам Совета Европы относительно права журналистов не раскрывать свои источники информации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901854420> (дата обращения: 23.02.2020).
11. Ward S. J. A., Wasserman H. Towards an Open Ethics: Implications of New Media Platforms for Global Ethics Discourse // Journal of Mass Media Ethics: Exploring Questions of Media Morality. 25:4. 2010. Pp. 275–292. DOI: 10.1080/08900523.2010.512825.
12. Perlmutter D. D., Schoen M. “If I Break a Rule, What Do I Do, Fire Myself?” Ethics Codes of Independent Blogs // Journal of Mass Media Ethics: Exploring Questions of Media Morality. 22:1. 2007. Pp. 37–48. DOI: 10.1080/08900520701315269.
13. Kuhn M. Interactivity and Prioritizing the Human: A Code of Blogging Ethics // Journal of Mass Media Ethics: Exploring Questions of Media Morality. 22:1. 2007. Pp. 18–36. DOI: 10.1080/08900520701315244.
14. Cenite M., Detenber B. H., Koh A. W. K., Lim A. L. H., Soon N. E. Doing the right thing online: a survey of bloggers' ethical beliefs and practices // New Media Society. 11: 575. 2009. DOI: 10.1177/1461444809102961.

15. Журналист Евгений Арабкин, личная коммуникация, 26.01.2010.
16. Blood R. *The Weblog Handbook: Practical Advice on Creating and Maintaining Your Blog*. Cambridge: Perseus Publishing, 2002.
17. Blood R. *Weblog Ethics* // *Blood R. The Weblog Handbook: Practical Advice on Creating and Maintaining Your Blog*. Cambridge: Perseus Publishing, 2002. 114–121. URL: http://www.rebeccablood.net/handbook/excerpts/weblog_ethics.html (дата обращения: 15.02.2020).
18. *A Bloggers' Code of Ethics* // *Cyberjournalist.net*. URL: <http://cyberjournalist.net/a-bloggers-code-of-ethics> (дата обращения: 27.02.2020).
19. *SPJ Code of Ethics*. URL: <https://www.spj.org/ethicscode.asp> (дата обращения: 27.02.2020).
20. *Этический кодекс блогера* // *Varlamov.ru*. 23.07.2020. URL: <https://varlamov.ru/600305.html> (дата обращения: 27.02.2020).
21. Павлушкина Н. Кому нужна ваша этика? // *Журналист*. 01 ноября 2017. URL: <https://jrnlst.ru/who-needs-ethics> (дата обращения: 27.02.2020).
22. *Blog death threats spark debate*. *BBC News*, 27 March 2007. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/technology/6499095.stm> (дата обращения: 15.02.2020).
23. O'Reilly T. *Call for a Blogger's Code of Conduct* // *Radar*, 31 March 2007. URL: <http://radar.oreilly.com/2007/03/call-for-a-bloggers-code-of-co.html> (дата обращения: 15.02.2020).
24. O'Reilly T. *Draft Blogger's Code of Conduct* // *Radar*, 8 April 2007. URL: <http://radar.oreilly.com/2007/04/draft-bloggers-code-of-conduct.html> (дата обращения: 28.02.2020).
25. O'Reilly T. *Code of Conduct: Lessons Learned So Far* // *Radar*, 11 April 2007. URL: <http://radar.oreilly.com/2007/04/code-of-conduct-lessons-learne.html> (дата обращения: 28.02.2020).
26. Jarvis J. *No twinkie badges here* // *BuzzMachine*, 9 April 2007. URL: <https://buzzmachine.com/2007/04/09/no-twinkie-badges-here/> (дата обращения: 28.02.2020).
27. Stone B. *A Call for Manners in the World of Nasty Blogs* // *New York Times*, 9 April 2007. URL: <https://www.nytimes.com/2007/04/09/technology/09blog.html> (дата обращения: 28.02.2020).
28. Jarvis J. *Rules of Engagement* // *BuzzMachine*, 4 July 2005. URL: <https://buzzmachine.com/rules-of-engagement/> (дата обращения: 28.02.2020).
29. *Blogger's Code of Conduct* // *Wikipedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Blogger%27s_Code_of_Conduct (дата обращения: 29.02.2020).
30. *Code of ethics for bloggers* // *The Radiant Star*, 26.05.2011. URL: <http://www.nepalivoices.com/2011/05/code-of-ethics-for-bloggers> (дата обращения: 29.02.2020).
31. *Historic: Bloggers sign Code of Ethics* // *The Radiant Star*, 27.07.2011. URL: <http://www.nepalivoices.com/2011/07/historic-bloggers-sign-code-of-ethics> (дата обращения: 29.02.2020).
32. *A Blogger Code of Ethics* // *Yehuda*, 20 March 2007. URL: <https://jergames.blogspot.com/2007/03/blogger-code-of-ethics.html> (дата обращения: 29.02.2020).
33. *The Blogger Code of Ethics* // *Blog Marketing Academy*, 21 May 2014. URL: <https://www.blogmarketingacademy.com/blogger-code> (дата обращения: 29.02.2020).
34. *Blogging Code of Ethics: Lets Create One!* // *Basic Blog Tips*, 8 June 2015. URL: <https://basicblogtips.com/blogging-code-of-ethics.html> (дата обращения: 29.02.2020).
35. *Code of Ethics for Bloggers, Social Media and Content Creators* // *mor10.com*. URL: <https://mor10.com/code-of-ethics-for-bloggers-social-media-and-content-creators> (дата обращения: 29.02.2020).
36. *Food Blog Code of Ethics 2.0* // *Food Blog Code of Ethics*, 28 August 2011. URL: <https://foodethics.wordpress.com/2011/08/28/food-blog-code-of-ethics-2-0> (дата обращения: 29.02.2020).
37. *Press And Online Media Code Of BiH*. URL: <http://english.vzs.ba/index.php/press-council-in-bih/press-and-online-media-code-of-bih> (дата обращения: 29.02.2020).

38. Guidelines of the Netherlands Press Council. URL: <https://www.rvdj.nl/english/guidelines> (дата обращения: 29.02.2020).

Этап 2. Первый вариант проекта документа

На основании предварительного исследования был составлен первый вариант этических рекомендаций для создателей контента в цифровой среде, который носил рабочее название «*Новомедийный стандарт*» (позже оно было признано не отвечающим характеру разрабатываемого документа и изменено). Было принято решение о том, что свод рекомендаций должен быть коротким – минимальным и достаточным, для того чтобы, с одной стороны, привлечь (и не отпугнуть) как можно более широкую прослойку «цифровых» авторов, с другой – иметь возможность затронуть все основные важные этические вопросы.

Отсутствие примеров по-настоящему действенных, работающих документов такого рода в мире не стало препятствием для разработки собственного свода правил в силу понимания того, что такой свод нужен не только создателям контента в цифровой среде, но и, прежде всего, самой ОКЖП. Чтобы принимать жалобы на материалы цифровых площадок самого разного рода, Коллегии необходимо иметь этические ориентиры и более или менее чётко обозначенные критерии для оценки такого контента.

Новомедийный стандарт

Проект

Интернет до неузнаваемости изменил не только повседневную жизнь современного общества, но и саму медиасреду, прежде всего. Так называемые *новые медиа* во многих случаях оказываются популярнее старых, традиционных, но при этом далеко не всегда обнаруживают ожидаемую от них готовность проявлять уважение к тем, к кому они обращаются, и заботу о надёжности распространяемой информации.

Общественная коллегия по жалобам на прессу в последние годы всё чаще получает обращения в связи с публикациями новых медиа. Стремясь к максимальной корректности по отношению к новым для неё адресатам жалоб, Коллегия активно ищет, но, к сожалению, не находит на данном этапе не только устоявшихся, но и просто согласованных в главном и хотя бы частично освоенных новыми медиа правил поведения в многомерной медийной среде. И по этой причине, в том числе, Коллегия не может использовать в своей работе те стандарты, которые были выработаны представителями новых медиа и организациями, занимающимися связанными с новыми медиа вопросами.

Выражая озабоченность отсутствием установленных «правил игры» в пространстве новых медиа и признавая необходимость реагировать на обнаруженную ситуацию доступными ей средствами, Коллегия посчитала оправданной попытку выработать собственные критерии и ориентиры, позволяющие минимизировать ошибки и угрозы гражданину и обществу при распространении новыми медиа информации, представляющей, в том числе, серьёзный общественный интерес.

Коллегия предлагает вниманию новых медиа условный *новомедийный стандарт*: набор установок, рекомендуемых правил подхода к отбору и распространению информации, выделенный ею в качестве *минимально достаточного* для отнесения к категории «правил честной игры». Как представляется, этот набор может быть признан приемлемым в понимании традиционных СМИ, использующих продукцию новых медиа, и пригодным к использованию самой Коллегией при рассмотрении жалоб на новые медиа.

Вводя понятие *новомедийного стандарта*, Коллегия исходит из того, что актер новых медиа – не профессиональный журналист, а потому и требовать от него следования нормам и правилам профессионального поведения журналиста, этическим стандартам, выработанным журналистами и для журналистов, и неправомерно, и нереалистично.

Коллегия подчёркивает: условный *новомедийный стандарт* – не жёсткое предписание, которому обязаны следовать новые медиа и их акторы. Это *ориентир для непрофессионалов* в сфере массовой коммуникации, позволяющий акторам новых медиа, согласующим свои действия, как правило, с нормами личной и общественной морали, достаточно уверенно ощущать себя как на собственной *самодеятельной* территории, так и во взаимоотношениях с традиционными СМИ, субъектами устоявшейся массмедийной среды.

Коллегия надеется, что проявленная ею инициатива будет замечена акторами новых медиа, прежде всего российских. И что, пройдя проверку опытным путём, она будет хотя бы частью из них принята к устойчивому практическому применению. Коллегия также надеется, что предложенная ею модель послужит основой для выработки различными объединениями новых медиа собственных вариантов *новомедийного стандарта*.

Коллегия полагает, что следование перечисленным ниже установкам позволит *новым медиа* сформировать в качестве мейнстримного такое поведение в сфере массовой информации, которое будет рассматриваться гражданами как *общественно одобряемое*.

1. Быть правдивым. Актор новых медиа не обязан соблюдать таких строгих требований к верификации публикуемой информации, как профессиональный журналист, но должен проводить проверку распространяемой информации в рамках доступных ему возможностей.

2. Держаться в стороне от пропаганды. Актор новых медиа должен избегать вовлечения в пропагандистские и другие информационные кампании, в производство и распространение фейковых по содержанию и смыслу новостей.

3. Ссылаться на источники. Актор новых медиа, уважающий свою аудиторию, должен указывать основные источники транслируемой информации, позволяя своей аудитории самостоятельно решать, доверять ей или нет. Если источник, на который даётся ссылка, имеет сомнительную репутацию либо обнаруживает склонность к подходу «Цель оправдывает средства», актор новых медиа должен обратить на это внимание аудитории.

4. Отделять факты от мнений. Актор новых медиа не обязан быть беспристрастным и может заниматься защитой или отстаиванием тех или иных идей, но он определённо не должен выдавать мнения за факты.

5. Исправлять ошибки. Ответственный актор новых медиа исправляет свои ошибки, причём таким образом, чтобы это было заметно и ясно аудитории. Он не удаляет и не переписывает посты, а добавляет в них обновления, объясняя, в чём именно заключалась ошибка, и транслируя новую, корректную информацию.

6. Декларировать конфликты интересов. Актор новых медиа, дорожающий репутацией и с уважением относящийся к своей аудитории, стремится своевременно распознать ситуации конфликта интересов и избегать затягивания в них, пусть даже и невольного. Если избежать конфликта интересов невозможно, он информирует об этом аудиторию.

7. Отделять рекламный контент от нерекламного. Новые медиа с большой аудиторией зачастую живут за счёт рекламы. Вся реклама в таких проектах должна быть помечена так, чтобы это было понятно аудитории. Новые медиа не должны публиковать скрытую рекламу (рекламный контент, маскирующийся под нерекламный). О любом подарке, полученном от рекламодателей, должно быть сообщено публично. Любые попытки рекламодателя влиять на нерекламный контент должны безоговорочно отклоняться.

Этап 3. Консультации с членами Экспертно-консультационного совета (ЭКС) Общественной коллегии по жалобам на прессу

Приведённый выше первоначальный проект *Новомедийного стандарта* был выслан всем членам ЭКС ОКЖП. Как результат – рабочая группа проекта получила около десятка ответов с самыми разными мнениями, касающимися широкого спектра вопросов – начиная от отношения к инициативе в целом и заканчивая конкретными поправками, которые можно внести в текст. Ниже приведены наиболее интересные, на наш взгляд, отрывки из откликов членов ЭКС.

Об инициативе в целом

М.В. Богданова, д. соц. н., ведущий научный сотрудник НИИ прикладной этики Тюменского индустриального университета:

«Общественная Коллегия по жалобам на прессу не только имеет право – в силу своего репутационного капитала и морального авторитета – выступать инициатором многостороннего разговора о нормах поведения, в том числе новых медиа, в современном медийном пространстве. Она, скорее всего, и не может уклониться от такой работы, поскольку провозглашает одной из целей своей деятельности “формирование культуры честной журналистики и утверждение свободы массовой информации в России”¹⁰⁷.

<...> В ситуации, когда космополитические условия человеческого существования значительно опережают формирование космополитической сознательности (У. Бек), “заведение” диалога о правилах поведения в многомерной медийной среде через приложение к ситуации новых медиа более или менее внятных установок, принятых в сфере традиционных СМИ, пожалуй, являет собой наиболее приемлемый способ избежать попадания в темные времена».

И.М. Дзялошинский, д. фил. наук, профессор-исследователь Института коммуникаций, медиа и дизайна НИУ ВШЭ:

«Нисколько не возражаю против разработки (или придумывания) десяти заповедей (кстати, почему их у вас только семь?) для так называемых “непрофессиональных журналистов”. (В скобках замечу, что считаю данное словосочетание весьма странным. В рамках такого словообразования мы можем говорить о непрофессиональных убийцах, непрофессиональных мужьях и жёнах, а также о множестве других субъектов разнообразных видов деятельности, которые в принципе трудно поддаются моральной регламентации.) Опуская спорные моменты и мелкие неточности в тексте представленного документа, хотел бы отметить главное, что меня смущает. Полагаю, вы помните, что когда Моисей спустился с горы со своим моральным стандартом, первое, что он сделал, – убил десять тысяч соплеменников за то, что во время его отсутствия они нарушили одну из заповедей. В этой связи: кто и как будет определять, осуждать или наказывать субъектов, которых вы поименовали “непрофессиональными журналистами”, за нарушение новомедийных стандартов?»

Н.Н. Мешкова, главный редактор интернет-журнала «Лицей», член Региональной (Республика Карелия) коллегии Большого жюри СЖР:

«С логикой подхода согласна. Действительно, есть острая необходимость в согласованных правилах поведения для новых медиа. Это и запрос аудитории, и самих

¹⁰⁷ Общественная коллегия по жалобам на прессу. Официальный сайт. URL: <https://presscouncil.ru> (дата обращения: 12.05.2020).

новых медиа. Не случайно блогеры охотно откликаются на наши предложения поучаствовать в журналистских семинарах, в том числе по этическим вопросам. Многие при внешней браваде, принятой в этой среде, на самом деле растеряны, понимая, что не владеют элементарными знаниями, не понимают, как добиться доверия аудитории, как общаться с ней, как вести дискуссию.

Разумно, что новомедийный стандарт позиционируется как ориентир для непрофессионалов в сфере массовой коммуникации, поскольку любое жёсткое регулирование, как мы постоянно наблюдаем, вызывает реакцию отторжения. А заявленная в преамбуле проверка новомедийного стандарта опытным путём должна развеять опасения, что новые медиа пытаются стреножить и взять под контроль».

***Г.В. Лазутина*, к. фил. наук, старший научный сотрудник факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, исследователь проблем журналистики и журналистской этики:**

«Речь в нашем случае должна идти о двух разновидностях контента, объединяемых понятием “массовая информация”. Одна разновидность – контент, создаваемый профессиональной журналистикой (СМИ). Он создаётся в условиях саморегулирования профессиональной деятельности, опирающегося на её этические принципы. Вторая разновидность – контент, создаваемый межличностным массовым общением (СММО). Он создаётся без какой-либо формализованной опоры на этические ориентиры и зависит только от уровня личной этической культуры автора (и его культуры вообще). Это снижает качество данной разновидности массовой информации, независимо от того, кто является её автором – блогер, участник форума или создатель “лихого коммента”. Далеко не все они обнаруживают заботу о надёжности распространяемой информации и готовность проявлять уважение к тем, кому адресуют свои сообщения.

Решение проблемы видится в том, чтобы предложить участникам массового межличностного общения обсудить минимально достаточный набор норм поведения в виртуальной среде, рекомендуемый Коллегией в качестве условного этического стандарта на основе нравственных заповедей, утвердившихся в практике общественных отношений, в традициях и обычаях российского общества. Обсудить – и принять, заботясь об общих интересах. Потому что такие правила и для авторов самодеятельных текстов, и для аудитории, готовой включаться в их обсуждение, могут стать ориентиром добропорядочности, гарантом безупречной репутации».

***В.А. Абиькенова (Кабакова)*, к. соц. наук, доцент кафедры журналистики Института филологии и журналистики Тюменского государственного университета, журналист:**

«Я сомневаюсь в необходимости формирования этики блогера Общественной коллегией. Если этим заниматься, то только с привлечением самих блогеров, и тогда это будет больше процесс самопознания, саморефлексии относительно дела, которым ты занимаешься. Но блогерство – это же не профессия, это не журналистика, скорее, хобби, которое многие монетизируют. Как можно регулировать эту сферу? Нужно ли? Я думаю, проблема контента блогеров актуализировала очень важную для нашего общества тему медиаграмотности наших граждан (не только школьников и студентов), даже шире – медиакультуры. В медицинских кабинетах на шкафах с медикаментами висит предупреждающая надпись: “Смотри, что берёшь!” Так и общество важно научить смотреть то, что берёшь для просмотра, чтения, слушания.

Ведь популярность блогера во многом формирует аудитория. И не секрет же, что если нет просмотров, нет рейтинга, нет популярности – нет и блогера, особенно того, кто строит контент на хайпе. Блогерский контент – не насущная необходимость. То есть это не журналистика, которая обеспечивает право граждан на информацию и к которой общество имеет право предъявить требование быть ответственными и т. д., имеет право спросить за

качество. Хотя, конечно, сегодня блогеры и их информационные ленты, а не СМИ, не журналистика, во многом становятся источником информации для граждан. Тем не менее пока я плохо представляю, как можно рекомендовать (или обязывать, или вменять, или ожидать...?) блогерам следовать этическим правилам. Мы же (общество) не даём такие рекомендации писателям, например.

Мне было бы очень любопытно послушать самих блогеров: нужны ли им этические правила? В Тюмени был интересный кейс, связанный с моральной стороной блогерства. В начале 2019 года несколько блогеров ради хайпа совершили дерзкие выходки на улицах города (один полуголый проехал в ванной по дороге, другой с автоматом в открытой машине, третий инсценировал похищение человека, чем напугал кучу народа, и т. д.)¹⁰⁸. В региональном УМВД организовали круглый стол¹⁰⁹, на котором собрались «правильные», назовем их так, блогеры. Выяснилось, что дерзкие поступки принесли осуждаемым блогерам кучу подписчиков, то есть, с точки зрения безответственного блогера, хайп оправдал себя. «Правильные» блогеры были возмущены: они трудятся честно и долго, чтобы к ним пришли новые подписчики, а тут... И выразили желание дистанцироваться от таких недоблогеров, предложили ставить им дизлайки, чтобы снижать их популярность. Но самое главное в другом. Когда один из безответственных блогеров вышел на свободу (отсидел 25 суток за свои выходки), в интервью местному изданию он признался: «Было время, когда я писал и выкладывал видео о том, как помогаю людям – собирал деньги на операцию, помогал детским домам и т. д. (*подтверждаю: в его Инстаграме я нашла такие посты*, – В. А.). Но такой контент никому не был интересен»¹¹⁰. Один из тюменских блогеров благодаря хайпу попал на шоу к Малахову тогда еще на «Первом канале» – это для него невероятная удача.

Поэтому я думаю: обсуждаемая проблема касается блогеров или нашего общества? И если журналистам общество имеет все основания и право напомнить о миссии и функциях, то приемлемо ли это по отношению к блогерам? Особенно когда есть возможность и инструменты просто игнорировать тех, кто переходит границы этики.

Мне известны инициативы, когда блогеры сами формируют для себя этические нормы. Я считаю, это наиболее естественный и правильный процесс саморегулирования сообщества людей, которые и профессии-то не представляют».

О предложенных подходах

С.А. Куликова, д. юр. н., профессор Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского:

«С одной стороны, попытка каким-то образом обрисовать “правила игры” для новых медиа (учитывая их постоянно возрастающую роль), конечно же, достойна уважения. С другой стороны, принимая этот стандарт, мы должны ответить на два вопроса:

- 1) по отношению к кому он написан, кто будет его придерживаться?
- 2) как он будет работать?

Что касается первого вопроса – на мой взгляд, следует хотя бы примерно обрисовать в преамбульной части, что или кто именно имеется в виду под новыми медиа. Блогеры?

¹⁰⁸ Галиев А.И снова блогеры. Тюменские полицейские задержали молодых пранкеров, гонящихся по «Ашану» в тележках // 72.ru. Тюмень онлайн. 02.02.2019. URL: <https://72.ru/text/gorod/65908131> (дата обращения: 31.07.2020); Шулика Я. Затолкали в машину и стреляли: тюменских блогеров арестовали за имитацию похищения у ТРЦ // 72.ru. Тюмень онлайн. 29.01.2019. URL: <https://72.ru/text/gorod/65890471> (дата обращения: 31.07.2020); Галиев А. «Поехали за хлебушком». Тюменцев, прокатившихся с автоматами по городу, теперь ищут полицейские // 72.ru. Тюмень онлайн. 25.01.2019. URL: <https://72.ru/text/gorod/65877241> (дата обращения: 31.07.2020); Филиппов Э. Блогер о блогерах: что думает тюменец, прокатившийся в ванне, о коллегах-пранкерах // 72.ru. Тюмень онлайн. 31.01.2019. URL: <https://72.ru/text/gorod/65897731> (дата обращения: 31.07.2020) и др.

¹⁰⁹ Кабакова В. Общественность Тюмени предложила дизлайкать разболтавших «недоблогеров» // Федерал пресс. 07.02.2019. URL: <https://fedpress.ru/article/2188042> (дата обращения: 31.07.2020).

¹¹⁰ Галиев А. 13 вопросов блогеру, которого арестовали на 25 суток: о полиции, шаурме и новых взглядах на мир // 72.ru. Тюмень онлайн. 25.01.2019. URL: <https://72.ru/text/gorod/65990671> (дата обращения: 31.07.2020).

Авторы телеграм-каналов? Администраторы пабликов в социальных сетях? Человек, у которого просто очень много подписчиков (скажем, у какой-нибудь знаменитости) и к его мнению многие прислушиваются?

Сейчас используется формула “тот, кто *не* является профессиональным журналистом”. Но этого, как мне кажется, недостаточно. По отношению к профессиональным журналистам это тоже неверно: материалы журналиста, которые размещаются в традиционных СМИ, должны соответствовать Закону “О СМИ” и этическим кодексам журналистики. А если параллельно журналист – блогер или автор телеграм-канала, размещаемые там материалы должны будут соответствовать Новомедийному стандарту.

Что касается второго вопроса – на мой взгляд, необходимо попытаться представить себе механизмы действия Новомедийного стандарта:

- какие плюсы будут иметь те, кто его придерживается;
- как пользователи будут узнавать, что вот это конкретное новое медиа придерживается Новомедийного стандарта;
- если новое медиа не будет придерживаться стандарта, то что?

Ответить на эти вопросы тем более сложно, что они и по отношению к традиционным медиа не особенно решены».

С.А. Шомова, д. полит. наук, профессор Факультета коммуникаций, медиа и дизайна НИУ ВШЭ:

«Мне кажется, некий стандарт очень нужен. И представленный *Новомедийный стандарт* делает в этом направлении важный и нужный шаг. Но я не совсем понимаю, кто такой обобщенный «актор новых медиа», о котором идёт речь в этом документе. Вся проблема этики новых медиа <...> – в крайнем разнообразии контента и деятельности разных персон, которых нельзя уравнивать в правилах игры. Актер новых медиа сегодня – это и блогер, и пранкер, и разработчик компьютерных игр, и пользователь социальной сети? а к ним нет и не может быть предъявления равных и одинаковых требований».

Г.В. Лазутина, к. фил. наук, старший научный сотрудник факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, исследователь проблем журналистики и журналистской этики:

«На мой взгляд, ближе всего к истине представление о том, что ориентиры нравственного поведения должны быть едины для всей сферы СММО, и они могли бы образовать не какой-то особый кодекс, а стать естественным дополнением к жёстким этическим правилам профессиональной журналистики (СМИ). Создавать специальные “щадящие” этические кодексы для отдельных групп непрофессиональных авторов, по-моему, нелепо, даже если иметь в виду конкретно блогеров. Они, как и остальные создатели контента, представляющего собой массовую информацию, просто должны осознать, что это в их интересах – быть достойными (приличными) людьми, даже если этот их контент будет распространяться не в цифре, а непосредственно в слове или в карикатуре. На данный момент я вижу этот минимальный набор правил как специальный раздел нашего Медиаэтического стандарта, адресованный любому участнику массового межличностного общения, неважно – интерактивного или с отдалёнными реакциями».

А.А. Гуляев, журналист, член Рады белорусской интеллигенции, доцент Европейского гуманитарного университета, автор учебника «Профессиональная этика журналиста»:

«Пока то, что предлагается, извините, напоминает облегчённый вариант правил дорожного движения специально для непрофессионалов. Но беда в том, что и профессионалы, и непрофессионалы ездят по одним и тем же дорогам. И одинаково наезжают на пешеходов и друг на друга при несоблюдении абсолютно очевидных правил, одинаковых для всех. Фейки в сети, возникающие, как правило, в результате осознанного или неосознанного (не важно!)

несоблюдения этических стандартов, независимо от того, кем они выполнены, могут сломать (и ломают!) жизнь данным конкретным индивидуумам... Творят немалое количество бед независимо от того, кем они выполнены.

<...> Снижать планку этических стандартов применительно к новым медиа нельзя, как вполне закономерно не снижается по отношению к ним же планка юридических стандартов. Ведь непрофессионалов судят за ложь, клевету и пр. так же уверенно, как профессионалов. Примеров множество.

<...> В предлагаемом варианте с новомедийным стандартом, похоже, складывается некоторое противоречие: предмет один и тот же. Но в одном случае мы предлагаем высокие требования: честность, беспристрастность... В другом – некую минимальную достаточность, которую каждый определяет по-своему и которая, при желании, очень легко превращается в нечто противоположное.

Как и в ПДД: <...> красный свет обязателен для всех. Но есть немалое количество людей, которые ходят и ездят на красный свет. Правда, это продолжается до аварии с возможным летальным исходом или до штрафа... Но все, во всяком случае, знают, что это неправильно. Удобно, не удобно, нравится, не нравится – но неправильно».

В дополнение к собственному мнению **А.А. Гуляев** взял на себя труд проконсультироваться с несколькими своими коллегами, которые тоже высказали ряд ценных замечаний. В частности, они обратили внимание на то, что в документе совершенно не раскрыто понятие «новые медиа», отсутствует попытка классификации интернет-ресурсов, а также неясно, каких людей, платформ и произведений будут касаться предложенные правила.

Кто-то из коллег А. А. Гуляева отметил, что, если речь идет о блогере или SMM-специалисте, то они заведомо не работают по журналистским стандартам, так как субъективные и эмоциональные посты получают больше просмотров. Требование быть правдивыми в таком случае тоже нужно уточнять, так как существует много способов манипуляции информацией, которые не содержат прямой лжи.

Несколько коллег выразили сомнение в том, что не профессиональные журналисты, представители «многомерной медийной среды» захотят принять правила, предлагаемые таким органом, как ОКЖП. В качестве альтернативы был озвучен вариант просто следования закону.

Кто-то из коллег, как и сам А.А. Гуляев, критически отнёсся к идее о том, что правила для непрофессионалов могут быть менее жёсткими, чем для профессионалов, то есть что возможен некий набор установок, «минимально достаточный для отнесения к категории “правил честной игры”». Согласно этой точке зрения, такой подход – это, по сути, разрешение на враньё, так как он позволяет быть «минимально» нечестным, «минимально» неправдивым.

О предлагаемых изменениях

С.И. Гузь, редактор, член Комиссии по журналистской этике Украины:

«На мой скромный взгляд – не знаю, насколько он согласуется с тем, что вы уже обсуждали в Коллегии, – можно добавить ещё два пункта:

1. Уважение авторского права. Автор новых медиа должен с уважением относиться к труду других людей и избегать любого проявления плагиата.
2. Уважение прав и свобод. Автор новых медиа, получивший бесценное право на свободу слова и мысли, обязан/должен с таким же уважением относиться к правам других людей на свободу мнения, защиту от дискриминации в любых её формах, поддерживать основоположные права и свободы, даже если его личное мнение может расходиться с мнением его критиков.

Конечно, эти пункты можно сформулировать совсем иначе, я лишь предлагаю идею для вашего дальнейшего обсуждения».

Б.Н. Лозовский, д. фил. наук, профессор кафедры периодической печати и сетевых изданий Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, сопредседатель Уральской коллегии по жалобам на прессу:

Про п. 4 («Отделять факты от мнений»): «Над этим надо бы подумать крепко, поскольку есть субъекты, и их не так уж и мало, считающие, что сегодня этот профессиональный стандарт устарел и во многих случаях выводится из профессиональной журналистской ментальности за ненадобностью».

Про п. 7 («Отделять рекламный контент от нерекламного»): «Этот сюжет, как и некоторые другие, вызовет примерно ту же реакцию, как в 1994 году на Конгрессе журналистов спровоцировало более чем бурную дискуссию положение “Кодекса профессиональной этики российского журналиста” о недопустимости сочетания журналистской и рекламной деятельности. “Оглянитесь, – говорили выступающие, – найдете ли на просторах страны хоть кого-нибудь, кто бы этого не делал?” (Цитирую по памяти, но смысл тот). Да, если поступают так, то сие совсем не значит, что поступают правильно. Но из-за этой предложенной нормы Кодекс так и не был принят, а только одобрен».

Н.Н. Мешкова:

«В Новомедийный стандарт, все положения которого я поддерживаю, добавила бы такой пункт: “Избегать вторжения в частную жизнь, если речь не идёт о человеке, чья деятельность представляет общественный интерес”».

С.А. Куликова:

«Что касается содержания стандарта, то пункты 1, 3, 4, 5 полностью поддерживаю.

В п. 2 используется слово “пропаганда”, но непонятно, пропаганда чего. Очень многие блогеры в своих блогах “пропагандируют” ЗОЖ, правильное питание, спортивные занятия, туризм. В этом смысл их блогов. Понятие “другие информационные кампании” ещё шире: а если это кампания по сбору средств для помощи нуждающимся, кампания в пользу врачей или условного Ивана Голунова?

Пп. 6 и 7 – про конфликт интересов и подарки – очень трудно реализуемы. Вряд ли кто-то будет реально декларировать наличие такого конфликта или подарков».

От ведущего направление

Таким образом, Коллегия получила довольно значительный объём замечаний, в том числе критических. Основными просчётами разработчиков текста были признаны:

- 1) неудачное название, которое не учитывает современного словоупотребления и не вполне адекватно отражает адресата разрабатываемых рекомендаций;
- 2) отсутствие в преамбуле чёткого указания на то, для кого предназначены рекомендации.

Вопросы, предложенные экспертами к проработке:

- 1) Должны ли подобные рекомендации быть «облегчёнными» по сравнению с этическими рекомендациями для профессиональных журналистов? Насколько реалистично ожидать от создателей контента в цифровой среде, чтобы они следовали строгим журналистским правилам?
- 2) Какие у адресатов рекомендаций могут быть стимулы для того, чтобы этим рекомендациям следовать?

Этап 4. Интервью с практикующими блогерами и медийными экспертами

На этом этапе стало понятно, что нам сильно не хватает более глубокой проработки темы с экспертами и, что ещё важнее, мнений самих адресатов рекомендаций – создателей контента в цифровой среде, блогеров и их коллег. Поэтому было принято решение провести

несколько телефонных интервью – с практикующими блогерами и экспертами, которые в формате диалога могли бы более подробно, чем члены ЭКС в письменных ответах, изложить своё мнение по поводу проекта.

Мнения практикующих блогеров разделились. Так, **Дарья Саркисян** – медицинский журналист, сооснователь телеграм-канала о доказательной медицине «Намочи манту» (на 29.07.2020 – 83 614 подписчиков) и соведущая одноимённого подкаста на «Медузе» – отнеслась к идее создания таких рекомендаций скептически, отметив, что сделать этот проект работающим на практике чрезвычайно сложно и в целом это не имеет большого смысла. В то же время **Анастасия Красильникова** – журналист, создатель телеграм-каналов «Дочь разбойника» и «Вашу мать!» (на 01.08.2020 – 26 417 и 9 486 подписчиков, соответственно) и соведущая подкаста «Ты же мать» на «Медузе» – выразила более оптимистичный взгляд: по её мнению, наличие таких правил могло бы быть полезным и при хорошем раскладе повысить общий этический уровень цифрового контента в России.

Что касается экспертов, то оба они отнеслись к идее критически, но в то же время высказали важные замечания и предложили поправки к документу, которые могли бы сделать его более понятным и повысить шансы на его успешное применение на практике.

Заведующий кафедрой новых медиа и теории коммуникации факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова **Иван Засурский** помог уточнить понятие «новые медиа» и предложил свою версию того, какой могла бы быть мотивация создателей цифрового контента следовать предложенным рекомендациям. Директор Центра цифровых культур и медиаграмотности НИУ ВШЭ **Анна Качкаева** предложила конкретные критерии, которым должно соответствовать медиа, чтобы его можно было считать адресатом наших рекомендаций (позже эти критерии были добавлены в текст преамбулы).

Ниже приведены сокращённые версии этих четырёх интервью (интервьюер – эксперт ОКЖП *К.А. Назаретян*).

Интервью с практикующими блогерами

Дарья Саркисян, медицинский журналист, автор телеграм-канала «Намочи манту»

– *Что ты думаешь о проекте Новомедийного стандарта ОКЖП? Нужен ли блогерам такой документ?*

– Мне кажется, это немножко убивает дух блогерства и не соответствует ему. И, конечно, абсолютно нереалистично, чтобы люди этому следовали. Вот, например, конфликт интересов [6-й пункт проекта Новомедийного стандарта. – К. Н.]: в редакции, если я чувствую, что у меня возникает конфликт интересов, я иду к старшему редактору и мы с ним обсуждаем, реально ли влияет [конфликт интересов на то, что я пишу], как его минимизировать и стоит ли это указывать, если это влияет.

Блогеру, во-первых, чаще всего не с кем посоветоваться. Во-вторых, нужно определиться с тем, что такое конфликт интересов, чтобы все это более или менее понимали и указывали. А где они должны это указывать? Например, Тёма Лебедев [*дизайнер и блогер Артемий Лебедев*. – К. Н.]: у него есть госконтракты. Если он пишет про собянинскую плитку, что он должен написать? В каком месте он должен написать? Должен ли он написать? С кем ему посоветоваться, чтобы были приняты решения? Я не могу ответить на эти вопросы сама.

Ещё есть тролли. СМИ не могут быть троллями, но блогеры вполне могут. И они могут быть в какой-то момент неэтичными, грубыми, топить за кого-то. И мне кажется, это нормальная экосистема. Абсолютно точно не в силах блогеров следовать всем этим замечательным пунктам.

– *Не в силах, потому что они такие как бы незрелые? Или ты считаешь, что это и не нужно?*

– Да не нужно, потому что туда приходят люди из совершенно разных областей. Когда ты идёшь в журналистику, ты кое-как, но растёшь в этой среде, которая тебе прививает определенные ценности. Тебе говорят, что так, что не так. Тебе есть откуда брать эту информацию, и норма устанавливается обществом, она именно такая. Блогеры приходят из космонавтики, из маркетинга, откуда угодно. Им даже просто неоткуда брать эти знания. И требовать от них, чтобы они знали, как правильно, – это примерно как требовать от всех людей на свете, чтобы они были чистыми, светлыми, не ругали никого. А если мы им предъявляем такие требования, то давайте их наделять статусом СМИ в таком случае.

– *А надо стремиться к тому, чтобы они как-то более этично себя вели, или даже и не надо?*

– Не знаю. Понимаешь, можно много чего стараться делать – вопрос в КПД. Мне кажется, со СМИ этот КПД может быть гораздо больше. Даже если представить, что в соответствии с этим кодексом вынесено решение, что блогер Тёма Лебедев поступает абсолютно неправильно, – понятно, как онотреагирует. Какотреагирует какой-нибудь условный Зелёный кот (*автор популярного блога про астрономию*. – К. Н.)? Я думаю, ему тоже будет абсолютно пофиг. Мне кажется, эти решения никак не помогут.

– *А какой-то способ есть всё-таки их «цивилизовать» или нет?*

– Ты знаешь, мне кажется, пока это такая огромная группа людей – наверное, можно законодательно некоторые вещи установить. Если мы говорим о каком-то прямом вреде здоровью, например. Если это реклама, должно быть обозначено, что это реклама, по той простой причине, что люди должны понимать, что это не личное мнение врача, а он за это получил деньги и конфликт интересов был. В остальном... даже среди блогеров, которые занимаются научпопом, эти правила не работают. Люди исправляют свои ошибки и не указывают, что там раньше было ошибочное мнение. Они могут за кого-то топить и не писать про конфликт интересов. Эти вещи не работают даже в элитной прослойке блогеров. Поэтому я не думаю, что есть какие-то способы. Только законодательное регулирование.

Но на самом деле площадки уже очень давно занимаются модераторством. В какой-то степени – цензурой. Например, Instagram занимается, Facebook, YouTube, Pinterest. Может быть, кто-то ещё, кого я забыла. У Radiolab был классный подкаст – как вообще становилось модераторство в Facebook¹¹¹. Потому что без него никак. Иначе там будут видео с отрубленными головами и так далее. И там очень интересно, как они пытались найти какие-то компромиссы, когда кормящие грудью женщины начали выступать против того, чтобы блочили фотографии с оголённой грудью. А потом это стали использовать производители порно. Короче, им приходилось то ли каждый день, то ли каждую неделю делать собрания и устанавливать определённые корректировки к этим правилам. И это была очень ювелирная работа.

Сейчас они пытаются сделать то же самое в медицине. Например, это касается прививок. Они убирают куда-то [далеко] выдачу антипрививочных групп и постов и выдают выше пропрививочные. Или ставят ссылки на, по их мнению, классные источники. Про covid-19 это было. В России они ставили ссылки на Роспотребнадзор. Ещё есть группа сторонних фактчекеров. Я так и не добилась от их пресс-служб ответов, работают ли эти сторонние фактчекеры в России – вроде бы, нет. Пока они не работают, то есть российские посты остаются немодерируемыми. Но площадки могут и делают это.

Может быть, как-то так: самоорганизация – в какой-то минимальной степени, вот такие вещи (либо законодательно, либо с внутренними правилами площадки), и я боюсь, что это всё – просто потому, что это абсолютно не консолидированная группа людей.

– *А создавать кодекс совсем не нужно?*

– Если цель – иметь некий ориентир, кажется, что, наверное, можно. Но просто нужно [его] немножко ослабить. Потому что иначе получится, что примерно каждый первый пост, на

¹¹¹ Post No Evil // Radiolab. August 17, 2018. URL: <https://www.wnycstudios.org/podcasts/radiolab/articles/post-no-evil> (дата обращения: 12.07.2020). Позже вышла обновлённая версия: Post No Evil Redux // Radiolab. June 19, 2020. URL: <https://www.wnycstudios.org/podcasts/radiolab/articles/post-no-evil-redux> (дата обращения: 12.07.2020).

который пожалуются, будет не соответствовать. И, в общем-то, ожидать другого было бы странно.

Анастасия Красильникова, журналист, автор телеграм-каналов «Дочь разбойника» и «Вашу мать!»

– *Что ты думаешь про необходимость разработки этических стандартов для блогеров?*

– Я сама очень ревностно отношусь к репутации и все эти стандарты соблюдаю по своей собственной инициативе. И ужасно бешусь, когда вижу у коллег в Telegram рекламные публикации без пометки «реклама», например. Это вводит людей в заблуждение и очень дискредитирует площадку Telegram в целом.

И у меня есть всякие разные правила, которые я стараюсь соблюдать. Например, пару недель назад ко мне пришёл Life – они вообще регулярно почему-то ко мне приходят – и говорит: «У нас тут такая публикация про домашнее насилие. Опубликуйте у себя без пометки “реклама”. Мы вам заплатим деньги за это – вы нам трафик сделаете, приведёте к нам читателей». Но я уже давно решила, что любые публикации, за которые я получаю деньги, не могут быть без пометки «реклама», потому что это неэтично и это рано или поздно приведёт к тому, что моя репутация испортится. Даже если этого вдруг никто не увидит. И поэтому я отказалась. Ну, и вообще я отказалась ещё и потому, что это Life, а я не очень-то всё это котирую и поддерживать эту журналистику не хочу (хотя история сама была очень релевантная и написана была абсолютно нормально). Но при этом буквально через 15 минут после того, как я отказалась, в двух телеграм-каналах у людей, которые ведут смежные по теме блоги, появилась эта публикация.

– *Без пометки «реклама»?*

– Конечно.

– *Какие у тебя ещё есть внутренние правила для телеграм-каналов?*

– Я стараюсь искать всегда первоисточник, в 100 % случаев. Если у меня вызывает сомнение какой-нибудь скриншот из Instagram или ещё что-нибудь, я иду и ищу этот Instagram, нахожу в нём этот ролик или эту фотографию и только после этого пишу про это. Это касается всех новостей, любых высказываний. Более того, когда мне присылают новости, я понимаю, как они пишутся – иногда они, скажем так, не отражают реальное положение дел, там только заголовок громкий, а если вчитаться, то это никакая не новость, а просто взяли и раздули инфоповод из ничего. И поэтому я проверяю всё, то есть читаю внимательно первоисточники.

– *Получается, что ты работаешь по журналистским стандартам, по сути?*

– Типа того, да.

– *А как ты считаешь, писанные правила – они вообще кому-то нужны? Кто-то будет к ним прислушиваться? Или для журналистов это и так понятно, а нежурналисты, блогеры скажут: «Да идите вы...»?*

– Мне кажется, что это и журналистам далеко не всем понятно. То, чему учат на журфаке, в одно ухо влетает, в другое вылетает. Понятно, что все эти стандарты – это для каких-то очень честных, внимательных и глубоких людей. Другой вопрос – мне кажется, что в принципе, теоретически это очень полезно. Если бы условный Telegram, например, инициировал съезд телеграм-блогеров или какую-то конференцию, то на этой конференции было бы полезно послушать, что кто-то подумал о нас и предложил некоторый кодекс, которому хорошо бы следовать.

– *Как ты думаешь, это не вызовет сопротивления – что о вас подумал кто-то извне?*

– Ну, скорее всего, будет сопротивление. Но это уже смотря как подавать. [Одно дело подавать] с позиции, что нам очень хочется, чтобы вам было комфортно и чтобы ваша репутация не страдала. Поэтому вы можете этим пользоваться, а можете и не пользоваться –

как захотите. Но вот, может быть, этот свод базовых правил позволит вам легче делать выбор в сложной ситуации или позволит вам ориентироваться на что-то, когда вы в растерянности. А если ты говоришь, что это кодекс, который ты должен подписать кровью и никогда не нарушать – «Мы вам тут сейчас объясним, как вести блоги, а сами вы ничего не умеете», – это, конечно, совершенно другое.

– Ты считаешь, реально есть какое-то значительное количество блогеров, которые скажут: «Да, это полезно, буду держать под рукой и иногда заглядывать»?

– Мне сложно это сказать. Например, [можно] договориться всем вместе, что мы все в Telegram, например, используем хештег «реклама», когда делаем рекламные публикации. Вряд ли мы сможем договориться все. Но, может быть, если это будет проговорено, то это станут делать большее количество людей.

– Думаешь, кому-то это в голову не приходит?

– Вот я не знаю, как это работает, почему люди этого не делают. Может быть, действительно потому, что они не знают, что так надо делать? Не могу понять, не знаю.

Тут ещё надо сказать, что у всех людей, на самом деле, разная политика. Например, в телеграм-канале Кати Фёдоровой «Good morning, Karl!» [используется] хештег «партнёрский пост». У Кати, которая ведёт «Катины секреты», хештег «ad». И я помню, например, что ко мне приходил «Яндекс» с какой-то рекламой, и я им написала текст, и мы всё утвердили, и я им послала с пометкой «реклама» (это же ещё сами рекламодатели очень часто встают на дыбы), а они говорят: «Нет. Пометка “реклама” – это ужасно, нельзя. Давайте сделаем пометку “партнёрский пост”». Я говорю: «Я не делаю пометку “партнёрский пост”. Я бы хотела называть вещи своими именами». Мы разругались, и сотрудничество не состоялось. При том, что я уже потратила на них время, запланировала всё это, написала текст и так далее. Потому что мы не договорились о формулировке. Я к тому, что это было бы полезно не только людям, которые у себя на площадках отмечают рекламу, но и людям, которые рекламу дают.

– Кстати, да, это важно, спасибо. А как ты считаешь: должна ли этика блогеров быть менее строгой, чем этика журналистов? Или это должны быть одни и те же этические правила?

– Ты так говоришь, как будто все журналисты следуют этим высоким стандартам. Мы мало знаем журналистов, которые следуют хоть каким-то стандартам, на самом деле. Другой вопрос, что, наверное, не всем блогерам хочется нести такую ответственность, какую несут СМИ. Понимаешь, о чём я? Когда ты просто начинаешь вести свой блог, потому что тебе есть чем поделиться, а не потому, что ты хочешь стать известным, богатым и всё такое, ты решаешь: «Ну ладно, буду делиться». А потом внезапно этот блог начинают читать люди. И это необязательно твоё желание, чтобы у тебя была такая же по уровню ответственность, как у медиа. Это для очень многих всё-таки хобби, а не работа. Поэтому думать ещё о том, какие стандарты я в какой момент соблюдаю, когда веду свой блог, не всем, наверное, охота: это дополнительный геморрой. Когда блог достигает какой-то популярности, он из хобби становится работой. Многие бросают основную работу и начинают заниматься только блогами. Тогда им это может быть гораздо более актуально: они могут весь свой ресурс пустить на то, чтобы стать классным блогером. И для этого, в частности, соблюдать стандарты.

Должны ли они быть такими же, как у журналистов? Я не знаю. Мне кажется, это не так уж и важно. Мне кажется, что вот эти написанные [Коллегией] правила – это нормальные правила обращения с информацией, если ты эту информацию распространяешь. Я думаю, что вот эти слова, которыми ты обозначаешь – это журналистика, а это блог – они, на самом деле, очень скоро перестанут иметь такое обозначение, и люди перестанут вообще рефлексировать, на какой именно платформе они получают контент. Поэтому эта ответственность скоро станет размазанной между всеми, кто этот контент производит.

Ещё, если это не коллективный анонимный [блог], как «Беспощадный пиарщик», например, а личный блог, за которым стоит имя конкретного человека, как мой, то ответственность, конечно же, гораздо выше.

– А между журналистами и нежурналистами, которые ведут блоги, следует проводить различие? Есть блоги журналистов, как твои. А есть блоги, которые ведут тринадцатилетние девочки. К ним, к этим разным людям, можно применять одинаковые критерии или это нереалистично, неоправданно?

– Но это же не законы, за нарушение которых следует ответственность, правильно? Это рекомендации. Поэтому почему нет? Мне кажется, что сейчас тринадцатилетние девочки поумнее и посознательнее многих тридцатилетних будут.

– Это точно. А как ты думаешь, помимо кодекса, какие ещё есть способы «цивилизовать» эту медийную среду?

– Я бы с огромным удовольствием поучаствовала в какой-нибудь конференции и послушала людей, которые [ведут блог] на той же платформе, что и я, – с какими они сложностями сталкиваются, что им было бы классно, что не классно. Я же, например, лично не знаю авторов телеграм-каналов «Беспощадный пиарщик» или «Антиглянец». Но при этом мы все знаем друг друга заочно, у нас одни и те же могут быть вызовы и одни и те же проблемы, радости и сложности. И если бы была какая-то площадка, на которой теоретически можно было бы это всё как-то классно обсуждать, то было бы, наверное, неплохо.

Интервью с экспертами

Иван Засурский, заведующий кафедрой новых медиа и теории коммуникации факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, основатель интернет-издания «Частный корреспондент», президент Ассоциации интернет-издателей

– Что вы думаете об этике новых медиа? Чем они отличаются от этики традиционных медиа?

– Отличие очень простое. Новые медиа не являются тем местом, где работают профессионально подготовленные специалисты. Это то место, где кроме журналистов, профессиональных коммуникаторов, агентов, пиарщиков, большую часть пользователей представляют собой просто люди, которые не имеют никакой подготовки, кроме навыков использования платформ. Они никогда не учились скептически относиться к информации, проверять источники. Они не понимают определённые правила безопасности, которые необходимо соблюдать, когда ты публикуешь ту или иную информацию. Можно говорить о том, что это такое место, в котором происходит как бы частная коммуникация. Но в масштабах общества. Отсюда все проблемы.

– А если говорить о новых медиа не как о социальных сетях, а только как об околжурналистских проектах, продуктах?

– Тогда не используйте термин «новые медиа». Будьте более точными. Когда вы говорите «новые медиа», вы сразу должны понимать, что 80–90 % этой категории – это устройства, сети, технологии. Можно говорить о социальных медиа – это соцсети, к примеру. Возможно, вы хотите поговорить об онлайн-медиа? Это аналог СМИ.

– Возможно. Мы ожидаем, что в Коллегию будет поступать всё больше жалоб на материалы из блогов и всевозможных медиа, создаваемых непрофессиональными журналистами в сети. И мы думаем над тем, как их лучше обозначить.

– Это принципиальный вопрос. Давайте в нём ещё немножко разберёмся. Смотрите, у нас есть разные типы онлайн-медиа. Есть официально зарегистрированные электронные СМИ. Это онлайн-медиа, которые являются одновременно СМИ. На них действуют все законы, которые действуют на СМИ. Дальше – есть всевозможные YouTube-каналы. Есть Юрий Дудь, который одновременно и журналист, и блогер, и продюсер, и автор – но он как раз и ведёт себя как журналист, поэтому пример не самый удачный, это пример блестящего, но исключения. Что там с репутацией у анонимных телеграм-каналов? Какой у них кодекс?

Понимаете, чтобы был кодекс, нужна гильдия. У них нет гильдии. Вы хотите сделать гильдию для них? Я не уверен, что они хотят быть в гильдии.

Мне кажется, кодекс может быть неплохой идеей в том случае, если им будет кто-то руководствоваться. Если, например, Коллегия или суды при рассмотрении споров будут знать, каким является добросовестное поведение в той или иной ситуации. Но это же микрочасть того, что происходит. В основном, мы должны говорить о том, как себя должны вести интернет-пользователи, потому что всё это хамство, буллинг, обзывалки, дразнилки, травилки, линчевалки – всё это часть нашей жизни. Как бы мы с вами ни регулировали онлайн-медиа, мы никак не можем решить те реальные жизненные проблемы, которые портят жизнь.

– Но дело ли Общественной коллегии – решать настолько широкую проблему?

– В любом случае нужно решать те проблемы, которые беспокоят. Широкая она или узкая, можем мы её решить или нет – пусть это будет второй вопрос. С одной стороны. С другой, если вы хотите брать именно онлайн-медиа, там тоже есть что поделаться, наверное. Это менее, может быть, тяжёлая операция, менее масштабная. Тогда вам нужно каким-то образом с ними договариваться, чтобы люди понимали, как надо себя вести правильно.

Этический кодекс журналиста – это просто написанный кровью справочник по безопасности нашей профессиональной деятельности, с моей точки зрения. Ты не узнал у всех источников картинку, написал какую-то чушь, тебя кто-то спровоцировал, наплёл, а ты выступил с этим. А накажут в итоге тебя, а не того, кто тебе это устроил. И так же с этим. Нужно разъяснять, что они могут стать объектом судебного преследования за диффамацию, может ещё быть что-то. Эта логика мне кажется продуктивной, полезной.

– То есть вы считаете, что этический кодекс блогера должен, в первую очередь, отталкиваться от закона?

– Безусловно. Потому что онлайн-медиа не всегда являются частью профессиональной гильдии, а пользователи социальных медиа, как правило, не являются точно. Журналисты – это профессиональная корпорация. А есть люди, которые находятся за рамками этой гильдии и профессии. Возможно, не хотят даже объединяться в неё. Поэтому вы не можете от них ничего требовать. Они же ни на что не давали согласия. Но это полезно.

– Как вы считаете, насколько люди захотят ориентироваться на такой кодекс?

– Они совершенно точно не должны на него ориентироваться. Кодекс имеет рекомендательную силу. Если вы даёте им хороший совет, исходя из норм общего законодательства, чтобы они были в безопасности, они послушают, почему нет? Если вы хотите им рассказать с точки зрения профессиональных ценностей, то нет, они не являются журналистами и не считают себя обязанными следовать каким бы то ни было моральным принципам или профессиональным практикам. Но им полезно узнать, что такие принципы и практики существуют. Не все моют руки, но мыть руки полезно, говорить об этом – тоже.

– А какой, на ваш взгляд, самый эффективный способ «цивилизовать» эту среду?

– Самый эффективный способ – это сделать какой-то арбитраж, который будет достаточно заметным, как реалити-шоу почти. Там будет порядок изложения позиции сторон, будет процедура, методология принятия решения. Сначала – всю информацию о споре в открытый доступ. Второе – выступления сторон. Третье – незаинтересованные, но информированные и осведомлённые о законах наблюдатели совершают выбор: кто прав. Мотивируют его. Четвёртое – стороны принимают решение. Дальше у людей, которые спорят, появляется пример: «Так вот что бывает, когда спор рассматривают. Вот какие аргументы производят впечатление, вот какие не производят. Вот какую позицию эксперты считают правильной, а вот где они считают, что это ошибка». И за счёт этого логика, которая используется в этих рассмотрениях, постепенно становится доминирующей в коммуникации.

Анна Качкаева, директор Центра цифровых культур и медиаграмотности НИУ ВШЭ

– *Что Вы думаете о проекте Новомедийного стандарта ОКЖП?*

– Я не очень понимаю, для кого он.

– *Мы как раз пытаемся найти правильное определение. Я бы сказала, что он, в основном, для двух категорий людей: блогеров самого разного толка и авторов незарегистрированных СМИ / непрофессиональных журналистов. Но как эту общность назвать, мы пока не придумали.*

– Надо обозначить какие-то рамки. Определить, какие это блогеры. На что мы считаем разумным, чтобы обращали внимание? Конечно, на ресурсы, у которых есть какое-то влияние и охват. Тогда от трёх тысяч подписчиков – это, видимо, уже серьёзно. Дальше – все, кто регулярно появляется в социальных медиа и на цифровых платформах: как гражданские издания, так и продакшн-компании. Вот сейчас отделились цифровые ребята от «Новой газеты» – «Важные истории» они себя назвали. Они кто? Они не СМИ, они продакшн по расследовательским материалам. Но у них есть посадочная страница, сайт. И они материалы распространяют так же, как The Bell, по рассылке и во всех сетях. Или «Проект» Романа Баданина. Или «Медиазона», или «ОВД-Инфо». Никто из них не зарегистрирован как СМИ. Но мы их всех воспринимаем именно как СМИ. Потому что есть некоторое количество характеристик, которые в данном случае, видимо, должны быть зафиксированы.

Это те, кто периодически выходит, у кого есть постоянные авторы. Даже не будем говорить, что это редакция, потому что это уже не имеет значения. Редакции может не быть. Она может быть удалённой, распределённой. Но есть редакционная политика, периодичность выхода, большой охват, постоянные авторы, тематика и набор правил, которым следуют при написании материала и его выпуске в сеть. Это касается и индивидуального автора – блогера-миллионника в Instagram, и так далее. Или канала на YouTube, где тоже есть регулярность выхода, постоянный автор, объём, охват какой-то и редакционная политика (в том смысле, что есть формат, жанр или некоторая прокламируемая позиция).

Всё это нужно зафиксировать в обсуждаемом документе, определиться, как говорят в науке, с конвенцией понятий, решить – есть ли разница между разными блогерами, блогерами-журналистами и журналистами СМИ, СМИ и каналами медиа. Иначе дальнейший разговор бессмыслен. И если соглашаться с тем, что и традиционные журналисты, и гражданские журналисты, и блогеры, и представители социальных медиа на разных платформах производят контент для цифровой среды – и он служит общественному благу, – тогда документ декларирует общие вещи для всех этих категорий создателей. А вы видели первые кодексы блогеров, которые появились на заре блогинга?

– *Да-да, я их смотрела. Но они как-то зачахли в последние десять лет.*

– Потому что это ни к чему. Они ничему не помогли. Их никто не принимает. Почему я сразу сказала, что блогерский стандарт – довольно бессмысленная затея? Потому что это декларация «за всё хорошее, против всего плохого». Можно, конечно, как-то это проговорить, описать, обозначить... Этические кодексы блогеров обсуждались в мире лет 15 назад. Дело это не просто зачахло – оно стало историческим моментом, фиксацией попытки. На волне возмущений и непонимания, как это регулировать, была такая реакция: «Ребята, давайте мы как-нибудь будем жить дружно». И всё, на этом всё и закончилось, потому что потом регулирование стало связано с платформами, с авторским правом и т. д. Потому что когда уже законодательство давно «впереди паровоза» и по закону у нас готовы наказывать блогеров почти за всё, то какой тут кодекс? К чему мы будем людей призывать? Уже уголовные дела против них возбуждают, а мы какой-то кодекс тут принимаем для них.

– *Но кодекс нужен и самой Коллегии, для того чтобы понимать, по каким критериям оценивать такие материалы.*

– Тогда, может, это не кодекс. Когда мы говорим, что это кодекс, это предполагает, что его кто-то должен принять. А если он будет у Коллегии, а он никем не разделяем, то что?

– *Но он и называется пока не кодекс, а «Новомедийный стандарт».*

– Опять: «новомедийный» – это что? Уже все «новые медиа» – не новые. Какие они новые, когда они все вполне старые? Им всем по 15–20 лет. Это стандарт Коллегии для оценки материалов – так и надо перечислить – социальных, гражданских и прочих медиа в цифровой среде.

– Как вы думаете, есть ли какие-то ещё способы, кроме писаного кодекса, «цивилизовать» эту среду?

– Как всякая цивилизационная рамка – это вопрос наработывания кейсов и публичного спора вокруг тем, подключение к обсуждению профессиональных институций, заинтересованных общественных сил. И медиаграмотность. Ничего другого не придумали. Нужно повсеместно объяснять про необходимость критического мышления. Всё время сомневайся, всё время включай голову. Не торопись, не поддавайся панике, не распространяй вирусно контент. Помни, что слова (и особенно картинки) в буквальном смысле отзываются. Критическая автономия и ответственный подход к распространению контента – вот что должно быть главным для всех нас в цифровой среде.

– А как эту медиаграмотность распространять?

– Тоже ничего нового пока не придумано. Учить понимать медиа, просвещать, вовлекать в создание приемлемого контента, объяснять, как устроен цифровой мир, помогать выработке критического мышления. Так мы в Вышке последние пять лет и делаем. Курсы, школы, конференции, книги, игры, ролики. Я абсолютно убеждена, что медиаграмотность – это новая грамотность сегодня. И это часть языка современного человека.

От ведущего направление

На основании консультаций с членами ЭКС и телефонных интервью с экспертами и практикующими блогерами был создан *промежуточный вариант рекомендаций* (мы не приводим его здесь из соображений экономии места). Уже с этой версией документа началась подготовка к следующему большому этапу – круглому столу с участием экспертов и блогеров. Этому предшествовали подготовка и публикация вопросника проектного онлайн-опроса, призванного показать отношение к проекту широкой аудитории.

Этап 5. Онлайн-опрос

Онлайн-опрос¹¹² для максимально широкой аудитории был опубликован на разных аккаунтах социальной сети Facebook 20 июня и в несколько последующих дней 2020 года и к концу июля собрал 48 ответов. Он состоял из трёх содержательных вопросов:

- 1) Как вы считаете, должна ли этика блогера / автора сайта, не зарегистрированного как СМИ, чем-то отличаться от этики профессионального журналиста? Если да, то чем?
- 2) Нужно ли и возможно ли сформулировать единые этические правила для блогеров / авторов сайтов? Почему?
- 3) Известно ли вам уже об инициативах подобного рода? Каких?

Заместитель председателя Палаты медиасообщества Общественной коллегии по жалобам на прессу, психолог, тренер и менеджер проектов по медиаразвитию **О.А. Кравцова**, которая сделала большую часть работы по подготовке и проведению опроса, написала по результатам аналитическую записку, которую мы целиком приводим ниже.

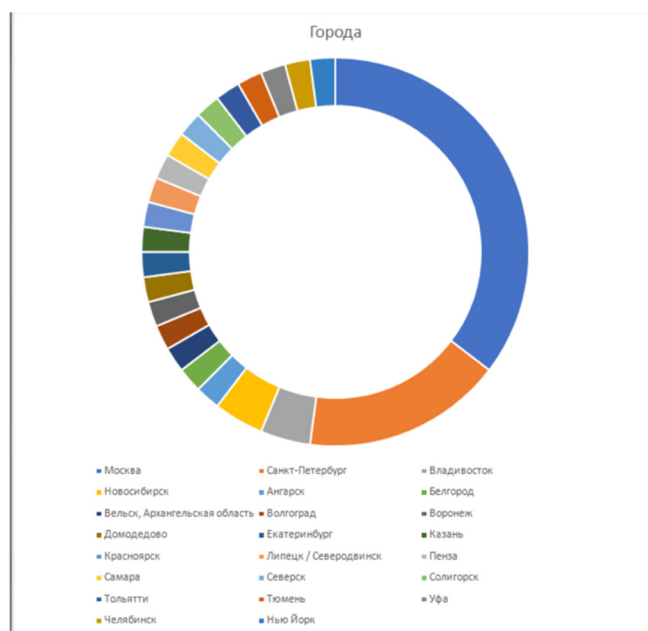
---

¹¹² Идеи к разработке рекомендаций по этике. URL: <https://forms.gle/jtBYL4m2kiuufniE6> (дата обращения: 30.07.2020).

Опрос «Идеи к разработке рекомендаций по этике для блогеров»

Форма ответа на все вопросы была открытой, отвечавший имел возможность добавить дополнительный комментарий и подписаться (по желанию).

В опросе приняли участие 48 человек: 17 человек из Москвы, 8 человек из Санкт-Петербурга, по 2 человека из Владивостока и Новосибирска и по одному человеку из ещё 18 российских городов, один человек из Нью-Йорка.

Ответы на вопрос «К какой медийной категории вас можно отнести (профессиональный журналист, редактор, блогер, владелец информационного сайта, представитель аудитории или др.)?» разделились следующим образом (форма ответа – свободная, можно было перечислить несколько категорий в одном ответе):

Профессиональный журналист / журналист	14
Блогер	8
Редактор	9
Редактор сайта	3
Преподаватели (руководители молодёжных медиацентров)	10
Представители аудитории	15
Владелец СМИ / Бывший владелец	2
Владелец сайта	1
Медиаконсультант	1
Медиаменеджер	1
Гражданин	1
Театральный критик	1

Учёный	1
Учредитель газеты	1
Эксперт Коллегии	1
IT-разработчик	1
Контент-продюсер	1

На вопрос «Как вы считаете, должна ли этика блогера / автора сайта, не зарегистрированного как СМИ, чем-то отличаться от этики профессионального журналиста? Если да, то чем?» 26 респондентов (54 %) ответили отрицательно (в разных формулировках: «Нет», «Не должна», «Нет, не должна», «Думаю, нет»).

Те, кто разделил этику блогеров и этику профессиональных журналистов, аргументировали это, например, так:

- «Они выполняют схожие функции, однако блогер может выражать своё мнение, что не столь допустимо в журналистике фактов»;
- «Блогер имеет право быть “тенденциозным”, т. к. личностная позиция всегда тенденциозна»;
- «[У блогеров] могут быть не только факты, но и мнения, суждения, больше субъективного»;
- «[Должна отличаться] личностным отношением, неофициальной речью»;
- «Журналист СМИ – объективен, а блогер – субъективен. Вижу разницу в этом»;
- «Блогерство (качественное) ближе всего к публицистике, на которую распространяются принципы этики профессионального журналиста»;
- «Да, он не должен так тщательно проверять источники»;
- «Проверять информацию – главное этическое требование к журналисту. Для блогера это правило может не быть обязательным»;
- «Однозначно должна. Цель журналиста (СМИ) – обеспечение права граждан (читателей, слушателей, зрителей) на объективную информацию, цель блогера – высказывание своего мнения. Оно априори пристрастно!»

Одним респондентом было высказано мнение, что «любые публикации блогера или сайта, не зарегистрированного как средство массовой информации, должны соответствовать нормам национального законодательства и международным нормам, касающимся свободы слова. Дополнительные правила будут являться средством ограничения свободы слова» (блогер из Северска Павел Рябов). Другой респондент не в ответе на этот вопрос, а в дополнительных комментариях написал: «Хорошая идея. Главное, чтобы не вылилось в выдачу штрафов тем, кто не соответствует:):)» (обозначил себя как «журналист, редактор, блогер, владелец сайта, представитель аудиторрии», Москва).

Профессиональный журналист В.В. Познер ответил: «Отличие заключается в том, что блогер / автор сайта не предполагает какой-либо этики, потому что это не профессия».

На вопрос «Нужно ли и возможно ли сформулировать единые этические правила для блогеров / авторов сайтов? Почему?» 29 респондентов (60 %) ответили в той или иной формулировке утвердительно, 13 респондентов (27 %) – отрицательно. Интересно, что и среди тех, кто ответил «да», и среди тех, кто ответил «нет», звучали схожие аргументы: этика блогеров либо соответствует общечеловеческой этике («Этические нормы определяются не профессией, а воспитанием человека», «Нет, потому что они такие же, как этические правила для людей», «Возможно, потому что у их деятельности одна суть, и все требования/ограничения к ней следуют из общечеловеческой этики»), либо профессиональной журналистской.

Также встречались такие аргументы: «Нет единого профессионального сообщества, которое могло бы формально или неформально принять единые правила», «И[нтер]нет – это саморегулирующаяся система», «Это уже сделано действующим национальным законодательством и международными нормами, касающимися свободы слова. Формулировка дополнительных правил только ограничит свободу слова», «Нет, каждый вправе быть свободным в своём деле, творчестве», «Очень сложно. Многим юным блогерам присущи максимализм и бунтарство. Они всегда нарушали и будут нарушать любые правила, тем более если не зарегистрированные».

Интересно, что по времени соседствовали два ответа на этот вопрос: «Возможно, но не нужно» и «Нужно, но едва ли возможно».

На заключительный вопрос «Известно ли вам уже об инициативах подобного рода? Каких?» 35 респондентов (73 %) дали короткий отрицательный ответ.

Среди развёрнутых ответов были такие:

- «Пивоваров, Пьяных, FakeNews»;
- «Германия, Великобритания, Голландия, скандинавские страны»;
- «Некоторые компании внедряют руководства по работе в соцмедиа для своих сотрудников»;
- «У нас [в медиаорганизации] есть сообщество блогеров, которые придерживаются определённых правил и стандартов. Это не влияет на свободу письма, но повышает их статус как профессиональных райтеров и лидеров общественного мнения, имидж редакции. Есть блог-редактор, который контролирует формальную “чистоту”, законность и другие этические моменты блог-постов (речь не только о модерации комментариев)»;
- «На заре популярности блог-платформ такие идеи обсуждались, но не помню, чтобы были реализованы. Есть локальные правила у ЖЖ, у “Яндекс.Дзена”, они очень общие»;
- «Не могу сказать, что это была разработка общей этики, но периодически так называемые независимые СМИ объединяются вокруг некоторых общих ценностей. Например, кейс Голунова [...]»;
- «Государственная Дума РФ регулярно поднимает вопросы об ограничении свободы слова в медиасфере [пример – недавно принятая поправка в УК “Оскорбление представителя власти”]».

Этап 6. Круглый стол с участием блогеров и медийных экспертов

Одним из ключевых этапов в разработке этических рекомендаций для авторов контента в цифровой среде стал «круглый стол», на котором представители блогерского и экспертного сообществ обсудили необходимость и возможность создания таких рекомендаций.

«Круглый стол» был проведён 30 июня 2020 года в формате онлайн (на платформе Zoom), участие в нём приняли полтора десятка человек (полный список участников можно посмотреть в описании видеозаписи на платформе YouTube¹¹³). Каждый третий участник был блогером (в том числе, ведущим 2–3 блога), а каждый второй – членом Общественной коллегии по жалобам на прессу, российского органа медийного само- и саморегулирования.

Объясняя интерес Коллегии к результатам поиска на данном направлении, сопредседатель Коллегии **М.А. Федотов** сказал: «Мы решили, что нам нужно продумать вопрос о том, не может ли Коллегия быть полезна блогерам, когда у них возникают проблемы, прежде всего, этического характера. Мы подумали, что, может быть, ту роль, которую Общественная коллегия по жалобам на прессу играет в сфере традиционных СМИ, она могла бы сыграть и для блогосферы. <...> Мы хотим понять, насколько возможно и насколько целесообразно развитие в этой сфере системы профессионально-этического

¹¹³ Этические рекомендации для создателей контента в цифровой среде. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IChrxTqHOк0&t=507s> (дата обращения: 31.07.2020).

саморегулирования и гражданского сорегулирования, насколько мы можем быть полезны для этой сферы».

Модератором круглого стола выступила известный медиаюрист, директор Центра защиты прав СМИ и член Палаты медиааудитории Общественной коллегии по жалобам на прессу **Галина Арапова**.

Обсуждение сложилось вокруг нескольких основных тем:

- 1) кого считать адресатом обсуждаемых рекомендаций (и вообще блогером);
- 2) какая может быть мотивация у создателей контента в цифровой среде к тому, чтобы прислушиваться к этим рекомендациям;
- 3) как популяризировать идею этических рекомендаций для создателей контента в цифровой среде: чего им на самом деле не хватает и чем ещё могла бы им быть полезна и интересна ОКЖП.

Кроме того, «по касательной» были обсуждены два конкретных пункта предлагаемых рекомендаций, варианты названия документа и будущее этического регулирования цифрового контента в мире.

Для кого рекомендации

Дискуссию по первой теме открыла **Елена Савинова**, автор телеграм-канала «О прививках без истерик» (на 01.08.2020 – 5138 подписчиков) и одноимённых пабликов во «ВКонтакте» (11 013 подписчиков) и в Facebook (5053 подписчика). Она рассказала, что, помимо тематического блога о прививках, рассчитанного на максимально широкую аудиторию, у неё есть личные блоги в Facebook и во «ВКонтакте», которые с течением времени приобретают всё большую посещаемость и к контенту которых незнакомые люди стали предъявлять некие требования и претензии. «Я вижу, что то, что я воспринимаю как свою личную страницу, как дневник, где я, в том числе, высказываюсь на общественно-политические темы, но также у меня там рассказы о своих детях и всякая такая “бытовуха”, люди начинают всё чаще воспринимать как блогерство и как работу», – сказала Елена. Она отметила, что если тематический блог она готова вести по предлагаемым правилам (более того, интуитивно именно так и делает) и для подобных блогов она готова такие правила всячески популяризировать, то насчёт личного блога она не уверена.

Главный редактор Фонда независимого радиовещания, представитель фестиваля «Вместе медиа» **Александр Винокуров** тоже обратил внимание на то, что блог блогу рознь и не вполне понятно, по каким критериям их разграничивать: «Я знаю немало каналов в Telegram, где есть 10 [подписчиков] у автора. И ему достаточно. Он просто пишет. Он блогер в этот момент? Сегодня это внутреннее такое состояние, внутреннее определение для человека – “Блогер я” <...> – или же есть какие-то количественные и качественные показатели?»

Мультимедийный продюсер и медиатренинг **Оксана Силантьева** отметила сильную неоднородность блогерского сообщества по сравнению с профессиональным журналистским: если в рамках профессионального цеха есть показатели качественной некачественной работы, то то, что мы пытаемся нащупать, называя это общим словом “блогеры”, – это фактически общество в миниатюре.

Ольга Кравцова, член Палаты медиасообщества ОКЖП, психолог, тренер и менеджер проектов по медиаразвитию, поделилась в этой связи интересной информацией об опыте советов по прессе в других странах. На сайте Альянса советов по делам прессы Европы она задала вопрос: «Регулируете ли вы как-то блогеров? Жалуются ли вам на блогеров?» Ответы получились очень разные. Например, во Франции решили, что важно не то, к какому медиа принадлежит журналист, профессиональный он журналист или блогер, а то, что он по факту делает. Критерием для них стал *journalistic act* – то есть журналистское действие. «Это акт сбора и опубликования (*making public*) фактов, которые находятся в области общественного интереса, и для исключительной цели информирования общественности, – пояснила Ольга. – То есть, [возможно], здесь может быть какой-то для нас критерий: какой блогер ближе к журналисту, а какой ближе к писанию просто публичного дневника».

Конкретный критерий для разграничения между теми, к кому относятся рекомендации ОКЖП, и теми, к кому нет, предложила **Анастасия Красильникова** – автор телеграм-каналов «Дочь разбойника» (на 01.08.2020 – 26 417 подписчиков) и «Вашу мать!» (9486 подписчиков): «Я бы хотела коротко отметить, что как человек, который ведет блоги уже достаточно давно и зарабатывает на этом, я бы предложила, возможно, считать блогерами тех людей, которые имеют с этого денежный доход. Мне кажется, что аудиторией это всё сейчас уже, скорее, не измеряется, а вместе с доходом, то есть когда твой блог становится твоей работой, приходит та самая ответственность – по крайней мере, я это чувствую на себе».

Какой может быть мотивация

Тон дискуссии по второй теме – про мотивацию производителей контента – задала политолог, преподаватель РАНХиГС, доцент «Шанинки», автор именных каналов в YouTube (на 01.08.2020 – около 309 000 подписчиков) и Telegram (39 801 подписчик) **Екатерина Шульман**. «Люди связывают себя правилами, подписывают какие бы то ни было ограничения (любая такого рода хартия – это ограничение) при одном условии: если они за это что-то получают, – сказала она и отметила, что журналисты получают за свою деятельность зарплату, в то же время блогеры часто публикуют контент на иностранных площадках, которые имеют свои собственные – далеко не всегда понятные и публичные – правила и ограничения, и они тоже стали себя в последнее время во многом ограничивать, – Посмотрите, как за короткое время все стали ужасно скромные: мало кто матерится, редко кто вывешивает картинку с голым человеком, избегают названия разных национальностей, потому что мало ли, ещё что-то не то скажешь, там, Пушкина не к месту процитируешь, придёт к тебе ночью страшная цензура и всё уничтожит. А для людей это важная платформа: там они и деньги зарабатывают, и социализируются, и общаются с близкими, и, в общем, работа во многом туда тоже переехала. Поэтому если смысл того, чтобы соблюдать журналистские ограничения или ограничения платформ, в целом понятен, то об обосновании дополнительных внешних ограничений ещё нужно подумать. Если вы предлагаете ещё какие-то дополнительные ограничения, то должно быть понятно, что [люди] за это получают».

На эту же тему высказался председатель Палаты медиаобщества ОКЖП, медиаюрист и профессор ВШЭ **Михаил Федотов**: «Я думаю, что мы можем здесь опереться на такой существующий правовой институт, который называется “знак соответствия”. Вот есть товарные знаки (но это другое), а есть знаки соответствия. Знак соответствия означает, что тот или иной товар действительно соответствует заявленному качеству. Эти знаки соответствия выдает независимая, негосударственная, как правило, международная структура, которая, например, отвечает за качество товаров из натуральной шерсти. Вот они <...> проверяют, действительно ли эти товары из натуральной шерсти и нет ли там каких-либо примесей, и они разрешают этим производителям на своём товаре делать этот знак соответствия. Мне кажется, что вот такой знак соответствия может быть и у тех блогеров, которые сказали: да, мы не будем материться, мы не будем никого оскорблять, мы будем делать общественно полезное дело, и мы будем подчиняться той структуре, которая выдаёт эти самые знаки соответствия, и если она скажет <...>, что мы что-то нарушили, – значит, мы исправимся. И не надо по поводу нас обращаться в суд и бежать куда-то в прокуратуру».

Галина Арапова на это ответила, что люди, которые не являются профессиональными распространителями информации, вполне могут не знать, в частности, хитросплетений законодательства, и поэтому этические рекомендации можно преподнести как предложение защиты: «Как некий навигатор: как вам продолжать распространять информацию по тем темам, которые вы считаете важными, и при этом не подвергать себя лишним рискам. Это такая – условно – прививка, <...> инструкция, как делать то, что вы считаете [нужным] для реализации своего права на свободу слова и при этом не чувствовать себя в ситуации риска, что к вам придут, постучат, подадут на вас в суд, будут вам трепать нервы, вас заблокируют по жалобам какого-нибудь пользователя, или правоохранительных органов, или

правообладателя. <...> Мне кажется, что эта защита, если её мягко подать, может быть воспринята условным блогерским сообществом как нечто полезное».

Соавтор обсуждаемых рекомендаций и эксперт Коллегии **Каринэ Назаретян** на это заметила, что Иван Засурский в интервью (которое приведено выше в этом разделе), к примеру, представляет этические правила как разъяснение норм права для тех, кто не может разобраться в законе, но что она не вполне с этим согласна: «С одной стороны, я согласна, что такая функция есть у этического свода правил, с другой стороны, мне кажется, что он ни в коем случае не сводится к этой функции». Этические правила, по её мнению, существуют не только и не столько для того, чтобы не попасть под юридическую ответственность, сколько для того, чтобы общество доверяло авторам контента.

Ольга Кравцова напомнила и про ещё одну функцию этических правил, которая действует, во всяком случае, в журналистике: «Если индустрия будет регулировать себя сама, будет меньше соблазнов у государства ставить внешние рамки». Она отметила, что государство уже пытается зарегулировать и блогеров тоже.

Как популяризировать идею рекомендаций и чего не хватает блогерам

В продолжение темы мотивации и юридических ловушек **Анастасия Красильникова** затронула важный вопрос о том, чего действительно не хватает блогерам и чем их можно было бы «зацепить». Она сказала, что многих блогеров, возможно, будет сложно заинтересовать этическими рекомендациями не только потому, что они «хулиганы», но и потому, что они очень заняты и им «вообще не до этого». Поэтому она предложила бы действовать иначе: «Если мы думаем о том, как популяризовать эту затею, я бы предлагала заходить, может быть, не с правил, потому что правила и ограничения <...> воспринимаются часто как попытка навязать что-то, а люди становятся блогерами во многом потому, что это их освобождает, развязывает им руки и они, наконец, могут высказать то, что наболело – в том числе, критиковать других людей и т. д. Поэтому я бы, может быть, заходила со стороны юридической поддержки. <...> Например, многие люди, которые хотят зарабатывать на своих блогах, не знают, как это правильно сделать и как это всё организовывать. Если бы у них был какой-то свод рекомендаций – как это всё классно, юридически грамотно организовать, – я думаю, что это могло бы быть им как раз полезно. <...> Если бы им дали простую инструкцию, которая бы реально им для начала облегчила жизнь <...>, возможно, потом они стали бы прислушиваться и к другим рекомендациям и советам от таких организаций».

Эту идею развила **Ольга Кашубина**, медицинский журналист и автор телеграм-канала «ШБмнк» (на 01.08.2020 – 10 639 подписчиков): «Тут как с детьми: вместо того, чтобы что-то запрещать и говорить, где границы, надо наоборот – сказать, что можно. Как мы все понимаем, люди уходят в блогеры часто не от хорошей жизни, а потому, что они были зарегламентированы в традиционных СМИ, и более того, возможно, их в этих СМИ очень сильно обожгли как раз этими правилами и ограничениями. И я бы подарила огромный запас лояльности организации, которая бы мне сказала: “Окей, вы блогер, вот что вам можно, чего вам было бы нельзя в официальных СМИ”. Я бы ухватила за этот список». Уже после такого списка, по словам Ольги, можно было бы дать те конкретные этические рекомендации, которые предлагает ОКЖП. Ведь понимание своих свобод отчасти стимулирует нас согласиться и на какие-то правила. Ольга отметила, что это можно исполнить даже чуть хулигански и провокационно, хотя совершенно не обязательно. Но таким образом можно было бы добиться того, что эти рекомендации стали бы распространяться вирусно.

Манана Асламазян, консультант проектов Internews в странах Центральной Азии и Кавказа и член Палаты медиасообщества ОКЖП, предложила популяризировать рекомендации постепенно и планомерно: «Может быть, как маленький итог сегодняшнего обсуждения <...> мы опубликуем драфт этого этического кодекса. И скажем, что Общественная коллегия по жалобам на прессу готова рассматривать жалобы на блогеров, если блогеры согласны с тем сводом этических правил, которые мы для себя опубликовали. И тогда мы готовы вас защищать, рассматривать жалобы на ваш блог, пытаться найти примирение.

<...> Не пытаться призвать всех блогеров подписать и немедленно создать какой-то синий значок, а тихо начать работать в этом направлении в рамках Коллегии».

Директор Центра цифровых культур и медиаграмотности ВШЭ и член Палаты медиасообщества ОКЖП **Анна Качкаева** высказалась критически и поддержала идею юридических рекомендаций для блогеров: «Я думаю, что должно быть несколько типов рекомендаций. Рекомендации про скрижали “За всё хорошее, против всего плохого” – это для семинаров, обсуждений, просвещений и т. д. И более юридическая история <...> – для тех, кто себя как-то обозначает людьми, которые зарабатывают на блогинге».

Конкретные пункты

В рамках полуторачасового круглого стола времени на то, чтобы подробно обсудить каждую из предлагаемых рекомендаций, не хватило, да и задачи такой всерьёз не стояло: сначала необходимо было разобраться с основополагающими вопросами. Однако по касательной эту тему всё-таки затронули. Так, **Елена Савинова** подняла очень интересный вопрос о том, как быть с детскими блогами: во-первых, блогами подростков, а во-вторых, блогами, которые родители ведут про детей или от имени детей. Она отметила, что ей не встречалось никаких формальных рекомендаций на эту тему, хотя ей как маме было бы интересно увидеть что-то подобное: «Мы не знаем, что будут чувствовать эти дети, родители которых очень много и подробно рассказывали или вовсе монетизировали всё это дело. Вот этот пункт мне бы тоже очень хотелось увидеть в таком кодексе».

Другой вопрос про конкретные рекомендации касался использования ненормативной лексики. Сначала он всплыл случайно в качестве примера, но затем на нём задержались чуть подробнее. **Каринэ Назаретян** заметила, что в блогах очень часто матерятся и ожидать, что блогеры вдруг перестанут это делать, нереалистично; это как раз пример «лишней» рекомендации, которой не стоит утяжелять документ. **Галина Арапова** согласилась с ней как юрист: «По поводу мата должна сказать, что даже Европейский суд не ставит полный запрет на использование инвективной лексики даже журналистами, потому что речь идёт о том, что злоупотребление свободой слова будет только в том случае, если ты используешь этот мат адресно с целью оскорбить конкретного человека. Всё остальное – это, в общем, свобода слова, поэтому, конечно, это абсолютно лишний запрет». Небольшое уточнение внесла **Елена Савинова**: «Моё личное наблюдение, что мат расхолаживает людей и снижает культуру общения. Там будет, более вероятно, переход на личности, оскорбления в комментариях. Нужно, не запрещая и не навязывая, просто рекомендовать внимательно относиться к мату», – сказала она, отметив, что как лингвист не может считать, что мат – это плохо, и иногда использует его сама.

Варианты названия

В чате программы Zoom участникам круглого стола было предложено писать альтернативные варианты названия. **Оксана Силантьева** предложила название «Скрижаль 10» – правда, уточнила, что это не серьёзное предложение, а скорее, аллюзия на Моисеевы скрижали. **Елена Савинова** предложила «10 тезисов блогера» по аналогии с «95 тезисами Мартина Лютера», отметив, что название «Новомедийный стандарт» без контекста было ей непонятно. **Ольга Кашубина** написала: «Название и суть должны быть максимально рекомендательными. Блогер по умолчанию хочет сохранять свободу слова, а когда ему на входе выдают какой-то свод правил – это невротизирует». **Анна Качкаева** согласилась, что словом «кодекс» это называться не должно.

За кем роль регулятора в будущем?

В самом конце круглого слова завязалась интересная дискуссия о том, кто будет регулировать цифровой контент в ближайшее время. **Галина Арапова** рассказала, что в силу её работы как медиаюриста она взаимодействует с коллегами на международном уровне, и сейчас там активно обсуждаются попытки ведущих платформ социальных медиа разработать

свои собственные правила поведения. В частности, Facebook уже активно над этим работает и даже сформировал специальный комитет с участием ключевых специалистов области свободы слова, который будет заниматься именно этическим регулированием. **Анна Качкаева** добавила, что весь мир идёт именно по этому пути: «Платформы этим и будут заниматься. <...> Эта тенденция не про нас с вами, это тенденция про мир платформ, который наступил. <...> Они и начинают думать о том, что им нужен кодекс. Как во всякой профессиональной деятельности». **Галина Арапова** с этим согласилась, но отметила, что эта тенденция беспокоит специалистов, потому что напоминает «ящик Пандоры»: «Мы, медиаюристы, говорим о том, что по сути дела мы столкнулись с тем, что регулирование платформами создает некоторую надгосударственную юрисдикцию. Потому что они устанавливают собственные правила, которые не являются правилами конкретного государства: им подчиняются от Филиппин до Перу, и все остальные. И поэтому тут вопрос: что делать нам? Мы должны ждать, пока они, опять же, нас зарегулируют? Чем это будет отличаться от государственного регулирования?» **Анна Качкаева** ответила на это, что мы должны туда попасть, а государства всё равно будут институционально не успевать за тем, что будут диктовать платформы.

В заключение модератор перечислила основные затронутые темы и предложила вернуться к разговору в будущем – с обновлённым документом, возможно – с изменённым подходом и в другом формате.

Этап 7. Анализ собранных мнений и новый вариант рекомендаций

Несколько этапов консультаций с экспертами и блогерами позволили накопить большой объём ценных замечаний, многие из которых легли в основу изменений в тексте рекомендаций ОКЖП.

Во-первых, было решено изменить название. Его рабочий вариант – «Новомедийный стандарт» – не понравился практически никому: многие не поняли, о чём речь, многие отметили, что термин «новые медиа» гораздо шире, чем та область, которую ОКЖП хочет охватить рекомендациями, и вообще устаревает. В результате круглого стола стало понятно, что ни «стандартом», ни «кодексом» такой документ называться не должен, а наиболее уместно было бы назвать этот список правил «рекомендациями».

После дополнительных консультаций с экспертами было выбрано название «Этические рекомендации для создателей контента в цифровой среде». Представляется, что оно адекватно отражает содержание документа и достаточно точно определяет адресата этих рекомендаций.

Во-вторых, была смягчена модальность самих рекомендаций: так как это не кодекс и не стандарт, указание на долженствование, присутствовавшее в изначальной версии документа, стало выглядеть неуместно. Во всех пунктах формулировки со словами «должен», «обязан» были исправлены на более мягкие: «блогер избегает», «блогер указывает источники» и т. д.

В-третьих, в преамбулу было включено уточнение, связанное с адресатами рекомендованных правил. Были выбраны следующие критерии, которым должны соответствовать медиа: адресаты рекомендаций (их предложила **Анна Качкаева**), регулярное обновление контента, значительный охват аудитории, наличие постоянного автора / постоянных авторов и редакционной политики / заданной тематики. Это задаёт довольно чёткие рамки того, о каком именно цифровом контенте мы говорим, и сразу отбрасывает такие виды контента, как, например, комментарии в соцсетях (которые, однозначно, не подразумевались при написании рекомендаций) или личные блоги, где люди пишут на самые разные темы (таким образом решается проблема, о которой говорила на круглом столе **Елена Савинова**: её личный блог, даже с учётом большой посещаемости, не подпадает под наши рекомендации, поскольку не является тематическим). Какое именно количество подписчиков подразумевается под «значительным» охватом аудитории, пока было решено не конкретизировать, но, возможно, это будет сделано в последующих вариантах рекомендаций.

Предложенный **Анастасией Красильниковой** критерий, согласно которому адресатами рекомендаций можно считать людей, получающих от своего блога денежный доход, был отклонён как слишком узкий: тематический блог про прививки, не приносящий Елене Савиновой никакого дохода, в таком случае не относился бы к этим рекомендациям, хотя, в нашем представлении, он должен к ним относиться.

В-четвёртых, в текст рекомендаций были включены новые пункты, предложенные членами ЭКС: про уважение авторского права, уважение прав и свобод и уважение частной жизни. Насколько эти пункты соответствуют концепции «минимально достаточного» набора установок, будет обсуждаться в дальнейших дискуссиях.

Пункт про пропаганду, несмотря на замечание **С.А. Куликовой** о том, что понятия «пропаганда» и «прочие информационные кампании» слишком размыты, решили оставить, удалив из него упоминание «прочих информационных кампаний». Понятие «пропаганда», вероятно, предстоит уточнить в последующей работе над рекомендациями путём дополнительных консультаций с экспертами.

Пункт про обценную лексику, который обсуждался на круглом столе, было решено не добавлять.

Идея создания рекомендаций для родителей, которые ведут блоги про своих детей либо чьи дети сами ведут блоги (её высказала на круглом столе **Елена Савинова**), показалась участникам стола интересной, заслуживающей дальнейшего обсуждения, но не в рамках работы с обсуждаемыми рекомендациями.

Общая концепция «облегчённых» правил для блогеров как основных создателей контента в цифровой среде осталась неизменной.

Провокативное, по оценке самого автора, предложение **Ольги Кашубиной** – преподнести рекомендации так, чтобы они стали вирусно распространяться в Интернете (сделав акцент не на полезных самоограничениях, а на свободах блогера, на том, что можно ему, но нельзя СМИ) любопытна, но очевидно требует серьёзной проработки и дальнейших обсуждений с экспертами.

Предложенная **Анастасией Красильниковой** и поддержанная **Анной Качкаевой** идея составить, помимо морально мотивированных (квазиэтических), ещё и собственно юридические рекомендации для создателей контента в цифровой среде представляется безусловно интересной и, как можно предположить, практически реализуемой (как минимум с учётом удельного веса практикующих юристов и экспертов по медиаправу в составе Палат нынешней, «четвёртой» Коллегии), но уже определёнno за пределами того проекта, в рамках которого велась и продолжает вестись работа по выработке именно *морально мотивированных* рекомендаций для определённой категории авторов контента, распространяемого в цифровой среде.

Этап 8. Формирование модифицированной версии рекомендаций

С учётом замечаний и рекомендаций, полученных на встречах с экспертами, была подготовлена следующая, уже третья по счёту, версия рекомендаций. Приводя проект документа, его разработчики предупреждают о том, что и эта версия тоже рассматривается ими как промежуточная, требующая доработки с помощью тех, для кого она предназначена.

Интернет до неузнаваемости изменил не только повседневную жизнь современного общества, но и саму медиасреду. Помимо традиционных медиакомпаний и корпораций, появилось огромное количество новых участников информационного пространства, работающих в одиночку (блогеры) или малыми группами (видеоблогеры, коллективы любительских медиа и др.), многие из которых пришли не из журналистики, но занимаются деятельностью, схожей с журналистской. При этом, к сожалению, далеко не всегда они обнаруживают готовность проявлять уважение к тем, к кому обращаются, и заботу о надёжности распространяемой информации.

Общественная коллегия по жалобам на прессу в последние годы всё чаще получает обращения в связи с публикациями нетрадиционных, цифровых медиа. Стремясь к максимальной корректности по отношению к новым для неё адресатам жалоб, Коллегия не находит на данном этапе не только устоявшихся, но и просто согласованных в главном и хотя бы частично освоенных новыми участниками информационного пространства правил поведения в многомерной медийной среде.

Признавая необходимость реагировать на обнаруженную ситуацию доступными ей средствами, Коллегия посчитала оправданной попытку выработать собственные критерии и ориентиры, позволяющие минимизировать ошибки и угрозы гражданину и обществу при распространении в цифровой среде информации, представляющей, в том числе, серьёзный общественный интерес.

Настоящие рекомендации направлены на те площадки в интернет-пространстве, которые не причисляют себя к профессионально журналистским и при этом соответствуют следующим критериям: 1) регулярное обновление контента, 2) значительный охват аудитории, 3) наличие постоянного автора / постоянных авторов и 4) наличие заданной тематики / редакционной политики. Это могут быть блоги, видеоблоги, телеграм-каналы, подкасты, непрофессиональные информационные ресурсы и другие формы медиа. Для удобства все они обозначаются в этом документе словом «блоги», понимаемом в расширительном смысле. Авторы подобных медиа, соответственно, именуется далее «блогеры».

Их вниманию Коллегия предлагает набор установок, рекомендуемых правил подхода к отбору и распространению информации, выделенных ею в качестве *минимально достаточного* для отнесения к категории «правил честной игры». Как представляется, этот набор может быть признан пригодным к использованию самой Коллегией при рассмотрении жалоб на создателей контента в цифровой среде. Коллегия подчёркивает: настоящие рекомендации – не предписание, а лишь *ориентир для непрофессионалов* в сфере массовой коммуникации.

Коллегия надеется, что проявленная ею инициатива будет замечена блогерами, прежде всего в России. И что, пройдя проверку опытным путём, она будет хотя бы частью из них принята к устойчивому практическому применению. Коллегия также надеется, что предложенная ею модель послужит основой для выработки новыми участниками информационного пространства собственных вариантов правил подобного рода. На данном этапе Коллегия рекомендует блогерам придерживаться следующих установок:

1. Быть правдивым. Блогер не обязан соблюдать таких же строгих требований к верификации публикуемой информации, как профессиональный журналист, но считает необходимым проводить проверку распространяемой информации в рамках доступных ему возможностей.

2. **Держаться в стороне от пропаганды.** Блогер избегает вовлечения в пропагандистские кампании, в производство и распространение фейковых по содержанию и смыслу новостей.

3. **Отделять факты от мнений.** Блогер не обязан быть беспристрастным и может заниматься защитой или отстаиванием тех или иных идей, но он не выдаёт слухи за факты и называет мнения мнениями.

4. **Ссылаться на источники.** Блогер уважает свою аудиторию и указывает основные источники распространяемой им информации, позволяя пользователям контента, конкретным людям, прежде всего, самостоятельно решать, доверять ей или нет. Если источник, на который даётся ссылка, имеет сомнительную репутацию либо обнаруживает склонность к подходу «Цель оправдывает средства», автор обращает на это внимание аудитории.

5. **Уважать авторские права.** Блогер уважает чужой труд и избегает любых проявлений плагиата.

6. **Исправлять ошибки.** Блогер, дорожающий своей репутацией, исправляет свои ошибки, причём таким образом, чтобы это было заметно и понятно аудитории. Он не удаляет и не переписывает посты, а добавляет в них обновления, объясняя, в чём именно заключалась ошибка, и транслируя новую, корректную информацию.

7. **Декларировать конфликты интересов.** Блогер помнит о возможных конфликтах интересов, стремится своевременно распознать такие ситуации и избегать затягивания в них, пусть даже и невольного. Если избежать конфликта интересов невозможно, он информирует об этом аудиторию.

8. **Отделять рекламный контент от нерекламного.** Блогер всегда помечает рекламу так, чтобы это было понятно аудитории, и не публикует скрытую рекламу (рекламный контент, маскирующийся под нерекламный). Любые попытки рекламодателя влиять на нерекламный контент отклоняются как неприемлемые.

9. **Уважать основные свободы и права человека.** Блогер, обладая бесценным правом на свободу слова, с уважением относится к праву других людей на свободу выражения мнения, поддерживает основные права и свободы, не допускает дискриминации в любых её формах.

10. **Избегать вторжения в частную жизнь.** Блогер избегает публичного обсуждения частной жизни людей во всех случаях, когда эта жизнь не представляет выраженного общественного интереса.

НАПРАВЛЕНИЕ II. МЕДИАЭТИЧЕСКАЯ МЕДИАЦИЯ

Виктор Монахов¹¹⁴

Медиаэтическая медиация: «вещь в себе» и «вещь для нас»

Предметом этого моего меседжа коллегам по информационно-правовому и медиаэтическому цеху, оформленного в данный текст, является *медиаэтическая медиация* (далее возможно использование термина МЭМ) *в качестве гипотетически возможного нового инструмента Общественной коллегии по жалобам на прессу в решении её расширяющихся задач.*

Вначале, следуя завету великого носителя «острого галльского смысла» Рене Декарта («Определяй значение употребляемых тобою понятий – и ты избавишь человечество от половины его заблуждений»), раскроем наше понимание содержания базового для темы понятия *медиаэтическая медиация.*

Медиаэтическая медиация представляет собой *специализированную* (прежде всего применительно к области своего применения – рассмотрение информационных споров, возникающих в сфере массовой информации и касающихся предполагаемых нарушений принципов и норм профессиональной этики журналиста и медиаэтики, а также информационных споров, затрагивающих права человека в сфере массовой информации) *примирительную процедуру, обеспечивающую разрешение информационных споров субъектов реализации свободы массовой информации, соответствующие компетенции Общественной коллегии по жалобам на прессу и/или территориальных коллегий по жалобам на прессу, с участием выбираемых сторонами спора по согласованию с сопредседателями Общественной коллегии (территориальных коллегий) лицами, медиаэтическими медиаторами.*

Осуществление медиаэтической медиации осуществляется на *безвозмездной основе.*

Порядок её конкретной процедуры определяется сторонами спора по согласованию с сопредседателями Общественной коллегии (территориальных коллегий) и *медиаэтическими медиаторами* на базе положений специального Регламента, утверждаемого Президиумом Общественной коллегии.

В настоящий момент для большинства из нас – рискну предположить, что не простого, а *абсолютного* большинства – МЭМ является, говоря кантовским языком, *ноуменом.* Или, на языке, более нам привычном, – *«вещью в себе»* То есть чем-то, что существует пока лишь в наших умах и лишь умом постигается. То же, что мы видим в окружающей нас действительности и что постигаем не только умом, но и ощущаем своими чувствами как реально существующее, Кант обозначил термином *феномен,* или *«вещь для нас».*

Намерение осуществить перевод МЭМ из состояния *ноумена* в *феномен* или из *«вещи в себе»* в *«вещь для нас»* как раз и является одной из содержательных задач, решаемых в рамках грантового проекта «Общественная коллегия по жалобам на прессу как институт саморегулирования СМИ, инструмент формирования основ социальной ответственности “новых медиа” и ресурсный центр защиты прав граждан в сфере массовой информации». Говоря коротко, мы, участники данного направления проектной деятельности, осуществляем определённый набор действий, имеющих целью превращение МЭМ из теоретического, *мыслимого* состояния в состояние *реальной непубличной процедуры,* осуществляемой в *мягкой, ресурсо- и репутационно сберегающей* логике, наиболее подходящей для

¹¹⁴ *Монахов Виктор Николаевич* – заместитель председателя Палаты медиааудитории Общественной коллегии по жалобам на прессу, член Палаты медиааудитории Коллегии I–IV каденций, соразработчик теории и рабочей модели *Медиаэтической медиации,* к. юр. н, доцент. Ведущий направления МЭМ.

полноценного урегулирования, а не просто для разрешения «именем органа саморегулирования» конкретного информационного спора.

Эта процедура в ряде своих базовых элементов альтернативна действующей в нашей стране второй десяток лет и уже практически обретшей статус традиционной процедуре *публичного* разрешения информационных споров, закреплённой в *Уставе* Общественной коллегии по жалобам на прессу¹¹⁵. В чём состоит эта альтернативность?

Во-первых, МЭМ – процедура, как уже было отмечено, *непубличная*. В практическом смысле это означает, что разрешение информационных споров в её рамках осуществляется без вынесения жалоб (обращений) в Общественную коллегию или же в территориальные коллегии в публичное пространство и не предполагает для своего разрешения проведения заседаний Общественной коллегии по жалобам на прессу (территориальных коллегий).

Во-вторых, и это тоже признак альтернативности, место *ad hoc* коллегии в процедуре урегулирования информационного спора, традиционно воспринимаемое как место «арбитра», занимается в МЭМ специализированным посредником – *медиатором*. От медиатора ожидаются (эти обязательные предварительные условия будут постоянно перепроверяться его деятельностью) независимость, беспристрастность и необходимая квалификация.

Для чего нужны новый инструмент и новый формат разрешения информационных споров?

Как мы надеемся, включение МЭМ в практику Общественной и территориальных коллегий будет работать на снижение уровня конфликтов внутри отечественной медиасферы и – тем самым – на убережение и даже на увеличение потенциала развития как минимум некоторых её субъектов. К таковым, прежде всего, мы относим частных владельцев СМИ, а также руководителей СМИ и иных медиаструктур практически всех форм собственности и размеров, объединяемых нами по признаку реального радения за деловую репутацию своих изданий и иных медиаструктур.

Не преуменьшая сложности взаимоотношений авторов обращений (заявителей) и нашего органа само- и сорегулирования в сфере массовой информации с теми редакциями СМИ или иными медиаструктурами, чьи процедурные позиции, столь часто демонстрируемые ими в ходе рассмотрения Общественной коллегией критических обращений в их адрес¹¹⁶, можно определить как позиции «отказников» или «уклонистов», мы предлагаем разработанную нами МЭМ-процедуру в качестве гипотетической возможности преодолеть или, по крайней мере минимизировать такую «отказную» или уклоняющуюся практику адресатов критических обращений со стороны пользователей свободы массовой информации и, прежде всего, тех пользователей, что отличаются развитым гражданским сознанием.

Обосновывая такую возможность, мы исходим из допущения, что часть адресатов критических обращений, безмолвствующих в ответ или же практикующих формальные «отписки», может выражать таким образом свою неготовность рассматривать конкретные информационные споры не вообще, а через предлагаемый Общественной Коллегией в качестве единственного, безальтернативного уставного варианта именно *публичный порядок* их разрешения. Состоящий в публичном рассмотрении конкретных обращений по существу *ad hoc* коллегиями, собираемыми для этой цели, и через выработку подлежащих

¹¹⁵ С его текстом можно ознакомиться здесь – <https://presscouncil.ru/kollegiya/dokumenty>.

¹¹⁶ Как отмечалось на прошедшей 26 мая 2020 г. в режиме онлайн Научно-практической конференции «Общественная коллегия по жалобам на прессу как институт саморегулирования в сфере массовой информации» за последние 5 лет рекордсменом по числу жалоб в Общественную Коллегию на СМИ стала крупнейшая отечественная корпорация государственных электронных массмедиа – ВГТРК (10, для сравнения: «РЕН ТВ» – 6, НТВ – 4). При этом ВГТРК, всякий раз извещаемая о поступлении жалоб, ни разу не только не прислала на соответствующие заседания *ad hoc* коллегий своих представителей, но и ни разу не представила секретариату Общественной Коллегии никаких объяснений по поводу адресованных к ней критических обращений. См. об этом: <https://presscouncil.ru/novosti/6241-etik-fejly-stat-ya-leonida-nikitinskogo-o-rabote-kollegii>.

опубликованию решений, содержащих, в том числе, заведомо не комплиментарную профессионально-этическую оценку оспоренного текста и/или видеоряда.

Находя по общему правилу проецируемый таким публичным порядком возможный *антирепутационный* мотив достаточно сильным основанием для отказа сотрудничать с Общественной коллегией в разрешении определённых категорий информационных споров, мы допускаем также и то, что условный заявитель, апеллирующий к ней как к независимому профессионально-гражданскому арбитру в надежде на исчерпывающее разрешение информационного спора, может оказаться более склонен к урегулированию его, к примеру, путём принесения ему личных извинений адресатом жалобы, чем появлением даже и самого справедливого решения, остающегося без какой бы то ни было реакции по исправлению ситуации со стороны этого адресата.

Этапы решения проектной задачи

Решение проектной задачи по трансформации МЭМ из состояния *ноумена* в *феномен* с момента своего старта (декабрь 2019 г.) до настоящего времени (август 2020 г.) прошло *два основных этапа*. Реализация *первого* началась с произведённого автором данного текста выявления и анализа нескольких десятков имеющихся нормативно-правовых, нормативно-этических и доктринальных источников, освещающих или регламентирующих вопросы теории и практики осуществления действующих вариантов применения медиативного формата разрешения разного рода споров.

По результатам анализа источников – мировых, не только российских, – мною был сформулирован первичный рабочий вывод об *отсутствии в мировой практике в настоящее время в какой-либо степени оформленной модели медиаэтической медиации*¹¹⁷. Подчеркну в этой связи, что речь в нашем случае идёт о *новом формате воплощения идеи медиации*, а не о выборе уже кем-то опробованного инструмента, подходящего к использованию Общественной Коллегии в решении её задач.

Сказанное означает, что общую теоретико-практическую *модель разрешения информационных споров*, пригодную к использованию именно в медиаэтической области применения, предстояло создать *практически с нуля*. И, что ещё важнее в функциональном смысле, но и труднее, если говорить о переводе идеи в практику устоявшегося института само- и саморегулирования в сфере массовой информации, с нуля же предстояло выстроить *специализированную процедуру разрешения такого рода информационных споров*.

Разработанные мной первичные варианты такого рода модели и такого рода процедуры прошли через несколько итераций, осуществлённых в активном соавторстве с коллегой по проекту **Юрием Казаковым**¹¹⁸ и при участии нескольких членов *Экспертно-консультационного совета Общественной коллегии по жалобам на прессу*, проявивших интерес к данной тематике. Особую благодарность за весьма содержательный и оперативно предоставляемый вклад в эти итерации хотел бы выразить своей коллеге по информационно-правовому цеху **Светлане Куликовой**.¹¹⁹

Результатом наших *совместных усилий* явились предлагаемые читателю 10-го выпуска «Настольной книги по медийному саморегулированию» проекты модели и процедуры специализированной медиаэтической медиации. От классических, устоявшихся и нарабатываемых в мировой практике вариантов использования медиативных технологий они отличаются, прежде всего, специальной областью применения, пригодностью к

¹¹⁷ Допускаю, что по результатам продолжающейся работы с источниками вывод этот может подвергнуться коррекции, но на данный момент он именно таков.

¹¹⁸ Ю. В. Казакову принадлежит сама идея медиаэтической медиации.

¹¹⁹ Светлана Анатольевна Куликова – доктор юридических наук и кандидат филологических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Национального исследовательского Саратовского государственного университета. Член Экспертно-консультационного совета Общественной коллегии по жалобам на прессу.

использованию для разрешения информационных споров профессионально-этического и медиаэтического характера. Предметным выражением этих моделей являются два документа, имеющих статус проектов: а) *Медиаэтическая медиация: специфика формата* и б) *Регламент Медиаэтической медиации (Приложения 1 и 2)*.

Понятно, что именовать кантовским термином *феномен* результат, достигнутый на первом этапе нашей пока что сугубо интеллектуальной деятельности, преждевременно. В своих основных чертах результат этот пока что – *ноумен*. Качества *феномена* он должен обрести, как нам представляется, на выходе из *второго этапа* проекта, который мы изначально планировали осуществлять в экспериментальном, пилотном режиме в содружестве с Ассоциацией независимых российских издателей (АНРИ) и в партнёрстве с Западно-Сибирской коллегией по жалобам на прессу.¹²⁰

В ходе этого этапа должен быть осуществлён определённый набор действий по проверке практикой (как собственно медийной, так и конкретного органа само- и сорегулирования) теоретической модели *Медиаэтической медиации* и позиций *Регламента*. После чего – в рамках уже *третьего этапа* реализации нашего проекта формирования основ МЭМ – предполагается подготовка определённых Рекомендаций, позволяющих использовать опробованную практикой *территориальной коллегии по жалобам на прессу* модель и процедуру *Медиаэтической медиации* как самой *Общественной коллегией*, так и территориальными коллегиями по жалобам на прессу: *Казанской, Уральской*, но прежде всего – самой *Западно-Сибирской*.

К истории вопроса

МЭМ как процедура вырастает из практики *классической медиации*. При её определении, на мой взгляд, следует исходить из того, что это просто один из способов разрешения того или иного спора, конфликта с использованием услуг нейтральной третьей стороны, а не особый формат используемой при этом процедуры¹²¹. При таком взгляде на медиацию мы увидим, что *медиация имеет многовековую историю отечественного и зарубежного успешного применения в самых разных сферах общественных отношений*. Её исторические корни весьма и весьма глубоки. Так, например, достаточно широко известен тот факт, что конец Тридцатилетней войне был положен именно благодаря тем действиям, которые мы сегодня именуем медиативными. Менее известен факт обращения истощённых длительной борьбой друг с другом Афин и Спарты к персидскому сатрапу Тирибазу за посредничеством, результатом которого явилось заключение в 387 г. до н. э. царского, или Антиалкиадовского мира.¹²²

Ряд учёных, которые занимаются вопросами медиации в России, отмечает, что способ разрешения споров с участием посредников – один из самых древних и что этот способ близок нашему народу по духу. Среди первых отечественных нормативных актов, непосредственно регламентирующих деятельность посредников (медиаторов), отметим Именной указ «О выборе медиаторов для разбора дела третейским судом», данный 11 ноября 1802 года Санкт-Петербургскому военному коменданту графу Каменскому, согласно которому каждая сторона спорного правоотношения должна была для урегулирования конфликта выбрать медиатора или посредника. Впоследствии процедура урегулирования спора с участием

¹²⁰ Список со-участников *второго этапа* отнюдь не закрыт. Мы будем рады объединить свои силы со всеми лицами и организациями, заинтересованными в апробировании в реальных условиях и в развитии наших теоретических разработок.

¹²¹ В этом вопросе мы расходимся с Юрием Казаковым, но, полагаю, что это недообсуждённое нами расхождение, скорее, всё же терминологическое по характеру.

¹²² См. об этом: Терновая Л.О., Гольдин Г.Г. Защита прав, свобод и интересов человека в международном праве: история, направления, формы: Монография. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2015. 428 с.

посредника (медиатора) была закреплена в нормах Высочайше утверждённого Положения о третейском суде от 15 апреля 1832 г.¹²³

К сожалению, после 1917 года эта процедура была полностью исключена из отечественной правоприменительной практики. И только в конце первого десятилетия XXI века законодатель вступил на путь возвращения к использованию данного способа разрешения разнообразных споров и конфликтов, к этому времени достаточно распространённого и общепринятого в мировой практике.

Таким образом, Федеральные законы 2010 и 2019 годов (от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» и от 26.07.2019 № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации») Америк не открывали. Но, определённым образом формализовав некоторые исторически известные медиативные процедуры и встроив их в систему действующего российского законодательства, эти законы сыграли, на мой взгляд, безусловно положительную роль в деле восстановления в нашей стране института посредничества при разрешении различного рода споров и конфликтов.

1. Определяем базовое понятие

Медиаэтическая медиация (Далее МЭМ) является примирительной процедурой, позволяющей разрешать информационные споры, соответствующие компетенции *Общественной коллегии по жалобам на прессу и/или территориальных коллегий по жалобам на прессу*.

Процедура МЭМ осуществляется без вынесения в публичное пространство обращений заявителей в Коллегию (в территориальные коллегии) и не предполагает для разрешения информационных споров проведения заседаний *Общественной коллегии по жалобам на прессу* (территориальных коллегий).

2. Из какой практики вырастает МЭМ

Из практики *классической медиации*. Если понимать под *классической медиацией* один из способов разрешения спора, конфликта с использованием услуг нейтральной третьей стороны, а не тот или иной формат используемой при этом процедуры, то мы увидим, что *медиация имеет многовековую историю отечественного и зарубежного успешного применения в самых разных сферах общественных отношений*.

3. О сущности общем для классической медиации и МЭМ

Обе живут на идее, соответственно, «альтернативы внутри права» и «альтернативы внутри этики». Правовая база у обеих форм медиации одна. Это норма *статьи 45 (часть 2) Конституции РФ*, согласно которой каждый вправе защищать свои права и свободы *всеми способами, не запрещёнными законом*.

4. Базовые признаки отличия процедуры МЭМ от действующей процедуры рассмотрения информационного спора в *Общественной коллегии*

Процедура МЭМ обеспечивает *конфиденциальность* как самого факта обращения в Коллегию, так и содержания информационного спора между его сторонами. Как отмечается рядом экспертов, часть адресатов жалоб, получающих приглашения Коллегии к участию в рассмотрении информационного спора, изначально не устраивает *публичность*, заложенная в

¹²³ Цитирую по: Толочкова А.Н. Особенности досудебного урегулирования споров на примере некоторых стран запада и востока, электронный ресурс, Режим доступа – <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-traditsiya-primireniya-opyt-rossii-i-nekotoryh-stran-zapada-i-vostoka>.

российском органе само- и саморегулирования как единственно возможный, безальтернативный формат рассмотрения Коллегий обращений граждан и организаций.

Фактор конфиденциальности, закладываемый в основу процедуры МЭМ, позволяет не привлекать внимание контрагентов сторон спора, а также иных заинтересованных лиц, к внутренним проблемам медиаструктуры – адресата обращения инициатора спора.

Придание в ходе рассмотрения спора публичности информации о конфликтах между сотрудниками и руководством медиакомпаний (редакции СМИ), например, вполне может стать причиной незаключения предпринимательских договоров с данной медиакомпанией – из опасения контрагентов, что ставший публичным конфликт может повлиять на исполнение обязательств по заключённым с этой медиакомпанией соглашениям.

В рамках процедуры МЭМ никакие сложности внутреннего характера, имеющиеся у данной медиакомпаний, не выходят в публичное пространство. И тем самым *не дают оснований для снижения её стоимости на рынке*. Известно, что ценность *репутации* понимается не тогда, когда она есть, а когда её начинает не хватать¹²⁴.

5. Основные затруднения на пути применения МЭМ в российском медиапространстве

Эти затруднения таковы:

- новизна для медиасферы практики применения процедуры МЭМ;
- небольшое – на сегодня, по крайней мере, – количество специалистов, способных выступать в роли именно медиаэтических медиаторов;
- высокая степень конфликтности отношений участников большинства информационных споров, редкое присутствие у конфликтующих сторон стремления к примирению, причём больше это относится даже не к традиционным СМИ, а как раз к новым медиа;
- низкая степень доверия представителей медиасреды, столкнувшихся с ситуацией информационного спора и вынужденных искать её разрешение, экспертному сообществу, состоящему из медиаторов, имеющих специализацию и владеющих системными знаниями и компетенциями в предметной области данного информационного спора;
- объективно высокая сложность обеспечения и сохранения баланса между диспозитивностью и императивностью примирения сторон информационного спора.

6. Чего стоит ожидать от МЭМ как от социально-культурной практики

Медиаэтическая медиация – не панацея, но достаточно эффективный механизм, предоставляющий сторонам информационных споров реальный и малозатратный шанс на их разрешение мягко, без перевода отношений субъектов в правовую плоскость.

Включение МЭМ в практику Общественной коллегии территориальных коллегий в логике ресурсо- и репутационно сберегающей альтернативы публичному разрешению информационных споров:

- поможет снизить уровень конфликтов внутри отечественной медиасферы, увеличит потенциал развития её субъектов;
- послужит упрочению основ социальной ответственности традиционных СМИ скорейшему формированию социальной ответственности новых медиа;
- укрепит защиту прав граждан в сфере массовой коммуникации.

«Вживление» института *медиаэтической медиации* в практику разрешения информационных споров, соответствующих компетенции Общественной коллегии по жалобам на прессу и/или территориальных коллегий по жалобам на прессу, будет носить локальный, но достаточно значимый как в личном, так и социальном смысле, характер.

¹²⁴ См. об этом: Сахаров Ю. З. Деловая репутация субъектов предпринимательской деятельности в системе объектов гражданских прав и особенности её гражданско-правовой защиты: Автореф. дис. канд. юрид. наук. – Казань, 2007.

В целом, оно будет эффективно способствовать более широкому и глубокому, а следовательно, более *плодотворному* поиску должного равновесия и справедливого баланса между конституционно защищаемыми ценностями свободы массовой информации – права свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом – и защитой чести, достоинства, доброго имени, информации о частной жизни.

Говоря о долгосрочной перспективе, можно предположить, что появление в информационном пространстве России такого нового формата и нового инструмента разрешения информационных споров, каким является МЭМ, станет одним из существенных, в известном смысле – системных элементов процесса *модернизации культуры свободы массовой информации*.

7. Перспективы признания и распространения МЭМ

В оценке ближайших перспектив нового направления главным вопросом является вопрос о том, в какой мере российское медийное сообщество проявит готовность правильно оценить достоинства МЭМ и на базе такой оценки преодолеть неизбежные трудности стартового этапа её применения.

Не имея возможности оперировать конкретными данными на этот счёт, осторожно предположим, что какая-то, пусть небольшая поначалу часть членов этого сообщества в ситуации реальных, задевающих именно их информационных споров своевременно получит необходимые и при этом достаточно убедительные разъяснения от профильных специалистов и согласится на использование этой формы разрешения споров.

Можно предположить, что первые случаи применения МЭМ как перспективного формата, окажись они успешными именно в силу сохранения публичной репутации как для адресата жалобы, так и зачастую для самого заявителя, не останутся незамеченными как в условном медийном сообществе, так и в среде пользователей медиа. Вероятность укоренения формата МЭМ в повседневной практике саморегулирования при этом будет зависеть, в первую очередь, как от успешности стартового этапа применения нового формата Коллегией, так и от того, в какой мере эта новая практика органов само- и сорегулирования привлечёт внимание союзов и ассоциаций, представляющих медийную индустрию.

Приложение 1

МЕДИАЭТИЧЕСКАЯ МЕДИАЦИЯ: СПЕЦИФИКА ФОРМАТА

Занимаясь на протяжении полутора десятилетий (с 2005 г.) разрешением информационных споров, соответствующих её уставной компетенции¹²⁵, Общественная коллегия обнаруживала все последние годы нарастание количества формальных или фактических отказов редакций СМИ как отвечать (содержательно или даже вовсе не отвечать) на конкретные претензии, содержащиеся в обращениях заявителей, так и принимать приглашения Коллегии к участию в рассмотрении информационных споров.

Реагируя на эту опасную тенденцию, Коллегия в своих решениях неоднократно отмечала, что наиболее распространённая из *отклоняющих* реакций конкретных редакций СМИ на претензии и приглашения («Все вопросы – через суд») либо проявляет дефектность представлений адресата жалобы о журналистской профессии, говорит о неразличении редакцией правового и профессионально-этического полей, в которых работают и журналист,

---

¹²⁵ К компетенции Коллегии относится рассмотрение информационных споров, возникающих в сфере массовой информации и касающихся предполагаемых нарушений принципов и норм профессиональной этики журналиста и медиаэтики, а также информационных споров, затрагивающих права человека в сфере массовой информации.

и редакция СМИ. Либо обнаруживается уловкой тех, кто знает, что никакие профессионально-этические споры в судебном порядке разрешены быть не могут, но находит формирование ложной, отвлекающей судебной директории разрешения информационного спора удобным способом *заматывания* жалобы, «растворения» претензий заявителя к тексту или видеоряду, ставшему достоянием аудиторией массовой информации.

Не преуменьшая сложности взаимоотношений заявителей и органа само- и сорегулирования в сфере массовой информации с редакциями СМИ, занимающими позиции «отказников» или «уклонистов», Коллегия, однако, не считает такую ситуацию непреодолимой. Коллегия соглашается допустить, что часть адресатов жалоб, отмалчивающихся в ответ на её обращения или же дающих на них отрицательные ответы, может выражать таким образом свою неготовность рассматривать конкретные информационные споры не вообще, а через предлагаемое Коллегией в качестве единственного, безальтернативного уставного варианта их *публичное* разрешение. Т. е. через рассмотрение конкретных жалоб по существу *ad hoc* коллегией, собираемыми для этой цели, и через выработку подлежащих опубликованию решений, содержащих, в том числе, заведомо не комплиментарную профессионально-этическую оценку оспоренных текстов.

Находя возможный *антирепутационный* мотив достаточно сильным основанием для отказа сотрудничать с ней в разрешении определённых категорий информационных споров, Коллегия готова допустить также и то, что условный заявитель, апеллирующий к ней как к независимому профессионально-гражданскому арбитру в надежде на исчерпывающее разрешение информационного спора, может оказаться более склонен к урегулированию его, к примеру, путём принесения ему личных извинений адресатом жалобы, чем появлением даже и самого справедливого решения, остающегося без какой бы то ни было реакции этого самого адресата.

Исходя из сказанного, Коллегия, не отказываясь от привычного, доказавшего эффективность и востребованность уставного формата работы с обращениями граждан и организаций, обращается к новому для себя направлению *медиации* – процедуре альтернативно действующей уставной модели публичного урегулирования информационных споров в формате переговоров заинтересованных сторон с участием беспристрастного квалифицированного посредника – медиатора.

Переформатируя определённым образом подход и процедуру действующих в России правовых моделей медиации, Коллегия предпринимает попытку выстроить и опробовать в пилотном режиме инновационный формат *медиаэтической медиации* (далее – МЭМ), рассматривая последний как вариант *внесудебного* разрешения информационных споров, *альтернативный* устойчивой, хорошо отработанной за полтора десятка лет модели публичного рассмотрения информационных споров Коллегией. Полностью согласуясь с представлениями о миссии Коллегии и с духом её Устава, этот новый формат потребует известного, не радикального изменения буквы того же Устава. А в случае если его освоение окажется успешным, это прибавит результативности работе органа само- и сорегулирования, повысит его гражданскую и профессиональную востребованность.

Можно ожидать, что этот новый формат будет воспринят как заслуживающий внимания и практического применения не только заявителями, заинтересованными в успешном урегулировании, основательном разрешении информационного спора, но и той частью потенциальных адресатов обращений в Коллегию, которую в силу тех или иных причин не вполне устраивают правила и процедуры разрешения информационных споров, принятые, поддерживаемые, культивируемые Коллегией.

УСТАНОВОЧНЫЕ ПОЗИЦИИ МЕДИАЭТИЧЕСКОЙ МЕДИАЦИИ

Медиаэтическая медиация – специальная примирительная процедура, позволяющая урегулировать споры и иные конфликты различных субъектов реализации свободы массовой информации, соответствующие компетенции *Общественной коллегии по жалобам на прессу*,

с участием выбираемых сторонами в порядке, закреплённом статьёй 9 Регламента Медиэтической медиации, лиц (*медиэтических медиаторов*).

Процедура медиэтической медиации осуществляется без вынесения жалоб (обращений в Коллегию) в публичное пространство и не предполагает для разрешения информационных споров проведения заседаний Общественной коллегии по жалобам на прессу.

В силу специфики как области применения, так и решаемых задач (разрешение информационных споров профессионально-этического и медиэтического характера) медиэтическая медиация по определению не может эффективно использовать нормы права, включая нормы ФЗ от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (в редакции ФЗ от 26.07.2019 № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

В силу этого обстоятельства применение процедур медиэтической медиации в медиэтическом пространстве потребовало разработки и принятия собственного нормативно-процедурного документа в формате Регламента Медиэтической медиации

В силу специфики статуса Общественной коллегии по жалобам на прессу медиэтическая медиация осуществляется исключительно *на безвозмездной основе*.

Постоянно действующим ориентиром для проводящих процедуру медиэтической медиации по поручению или по доверенности Общественной коллегии является *Медиэтический стандарт* Общественной коллегии по жалобам на прессу.

Как представляется, применение процедур медиэтической медиации может быть распространено, в первую очередь, на информационные споры, касающиеся редакционных ошибок или фактических ошибок авторов публикаций, а также предполагаемых нарушений журналистских стандартов, связанных с уважением частной жизни и человеческого достоинства, включая ситуации смерти и горя, с запретом на диффамацию и т. п.

Приложение 2

РЕГЛАМЕНТ МЕДИЭТИЧЕСКОЙ МЕДИАЦИИ

Настоящий Регламент разработан в соответствии с положениями соответствующих международных и отечественных стандартов профессиональной деятельности, направленной на реализацию принципа свободы массовой информации (для России – ст. 29 Конституции РФ). Следование Регламенту призвано содействовать:

- эффективному урегулированию информационных споров профессионально-этического и медиэтического характера;
- формированию культуры профессиональной журналистики, позиционирующей себя социально ответственной и заведомо честной;
- укреплению доверия к средствам массовой информации;
- утверждению свободы массовой информации в Российской Федерации;
- защите прав и свобод граждан в сфере массовой информации в её современном понимании;
- защите профессиональной независимости и издательско-редакционной свободы в российских средствах массовой информации;
- защите прав и свобод той категории распространителей массовой информации, которая относится к категории «новых медиа».

Медиэтическая медиация (МЭМ) является специальной примирительной процедурой, позволяющей урегулировать информационные споры субъектов реализации свободы

массовой информации, соответствующие компетенции *Общественной коллегии по жалобам на прессу* или же *территориальных коллегий по жалобам на прессу* (далее возможно использование терминов *Общественная коллегия* или *Коллегия*; *территориальная коллегия*), с участием *медиаэтических медиаторов*.

Разрешение информационных споров при этом осуществляется без вынесения жалоб (обращений), поступающих в Коллегию или же в территориальные коллегии, в публичное пространство и не предполагает для разрешения такого рода споров проведения заседаний *Общественной коллегии по жалобам на прессу* (*территориальных коллегий*).

Медиаэтическая медиация осуществляется на безвозмездной основе. Порядок проведения конкретной процедуры медиаэтической медиации определяется её сторонами по согласованию с сопредседателями *Общественной коллегии* (*территориальных коллегий*) и *медиаэтическими медиаторами* на базе положений настоящего Регламента

Раздел I. Общие положения

Статья 1. Цели и задачи медиаэтической медиации

Целью процедуры медиаэтической медиации является достижение сторонами информационного спора, соответствующего компетенции *Общественной коллегии по жалобам на прессу*, а равно и *территориальных коллегий по жалобам на прессу*, такого разрешения спора, когда последний признаётся сторонами урегулированным по взаимному согласию.

Задачами медиаэтической медиации являются: квалифицированное уточнение позиций сторон по предмету информационного спора; выявление и представление сторонам спектра возможностей для урегулирования спора с учётом интересов сторон информационного спора, поиск и предложение оптимальных способов взаимоприемлемого урегулирования спора; оказание сторонам профессионального содействия в достижении желаемого результата – в том числе, с применением этически ориентированных примирительных процедур и технологий.

Статья 2. Понятия

Для целей настоящего Регламента представленные ниже основные понятия определяются следующим образом:

Информационный спор – конфликт профессионально-этического характера, возникший в ходе производства и/или распространения массовой информации между двумя или более физическими и/или юридическими лицами, который является или может стать объектом рассмотрения и разрешения с использованием процедуры медиаэтической медиации.

Сторона информационного спора – физическое или юридическое лицо, в том числе орган публичной власти, выразившее согласие разрешить спор посредством медиаэтической медиации.

Медиаэтическая медиация – специальная примирительная процедура, позволяющая разрешать информационные споры, соответствующие компетенции *Общественной коллегии по жалобам на прессу* или же *территориальных коллегий по жалобам на прессу*, с участием независимых от сторон спора лиц (*медиаэтических медиаторов*), выбираемых сторонами спора из предлагаемых *Общественной* или соответствующей *территориальной коллегии кандидатур*.

Медиаэтический медиатор – лицо (группа лиц), обладающее необходимыми познаниями и навыками и осуществляющее от имени и по поручению Общественной коллегии (либо конкретной территориальной коллегии), руководствуясь настоящим Регламентом, процедуру медиаэтической медиации в целях разрешения информационного спора.

Статья 3. Нормативные основы медиаэтической медиации

В силу специфики информационного спора, соответствующего компетенции Коллегии, для его урегулирования не может быть применён медиативный потенциал норм, технологий и техник так называемой *судебной медиации*, закреплённый нормами ФЗ от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (в редакции ФЗ от 26.07.2019 № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

Представляя собой отдельную, самостоятельную процедуру, заведомо не кодифицируемую с позиции норм российского законодательства, *Медиаэтическая медиация* проводится с согласия сторон информационного спора на основании положений настоящего Регламента и с учётом специфики пожеланий, предпочтений или же требований сторон конкретного информационного спора. Обязательными для признания процедуры *медиаэтической медиации* успешной является как сам результат, признаваемый сторонами удовлетворившим запрос на процедуру, так и обязательный учёт при его достижении нормативно-ценностных ориентиров Общественной коллегии по жалобам на прессу. Указанные нормативы находят выражение либо в конкретных принципах и нормах *Медиаэтического стандарта*, когда и если речь идёт о зарегистрированных СМИ, либо в соответствующих профильных *Рекомендациях Общественной коллегии* в случаях, когда одной из сторон конфликта является субъект, относящийся к так называемым *новым медиа*.

Основанием для запуска процедуры *медиаэтической медиации* является выражение согласия обеих сторон информационного спора на переход в данный режим его рассмотрения и подписание каждой из них *Соглашения о признании профессионально-этической юрисдикции* либо Общественной коллегии по жалобам на прессу, либо соответствующей территориальной коллегии.

Принципами медиаэтической медиации являются добровольность, сотрудничество, конфиденциальность, равноправие сторон. Реализация этих принципов достижима при условии независимости, беспристрастности и добросовестности *медиаэтического медиатора*.

Статья 4. Принцип добровольности

Стороны участвуют в процедуре *медиаэтической медиации* добровольно. Кандидатуры *медиаэтических медиаторов* предлагаются сторонам Общественной коллегией по жалобам на прессу (или же территориальными коллегиями) в соответствии с положениями, закреплёнными статьей 9 настоящего Регламента, и подтверждаются по взаимному согласию сторон и *медиаэтических медиаторов*. Стороны информационного спора также вправе совместно определить и представить на согласование сопредседателям Общественной коллегии (территориальных коллегий) и *медиаэтическим медиаторам* порядок проведения конкретной процедуры медиаэтической медиации на базе положений настоящего Регламента, а также искомый результат примирения.

2. Сторона (стороны) вправе отказаться от продолжения проведения медиаэтической медиации на любой стадии её процедуры, письменно сообщив об этом другим его (её) участникам.

Статья 5. Принцип сотрудничества

Стороны информационного спора, согласившиеся применить способ и процедуру *медиаэтической медиации* для его успешного разрешения при наименьших репутационных издержках, соглашаются сотрудничать друг с другом и с медиаэтическими медиаторами, а через последних – с Общественной коллегией по жалобам на прессу или же с территориальными коллегиями.

Переговоры сторон, что оговаривается до начала процедуры, должны носить конструктивный характер и изначально преследовать цель возможно более полного урегулирования спора. *Медиаэтический медиатор* обязан способствовать созданию на переговорах атмосферы доброжелательности, доверия, взаимного уважения сторон.

Статья 6. Принцип конфиденциальности

Стороны вправе самостоятельно, но при этом исключительно по взаимному согласию определять объём и режим ограничений, связанных с распространением информации как о процедуре *медиаэтической медиации*, так и о её результатах – от промежуточных до окончательного.

Если стороны не договорились об ином, подкрепив договорённость письменно, информация, относящаяся к процедуре *медиаэтической медиации*, считается *конфиденциальной*.

Стороны информационного спора, медиаэтические медиаторы и иные лица, принимающие участие в проведении процедуры медиаэтической медиации, не вправе без письменного согласия обеих сторон процесса ссылаться на мнения или предложения, высказанные одной из сторон в отношении возможного примирения, на признания, сделанные одной из сторон в ходе процедуры медиаэтической медиации, на проявление готовности одной из сторон принять предложение о примирении, сделанное другой стороной, на сведения, содержащиеся в документе, подготовленном по результатам медиаэтической медиации.

Вся информация, созданная или полученная в ходе процесса медиаэтической медиации, вне зависимости от формы носителя, не подлежит разглашению или распространению участниками процедуры примирения без письменного согласия обеих сторон.

Информация о процедурах, технологиях, техниках медиаэтической медиации может быть использована для научно-исследовательских, образовательных или информационных целей либо с согласия сторон конкретного информационного спора, когда речь идёт об отказе от режима конфиденциальности, либо на условиях сохранения анонимности сторон, но также с их ведома и согласия. Использование любой информации указанного рода может производиться только с согласия медиаэтического медиатора, представляющего Общественную коллегию по жалобам на прессу или же территориальную коллегию.

Статья 7. Принцип равноправия

Стороны *медиаэтической медиации* пользуются равными правами на определение кандидатур *медиаэтических медиаторов*, иных участников переговоров, когда в этом возникает необходимость, правил и порядка проведения *медиаэтической медиации*. Стороны имеют равные права на индивидуальную работу с *медиаэтическими медиаторами*, на доступ к информации, используемой *медиаэтическими медиаторами*, на выработку предложений по урегулированию спора и конкретных формулировок, которые используются в итоговом документе (протоколе), на предварительную оценку их приемлемости и исполнимости, на реализацию своих прав и законных интересов.

Медиаэтические медиаторы не вправе своими действиями ставить какую либо из сторон в преимущественное положение, равно как и умалять права любой из сторон.

Статья 8. Принцип независимости и беспристрастности медиаэтических медиаторов (медиаэтического медиатора)

Нормативное отношение *медиаэтических медиаторов* (медиаэтического медиатора) к каждой из сторон является беспристрастным, уважительным и доброжелательным.

Медиаэтические медиаторы (медиаэтический медиатор) отвечают за обеспечение равного участия сторон в *медиаэтической медиации*.

Медиаэтические медиаторы (медиаэтический медиатор) обязаны своевременно ставить в известность как стороны информационного спора, так и Общественную коллегия (конкретную *территориальную коллегия*) о любых обстоятельствах, которые могут вызвать сомнения в их независимости и беспристрастности.

Статья 9. Формирование корпуса медиаэтических медиаторов и необходимых специалистов

Медиаэтическими медиаторами могут являться изъявившие готовность выступить в этом качестве и в достаточной мере подготовленные к выполнению этой функции члены Общественной коллегии по жалобам на прессу (действующего или одного из предыдущих составов), а также члены территориальных коллегий по жалобам на прессу (Казанской, Уральской, Западно-Сибирской), включённые в открытый список медиаэтических медиаторов.

Список медиаэтических медиаторов, уполномоченных выступать от лица *Общественной коллегии по жалобам на прессу*, формируется и утверждается её *Президиумом*.

Списки медиаэтических медиаторов, уполномоченных выступать от имени *территориальных коллегий*, формируются и утверждаются *сопредседателями соответствующих коллегий*.

В число консультантов или экспертов при подготовке и проведении процедур МЭМ медиаэтическими медиаторами могут включаться специалисты, не являющиеся членами или экспертами Общественной или же конкретных территориальных коллегий по жалобам на прессу, обладающие необходимой квалификацией и высокой профессиональной и общественной репутацией. Привлечение таких специалистов к процессу и процедурам медиаэтической медиации может проводиться только с согласия самих таких специалистов и после получения письменного согласия всех сторон конкретного информационного спора.

На специалистов, привлекаемых к проведению процедур медиаэтической медиации, распространяются те же требования и ограничения, которые устанавливаются настоящим Регламентом для медиаэтических медиаторов.

Списки с именами медиаэтических медиаторов, в том числе территориальных, размещаются на официальном сайте Общественной коллегии по жалобам на прессу (<http://www.presscouncil.ru>) в том же разделе, что и настоящий Регламент.

Учитывая специфику метода медиаэтической медиации, целесообразно включать в группы медиаэтических медиаторов, занимающиеся разрешением конкретных информационных споров, эксперта по вопросам профессиональной этики журналиста, эксперта, специализирующегося в вопросах информационного права, а также (в случае необходимости) эксперта-психолога.

Раздел II. Порядок проведения процедуры медиаэтической медиации

Статья 10. Основания для проведения процедуры медиаэтической медиации

Процедура медиаэтической медиации может быть проведена по просьбе или же с согласия участников конкретного информационного спора, соответствующего компетенции

Общественной коллегии по жалобам на прессу или конкретной территориальной коллегии, а также по предложению самой Общественной коллегии по жалобам на прессу (в лице её Президиума) или же сопредседателей территориальных коллегий, когда речь идёт о жалобах, поданных на местах в Казанскую, Уральскую, Западно-Сибирскую коллегию.

В случае передачи жалобы, полученной Общественной коллегией, в территориальную коллегию (п. 6.6 Устава Общественной коллегии по жалобам на прессу), все полномочия, связанные с проведением процедуры медиаэтической медиации и подбором состава рабочей группы, занимающейся этим вопросом, передаются Общественной коллегией по жалобам на прессу конкретной территориальной коллегии.

Статья 11. Участники медиаэтической медиации

Участниками медиаэтической медиации являются стороны (представители сторон) информационного спора, медиаэтический медиатор, а также, по согласованию со сторонами и медиаэтическими медиаторами, привлекаемые специалисты (эксперты) или другие лица, обеспечивающие успешное проведение процедуры *медиаэтической медиации* (например, переводчик).

Статья 12. Процедура медиаэтической медиации

Медиаэтическая медиация представляет собой процедуру и процесс переговоров сторон с участием квалифицированного независимого посредника (*медиаэтического модератора*, в различных вариантах представительства данного субъекта), помогающего сторонам точнее увидеть проблему, систематизировать и структурировать возможные варианты её решения, поэтапно подвести стороны к достижению предварительно согласованной цели. *Медиаэтическая медиация* как переговорный процесс и задача с открытым набором решений может включать в себя различные этапы: от изложения обстоятельств спора его сторонами до оформления результатов процедуры примирения, свидетельствующей о завершении процедуры *медиаэтической медиации*.

Статья 13. Порядок проведения медиаэтической медиации

В случае если стороны информационного спора и *медиаэтические медиаторы*, представляющие Общественную коллегию по жалобам на прессу (территориальные коллегии в конкретных регионах) не договорились об ином, порядок и методы работы *медиаэтического медиатора* определяются им самостоятельно: с учётом характера данного спора, его сложности и пожеланий его сторон.

Медиаэтический медиатор отвечает за конструктивный характер переговорного процесса, выполняя функцию его организатора и модератора, предоставляя каждой стороне возможность высказать мнение относительно причин возникновения спора, его сути и целей, которых стороны намерены достичь в процессе переговоров, помогает сторонам в поисках взаимоприемлемого разрешения информационного спора, способствует созданию атмосферы, позволяющей наилучшим образом обеспечить результативность переговорного процесса.

Статья 14. Длительность процесса медиаэтической медиации

Длительность процесса медиаэтической медиации, изначально отвечающего критериям *разумности* и *обоснованности* в том, что касается времени, необходимого для достижения результата переговоров, признаваемого всеми сторонами удовлетворительным, определяется результативностью процедур, в обязательном порядке согласуемых *медиаэтическими медиаторами* со сторонами (участниками) конкретного информационного спора.

Статья 15. Прерывание процесса медиаэтической медиации

В случае если медиаэтические медиаторы обнаруживают, что одна из сторон прибегает к уловкам, затягивающим процесс или же нарушающим принципы медиаэтической медиации, закрепляемые настоящим Регламентом, Общественная коллегия (территориальные коллегии в конкретных регионах) оставляет за собой право после двух предупреждений, сделанных одной из сторон *медиаэтическими медиаторами*, выйти из процесса примирения – и либо перевести информационный спор в режим публичного рассмотрения Коллегией, либо отказаться от рассмотрения жалобы, освободив при этом одну из сторон от добровольно взятого на себя обязательства не обращаться в суд или иные государственные органы для разрешения данного информационного спора.

Медиаэтическая медиация может быть досрочно завершена также по требованию (заявлению) одной или же всех сторон, но с обязательным объяснением причин такого решения.

Статья 16. Завершение процедуры медиаэтической медиации

Медиаэтическая медиация считается завершённой в случае:

- достижения результата (результатов) примирения, признаваемого сторонами, т. е. полного исчерпания содержания информационного спора;
- невозможности достижения примирения по заявлению стороны (сторон) или по оценке медиаэтического медиатора.

В случае успешного завершения процесса медиаэтической медиации сторонами информационного спора составляется акт о завершении информационного спора. Акт визируется представителями сторон информационного спора и медиаэтическим медиатором.

Информация об успешном разрешении информационного спора с применением процедур *медиаэтической медиации* может быть размещена на сайте Общественной коллегии по жалобам на прессу без описания характера спора, применённых процедур и т. д., но только в том случае, если обе стороны не возражают против самого акта такой публикации и соглашаются с текстом соответствующего информационного сообщения.

Информация о том, что применение процедуры *медиаэтической медиации* в случае разрешения конкретного информационного спора не принесло успеха, публикуется на сайте Коллегии одновременно с размещением там же всей исходной информации о споре (обращение в Коллегию, реакция адресата жалобы, подписанные сторонами Соглашения о признании профессионально-этической юрисдикции Коллегии, и пр.), а также с информацией о том, в какую фазу переводится спор, не нашедший разрешения посредством процедур *медиаэтической медиации*: возвращения жалобы в Коллегию, отзыва жалобы заявителем или же отказа Коллегии от продолжения рассмотрения жалобы по причине, предусмотренной её Уставом.

Статья 17. Отчёт о результатах медиаэтической медиации

Информация о достижении сторонами результата примирения передаётся *медиаэтическим медиатором* в Общественную коллегия по жалобам на прессу (территориальные коллегии в конкретных регионах) в письменном виде. Данный отчёт не подлежит публикации, если стороны не договорились об обратном или не дали *медиаэтическому медиатору* (и тем самым – Коллегии) письменного разрешения использовать материалы переговорного процесса в научных, учебных или иных целях: специально оговорив возможность деанонимизирования названия своего СМИ, названия, имени автора и адреса публикации, а также личных имён тех, кто представлял стороны информационного спора.

В случае недостижения сторонами результата (результатов) примирения отчёт

медиаэтического медиатора с обязательными указаниями причин, определивших неуспех переговоров, передаётся сторонам информационного спора и в секретариат Коллегии (в территориальные коллегии в конкретных регионах). В том случае, если Общественной или территориальной коллегией не оговорено иное, заявитель, вышедший из процесса примирения, получает возможность повторно обратиться в Коллегию с той же жалобой, но уже для рассмотрения её в обычном уставном порядке.

Решение, принимать ли повторное обращение, остаётся за Коллегией.

От составителя (2)

У нас с Виктором Николаевичем Монаховым, ведущим в проекте направление МЭМ, есть одно теоретическое, но достаточно серьёзное расхождение в подходе к предмету, которым мы оба с интересом, но с разной плотностью занимаемся.

Читатель этого раздела заметил, полагаю, что Виктор Николаевич говорит о МЭМ как об одной из разновидностей *классической медиации*, рассматривая при этом и *медиацию* как таковую, и *медиаэтическую медиацию* всего только *способами* разрешения споров. Я же усматриваю в МЭМ особый *формат*, а не просто способ (хотя и способ тоже) разрешения информационных споров, относящихся к компетенции Коллегии.

Объясняя свой подход, напомним: в нынешнем формате *открытого* рассмотрения жалоб Коллегия выступает – всегда – в роли не «третьей стороны» спора, но специализированного арбитра, стоящего *над* спором. Арбитр предполагается *компетентным, добросовестным и беспристрастным*. Эти достойные качества, памятуя о значении, но и хрупкости публичной репутации *рассуждающего споры*¹²⁶, арбитру приходится всё время поддерживать.

Основных задач у Общественной коллегии (если мы говорим о её базовой функции, заключающейся в рассмотрении обращений, оставляя в стороне некие дополнительные задачи, описанные в п.п. 4.2. и 4.3. Устава¹²⁷, которые пока остаются «спящими») всего две: как можно точнее *разобраться* в ситуации образования информационного спора – и *дать оценку* его содержанию *в вынесенном решении*.

Вторая задача решается непосредственно в ходе заседания. А на выполнение первой работают два института: *экспертный* (внешний), когда по какой-то жалобе готовится исследование эксперта Коллегии (мнение эксперта), и *личный*, внутренний.

Каждый член *ad hoc* коллегии приходит на заседание с домашней заготовкой: предварительной оценкой ситуации, сложившей при предварительном изучении материалов (тут работают и анализ, и нравственное чувство); далее эта *личная* оценка или сохраняется, или корректируется в процессе заседания. Задавая вопросы представителям сторон (когда присутствуют обе стороны), стараясь, в соответствии с буквой Устава, организовать «конструктивный диалог между участниками конфликта», содействуя тому, чтобы заседание проходило «в обстановке состязательности, открытости, равноправия сторон» (идеальная картинка, требующая для начала присутствия тех же обеих сторон), *ad hoc* коллегия помогает ситуации информационного спора максимально *проявиться* – по возможности, *не проявляя*

---

¹²⁶ Обращаю особое внимание: не судьи, пусть даже и третейского.

¹²⁷ «4.2. Коллегия обобщает и разъясняет принципы и нормы профессиональной журналистской этики и поведения, признаваемые всеми участвующими в её формировании организациями, их членами и работниками, а также оценивает профессионально-этические нормы, содержащиеся в различных корпоративных документах, принятых организациями вещателей, издателей, журналистов и т. д.

4.3. Коллегия осуществляет систематизацию прецедентов, сложившихся в её работе по рассмотрению информационных споров».

при этом представления о нём своих конкретных членов. Говорю *по возможности*, поскольку представление это порой проявляется, проступает в вопросах, задаваемых сторонам. (Высказывать мнения в открытой части заседания членам Коллегии запрещается Уставом).

Разбираясь в ситуации, процедурно управляя процессом предъявления одной стороной, заявителем, *морально акцентированных* (в идеале – приближенных к *профессионально-этическим*) претензий¹²⁸ к другой стороне¹²⁹, внимательно выслушивая затем адресата жалобы, предлагая сторонам задавать вопросы друг другу и задавая одной и другой свои вопросы, Коллегия в лице конкретной *ad hoc* коллегии играет в открытой части заседания несколько ролей, главной из которых является всё же роль *исследователя-диагноста*. Ну, а далее, во второй, как правило, закрытой части заседания она переходит к тому главному, за чем к ней, собственно говоря, и обратился заявитель: к *установлению диагноза*, к выработке решения.

Рассмотрев ситуацию теперь уже как сумму видений всех членов *ad hoc* коллегии, согласовав ключевые позиции и поверив их основательность нормами профессионально-этических или медиаэтических документов, Коллегия решение вырабатывает, шлифует и, наконец, принимает; как правило – консенсусом.

Содержащее оценки и выводы решение Коллегии¹³⁰ далее обнародуется: доводится до сведения сторон, а затем предъявляется «городу и миру»: сначала на сайте Коллегии, а затем в очередном выпуске «Настольной книги по медийному саморегулированию».

Что важно иметь в виду: оценки и выводы, содержащиеся в решениях, во-первых, всегда *не вкусовые*, в логике «нравится – не нравится», и *не бытовые* по оформлению, а *профессионально-гражданские*. Т. е. *профессионально-этические* в основе, но при этом прошедшие проверку и корректировку той части членов *ad hoc* коллегии, которая представляет *Палату медиааудитории*. Это первое.

Второе. В большинстве своём, как показывает практика, это оценки *критические*, порой достаточно *резкие*, *бескомпромиссные*, поскольку тяжёлые профессиональные проступки называются в них своими именами. (Известный набоковский образ собаки, *накопившей лай*¹³¹, тут, однако, не работает: *резкий* не означает грубый, злой или хамоватый; решения Коллегии всегда достаточно корректны.)

Третье. Критика в решениях Коллегии может быть направлена как в сторону адресата жалобы (обычное дело, поскольку очень небольшое количество жалоб оказывается в итоге недостаточно обоснованными), так и в обе стороны. Такое случается не так уж редко, на самом деле.

Всё это было сказано затем, чтобы сделать вот какой вывод: Коллегия чрезвычайно дорожит ролью *камертона*, удерживающего правильную *тональность*. Строго говоря, именно на этом – на способности, готовности и умении *держат тон*, в любых ситуациях помнить, что прямой угол – это именно 90 градусов, а не 89 и не 91, называть белое белым, чёрное чёрным и различать оттенки серого – держится её *публичная репутация*. Ну, и на *открытости* тоже, о чём не стоит забывать. На возможности каждого человека узнать, как именно разрешался конкретный спор, увидеть заседание по нему, иметь возможность прочитать решение, перепроверяя любую его букву.

Ну, а теперь – смена декораций, радикальное обновление площадки.

МЭМ – это чёрный куб, абсолютно *непрозначный* и при этом наполненный заведомо иным, чем *открытый* формат, содержимым.

¹²⁸ Изучение текстов жалоб обнаруживает, что всё большее число заявителей предварительно знакомятся или даже достаточно внимательно изучают нормативные профессионально-этические документы.

¹²⁹ Либо по поводу конкретного текста (подавляющее большинство случаев), либо по поводу поведения журналиста (крайне редко) или же редакции (очень часто).

¹³⁰ Решение, принимаемое *ad hoc* коллегией, имеет статус решения Коллегии.

¹³¹ Это из набоковской «Обиды»: «Собака молча, копя лай, выбежала из-за ворот, перемахнула через канаву и только тогда залилась лаем, когда догнала коляску».

Никаких заседаний и никаких решений по конкретной жалобе.

Отказ от привычной для Коллегии опоры на *ad hoc* коллегии – с их численностью от 5 до 15 членов, с узнаваемыми лицами и личными репутациями этих самых 5–15¹³².

Отказ от базового, обязательного для выработки любого решения Коллегии условия, по сути – принципа: только совместными усилиями членов двух палат, на *профессионально-гражданской* основе.

И, наконец, отказ от незыблемой позиции *над спором*. Орган саморегулирования сходит с «горы», превращаясь в достаточно зависимую от двух спорящих «третью сторону». Какая разница, сколько именно градусов в прямом угле, если представители Коллегии, уполномоченные на роль *медиаэтических медиаторов*, занимаются *поиском компромисса*, обеспечивающего *урегулирование* информационного спора...

Будем и дальше полагать МЭМ всего только особым способом разрешения информационного спора – или всё же согласимся признать МЭМ *другим форматом*?

И последняя реплика, обязательная для прояснения горизонтов в разговоре про МЭМ, – о *камертоне*. Медиаэтические медиаторы, ведя поиск компромисса, обеспечивающего *урегулирование* информационного спора, обязаны будут именно: удерживать *тон*. Непублично, да, но непременно.

Каким образом, какими способами, какими средствами? Ответы и на эти вопросы тоже – по завершении второй части той работы, о которой говорится в тексте В. Н. Монахова.

И буквально несколько слов, возвращаясь к бывшему *новомедийному стандарту*, сменившему и название, и статус.

И меня тоже, как и *Анатолия Арсеньевича Гуляева*, на *реальной* дороге не устраивает ситуация, когда кто-то красный свет считает «почти что зелёным». И меня тоже, как и *Анну Григорьевну Качкаеву*, не очень радует проект рекомендаций, в которых, с одной стороны, запредельная, прописная простота большинства позиций (конечно же, раздражающая профессионалов: ну, как им не вспомнить мольтеровского г-на Журдена, который более сорока лет не подозревал, что говорит прозой), а с другой – две-три позиции, которые, почти уверен, покажутся лишними, ненужными, чрезмерно обременяющими тем, с кем рекомендации эти нам предстоит обсуждать как с *испытателями* проектной конструкции. Не убеждён, что слова про то, что именно эти «лишние» позиции работают на *экологию пространства новых медиа* и на *ресурсосбережение* системы, будут услышаны, но тут не будем опережать события.

Без энтузиазма относясь к аналогиям, но иногда полагая их полезными, предложу к размышлению одну житейскую московскую ситуацию. На пересечении Енисейской улицы и Староватутинского проезда несколько месяцев назад появился билборд, на котором некто с узнаваемым лицом певца Валерия Меладзе заявляет: «В моих правилах включать поворотники».

Поскольку на этом перекрёстке мне довольно часто приходится стоять на «почти зелёном», но достаточно красном, раздражение, копившееся месяцами, время от времени выплёскивалось в ворчание внутреннего голоса: «А почему не “Я никогда не плюю на пол” или “Я никогда не издеваюсь над животными”?» Ну, какой смысл, в самом деле, выдавать обязанность, записанную в ПДД, за добродетель, чуть ли не за высокий жест?

Но однажды, стоя на том же светофоре, я сказал себе: стоп! Во-первых, «в моих правилах» – это ведь и в правилах дорожного движения тоже; ты как-то упустил этот второй смысл. Во-вторых, не все же, в самом деле, включают поворотники, перестраиваясь, хотя и обязаны это делать. Так пусть это будет укором тому, кто только что влез в твой ряд, поленившись или позабыв обозначить манёвр. И в-третьих: эта раздражающая тебя банальность – тот самый *добрый пример*, на котором держится половина правил поведения журналистов в редакциях, правда, правил неписаных.

¹³² А ведь каждая *ad hoc* коллегия, в какой бы комбинации она ни собиралась, представляет собой совокупный запас знаний, энергии, умственного потенциала, творческих сил, энергии своих членов: превосходящий сумму индивидуальных запасов первого, второго – и пятого тоже.

Давным-давно в водительском руководстве к только что купленному автомобилю я прочитал фразу, поразившую меня простотой, точностью и неожиданностью места, в котором она была найдена. Пересказываю, но за точность смысла сказанного ручаюсь: ведите себя на дороге так, чтобы ваши пассажиры захотели снова поехать именно с вами.

К чему это я? А к пока ещё продолжающим проходить обкатку рекомендациям для блогеров, к набору почти что банальностей, призванному поспособствовать снижению рисков на дорогах виртуальных, для которых ПДД на все случаи жизни находящиеся в пути непредставимы.

Начнём с поворотников?

РАЗДЕЛ 5. СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

От составителя

У этого традиционного для всех выпусков «Настольной книги...» раздела есть ряд серьёзных обновлений.

Первое – это состав Общественной коллегии по жалобам на прессу нового, уже четвёртого по счёту, пятилетнего периода жизни и деятельности. Более чем заметное обновление по результатам выборов – в списке членов Палаты медиасообщества: 10 новых имён, более трети состава этой Палаты. В Палате медиааудитории новых имён 7, это чуть менее трети, но тоже много.

Семнадцать новых членов Коллегии – это не просто семнадцать личных биографий, различных историй набора личного опыта, формирования взглядов, предпочтений, личных, корпоративных и иных обязательств. Это, возможно, и достаточно большой, но неизвестный пока, не проявленный практикой Коллегии разброс существующих представлений и о медийном саморегулировании как таковом, и о том, что нужно было бы и можно было бы изменить в работе самой Общественной коллегии по жалобам на прессу.

Очень надеюсь на то, что настрой у всех новоизбранных членов – на то, чтобы сделать работу Коллегии более эффективной, надёжной, более заметной как для медиасреды, так и для российского общества. И очень надеюсь, что со «старожилами» Коллегии у новых членов Палат сложатся привычные для Коллегии товарищеские, а не просто уважительные рабочие отношения, что будет сохранена та атмосфера взаимного доверия, духа общего дела, которая была характерна для Коллегии трёх предыдущих каденций, если воспользоваться термином В. Н. Монахова (Палата медиааудитории).

За списком членов Коллегии в этом разделе следует список организаций, которые приняли участие в выборах 2020 года: сначала предложив своих кандидатов в одну или другую Палату, а затем формируя списки желаемых составов тех Палат, куда выдвигались их кандидаты. Посмотрите, какие организации участвовали в выборах Коллегии 2020–2025 годов работы; кому это интересно – сравните публикуемые списки со списками организаций, выдвигавших кандидатов в Коллегию на выборах 2015 года, например, опубликованными в прошлогоднем, девятом выпуске «Настольной книги...».

Что касается документов нормативно-ориентирующих, то здесь обращаю внимание на новый, другой, чем был опубликован в 9-м выпуске «с пылу с жару», что называется, перевод *Глобальной Хартии журналистской этики* Международной федерации журналистов. Не настаиваю на том, чтобы российские журналисты ориентировались именно на предлагаемый здесь перевод, а не на тот, который размещён на сайте Союза журналистов России, к примеру, но убеждён, что перевод, выполненный Ольгой Кравцовой, членом Коллегии, и прошедший процедуру досогласования отдельных позиций с Каринэ Назаретян, экспертом Коллегии, более точен, хотя и не во всех позициях и прочтениях привычен. Так что, не настаивая, рекомендую.

Обращаю внимание вот ещё на что: в этом разделе публикуются один за другим два документа Международной федерации журналистов: *Глобальная Хартия* 2019 года создания стоит следом за хорошо известной *Декларацией принципов поведения журналиста*, принятой много десятилетий назад. Будь моя воля, я бы оставил в списке публикуемых документов только *Глобальную Хартию*, во введении в которую говорится, что она, если быть совсем уж точным в переводе, довершает, доводит до цельности Декларацию, принятую в 1954 году¹³³. Но, поскольку ни довершение, ни доведение до цельности не означают отмены прежнего документа, Коллегия приводит их в паре.

¹³³ Поколебавшись, мы все оставили в силе слово «дополняет».

Не забывайте оглаживаться на свои профессиональные нормы и ориентиры, уважаемые журналисты!

СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

5.1.1. Состав Общественной коллегии по жалобам на прессу (2020–2025)

Палата медиасообщества

Абов Евгений Владимирович

Выдвинут Союзом предприятий печатной индустрии (СППИ ГИПП).

Вице-президент Союза предприятий печатной индустрии (СППИ ГИПП). Член Правления Всемирной информационно-издательской ассоциации (WAN-IFRA).

Заместитель председателя Палаты медиасообщества Общественной коллегии по жалобам на прессу.

Ажгихина Надежда Ильинична

Выдвинута Профсоюзом журналистов и работников СМИ.

Редактор раздела «Профессия» Медиагруппы «Журналист». Директор Ассоциации «ПЭН-Москва». Член Бюро Профессионального союза журналистов и работников СМИ.

Асламазян Мария Альбертовна

Выдвинута Союзом журналистов Москвы.

Медиа-консультант, медиаменеджер. Председатель правления ассоциации «Интерньюс Интернейшнл».

Гусев Павел Николаевич

Выдвинут ЗАО «Редакция газеты “Московский комсомолец”».

Главный редактор и владелец газеты «Московский комсомолец». Председатель Союза журналистов Москвы. Член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека.

Дубинская Софья Борисовна

Выдвинута Некоммерческим партнёрством «Альянс руководителей региональных СМИ России» (АРС-ПРЕСС).

Исполнительный директор Некоммерческого партнёрства «Альянс руководителей региональных СМИ России» (АРС-ПРЕСС).

Жвирблис Андрей Вячеславович

Выдвинут Профсоюзом журналистов и работников СМИ.

Журналист, российский корреспондент международной организации «Репортёры без границ». Член бюро Профсоюза журналистов и работников СМИ.

Загитова Юлия Робертовна

Выдвинута ООО «Союз журналистов России».

Медиаисследователь. Секретарь Союза журналистов России, руководитель Департамента по развитию региональной журналистики.

Засурский Иван Иванович

Выдвинут Ассоциацией интернет-издателей

Президент Ассоциации интернет-издателей. Издатель интернет-СМИ «Частный корреспондент». Заведующий кафедрой новых медиа и теории коммуникации факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека.

Качкаева Анна Григорьевна

Выдвинута Союзом журналистов Москвы.

Телевизионный обозреватель, член Академии российского телевидения. Профессор факультета коммуникаций, медиа и дизайна национального университета «Высшая школа экономики».

Кожеуров Ярослав Сергеевич

Выдвинут АНО РИД «Новая газета».

Медиаюрист редакции «Новая газета».

Кравцова Ольга Александровна

Выдвинута Автономной некоммерческой организацией «Агентство социальной информации».

Российский координатор Центра «Дарт» по журналистике и травмам. Руководитель АНО «Центр развития журналистики». Кандидат психологических наук.

Заместитель председателя Палаты медиасообщества Общественной коллегии по жалобам на прессу.

Кузичев Анатолий Александрович

Выдвинут ООО «Союз журналистов России».

Программный директор «Радио РОКС». Генеральный продюсер радиостанции «Коммерсантъ-FM» ИД «Коммерсантъ». Секретарь Союза Журналистов России.

Левиева Этери Михайловна

Выдвинута фондом «Академия Российского телевидения».

Генеральный директор фонда «Академия Российского телевидения».

Лошак Виктор Григорьевич

Выдвинут Всемирной ассоциацией русской прессы (ВАРП).

Директор по стратегии Издательского Дома «Коммерсантъ». Член IPI (Международного института прессы), вице-президент Российского отделения IPI. Профессор МГИМО.

Меркачёва Ева Михайловна

Выдвинута ЗАО «Редакция газеты “Московский комсомолец”».

Обозреватель газеты «Московский комсомолец», писатель, правозащитник. Заместитель председателя ОНК Москвы. Член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека.

Никитинский Леонид Васильевич

Выдвинут АНО РИД «Новая газета», АНО «Агентство социальной информации».

Обозреватель «Новой газеты», журналист, писатель. Кандидат юридических наук. Член Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека.

Новиков Руслан Юрьевич

Выдвинут Издательским домом «Аргументы и факты».

Генеральный директор АО «Аргументы и факты», президент Союза предприятий печатной индустрии (СППИ ГИПП). Кандидат экономических наук.

Петровская Ирина Евгеньевна

Выдвинута Национальной ассоциацией телерадиовещателей (НАТ).

Журналист, телекритик, член фонда «Академия Российского телевидения», обозреватель «Новой газеты» и радиостанции «Эхо Москвы».

Познер Владимир Владимирович

Выдвинут Автономной некоммерческой организацией «Агентство социальной информации».

Тележурналист, телеведущий. Первый президент «Академии Российского телевидения». Ведущий программы «Познер» на Первом канале.

Пургин Юрий Петрович

Выдвинут Некоммерческим партнёрством «Институт развития прессы – Сибирь».

Генеральный директор Издательского дома «Алтапресс», член Правления Альянса независимых региональных издателей (АНРИ). Кандидат филологических наук. Сопредседатель Западно-Сибирской коллегии по жалобам на прессу.

Сагалаев Эдуард Михайлович

Выдвинут Национальной ассоциацией телерадиовещателей (НАТ).

Президент Национальной ассоциации телерадиовещателей.

Сванидзе Николай Карлович

Выдвинут Национальной ассоциацией телерадиовещателей (НАТ).

Историк, журналист, политический обозреватель. Член бюро Союза журналистов Москвы. Заведующий кафедрой журналистики факультета журналистики Российского государственного гуманитарного университета. Член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека.

Симоньян Маргарита Симоновна

Выдвинута МИА «Россия сегодня».

Главный редактор телеканала RT и МИА «Россия сегодня».

Федотов Михаил Александрович

Выдвинут Национальной ассоциацией телерадиовещателей (НАТ).

Доктор юридических наук, профессор Высшей школы экономики. Секретарь Союза журналистов России. *Председатель Палаты медиасообщества Общественной коллегии по жалобам на прессу, сопредседатель Коллегии.*

Юкечев Виктор Павлович

Выдвинут Некоммерческим партнёрством «Институт развития прессы – Сибирь».

Директор Института развития прессы – Сибирь. Директор правозащитного Фонда «Так-так-так».

Палата медиааудитории

Автономов Алексей Станиславович

Выдвинут НО «Фонд международных молодёжных обменов».

Доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом зарубежного конституционного, административного и уголовного законодательства и международного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, член Комитета ООН по ликвидации расовой дискриминации

Амбиндер Лев Сергеевич

Выдвинут Благотворительным фондом помощи тяжелобольным детям, сиротам и инвалидам «Русфонд».

Журналист, президент Русфонда. Член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. Член Совета при Правительстве РФ по вопросам попечительства в социальной сфере.

Андреева Татьяна Константиновна

Выдвинута Советом при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, Автономной некоммерческой организацией «Институт прав человека».

Заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент кафедры Гражданского процесса юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Заместитель председателя Высшего Арбитражного Суда РФ в отставке. Член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека.

Арапова Галина Юрьевна

Выдвинута Региональным фондом «Центр защиты прав средств массовой информации», Региональной общественной организацией «Московская группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений» (Московская Хельсинкская группа, МХГ).

Ведущий юрист, директор РФ «Центр защиты прав СМИ». Член Совета директоров международной организации «АРТИКЛЬ 19» (Всемирная кампания за свободу выражения мнения). Член Европейского Экспертного совета медиаюристов по вопросам защиты прав журналистов в Европейском суде.

Асмолов Александр Григорьевич

Выдвинут Советом при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека.

Доктор психологических наук, профессор, академик Российской Академии образования (РАО), зав. кафедрой психологии личности факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, директор Федерального института развития образования (ФИРО). Член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека.

Верховский Александр Маркович

Выдвинут Региональной общественной организацией «Московская группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений» (Московская Хельсинкская группа, МХГ).

Директор Региональной общественной организации содействия просвещению граждан «Информационно-аналитический центр “Сова”». Член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека.

Гонтмахер Евгений Шлёмович

Выдвинут Институтом современного развития (ИНСОР).

Доктор экономических наук, профессор Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики», член правления Института современного развития.

Заместитель председателя Палаты медиааудитории Общественной коллегии по жалобам на прессу.

Ениколопов Сергей Николаевич

Выдвинут Благотворительным фондом «Фонд поддержки слепоглухих “Соединение”», Авторским центром «Мир семьи».

Заведующий отделом медицинской психологии ФГБНУ «Научный центр психического здоровья». Кандидат психологических наук. Член правления Совета Московского регионального отделения Российского психологического общества. Член правления Российского общества психиатров.

Зиятдинов Вадим Рафикович

Выдвинут Советом судей Российской Федерации.

Заместитель начальника Главного управления организационно-правового обеспечения деятельности судов, руководитель пресс-службы Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Кандидат политических наук.

Казаков Юрий Венедиктович

Выдвинут Автономной некоммерческой организацией «Творческий центр ЮНЕСКО».

Эксперт по проблемам профессиональной этики журналиста и медиаэтики. Кандидат социологических наук.

Председатель Палаты медиааудитории Общественной коллегии по жалобам на прессу, сопредседатель Коллегии.

Киркора Ирина Владимировна

Выдвинута Советом при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека.

Директор некоммерческой организации «Авторский центр “Мир семьи”». Глава московского отделения по защите прав женщин и детей «Ассоль». Генеральный директор АНО «Творческий центр ЮНЕСКО». Член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека.

Кирьянов Артём Юрьевич

Выдвинут Общероссийской общественной организацией «Российский союз налогоплательщиков».

Адвокат, председатель Коллегии адвокатов «Кирьянов и партнёры». Председатель Общероссийской общественной организации «Российский союз налогоплательщиков». Член Общественной палаты Российской Федерации, первый заместитель председателя Комиссии Общественной палаты РФ по общественному контролю и взаимодействию с общественными советами. Кандидат юридических наук.

Клювгант Вадим Владимирович

Выдвинут Адвокатской палатой Москвы.

Адвокат, партнёр коллегии адвокатов Pen&Paper. Вице-президент Адвокатской палаты Москвы. Член редакционной коллегии журнала «Московский адвокат», руководитель редакционного совета «Вестника адвокатской палаты Москвы». Кандидат исторических наук.

Лукин Владимир Петрович

Выдвинут Общероссийской общественной организацией «Паралимпийский комитет России».

Доктор исторических наук, профессор. Член Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Президент Паралимпийского комитета России.

Сопредседатель Общественной коллегии по жалобам на прессу.

Макаров Александр Аркадьевич

Выдвинут Автономной некоммерческой организацией «Творческий центр ЮНЕСКО».

Протоиерей, настоятель Преображенского храма в пос. Запрудня Талдомского района Московской области. Член Епархиального отдела по издательской деятельности и связям со средствами массовой информации, консультант Отдела внешних церковных связей Московского патриархата (ОВЦС МП). Соучредитель журнала «Православная беседа».

Монахов Виктор Николаевич

Выдвинут Общероссийским союзом общественных объединений «Союз потребителей Российской Федерации» (СПРФ).

Медиаюрист, кандидат юридических наук. Член кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Заместитель председателя Платы медиааудитории Общественной коллегии по жалобам на прессу.

Нетупский Павел Иосифович

Выдвинут Санкт-Петербургской общественной правозащитной организацией «Гражданский контроль».

Главный редактор Агентства правовой информации. Член совета Гильдии судебных репортёров.

Орешкин Дмитрий Борисович

Выдвинут Политической партией «Партия народной свободы» (ПАРНАС), ООО «Серебряный дождь».

Главный специалист Института географии РАН. Кандидат географических наук. Независимый политолог, публицист, ведущий аналитических программ. Аналитик электоральных процессов, организатор аналитической группы «Меркатор».

Резник Генри Маркович

Выдвинут Общероссийской негосударственной некоммерческой организацией «Федеральная палата адвокатов Российской Федерации», Советом при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, Региональной общественной организацией «Московская группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений» (Московская Хельсинкская группа, МХГ).

Адвокат, вице-президент Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, первый вице-президент Адвокатской палаты г. Москвы. Кандидат юридических наук, доцент. Член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека.

Ривина Анна Валерьевна

Выдвинута Автономной некоммерческой организацией «Центр по работе с проблемой насилия “Насилию.нет”».

Учредитель и директор Центра «Насилию.нет». Кандидат юридических наук, магистр политологии Тель-Авивского университета, преподаватель кафедры семейного права МГЮА им. Кутафина.

Ряховский Владимир Васильевич

Выдвинут Некоммерческим партнёрством «Славянский правовой центр», Советом при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека.

Адвокат, управляющий партнёр Адвокатского бюро «Славянский правовой центр» в г. Москве, член Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, член Экспертного совета Комиссии по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений Общественной палаты Российской Федерации.

Симонов Алексей Кириллович

Выдвинут Национальной ассоциацией телерадиовещателей (НАТ), Региональной общественной организацией «Московская группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений» (Московская Хельсинкская группа, МХГ).

Режиссёр, публицист, правозащитник. Президент Фонда защиты гласности, член Московской Хельсинкской группы, председатель жюри премии имени Андрея Сахарова «За журналистику как поступок».

Соболева Анита Карловна

Выдвинута Советом при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, Редакцией научного журнала «Сравнительное конституционное обозрение», Региональной общественной организацией «Московская группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений» (Московская Хельсинкская группа, МХГ).

Старший юрист Института права и публичной политики, доцент Департамента теории права и общеправовых дисциплин факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Кандидат филологических наук, доцент; магистр права. Член Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека.

Томчин Григорий Алексеевич

Выдвинут некоммерческой общественной организацией «Межрегиональный профессиональный союз работников социальной сферы и услуг».

Президент некоммерческой организации «Фонд поддержки законодательных инициатив», советник президента некоммерческой общественной организацией «Межрегиональный профессиональный союз работников социальной сферы и услуг».

Шаблинский Илья Георгиевич

Выдвинут Институтом права и публичной политики, редакцией научного журнала «Сравнительное конституционное обозрение», Региональной общественной организацией «Московская группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений» (Московская Хельсинкская группа, МХГ).

Доктор юридических наук, профессор Департамента публичного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Член Редакционного совета журнала «Сравнительное конституционное обозрение».

5.1.2. Организации, принимавшие участие в формировании составов Палат Общественной коллегии на выборах 2020 года.

Палата медиасообщества

1. Союз предприятий печатной индустрии (СППИ ГИПП)
2. Профсоюз журналистов и работников СМИ
3. Союз журналистов Москвы
4. Союз журналистов России
5. Сетевое издание «Лениздат.ру»
6. Редакция газеты «Московский комсомолец»
7. АНО по развитию региональных социально-правовых коммуникаций «Агентство “Диалог”»
8. Газета учёных и научных журналистов «Троицкий вариант – Наука»
9. Некоммерческое партнёрство «Альянс руководителей региональных СМИ России» (АРС-ПРЕСС)
10. Ассоциация коммуникационных агентств России (АКАР)
11. ООО КА «ИМА-Пресс»
12. Трансконтинентальная МедиаКомпания
13. Медиахолдинг «ФедералПресс»
14. Ассоциация интернет-издателей
15. Группа компаний IP.Team
16. ИД «Новая газета»
17. MediaToolbox
18. Фонд «Академия Российского телевидения»
19. Всемирная Ассоциация русской прессы (ВАРП)
20. Комиссия Общественной палаты РФ по развитию информационного сообщества, СМИ и массовых коммуникаций
21. Факультет журналистики и медиакоммуникаций Гуманитарного университета г. Екатеринбурга
22. Институт развития прессы – Сибирь
23. АНО «Агентство социальной информации»
24. Издательский дом «Аргументы и факты»
25. Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова
26. ООО «Медиагруппа “Журналист”»
27. Редакция информационно-аналитического журнала «Религия и право»
28. Сетевое издание PARK72.RU
29. Национальная ассоциация телерадиовещателей (НАТ)
30. Сетевое издание «Пенза-онлайн»
31. МИА «Россия сегодня»
32. Санкт-Петербургское отделение Союза журналистов России
33. Региональный фонд «Центр защиты прав средств массовой информации»
34. ООО «Серебряный дождь»
35. Редакция научного журнала «Сравнительное конституционное обозрение»

Палата медиааудитории

1. НО «Фонд международных молодёжных обменов»
2. «Русфонд»
3. Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека
4. Институт прав человека
5. Московская Хельсинкская группа
6. Союз кинематографистов Республики Бурятия
7. Федеральная палата адвокатов Российской Федерации
8. Институт современного развития
9. Межрегиональный профсоюз работников «Трансмашхолдинг»
10. Ассамблея народов России
11. Центр лечебной педагогики для помощи детям с различными особенностями развития
12. Фонд поддержки слепоглухих «Со-единение»
13. Российская академия юридических наук
14. Совет судей Российской Федерации
15. Творческий центр ЮНЕСКО
16. Российский союз налогоплательщиков
17. Нотариальная палата города Севастополя
18. Адвокатская палата Москвы
19. Конфедерация труда России
20. Гильдия российских адвокатов
21. Юридический факультет Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского
22. Саратовский региональный общественный фонд поддержки гражданских инициатив «Общество и право»
23. Паралимпийский комитет России
24. Союз потребителей Российской Федерации
25. Санкт-Петербургская общественная правозащитная организация «Гражданский контроль»
26. Всероссийская политическая партия «Гражданская инициатива»
27. Политическая партия «Партия народной свободы» (ПАРНАС)
28. Молодёжный союз юристов РФ
29. Комитет за гражданские права
30. Общероссийское общественное движение «Народный фронт “За Россию”»
31. Совет при главе администрации (губернаторе) Краснодарского края по развитию гражданского общества и правам человека
32. Национальный центр общественного контроля в сфере ЖКХ «ЖКХ Контроль»
33. Центр по работе с проблемой насилия «Насилию.нет»
34. Фонд развития исследовательских программ «Информатика для демократии»
35. Некоммерческое партнёрство «Славянский правовой центр»
36. Некоммерческое партнёрство «Юристы за трудовые права»
37. Комитет муниципального развития г. Тольятти
38. Межрегиональный профессиональный союз работников социальной сферы и услуг
39. Политическая партия социальной защиты

40. Институт права и публичной политики
  41. Союз участников потребительского рынка
  42. Федерация независимых профсоюзов России
  43. Тюменская региональная общественная организация «Центр общественного контроля
“Оберег”»
  44. Авторский центр «Мир семьи»
-

5.2. НОРМАТИВНЫЕ И ОРИЕНТИРУЮЩИЕ ДОКУМЕНТЫ КОЛЛЕГИИ

УСТАВ ОБЩЕСТВЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ПО ЖАЛОБАМ НА ПРЕССУ

(в ред. от 07.03.2018 г.)

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1.1. Общественная коллегия по жалобам на прессу (далее – Коллегия) учреждается при участии заинтересованных некоммерческих организаций как независимая структура гражданского общества, осуществляющая саморегулирование и сорегулирование в сфере массовой информации, опираясь на авторитет сформировавших её организаций и избранных в её состав лиц.

1.2. Задача Коллегии заключается в рассмотрении жалоб аудитории средств массовой информации на нарушения правил профессиональной этики и поведения в данной сфере с целью разрешения конкретных информационных споров.

1.3. В своей работе Коллегия опирается на этические принципы, заложенные в положениях Конституции РФ, об основных правах и свободах человека и гражданина, законодательстве Российской Федерации о средствах массовой информации, документах Совета Европы, ЮНЕСКО и ОБСЕ по вопросам этики и саморегулирования в области массовой информации, документах саморегулирования медийных организаций, а также Медиаэтическим стандартом Общественной коллегии по жалобам на прессу.

1.4. Коллегия в своей деятельности преследует следующие цели:

- формирование культуры профессиональной и честной журналистики;
- восстановление и укрепление доверия к средствам массовой информации;
- утверждение свободы массовой информации в Российской Федерации;
- защита профессиональной независимости и издательско-редакционной свободы в средствах массовой информации;
- укоренение в сфере массовой информации идеалов толерантности и культуры мира в контексте предотвращения опасностей, связанных с предрассудками и дискриминацией, ксенофобией, агрессивным национализмом, этнической и религиозной разобщенностью.

2. ПОРЯДОК ФОРМИРОВАНИЯ

2.1. Коллегия состоит из двух палат: Палаты медиасообщества и Палаты медиааудитории, каждая из которых включает в себя по 25 человек, избираемых в соответствии с настоящим Уставом.

2.2. Кандидаты в состав Палаты медиасообщества выдвигаются заинтересованными медийными организациями, а также ассоциациями, объединяющими субъектов предпринимательской или профессиональной деятельности в сфере массовой информации (журналистов, редакторов, издателей, вещателей, специалистов в области рекламы, связей с общественностью и т. д.).

2.3. Кандидаты в состав Палаты медиааудитории выдвигаются действующими вне сферы массовой информации, но заинтересованными в работе Коллегии политическими партиями, профессиональными союзами, религиозными и иными некоммерческими организациями, а также саморегулируемыми организациями, Общественной палатой Российской Федерации, Советом судей Российской Федерации и другими органами профессиональных сообществ.

2.4. В состав Коллегии выдвигаются лица, известные в обществе своими высокими профессиональными и морально-этическими качествами; при этом никаких формальных

требований к кандидатам ни по уровню или профилю образования, ни по опыту работы, ни по другим обстоятельствам, не предъявляется. Кандидат в состав Коллегии может не являться членом или работником выдвинувшей его организации. В любом случае избранные в состав Коллегии лица не являются представителями выдвинувших их организаций, а в личном качестве представляют всё медийное сообщество (Палата медиасообщества) или всю аудиторию СМИ (Палата медиааудитории).

2.5. Все выдвинутые кандидаты включаются в избирательные списки соответствующих палат. В избирательных списках указывается фамилия, имя и отчество кандидата, кем выдвинут, а также краткая характеристика кандидата, подготовленная выдвинувшей его организацией.

2.6. Каждая организация, участвующая в формировании Коллегии, вправе отметить в обоих избирательных списках по 25 кандидатов. Если при подсчёте голосов окажется, что в избирательном списке отмечено более 25 кандидатов, то лишние голоса сокращаются в алфавитном порядке и в обратном порядке попеременно. Если же в избирательном списке отмечено менее 25 кандидатов, то неиспользованные голоса погашаются.

2.7. Результаты голосования определяются отдельно по каждой палате по итогам подсчёта решающих голосов, то есть голосов, поданных организациями, участвовавшими в выдвижении кандидата (кандидатов) в соответствующую палату. Избранными считаются кандидаты, получившие путём тайного голосования более половины голосов организаций, принявших участие в голосовании, из числа участвовавших в выдвижении кандидатов в данную палату. Если число кандидатов, получивших более половины голосов, превышает число вакантных мест в соответствующей палате, то избранными считаются кандидаты, получившие среди них относительное большинство голосов. В случае равенства голосов принимаются во внимание совещательные голоса, то есть голоса, отданные за кандидатов организациями, участвовавшими в выдвижении кандидатов в другую палату.

2.8. Коллегия вправе приступить к работе, если в каждую из палат избрано более половины их списочного состава.

2.9. Выборы в состав Коллегии проводятся один раз в пять лет. Объявление о начале процедуры выборов публикуется на сайте Коллегии не позднее чем за три месяца до подведения итогов голосования. В выборах вправе участвовать организации, участвовавшие в формировании прежнего состава Коллегии, а также иные организации, указанные в пунктах 2.2. и 2.3. настоящего Устава. Результаты выборов в состав Коллегии размещаются на сайте Коллегии.

2.10. Место в составе Коллегии, ставшее вакантным в период между выборами, на оставшийся срок полномочий занимает кандидат, баллотировавшийся в соответствующую Палату и по итогам подсчёта голосов получивший относительное большинство голосов. В случае равенства голосов принимаются во внимание совещательные голоса. Если и это не позволяет определить кандидата, имеющего право на занятие вакантного места, то проводится голосование среди членов соответствующей Палаты.

3. СОСТАВ КОЛЛЕГИИ

3.1. Срок полномочий членов Коллегии – пять лет.

3.2. Члены Коллегии осуществляют свою деятельность на общественных началах.

3.3. За каждым членом Коллегии признаётся право подать в отставку, в том числе без объяснения причин.

3.4. Каждая палата путём тайного голосования избирает из своего состава председателя палаты. Избранным считается кандидат, имя которого указано в большинстве избирательных записок, поданных членами соответствующей палаты. Председатели палат одновременно являются сопредседателями Коллегии. Сопредседатели Коллегии совместно организуют работу Коллегии, попеременно ведут её заседания, представляют её в отношениях с гражданами и организациями, выполняют иные обязанности, возложенные на них решением Коллегии или соответствующей палаты.

В каждой палате по представлению её председателя избираются два заместителя председателя палаты.

Совместным решением сопредседателей назначается ответственный секретарь Коллегии.

По совместному представлению председателей палат может избираться третий сопредседатель Коллегии.

3.5. Сопредседатели Коллегии, заместители председателей палат, а также ответственный секретарь Коллегии образуют постоянно действующий Президиум Коллегии, на который возлагается подготовка заседаний Коллегии, организация работы ad hoc коллегий, принятие решений об отклонении неприемлемых жалоб, представление Коллегии в публичных взаимоотношениях.

3.6. С согласия Коллегии в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях могут создаваться территориальные (межрегиональные, региональные и местные) коллегии по жалобам на СМИ.

3.7. Член Коллегии, не принимавший – несмотря на направлявшиеся ему приглашения – участия в работе Коллегии в течение календарного года и более, может быть освобождён от пребывания в составе Коллегии по решению палаты, в состав которой он был избран. Объявление о проведении голосования по данному вопросу публикуется на сайте Коллегии по решению сопредседателей Коллегии не менее чем за три недели до подведения итогов голосования. Сопредседатели Коллегии совместно подводят итоги голосования, сохраняя при этом тайну голосования. Решение считается принятым, если за него проголосовало, в том числе заочно, большинство членов соответствующей палаты.

4. КОМПЕТЕНЦИЯ

4.1. К компетенции Коллегии относится рассмотрение информационных споров, прежде всего, нравственно-этического характера, возникающих в сфере массовой информации, в том числе дел о нарушениях принципов и норм профессиональной журналистской этики. К компетенции Коллегии относится также рассмотрение информационных споров, затрагивающих права человека в сфере массовой информации.

4.2. Коллегия обобщает и разъясняет принципы и нормы профессиональной журналистской этики и поведения, признаваемые всеми участвующими в её формировании организациями, их членами и работниками, а также оценивает профессионально-этические нормы, содержащиеся в различных корпоративных документах, принятых организациями вещателей, издателей, журналистов и т. д.

4.3. Коллегия осуществляет систематизацию прецедентов, сложившихся в её работе по рассмотрению информационных споров.

4.4. Правом на обращение в Коллегию обладают любой человек, должностное лицо, орган государственной власти (местного самоуправления) или организация:

- заинтересованные в оценке деятельности того или иного журналиста, редактора, редакции, издателя, вещателя, должностного лица органа государственной власти (местного самоуправления), иного субъекта предпринимательской или профессиональной деятельности в сфере массовой информации с точки зрения соблюдения и уважения принципов и норм профессиональной журналистской этики;

- заинтересованные в разрешении информационного спора, затрагивающего права человека в сфере массовой информации.

4.5. Организации СМИ, признавшие профессионально-этическую юрисдикцию Коллегии, находятся под её защитой и могут использовать её эмблему для оповещения об этом своей аудитории.

4.6. Коллегия выносит решения:

- опираясь на этические принципы, законодательные акты Российской Федерации, принципы и нормы международного права, решения Европейского Суда по правам человека, на положения своего Медиэтического стандарта;

- применяя к оценке конкретных ситуаций международно-признанные стандарты профессиональной деятельности в сфере массовой информации;
- принимая во внимание кодексы и хартии журналистской этики и правила профессионального поведения, признаваемые организациями, коллективами и лицами – участниками рассматриваемых информационных споров;
- учитывая прецеденты, сложившиеся в практике Судебной палаты по информационным спорам при Президенте РФ, Большого жюри Союза журналистов России, иных органов саморегулирования в сфере массовой информации, а также настоящей Коллегии.

5. AD HOC КОЛЛЕГИИ

5.1. Рассмотрение информационных споров осуществляется ad hoc коллегиями (малыми коллегиями, создаваемыми для рассмотрения каждого конкретного спора). Они формируются по согласованному решению сопредседателей Коллегии из числа членов Коллегии, выразивших согласие принять участие в заседании.

5.2. При формировании ad hoc коллегии по мере возможности принимаются во внимание пожелания участников информационного спора.

5.3. За каждым членом Коллегии – при наличии обстоятельств, способных поставить под сомнение его беспристрастность в отношении рассматриваемого информационного спора, – признаётся право отказаться от вхождения в состав ad hoc коллегии либо отказаться от участия в голосовании в случае отсутствия консенсуса среди членов коллегии.

5.4. Ad hoc коллегия правомочна рассматривать информационный спор при наличии в её составе не менее пяти и не более пятнадцати членов Коллегии, а также при том условии, что в ней представлены обе палаты.

5.5. Члены Коллегии, не вошедшие в состав данной ad hoc коллегии, могут участвовать в её заседании с правом совещательного голоса.

5.6. Ad hoc коллегия избирает из своего состава председательствующего. Если в составе ad hoc коллегии принимает участие один из сопредседателей Коллегии, то он является председательствующим по праву. Если в составе ad hoc коллегии участвуют сопредседатели Коллегии, то они сами определяют, кто из них будет председательствовать в данной ad hoc коллегии.

5.7. Заседание ad hoc коллегии проходит открыто, если на основании мотивированного требования одного из участников спора не будет принято другое решение.

5.8. Ad hoc коллегия вырабатывает своё решение по рассматриваемому информационному спору за закрытыми дверями, если не будет принято другое решение. Члены Коллегии, не вошедшие в состав данной ad hoc коллегии, вправе участвовать в выработке решения с правом совещательного голоса.

5.9. Председатель ad hoc коллегии может назначить из числа членов ad hoc коллегии докладчика (эксперта) по рассматриваемому делу.

6. РАЗБИРАТЕЛЬСТВО

6.1. Рассматривая конфликтные ситуации, ad hoc коллегия должна стремиться к:

- установлению конструктивного диалога между участниками конфликта в обстановке состязательности, открытости и равноправия сторон;
- осознанию участниками конфликта международно признанных правил поведения журналиста, редактора, редакции, издателя, вещателя, должностного лица органа государственной власти (местного самоуправления), иного субъекта предпринимательской или профессиональной деятельности в сфере массовой информации и необходимости следования им в повседневной практике;
- формулированию решений, пригодных для последующей их систематизации в качестве общих правил.

6.2. Обращение с просьбой о рассмотрении информационного спора подаётся в Коллегию в письменной форме, с приложением Соглашения о признании заявителем профессионально-этической юрисдикции Коллегии. Обращение рассматривается *ad hoc* коллегией в разумно короткий срок, необходимый для её формирования, изучения обстоятельств спора и приглашения на заседание всех заинтересованных лиц. Если заявитель не приложил к своему обращению подписанное им Соглашение о признании профессионально-этической юрисдикции Коллегии, то подготовка его обращения к рассмотрению не начинается до устранения этого недостатка. Лицу, в отношении которого подана жалоба, не позднее десяти дней с момента начала подготовки её рассмотрения направляется её копия с предложением подписать Соглашение о признании профессионально-этической юрисдикции Коллегии, высказать свои соображения по существу данного информационного спора и принять участие в его рассмотрении. Если в течение последующих десяти дней от лица, в отношении которого была подана жалоба, не поступит ответ, то Коллегия вправе толковать это как отказ от сотрудничества с ней (пункт 6.6. настоящего Устава).

В случае если жалоба подана в период избирательной кампании и касается участия средств массовой информации или журналистов в её освещении, то установленные настоящим пунктом сроки сокращаются до пяти дней.

6.3. Допускается заочное рассмотрение конфликтной ситуации в отсутствие заинтересованных лиц. В этом случае *ad hoc* коллегия ограничивается исследованием представленных ими аргументов и выносит решение, именуемое заочным.

6.4. Коллегия, как правило, воздерживается от рассмотрения анонимных, малозначительных и неприемлемых по моральным соображениям жалоб, а также выходящих за пределы компетенции Коллегии.

6.5. Коллегия воздерживается от рассмотрения информационного спора, если он уже урегулирован, разрешён или разрешается в судебном или ином правовом порядке, либо любой из его участников намерен решить данный спор в судебном или ином правовом порядке. Моральное обязательство не обращаться в суд или иные государственные органы для разрешения данного информационного спора является неотъемлемой частью Соглашения о признании профессионально-этической юрисдикции Коллегии.

6.6. В случае получения Коллегией жалобы гражданина или организации из региона, в котором действует территориальная коллегия по жалобам на прессу, Коллегия, при отсутствии возражений заявителя, передаёт его жалобу на рассмотрение соответствующей территориальной коллегии, обеспечивая при необходимости экспертно-консультационное участие в таком заседании (по предварительному согласованию с территориальной коллегией) своего полномочного представителя – члена Коллегии или эксперта.

6.7. Если заявитель в течение тридцати дней с момента подачи обращения не подписал Соглашение о признании профессионально-этической юрисдикции Коллегии, то его жалоба остаётся без рассмотрения, о чём сообщается на официальном сайте Коллегии. Если лицо, в отношении которого подана жалоба, отказывается от сотрудничества с Коллегией, в том числе не подписал Соглашение о признании профессионально-этической юрисдикции Коллегии, отказался представить ей в установленный срок свои пояснения или направить своего представителя на заседание *ad hoc* коллегии, то эти обстоятельства не препятствуют рассмотрению информационного спора по существу, однако могут влечь освобождение заявителя от его морального обязательства, предусмотренного пунктом 6.5. настоящего Устава.

В случае если жалоба подана в период избирательной кампании и касается участия средств массовой информации или журналистов в её освещении, то установленный настоящим пунктом срок сокращается до трёх дней.

6.8. При открытии заседания *ad hoc* коллегии председательствующий поимённо представляет аудитории участвующих в её работе членов Коллегии, докладывает о ходе и результатах подготовки данного спора к рассмотрению, после чего опрашивает членов

коллегии о возможности рассмотрения данного информационного спора, исходя, прежде всего, из критерия его относимости к компетенции Коллегии.

6.9. Если хотя бы один из членов ad hoc коллегии заявит о невозможности рассмотрения данного информационного спора, то председательствующий обязан открыть дискуссию между членами ad hoc коллегии, по итогам которой провести голосование. Если по результатам голосования будет решено не рассматривать данный информационный спор, то ad hoc коллегия обязана сформулировать и утвердить свою мотивированную позицию, которая оглашается председательствующим для сведения аудитории.

6.10. В ходе заседания ad hoc коллегии участники информационного спора дают свои пояснения и отвечают на вопросы членов ad hoc коллегии. Они могут также задавать вопросы друг другу, оглашать документы и материалы, представлять для демонстрации аудио- и видеозаписи, передавать – с согласия председательствующего – слово экспертам, свидетелям, другим лицам.

6.11. Участники заседания обязаны терпимо относиться к выступлениям друг друга, проявлять вежливость, избегать выражений, которые могут восприниматься как грубые и оскорбительные. Председательствующий обязан принять исчерпывающие меры к тому, чтобы заседание проходило в спокойной и благожелательной обстановке, а дискуссия носила уважительный и товарищеский характер. Если поведение участников информационного спора противно правилам приличия и добрым нравам, то председательствующий с согласия членов ad hoc коллегии вправе закрыть заседание и сразу перейти к выработке решения за закрытыми дверями.

6.12. Члены ad hoc коллегии вправе задавать вопросы участникам заседания, однако до оглашения решения обязаны (за исключением докладчика, эксперта, если они назначены) воздерживаться от выражения своей позиции по рассматриваемому информационному спору.

6.13. Все вопросы решаются ad hoc коллегией путём голосования. При голосовании председательствующий голосует последним. В случае равенства голосов голос председательствующего составляет большинство.

6.14. Если по рассматриваемой жалобе подготовлено специальное исследование эксперта Коллегии (мнение эксперта), то этот документ доводится председательствующим до членов ad hoc коллегии на этапе подготовки к заседанию.

В случае личного участия эксперта в заседании ему предоставляется возможность ознакомить членов ad hoc коллегии и участников информационного спора с основными выводами своего исследования и ответить на их вопросы.

Во всех остальных случаях стороны информационного спора получают возможность ознакомиться с текстом исследования (мнением эксперта) одновременно с текстом решения Коллегии по рассмотренной жалобе.

Члены ad hoc коллегии принимают мнение эксперта к сведению, но решение Коллегии формируют исключительно в логике личной ответственности, по результатам рассмотрения жалобы, с учётом всего объёма информации, полученного и подвергнутого изучению в ходе заседания.

7. РЕШЕНИЯ КОЛЛЕГИИ

7.1. По итогам рассмотрения конфликтной ситуации по существу ad hoc коллегия принимает решение, которое подписывается председательствующим.

7.2. Принятое ad hoc коллегией решение считается решением Коллегии.

7.3. Ad hoc коллегия облекает своё решение в ту форму, которую сочтёт адекватной характеру рассматриваемого информационного спора. В любом случае в решении должно быть отражено следующее:

- дата проведения заседания;
- состав ad hoc коллегии (с указанием принадлежности членов Коллегии к соответствующим палатам);
- основное содержание обращения и представленных участниками спора материалов;

- факт признания участниками спора профессионально-этической юрисдикции Коллегии,;
- основное содержание выступлений участников заседания ad hoc коллегии;
- выводы, сделанные ad hoc коллегией по существу информационного спора (резолютивная часть).

7.4. Принятое ad hoc коллегией решение в окончательной форме составляется председательствующим и обнародуется на сайте Коллегии не ранее чем через семь и не позднее чем через двадцать дней после его принятия. Любой член Коллегии вправе сформулировать в отношении принятого ad hoc коллегией решения особое мнение, которое подлежит обнародованию вместе с принятым решением. По просьбе любой из сторон информационного спора принятое решение одновременно с его обнародованием может быть оглашено председательствующим публично, при участии других членов Коллегии.

В случае если жалоба подана в период избирательной кампании и касается участия средств массовой информации или журналистов в её освещении, то принятое ad hoc коллегией решение в окончательной форме обнародуется на сайте Коллегии и направляется в Центральную избирательную комиссию Российской Федерации не позднее пяти дней после его принятия, но в любом случае не позднее чем за два дня до дня голосования либо после дня голосования.

7.5. Коллегия вправе пересмотреть решение, принятое ad hoc коллегией.

Пересмотр решения ad hoc коллегии может быть осуществлён либо по решению большей по численности – но не более 21 человека – ad hoc коллегии при обязательном вхождении в её состав членов ad hoc коллегии, участвовавших в предыдущем рассмотрении данного информационного спора, либо по совместному решению обеих палат Коллегии при условии участия в заседании более половины избранных членов каждой из палат.

7.6. Решения ad hoc коллегии, принятые в пределах компетенции Коллегии, обязательны для исполнения лицами, признавшими профессионально-этическую юрисдикцию Коллегии.

7.7. Если лица, допустившие, по мнению ad hoc коллегии, нарушение правил профессионального поведения и профессиональной этики, являются членами или работниками организаций, признавших профессионально-этическую юрисдикцию Коллегии, то к ним, на основании решения ad hoc коллегии, могут быть применены меры воздействия, предусмотренные уставами соответствующих организаций, трудовыми контрактами и действующим законодательством.

7.8. Принятое Коллегией решение, констатирующее нарушение правил профессионального поведения и профессиональной этики со стороны организации СМИ или журналиста, не может служить самостоятельным основанием для возложения на них дисциплинарной, административной или иной правовой ответственности.

7.9. Решение ad hoc коллегии направляется всем участникам рассмотренного информационного спора, а также заинтересованным структурам гражданского общества.

7.10. В зависимости от характера рассмотренного конфликта решение ad hoc коллегии может быть направлено в органы государственной власти или местного самоуправления, общественным объединениям, иным юридическим и физическим лицам.

8. СОДЕЙСТВИЕ РАБОТЕ КОЛЛЕГИИ

8.1. Организации, участвующие в формировании и деятельности Коллегии, оказывают её работе посильную помощь, в том числе распространяют информацию о её решениях, участвуют на добровольных началах в покрытии её расходов.

Настоящий Устав принят на совместном заседании обеих палат Общественной коллегии по жалобам на прессу 14 июля 2005 года.

МЕДИАЭТИЧЕСКИЙ СТАНДАРТ Общественной коллегии по жалобам на прессу

Преамбула

1. Принимая настоящий *Медиаэтический стандарт*, российский орган само- и сорегулирования в сфере массовой информации:

– *исходит из того*, что каждое решение Общественной коллегии по информационному спору, соответствующему её уставной компетенции, должно вырабатываться с максимально более полным и точным учётом базовых принципов, норм и правил поведения, принятых в журналистской профессии;

– *принимает во внимание* отсутствие в России общенациональных нормативных профессионально-этических документов – как обязательных, так и выполняющих функции устойчивых ориентиров для журналистов, т. е. позволяющих достаточно уверенно отличать предписываемое, одобряемое или рекомендуемое в журналистской профессии от признаваемого нежелательным или недопустимым в ней в силу установленных и поддерживаемых журналистскими сообществами этических ограничений или прямых запретов;

– *признаёт* принципиальную невозможность выработки как эталонного нормативного профессионально-этического документа (общемирового или общеевропейского «кодекса журналиста»), так и универсального журналистского стандарта, приспособленного к работе в любых условиях, в том числе в странах с неустоявшимися представлениями о ценностях, включая ценности журналистской профессии;

– *выражает уверенность* в том, что оправданное отсутствие «всеобщего» нормативного документа не препятствует выработке устойчивых представлений о профессиональных ценностях, нормах и правилах поведения, а также формированию документов-ориентиров, учитывающих как лучший мировой журналистский опыт, так и опыт работы журналистов качественных российских СМИ;

– *учитывает* недостатки и ошибки ряда нормативных документов, выработанных и принятых в России десятилетия назад в качестве обязательных для членов конкретной профессиональной ассоциации (*Кодекс профессиональной этики российского журналиста*, 1994) или конкретной группы медийных организаций (*Хартия телерадиовещателей*, 1999);

– *обращает внимание* на то, что качественное обновление всей медийной ситуации, связанное с появлением *новых медиа* и перетеканием значительной части массмедийного контента в *социальные сети*, конкретизирует и обостряет общественный запрос на различение *блогера и профессионального журналиста*: определённо повышая требования к собственно профессиональной стороне работы последнего, – начиная с конкретизации и обновления представлений российского журналиста о профессиональной этике;

– *учитывает* успешный двухлетний опыт практической работы самой Коллегии с *проектом Медиаэтического стандарта*, а также опыт использования этого *проекта* в качестве рабочего нормативно-ориентирующего документа как территориальными коллегиями по жалобам на прессу, так и *Ассоциацией независимых региональных изданий* (АНРИ).

2. Принимая *Медиаэтический стандарт* в качестве рабочего ориентира, рассчитанного на практическое применение при рассмотрении ею конкретных жалоб, Коллегия выражает убеждение в том, что следование выделяемым в «стандарт Коллегии» (гарантированно не расходящийся с представлениями о международных стандартах журналистской профессии) *принципам, нормам и правилам поведения* конкретных журналистов и конкретных редакций существенно сокращает риск появления информационных споров, укрепляет свободу СМИ и доверие к средствам массовой информации, отвечает интересам российских граждан и российского общества в целом.

3. Коллегия подчёркивает, что принимаемый ею *Медиаэтический стандарт* не отменяет и не подменяет кодексов журналистских союзов (ассоциаций), а также кодексов

и/или приравненных к ним документов медийных организаций (редакций СМИ), равно как и не создаёт помех или препятствий к их выполнению членами медиаассоциаций или сотрудниками конкретных медиаорганизаций.

4. Коллегия выражает надежду на проявление профессионального, в том числе критического интереса к *Медиаэтическому стандарту* сотрудников редакций, главных редакторов и собственников СМИ.

Принцип 1. Обеспечение права граждан на информацию

Народ в целом и отдельные граждане имеют право на получение достоверной, точной, полной и непредвзято поданной информации, способствующей формированию у каждого из тех, кто имеет дело с журналистской продукцией, адекватной картины мира.

Граждане имеют право на выражение своих, различных точек зрения через СМИ как средства массовой коммуникации, гражданского образования и культурного обмена.

Природа профессии требует от журналиста всемерного содействия доступу в СМИ общественного мнения, а равно и заинтересованных граждан, готовых участвовать в формировании во многом особого, гражданского контента информации и мнений.

Индикаторы: адекватность картины мира действительности, право граждан на выражение мнений через СМИ.

Профессиональные нормы и правила:

Журналист проявляет профессиональный интерес к мнениям всех сторон, имеющих отношение к событию; эти мнения находят отражение в его публикации.

Гражданский контент (информация граждан, инициативно занимающихся информационной деятельностью, блогеров) должен чётко отделяться от контента, подготовленного профессиональными журналистами, сотрудниками редакций.

Принцип 2. Профессиональная и социальная ответственность журналиста

Журналистская деятельность направлена на служение обществу; информация в журналистике понимается, прежде всего, как социальное благо. Последнее означает, что журналист несёт профессиональную ответственность за предоставление достоверной информации как перед отдельными социальными группами, представляющими спектр многообразных социальных интересов, отражаемых СМИ, так и перед обществом в целом.

Профессиональная и социальная ответственность журналиста предполагает, что в любых ситуациях и обстоятельствах (за исключением чрезвычайных, предусматривающих особый образ действий всех, кто в них вовлечён силой обстоятельств или в силу профессионального долга) журналист руководствуется совестью и при этом поступает в соответствии с основополагающими принципами и нормами профессиональной этики, с требованиями распространяющихся на его деятельность профессиональных стандартов.

Индикаторы: признание профессиональной ответственности, готовность следовать профессиональным стандартам, отделение журналистики от всего, что ею не является.

Профессиональные нормы и правила:

Занятие журналистикой на профессиональной основе не допускает исполнения журналистами (под прикрытием своего профессионального статуса или без уведомления о нём адресата) функций специалистов по связям с общественностью, специалистов по рекламе, а также продвижения скрытой рекламы – в том числе, по указанию работодателя.

Занятие журналистикой несовместимо с любой формой участия в деятельности специальных служб.

Журналистская деятельность несовместима с участием в информационных войнах, с манипулированием информацией и сознанием адресатов СМИ.

Принцип 3. Добросовестное освещение событий – долг журналиста

Первоочередная задача журналиста – обеспечить право граждан на получение достоверной, точной и полной информации о фактах и текущих событиях.

Журналист отвечает собственным именем за точность и полноту информации о фактах, а также за честное, добросовестное, непредвзятое освещение текущих событий в том контексте, в котором информация об этих фактах и событиях приобретает смысл для конкретного гражданина, отдельной социальной группы, общества в целом.

Журналист и редакция средств массовой информации обязаны заботиться о том, чтобы не публиковались неточные, вводящие в заблуждение или искажённые информационные материалы – как текстовые, так и выполняющие роль иллюстрации к тексту.

Уважение к обществу и собственной профессии требует от журналиста уважения права гражданина на ответ.

Индикаторы: непредвзятость, отсутствие тенденциозности подхода и позиции, проверка информации, предоставление права на ответ.

Профессиональные нормы и правила:

Редакция СМИ и конкретный журналист не обязаны при обращении к конфликтной ситуации быть нейтральными; как редакция, так и отдельный журналист вольны занимать ту позицию, которая представляется им правильной, справедливой, соответствующей личным предпочтениям и/или общественному запросу. При этом предполагается, что журналист именем и репутацией отвечает за точность в отборе и подаче фактов, за добросовестность в передаче мнений, за чёткость разграничения факта, комментария и предположения. Предвзятость и тенденциозность не являются признаком добросовестной журналистики; любые проявления подходов такого рода должны исключаться совместными усилиями журналиста и редактора.

Коллегия исходит из того, что добросовестный журналист:

- ведёт *сбор информации* только *честными* средствами и методами;
- проводит чёткое, понятное читателям *разграничение между новостями* (новостной информацией), с одной стороны, и *мнениями и комментариями*, с другой;
- распространяет в качестве *информационных* только такие сообщения, *достоверность* которых подтверждена доступными журналисту и СМИ *средствами проверки*, соответствующим образом *верифицирована*;
- выделяет и *отделяет специальными профессиональными приёмами* (соответствующей маркировкой) от *достоверной информации слухи*, а также ту информацию, *подтверждение которой не удалось получить* по не зависящим от журналиста или редакции причинам; то, что такая попытка предпринималась, также обозначается;
- отделяет *архивную* информацию от *новостной*, а *документальный фото-, кино-, видео- и аудиоматериал* от материала, подготовленного с использованием *приёмов специального монтажа*, способного произвести *впечатление документального*;
- во всех случаях, когда это представляется возможным, указывает *источники информации*.

Коллегия полагает, что редакция, дорожающая добрым именем и профессиональной репутацией своих журналистов, должна удовлетворять убедительные требования лиц и организаций о предоставлении им *возможности ответа* на неточные публикации.

Принцип 4. Профессиональная честность журналиста

Профессиональная честность предполагает обязанность и право журналиста свободно и без наступления каких-либо санкций отказаться от выполнения заданий, противоречащих его убеждениям и принципам.

Профессиональная честность обязывает журналиста сохранять в тайне имя источника информации, полученной на условиях конфиденциальности.

Профессиональная честность запрещает журналисту представлять частные или корпоративные интересы, вступающие в противоречие с общественным благом (общественными интересами).

Профессиональная честность предполагает безусловное уважение к интеллектуальной собственности и, в том числе, неприемлемость плагиата.

Профессиональная честность проявляется в готовности признать и исправить допущенную ошибку.

Индикаторы: свобода морального выбора и ответственность за его результат, защита имени конфиденента, предотвращение конфликта интересов, отношение к допущенной ошибке.

Профессиональные нормы и правила:

Конфиденциальная информация. Журналисты несут моральную ответственность за защиту конфиденциальных источников информации. Профессиональная ассоциация или профессиональная организация, с которой ассоциирует себя журналист, определяет желательную или допустимую для себя глубину защиты журналистом имени конфиденента.

Рекомендация *Коллегии:* честное слово, данное журналистом конфидененту, не подлежит пересмотру.

Право на ошибку и обязанность её исправления. Как и всякий человек, журналист имеет право на ошибку. Обязанностью журналиста является быстрое и честное, поддерживающее репутацию и право на доброе профессиональное имя уведомление адресата своего сообщения об ошибке всеми средствами и способами, которые находятся в его распоряжении.

В случае обнаружения в публикации ошибок или существенных неточностей, ложных или искажённых данных профессионально правильной реакцией редакции на ситуацию считается незамедлительное исправление ошибки журналиста или же редакционной ошибки способом, соответствующим представлениям о честной журналистике, и образом, понятным задетому лицу.

Принесение извинений. Решение о принесении редакционных извинений является прерогативой руководства редакции. Решение о принесении извинений журналистом, когда для этого обнаруживаются профессиональные или общеморальные основания, является делом совести и вопросом профессиональной ответственности самого журналиста. Редакция не должна препятствовать намерению журналиста принести личные извинения публично, а равно и не может вынуждать его к такой форме реакции на профессиональный проступок или личную нравственную ошибку.

Принцип 5. Уважение частной жизни и человеческого достоинства

Неотъемлемая часть профессиональных стандартов в журналистике – уважение права граждан на частную жизнь и человеческое достоинство в соответствии с нормами международного и национального права.

Уважение человеческого достоинства находит выражение в профессиональной корректности в отношении репутации граждан, становящихся объектами внимания СМИ, в отказе от использования клеветы, оскорбления и диффамации.

Уважение человеческого достоинства предполагает осознание журналистом угрозы дискриминации человека по признакам расы, пола, сексуальной ориентации, языка, религии, политических или иных взглядов, национального или социального происхождения – и умение профессионально предотвратить возникновение такой угрозы.

Уважение достоинства личности предполагает нравственное самоограничение, профессиональную сдержанность, признание недопустимости сенсационного подхода при освещении вооружённых конфликтов, катастроф и стихийных бедствий, ситуаций болезни и смерти, при обращении к людям, находящимся в состоянии горя и шока.

Индикаторы: уважение достоинства личности, приоритет прав человека.

Профессиональные нормы и правила:

Право на уважение частной жизни представляет собой право вести жизнь по собственному усмотрению при минимальном постороннем вмешательстве в неё. Это право касается личной, семейной и домашней жизни, физической и духовной неприкосновенности, чести и репутации. Уважение частной жизни не допускает возможности представления человека в ложном свете, предполагает нераскрытие не связанных с общественным интересом неблагоприятных фактов, исключает несанкционированную публикацию частных фотографий, предполагает защищённость от неоправданных или недопустимых бестактных действий, защиту от неправильного использования материалов личной переписки, защиту от раскрытия информации, предоставленной или полученной индивидом в конфиденциальном порядке.

Лица, которые собственными действиями способствовали распространению о себе информации порочащего характера, не могут апеллировать к праву на уважение частной жизни.

Частная жизнь публичных персон, людей, занимающих видное общественное положение, должна защищаться, за исключением случаев, когда она может оказывать воздействие на общественно значимые события. То обстоятельство, что какое-либо лицо фигурирует в новостях, не лишает его права на уважение его частной жизни.

Вмешательство в частную жизнь. Вмешательство журналиста в частную жизнь, включая неприкосновенность жилища, подробности личной и семейной жизни, тайну переписки, сведения о состоянии здоровья, недопустимо.

Исключением из общего профессионального правила являются случаи преобладающего общественного интереса.

Правомерность и оправданность преодоления журналистом и редакцией запрета на вмешательство в частную жизнь должны инициативно обосновываться редакцией и могут становиться предметом специального критического изучения органом медийного саморегулирования.

Журналист не использует приёмы электронной обработки визуальной информации для создания ложного представления о людях и событиях.

Журналист не преследует тех, кто становится объектом его профессионального внимания, без должных оснований (т. е. без признаков выраженного или преобладающего общественного интереса); журналист спрашивает разрешения на проведение фото- или видеосъёмки конкретного лица во всех случаях, за исключением тех, когда интересующее его лицо находится в общественном месте.

Угроза дискриминации. Журналист принимает все меры к тому, чтобы избежать даже и невольного стимулирования дискриминации человека по признакам расы, пола, сексуальной ориентации, языка, религии, политических или иных взглядов, национального или социального происхождения. Журналист воздерживается от любых пренебрежительных намёков или комментариев в отношении расы, пола, сексуальной ориентации, языка, религии, политических или иных взглядов, национального или социального происхождения конкретного лица. Публикация сведений, касающихся персональных данных подобного рода, допустима только в случае выраженного общественного интереса, находящего внятное обоснование в конкретном журналистском тексте.

Ситуации горя и шока. Журналист не представляет общественности шокирующие подробности преступлений, аварий, стихийных бедствий, обстоятельства и подробности болезни, смерти или ухода из жизни. Исключения, связанные с ситуациями повышенного интереса, должны получать чёткие профессиональные обоснования. Те же правила применяются и в отношении визуальных материалов (фотографий, видеоматериалов).

Люди, испытывающие состояние личного горя или шока, заслуживают сочувственного и бережного отношения. Публикация информации, полученной от людей, находящихся в таком состоянии, может причинить им дополнительные страдания.

Информация о детях. Коллегия настоятельно рекомендует всем, кто намерен опубликовать какую бы то ни было информацию о детях и подростках, сверяться с положениями таких тематических ориентирующих документов, как «*Нормы и принципы освещения СМИ вопросов, касающихся детей*» (принят на Конгрессе Международной федерации журналистов в Сеуле в 2001 г.), а также «*Принципы ЮНИСЕФ в отношении журналистских репортажей о детях*».

Освещение преступлений. Обращая внимание на принцип презумпции невиновности как один из ключевых цивилизационных принципов, Коллегия напоминает известное положение *Декларации Гильдии судебных репортёров* о том, что «презумпция невиновности в юридическом смысле не препятствует журналистскому расследованию». Поддерживая этот тезис, Коллегия напоминает об особой ответственности журналиста за предоставление слова лицу, в адрес которого журналистом (редакцией) выдвигаются публичные обвинения, а также о необходимости избегать при выдвигании обвинений идентификации родственников, близких и друзей подозреваемых или осуждённых, если на то не получено соответствующее согласие.

Особое внимание при освещении преступлений должно уделяться потенциально уязвимому положению детей, которые оказались свидетелями или жертвами преступления.

Принцип 6. Различение общественных интересов и общественного любопытства

Профессиональные стандарты журналистики включают в себя признание многообразия интересов общества, уважение к демократическим институтам и общественной морали.

Журналист различает общественные интересы – в широком прочтении – и общественное любопытство, свойственное природе человека, но определённо не связанное с проблемами осуществления публичной власти, с деятельностью демократических институтов или с перспективами развития общества.

Журналист отличает от «общественных интересов», на наиболее полное удовлетворение которых в сфере массовой информации направлены его ежедневные усилия, «общественный интерес» в том узком, но крайне важном для профессии и общества прочтении, который заставляет его предпринимать осознанные, в том числе морально рискованные профессиональные усилия в ситуациях, допускающих (в случае острой необходимости и при обязательном подтверждении оправданности предпринятых усилий) исключения из конкретных ограничительных или даже запретительных положений журналистских кодексов.

Индикаторы: обнаружение ситуации, существенно важной для благополучия и развития общества и при этом критической как для общества, так и для профессии, требующей от журналиста отступления от профессионального стандарта.

Профессиональные нормы и правила:

Принимая подход британского *Кодекса практики* 2004 года, Коллегия признаёт, что понятие «*общественный интерес*» в журналистике распространяется на:

- обнаружение и раскрытие преступлений и серьёзных проступков;
- защиту общественного здоровья и безопасности;
- предотвращение заблуждений, возникающих у общественности в результате заявлений или действий отдельных лиц или организаций.

Во всех случаях, когда имела место апелляция к «общественному интересу», Коллегия ожидает от редакторов разъяснения того, каким образом действия редакции, апеллировавшей к «общественному интересу», послужили защите интересов общества.

Принцип 7. Уважение и защита многообразия культур

Журналист, руководствуясь профессиональными принципами, восходящими к высоким идеалам гуманизма, уважает особенности, представления о ценностях и достижения каждой культуры в отдельности, как и право каждого народа свободно выбирать и развивать свою политическую, социальную, экономическую и культурную систему.

Индикаторы: сверка профессиональных ценностей с общекультурными, противостояние разрушению культурных норм общества профессиональными средствами как защита общественного блага.

Профессиональные нормы и правила:

В напряжённых ситуациях, возникающих в современном обществе под давлением таких факторов, как терроризм, дискриминация меньшинств, ксенофобия или война, моральными обязательствами СМИ являются защита демократических ценностей, уважение человеческого достоинства, побуждение к поиску мирных путей для решения проблем, поддержание атмосферы терпимости, отказ от соучастия в любых акциях, способствующих росту нетерпимости в обществе. СМИ и журналисты должны профессионально противостоять насилию, ненависти, конфронтации, дискриминации по культурным, религиозным и иным основаниям.

Принцип 8. Защита права на свободу слова

Журналист последовательно противостоит любым попыткам введения цензурных ограничений на свою профессиональную деятельность, понимая защиту свободы слова, укрепление свободной, независимой и ответственной журналистики как важнейшее условие существования и развития демократического государства и гражданского общества.

В отношениях с органами государственной власти или экономическими структурами журналист избегает каких-либо действий, способных подорвать его независимость или поставить под сомнение уверенность адресата журналистского текста в его критическом подходе и неангажированности.

Журналист дорожит доверием граждан к себе и своему слову, поддерживает редакционную самостоятельность, но при этом делает всё возможное для того, чтобы медиа не превращались во власть или антивласть, не выходили из-под демократического гражданского контроля.

Во взаимоотношениях с коллегами журналист стремится поддержать баланс между честной конкуренцией и профессиональной солидарностью.

Журналист признаёт подотчетность СМИ обществу как существенный элемент стабильности и своей профессии, и гражданского общества.

Индикаторы: репутационная составляющая, профессиональная состоятельность, подотчётность.

Профессиональные нормы и правила:

Журналист и редакция реагируют на обнаружение любого проявления попытки введения «косвенной» цензуры, прежде всего – информацией об обнаружении такой попытки.

Журналист избегает как конфликта интересов, так и подозрения в возможности такого конфликта. С этой целью он:

- не принимает подарков или предложений, которые могут вызвать сомнение в его статусе независимого, добросовестного, неангажированного сотрудника СМИ;
- не использует свой профессиональный статус для оказания давления на кого-либо с целью извлечения прибыли или удовлетворения своих частных интересов;
- не использует в своих интересах или в интересах третьих лиц неопубликованный материал;

– не предлагает редакции материал, представляющий собой скрытую рекламу.

Журналист словом и делом защищает своё профессиональное достоинство, престиж избранной им профессии. Он не сотрудничает со средством массовой информации, терпимо относящимся к нарушению принципов честной журналистики.

Признавая подотчётность нормой для СМИ в демократическом обществе, журналист полагает разумным, профессионально оправданным разрешение профессионально-этических конфликтов, связанных с публикациями за его подписью, в национальном органе медийного само- и сорегулирования.

Специальные замечания

1. В случае если текст или ситуация, предложенные *Коллегии* к разрешению в качестве предмета информационного спора, на каком-то этапе обнаруживаются не соответствующими представлениям о принятом в журналистике, радикально расходящимися с нормами *Медиаэтического стандарта*, *Коллегия* имеет право на любом этапе прекратить рассмотрение спора как не соответствующего своей компетенции. От *ad hoc коллегии*, начавшей рассмотрение жалобы по существу, ожидается в этом случае квалифицированная оценка тех особенностей текста или ситуации, которые либо дают её членам основания усомниться в том, что *Коллегия* в рассматриваемом случае имеет дело с журналистикой и деятельностью журналиста, либо сделать на этот счёт определённый, как предполагается – квалифицированный вывод.

2. *Коллегия* обращает внимание на то, что *Медиаэтический стандарт* в его настоящей редакции не рассматривает взаимоотношений журналиста и редакции с блогерами и «новыми медиа» в целом – значимыми, но особыми, «нелинейными» субъектами современного массово-информационного пространства, заведомо не связанными во взаимоотношениях с гражданами профессионально-этическими (медиаэтическими) обязательствами, характерными для журналистской профессии и для деятельности редакций «традиционных» СМИ. Предполагая сформировать специальный раздел настоящего документа позднее, по изучении международных и российских прецедентов обращения к условно-нормативному в этой области, *Коллегия* на данном этапе рекомендует редакциям СМИ:

а) учитывать общий подход и основные положения, связанные с практическими аспектами формирования медийной экологии, предлагаемые *Рекомендацией CM/Rec(2017) Комитета Министров государствам-членам о новом понятии СМИ* и *Приложением к Рекомендации CM/Rec (2017) Комитета Министров государствам-членам о новом понятии СМИ «Критерии для идентификации СМИ и методологические принципы градуированного и дифференцированного подхода»*¹³⁴;

б) следовать как образцу или ориентиру системному редакционному подходу, выработанному во взаимоотношениях с блогерами редакцией сайта «*Эхо Москвы*»¹³⁵.

3. В том, что касается информационных споров, связанных с ведением блогов сотрудниками конкретных российских СМИ, *Коллегия*:

а) намерена временно, до выработки достаточно надёжной (с учётом собственно российского опыта наступления и разрешения конфликтов подобного рода) системы критериев, оценок, рекомендаций, при рассмотрении споров указанной категории опираться на профильные рекомендации Академии Би-би-си¹³⁶;

б) рекомендует редакциям СМИ вырабатывать собственные правила ведения блогов своими сотрудниками: с учётом «профильных» рекомендаций Академии Би-би-си, с обращением к доступному обзору российского опыта такого рода; когда это возможно – с обобщением и анализом опыта самого СМИ и с учётом экспертных рекомендаций.

¹³⁴ Адрес публикации в Интернете: http://medialaw.asia/wp-content/uploads/2012/05/CM-Rec20117-new-notion-of-media_ru1.pdf.

¹³⁵ Соответствующий документ размещён на сайте радиостанции «*Эхо Москвы*».

¹³⁶ Приложение «*Журналист и работа в блоге: стандарт Би-би-си*» (фрагмент лекции Лилианы Ландор) см. в настоящем разделе в рубрике «*Документы “к сведению” и “до востребования”*».

Коллегия предлагает редакциям СМИ своевременно информировать о принятии правил такого рода собственных сотрудников, а также размещать выработанные правила на сайте СМИ для ознакомления с ними как постоянных пользователей (доверителей) данного СМИ, так и других субъектов пространства массовой коммуникации.

4. *Коллегия* полагает, что ознакомление редакцией СМИ своих адресатов и доверителей (читателей, слушателей, зрителей) с текстом, содержанием или как минимум со смыслом конкретного решения Коллегии, принятого по результатам рассмотрения жалобы на публикацию данного СМИ, является актом профессиональной добросовестности и гражданской ответственности редакции, ожидаемым проявлением профессионального самоуважения сотрудников редакции и выражением уважения редакции СМИ к гражданам, своим адресатам и доверителям.

5. *Коллегия* благодарит всех, кто проявит готовность распространять и поддерживать положения настоящего документа в заведомо неоднородном пространстве жизнедеятельности российских средств массовой информации в целом – и на собственной редакционной территории, прежде всего.

6. *Коллегия* осознаёт необходимость существенной доработки части «Специальные замечания» вводимого Медиаэтического стандарта и намеревается выполнить эту работу до истечения срока полномочий нынешней, «третьей» Коллегии.

7. Предполагая, по накоплению опыта практического применения документа, уточнять как конкретные положения настоящего *Медиаэтического стандарта*, так и подход к целому ряду проблемных тем, не нашедших в нём отражения до настоящего времени, *Коллегия* заранее выражает признательность всем, кто будет готов оказать ей в этой работе поддержку и практическую помощь.

---

*Приложение 1 к Медиаэтическому стандарту
Общественной коллегии по жалобам на прессу
(Проект¹³⁷)*

РАБОТА ЖУРНАЛИСТА В УСЛОВИЯХ НОВЫХ МЕДИА

Преамбула

Бурное развитие информационно-коммуникационных технологий, изменение экосистемы медиа, приход на рынок новых участников медийного пространства и новых производителей медиаконтента (от блогеров, роботизированных медиа, специалистов в области виртуальной и дополненной реальности до пользователей социальных сетей и представителей «гражданской журналистики») привели к тому, что современные журналисты столкнулись с ранее не существовавшими вызовами и рисками, потребовавшими качественного обновления и уточнения этических стандартов профессии. К этим *вызовам и рискам* относятся, в первую очередь, быстрота и глобальность распространения информации, отход от «текстоцентричности» медиа в сторону доминирования визуального контента, утрата «приватности» в сети, сокращение границ частной жизни при одновременной возможности сохранения анонимности авторства, развитие технологических инструментов копирования, обработки, распространения информации и манипулирования ею и так далее.

В данных условиях *одни традиционные ценности журналистской профессии частично утрачивают свою значимость* (так, эксклюзивность и оригинальность материала

---

¹³⁷ Документ разработан по заказу Коллегии членом Экспертно-консультационного совета Коллегии, д. полит. н. С. А. Шомовой.

сегодня существуют лишь несколько мгновений, до первых репостов в сети), другие *многократно возрастают в цене* (речь идёт, например, о точности – необходимость фактчекинга, верификации информации тем выше, чем больше различных субъектов работает в медиапространстве), а третьи *становятся всё более труднодостижимыми на практике* (скажем, повсеместно распространившиеся технологии ререйтинга изменили отношение к неприкосновенности авторства, следование принципу полной неприемлемости плагиата в наши дни заключается уже не столько в принципиальном отказе от использования чужих материалов, сколько в обязательной ссылке на первоисточник).

Однако проблема заключается не только в новом функционировании «универсальных», внесетевых принципов журналистской этики, но и в возникновении дополнительных этических постулатов, связанных с трансформацией ценностных представлений социума, с новыми потребностями цифровой аудитории.

Можно сказать, что традиции досетевой журналистики с её ценностями беспристрастности, точности и допубликационной проверки фактов сегодня сталкиваются с культурой цифровой журналистики с её акцентами на непосредственность, эмоциональность и возможность уточнений и исправлений после публикации. *Это не означает тем не менее отказа сообщества профессиональных журналистов от твёрдых позиций в отношении этически неприемлемых действий – это означает лишь признание того факта, что средства массовой информации сегодня работают в условиях высокой мобильности, «текучести» медиасреды, технологии которой изменяются быстрее, нежели формируются новые правила взаимодействия с ней.*

Отдавая себе отчёт в том, что:

а) профессиональный журналист может существовать и действовать в современном медиапространстве одновременно в разных ролях – как сотрудник средства массовой информации, пользователь социальных сетей, блогер и т. д., и

б) сегодня в мире медиа не существует единой, универсальной этики (блогеры, цифровые фотографы, производители развлекательного контента и т. д. устанавливают для себя разные правила поведения в сети и в то же время активно участвуют в создании и распространении информации),

Коллегия выражает убеждение в том, что это не препятствует выработке устойчивых представлений об этических ценностях, нормах и принципах профессионального поведения журналиста в условиях новой медиасреды и усложнившейся экологии медиа.

Признавая, что ни один этический кодекс не может предусмотреть все возникающие профессиональные коллизии или предложить универсальные стандарты, годящиеся для работы в любых условиях, Коллегия рекомендует редакциям СМИ руководствоваться следующими общими ориентирами для работы журналиста в условиях новых медиа.

Поведение журналиста в социальных сетях

Социальные сети представляют собой информационное пространство, где сегодня «живёт» аудитория СМИ и куда «перетекает» значительная часть медиаконтента. В то же время социальные сети – это медиасреда, в которой профессиональные журналисты могут выступать как в качестве представителя журналистской корпорации (например, на официальных страницах конкретных СМИ), так и в качестве частного лица, что создаёт *предпосылки для конфликта интересов между:*

а) корпоративными интересами редакции, с одной стороны, и правом журналиста на личные суждения и свободу самовыражения, с другой;

б) конфиденциальностью, связанной с внутренней информацией СМИ, с одной стороны, и «непрерывной публичностью» человека, занимающегося журналистской деятельностью, с другой;

в) контентом, созданным для «домашнего пользования», с одной стороны, и журналистскими материалами, составляющими фоновый контекст аккаунта в социальной сети, с другой;

г) организационной репутацией издания, с одной стороны, и персональным имиджем журналиста, с другой.

Профессиональные нормы и правила:

Правило «второй пары глаз». Любая публикация журналиста в социальных медиа от имени или под названием редакции или любого её подразделения проходит редакционное согласование, редактирование или модерацию. В официальном аккаунте редакции могут размещаться сообщения разных форматов (тексты, видео, иллюстрации и т. д.), стиль и манера ведения страницы могут быть различными, однако эти страницы подчиняются тем же правилам профессионально-этического регулирования, что и ведущие их редакции СМИ.

Корпоративная ответственность журналиста. Даже если журналист действует в социальных сетях в границах личной компетенции, для аудитории он остаётся представителем своего издания, поэтому он не может подрывать веру в беспристрастность, независимость и компетентность организации. Журналист, указавший свою аффилиацию со СМИ, воздерживается от разглашения конфиденциальной корпоративной информации, политической агитации, критики коллег. Высказанные в личном аккаунте мнения маркируются им как личное суждение, а не как позиция редакции.

Профессиональная ответственность журналиста. Журналист соблюдает на личных страницах в социальных сетях все профессиональные стандарты, связанные с уважением частной жизни и человеческого достоинства, избегает оскорбительного тона по отношению к людям или событиям, осторожен в высказываниях по вопросам, могущих вызвать общественный конфликт. Как и в своей профессиональной деятельности, он заботится о том, чтобы в социальных сетях под его именем не публиковались неточные, вводящие в заблуждение или искажённые информационные материалы.

Взаимодействие журналиста с блогосферой и UGC (пользовательским контентом)

Развитие блогинга (сетевых дневников) и UGC (контента, создаваемого пользователями сети), с одной стороны, обеспечило современному обществу дополнительную полноту и оперативность подачи актуальной информации, а с другой – обострило вопросы об ответственности за точность и границы публикуемых в новых медиа сведений. Сотрудничая с блогерами, используя информационный контент, созданный не журналистскими институтами, журналист отдаёт себе отчёт в том, что эти субъекты медиадеятельности не связаны с обществом профессионально-этическими обязательствами, характерными для журналистской профессии и для деятельности редакций «традиционных» СМИ, а потому принимает на себя всю полноту ответственности за распространение такого контента.

Профессиональные нормы и правила:

Дифференциация пользовательского контента. Любой пользовательский контент (сообщения граждан, инициативно занимающихся информационной деятельностью, информация блогеров и т. д.) должен чётко отделяться от контента, подготовленного профессиональными журналистами, сотрудниками редакций.

Верификация и фактчекинг. Используя информационный контент, созданный и распространённый блогерами или другими пользователями сети, журналист подвергает его тщательной проверке не только на предмет точности отображения фактов, но и на предмет соответствия принципам непредвзятости, добросовестности, уважения личного достоинства граждан и иным общим правилам и нормам профессиональной медиаэтики.

Маркировка неподтверждённой или ошибочной информации. Если информация, полученная от блогеров или других пользователей сети, актуальна, но окончательно не

подтверждена, она маркируется особым образом. Если в процессе развития событий появляются новые факты или выясняется ошибочность предыдущей информации – журналист публикует исправления и/или сообщение об ошибке.

Роботизация новостной журналистики

Использование алгоритмизированных технологий в журналистике, в том числе практика создания информационных сообщений роботом, из редкого исключения постепенно становится правилом не только в зарубежных, но и в российских редакциях. Однако появление алгоритмизированного инструментария, способного не только собирать и структурировать информацию, но и выделять инфоповод, генерировать текст и т. д., обостряет запрос на формирование особой робоэтики журналистского труда, пока только начинающей осмысляться журналистским сообществом.

Профессиональные нормы и правила:

Проблема авторства и ответственности. Несмотря на то, что не существует единого мнения по поводу авторства созданного роботом материала (в зоне ответственности – программисты, журналисты, менеджеры), редакция СМИ и журналист, использующие подобный контент, продолжают нести ответственность за публикацию ложных, неправильно интерпретированных или искажённых данных. Это связано с тем, что в обязанности журналиста входит верификация любых источников информации, в том числе внутренних и алгоритмизированных.

Проблема маркировки. Несмотря на то, что не существует единого мнения по поводу того, следует ли в обязательном порядке маркировать информационные сообщения, созданные роботом, желательно указывать этот факт, чтобы аудитория знала, что имеет дело с алгоритмом.

Журналистика виртуальной и дополненной реальности (VR и AR)

VR- и AR-журналистика (её называют также журналистикой погружения или журналистикой присутствия) не только стала неотъемлемой частью современных медиа, но и обещает, по мере дальнейшего развития технологий, обеспечить новые прорывы в совершенствовании деятельности СМИ. Однако журналистская репутация может оказаться под угрозой, если её создатели сделают выбор в пользу технологических новшеств и эмоционального вовлечения зрителя в ущерб информационной точности и объективности материала.

Профессиональные нормы и правила:

Честность изображения. Журналист, использующий технологии VR и AR, располагая максимальными возможностями для цифровой обработки и модификации «картинки» ради воздействия на аудиторию, тем не менее следует правилам профессиональной этики, предписывающим честность и объективность передачи информации.

Границы «погружения». Журналист, использующий технологии VR и AR, ставя своей целью повышение эмпатии зрителя, тем не менее помнит о границах воздействия на аудиторию – предупреждает о шокирующем или пугающем контенте, учитывает принцип защиты личной информации и т. д.

О проекте Приложения 1 к Медиаэтическому стандарту Коллегии
(фрагмент сопроводительной записки С. А. Шомовой)

1. Конечно, пока это только черновик, та самая «рыба», которая нуждается в дальнейшем обсуждении вашими экспертами и «докрутке» позиций и формулировок.

2. Мне показалось важным дать не только довольно подробную общую преамбулу, но и небольшие преамбулы к каждому пункту (хотя всё это «съело» немало места). Дело в том, что эта информация обозначает главные характеристики, вызовы (риски) и последствия развития новой медийной среды, вызвавшие те этические трансформации профессии, о которых мы говорим. Если это не пригодится в самом Приложении к Медиастандарту, пригодится, возможно, как фон для дальнейших дискуссий.

3. А дискуссии, вероятно, неизбежны. Я намеренно заострила кое-какие фрагменты, потому что есть вещи, которые продолжают оставаться под знаком вопроса. Среда слишком текуча и изменчива, технологии развиваются бурно, и в некоторых случаях мне даже пришлось писать что-то вроде «Хотя единого, устоявшегося мнения не существует...» Но это не означает полного отсутствия общих ориентиров, о которых мы и говорим.

4. Мне не удалось, к сожалению, на мой взгляд, попасть в «формат» и матрицу Медиастандарта, но этот раздел, думаю, в любом случае будет как-то выбиваться по форме и стилю. Надеюсь, опять же, на доводку коллективным разумом.

5. И последнее: у меня многое не поместилось в отведённый объём – например, можно уже формулировать и правила работы журналиста с Big Data, и иные позиции. <...>

К.А. Назаретян,
эксперт Коллегии

Комментарии к проекту документа
«Приложение 1 к Медиаэтическому стандарту
Общественной коллегии по жалобам на прессу»

Мировой медиаландшафт стремительно меняется, и направление очевидно: всё дальше от бумаги и традиционной патерналистской системы «рассказчик – слушатель» в сторону цифровых СМИ и новых интерактивных форматов, вовлекающих аудиторию в процесс производства, выстраивания и обсуждения контента. В этих условиях остро ощущается необходимость пересмотра старых и фиксации новых этических норм и правил. Журналистские организации во всём мире меняют свои этические кодексы, чтобы включить в них положения, касающиеся новой цифровой реальности, однако процесс этот идёт не быстро: согласно испанскому исследованию [1], по состоянию на 2015 год из 99 национальных кодексов разных стран только 9 содержали положения, связанные с информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ).

Отдельные медиакомпании обладают во многих отношениях большей гибкостью, чем журналистские организации, и зачастую быстрее приспосабливаются к изменениям. Ряд крупных СМИ разработал отдельные правила поведения своих журналистов в социальных сетях (среди наиболее известных – правила «Би-би-си» [2] и Associated Press [3]). Подобные правила в России разработала и радиостанция «Эхо Москвы» [4]. Однако необходимо иметь в виду, что кодексы отдельных СМИ отражают не только общепрофессиональные этические нормы, но и корпоративные интересы конкретных организаций, а потому их содержание может отличаться от содержания надкорпоративных, исключительно профессионально-этических кодексов.

Помимо документа «Эха», мне неизвестно о других российских этических кодексах журналиста (будь то кодексы журналистских организаций или отдельных СМИ), которые были бы пересмотрены или специально созданы для того, чтобы попытаться ответить на новые вызовы цифровой среды. Приложение 1 к Медиаэтическому стандарту ОКЖП, вероятно, будет первым нормативным документом в России, имеющим целью дать комплексный ответ на профессионально-этические вопросы, возникшие в связи с ростом популярности новых медиа.

Автор документа С.А. Шомова проделала замечательную работу, охватив широкий спектр проблем и подробно прописав возможные пути их решения. Мои комментарии – это лишь попытка уточнить формулировки, посмотреть на текст с точки зрения практики и предложить возможные дополнения, а также выявить позицию Коллегии по двум важным, на мой взгляд, вопросам.

Общие соображения

Прежде всего, я хотела бы обсудить два принципиальных момента. Оба они крайне дискуссионные и никак не могут быть разрешены в рамках одного документа, но, как мне кажется, требуют того, чтобы Коллегия заняла по ним ту или иную позицию. Первый – это взаимоотношения журналиста и корпорации, второй – разграничение журналистики и SMM (того, что по-русски называется «маркетингом в социальных сетях» – в нашем случае это деятельность людей, продвигающих материалы СМИ в соцсетях этого же СМИ).

Журналист и корпорация

Как я написала выше, правила отдельных СМИ и особенно таких крупных медиакомпаний, как «Би-би-си» или Associated Press, неизбежно пишутся с учётом не только общественной пользы, но и корпоративных интересов этих СМИ. Это касается и правил поведения журналистов в соцсетях. При чтении упомянутых документов возникает впечатление, что журналиста пытаются связать по рукам и ногам, полностью лишить его права быть самостоятельной личностью даже за пределами редакции. Об этом говорят такие пункты, как запрет на высказывание в личном аккаунте личного мнения о политических вопросах, запрет на участие в общественно-политических мероприятиях в нерабочее время и т. д. Смысл таких запретов для корпорации понятен: структура стремится свести к минимуму риск скомпрометировать свою беспристрастность, так как это чревато потерей доверия аудитории и, соответственно, прибыли. Но журналист не перестаёт иметь политические взгляды от того, что ему запрещено их высказывать, а запрет на высказывание своей позиции в нерабочее время на некорпоративной площадке, как представляется, нарушает базовое право журналиста на свободу слова, которое у него есть точно так же, как и у любого другого человека. Особенно иронично, что защищать свободу слова как право и этическую ценность из всех институций должны были бы, в первую очередь, именно СМИ.

Предполагаю, что подобные запреты не выгодны не только журналисту, которого лишают права на выражение мнения, но и обществу в целом: ведь обществу полезно знать, каких политических взглядов придерживается тот или иной журналист, чтобы понимать, что за мотивы могут подспудно руководить его работой. Однако в то время как корпорации могут устанавливать самые разные удивительные правила для своих сотрудников, у над- и внекорпоративных профессиональных организаций, таких как ОКЖП, нет необходимости отстаивать нормы, которые идут на пользу только работодателю, но не журналисту и не обществу.

В проекте Приложения 1 к Медиаэтическому стандарту ОКЖП нет строгих запретов на высказывание журналистом своей позиции в личных аккаунтах в соцсетях, и я в целом согласна с имеющимися мягкими формулировками, но есть один пункт, который мне всё же кажется излишним: «Журналист, указавший свою аффилиацию со СМИ, воздерживается от <...> критики коллег». Мне представляется, что польза от критики, как правило, перевешивает любые репутационные риски, так как открывает возможности для решения проблем и

улучшения ситуации. Общество в целом только выигрывает от того, что проблемные вопросы обсуждаются не кулуарно, а публично. Поэтому я бы этот пункт убрала.

Журналистика и SMM

В целом я, безусловно, разделяю изложенный в Преамбуле взгляд на ситуацию с развитием ИКТ, но вместе с тем хотела бы поднять вопрос о разграничении журналистики и SMM. Так, предложение «Можно сказать, что традиции досетевой журналистики с её ценностями беспристрастности, точности и допубликационной проверки фактов сегодня сталкиваются с культурой цифровой журналистики с её акцентами на непосредственность, эмоциональность и возможность уточнений и исправлений после публикации», кажется, описывает скорее ситуацию с SMM, чем с журналистикой как таковой. Всеобщей культуры цифровой журналистики, где во главе угла стояли бы непосредственность и эмоциональность, пока что, на мой взгляд, (к счастью!) не сложилось. В то время как SMM практически любого СМИ, конечно, упирает именно на это.

Но такой вопрос неизбежно влечёт за собой обсуждение более общих тем: что вообще такое SMM в журналистике? Является ли SMM-менеджер СМИ в то же время и журналистом (в связи с тем, что он сотрудник СМИ и выполняет журналистскую по сути задачу по информированию аудитории) или он всё-таки именно маркетолог? Должны ли SMM-менеджеры подчиняться журналистским профессионально-этическим стандартам или для них необходимо разрабатывать отдельные стандарты? А если второе, то кто должен их разрабатывать?

Конечно, ответить на всё это в рамках Приложения невозможно. Однако, может быть, во избежание путаницы имело бы смысл хотя бы пунктиром наметить позицию, на которой стоит Коллегия по этому вопросу.

Реалистичность

Один пункт в проекте Приложения кажется мне недостаточно реалистичным, то есть не всегда реализуемым на практике: «Используя информационный контент, созданный и распространённый блогерами или другими пользователями сети, журналист подвергает его тщательной проверке не только на предмет точности отображения фактов, но и на предмет соответствия принципам непредвзятости, добросовестности, уважения личного достоинства граждан и иным общим правилам и нормам профессиональной медиаэтики». Представляется, что по-настоящему необходим здесь только фактчекинг, так как фильтр на непредвзятость, добросовестность и многие другие правила журналистской этики большая часть контента просто не пройдёт. Но весь этот контент, строго говоря, и не должен его проходить, так как является не журналистским продуктом, а скорее, инфоповодом для создания журналистского продукта. Фактчекинг, разумеется, обязателен для того, чтобы не вводить аудиторию в заблуждение, но остальное, на мой взгляд, лишь желательно и должно решаться по ситуации.

Уточнение формулировок

В двух местах я предлагаю уточнить формулировки, так как их смысл в нынешней форме лично мне был понятен не сразу.

1. «Социальные сети – это медиасреда, в которой профессиональные журналисты могут выступать как в качестве представителя журналистской корпорации (например, на официальных страницах конкретных СМИ), так и в качестве частного лица, что создаёт предпосылки для конфликта интересов между <...> контентом, созданным для “домашнего пользования”, с одной стороны, и журналистскими материалами, составляющими фоновый контекст аккаунта в социальной сети, с другой (курсив мой. – К. Н.)». Я бы переформулировала выделенный курсивом отрывок, например, следующим образом: «...контентом, связанным с частной жизнью журналиста, с одной стороны, и его журналистскими материалами, с другой».

2. «Даже если журналист действует в социальных сетях в границах личной компетенции...» Мне показалось непонятным, имеются ли в виду личные аккаунты или что-то другое. Может быть, здесь лучше подошла бы формулировка «Даже если журналист действует в социальных сетях под собственным именем как частное лицо...»

Дополнения

У меня три предложения по тому, что можно было бы дополнить.

1. Возможно, имело бы смысл добавить небольшой пункт про ссылки: когда и как следует ставить гиперссылки, на какие источники ссылаться допустимо, на какие – нет, почему и какие во всём этом есть нюансы.

2. Раздел про пользовательский контент я дополнила бы пунктом о том, на каких условиях СМИ могут использовать фото- и видеоматериалы, размещённые в Интернете, а также когда и в какой форме допустимо использование в материалах СМИ личных постов в соцсетях (вспоминается скандал двухлетней давности с изданием «Мел», которое без спросу процитировало в новостной заметке большие куски из поста в «Фейсбуке» некой Ольги Дори, вызвав волну негодования с её стороны).

3. На мой взгляд, очень важным дополнением мог бы стать пункт о том, что журналистские проекты в соцсетях (YouTube-каналы, Telegram-каналы и др., позиционирующие себя соответствующим образом) должны подчиняться тем же профессионально-этическим нормам и правилам, что и обычные СМИ. Разумеется, здесь встаёт вопрос о том, как разграничивать журналистские и нежурналистские проекты и кто должен этим разграничением заниматься. Этот вопрос крайне важен для Коллегии, так как она регулярно получает жалобы на такого рода материалы, и пока что они по сути находятся для неё в «серой зоне». Вероятно, на эту тему имело бы смысл организовать отдельную дискуссию с участием членов ОКЖП и Экспертно-консультационного совета.

Источники

1. Díaz-Campo, J., & Segado-Boj, F. (2015). Journalism ethics in a digital environment: How journalistic codes of ethics have been adapted to the Internet and ICTs in countries around the world. *Telematics and Informatics*, 32 (4), 735–744. URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-01329982/document> (дата обращения: 22.07.2019).
  2. BBC News Group. Social Media Guidance For Staff. URL: http://news.bbc.co.uk/2/shared/bsp/hi/pdfs/26_03_15_bbc_news_group_social_media_guidance.pdf (дата обращения: 22.07.2019).
  3. Social Media Guidelines For AP Employees. URL: https://www.ap.org/assets/documents/social-media-guidelines_tcm28-9832.pdf (дата обращения: 22.07.2019).
  4. Правила для журналистов «Эхо Москвы» по работе в социальных сетях. URL: <https://presscouncil.ru/teoriya-i-praktika/dokumenty/4945-pravila-dlya-zhurnalistov-ekho-moskvy-po-rabote-v-sotsialnykh-setyakh> (дата обращения: 22.07.2019).
-

5.2.1. ДОКУМЕНТ «К УЧЁТУ»

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ
от 15 июня 2010 г. № 16 «О практике применения судами закона Российской Федерации
“О средствах массовой информации”»

(Выдержка)

<...>

20. В соответствии со статьей 23 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» споры, связанные с освещением деятельности судов в средствах массовой информации, разрешаются судом в установленном законом порядке. Споры, связанные с освещением деятельности судов в средствах массовой информации, могут также разрешаться во внесудебном порядке органами или организациями, к компетенции которых относится рассмотрение информационных споров.

Учитывая это, в случае возникновения такого спора не исключается возможность обращения за его разрешением в Общественную коллегия по жалобам на прессу (далее – Коллегия), которая в силу пункта 4.1 её Устава, принятого 14 июля 2005 года, рассматривает информационные споры, прежде всего, нравственно-этического характера, возникающие в сфере массовой информации, в том числе дела о нарушении принципов и норм профессиональной журналистской этики. К компетенции Коллегии относится также рассмотрение информационных споров, затрагивающих права человека в сфере массовой информации.

5.3. НОРМАТИВНО-ОРИЕНТИРУЮЩИЕ ДОКУМЕНТЫ

КОДЕКС ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ РОССИЙСКОГО ЖУРНАЛИСТА

(Кодекс одобрен Конгрессом журналистов России 23 июня 1994 года, г. Москва)

1. **Журналист** всегда обязан действовать, исходя из принципов профессиональной этики, зафиксированных в настоящем Кодексе, принятие, одобрение и соблюдение которого является непременным условием для его членства в Союзе журналистов России.

2. **Журналист** соблюдает законы своей страны, но в том, что касается выполнения профессионального долга, он признает юрисдикцию только своих коллег, отвергая любые попытки давления и вмешательства со стороны правительства или кого бы то ни было.

3. **Журналист** распространяет и комментирует только ту информацию, в достоверности которой он убеждён и источник которой ему хорошо известен. Он прилагает все силы к тому, чтобы избежать нанесения ущерба кому бы то ни было её неполнотой или неточностью, намеренным сокрытием общественно значимой информации или распространением заведомо ложных сведений.

Журналист чётко проводит в своих сообщениях различие между фактами, о которых рассказывает, и тем, что составляет мнения, версии или предположения, в то же время в своей профессиональной деятельности он не обязан быть нейтральным.

При выполнении своих профессиональных обязанностей журналист не прибегает к незаконным и недостойным способам получения информации. **Журналист** признаёт и уважает право физических и юридических лиц не предоставлять информацию и не отвечать на задаваемые вопросы – за исключением случаев, когда обязанность предоставлять информацию оговорена Законом.

Журналист рассматривает как тяжкие профессиональные преступления злонамеренное искажение фактов, клевету, получение при любых обстоятельствах платы за распространение ложной или сокрытие истинной информации; журналист вообще не должен принимать ни прямо, ни косвенно никаких вознаграждений или гонораров от третьих лиц за публикации материалов и мнений любого характера.

Убедившись в том, что он опубликовал ложный или искажённый материал, журналист обязан исправить свою ошибку, используя те же полиграфические и (или) аудиовизуальные средства, которые были применены при публикации материала. При необходимости он должен принести извинения через свой орган печати. **Журналист** отвечает собственным мнением и репутацией за достоверность всякого сообщения и справедливость всякого суждения, распространённые за его подписью, под его псевдонимом или анонимно, но с его ведома и согласия. Никто не вправе запретить ему снять свою подпись под сообщением или суждением, которое было бы частично искажено против его воли.

4. **Журналист** сохраняет профессиональную тайну в отношении источника информации, полученной конфиденциальным путем. Никто не может принудить его к раскрытию этого источника. Право на анонимность может быть нарушено лишь в исключительных случаях, когда имеется подозрение, что источник сознательно исказил истину, а также когда упоминание имени источника представляет собой единственный способ избежать тяжкого и неминуемого ущерба для людей.

Журналист обязан уважать просьбу интервьюируемых им лиц не разглашать официально их высказываний.

5. **Журналист** полностью осознаёт опасность ограничений, преследования и насилия, которые могут быть спровоцированы его деятельностью. Выполняя свои профессиональные обязанности, он противодействует экстремизму и ограничению гражданских прав по любым признакам, включая признаки пола, расы, языка, религии, политических или иных взглядов, равно как социального и национального происхождения.

Журналист уважает честь и достоинство людей, которые становятся объектами его профессионального внимания. Он воздерживается от любых пренебрежительных намёков или комментариев в отношении расы, национальности, цвета кожи, религии, социального происхождения или пола, а также в отношении физического недостатка или болезни человека. Он воздерживается от публикации таких сведений, за исключением случаев, когда эти обстоятельства напрямую связаны с содержанием публикуемого сообщения. Журналист обязан избегать употребления оскорбительных выражений, могущих нанести вред моральному и физическому здоровью людей.

Журналист придерживается принципа, что любой человек является невиновным до тех пор, пока судом не будет доказано обратное. В своих сообщениях он воздерживается называть по имени родственников и друзей тех людей, которые были обвинены или осуждены за совершённые ими преступления, за исключением тех случаев, когда это необходимо для объективного изложения вопроса. Он также воздерживается называть по имени жертву преступления и публиковать материалы, ведущие к установлению личности этой жертвы. С особой строгостью данные нормы соблюдаются, когда журналистское сообщение может затронуть интересы несовершеннолетних. Только защита интересов общества может

оправдать журналистское расследование, предполагающее вмешательство в частную жизнь человека. Такие ограничения вмешательства неукоснительно выполняются, если речь идёт о людях, помещенных в медицинские и подобные учреждения.

6. **Журналист** полагает свой профессиональный статус несовместимым с занятием должностей в органах государственного управления, законодательной или судебной власти, а также в руководящих органах политических партий и других организаций политической направленности.

Журналист сознаёт, что его профессиональная деятельность прекращается в тот момент, когда он берёт в руки оружие.

7. **Журналист** считает недостойным использовать свою репутацию, свой авторитет, а также свои профессиональные права и возможности для распространения информации рекламного или коммерческого характера, особенно если о таком характере не свидетельствует явно и однозначно сама форма такого сообщения. Само сочетание журналистской и рекламной деятельности считается этически недопустимым.

Журналист не должен использовать в личных интересах или интересах близких ему людей конфиденциальную информацию, которой может обладать в силу своей профессии.

8. **Журналист** уважает и отстаивает профессиональные права своих коллег, соблюдает законы честной конкуренции. Журналист избегает ситуаций, когда он мог бы нанести ущерб личным или профессиональным интересам своего коллеги, соглашаясь выполнять его обязанности на условиях заведомо менее благоприятных в социальном, материальном или моральном плане.

Журналист уважает и заставляет уважать авторские права, вытекающие из любой творческой деятельности. Плагиат недопустим. Используя каким-либо образом работу своего коллеги, журналист ссылается на имя автора.

9. **Журналист** отказывается от задания, если выполнение его связано с нарушением одного из упомянутых выше принципов.

10. **Журналист** пользуется (и отстаивает свое право пользоваться) всеми предусмотренными гражданским и уголовным законодательством гарантиями защиты в судебном и ином порядке от насилия или угрозы насилием, оскорблений, морального ущерба, диффамации.

ХАРТИЯ ТЕЛЕРАДИОВЕЩАТЕЛЕЙ¹³⁸

Мы, российские телерадиовещатели,

понимая особую миссию телевидения и радио в обеспечении права каждого гражданина на свободу выражения мысли и права общества на полноту информации;

осознавая свою ответственность за приоритетное распространение в эфире отечественной телерадиопродукции, за сохранение и развитие национальных культурных ценностей;

соглашаясь, что результат исполнения профессионального долга зависит не только от совершенства законодательной базы, регулирующей отношения телерадиовещателей, властных структур и общества, но и от норм журналистской этики, диктующих правила самоограничения и устанавливающих грань дозволенного в публичном распространении материалов, способных нанести вред нравственному, физическому и психическому здоровью людей;

обязуемся добровольно и неукоснительно следовать следующим правилам и нормам поведения в своей профессиональной деятельности.

Достоверность информации

Проведение чётких различий между сообщениями о фактах, комментариями и предположениями во избежание их отождествления.

Незамедлительное исправление допущенных в сообщениях ошибок и неточностей в такой форме, чтобы телезрители и радиослушатели имели полную возможность его заметить.

Во всех случаях критика и ответ на критику должны быть переданы во взаимосочетании и в одинаковой форме.

Публиковать информацию, полученную только из надёжных источников. В случае возникновения сомнений в её достоверности делать необходимые оговорки.

Защита прав и законных интересов граждан и организаций, общественного здоровья и нравственности

Уважение и соблюдение неприкосновенности частной жизни. Сбор, хранение и использование информации о частной жизни лица, включая аудиозапись, фото- и видеосъёмку на частной территории без его согласия не допускаются.

Под частной жизнью для целей настоящей Хартии понимается личная и семейная тайна, в том числе брачные и интимные отношения, сексуальная ориентация, религиозные мировоззрения, дружеские отношения, способы времяпрепровождения, тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных, компьютерных и иных сообщений.

---

¹³⁸ Под этим документом в 1999 году были поставлены подписи Всероссийской Государственной телевизионной и радиовещательной корпорации (ВГТРК), ОАО «Общественное российское телевидение» (ОРТ), ОАО «Телекомпания НТВ», Московской независимой вещательной корпорации («ТВ-6 Москва»), ОАО «ТВ-Центр», Телеканала «РЕН ТВ», Телекомпании «31-й канал», «ТНТ-Телесеть», ЗАО «Сеть телевизионных станций» (СТС), Национальной Ассоциации телевещателей (НАТ), Российской Ассоциации региональных телекомпаний (РАРТ).

Под частной территорией для целей настоящей Хартии понимается любое жилое помещение, домостроение, включая приусадебную территорию, номера в гостиницах, пансионатах, санаториях и т. п., больничные палаты.

Отказ от распространения полученных от третьих лиц материалов с использованием скрытой видео-, аудиозаписи, фотосъёмки, прослушивания телефонных переговоров, если предоставившее такие материалы лицо не обеспечит доказательства законности получения подобной информации, в частности, специальное судебное решение.

Исключения из установленных выше правил о неприкосновенности частной жизни могут быть обоснованы только необходимостью защиты общественных интересов или прав и свобод других лиц.

Под общественными интересами в целях настоящей Хартии понимается необходимость защиты основ конституционного строя, предотвращение угрозы безопасности государства, обнаружение преступления, защита общественного здоровья и безопасности населения, предупреждение общества от введения в заблуждение какими-либо действиями, документами или сообщениями лица или организации.

Лица, участвующие в публичной политике или занимающие высокие посты, имеют равные права на защиту своей частной жизни, кроме тех случаев, когда их частная жизнь затрагивает общественные интересы или когда факты их личной жизни позволяют обществу судить о способности данных лиц выполнять свои гражданские обязанности.

Соблюдение объективности и особой тщательности при распространении сведений о возбуждённых, расследуемых и разрешаемых судом уголовных делах.

Стремление к качественно равному изложению позиций обвинения и защиты всех участвующих в деле лиц.

Неразглашение сведений о служебном положении, национальности, религиозной принадлежности и родственных отношениях подозреваемых, обвиняемых и подсудимых, если такая информация не имеет прямого отношения к делу.

Отказ от необоснованной идентификации родственников, друзей или сослуживцев лиц, виновных или обвиняемых в преступлениях. Отказ от идентификации лиц, вовлечённых в преступления сексуального характера в качестве жертв или свидетелей.

Отказ от сообщений о покушениях на самоубийство, если такие сообщения не продиктованы необходимостью защиты общественных интересов.

Максимально тактичное отношение к пострадавшим от преступлений и несчастных случаев, а также к их родным и близким.

Отказ от интервьюирования несовершеннолетних по вопросам служебного положения и материального обеспечения их родителей и родственников.

Отказ от демонстрации либо описания в телерадиопрограммах чрезмерной жестокости и насилия.

Под демонстрацией либо описанием чрезмерной жестокости и насилия в целях настоящей Хартии понимается излишне натуралистичный, неоправданно подробный и шокирующий показ документальных сцен умерщвления людей и животных, издевательств над людьми и животными с использованием физического насилия, а также сцен последствий преступлений, катастроф и стихийных бедствий с детальным изображением ранений, трупов, значительных увечий, следов пыток или побоев.

Отказ от излишне сенсационной подачи материалов об открытиях и достижениях в области медицины, могущих вызвать у телезрителей и радиослушателей неоправданные опасения или надежды.

Язык

Стремление к чистоте, правильности и образности русского языка в телерадиоэфире, отказ от неоправданного, примитивно-подражательного заимствования иностранных слов, употребления ненормативной лексики, сленговых и жаргонных выражений.

Действия, несовместимые с нормами цивилизованной журналистики

Обнародование информации не должно ставиться в зависимость от политических, коммерческих и иных интересов третьих лиц.

Недопустима организация информационных кампаний по целенаправленной дискредитации граждан и организаций в конъюнктурных целях.

Недопустимо получение информации обманным путём, а также путём запугивания или подкупа.

Недопустимо злоупотребление доверием собеседника, а также его особо эмоциональным состоянием, не позволяющим адекватно оценивать последствия высказываний.

Недопустимо преднамеренное распространение информации в форме, провоцирующей панику, массовые волнения и беспорядки, сбои в функционировании транспортных систем и иных систем жизнеобеспечения.

Устанавливая вышеприведенные правила и ограничения, подписавшие Хартию обязуются следовать им неуклонно и в полном объёме.

В целях реализации положений настоящей Хартии подписавшие её телерадиовещательные организации договариваются о создании Общественного вещательного Совета.

Положение об Общественном вещательном Совете, его регламент и персональный состав утверждаются специальным договором.

Настоящая Хартия открыта для присоединения к ней всех вещательных организаций Российской Федерации, согласных с её положениями.

ДЕКЛАРАЦИЯ
о принципах честной работы
в жанрах судебного очерка и репортажа,
а также журналистского расследования

Настоящая Декларация составлена группой журналистов, постоянно освещающих судебные и досудебные (на стадии следствия или возбуждения дел) процессы. Первые подписи под документом поставлены при учреждении Гильдии судебных репортёров в мае 1997 года в Москве, однако мы оставляем Декларацию открытой. Мы приглашаем присоединиться к ней на условиях соблюдения изложенных ниже принципов других журналистов, в том числе региональных СМИ, которые работают в жанрах судебного очерка и репортажа, а также журналистского расследования (если его материалы, содержащие в себе обвинения уголовно-правового характера, публикуются до вынесения судебного приговора).

Нас тревожит, в первую очередь, забота о престиже профессии журналиста. В последнее время жанр «чернухи» или поверхностного, низкопробного криминального репортажа вытесняет с газетных полос и из эфира квалифицированные материалы, ориентированные на идеи правосудия, анализирующие социальные и иные причины преступлений. Это положение не отвечает интересам демократии, права, правосознания, а также перспективам российских СМИ.

Объединение усилий журналистов, работающих в этом сегменте информационного пространства, диктуется необходимостью защиты наших общих цеховых интересов, превалирующих над мотивами конкуренции. Наша репутация нуждается в защите, в первую очередь, от дилетантских подходов, девальвировавших в глазах общественного мнения профессию судебного репортёра. Отвечая друг за друга своими авторскими именами, мы признаём следующие принципы честной работы в жанрах судебного очерка и репортажа, а также журналистского расследования:

1) Мы исходим из презумпции добропорядочности всех лиц, чьи имена и поступки мы делаем достоянием гласности. Для любых обвинений, опровергающих презумпцию добропорядочности в отношении того или иного лица или группы лиц, требуются веские аргументы.

2) Мы в принципе стремимся избегать обвинений в чей-либо адрес, предпочитая не утверждать, а задавать вопросы по поводу известных нам фактов. Приговоры о виновности либо невиновности или решения в пользу тех или иных конкретных лиц выносит только суд. Вместе с тем презумпция невиновности в юридическом смысле слова не препятствует журналистскому расследованию. Мы не выносим приговоров, но можем выдвигать обвинения, если располагаем для этого убедительными основаниями.

3) Мы вправе работать с «утечками» информации, которые получаем на уровне личных контактов от органов дознания, следствия или со стороны защиты. Но мы не считаем возможным публиковать такую информацию в одностороннем порядке без проведения журналистского расследования.

4) Объектами нашей критики в случаях, когда обвинение им со стороны уполномоченных органов ещё не предъявлено, могут быть лица, которые занимают посты в государственных органах или играют активную роль в коммерческих структурах. Чем выше должностное или имущественное положение конкретного лица, тем жёстче термины, в которых мы вправе оценивать его деятельность. Вместе с тем мы отказываемся от критики в грубых и унижающих достоинство выражениях.

5) Любое лицо, которое становится объектом нашей критики, имеет право изложить свою точку зрения, как правило, до передачи материала в печать или эфир. В случаях особой политической значимости, когда утечка информации о предстоящей публикации может угрожать её судьбе, мы считаем себя вправе перепроверять известные нам сведения с помощью косвенных источников.

6) Мы не уклоняемся от прямого аргументированного спора с теми, кого мы критикуем в наших публикациях, и признаём за ними право не только на судебную защиту. Мы готовы пересмотреть свою точку зрения и принести извинения в случаях, когда допустили ошибку.

7) Следя за конкретным уголовным делом, мы вправе указывать на ошибки органов следствия и дознания, но только аргументируя это ссылкой на закон. Мы вправе говорить о негуманности тех или иных следственных мероприятий, обосновывая это общими этическими требованиями.

8) Суд и только суд является органом правосудия и олицетворяет собой его идею. Мы вправе аргументированно критиковать пороки судебной системы, ошибки или поступки судей, но это не влияет на наше уважение к правосудию в целом. Вступившее в законную силу решение суда подлежит безусловному исполнению, хотя это не препятствует его обсуждению, в том числе в средствах массовой информации.

9) «Давлением на суд» или на органы следствия мы считаем такое комментирование хода следствия или суда, которое ведётся неграмотно, без веских аргументов, без предоставления слова обвинению или защите для изложения позиций обеих сторон. Недопустимо распространение о судьях, лицах, ведущих следствие или участвующих в деле, порочащих сведений, если они не имеют отношения к предмету публикации.

10) Мы возражаем против придания политического звучания нашим публикациям на правовые темы.

Изложенные принципы честной работы являются этическими и не могут применяться наподобие юридических норм. Подписавшие Декларацию журналисты не несут ответственности за все публикации в названных жанрах, в том числе и теми, кто не разделяет наших принципов. Мы не стремимся к монополии на судебную или следственную информацию, но считаем, что высокий профессионализм журналиста естественным образом создаёт для него преимущества при получении информации и комментариев в судах и правоохранительных органах.

Юрий Феофанов, Александр Борин, Леонид Никитинский, Валерий Руднев, Игорь Корольков, Константин Катанян, Леонид Иоффе, Анна Мальшиева, Сергей Соколов, Сергей Плужников, Анатолий Фёдоров, Инесса Землер, Алексей Кирпичников, Галина Богачева (Астрахань), Наталья Новожилова (Владимир), Виктор Гоношилов (Омск), Юлия Андреева (Санкт-Петербург), Вера Петунина (Томск), Владимир Миронов (Ульяновск) и другие.

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРИНЦИПОВ ПОВЕДЕНИЯ ЖУРНАЛИСТА

Принята на Втором Всемирном конгрессе Международной Федерации журналистов в Бордо 25–28 апреля 1954 года; изменения внесены на XVIII Всемирном конгрессе МФЖ в Хельсинки 2–6 июня 1986 года.

Международная декларация провозглашается в качестве стандарта профессионального поведения журналистов в области приобретения, передачи, распространения и комментирования информации и описания событий.

1. Уважение правды и права общества знать правду – первоочередной долг журналиста.
  2. Осуществляя профессиональную деятельность, журналист обязан отстаивать принцип свободы при честном сборе и публикации информации и права на честный комментарий и критику.
  3. Журналист обязан оперировать только той информацией, источник которой ему известен. Журналист не должен пренебрегать важной информацией или фальсифицировать документы.
  4. Получая информацию, фотографии и документы, журналист должен использовать только честные методы.
  5. Журналист должен сделать всё возможное для исправления или опровержения информации, которая может нанести серьёзный ущерб.
  6. Журналист обязан соблюдать профессиональную тайну и не разглашать источник информации.
  7. Журналист должен отдавать себе отчёт в той опасности, которую таит в себе призыв к дискриминации, распространённый через СМИ, и должен сделать всё возможное для того, чтобы избежать даже невольного стимулирования дискриминации на основе расы, пола, сексуальной ориентации, языка, религии, политических или иных взглядов, национального и социального происхождения.
  8. Журналист должен считать серьёзными профессиональными нарушениями:
    - плагиат;
    - умышленное искажение фактов;
    - клевету, оскорбление, необоснованное обвинение;
    - получение взятки в любой форме за публикацию (непубликацию) того или иного материала.
  9. Журналист, достойный этого высокого звания, считает своим долгом добросовестно выполнять вышеизложенные принципы. Действуя в рамках законодательства своей страны, журналист при решении профессиональных вопросов признаёт только юрисдикцию коллег – в том числе и в случае вмешательства в такого рода вопросы правительства или других ответственных лиц.
-

ГЛОБАЛЬНАЯ ХАРТИЯ ЖУРНАЛИСТСКОЙ ЭТИКИ

Глобальная Хартия журналистской этики Международной Федерации журналистов (МФЖ) была принята на 30-м Всемирном конгрессе МФЖ в Тунисе 12 июня 2019 года. Хартия дополняет Декларацию принципов поведения журналиста, принятую МФЖ в 1954 г. и известную под названием «Бордосской декларации».

Хартия опирается на важнейшие тексты международного права, в частности, на Всеобщую декларацию прав человека.

Преамбула

В основе журналистской миссии лежит право каждого человека на доступ к информации и идеям, закреплённое в Статье 19 Всеобщей декларации прав человека. Ответственность журналиста перед обществом превалирует над любыми другими видами ответственности, в частности, перед работодателем или органами государственной власти. Журналистика – профессия, практика которой требует времени, ресурсов и средств, и они же необходимы для обеспечения её независимости. Данная Международная декларация определяет руководящие принципы поведения журналистов при поиске и сборе, редактировании, передаче, распространении и комментировании новостей и информации, а также при описании событий в любых медиа.

1. Уважение к фактам и к праву общества знать правду – первостепенная обязанность журналиста.

2. Выполняя эту обязанность, журналист должен всегда защищать принципы свободы при добросовестном сборе и публикации новостей, а также право на справедливый комментарий и критику. Журналист чётко отделяет фактическую информацию от комментариев и критики.

3. Сообщение журналиста должно быть основано только на тех фактах, источник которых ему/ей известен. Журналист не должен утаивать важную информацию или фальсифицировать документы. Журналист должен с большой аккуратностью воспроизводить заявления и другие материалы, которые непубличные люди размещают в социальных сетях.

4. Журналист должен использовать только честные методы для получения информации, изображений, документов и сведений, всегда сообщать о своём статусе журналиста и воздерживаться от использования скрытой записи изображения и звука за исключением случаев, когда сбор информации, представляющей выраженный общественный интерес, иным образом невозможен. Журналист должен добиваться свободного доступа ко всем источникам информации и соблюдения права на свободное расследование всех фактов, представляющих общественный интерес.

5. Срочность или безотлагательность при распространении информации не должны превалировать над проверкой фактов, источников и/или предоставлением права на ответ.

6. Журналист должен сделать всё возможное для своевременного, явного, полного и недвусмысленного исправления любых ошибок или неточностей в опубликованной информации.

7. Журналист должен соблюдать профессиональную тайну в отношении источника информации, полученной конфиденциально.

8. Журналист уважает личное пространство. Журналист должен уважать достоинство людей, названных или представленных в материале, и сообщать человеку, у которого берёт интервью, предназначена ли эта беседа или другие собранные материалы для публикации. Журналист должен проявлять особую бережность по отношению к неопытным и уязвимым интервьюируемым.

9. Журналисты должны действовать так, чтобы распространение информации или мнений не умножало ненависти или предрассудков, и делать всё возможное, чтобы не способствовать дискриминации по таким основаниям, как географическое, социальное или этническое происхождение, раса, гендер, сексуальная ориентация, язык, религия, инвалидность, политические и другие взгляды.

10. Журналист признаёт серьёзными профессиональными проступками:

- плагиат;
- искажение фактов;
- оговор, клевету, диффамацию, необоснованные обвинения.

11. Журналист не должен выступать в роли помощника полиции или других служб безопасности. От него/неё могут потребовать только предоставления информации, уже опубликованной медийной организацией.

12. Журналист проявляет солидарность со своими коллегами, не отказываясь от своей свободы расследовать, обязанности информировать и права на критику, комментарии, сатиру и редакционный выбор.

13. Журналист не должен использовать свободу прессы для служения каким-либо другим интересам и должен воздерживаться от получения каких-либо несправедливых преимуществ или личной выгоды путём распространения или нераспространения информации. Журналист должен избегать – или выходить из – любых ситуаций, которые могут привести его/её к конфликту интересов при исполнении профессиональных обязанностей. Журналист должен избегать смешения своей деятельности с рекламой или пропагандой. Журналист должен воздерживаться от любых форм торговли инсайдерской информацией и манипулирования рынком.

14. Журналист не должен предпринимать никаких действий, которые могут поставить под угрозу его/её независимость. При этом журналист с уважением относится к методам сбора и распространения информации, с которыми согласился добровольно – такими как разговор «не для записи», анонимность или эмбарго, при условии, что эти договорённости явны и неоспоримы.

15. Журналисты, достойные своей профессии, считают своим долгом добросовестное соблюдение вышеизложенных принципов. Их нельзя принудить к совершению действия или выражению мнения, которые противоречат их профессиональным убеждениям или совести.

16. В рамках законодательства каждой страны журналист в вопросах профессиональной чести должен признавать юрисдикцию независимых органов саморегулирования, открытых общественности, исключая любой вид вмешательства со стороны правительств или кого-либо ещё.

(Перевод Общественной коллегии по жалобам на прессу)

СОФИЙСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ (Извлечения)

Мы, участники Европейского семинара «Укрепление независимых и плюралистических средств информации» (особенно в странах Центральной и Восточной Европы), организованного в Софии (Болгария) с 10 по 13 сентября 1997 г. Департаментом общественной информации Организации Объединенных Наций (ДОИООН) и Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО)...

<...>

ЗАЯВЛЯЕМ О ТОМ, ЧТО:

<...> 2. Всем государствам следует обеспечить или укрепить там, где они существуют, конституционные и правовые гарантии свободы выражения убеждений и свободы печати и пересмотреть, изменить и/или отменить те законы, правила и меры, которые ограничивают эту основную свободу. Им следует обращать особое внимание на обеспечение соблюдения этих гарантий. Тенденции, направленные на установление «запретных зон» или табу, выходящих за сферу действия закона, ограничивают эти свободы и являются неприемлемыми. <...>

. Органы власти должны предоставлять доступ к информации всем журналистам. Журналиста нельзя принуждать к разглашению источников информации. В этом отношении должны быть установлены адекватные гарантии. <...>

6. Профессионально правильные методы журналистской работы являются наиболее эффективной гарантией от правительственных ограничений и давления со стороны особо заинтересованных групп. Любые попытки установления норм и руководящих принципов должны исходить от самих журналистов. Споры, касающиеся средств информации и/или работников средств информации во время осуществления ими своих профессиональных обязанностей, следует разрешать в суде, и такие дела должны рассматриваться в соответствии с гражданскими, а не уголовными (или военными) кодексами и процедурами.

7. Профессиональная независимость и издательско-редакционная свобода должны признаваться во всех средствах информации. Принадлежащие государству органы вещания и информационные агентства следует реформировать в первоочередном порядке и предоставить им статус открытых общественных учреждений, пользующихся журналистской и издательской независимостью. В случае создания регулирующих органов в области радио- и телевидения они должны быть полностью независимыми по отношению к органам власти. Следует поощрять создание независимых информационных агентств, а также частных и/или средств вещания, принадлежащих общинам, в том числе в сельских районах. <...>

10. Появление новых информационных и коммуникационных технологий, открывающих новые каналы для свободного распространения информации, может и должно содействовать плюрализму, экономическому и социальному развитию, демократии и миру. Защита свободы выражения мнений, действующая в отношении традиционных средств информации, должна распространяться в такой же степени на доступ к новым средствам информации и на их использование.

11. Ксенофобия и столкновения между различными этническими и религиозными группами угрожают миру и демократии во многих частях Европы. В рамках программ подготовки по журналистской этике внимание журналистов следует обращать на опасности, связанные с предрассудками и дискриминацией. <...>

12. Беспристрастная фактическая информация и высочайшие профессиональные нормы имеют важнейшее значение во время работы в зонах конфликтов и при передаче репортажей из них.

13. Следует принять эффективные меры и ввести в действие законодательные акты, которые включали бы в себя предотвращение чрезмерной концентрации собственности на средства информации или осуществление иного контроля, ограничивающего плюрализм, в том числе со стороны государства.

14. Интересы общества определяются вне зависимости от форм собственности. Собственность на все средства информации и их финансирование должны носить транспарентный характер и гласно декларироваться. Государства должны содействовать разнообразию форм собственности путём предоставления юридических гарантий. Общественные фонды следует предоставлять исходя из равенства форм собственности и с учётом общественных интересов.

15. В условиях усиления коммерческого и иного давления на все средства информации особенно важно добиться сохранения доверия к средствам информации путём обеспечения качества их содержания. <...>

*Декларация одобрена на 29-й сессии
Генеральной конференции ЮНЕСКО 12 ноября 1997 г.*

РЕЗОЛЮЦИЯ № 2
«Журналистские свободы и права человека»¹³⁹
(Извлечения)

Принцип 6

Основополагающая функция журналистики в подлинной демократии предполагает, что все те, кто задействован в журналистской деятельности, занимают этичные и ответственные позиции, что воплощается в особенности в сохранении их независимости и критического подхода. Журналистика должна служить свободе слова, которая включает в себя право получать и сообщать информацию, при соблюдении также других основополагающих прав, свобод и интересов, защищаемых Европейской конвенцией по правам человека. <...>

Принцип 8

Помня о разных и меняющихся условиях различных СМИ, органы государственной власти должны проявлять сдержанность, когда они приступают к рассмотрению аспектов, упомянутых в Принципе 7, и признавать за всеми, кто задействован в журналистской деятельности, право на выработку норм саморегуляции, таких, как кодексы поведения, описывающие, каким образом их права и свободы должны быть согласованы с другими правами, свободами и интересами, с которыми они могут войти в конфликт, а также их обязанности.

---

¹³⁹ Документ Четвёртой Европейской конференции министров по проблемам массовой информации «Средства массовой информации в демократическом институте» (Прага, 7–8 декабря 1994 года).

5.4. ДОКУМЕНТЫ СЕТИ ОРГАНИЗАЦИЙ МЕДИЙНОГО САМОРЕГУЛИРОВАНИЯ (СОМС)¹⁴⁰

РЕКОМЕНДАЦИИ

Сети организаций медийного саморегулирования (СОМС) относительно распространения пропаганды в СМИ

Национальные органы медийного саморегулирования, члены Сети организаций медийного саморегулирования (СОМС) обеспокоены ростом числа пропагандистских материалов в СМИ, распространяемых как национальными, так и международными вещателями и издателями, включая государственные, публично-правовые и частные. В контексте данного документа под пропагандистскими понимаются журналистские материалы любого жанра:

- содержащие язык вражды, ненависти, дискриминацию, расизм, шовинизм, прославление войны и терроризма, распространяющие ксенофобию;
- прибегающие к манипуляции фактами в политических целях;
- эксплуатирующие темы повышенного общественного интереса и злоупотребляющие доверием граждан к средствам массовой информации вообще и к журналистике и журналистам в частности.

Проблема пропаганды особенно затрагивает те выбранные в качестве объекта страны, где зарубежные СМИ, являющиеся инициаторами пропагандистского воздействия, имеют традиционно устойчивую аудиторию.

Члены СОМС с глубокой озабоченностью отмечают, что угроза широкого распространения пропагандистских материалов в средствах массовой информации, т. е. в зоне профессиональной ответственности редакций и журналистов, представляет серьёзную опасность как для свободы выражения, так и для информационных прав граждан. Использование СМИ в качестве инструмента пропаганды наблюдается повседневно. При этом сама пропаганда становится всё более жёсткой и циничной.

Члены СОМС констатируют, что СМИ и их представители всё чаще втягиваются в агрессивные пропагандистские кампании, распространяя в традиционных и новых медиа под видом авторских и редакционных материалов откровенно манипулятивный контент, противоречащий общепринятым стандартам и этическим принципам профессии, подрывая веру аудитории в независимость редакции и честность, ответственность журналиста.

Члены СОМС полагают, что никакие цели не могут служить оправданием манипулирования общественным мнением, распространения откровенной лжи или же полуправды, имитирующей достоверность факта и точность передачи мнения.

Члены СОМС исходят из того, что нарушение основ журналистской этики неизбежно ведёт не только к росту недоверия граждан к добросовестным СМИ, профессиональным журналистам и журналистским организациям, но и к усилению государственного влияния на СМИ, политического вмешательства в деятельность конкретных редакций вплоть до реального и существенного ограничения права СМИ на свободное распространение информации. Ситуация прямой или косвенной вовлечённости СМИ в пропагандистскую машинерию представляет собой прямую угрозу для безопасности СМИ и журналиста, а также

¹⁴⁰ Сеть организаций медийного саморегулирования (СОМС) – неформальное объединение органов саморегулирования. Меморандум о взаимопонимании (Устав) Сети был принят в 2011-м году и обновлён в 2017 г. Членами СОМС являются органы саморегулирования Армении, Азербайджана, Беларуси, Грузии, Молдовы, России и Украины. Подробнее о СОМС см. в 6-м, 7-м и 9-м выпусках «Настольной книги по медийному саморегулированию».

подрывает возможность выполнения ими своей социальной миссии, включая защиту общественных интересов.

Учитывая сказанное, организации – члены СОМС призывают журналистов, редакторов, собственников СМИ, всех тех, кто несёт ответственность за редакционный контент и за его распространение, руководствоваться в своей работе основополагающими профессиональными стандартами и обеспечивать на практике:

- актуальность, достоверность, релевантность новостей и их освещения: предоставление гражданам правдивого, полного и понятного отчёта о текущих событиях в том контексте, в котором они приобретают смысл;
- добросовестность, профессиональную честность, право журналиста придерживаться своего мнения;
- отделение журналистского материала от любого другого, способного нести пропагандистскую нагрузку или меседжи манипулятивного характера;
- неприятие любых цензурных ограничений, защиту права граждан на получение объективной информации.

Организации – члены СОМС убеждены в том, что редакции СМИ обязаны воздерживаться от распространения любых прямых или косвенных дискриминационных, ксенофобских заявлений и должны предотвращать появление публикаций, содержащих клевету, оскорбление, унижение, умаление достоинства граждан по признакам расовой, языковой, религиозной, этнической и половой принадлежности, углубляющих социальное, политическое или иное неравенство.

Организации – члены СОМС полагают, что средства массовой информации:

- обязаны избегать тиражирования сплетен, распространения сообщений, основанных на непроверенных данных и направленных на провоцирование скандалов, запуск манипулятивного контента. Комментарии никоим образом не должны встраиваться в новостную часть информационного материала. От СМИ, полагающего, что информация, которая объективно не может быть проверена, но тем не менее заслуживает распространения, ожидается соответствующее уведомление аудитории;
- не вправе манипулировать изображением или звуком, с тем чтобы выбор слов или других средств выражения, изменения интонации, смещение акцентов или редакционная обработка приводили к преднамеренному искажению смысла или ценности сообщения;
- обязаны убедиться, что каждый компонент новостей содержит только и исключительно факты, соответствующие действительности. В новостном сообщении должна быть дана ссылка на независимые источники, подтверждающие информацию;
- должны избегать «подгонки» данных и фактов с целью искажения реального положения вещей. Определяя степень важности отдельных составляющих информационного сообщения, СМИ должны стремиться подавать новости беспристрастно и объективно, проводя различие между существенным и второстепенным или же менее значимым по характеру;
- обязаны незамедлительно информировать аудиторию о каждой ситуации выхода в свет сообщения, содержащего искажённую информацию, принося извинения в тех случаях, когда в основе такой ситуации лежит редакционная ошибка.

Организации – члены СОМС выделяют следующие основные признаки пропаганды:

- «объектное» отношение субъекта пропаганды к конкретному человеку, социальной группе, обществу в целом;
- целенаправленное сведение многомерного к двумерному, многоцветного – к чёрно-белому; сужение поля личного морального выбора и ответственности за выбор;
- наличие чёткой, подлежащей реализации цели как ожидаемого итога воздействия медиа на «объект» – с определённым изменением (или поддержанием) «картины мира» в его сознании, в идеале – с переводением навязанных представлений в поступок и образ действий;

- целевой, работающий на жёсткий сценарий отбор фактов, активное обращение к дезинформации, манипулирование фактами, статистическими данными, мнениями, включая экспертные, или сдвиг акцентов там, где прямая дезинформация представляется невозможной;
- действие в логике «цель оправдывает средства», использование средств и методов, сплошь и рядом несовместимых с такими ценностями, как честность, правдивость и т. д.;
- обнаружение, создание или дорисовка «образа врага», внесение в массовое сознание и поддержание в нём разделения на «мы» и «они»;
- формирование убеждения в моральной оправданности любого поступка по отношению к «врагу», в том числе – «внутреннему врагу», в том числе – врагу потенциальному, в том числе – к лицу, недостаточно лояльному по отношению к доминирующим в обществе институтам, интересам и идеям;
- повседневная повторяющаяся последовательность вбрасываемых в общественный дискурс тем, примеров, образов, как правило – обращение к субъективно истолкованным традиционным ценностям как к единственным устойчивым, а потому главенствующим в неустойчивом мире;
- апелляция преимущественно к эмоциям, к чувствам, а не к разуму, игра на страхах и предубеждениях, активное использование историй о злодеяниях и зверствах;
- работа «под прикрытием журналистики», стремление играть роль первичного источника новостей;
- фабрикация признаков надёжности, в том числе источников информации;
- формирование лояльности адресата манипулятивного воздействия к системе институтов, интересов и идей, которым служит субъект пропаганды.

ЖУРНАЛИСТСКИЙ ДОЛГ И ДЕЗИНФОРМАЦИЯ НЕСОВМЕСТИМЫ

Обращение членов Сети организации медийного саморегулирования к журналистам и редакторам

Сеть органов медийного саморегулирования (СОМС), представляющая органы медийного саморегулирования Азербайджана, Армении, Беларуси, Грузии, Молдовы, России, Украины,

– исходя из основных положений Совместной декларации о свободе выражения мнения, а также «фейковых» новостях, дезинформации и пропаганде, принятой в Вене 3 марта 2017 года;

– принимая во внимание факт существенного ужесточения законодательства в ряде стран, входящих в Совет Европы, предусматривающего, в том числе, возможность привлечения к ответственности СМИ за распространение дезинформации;

– основываясь на опыте рассмотрения жалоб в Консультативной комиссии по противодействию пропаганде Сети органов медийного саморегулирования (СОМС);

призывает журналистов, редакторов, издателей, других работников средств массовой информации и фрилансеров, причастных к созданию новостных материалов, принять все доступные им меры для повышения доверия к новостям, представляемым пользователям СМИ, и исключить распространение дезинформации как результата умышленной или же недостаточно ответственной редакционной политики средств массовой информации – как традиционных, так и относящихся к так называемым *новым медиа*.

1. Под *дезинформацией* члены СОМС в данном случае понимают осознанно создаваемый «информационный» продукт, представляющий собой как ложную информацию в чистом виде, так и смешение информации о фактах и намеренной лжи, преследующий целью

введение в заблуждение как отдельного гражданина, так и общественное мнение в целом. Манипулируя сознанием, изменяя картину мира в голове человека, дезинформация, в том числе, влияет на возможность её адресата адекватно реагировать на реальные проблемы и угрозы в сфере общественной безопасности, замещая реальные угрозы ложными, опирающимися на «образ врага», сеющими недоверие и страх, разгоняющими градус интолерантности в межнациональных и межгосударственных отношениях.

2. Говоря о дезинформации как безусловном зле, недопустимом в сфере массовой информации, члены СОМС обращают внимание на получивший широкое распространение и, к сожалению, становящийся как бы фоновым, привычным поток так называемых «фейковых новостей» и продукта, именуемого «постправдой».

3. Безусловно отделяя новости, содержащие неумышленные редакционные ошибки (misinformation) от той категории недостоверных «фейковых новостей», которые относятся к изначально фальшивым, члены СОМС обращают внимание на то, что значительная часть «фейковых новостей» не относится к безобидным, уживающимся с профессиональными журналистскими стандартами, пусть даже и заметно «облегчёнными» во взаимодействии журналиста и журналистики с новыми, сетевыми реалиями. «Фейковые новости» в сфере политики, экономики, важных аспектов общественной жизни нередко обнаруживают пропагандистскую составляющую, позволяющую делать однозначный вывод о нарушении их распространителями базовых профессиональных (именно журналистских) стандартов.

4. Члены СОМС обращают внимание, далее, на то, что новости, содержащие неумышленные редакционные ошибки, получая распространение в регионах с устойчивыми, устоявшимися пропагандистскими атаками на аудиторию, могут восприниматься как пропаганда и дезинформация даже в том случае, если журналист или редакция не преследовали подобной цели и считали бы для себя невозможным участие в подобного рода деятельности.

5. Члены СОМС полагают, что профессиональный долг журналиста и редактора, допустившего выход в свет ошибочного сообщения, – сделать всё для немедленного исправления ситуации. Последнее предполагает не только скорейшее исправление ошибочного сообщения, но и уведомление своей аудитории о факте его распространения. Если совершённая редакцией ошибка привела к дальнейшему распространению информации, содержащей ошибку, включая цитирование исходного сообщения СМИ, долг редакции, как и профессиональный долг журналиста, состоит в том, чтобы уведомить своих коллег в сфере медиа и о самой ошибке, и о факте её исправления.

6. Исходя из того, что «постправда» не является разновидностью новостного жанра, а относится к приёмам, используемым в дезинформации и пропаганде, члены СОМС настоятельно рекомендуют профессиональным журналистам и редакторам избегать всего, что может быть принято за «постправду» при подготовке информационных сообщений. Члены СОМС исходят из того, что участие в создании так называемых «фейковых новостей» и «постправдового» контента противоречит профессиональному долгу журналиста, какие бы оправдания такого участия при этом ни использовались теми, кто к ним обращается, пытаясь сохранить доверие аудитории.

7. Напоминая об обязанности всех причастных к созданию новостей тщательно проверять достоверность информации и надёжность её источников, члены СОМС вместе с тем призывают журналистов и редакции в полной мере учитывать опасность тенденциозного освещения событий. При том, что каждая отдельная новость может иметь достоверный

характер, тенденциозное освещение событий на протяжении достаточно длительного времени способно порождать устойчивые негативные пропагандистские эффекты.

8. Члены СОМС предлагают журналистам и редакциям с повышенным вниманием и осторожностью относиться ко всему, что может обнаружиться дезинформацией и пропагандой при освещении политических событий. Признавая, что источником и ретранслятором дезинформации нередко выступают государственные СМИ, члены СОМС полагают, что журналистам, следующим профессиональным стандартам, необходимо особо тщательно проверять резонансные заявления политиков, распространённые этой категорией медиа, традиционно пользующейся повышенным доверием той части населения, которая не имеет навыков самостоятельной перепроверки получаемой информации, в том числе политической.

9. Члены СОМС полагают не менее важной перепроверку журналистами резонансных заявлений, сделанных политиками на своих страницах в соцсетях. Тот факт, что социальные сети становятся всё более активным и значимым источником дезинформации, влияющей на умы и настроения миллионов людей, не должен проходить мимо внимания профессиональных журналистов и редакторов.

10. Признавая за журналистом право на преувеличение или даже провокацию, когда речь идёт о защите общественного интереса, члены СОМС выражают убеждение, что участие журналиста в инсценировке событий, какими бы мотивами и обстоятельствами оно ни оправдывалось, не может быть признано профессионально правильным выбором. Соглашаясь на такое участие, журналист должен осознавать профессиональную и социальную опасность принятого им решения, изменение характера своей ответственности, а равно и необратимость потери доверия аудитории не только к нему лично и к его коллегам по цеху, но и к представляемой ими профессии.

Узнав о том, что событие, информация о котором ранее было распространена как значимая новость, носило характер инсценировки, журналист обязан сообщить аудитории правду: исходя из профессионального долга и не оглядываясь на чувство корпоративной солидарности.

11. Члены СОМС призывают всех, кто связан с журналистской профессией, помнить о том, что кампании в СМИ, носящие пропагандистский характер, использующие ложь и дезинформацию, способны приводить к реальным столкновениям, насилию и преследованиям, в результате которых жертвами становятся невинные люди, включая их аудиторию.

5.5. ДОКУМЕНТ «К СВЕДЕНИЮ»

ЖУРНАЛИСТ И РАБОТА В БЛОГЕ: СТАНДАРТ БИ-БИ-СИ

*Фрагмент лекции Лилиан Ландор, главы языковых служб,
Всемирные новости Би-би-си
(BBC Академия, Школа журналистики)*

– Будьте благоразумны, руководствуйтесь здравым смыслом. Вы являетесь журналистом Би-би-си, и вы несёте ответственность, с этим связанную, и в открытом социальном пространстве, где у вас есть «друзья» разного толка. Вы можете рассказывать что угодно о вашей личности, интересах, – например, что вы увлекаетесь плаванием или любите определённые книги, – никаких проблем. Но что касается вашего мнения по политическим вопросам – это опубликовать совершенно недопустимо.

Я имею в виду разделение двух аспектов личного: своего личного, о котором вы можете говорить открыто, – и личного профессионального, связанного с вашей работой; здесь вы ограничены своей ответственностью как журналист Би-би-си.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЖУРНАЛИСТА БИ-БИ-СИ

Журналист Би-би-си ни при каких обстоятельствах не может быть фаном, другом или «фолловером» политика или активиста, причём неважно, из какой страны – его собственной, Британии, или какой-то ещё.

Здесь опять всё очень просто: в качестве журналиста Би-би-си вы несёте определённую ответственность, вы должны соблюдать принципы беспристрастности, объективности в освещении новостей.

У журналиста Би-би-си не может быть своего мнения: вы не пишете о своих мнениях, вы «чистый лист бумаги» – как журналист Би-би-си, профессионал, работающий на Би-би-си.

Ну, естественно, у всех вас есть множество разных мнений по целому кругу вопросов. Но трюк здесь заключается в том, чтобы разделять то, о чём вы говорите в приватной обстановке, от того, что вы выпускаете в эфир, – этим и отличается профессионал Би-би-си.

И когда я говорю «в эфир», я имею в виду, в том числе, и Facebook, и Twitter.

Социальные сети являются такой же частью нашей профессиональной жизни, как печатные или интернет-СМИ.

ОСТАВАЙТЕСЬ БЕСПРИСТРАСТНЫМ

Вам не разрешается публиковать свои личные мнения в блоге, даже если у вас есть аватар или вы выступаете под другим именем. Вы прежде всего – журналист Би-би-си, который не может своими действиями ставить под сомнение беспристрастность и независимость организации, в которой работает.

Наша аудитория – во всех странах, в которых мы работаем, и в Британии, и по всему миру – доверяет Би-би-си.

И я, или вы, или кто-нибудь, кто увлекается социальными сетями и работает на Би-би-си, не может рисковать этим доверием.

Поэтому вы не можете публиковать блог о политических вопросах, даже если вы изменили имя или пишете под псевдонимом. Вы остаётесь журналистом Би-би-си независимо от того, есть ли у вас псевдоним или нет.

TWITTER

Twitter – это несколько отличная категория. Вы можете быть фолловером, поскольку Twitter также предназначен для сбора как можно большего количества информации от максимального количества людей. Однако вы всё равно не можете публиковать своего мнения в Twitter, даже если у вас там есть другой аватар или псевдоним. Так что вы можете быть фолловером какого угодно количества людей, любой политической окраски. Я являюсь фолловером тысячи людей, и они все совершенно разные, из разных групп. И для меня это очень важно и полезно в плане сбора новостей – так я получаю информацию от этих людей и организаций.

Так что вы можете быть фолловером кого угодно. Однако, что касается обнародования своих мнений, тут для Twitter то же правило, что и для Facebook.

ЛИЧНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ

Разрешается ли вам раскрывать свои личные политические взгляды на Би-би-си? Я работаю на Би-би-си уже больше 20 лет, и у меня есть коллеги, с которыми я проработала много лет, чьих политических взглядов я до сих пор не знаю. И я думаю, это правильно, так и должно быть. Мы не ждём от людей, что они расскажут нам, как они голосовали. Мы не ожидаем, что они поделятся с нами тем, какую партию они поддерживают. И, конечно, я не ожидаю, что люди будут об этом говорить или что это будет как-то проявляться в профессиональной деятельности. Когда вы говорите или пишете о политических вопросах, будь то в онлайн или в радиопрограмме, вы прежде всего – журналист Би-би-си. Не арабский журналист Би-би-си, или таджикский, или французский журналист Би-би-си, но журналист Би-би-си. И правила, которые применяются ко всем нашим британским коллегам, точно так же действуют в отношении всех нас в языковых службах, и глобально.

ВАЖНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Мы на Би-би-си довольно сильно полагаемся на социальные сети. Особенно в последнее время, в связи с событиями в арабском мире, восстаниями в Египте, Тунисе, Ливии, социальные сети были крайне важны для нас в плане получения новостей, для составления полной картины и понимания ситуации.

Конечно же, мы не публикуем всё, что мы получаем. Мы очень тщательно всё проверяем и выверяем. И только после этих проверок мы полагаемся на всю эту информацию и публикуем её.

Поэтому социальные сети очень важны для нас. Они важны для нас в профессиональном плане, и крайне важно, что благодаря им мы также получаем новости, которые невозможно получить из этих стран никаким другим способом.

ОНЛАЙН-ФОРУМЫ

Могут ли журналисты Би-би-си участвовать в онлайн-форумах? Конечно, могут.

Могут ли они участвовать в онлайн-форумах, где обсуждаются вопросы кулинарии, лечения рака, секса? Конечно, да.

Могут ли они участвовать в онлайн-форумах, где публикуются политические мнения, где можно высказать своё предпочтение той или иной партии, обозначить политический выбор? Нет, не могут. И это как раз и есть то различие между профессиональными и личными аспектами, на которые я постоянно указываю нашим журналистам. Это важно, потому что ваша личная жизнь Би-би-си не касается, и мы всячески приветствуем ваше участие в онлайн-форумах, если они относятся к вашей частной жизни.

Когда же речь идёт о профессиональном аспекте, о новостях, о беспристрастности нашей организации, мы проводим красную черту.

КРИТИКА В АДРЕС БИ-БИ-СИ

Единственная причина, почему Би-би-си пользуется доверием своей более чем 230 - миллионной аудитории – слушателей, зрителей, пользователей – во всём мире

заключается в том, что она показала, что может быть более беспристрастной, чем любая другая новостная организация. А также в том, что Би-би-си пытается быть максимально беспристрастной, даже когда обстоятельства складываются не в нашу пользу. Мы работаем над тем, чтобы быть настолько объективными, насколько возможно, в интерпретации, анализе и представлении новостей.

Би-би-си не аморфная организация, на Би-би-си работает множество людей на разных уровнях, будь то ассистент или журналист, или редактор. Поэтому репутация Би-би-си зависит от всех и каждого из нас. И это самая простая из причин, почему мы призываем наших журналистов не афишировать свои частные политические взгляды.

ФОТО В КУПАЛЬНИКЕ

Конечно же, Би-би-си не предписывает людям, что думать. Би-би-си рассказывает, предлагает людям, как себя вести в качестве журналистов Би-би-си во внешнем мире, в мире СМИ. Би-би-си не предписывает вам поддерживать ту или иную партию, Би-би-си не говорит вам, что лучше быть религиозным человеком, чем атеистом, Би-би-си не говорит вам, что носить, как думать, как одеваться. Би-би-си говорит вам, что если вы хотите быть журналистом, которым Би-би-си гордится, то придётся сделать определённый выбор, что есть очень чёткая граница между нашей профессиональной и частной жизнью, которую надо соблюдать.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Михаил Федотов. Место саморегулирования в расширяющейся вселенной Медиа.....	3
2. РАЗДЕЛ 1. ОБЩЕСТВЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ В РЕШЕНИЯХ	18
Док. 1. Решение № 199 «О жалобе Обозновой Людмилы Александровны и Шептухиной Марии Олеговны на публикацию электронным периодическим изданием “МК.ru” материала “Страшное ДТП в парке “Кусково”: автомобиль переехал роллера”»	24
Док. 2. Решение № 200 «О жалобе Борисова Александра Николаевича, директора ООО “Три звезды”, в связи с публикацией на сайте “Вести.Ру” материала “Антисанитария, вонь и шум: скандальный хостел проверит Роспотребнадзор”»	32
Док. 3. Решение № 201 «Об обращении Совета судей Республики Дагестан по поводу публикации газетой “Черновик” (Махачкала, Республика Дагестан) материала “Суд замедленного действия”»	37
Док. 4. Решение № 202 «Об обращении Центральной избирательной комиссии Российской Федерации по поводу информационного спора этического характера, возникшего между ЦИК России и информационным агентством Associated Press»	41
Док 4а. Мнение эксперта К. А. Назаретян о ситуации с интервью Эллы Памфиловой информационному агентству Associated Press	53
Док. 4б. Мнение эксперта С. К. Шайхитдиновой об интервью главы Центризбиркома России Эллы Памфиловой информационному агентству Associated Press	60
Док. 5. Решение № 203 «О жалобе Персиковой Анны Александровны в связи с публикацией в выпуске новостей сетевого издания “Катунь 24” “Репортажа о затруднениях застройщика дома по адресу: г. Барнаул, ул. Ленина, д. 195А”»	65
Док. 6. Решение № 204 «О жалобе Жучковой Ирины Евгеньевны на публикацию сетевым изданием РИА “Новости” материала “Никогда не смогу целоваться. Исповедь девушки, которая второй год живёт без языка”»	68
Док. 6а. Мнение эксперта К. А. Назаретян о о материале «Никогда не смогу целоваться», размещённом на сайте РИА «Новости»	70
Док. 7. Решение № 205 «О жалобе Фокиной Дарьи Михайловны и ряда других представителей СМИ г. Петербурга на материал “Скандал в Петербурге: вузовский преподаватель домогался студенток”, вышедший в программе “Вести с Алексеем Казаковым” на телеканале “Россия 24”»	77
Док. 7а. Мнение эксперта С. К. Шайхитдиновой о телевизионном сюжете «Скандал в Петербурге: вузовский преподаватель домогался студенток» и его представлении 12.11.2019 на канале «Россия-24»	84
Док. 8. Решение № 206 «О жалобе Маркова Андрея Павловича, депутата Государственной думы Совета Федерации РФ, на серию публикаций на сайте газеты “Экономика Черноземья и жизнь регионов”»	89
Док. 8а. Мнение эксперта Ольги Матвеевой, о публикациях в еженедельнике «Экономика Черноземья и жизнь регионов» в связи с жалобой депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Маркова Андрея Павловича	99
Док. 9. Решение № 207 «О жалобе Ягубьянца Андроника Арамовича в связи с опубликованием на YouTube-канале “Журналистские расследования Евгения Михайлова” выпусков “Они не кавказцы”»	111
Док. 9а. Мнение эксперта Г. В. Лазутиной по результатам рассмотрения видеосюжетов Евгения Михайлова «Они не кавказцы», «Дiaspora, Цапки и Логвиненко», «Карабахские концепции преступного мира»	119

Док. 10. Решение № 208 «О жалобе Зиберт Светланы Александровны на материал “Под знаком зверя”, опубликованный в № 1 (201) журнала “Охота и рыбалка. XXI век” за 2020 г. и размещённый на общедоступном сайте “Охотники.ру”	127
Док. 10а. Мнение эксперта С. К. Шайхитдиновой о публикации «Под знаком зверя» в журнале «Охота и рыбалка»	135
Док. 11. Решение № 209 «О жалобах Прудниковой Ирины Анатольевны, Мукмановой Тамары Владимировны, Шлотской Елены Анатольевны, Жигит Ольги Валентиновны, Андина Александра Николаевича на специальный репортаж “Деньги в клетке”, вышедший в эфир на телеканале “Россия 24”	140
Док. 11а. Мнение эксперта С. К. Шайхитдиновой о специальном репортаже «Деньги в клетке» (телеканал «Россия 24»)	149
Док. 12. Решение № 210 «О жалобе Верухиной Елены Игоревны, представляющей религиозную группу “Московская саентологическая церковь”, на повторные публикации телекомпанией “Россия 24” телевизионного сюжета “Расследование Эдуарда Петрова. Формула успешного обмана”»	157
Док. 12а. Мнение эксперта К. А. Назаретян о программе «Расследование Эдуарда Петрова. Формула успешного обмана»	163
Док. 13. Решение № 211 «О жалобе Воронцовой Елены Вячеславовны в связи с публикацией на сайте сетевого издания “Онлайн-47.ру” (online47.ru) и размещением на сайте ivbg.ru “Новости Ленинградской области” материалов “Десяткино 2.0 достроят не скоро, но обязательно и по закону. Дольщики хотят наоборот”»	170
Док. 14. Решение № 212 «О жалобе АНО “Центр защиты материнства и детства “Тёплый дом на горе”” на сетевое издание “Даптар” и журналиста Светлану Анохину в связи с публикацией серии материалов “Холодный “Тёплый дом на горе””»	178
Док. 14а. Мнение эксперта С. К. Шайхитдиновой о серии публикаций «Холодный “Тёплый дом на горе”»	185
Док. 15. Решение № 213 «О жалобе ООО “Газпром газораспределение Томск” на газету “Томская НЕДЕЛЯ” в связи с публикацией серии материалов в 2017–2020 гг.»	191
Док. 15а. Мнение эксперта С. К. Шайхитдиновой о ряде публикаций в газете «Томская НЕДЕЛЯ»	198
Док. 16. Решение № 214 «О жалобе Кривошеева А. Ю. на информационное агентство “Интерфакс” в связи с публикацией материала “В Генпрокуратуре связали увеличение выявленных экстремистских преступлений в РФ со “Свидетелями Иеговы””»	206
Док. 17. Решение № 215 «О жалобе Кривошеева А. Ю. на телеканал “Сургут 24” в связи с публикацией видеосюжета “Сургутские следователи попали под американские санкции”»	212
РАЗДЕЛ 2. РЕШЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ КОЛЛЕГИЙ	214
Док. 1. Решение № 2 «О жалобе Судоса Максима Алексеевича на тележурналиста, сотрудника алтайского телеканала “Катунь 24” Ганова Константина в связи с обнародованием информационного сюжета (репортаж о дольщиках дома по адресу: г. Барнаул, пр. Ленина, 195А)	216
Док. 1а. Мнение эксперта Валентины Дмитриевны Мансуровой о репортаже о дольщиках дома по адресу: г. Барнаул, пр. Ленина, 195А	220
Док. 1б. Мнение эксперта Ольги Николаевны Матвеевой в связи с жалобой Максима Алексеевича Судоса на сюжет телеканала «Катунь 24»	224
Док. 2. Решение № 4 «О жалобе Регины Чибриковой на материал “Житель Кайбицкого района зарезал мужчину из-за ревности к своей сожительнице”, размещённом в Интернете, а также распространённом в виде новостного телевизионного сюжета в программе “Татарстан 24” 07.11.2019 г.»	231
РАЗДЕЛ 3. НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ КОЛЛЕГИИ	236
РАЗДЕЛ 4. ИННОВАЦИОННЫЕ НАРАБОТКИ ПРОЕКТА	292

4.1. НАПРАВЛЕНИЕ I. РАЗРАБОТКА ПРОЕКТА СПЕЦИАЛЬНЫХ (МОРАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ) РЕКОМЕНДАЦИЙ ДЛЯ БЛОГЕРОВ	296
4.2. НАПРАВЛЕНИЕ II. МЕДИАЭТИЧЕСКАЯ МЕДИАЦИЯ	336
РАЗДЕЛ 5. СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ	355
5.1. СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ	356
5.2. НОРМАТИВНЫЕ И ОРИЕНТИРУЮЩИЕ ДОКУМЕНТЫ КОЛЛЕГИИ	366
5.2.1. ДОКУМЕНТ «К УЧЁТУ»	389
5.3. НОРМАТИВНО-ОРИЕНТИРУЮЩИЕ ДОКУМЕНТЫ	389
5.4. ДОКУМЕНТЫ СЕТИ ОРГАНИЗАЦИЙ МЕДИЙНОГО САМОРЕГУЛИРОВАНИЯ (СОМС)	402
5.5. ДОКУМЕНТ «К СВЕДЕНИЮ»	407

Настольная книга по медийному саморегулированию

Выпуск 10

**ОТ «ТРЕТЬЕЙ» КОЛЛЕГИИ К «ЧЕТВЕРТОЙ».
ОБНОВЛЕНИЕ ЗАДАЧ. НЕИЗМЕННОСТЬ ЦЕЛЕЙ И ЦЕННОСТЕЙ**

Подписано в печать 10.09.2019. Формат 60x90 1/16
Бумага мелованная. Печать офсетная.
Объём 24,19 п. л. Тираж 200 экз. Заказ No 5

Издательство «Мозартика».
109652, ул. Поречная, 17/22
Тел.: 8 (985) 296-25-08
www.unipublish.ru